ВОСПОМИНАНІЯ

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

ГРАФА ДМИТРІЯ АЛЕКСѢЕВИЧА

МИЛЮТИНА.

ТОМЪ I.

Книга 1, 2, 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ЗАСЛУЖЕННАГО ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ,
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА Г. Г. ХРИСТІАНИ.

ИЗДАНІЕ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ.

ТОМСКЪ.
1919.

Типографія Военной Академіи. Томскъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . 1—XIII
Отъ редактора . . . . . XIV—XVI
Предварительное объясненіе . . . . . XVI—XXVII

КНИГА 1.

Въ домѣ родительскомъ. 1816—1832.

Родители и родня . . . . . 3—14
Годы дѣтства. 1816—1827 . . . . . 15—39
Годы юности. 1827—1832 . . . . . 40—76

Первыя шесть лѣтъ службы въ Петербургѣ. 1833—1839.

Въ гвардейской артиллеріи. 1833—1835 . . . . . 79—114
Въ военной академіи. 1835—1836 . . . . . 115—132
Въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ. 1836—1839 . . . . . 133—167

КНИГА 2.

Годъ на Кавказѣ. 1839—1840.

Въ дорогѣ . . . . . 171—180
Набѣгъ въ Ичкерію . . . . . 181—191
Наступательное движеніе къ Ахульго . . . . . 192—205
Ахульго . . . . . 206—241
Эпилогъ экспедиціи . . . . . 242—251
Тифлисъ и Ставрополь . . . . . 252—262
Семья. Возвращеніе въ Петербургъ . . . . . 263—270

Приложенія къ воспоминаніямъ о Кавказѣ за 1839—1840 годы.

Поясненіе приложенной карты А . . . . . 272—286
О набѣгахъ и хищничествахъ кавказскихъ горцевъ . . . . . 287—297
Въ промежуткѣ двухъ дальнихъ странствованій. 1840 . . . . . 301—310

КНИГА 3.

Путешествіе за границу. 1840—1841.

Германія . . . . . 313—330
Италія . . . . . 331—351
Франція . . . . . 352—362
Англія . . . . . 363—370
Бельгія и Голландія . . . . . 371—380
На Рейнѣ . . . . . 381—387
Швейцарія и сѣверная Италія . . . . . 388—398
Придунайскія страны . . . . . 399—407
Возвращеніе во свояси . . . . . 408—415
На распутьѣ. 1841—1843 . . . . . 419—435

ПРЕДИСЛОВІЕ.

30 ноября 1911 года былъ рѣдкій, вѣрнѣе даже единственный день въ жизни ИМПЕРАТОРСКОЙ Николаевской Военной Академіи; въ этотъ день исполнилось 75 лѣтъ со дня окончанія академическаго курса ея славнымъ питомцемъ графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ. 75 лѣтъ! Какой рѣдкій юбилей въ жизни не только отдѣльнаго человѣка, но и цѣлаго учрежденія. Для принесенія поздравленій своему почетному президенту была командирована отъ Академіи въ Симеизъ, на южный берегъ Крыма, гдѣ скромно проживалъ фельдмаршалъ, особая депутація, состоявшая изъ Начальника Академіи, Генералъ-лейтенанта Щербачева, и двухъ ординарныхъ профессоровъ Генералъ-маіора Христіани и полковника Баіова. Депутація была принята графомъ Д. А. Милютинымъ въ самый день юбилея 30-го ноября въ 4 часа дня.

Не успѣла депутація войти въ небольшую гостиную, не успѣла осмотрѣться, какъ изъ двери кабинета быстрою, бодрою походкою, безъ палки, немного лишь согнувшись, вышелъ графъ. Съ замѣчательно привѣтливою улыбкою, съ рѣдкимъ радушіемъ пожалъ онъ руки членамъ депутаціи, извинившись за свой костюмъ, состоявшій изъ тужурки стараго Александровскаго покроя, т. е. длиннаго, двубортнаго полупальто съ отложнымъ воротникомъ и съ клапаномъ сзади, и сказавъ, что надѣваніе мундира или сюртука для него очень затруднительно. Какъ-бы оправдываясь, онъ говорилъ, что считаетъ представителей Академіи за своихъ родныхъ, близкихъ, почему и позволилъ себѣ выйти въ тужуркѣ. Депутація была поражена его внѣшнимъ видомъ: бодрый, веселый, съ быстрыми движеніями, съ свѣтлымъ, яснымъ взглядомъ своихъ необыкновенно добрыхъ глазъ, онъ казался старикомъ лѣтъ 70—75, не болѣе, т. е. лѣтъ на 20 моложе дѣйствительнаго своего возраста.

Посадивъ депутацію противъ себя, онъ снова извинившись, что по старости лѣтъ не можетъ стоять, просилъ прочитать адресъ сидя.

Слушая его съ большимъ вниманіемъ, онъ, видимо, волновался, часто одобрительно кивалъ головою, быстро проводя рукою по лицу при особенно лестныхъ для него словахъ адреса. По окончаніи чтенія графъ всталъ и, горячо пожимая руки членамъ депутаціи, благодарилъ въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, говоря, что заслуги его адресомъ преувеличены, что онъ далеко не заслужилъ столь лестной оцѣнки его дѣятельности. Графъ почти цѣлый часъ бесѣдовалъ съ депутаціею, затрогивая самые различные вопросы. Нужно было видѣть съ какимъ чувствомъ, съ какою любовью говорилъ онъ объ Академіи; говорилъ, что значеніе Академіи столь велико, что на нее нельзя жалѣть денегъ, и что при нашемъ колоссальномъ современномъ военномъ бюджетѣ средства для необходимаго расширенія Академіи всегда должны найтись. Въ виду громадныхъ требованій, предъявляемыхъ нынѣ къ научной подготовкѣ офицеровъ Генеральнаго штаба, графъ высказалъ мысль о трудности и, вѣрнѣе, даже невозможности уложить преподаваніе обширныхъ академическихъ курсовъ въ два года, о крайней необходимости по причинѣ сего созданія третьяго теоретическаго курса при одномъ, слѣдовательно, практическомъ дополнительномъ курсѣ, т. е. о расширеніи академическаго преподаванія на 4 года. Говорилъ графъ и о преподаваніи своего родного предмета—военной статистики, которую онъ читалъ еще въ серединѣ прошлаго вѣка, которую онъ, по всей справедливости, создалъ, и которой былъ затѣмъ самымъ блестящимъ представителемъ. Будучи, кромѣ сего, выдающимся историкомъ, онъ затронулъ вопросъ и о значеніи и о преподаваніи военной исторіи и исторіи военнаго искусства, этихъ основныхъ предметовъ академическаго преподаванія. Высказавъ затѣмъ свой взглядъ на многіе текущіе вопросы, Дмитрій Алексѣевичъ вспоминалъ имена дѣятелей какъ своего, такъ и позднѣйшаго времени, выказавъ удивительную, свѣжую память.

Нѣсколько разъ члены депутаціи дѣлали попытки встать, дабы не очень утомить гостепріимнаго хозяина, но всякій разъ графъ начиналъ говорить съ еще большимъ оживленіемъ, какъ-бы не желая прощаться съ депутаціею. Наконецъ, послѣ почти часовой аудіенціи графъ нехотя отпустилъ депутацію, но передъ окончательнымъ прощаніемъ, какъ-бы предчувствуя свою близкую кончину, онъ ввелъ депутацію въ свой кабинетъ, остановился у письменнаго стола, еще разъ высказалъ искреннюю благодарность за привѣтъ, и сказалъ въ заключеніе, что въ виду того вниманія, которое неизмѣнно оказывала ему Академія, выразившагося и въ этотъ разъ въ пріѣздѣ де-

путаціи изъ далекаго Петербурга, онъ хотѣлъ-бы, чтобы связь его съ Академіею была еще прочнѣе, чтобы связь эта не была нарушена даже его смертью. Для осуществленія такого пожеланія онъ просилъ бы принять въ стѣны Академіи его библіотеку, его скромный, небольшой архивъ, прибавивъ, что его дочери—его наслѣдницы—знаютъ о таковой его волѣ.

«Мнѣ очень-бы хотѣлось, сказалъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ, чтобы послѣ моей смерти пріѣхалъ кто нибудь изъ профессоровъ Академіи помочь дочерямъ моимъ въ разборѣ библіотеки и архива, и взялъ-бы въ Академію, на память объ ея почетномъ президентѣ, все то, чего у нея нѣтъ, все то, что признано будетъ для Академіи полезнымъ и интереснымъ».

Графъ сильно волновался, говорилъ стоя, и на прощанье еще разъ въ самыхъ трогательныхъ словахъ высказалъ свою искреннюю благодарность за пріѣздъ, за привѣтъ, изложенный въ столь лестныхъ для него выраженіяхъ.

Членовъ депутаціи поразили ясность ума графа, его правильные взгляды какъ на давно прошедшія, такъ и на настоящія событія, его интересъ положительно ко всѣмъ явленіямъ современной жизни, его необыкновенная память, позволявшая ему такъ здраво говорить и судить какъ о лицахъ и дѣлахъ давно прошедшихъ, такъ и о событіяхъ ближайшей намъ эпохи. По всѣмъ вопросамъ Дмитрій Алексѣевичъ составилъ свое мнѣніе, высказываемое имъ ясно, точно, кратко, опредѣленно, какъ высказывалъ онъ его всегда въ лучшіе годы своей жизни, во времена своей кипучей государственной дѣятельности.

Въ виду той обстановки, при которой было высказано графомъ его пожеланіе о передачѣ Академіи послѣ его смерти всей обширной его библіотеки, всего архива, и всего того, что окажется для Академіи полезнымъ и интереснымъ, депутація рѣшила не оглашать этого до смерти Дмитрія Алексѣевича. Къ сожалѣнію, возможность подѣлиться съ товарищами разсказомъ о щедромъ дарѣ Академіи явилась слишкомъ скоро, слишкомъ неожиданно, такъ какъ почти ровно черезъ два мѣсяца послѣ поѣздки депутаціи въ Симеизъ пришло печальное извѣстіе о кончинѣ графа Дмитрія Алексѣевича и его супруги.

Для участія во всѣхъ церемоніяхъ по перевезенію тѣла почившаго фельдмаршала изъ Крыма въ Москву и по погребенію въ Москвѣ была командирована депутація отъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Николаевской

Военной Академіи въ составѣ Начальника Академіи Генералъ-лейтенанта Щербачева и трехъ ординарныхъ профессоровъ Генералъ-маіоровъ Христіани и Баіова и полковника Юнакова. Депутація прибыла въ Симеизъ какъ разъ въ то время, когда печальная процессія съ тѣломъ графа Дмитрія Алексѣевича слѣдовала изъ Симеизскаго его дома въ Алупкинскую церковь, гдѣ была отслужена торжественная всенощная, во время которой депутація возложила вѣнокъ отъ Академіи на гробъ своего почившаго почетнаго президента. Послѣ всенощной депутація была приглашена дочерьми графа къ ужину, передъ которымъ ей было предложено хотя-бы въ общихъ чертахъ познакомиться съ пожеланіями покойнаго, выраженными въ нѣсколькихъ письмахъ на имя дѣтей. По прочтеніи этихъ документовъ члены депутаціи утвердились въ своемъ убѣжденіи, что вся обширная библіотека, весь архивъ, интереснѣйшія, конечно, «Воспоминанія» и «Дневникъ» графа должны быть переданы Академіи, какъ и говорилъ о томъ самъ покойный академической депутаціи 30 ноября 1911 года. Бѣглое знакомство съ пожеланіями покойнаго закончилось заявленіемъ наслѣдницъ—дочерей Дмитрія Алексѣевича, что воля отца имъ извѣстна и священна, почему онѣ и окажутъ Академіи полное содѣйствіе въ полученіи ею всего завѣщаннаго. Тогда-же было примѣрно опредѣлено и время наиболѣе удобное для дочерей покойнаго, когда комиссія изъ профессоровъ Академіи могла-бы прибыть въ Симеизъ для разбора библіотеки и архива графа Дмитрія Алексѣевича, для упаковки ихъ, и для отправки изъ Симеиза въ Петербургъ въ Академію.

Согласно сказанному комиссія подъ предсѣдательствомъ Начальника Академіи Генералъ-лейтенанта Щербачева въ составѣ трехъ ординарныхъ профессоровъ, Генералъ-маіоровъ Христіани и Баіова и полковника Юнакова, прибыла въ Крымъ 6 марта 1912 года, была помѣщена новыми хозяевами Симеиза, дочерьми усопшаго фельдмаршала, въ самомъ домѣ графа, и окружена такою ласкою и вниманіемъ любезныхъ и гостепріимныхъ хозяекъ, что работа пошла успѣшно и быстро, и скоро весь огромный книжный матеріалъ, весь архивъ графа были разобраны, упакованы и приготовлены къ отправкѣ изъ благодатнаго Крыма въ далекій, холодный Петербургъ.

Кабинетъ—библіотека графа Милютина помѣщался въ первомъ этажѣ дома, два окна его выходили на террасу, съ которой открывался чудный видъ на Черное море, на весь Симеизъ, на красивыя, причудливыя скалы «Диву» и «Монаха». Одна дверь вела въ неболь-

шую гостиную, а другая—въ крошечную спальню Дмитрія Алексѣевича, тоже всю сплошь заставленную книгами. Всѣ стѣны кабинета были обращены въ открытые шкафы, причемъ полками заполнены были даже всѣ простѣнки какъ надъ дверями кабинета, такъ и подъ подоконниками. Книги на полкахъ стояли въ два и даже въ три ряда, но каждый задній рядъ настолько возвышался надъ переднимъ, что можно было свободно читать вытѣсненныя на корешкахъ названія книгъ во всѣхъ рядахъ каждой полки. Все было въ замѣчательномъ, образцовомъ порядкѣ. Въ передней части кабинета, ближе къ окнамъ, посреди комнаты, стоялъ большой, простой, безъ всякихъ вычурностей письменный столъ графа съ многими выдвигавшимися во всѣ стороны ящиками. Глазъ поражала масса всевозможныхъ, самыхъ разнокалиберныхъ лупъ, которыя лежали какъ на самомъ столѣ, такъ и въ его многочисленныхъ ящикахъ, что объясняется, конечно, тѣмъ, что по мѣрѣ ослабленія зрѣнія графъ заводилъ все новыя и новыя лупы, будучи въ состояніи въ послѣдніе два года своей жизни читать и писать не иначе, какъ съ помощью очень сильныхъ лупъ. Простая чернильница, чудный барометръ, нѣсколько линеекъ, большой ассортиментъ различныхъ карандашей, перьевъ и очень хорошій портретъ покойнаго сына, бывшаго курскаго губернатора, въ довольно скромной рамкѣ—вотъ и все убранство этого завѣтнаго стола, на которомъ писались «Воспоминанія» и «Дневникъ» графа—эти замѣчательные, полные захватывающаго интереса мемуары Дмитрія Алексѣевича. Посреди-же кабинета, вправо отъ письменнаго стола помѣщалась низкая оттоманка—тахта, на которой любилъ отдыхать графъ, читая газеты и различные журналы. Въ глубинѣ кабинета помѣщалась большая этажерка для раскладыванія географическихъ картъ, атласовъ, плановъ, которыхъ у графа была цѣлая куча. На верхней полкѣ этажерки стоялъ портретъ бывшаго ИМПЕРАТОРА Николая II, а въ простѣнкѣ между двухъ оконъ витрина съ величайшею, можно сказать, святынею графа Дмитрія Алексѣевича, именно съ артиллерійскимъ мундиромъ ИМПЕРАТОРА Александра II. Мундиръ этотъ (1-ой гвард. артиллерійской бригады), отлично сохранившійся, даже съ довольно свѣжимъ еще шитьемъ, былъ подаренъ графу ИМПЕРАТОРОМЪ Александромъ III на память о томъ, кому графъ служилъ такъ честно, такъ самоотверженно. Надъ витриною, въ единственномъ не заполненномъ книжными полками простѣнкѣ, висѣлъ прекрасный портретъ Царя Освободителя, и подъ нимъ исполненный въ краскахъ видъ его кабинета въ Зимнемъ дворцѣ, того самаго кабинета,

въ которомъ покойный графъ Дмитрій Алексѣевичъ привыкъ въ продолженіи многихъ лѣтъ своей выдающейся службы дѣлать доклады ГОСУДАРЮ, благосклонно выслушивавшему ихъ съ неизмѣннымъ вниманіемъ и довѣріемъ.

Всюду царили строгость, рѣдкій порядокъ, педантичная аккуратность. На этажеркѣ-же стоялъ особый ящикъ съ карточнымъ каталогомъ. Каталогъ составлялся самимъ графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ при дѣятельной помощи его замѣчательной, неутомимой сотрудницы—дочери, графини Ольги Дмитріевны, которая съ чувствомъ особенной любви и уваженія, съ чувствомъ, можно сказать, прямо таки благоговѣнія относилась къ кабинету—библіотекѣ своего знаменитаго родителя.

Дверь въ глубинѣ кабинета вела въ спальню графа, комнату очень не большую, снизу доверху уставленную тоже книгами. Въ углу стояла самая скромная, довольно короткая и узкая, покрытая бѣлымъ покрываломъ кровать графа, и около кровати—большое кресло, а въ узкомъ простѣнкѣ между двухъ оконъ—небольшой письменный столикъ, за которымъ покойный фельдмаршалъ тоже часто и много работалъ, и передъ которымъ, равно какъ и около кровати, висѣли портреты какъ близкихъ его родственниковъ и друзей, такъ и нѣкоторыхъ изъ его, видимо, наиболѣе любимыхъ сослуживцевъ и подчиненныхъ. На столѣ стояла самая простая чернильница, небольшая керосиновая лампа, старинный подсвѣчникъ въ четыре свѣчи подъ абажуромъ и лежали опять-таки многочисленныя лупы, карандаши и перья. Въ углу, противоположномъ кровати, на особой подставкѣ висѣла большая карта Европейской Россіи, которая скрывала отъ постороннихъ взоровъ помѣщавшійся за нею крайне небольшой, простой, неокрашенный, деревянный столикъ со стоявшими на немъ кувшинами для воды, лоханкою, однимъ—двумя стаканами, мыльницею и самымъ скромнымъ ассортиментомъ туалетныхъ принадлежностей. Около умывальника за тою-же картою висѣло на стѣнѣ пальто и двѣ тужурки стараго, александровскаго покроя. Нѣсколько группъ въ довольно роскошныхъ рамкахъ, преподнесенныхъ 121-мъ пѣх. Пензенскимъ полкомъ своему шефу и Военно-юридическою Академіею своему почетному президенту, дополняли убранство этой маленькой спальни, въ которой тихо отошелъ въ вѣчность великій старецъ, послѣ почти вѣковой, столь плодотворно прожитой имъ земной жизни.

Пріѣздъ комиссіи въ Симеизъ начался съ детальнаго ознакомленія съ пожеланіями, съ оставшимися по этому вопросу бумагами покойнаго, съ которыми члены комиссіи въ дни печальныхъ январскихъ церемоній по перевезенію и погребенію тѣла графа познакомились лишь бѣгло. Подробное изученіе всѣхъ оставшихся документовъ привело къ окончательному заключенію, что вся библіотека, весь архивъ завѣщаны графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Академіи, которой предоставлено также и право изданія, по соглашенію съ дочерьми графа, его въ высшей степени интересныхъ мемуаровъ, раздѣленныхъ какъ-бы на два большихъ отдѣла, изъ коихъ отдѣлъ первый названъ самимъ графомъ «Воспоминаніями», а отдѣлъ второй—«Дневникомъ». «Воспоминанія» обнимаютъ періодъ времени съ дѣтства Дмитрія Алексѣевича до начала 1873 года, а «Дневникъ»—время съ 1873 по 1899 годъ включительно.

Библіотека графа оказалась чрезвычайно обширною, заключающею въ себѣ примѣрно до 15.000 томовъ самыхъ различныхъ изданій, начиная съ скромныхъ, недорогихъ, маленькихъ книжечекъ и кончая роскошными изданіями, составляющими въ настоящее время библіографическую рѣдкость и имѣющими, слѣдовательно, громадную цѣнность. Основаніемъ обширной библіотеки покойнаго послужила библіотека извѣстнаго государственнаго дѣятеля графа Павла Дмитріевича Киселева, приходившагося роднымъ дядею графу Дмитрію Алексѣевичу, мать котораго была родною сестрою Павла Дмитріевича Киселева. По смерти Киселева весьма цѣнная библіотека его перешла въ руки графа Милютина.

Самымъ богатымъ отдѣломъ библіотеки оказался отдѣлъ исторической и военно-исторической, составлявшій примѣрно нѣсколько болѣе половины всей библіотеки и заключавшій въ себѣ много сочиненій рѣдкой цѣнности, давно исчезнувшихъ съ книжнаго рынка и составляющихъ въ наше время библіографическую рѣдкость. Отдѣлъ военно-статистической и географической не менѣе замѣчателенъ. Какихъ только интересныхъ изданій, какихъ рѣдкихъ, какихъ цѣнныхъ картъ и плановъ въ немъ не было!

И все это было разставлено въ удивительномъ порядкѣ, въ строгой системѣ, такъ что разборъ библіотеки не представилъ положительно никакой трудности. Въ военно-статистическомъ отдѣлѣ нашлось полное изданіе знаменитаго сочиненія Дмитрія Алексѣевича, его „Первыхъ опытовъ военной статистики» 1847 года, не имѣющагося въ настоящее время въ продажѣ даже у заграничныхъ букинистовъ.

Затѣмъ въ библіотекѣ нашлись академическія записки Милютина, какъ профессора, его лекціи по военной статистикѣ, записки рѣдкой цѣнности, никогда не печатавшіяся и въ Академіи не имѣвшіяся.

Беллетристикѣ было отведено тоже свое мѣсто въ библіотекѣ; этотъ отдѣлъ оставленъ комиссіею почти полностью для учреждаемой въ Симеизѣ санаторіи, какъ того и желалъ покойный. Наконецъ, нельзя не упомянуть длиннаго ряда дорогихъ энциклопедій, различныхъ справочныхъ, періодическихъ, крайне интересныхъ энциклопедическихъ изданій рѣдкой опять таки цѣнности, и стройнаго ряда книгъ богатѣйшаго отдѣла путешествій, съ несмѣтнымъ количествомъ дорогихъ гравюръ, картинъ, фотографій.

Другимъ отдѣломъ наслѣдства графа является его «архивъ», конечно, не менѣе интересный, чѣмъ его обширная библіотека. Нужно удивляться, что человѣкъ чуть-ли не съ 20-ти лѣтняго возраста сохранялъ не только почти всю служебную, но и частную переписку, какъ бы предчувствуя, что каждая его строка явится достояніемъ исторіи, каждая записочка будетъ оцѣнена потомствомъ. Архивъ сгруппированъ по періодамъ, причемъ въ каждомъ періодѣ документы раздѣлены, съ своей стороны, на нѣсколько отдѣловъ, какъ-то: отдѣлъ служебный, отдѣлъ оффиціальный, отдѣлъ частной переписки, отдѣлъ частныхъ телеграммъ и т. под. Какое несмѣтное сокровище для оцѣнки покойнаго, какъ человѣка и какъ государственнаго дѣятеля, представляетъ собою этотъ удивительно интересный архивъ! Въ немъ сосредоточено громадное количество докладныхъ записокъ Дмитрія Алексѣевича ИМПЕРАТОРУ Александру II по должности Военнаго Министра. Какъ просто сносились между собою эти двѣ крупныя историческія личности! Съ какимъ довѣріемъ, съ какою любовью писалъ всесильный Монархъ своему скромному министру, и съ какою рѣдкою простотою и откровенностью докладывалъ поэтому послѣдній своему ИМПЕРАТОРУ, чистосердечно сознавая нерѣдко и свои неизбѣжныя въ такомъ крупномъ дѣлѣ ошибки.

На ряду съ перепискою съ ИМПЕРАТОРОМЪ Александромъ II находится и довольно обширная и крайне интересная переписка съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, будущимъ ИМПЕРАТОРОМЪ Александромъ III, а также со всѣми почти великими князьями и княгинями и со многими современными ему сановниками.

Архивъ представляетъ собою выдающійся историческій интересъ и весь цѣликомъ будетъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе послѣ окончанія изданія «Воспоминаній» и «Дневника».

Громадный интересъ сосредоточивается около такъ называемыхъ «Мемуаровъ» Милютина. Создалась даже легенда, что графъ Дмитрій Алексѣевичъ занятъ былъ писаніемъ исторіи царствованія ИМПЕРАТОРА Александра II, или, какъ передавали многіе, будто-бы самъ графъ говорилъ не разъ, что «я пишу исторію царствованія моего ИМПЕРАТОРА». Никакой исторіи Милютинъ не писалъ, и по очень простой причинѣ, что писать исторію, не имѣя подъ руками архивнаго матеріала, невозможно, всякое такое писаніе будетъ не «исторіею», а только лишь «мемуарами, воспоминаніями». Таковыхъ «Мемуаровъ» и осталось послѣ смерти графа 32 тома. Подъ большимъ письменнымъ столомъ его рѣдкаго кабинета стояли два ящика, въ одномъ изъ которыхъ былъ уложенъ черновой экземпляръ «Воспоминаній» и «Дневника», писанный рукою самаго графа и полный различныхъ исправленій и добавленій, а въ другомъ—экземпляръ чистовой, переписанный подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, имъ самимъ исправленный и вполнѣ подготовленный къ печати. Для удостовѣренія подлинности этого второго, чистового экземпляра онъ подписанъ всѣми тремя оставшимися въ живыхъ дочерьми покойнаго—княгинею Елизаветою Дмитріевною Шаховскою, графинею Ольгою Дмитріевною Милютиною и княгинею Надеждою Дмитріевною Долгорукою.

Согласно волѣ Дмитрія Алексѣевича право изданія его «Воспоминаній» и «Дневника» принадлежитъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Николаевской Военной Академіи, нынѣ Всероссійской Академіи Генеральнаго Штаба. По поводу печатанія «Воспоминаній» и «Дневника» графомъ выражено было лишь одно категорическое требованіе, чтобы мемуары его ни въ коемъ случаѣ не переиначивались, не передѣлывались, все-же то, что по цензурнымъ правиламъ оказалось-бы для печати неудобнымъ, выпускалось бы цѣликомъ, цѣлыми періодами.

Къ концу 1912 года все имущество графа Дмитрія Алексѣевича было окончательно водворено въ стѣнахъ Академіи, причемъ въ одной изъ залъ Академіи, наименованной «музеемъ графа Милютина», было сосредоточено все: и его богатѣйшая библіотека, размѣщенная по шкафамъ въ томъ по возможности порядкѣ, какъ она стояла у Дмитрія Алексѣевича въ Симеизѣ, и всѣ его безчисленныя регаліи, возглавляемыя фельдмаршальскимъ жезломъ, и его письменный столъ, и почти вся обстановка его Симеизскаго кабинета, разставленная опять-таки по возможности въ томъ порядкѣ, какъ она стояла въ далекомъ Крыму, и наконецъ всѣ тѣ предметы обычнаго,

домашняго обихода, которые дочерямъ его угодно было любезно передать Академіи.

Такимъ образомъ къ началу 1913 года часть завѣщанія покойнаго почетнаго президента Академіи была выполнена, оставалось осуществить слѣдующую часть его—приступить къ изданію сначала «Воспоминаній» и «Дневника», а затѣмъ и архива и всѣхъ вообще переданныхъ въ Академію документовъ. Печатаніе мемуаровъ не было ограничено покойнымъ никакимъ срокомъ, дочери-же Дмитрія Алексѣевича не разъ выражали свое желаніе, чтобы мемуары ихъ отца были напечатаны возможно скорѣе, что вполнѣ совпадало и съ намѣреніями Академіи, которая разсчитывала изданіемъ «Воспоминаній» разсѣять тѣ неблагопріятныя для памяти Дмитрія Алексѣевича инсинуаціи, которыя по совершенно непонятнымъ для Академіи побужденіямъ плелись въ послѣднее передъ войною время нѣкоторымъ сортомъ печати вокругъ свѣтлаго имени Милютина.

Съ другой стороны приходилось подумать и о цензурѣ, и не столько о цензурѣ общей, какъ о цензурѣ Министерства Двора, цензурѣ придворной, иногда очень строгой и безпощадной. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ былъ слишкомъ близокъ ко Двору, слишкомъ любимъ и уважаемъ ИМПЕРАТОРОМЪ Александромъ II, который считалъ его не только Министромъ, но и своимъ человѣкомъ, которому извѣстны были не только дѣла Государственныя, но и дѣла Царской семьи, по которымъ ИМПЕРАТОРЪ не разъ совѣтывался со своимъ любимымъ Министромъ. Вотъ причина, почему избѣжать придворной цензуры не представлялось никакой возможности, а цензура эта могла наложить свое безпощадное veto именно на наиболѣе интересныя части мемуаровъ, касающіяся напр. Русско-Турецкой войны 1877—1878 годовъ, первыхъ мѣсяцевъ царствованія ИМПЕРАТОРА Александра III, и т. под. Вновь назначенный въ началѣ 1913 года Начальникомъ Академіи Генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Янушкевичъ принялъ горячо къ сердцу все это дѣло и направилъ всѣ старанія къ тому, чтобы, при невозможности совершенно избѣжать придворной цензуры, вызвать съ ея стороны наиболѣе благожелательное къ печатанію мемуаровъ отношеніе, особенно въ виду того категорическаго требованія, которое было выражено покойнымъ—не выбрасывать изъ его рукописей отдѣльныхъ словъ, фразъ и страницъ, а если выпускать что-либо по требованію цензуры, то выпускать цѣлыми главами, цѣлыми періодами. Такимъ образомъ, въ случаѣ чрезмѣрной строгости цензуры, могла явиться обидная необ-

ходимость исключенія изъ мемуаровъ при ихъ печатаніи уже не отдѣльныхъ мелочей, не деталей, а именно цѣлыхъ отдѣловъ, цѣлыхъ историческихъ эпохъ.

Наконецъ весною 1914 года старанія Николая Николаевича Янушкевича увѣнчались довольно значительнымъ успѣхомъ. Въ концѣ лѣта 1914 года предполагалось ВЫСОЧАЙШЕЕ путешествіе въ Крымъ, въ Ливадію, гдѣ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, пользуясь относительнымъ досугомъ, любилъ читать, и дѣйствительно много читалъ, что доставляло ему, въ связи съ чудною природою южнаго берега Крыма, значительный отдыхъ отъ многосложныхъ, серьезнѣйшихъ Государственныхъ дѣлъ. Пользуясь личнымъ знакомствомъ и хорошими отношеніями съ многими лицами ближайшей Государевой свиты, постоянными спутниками ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ путешествіяхъ, Николаю Николаевичу Янушкевичу удалось получить отъ нихъ обѣщаніе заинтересовать ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО въ этомъ дѣлѣ, поближе познакомить ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА съ завѣщаніемъ графа Дмитрія Алексѣевича, съ его «Воспоминаніями» и «Дневникомъ», и получить согласіе ГОСУДАРЯ лично прочесть за время пребыванія въ Ливадіи нѣкоторые отдѣлы какъ «Воспоминаній», такъ и «Дневника», по выбору или его собственному, или Начальника Академіи.

Такимъ образомъ являлась не только надежда, но почти увѣренность, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, прочтя наиболѣе интересующіе его отдѣлы, разрѣшитъ печатать мемуары уже безъ вмѣшательства придворной цензуры. Въ таковомъ милостивомъ разрѣшеніи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА врядъ-ли приходилось сомнѣваться, съ одной стороны, въ виду крайне снисходительнаго, терпимаго отношенія ГОСУДАРЯ къ чужимъ мыслямъ, къ чужимъ мнѣніямъ, и съ другой—по причинѣ рѣдко безпристрастнаго, правдиваго, спокойнаго изложенія автора. Правда, одна правда, снисхожденіе къ людямъ, снисхожденіе къ недостаткамъ и ошибкамъ другихъ, уваженіе къ чужому мнѣнію, къ чужой работѣ, и обратно, строгое отношеніе къ себѣ, къ своимъ поступкамъ, сознаніе громадной отвѣтственности передъ исторіею и потомствомъ—вотъ чѣмъ проникнута была вся дѣятельность Дмитрія Алексѣевича и чѣмъ пропитаны и всѣ его мемуары.

Между тѣмъ Академія, не выжидая разрѣшенія вопроса о цензурѣ, приступила къ печатанію 1-ой книги «Воспоминаній», заключающей періодъ времени съ 1816 по 1838 годъ включительно (годы дѣтства и юности, въ гвардейской артиллеріи, въ Военной Академіи,

въ Гвардейскомъ Генеральномъ штабѣ). Къ лѣту 1914 года книга эта и была напечатана.

Но вотъ наступилъ роковой Іюль мѣсяцъ 1914 года, когда вспыхнула сначала европейская, а затѣмъ и міровая война, нарушившая конечно все теченіе обыденной, нормальной жизни. Путешествіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Крымъ не состоялось, дѣятельность Академіи прервалась и почти весь ея личный составъ выбылъ изъ Петербурга на театръ военныхъ дѣйствій, получивъ назначенія въ дѣйствующей арміи. Печатаніе «Воспоминаній» тоже само собою должно было временно прекратиться.

Только позднею осенью 1916 года возстановилась, и то лишь частично, дѣятельность Академіи, открылись сокращенные ускоренные курсы, которые пришлось заканчивать спѣшно въ вихрѣ вспыхнувшей въ концѣ февраля мѣсяца 1917 года революціи. Наконецъ октябрскій переворотъ 1917 года нарушилъ окончательно всякую тѣнь правильной жизни государства, и, въ связи съ движеніемъ противника по направленію къ столицѣ, заставилъ ускорить разрѣшеніе вопроса объ эвакуаціи Академіи изъ Петрограда. Весною 1918 года послѣдовала первая эвакуація въ Екатеринбургъ, а въ концѣ лѣта—вторая дальнѣйшая эвакуація изъ Екатеринбурга въ Томскъ, когда приходилось думать уже не о печатаніи «Воспоминаній» и «Дневника» графа Милютина, а о спасеніи ихъ, о благополучной перевозкѣ сначала въ столицу Урала, а затѣмъ и въ центръ умственной жизни Сибири. Академія счастлива тѣмъ, что драгоцѣнные историческіе мемуары ея покойнаго почетнаго президента доставлены въ Томскъ въ цѣлости и полной неприкосновенности, и хранятся нынѣ во временномъ помѣщеніи Академіи въ Томскѣ въ «Домѣ Науки".

Осенью 1918 года, когда окончательно выяснился вопросъ, что дальнѣйшей эвакуаціи Академіи въ ближайшемъ будущемъ не предвидится, что Академія основалась въ Томскѣ довольно прочно, на болѣе или менѣе продолжительное время, въ условіяхъ относительнаго спокойствія и безопасности, возникла мысль и о возможности и необходимости возобновить печатаніе «Воспоминаній» графа Дмитрія Алексѣевича, для изданія коихъ вихремъ революціи создалось одно крайне выгодное условіе—отсутствіе цензуры какъ общей, такъ и въ особенности придворной. Конференція Академіи въ засѣданіи 16/29 октября 1918 года въ Томскѣ въ «Домѣ Науки» постановила

приступить нынѣ-же къ печатанію «Воспоминаній» и «Дневника» графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, возложивъ всѣ работы по редактированію и изданію ихъ на члена конференціи заслуженнаго ординарнаго профессора Генеральнаго штаба Генералъ-лейтенанта Христіани.

Генералъ-лейтенантъ *Христіани.*

Томскъ.
Ноябрь 1918 года.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Занимая въ Академіи каѳедру военной статистики, которую, по всей справедливости, создалъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и блестящимъ представителемъ которой онъ былъ въ продолженіи 11 лѣтъ, и будучи членомъ депутацій, ѣздившихъ въ ноябрѣ 1911 и въ январѣ 1912 года въ Симеизъ, какъ о томъ изложено въ предисловіи, а также членомъ комиссіи по разбору драгоцѣнной библіотеки и архива почившаго нашего почетнаго президента, я проникся къ этой замѣчательно свѣтлой личности особеннымъ уваженіемъ, граничащимъ съ любовью къ памяти этого рѣдкаго, скромнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитаго человѣка, участника почти всѣхъ великихъ реформъ славнаго царствованія Царя Освободителя Александра II. Поэтому я со всею готовностью принялъ возложенное на меня конференціею Академіи почетное порученіе по редактированію и изданію «Воспоминаній» и «Дневника» графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, полныхъ самаго жгучаго, самаго захватывающаго историческаго интереса.

Работа въ значительной степени облегчается тѣмъ, что въ настоящее время является возможность печатать мемуары Дмитрія Алексѣевича полностью, безъ какихъ-либо пропусковъ, а тѣмъ болѣе исправленій, не боясь строгой, и нерѣдко весьма пристрастной цензуры, и памятуя лишь пожеланіе, требованіе, завѣтъ покойнаго ничего не исправлять, не переиначивать, не вычеркивать по мелочамъ, а если нужно, по цензурнымъ правиламъ, то выпускать цѣлыми періодами, цѣлыми главами. Нынѣ редакторъ не сталкивается съ печальною необходимостью производить досадныя купюры, а имѣетъ возможность печатать все цѣликомъ, сохраняя въ полной неприкосновенности всѣ детали, всѣ мелочи рукописи.

Повторяю, что будутъ приложены всѣ старанія къ возможно быстрому и успѣшному при современныхъ трудныхъ условіяхъ типографскаго дѣла печатанію сначала «Воспоминаній», а затѣмъ и «Дневника» покойнаго фельдмаршала.

Всѣ мемуары графа Милютина состоятъ изъ 32 книгъ, причемъ первыя 20 книгъ называются «Воспоминаніями» и заключаютъ періодъ времени отъ дѣтства Дмитрія Алексѣевича до начала 1873 года, т. е. нѣсколько болѣе полустолѣтія (57 лѣтъ), а послѣднія 12, названныя «Дневникомъ», доведены авторомъ до 1 января 1900 года. «Воспоминанія» и «Дневникъ» рѣзко различаются по характеру изложенія. Первыя заключаются въ систематическомъ изложеніи событій, которыя группируются по ихъ внутреннему смыслу, по важности, по значенію, съ подведеніемъ итоговъ, заключеній, выводовъ послѣ каждаго отдѣла, каждаго болѣе или менѣе значительнаго періода времени; «Дневникъ»-же заключаетъ обыкновенную запись событій въ строго хронологическомъ порядкѣ, причемъ, конечно, событіямъ болѣе интереснымъ, болѣе важнымъ отводится и соотвѣтственно болѣе обширное мѣсто.

Всѣ 32 книги мемуаровъ предположено свести въ 10 большихъ томовъ такимъ образомъ, чтобы, не перегружая особенно ни одного тома, придать каждому совершенно законченный характеръ. 20 книгъ «Воспоминаній» предположено свести въ 7 томовъ, по 400—600 страницъ въ каждомъ томѣ, и 12 книгъ «Дневника»—въ 3 тома, по 500—600 страницъ въ каждомъ. Такимъ образомъ всѣ мемуары сведутся въ 10 томовъ, всего примѣрно 5000 большихъ печатныхъ страницъ.

Содержаніе каждаго тома предполагается слѣдующее:

Томъ I (книги 1, 2 и 3 «Воспоминаній»)—дѣтство, юность, начало службы, прохожденіе академическаго курса, служба въ Гвардейскомъ Генеральномъ штабѣ, первое пребываніе на Кавказѣ въ 1839—1840 годахъ, путешествіе за границу въ 1840—1841 годахъ.

Томъ II (книги 4, 5 и 6 «Воспоминаній»)—второе пребываніе на Кавказѣ въ 1843—45 годахъ, служба въ военно-учебномъ вѣдомствѣ въ 1845—1853 годахъ, три года войны 1853—1856 годовъ.

Томъ III (книги 7 и 8 «Воспоминаній»)—третье пребываніе на Кавказѣ въ 1856—1860 годахъ.

Томъ IV (книги 9 [1]), 10 и 11 «Воспоминаній»)—періодъ времени 1860—1861—1862 годовъ.

Томъ V (книги 12, 13 и 14 «Воспоминаній»)—періодъ времени 1863—1864 годовъ.

[1]) Въ заголовкѣ книги 9 значится: «20 лѣтъ во главѣ Военнаго Министерства».

Томъ VI (книги 15, 16 и 17 «Воспоминаній»)—періодъ времени 1865—1866—1867 годовъ.

Томъ VII (книги 18, 19 и 20 «Воспоминаній»)—періодъ времени съ 1868 до начала 1873 года.

Томъ VIII (книги 1, 2, 3 и 4 «Дневника)—періодъ времени съ 1873 по 1878 годъ включительно.

Томъ IX (книги 5, 6, 7 и 8 «Дневника»)—періодъ времени съ 1879 по 1888 годъ включительно.

Томъ X (книги 9, 10, 11 и 12 «Дневника»)—періодъ времени съ 1889 по 1899 годъ включительно.

Какъ видно, «Воспоминанія» и «Дневникъ» графа Милютина обнимаютъ громадный періодъ времени, съ 1816 по 1900 годъ, т. е. почти цѣликомъ весь 19 вѣкъ, являясь драгоцѣннымъ историческимъ матеріаломъ для исторіи какъ этого вѣка вообще, такъ и царствованія ИМПЕРАТОРА Александра II въ особенности.

Генералъ-лейтенантъ *Христіани.*

Томскъ.
Ноябрь 1918 года.

Въ ящикѣ, въ которомъ былъ уложенъ чистовой экземпляръ «Воспоминаній» и «Дневника», оказался большой пакетъ, заключавшій въ себѣ двѣ записки, съ общимъ заголовкомъ «Предварительное объясненіе для читателя, въ руки котораго когда нибудь попадутъ мои записки».

Обѣ записки, писанныя собственною рукою графа Милютина, ниже слѣдуютъ.

Предварительное объясненіе для читателя, въ руки котораго когда нибудь попадутъ мои записки.

Не разъ въ теченіи своей жизни замышлялъ я вести дневникъ, для сохраненія въ памяти всего сколько-нибудь замѣчательнаго, чему приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ, или въ чемъ я самъ былъ участникомъ. Но затѣю эту мнѣ удавалось осуществлять только по временамъ, урывками, при нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ, какъ напримѣръ, во время перваго моего путешествія за границу въ молодыя лѣта (въ 1840 и 1841 гг.); также во время военныхъ экспедицій на Кавказѣ. Послѣ непродолжительнаго опыта я бросалъ работу за недосугомъ, такъ какъ большая часть моей жизни прошла въ напряженныхъ занятіяхъ, то учебныхъ, то служебныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ всегда казалось, что скромное мое существованіе не могло доставлять довольно интереснаго матеріала для постояннаго веденія дневника.

Служебное мое положеніе начало представлять нѣсколько болѣе такого матеріала только со времени Крымской войны и назначенія меня вслѣдъ за тѣмъ на должность Начальника Главнаго штаба Кавказской арміи (въ 1856 г.). Еще болѣе расширился мой кругозоръ съ назначеніемъ Товарищемъ Военнаго Министра и потомъ Министромъ въ 1860 и 1861 годахъ. Но именно эти стадіи моего служебнаго пути и совпадали съ наибольшимъ напряженіемъ обязательной

работы. Какъ во время Крымской войны, когда я неотлучно находился при Военномъ Министрѣ и при самомъ ИМПЕРАТОРѢ Николаѣ I для веденія переписки по военнымъ дѣйствіямъ, такъ и на Кавказѣ, при начатомъ преобразованіи тамошняго мѣстнаго военнаго управленія, а въ особенности въ началѣ управленія Военнымъ Министерствомъ, не было у меня ни минуты свободной, чтобы подумать о дневникѣ, хотя въ эти эпохи мой дневникъ уже могъ-бы имѣть нѣкоторое значеніе, какъ матеріалъ для исторіи.

Только на тринадцатомъ году моего управленія военною частію, въ началѣ 1873 года, рѣшился я приняться за веденіе дневника, не смотря на то, что и въ это время не было у меня болѣе досуга, чѣмъ прежде. Вызвали меня на такое рѣшеніе особыя обстоятельства, сложившіяся весьма невыгодно для дальнѣйшаго веденія дѣла, которому я всецѣло посвятилъ себя. Съ каждымъ днемъ я все болѣе убѣждался, что буду неправъ предъ будущими поколѣніями, если останусь безгласнымъ свидѣтелемъ происходившаго на моихъ глазахъ, отчасти при моемъ участіи. Я счелъ себя обязаннымъ сохранить для будущаго историка тѣ данныя, которыя могутъ пригодиться ему, чтобы разъяснить современныя обстоятельства и обрисовать точнѣе дѣйствующихъ лицъ.

Рѣшающимъ для меня побужденіемъ къ веденію дневника послужили происходившія въ началѣ 1873 года, въ Зимнемъ Дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ самого ИМПЕРАТОРА, секретныя совѣщанія по весьма важнымъ военнымъ вопросамъ. По поводу этихъ совѣщаній открыто разыгралась враждебная противъ меня интрига, имѣвшая значеніе не столько потому, что чуть не заставила меня тогда-же покинуть постъ Военнаго Министра, сколько потому, что благодаря ей, мои планы новыхъ серьезныхъ мѣръ относительно нашихъ военныхъ силъ остались безъ послѣдствій и предлежавшія совѣщанію задачи не были разрѣшены. Эта именно сторона дѣла и показалась мнѣ заслуживающею вниманія будущаго историка, для характеристики тогдашняго состава и образа дѣйствій нашего высшаго правительства. Негласная обстановка дѣла, обыкновенно остающаяся скрытою для будущихъ поколѣній, часто обрисовываетъ эпоху яснѣе, чѣмъ общеизвѣстные факты, сохраненные въ официальныхъ документахъ.

Вотъ почему непосредственно по окончаніи означенныхъ прискорбныхъ совѣщаній, именно съ 11 апрѣля 1873 года, началъ я вести свой дневникъ.

Какъ уже замѣчено выше, не слѣдуетъ полагать, что съ этого времени оказалось у меня болѣе свободнаго времени, чѣмъ прежде; нисколько: я былъ и послѣ того весь поглощенъ служебными дѣлами и заботами. Но я принудилъ себя исполнять по мѣрѣ возможности принятую на себя новую обязанность. Дневникъ мой писался урывками, второпяхъ, чаще всего по ночамъ, когда утомленный дневною работою и суетою, я урывалъ нѣсколько минутъ отъ сна. Во время Турецкой войны приходилось записывать карандашемъ на бивакѣ, въ палаткѣ, или въ полуразрушенной болгарской хатѣ. Привожу это объясненіе въ оправданіе свое предъ тѣмъ, кто дастъ себѣ трудъ когда нибудь заглянуть въ мой дневникъ. Прошу его не смотрѣть на эти летучія замѣтки, какъ на литературную работу, не искать въ нихъ ни полноты, ни стройнаго разсказа. Я не имѣлъ возможности перечитывать написанное [1]), и потому опасаюсь, что дневникъ мой испещренъ описками, нескладными фразами и промахами.

Въ позднѣйшее время, когда оставилъ я постъ Военнаго Министра и, удалившись вовсе отъ служебной дѣятельности, поселился въ полномъ уединеніи въ Крыму, у меня уже не было недостатка времени; но съ другой стороны, не было и матеріала для продолженія дневника. Съ первыхъ-же дней жизни въ своемъ Крымскомъ скитѣ, хотѣлъ было совсѣмъ прекратить веденіе дневника; однакожъ по привычкѣ продолжалъ по временамъ записывать кое-какія обстоятельства своей домашней жизни, или мысли о современныхъ событіяхъ, хотя и сознавалъ, что мой дневникъ утратилъ все прежнее свое значеніе: это было уже не показаніе свидѣтеля и участника событій предъ судомъ исторіи, а лишь старческая болтовня досужаго отшельника.

Съ другой стороны мнѣ казалось, что, оставаясь на старости лѣтъ въ полномъ бездѣйствіи послѣ полувѣка напряженной работы, я долженъ еще воспользоваться досугомъ послѣднихъ лѣтъ жизни, чтобы возмѣстить, насколько окажется возможнымъ, слишкомъ поздній приступъ къ веденію дневника. Выше я уже сказалъ, что онъ начатъ только на 13-мъ году моего управленія Военнымъ Министерствомъ и обнимаетъ лишь послѣднія 8 лѣтъ этого періода моей службы. Мнѣ пришла мысль изложить мои *воспоминанія* за предшествующіе годы, насколько хватитъ памяти, умѣнія и терпѣнія.

Опасаясь взяться за слишкомъ обширную задачу, я принялъ за начало своей работы конецъ 1860 года, то есть возвращеніе мое съ

[1]) Пересмотрѣно въ позднѣйшее время, въ концѣ 1889 и началѣ 1890-хъ годовъ.

Кавказа въ Петербургъ, и вступленіе въ должность Товарища Военнаго Министра, и предположилъ довести разсказъ до 1873 года, то есть до того времени, съ котораго начатъ мой дневникъ.

Излагая свои воспоминанія за эти 12 лѣтъ, я имѣлъ въ виду представить по возможности общую картину эпохи въ тѣхъ рамкахъ, въ которыхъ вращалась моя личная дѣятельность. Конечно, я могъ говорить отчетливѣе о томъ, въ чемъ былъ самъ участникомъ или свидѣтелемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не обходилъ и тѣхъ фактовъ, которые болѣе или менѣе касались вообще тогдашней правительственной дѣятельности и настроенія общества. Сознаюсь, что во многихъ случаяхъ память мнѣ измѣняла; я долженъ былъ пополнять личныя воспоминанія, пользуясь своимъ домашнимъ архивомъ, то есть нѣкоторыми сохранившимися у меня служебными бумагами и письмами разныхъ лицъ (своихъ черновыхъ я не имѣлъ привычки сохранять за рѣдкими только исключеніями). Отчасти я прибѣгалъ къ справкамъ въ книгахъ и газетахъ; но имѣвшіеся у меня подъ рукою источники были крайне скудны, и я заранѣе прошу извиненія у того, кому попадутъ мои «воспоминанія», въ томъ, что въ нихъ навѣрное окажутся и пропуски, и промахи. Въ одномъ только могу предъ нимъ поручиться, что я всѣми силами старался устранять всякое пристрастіе или преднамѣренное искаженіе фактовъ; всегда становился на объективную точку зрѣнія, не увлекался личными своими отношеніями къ людямъ и событіямъ. О себѣ самомъ и своей семьѣ я говорилъ мало, только мимоходомъ. Напротивъ того, во всемъ своемъ разсказѣ старался представить вѣрныя характеристики тѣхъ личностей, которыя приходилось мнѣ встрѣчать на пути служебномъ, или общественномъ. Я выставлялъ закулисныя пружины событій; высказывалъ всю правду какъ о покойникахъ, такъ и о живыхъ, не стѣсняясь никакими побочными соображеніями, ни древнею поговоркою: de mortuis aut bene, aut nihil; напротивъ того, я держался сколько умѣлъ другого извѣстнаго изреченія: amicus plato, sed magis amica—veritas.

Весьма естественно, что воспоминанія мои преимущественно заключаются въ томъ кругѣ, въ которомъ я самъ вращался въ теченіи описываемыхъ 12 лѣтъ. Поэтому читатель не удивится, что въ моемъ разсказѣ, быть можетъ, отведено слишкомъ много мѣста тому, что происходило при Дворѣ и въ нашемъ Петербургскомъ офиціальномъ мірѣ. Въ продолженіи 20 лѣтъ я былъ почти неотлучно при ИМПЕРАТОРѢ Александрѣ II; понятно, что и въ моихъ воспомина-

ніяхъ эта высокая историческая личность почти не сходитъ со сцены. Кругомъ нея группируются всѣ остальныя упоминаемыя лица. Читателю, быть можетъ, покажутся банальными многія подробности, какъ напримѣръ описанія разныхъ придворныхъ и военныхъ церемоній, лагерныхъ занятій и т. под. Въ этомъ отношеніи я имѣлъ въ виду, что подобныя подробности, какъ ни кажутся маловажными для современниковъ, становятся въ позднѣйшія времена любопытными характеристическими чертами давно минувшей эпохи. Знаю по собственному опыту, что при разработкѣ историческихъ матеріаловъ, бываетъ иногда драгоцѣнно самое мелочное указаніе современника; случается, что сохранившійся клочекъ бумаги получаетъ для историка высокую цѣну.

Не мало мѣста отведено въ моихъ воспоминаніяхъ дѣламъ Военнаго Министерства. Въ статьяхъ, относящихся къ этому предмету, я имѣлъ въ виду отдать отчетъ въ произведенныхъ по военной части преобразованіяхъ за время моего управленія Министерствомъ, въ той надеждѣ, что простой мой разсказъ разъяснитъ тѣ несправедливыя нареканія, тѣ враждебныя нападки, которыя встрѣчали всѣ нововведенія, быстро слѣдовавшія однѣ за другими въ устройствѣ нашей арміи и военнаго управленія. Во всѣ 20 лѣтъ моей дѣятельности во главѣ Военнаго Министерства, я выдерживалъ непрерывную, упорную борьбу съ противниками новаго направленія въ военныхъ дѣлахъ, съ ретроградами, заподозрѣвшими въ моемъ образѣ дѣйствій какія-то тайныя, зловредныя, даже революціонныя цѣли. Естественно, что въ запискахъ своихъ я не упускалъ случая выставлять эти нападки въ истинномъ свѣтѣ, и по возможности указывалъ откуда исходили интриги и гнусные извѣты.

Какъ въ «дневникѣ» своемъ, такъ и въ «воспоминаніяхъ», повторяю, я вовсе не задавался литературною обработкою. Въ моихъ глазахъ это ничто иное, какъ сырой матеріалъ, которымъ можетъ воспользоваться будущій историкъ, когда наступитъ время писать правдивую картину пережитой мною эпохи. А писать такую исторію, по моему мнѣнію, можно лишь тогда, когда всѣ дѣйствующія лица сойдутъ со сцены и когда нечего уже бояться раздразнить гусей.

20 сентября 1886 г.
Сименъ.

Употребивъ 5 лѣтъ досужей жизни въ Крыму (съ 1881-го по 1886-ой) на обработку своихъ воспоминаній за первые 12 лѣтъ Министерской дѣятельности (1861—1873), я не смѣлъ разсчитывать, что въ мои старческіе годы хватитъ у меня силъ, чтобы составить столь же полный и послѣдовательный разсказъ о предшествовавшей моей жизни и служебной дѣятельности. Притомъ мнѣ казалось, что для подобной работы не окажется у меня и достаточно матеріаловъ. Поэтому первоначально я полагалъ ограничиться лишь краткими автобіографическими замѣтками. Однакожъ начавъ рыться въ своихъ картонахъ со старымъ хламомъ бумагъ и писемъ, я нашелъ въ нихъ столько слѣдовъ отдаленнаго прошлаго, начиная съ самаго дѣтства моего, что незамѣтно увлекся работою, и въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ успѣлъ довести довольно обстоятельный разсказъ до конца 1856 года, т. е. до назначенія моего Начальникомъ Главнаго Штаба на Кавказѣ. Такимъ образомъ теперь остается необработаннымъ лишь четырехъ лѣтній періодъ послѣдней моей службы на Кавказѣ, для котораго впрочемъ подготовлены нѣкоторые матеріалы [1]).

Прерывая нынѣ свою работу на этой стадіи, по случаю предпринимаемаго продолжительнаго путешествія за границу, считаю нужнымъ дополнить написанную мною 20 сентября 1886 года объяснительную записку нѣкоторыми указаніями на характеръ новаго моего труда.

Обработанный нынѣ отдѣлъ моихъ воспоминаній, долженствующій предшествовать составленному прежде, значительно отличается отъ послѣдняго своимъ содержаніемъ. Само собою разумѣется, что разсказъ о временахъ дѣтства, юности и первыхъ годахъ службы не могъ быть инымъ, какъ бѣглымъ біографическимъ очеркомъ, въ которомъ сгруппированы исключительно мелкіе факты семейной и домашней жизни, мало интересные для лица, посторонняго описываемому кружку. Изъ этой узкой рамки нѣсколько выступаютъ только разсказы о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ въ 1839, 1843 и 1844 годахъ:

[1]) Пробѣлъ этотъ пополненъ въ позднѣйшее время, въ девяностыхъ годахъ,

но и тутъ главное мѣсто занимаютъ личныя впечатлѣнія. Затѣмъ періодъ съ 1845-го по 1853 годъ можетъ имѣть значеніе для характеристики общественной и служебной жизни въ Петербургѣ, хотя и въ этомъ отдѣлѣ преобладаютъ подробности личныя, біографическія. Только съ 1853-го года, т. е. съ начала Восточной (Крымской) войны воспоминанія мои уже переходятъ въ болѣе обширный кругъ, соприкасаясь съ общими вопросами государственными и событіями политическими. Главы, относящіяся ко времени Крымской войны и потомъ къ службѣ моей на Кавказѣ, уже близко подходятъ по своему характеру къ составленному прежде второму отдѣлу моихъ воспоминаній. Къ нимъ примѣняется и все сказанное мною въ упомянутой объяснительной запискѣ 20 сентября 1886-го года.

15 апрѣля 1889 года.
Сименъ.

ВЪ ДОМѢ РОДИТЕЛЬСКОМЪ.

1816—1832.

РОДИТЕЛИ И РОДНЯ.

Слѣдуя общепринятому обычаю, я долженъ прежде, чѣмъ приступить къ своей біографіи, сказать что-нибудь о своей генеалогіи. Къ сожалѣнію, сохранившіяся у меня по этому предмету данныя крайне скудны; я самъ почти ничего не знаю не только о своихъ предкахъ, но даже о ближайшемъ отцовскомъ родствѣ.

Сколько припомню, со словъ моего брата Николая (болѣе, чѣмъ я, сохранившаго въ памяти московскія преданія нашей семьи), родъ Милютиныхъ происхожденія Сербскаго; но думаю, что это одно только предположеніе, основанное на томъ, что въ Сербскомъ народѣ существуетъ собственное имя «Милютинъ» или «Милутинъ» [1]). Документовъ же, подтверждающихъ такое предположеніе, сколько мнѣ извѣстно, не имѣется.

Въ старинныхъ русскихъ актахъ впервые встрѣчается имя Милютиныхъ въ XVII столѣтіи: при Царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ служили три брата: Яковъ, Григорій и Иванъ Милютины, сыновья нѣкоего Дементія. Старшій, Яковъ Дементьевичъ (умершій въ 1688 году), состоялъ при Государевыхъ рыбныхъ промыслахъ въ Астрахани и Нижнемъ, откуда снабжалъ рыбой Царскій Дворъ. Другіе два брата были военные: Григорій упоминается въ чинѣ ротмистра, а Иванъ, гусаръ, убитый подъ Смоленскомъ въ 1656 году. [2]) Еще упоминается Михаилъ Ивановичъ Милютинъ, служившій при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ съ 1667 года въ званіи живописца и иконописца. Наиболѣе же свѣдѣній имѣется о сыновьяхъ Якова Дементье-

[1]) Имя это встрѣчается и въ числѣ «Кралей» Сербскихъ. Въ концѣ XIII и началѣ XIV столѣтій Краль Милутинъ (онъ же Стефанъ Урошъ) велъ удачныя войны съ Византіей, грозившія Имперіи окончательнымъ распаденіемъ; стойко противился всѣмъ попыткамъ Папы привлечь Сербскій народъ къ уніи; въ особенности же прославился своимъ благочестіемъ, дѣлами благотворительными и даже причисленъ церковью православною къ лику Святыхъ. Жизнеописанію его посвящена обширная статья въ «Житіи Святыхъ» Филарета. (1885. - Октябрь, стр. 247).

[2]) Свѣдѣнія эти приведены въ Энциклопедич. словарѣ Брокгауза и Эфрона, но, къ сожалѣнію, безъ указанія источниковъ.

вича, Алексѣѣ и Андреѣ. Алексѣй Яковлевичъ Милютинъ, состоявшій съ 1690 года при Петрѣ I въ званіи «комнатнаго истопника» и пользовавшійся особенными милостями Царя, извѣстенъ тѣмъ, что по непосредственному Царскому указанію, завелъ въ 1714 году первую въ Россіи фабрику, шелковую, позументную и парчевую, а въ 1735 году выстроилъ въ Петербургѣ торговыя бани на Невскомъ проспектѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находятся нынѣ такъ называемыя «Милютины лавки». Сохранилась у меня подлинная грамота, данная въ 1720 году Петромъ Великимъ, за Царскою подписью и печатью, Алексѣю Милютину на учрежденіе означенной фабрики и, кромѣ того, черновой экземпляръ той же грамоты съ собственноручными помарками и добавленіями самого Царя, что даетъ этому историческому документу двойную цѣну. Изъ него видно, какъ Царь входилъ лично во всѣ подробности громаднаго хозяйства Россіи, какъ горячо заботился о водвореніи мануфактурной промышленности. Учредителю фабрики не только предоставлялась безпошлинная продажа своихъ издѣлій (шелковыхъ лентъ, атласа, позументовъ, парчи) и безпошлинная же покупка матеріаловъ внутри государства, не только ограждались его права относительно нанимаемыхъ по вольному договору мастеровъ, учениковъ и рабочихъ, но что особенно замѣчательно, высказывалось желаніе Царя, чтобы употреблялись на фабрикѣ краски внутренняго приготовленія, а не заграничныя, чтобы изыскивались новыя красильныя вещества и чтобы издѣлія фабрики по своимъ качествамъ не уступали иностраннымъ. Второй офиціальный документъ относительно нашего рода—есть пожалованіе въ 1740 году Императрицею Анной Ивановной потомственнаго дворянства и герба, который изображаетъ на голубомъ щитѣ золотое стропило и три серебряныя «вьюшки». Значеніе этихъ послѣднихъ возбуждало въ нашей семьѣ недоумѣніе: были ли это вьюшки печныя, намекавшія на званіе «комнатнаго при Высочайшемъ дворѣ истопника», или же—вьюшки фабричныя, т. е. катушки, служащія на станкахъ для наматыванія пряжи,—остается невыясненнымъ.

Какъ бы то ни было, но въ концѣ XVIII столѣтія дѣдъ мой, Михаилъ Андреевичъ Милютинъ, былъ уже однимъ изъ богатыхъ Московскихъ дворянъ, имѣлъ въ Москвѣ два каменныхъ дома близъ Мясницкихъ воротъ въ переулкѣ, носившемъ его имя (переулокъ этотъ и до сихъ поръ называется Милютинскимъ), и прекрасное благопріобрѣтенное имѣніе съ 1000 душами въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, частію—въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской гу-

берніи. Онъ былъ женатъ на Маріи Ивановнѣ Струговщиковой и имѣлъ трехъ сыновей: Александра, Николая и Алексѣя, и двухъ дочерей: Екатерину и Елизавету. О старшемъ—Александрѣ, ничего не знаю. Кажется, онъ былъ человѣкъ больной и жилъ постоянно въ деревнѣ, въ уединеніи. Второй—Николай служилъ въ Петербургѣ, достигъ чина статскаго совѣтника и былъ владѣльцемъ того самого дома, у Казанскаго моста, о которомъ упомянуто выше, извѣстнаго донынѣ подъ названіемъ «Милютиныхъ лавокъ». Домъ этотъ былъ въ 1814 году подаренъ имъ своей любовницѣ, купеческой женѣ, Натальѣ Михайловнѣ Калмаковой, а впослѣдствіи достался купцу Глазунову. Третій же сынъ, Алексѣй Михайловичъ, родившійся 29-го октября 1780 года, и былъ моимъ отцомъ.

Какъ большая часть баричей въ прошедшемъ столѣтіи, отецъ мой воспитывался дома и при тогдашнемъ состояніи педагогіи обучался весьма немногому, но при замѣчательномъ умѣ и врожденномъ самолюбіи онъ самъ въ теченіе всей жизни пополнялъ свое образованіе. Молодость свою онъ провелъ въ Московской свѣтской средѣ; по примѣру другихъ своихъ сверстниковъ поступилъ въ 1801 году въ гражданскую службу—въ тогдашнюю «Кремлевскую экспедицію» (собственно—«экспедицію Кремлевскаго строенія»); въ томъ же году получилъ первый чинъ и потомъ, почти не неся никакой службы, постепенно повышался въ чинахъ въ установленные сроки, такъ что въ 1812 году уже былъ надворнымъ совѣтникомъ. Въ 1807 году онъ былъ записанъ въ составъ формировавшейся тогда милиціи и въ числѣ всѣхъ другихъ «чиновниковъ, служившихъ въ подвижномъ земскомъ войскѣ», получилъ установленную (указомъ 28-го сентября 1807 г.) золотую медаль для ношенія въ петлицѣ на Владимирской лентѣ.

Въ первое время молодости отецъ мой въ своемъ образѣ жизни и привычкахъ не отставалъ отъ сверстниковъ и пріятелей того круга богатой московской молодежи, среди которой онъ вращался. Онъ считалъ себя вполнѣ обезпеченнымъ въ средствахъ жизни значительнымъ состояніемъ своего отца, который жилъ на широкую ногу и, какъ человѣкъ весьма самолюбивый, тщательно скрывалъ разстройство своихъ дѣлъ. По собственному показанію моего отца [1]), дѣдъ мой держалъ себя въ семьѣ эгоистомъ и деспотомъ. Ни жена, ни дѣти не допускались до малѣйшаго участія въ дѣлахъ. Хотя сыновья и начинали догадываться, что дѣла идутъ плохо, но, судя по образу

[1]) Въ запискѣ, составленной имъ въ видѣ посмертнаго наставленія своимъ дѣтямъ и писанной въ мартѣ 1846 года, незадолго до его кончины.

жизни отца и его рѣчамъ, приписывали его затрудненія случайнымъ, временнымъ обстоятельствамъ. Однако же, иллюзіи ихъ продолжались не долго: въ 1803 году дѣдъ мой подвергся параличу: у него отнялись руки, ноги и даже умственныя силы [1]). Тутъ по необходимости пришлось дѣтямъ войти въ дѣла отцовскія. Но изъ нихъ старшій братъ, Александръ, жившій, какъ сказано, въ деревнѣ, по стеченію разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, не могъ принести пользы дѣламъ; второй, Николай, живя постоянно въ Петербургѣ, также уклонился отъ всякаго участія въ нихъ; оставался третій, младшій братъ, отецъ мой, который и долженъ былъ волей-неволей принять на себя всю тягость устройства опеки на помощь матери, умной, доброй, почтенной женщинѣ, но вовсе не свѣдущей въ дѣлахъ.

Продолжаю разсказъ со словъ моего отца по той же запискѣ, о которой упомянуто выше.

При открытіи дѣйствій опеки оказалось, что всѣ доходы какъ съ московскихъ домовъ (въ которыхъ, сверхъ занимаемаго самимъ владѣльцемъ помѣщенія, отдавались квартиры въ наемъ), такъ и съ имѣній и фабрики составляли всего отъ 14 до 16 тысячъ рублей (по тогдашнему счету на ассигнаціи), тогда какъ долги частные, уже поданные ко взысканію, простирались до 300 тысячъ рублей ассигнаціями, а казенный,—образовавшійся отъ недоимки по содержанію въ Москвѣ питейнаго откупа,—до 200 тысячъ рублей; всего же долгу было до 500 тыс. рублей, а съ наросшими процентами онъ доходилъ до милліона рублей ассигнаціями. Дѣло по взысканію означенной казенной недоимки велось уже десятки лѣтъ, фабрика же въ селѣ Титовѣ была въ полномъ упадкѣ.

Когда обнаружилось такое печальное положеніе дѣлъ, первою мыслью молодого Алексѣя Михайловича было уговорить мать и братьевъ отказаться отъ опеки и предоставить все имѣніе въ пользу кредиторовъ. Но такое предположеніе было неисполнимо по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, отецъ еще былъ живъ и могъ прожить долго; во-вторыхъ, въ семьѣ были еще двѣ несовершеннолѣтнія сестры и больной братъ, а главное то, что въ числѣ отцовскихъ долговъ нѣкоторые были обезпечены поручительствомъ матери и небольшимъ ея родовымъ имѣніемъ въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи (сельцо Измайлово). Съ потерею этого имѣнія она лишилась

[1]) По другимъ даннымъ, это случилось въ іюлѣ 1800 года, а въ маѣ 1801 года подано было Маріей Ивановной Милютиной прошеніе объ учрежденіи надъ имѣніемъ ея мужа опеки по случаю разслабленія его тѣлесныхъ и умственныхъ силъ.

бы въ старости всякаго пристанища и все-таки на ней осталась бы личная отвѣтственность въ значительной суммѣ долга. Соображенія эти заставили моего отца во цвѣтѣ молодости (ему было въ то время всего 23 года) отказаться отъ всякихъ видовъ на служебную карьеру [1]) и посвятить всю свою дѣятельность дѣламъ опеки. Хотя онъ и не обольщалъ себя надеждою на полный успѣхъ,—однако же, поставилъ себѣ цѣлью—попытаться по возможности усилить доходы для уплаты хоть части долговъ и по крайней мѣрѣ—выиграть время.

Но съ перваго же приступа къ дѣламъ онъ встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія: не располагая ни запаснымъ, ни оборотнымъ капиталомъ, онъ не имѣлъ возможности не только поднять производительность фабрики, но и поддержать ея дѣйствіе; разсчитывать на кредитъ опекунскому правленію также не было возможности; кредиторы становились требовательнѣе и задушевное желаніе моего отца—выручить свою мать оказывалось неосуществимымъ. При такихъ обстоятельствахъ онъ рѣшился, по совѣту расположенныхъ къ нему дѣльцовъ, войти въ личныя соглашенія съ кредиторами не въ качествѣ наслѣдника и не отъ имени опеки, а какъ лицо постороннее, желавшее пріобрѣсти на свое имя покупкою Калужское и Тульское имѣнія [2]) съ принятіемъ на себя и всего отцовскаго долга. Большая часть кредиторовъ охотно согласилась на такую выгодную для нихъ сдѣлку; по разсмотрѣніи дѣла въ Дворянской опекѣ и въ Сенатѣ отцу моему выдана была въ 1811 году купчая крѣпость со взысканіемъ съ него установленныхъ пошлинъ, и, такимъ образомъ, онъ сдѣлался лично владѣльцемъ имѣнія уже не по наслѣдству, а покупкою; за то и вся масса долговъ легла на него одного. Ставъ на новую и твердую почву, онъ, конечно, поспѣшилъ прежде всего очистить долги матери, и въ этомъ отношеніи ему вполнѣ удалось достигнуть цѣли—обезпечить на всю жизнь мать и сестеръ. Но во всемъ дальнѣйшемъ веденіи дѣла ему не посчастливилось: неумолимая судьба преслѣдовала его безпрерывно: все, что онъ потомъ ни предпринималъ, чтобы поправить дѣла и погасить долги, встрѣчало одни лишь неудачи и разочарованія, такъ что вся его жизнь до самой смерти была непрерывною и тяжкою борьбой съ несчастнымъ рокомъ. Въ этомъ отношеніи біографія его полна драматизма.

---

[1]) Ему покровительствовалъ президентъ Кремлевской экспедиціи, дѣйств. тайн. сов. Петръ Степановичъ Валуевъ, который хлопоталъ объ опредѣленіи молодого Милютина на службу въ Петербургѣ у М. М. Сперанскаго или у Д. П. Трощинскаго.

[2]) Имѣнія эти были не родовыя, а благопріобрѣтенныя, купленныя Михаиломъ Андреевичемъ.

Привыкнувъ въ молодости къ беззаботной свѣтской жизни, отецъ мой нашелъ въ себѣ довольно энергіи и силы воли, чтобы вдругъ обратиться къ усиленной дѣловой работѣ. Въ первое время недостатокъ дѣловой опытности возмѣщалъ онъ своею дѣятельностью, своимъ умомъ и предпріимчивостью. Имѣя, по прежнему, главное мѣстопребываніе въ московскомъ домѣ, вмѣстѣ съ матерью и сестрами, онъ часто и по-долгу живалъ въ своемъ селѣ Титовѣ, изучалъ сельское хозяйство, фабричное дѣло и пополнялъ свое научное образованіе чтеніемъ. Положеніе его было весьма не легкое. Хотя, повидимому, имъ пріобрѣтено было прекрасное имѣніе на выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ кредиторы согласились на сдѣлку съ уступкою процентовъ и разсрочкою на 7 лѣтъ уплаты всего долга въ 275 тысячъ рублей, что составляло по 40 тысячъ въ годъ, однако же, въ сущности положеніе дѣла было иное; къ означенному основному долгу прибавилось до 200 тысячъ новыхъ долговъ: требовалось не менѣе такой же суммы положить на фабрику для того, чтобы переустроить ее и сдѣлать доходною; а вдобавокъ еще грозило въ будущемъ казенное взысканіе по прежнимъ откупнымъ дѣламъ.

Нужно было много твердости, сообразительности и знанія дѣла, чтобы извернуться при такомъ положеніи. Отецъ мой долженъ былъ не только поддерживать соглашеніе съ кредиторами, но завести связи съ людьми промышленнаго и торговаго міра, сближаться съ личностями, которыхъ онъ въ душѣ не могъ уважать. Между тѣмъ, вступилъ онъ въ первый бракъ съ красивою, но болѣзненною дѣвушкой, Лукеріей Петровной Бланкъ, съ которою прожилъ не долго: она скончалась въ чахоткѣ, и доставшійся отъ нея отцу моему капиталъ, въ 140 тыс. рублей, былъ употребленъ на расходы по устройству фабрики, исправленію строеній, покупкѣ инструментовъ и станковъ. Къ маю 1812 года фабрика была пущена въ ходъ въ довольно большихъ размѣрахъ. Но тутъ на первыхъ же порахъ начатое дѣло было поколеблено страшною катастрофою, постигшею наше отечество въ 1812 году. Вторженіе непріятеля, пожаръ Москвы и общее бѣгство изъ окрестныхъ губерній—нанесли громадный ущербъ новоустроенной фабрикѣ; послѣдствіемъ же этихъ дѣйствій былъ полный упадокъ торговли; въ особенности сбытъ шелковыхъ издѣлій совсѣмъ пріостановился. Отецъ мой поставленъ былъ въ необходимость совершенно закрыть шелковую фабрику, просуществовавшую сто лѣтъ, и за тѣмъ приспособить ее къ изготовленію нанки и ситца, на которые въ то время оказался наибольшій спросъ. Ситцевая фабрика

была устроена въ сотовариществѣ съ купцомъ Гусятниковымъ и притомъ въ размѣрахъ, довольно скромныхъ. Изыскивая всякія средства для увеличенія доходовъ съ имѣнія, отецъ мой, по совѣту одного пріятеля (Толбухина), предпринялъ въ 1815 г. устройство винокуреннаго завода: при тогдашнихъ цѣнахъ на хлѣбъ и требованіи вина въ казенную поставку, операція эта казалась весьма выгодною и обѣщала крупные барыши. Но и тутъ встрѣтился цѣлый рядъ неудачъ: озабоченный въ то время вступленіемъ во вторичный бракъ, отецъ мой не могъ лично заняться постройкой завода и довѣрился одному рекомендованному ему спеціалисту-еврею; постройка вышла не совсѣмъ удачна и обошлась гораздо дороже предварительнаго расчета. Когда же заводъ былъ пущенъ въ ходъ, то оказалось, что вмѣсто обѣщаннаго выхода вина по $6^1/_2$ ведеръ въ сдачу въ дѣйствительности выгонялось не болѣе 5 ведеръ; а между тѣмъ, вслѣдствіе неурожая въ томъ году—цѣны на хлѣбъ поднялись чрезвычайно—съ 8 руб. до 12 руб. 50 коп., а въ слѣдующемъ году—до 22 рублей.

Отецъ мой, видя, что такъ дѣло продолжать невозможно и что оно угрожало ему окончательнымъ раззореніемъ, счелъ необходимымъ въ 1816 году совсѣмъ переселиться изъ Москвы въ деревню и лично взять дѣло въ свои руки. Онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ новому займу, чтобы исправить недостатки завода и ввести паровой двигатель, уже входившій въ то время въ общее употребленіе.

Тутъ уже началъ онъ, по собственному его сознанію, подобно утопающему, хвататься за каждый сучекъ дерева и—между прочимъ—рѣшился устроить вновь суконную фабрику. Для этого опять пришлось прибѣгнуть къ займу капитала изъ банка, а пока длилась цѣлыхъ два года процедура займа и самое устройство фабрики, время было уже упущено: подъ Москвой было открыто нѣсколько колоссальныхъ суконныхъ фабрикъ крупными капиталистами изъ купцовъ [1]), съ которыми трудно было конкурировать безденежному, раззоренному помѣщику.

Такъ и далѣе продолжались безпрерывною серіей однѣ за другими неудачи и разочарованія. Къ тому же по смерти старшаго брата, Александра Михайловича, сынъ его, т. е. племянникъ моего отца, вздумалъ (въ 1816 г.) предъявить свои мнимыя права на наслѣдственную часть въ имѣніи, купленномъ моимъ отцомъ на вполнѣ законномъ основаніи. Возникшій по этому дѣлу процессъ, не смотря на

[1]) Между ними главною была фабрика Кожевникова.

явную неосновательность иска, восходилъ по всѣмъ инстанціямъ до Государственнаго Совѣта и длился нѣсколько лѣтъ. Конечно, онъ кончился благополучно для моего отца, однакоже, причинялъ ему не мало заботъ, отвлекалъ отъ дѣла и все-таки имѣлъ невыгодное вліяніе на его кредитъ.

Здѣсь я прерву на время печальный разсказъ о тяжкомъ положеніи дѣлъ моего бѣднаго отца, который на всемъ дальнѣйшемъ пути своей жизни продолжалъ неустанно борьбу съ преслѣдовавшими его неудачами и несчастіями. Онъ не жалѣлъ своихъ силъ и терзался душевно все въ надеждѣ спасти для своихъ дѣтей какіе-либо обломки жалкаго отцовскаго наслѣдія. Вести неустанно такую тяжелую борьбу въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, сохраняя всю чистоту своихъ честныхъ правилъ, могъ только человѣкъ, одаренный выходящими изъ ряда достоинствами, умомъ, твердымъ характеромъ, силою воли.

По смерти первой своей жены Алексѣй Михайловичъ Милютинъ, нѣсколько лѣтъ (кажется, 3 года) оставаясь вдовцомъ, тяготился своимъ одиночествомъ; сердце его искало семейнаго счастья, которое одно могло усладить жизнь, полную заботъ, хлопотъ и огорченій.

Москва послѣ погрома 1812 года возникла, какъ фениксъ, изъ пепла; покинувшіе ее жители начали возвращаться и вновь устраиваться на старыхъ своихъ пепелищахъ. Въ числѣ ихъ водворился снова и Алексѣй Михайловичъ въ родительскомъ домѣ, въ Милютинскомъ переулкѣ съ матерью и сестрами. Въ лѣтнее время онъ хозяйничалъ въ деревнѣ, а зиму обыкновенно проводилъ въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ обширный кругъ знакомства и былъ радушно принятъ въ лучшемъ обществѣ. Въ числѣ посѣщаемыхъ имъ фешьонабельныхъ и гостепріимныхъ домовъ было семейство Киселевыхъ. Глава семьи, отставной бригадиръ Дмитрій Ивановичъ Киселевъ, былъ уже въ преклонныхъ [1]) лѣтахъ и часто страдалъ подагрою. Жена его, Прасковья Петровна [2]), урожденная княжна Урусова, была женщина необыкновенно добрая, кроткая и радушная. Вмѣстѣ съ ними жила сестра Дмитрія Ивановича, Татьяна Ивановна, уже пожилая дѣвица, также отличавшаяся добротою и благодушіемъ. Изъ дѣтей Дмитрія Ивановича и Прасковьи Петровны старшій сынъ—Павелъ Дмитріевичъ [3]), начавшій

---

[1]) Родился 30 іюня 1761 года; слѣдовательно въ 1815 году ему было 54 года.

[2]) Ей было 52 года.

[3]) Родился въ 1788 году; въ 1815 г. ему было 27 лѣтъ.

службу въ Кавалергардскомъ полку и потомъ бывшій адъютантомъ Милорадовича, имѣлъ случай выказаться въ кампаніи 1807, 1812—1815 годовъ и занималъ уже блестящее положеніе любимаго флигель-адъютанта Императора Александра I. Второй сынъ [1]), Сергѣй Дмитріевичъ, былъ еще молодымъ офицеромъ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку; дома же при родителяхъ жили малолѣтній сынъ Николай (р. 1802 г.) и три дочери: Александра, Елизавета и Варвара (р. 1799 г.).

Семейство Киселевыхъ имѣло обширныя связи въ высшемъ обществѣ Москвы и Петербурга; одно родство ихъ уже составляло многочисленный и тѣсно сплоченный кружокъ. Самыми близкими изъ нихъ были семьи князей Урусовыхъ и Грузинскихъ [2]). Но за тѣмъ было еще множество старыхъ и вѣрныхъ пріятелей и хорошихъ близкихъ знакомыхъ, для которыхъ домъ Киселевыхъ былъ всегда открытъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ, любезныхъ и гостепріимныхъ домовъ Московской аристократіи.

Въ первое время послѣ 1812 года, когда большая часть города Москвы стояла еще въ развалинахъ, семейству Киселевыхъ отведено было, по Высочайшему повелѣнію, помѣщеніе въ такъ называемомъ «запасномъ дворцѣ» у Красныхъ воротъ.

Въ началѣ 1815 года Алексѣй Михайловичъ Милютинъ (которому въ то время было уже 35 лѣтъ отъ роду), очарованный второю дочерью Киселевыхъ, Елизаветой Дмитріевной, рѣшился просить ея руки. По свидѣтельству всѣхъ, знавшихъ ее въ молодости, это было восхитительное созданіе: она привлекала къ себѣ своей милой, симпатичной наружностью, обходительностью, веселой любезностью. Алексѣй Михайловичъ влюбился всѣмъ сердцемъ; она также была къ нему неравнодушна, но родители ея сначала воспротивились этому браку, почему-то находя представившуюся «партію»—«неравной». Отказъ ихъ привелъ въ отчаяніе обоихъ влюбленныхъ. Бѣдная дѣвушка, убитая горемъ, обратилась къ своимъ братьямъ съ трогательными письмами, въ которыхъ умоляла ихъ принять участіе въ ея горестномъ положеніи. Старшій изъ братьевъ—Павелъ Дмитріевичъ, пользовавшійся въ семьѣ большою авторитетностью и относившійся къ сестрамъ нѣсколько свы-

---

[1]) За Павломъ слѣдовалъ сынъ Александръ, но онъ умеръ въ юныхъ лѣтахъ.

[2]) Семьи—родного брата Прасковьи Петровны Киселевой—кн. Александра Петровича Урусова и двоюроднаго брата—кн. Александра Михайловича Урусова. Сестра Прасковьи Петровны была замужемъ за княземъ Яковомъ Леонтьевичемъ Грузинскимъ; у нихъ было много дѣтей (сыновья: Яковъ, Николай, Сергѣй, дочь—Вѣра). Другая сестра, княжна Варвара Петровна, оставалась дѣвушкой и жила отдѣльно, окруженная приживалками и воспитанницами.

сока [1]), находился въ то время при Императорѣ Александрѣ въ Парижѣ. На письмо сестры (отъ 20-го апр.) онъ отвѣчалъ строгими наставленіями, совѣтуя ей преклониться предъ волею родителей. Повидимому, онъ самъ не сочувствовалъ суженому сестры. Второй же братъ, Сергѣй Дмитріевичъ, находившійся на службѣ въ Петербургѣ, поспѣшилъ взять отпускъ и пріѣхалъ въ Москву, чтобы уладить семейную драму. Тронутый отчаяніемъ и слезами сестры, страшно измѣнившейся и заболѣвшей отъ горя, онъ употребилъ всѣ старанія, чтобы урезонить родителей и добиться ихъ согласія на бракъ. Старики и сами увидѣли, до чего довело бѣдную дѣвушку ихъ безотчетное упорство. Послѣ долгихъ колебаній они, наконецъ, согласились и 30-го іюня 1815 года,—въ день рожденія Дмитрія Ивановича,—совершилась помолвка.

Въ письмѣ отъ 4-го іюля обрученная невѣста, извѣщая о своемъ счастіи старшаго брата, Павла Дмитріевича, отнеслась къ нему съ прежнею сердечною почтительностью, хотя и не скрыла отъ него своего глубокаго огорченія несправедливымъ осужденіемъ и холодностію, съ которыми онъ отозвался на ея обращеніе къ нему въ дни скорби и отчаянія. Со своей стороны и женихъ, въ письмѣ къ Павлу Дмитріевичу отъ того же числа, отрекомендовался будущему своему шурину и просилъ его родственнаго расположенія. Павелъ Дмитріевичъ отвѣчалъ 1-го августа изъ Парижа какъ сестрѣ, такъ и будущему зятю учтивыми, но холодными письмами. Эта холодность осталась навсегда въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Павелъ Дмитріевичъ, при своей братской любви къ сестрѣ, хотя и оказывалъ не разъ свое покровительство въ критическія минуты ея тяжелой жизни, относился къ нашей семьѣ какъ-то сдержанно и сухо. Напротивъ того, отношенія Сергѣя Дмитріевича Киселева къ моей матери и къ отцу всегда были самыя дружескія.

22-го августа 1815 года совершилась свадьба въ Москвѣ. Молодая чета водворилась въ родительскомъ домѣ въ Милютинскомъ переулкѣ лишь на нѣсколько дней. 2-го же сентября они уже переселились въ деревню, въ село Титово, находившееся въ 160 верстахъ отъ Москвы, въ 20 верстахъ отъ города Алексина, въ 40—отъ Тулы и почти въ такомъ же разстояніи отъ Калуги. Тамъ молодые рѣшили провести не только медовый мѣсяцъ, но и всю зиму. Какъ уже было

[1]) Отношенія Павла Дмитріевича къ братьямъ и сестрамъ были таковы, что онъ имъ говорилъ «ты», а они обращались къ нему на «вы».

сказано, дѣла хозяйственныя Алексѣя Михайловича находились въ самомъ незавидномъ положеніи: необходимо было ему взять въ свои руки распоряженіе и лично руководить затѣянными разными предпріятіями. Женитьба его не доставила ему ни малѣйшей вещественной подмоги (за матерью моей дано было приданаго на 10 тысячъ рублей и капитала 20 тысячъ рублей—разумѣется, ассигнаціями); напротивъ того, съ этого времени еще болѣе, чѣмъ прежде, онъ считалъ себя обязаннымъ поддерживать домашнюю обстановку на приличной ногѣ и вести образъ жизни, соотвѣтствующій общепринятымъ порядкамъ въ томъ кругу, въ который теперь поставила его судьба. Хлѣбосольство, общительность и тѣ привычки, которыя принято называть широкою натурой,—какъ увидимъ далѣе, завлекали его часто за тѣ предѣлы, которые при строгой расчетливости допускались бы его матерьяльными средствами. Не смотря на тогдашнюю сравнительную дешевизну жизни при крѣпостныхъ порядкахъ,—все-таки не легко было поддерживать домъ и въ Москвѣ, и въ деревнѣ. Въ селѣ Титовѣ хозяйство было заведено въ широкихъ размѣрахъ, со всѣми барскими прихотями. Со всѣхъ окрестностей, близкихъ и дальнихъ, съѣзжались въ Титово сосѣди и живали по нѣсколько дней среди разливаннаго моря угощеній и развлеченій. Конскій заводъ, псовая охота, всякаго рода мастерскія, въ томъ числѣ даже каретная,—все это содержалось на славу и все это считалось совершенно необходимымъ для приличія, для поддержанія достоинства и въ особенности—кредита. Чѣмъ хуже шли дѣла денежныя, тѣмъ болѣе нужно было прикрывать это наружнымъ блескомъ обыденной жизни.

Въ первые же дни водворенія своего въ деревнѣ Елизавета Дмитріевна писала (17 сентября) своему старшему брату: «Les affaires de mon mari l'obligent à rester quelque temps à la campagne; je ne pourrai pas retourner en ville jusqu'au mois de janvier»... Въ это время ожидали возвращенія Павла Дмитріевича Киселева изъ-за границы, но вскорѣ узнали въ семьѣ, что онъ изъ Берлина посланъ Государемъ на югъ Россіи съ разными порученіями, частію гласными, частію конфиденціальными. Въ Титовѣ надѣялись, что на возвратномъ пути своемъ съ юга въ Петербургъ онъ заѣдетъ навѣстить молодыхъ. Однакожъ, это посѣщеніе не состоялось, а изъ Москвы въ октябрѣ мѣсяцѣ нашло въ Титово многочисленное общество: Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ съ юнымъ братомъ «Николашей», князь Яковъ Яковлевичъ Грузинскій,—вѣрнѣйшій и преданнѣйшій другъ семьи Киселевыхъ, добродушнѣйшій старикъ, князь Дмитрій Васильевичъ Голицынъ,

Александръ Петровичъ Лачиновъ, Толбухинъ и другіе близкіе пріятели. Всѣ они были въ восхищеніи отъ Титова, отъ обстановки и образа жизни молодыхъ. «Они разсказываютъ des merveilles de la campagne»—писала 10-го октября старушка Прасковья Петровна Киселева своему старшему сыну, Павлу Дмитріевичу. «Лиза во всякомъ письмѣ подтверждаетъ, какъ она счастлива и всякую минуту благодаритъ Бога».

Въ началѣ 1816 года молодые супруги переселились въ Москву въ ожиданіи родовъ Елизаветы Дмитріевны. 28-го іюня она разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго и нарекли въ честь дѣда—Дмитріемъ.

ГОДЫ ДѢТСТВА.

1816—1827.

Когда моя мать оправилась отъ родовъ, а новорожденный пер- 1816.
венецъ настолько окрѣпъ, что можно было безъ опасеній подняться въ дорогу, маленькая семья снова переселилась въ Титово, гдѣ жизнь текла такъ привольно и гдѣ хозяйскій глазъ моего отца былъ крайне необходимъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ туда опять съѣхались нѣкоторые изъ ближайшихъ родственниковъ: тетка моей матери, Татьяна Ивановна Киселева, братъ Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ, находившійся въ Москвѣ въ отпуску, и сестра Александра Дмитріевна. Родственныя эти посѣщенія повторялись потомъ довольно часто: въ январѣ 1817 года вторично пріѣзжалъ Сергѣй Дмитріевичъ, который въ это 1817.
время только-что покинулъ строевую службу въ полку и, числясь еще «по гвардіи», капитаномъ, переселился въ Москву въ родительскій домъ.

Въ маѣ того же 1817 года почти все семейство Киселевыхъ, по совѣту врачей, предприняло путешествіе къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ, а именно: Дмитрій Ивановичъ, Прасковья Петровна; Александра и Варвара Дмитріевны, въ сопровожденіи князя Дмитрія Васильевича Голицына и князя Якова Яковлевича Грузинскаго; при нихъ также ѣхали двѣ малолѣтнія барышни Бакаревы, взятыя Киселевыми на воспитаніе [1]), и многочисленная прислуга. Остались въ Москвѣ только Сергѣй Дмитріевичъ съ теткою Татьяной Ивановной, которая почему-то не захотѣла участвовать въ предпринятомъ далекомъ и трудномъ путешествіи. Въ тѣ времена поѣздка на Кавказъ

[1]) Старшая изъ этихъ барышень—Анна Алексѣевна, была потомъ помѣщена въ Московскій Екатерининскій институтъ и по выходѣ оттуда опять была принята въ домъ Киселевыхъ. Уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ она вышла замужъ за Мельникова, а младшая—Марія Алексѣевна, вышла за Медвѣдева.

цѣлою семьей была дѣйствительно предпріятіемъ серьезнымъ. Пускаясь въ такой путь, путешественники заѣхали въ Титово, гдѣ провели дня три. Ихъ проводилъ туда и Сергѣй Дмитріевичъ, возвратившійся немедленно въ Москву.

Титовская молодая хозяйка не скучала въ тихой деревенской жизни: она всецѣло посвятила себя уходу за своимъ птенцомъ, котораго лелѣяла съ увлеченіемъ. Однакожъ, это не мѣшало ей усердно вести внутреннее въ домѣ хозяйство, которое отецъ мой вполнѣ предоставилъ на ея попеченіе. Самъ же онъ имѣлъ и безъ того слишкомъ много заботъ, распоряжаясь на суконной и ситцевой фабрикахъ, на винокуренномъ заводѣ, наблюдая за конскимъ заводомъ, за сельскимъ хозяйствомъ и ведя обширную дѣловую переписку съ кредиторами, съ торговыми людьми и разными дѣльцами. Всѣ эти разнородныя дѣла велъ онъ самъ непосредственно, только при пособіи нѣсколькихъ писцовъ изъ крѣпостныхъ, обученныхъ грамотѣ [1]). Главнымъ изъ нихъ, нѣсколько болѣе грамотнымъ и смышленымъ былъ управляющій—Егоръ Ѳедоровичъ Лыковъ, по прозванію «Зыбка», потому-что имѣлъ привычку качаться съ боку на бокъ во время продолжительныхъ докладовъ отцу. Былъ еще «конторщикъ», а затѣмъ уже безграмотный «бурмистръ». Вотъ и все министерство, съ помощью котораго двигалось дѣло. Правда, были еще на фабрикѣ нѣкоторые наемные мастеровые.

Предпріятія моего отца, по прежнему, встрѣчали безпрестанныя затрудненія и заставляли его вести непрерывно процессы. Въ 1817 году онъ хлопоталъ о полученіи отъ правительства пособія для поддержанія фабрики, о чемъ поданы были прошенія министрамъ, Трощинскому и Козодавлеву. По этому дѣлу онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ содѣйствію Павла Дмитріевича Киселева, прося его помочь успѣху дѣла своими связями съ Петербургскими вліятельными лицами. Въ письмахъ моей матери къ ея брату отъ 10-го апрѣля и 2-го іюня высказывалось, что безъ испрашиваемаго пособія разстройство дѣлъ угрожаетъ полнымъ раззореніемъ. Въ началѣ же слѣдую-
1818. щаго, 1818-го года, (2 и 29 января) она выражала Павлу Дмитріевичу свое сожалѣніе о томъ, что лишена возможности пріѣхать повидаться съ нимъ въ Москвѣ, куда онъ прибылъ въ то время по окончаніи своего порученія во 2-ю армію и гдѣ находился самъ Императоръ Александръ. Въ этихъ письмахъ прямо высказывалось, что пріѣздъ

[1]) Въ первое время состоялъ въ роли управляющаго имѣніемъ нѣкто—Борегаръ, полуиностранецъ, полурусскій, человѣкъ очень приличный. Куда дѣвался онъ потомъ,—не припомню.

ся въ Москву невозможенъ по неимѣнію денежныхъ средствъ для удовлетворенія кредиторовъ.

Однакожъ, нѣсколько времени спустя, молодые супруги переѣхали въ Москву по случаю предстоявшихъ вторыхъ родовъ моей матери. 6-го іюня родился мой братъ Николай, когда мнѣ истекалъ уже второй годъ отъ роду. Въ то время первопрестольная столица была въ полномъ чаду отъ пребыванія Царской фамиліи, пріѣзда Короля и Наслѣднаго Принца Прусскихъ и крестинъ Наслѣдника, Великаго Князя Александра Николаевича. Безпрерывныя торжества при Дворѣ, пріемы, празднества вскружили голову Москвичамъ. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, произведенный въ Генералъ-Маіоры, еще болѣе прежняго былъ въ милости послѣ удачныхъ царскихъ смотровъ войскамъ 2-ой арміи [1]). Знакомъ этой милости было—назначеніе младшей сестры его, Варвары Дмитріевны, фрейлиной: старикъ же отецъ, Дмитрій Ивановичъ, былъ украшенъ Анненской лентой. По отъѣздѣ Императора (19 іюня) и во все время пребыванія его за границей на Ахенскомъ конгрессѣ (почти до конца декабря) Павелъ Дмитріевичъ отдыхалъ въ Москвѣ въ семейномъ и дружескомъ кругу.

Въ началѣ слѣдующаго, 1819 года, П. Д. Киселевъ былъ назна- 1819.
ченъ начальникомъ Главнаго Штаба 2-ой арміи. Проѣздомъ изъ Петербурга на югъ онъ опять прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ (въ мартѣ и апрѣлѣ). Пріѣзды его въ бѣлокаменную были всегда радостнымъ событіемъ для стариковъ родителей его и для всей семьи.

Въ этомъ году мои родители опять провели лѣто въ Москвѣ, такъ какъ въ началѣ сентября родился третій сынъ—Алексѣй. По этому случаю семейство Киселевыхъ, проводившее лѣто въ своемъ имѣніи на берегу Клязьмы, возвратилось въ Москву ранѣе обычнаго времени, и въ ожиданіи отдѣлки своего дома на Никитской, близъ церкви Вознесенія, должно было помѣститься въ тѣсной квартирѣ сосѣдняго дома (Саковнина). Киселевы переселились въ свой домъ въ октябрѣ.

[1]) Въ январѣ 1818 года Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ прямо изъ Москвы былъ вторично командированъ Государемъ на югъ для подготовки войскъ 2-ой арміи къ предстоявшимъ Царскимъ смотрамъ. Императоръ же выѣхалъ изъ Москвы 21-го февраля въ Варшаву и послѣ открытія Польскаго Сейма производилъ въ апрѣлѣ смотры означеннымъ войскамъ, остался ими весьма доволенъ и возвратился въ Москву 1-го іюня. Между тѣмъ, Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ посланъ былъ въ Пруссію навстрѣчу Королю Фридриху-Вильгельму III, сопровождалъ его въ путешествіи въ Москву и тамъ состоялъ при немъ во все время его пребыванія.

Съ этого только времени начинаются первыя мои дѣтскія воспоминанія. Въ памяти моей живо сохранилось впечатлѣніе нашей тогдашней обстановки въ Москвѣ. Домъ отцовскій находился близъ Мясницкой, въ переулкѣ, сохранившемъ и до сихъ поръ наименованіе «Милютинскаго». На углу этого переулка и Большой Мясницкой улицы была наша приходская церковь оригинальной постройки, во имя архидіакона Евпла; а въ самомъ переулкѣ католическая церковь. Домъ нашъ, двухъ-этажный, старинной барской архитектуры, находился между садомъ и обширнымъ дворомъ и стоялъ бокомъ къ улицѣ, вдоль которой шелъ высокій заборъ съ каменными столбами и желѣзною рѣшеткой. Насупротивъ главнаго дома, параллельно ему и также бокомъ къ улицѣ стоялъ двухъ-этажный же каменный флигель, неоштукатуренный; въ немъ жила бабушка Марія Ивановна Милютина съ обѣими своими дочерьми, а въ глубинѣ двора, противъ въѣздныхъ воротъ, расположены были службы: конюшни, сараи, жилье прислуги и т. д. Садъ былъ старый, тѣнистый; дворъ—немощеный, отчасти поросшій травой. Каждый день водили насъ, дѣтей, черезъ этотъ дворъ во флигель къ бабушкѣ поздороваться съ ней. Нашъ домъ состоялъ, по обыкновенію, изъ цѣлой анфилады залъ, гостиныхъ; вся мебель и украшенія были въ тогдашнемъ вкусѣ, извѣстномъ подъ названіемъ style Empire.

Нынѣ, проѣзжая по Милютинскому переулку, я уже не нахожу ничего мнѣ знакомаго изъ временъ моего дѣтства. Тамъ, гдѣ тянулась рѣшетчатая ограда нашего сада и двора,—теперь построены новые сплошные дома, такъ что съ улицы глазъ проѣзжаго уже не можетъ проникнуть туда, гдѣ хотѣлъ бы я отыскать мѣсто стараго нашего обиталища.

Возвращусь къ своей семейной хроникѣ.

Въ октябрѣ, послѣ родовъ моей матери, лишь только она оправилась, родители мои съ тремя птенцами снова переѣхали въ свое Титово. Въ это время отецъ мой былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 5 апрѣля 1818-го года. Между тѣмъ, семья Киселевыхъ была озабочена рѣшеніемъ вопроса о младшемъ изъ моихъ дядей—Николаѣ Дмитріевичѣ, который, по настоянію старшаго брата, Павла Дмитріевича, уже два года былъ помѣщенъ въ одинъ Петербургскій пансіонъ, подъ ближайшимъ попеченіемъ француза M-r Dubois. Ученіе, кажется, шло не очень успѣшно; а въ началѣ 1819-го года, когда юношѣ было уже 17 лѣтъ, воспитатель его, M-r Dubois, долженъ былъ покинуть Петербургъ и возвратиться за

границу. Возникъ вопросъ—какъ пристроить молодого Киселева для окончанія его образованія. Родители его, узнавъ, что M-r Dubois взялся везти съ собою за границу для опредѣленія въ Іенскій университетъ двухъ Петербургскихъ юношей—Вилламова и кн. Голицына, товарищей Николая Дмитріевича, согласились было на просьбу послѣдняго отправить и его туда же, въ Іену. Но Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, принявшій младшаго брата подъ особенное свое попеченіе, сильно возсталъ противъ такого предположенія. Любопытно письмо его по этому случаю къ своему отцу отъ 7-го іюля (1819 г.): выразивъ удивленіе и сожалѣніе по поводу рѣшенія отправить Николая Дмитріевича съ M-r Dubois, «который для своихъ дѣлъ и для здоровья возвращается на Рейнъ, въ свой край, въ значительномъ отдаленіи отъ университета, въ который отдаете брата,» — Павелъ Дмитріевичъ писалъ: «Признаюсь вамъ, что не понимаю, что побудило васъ рѣшиться на отдачу его въ буйственный университетъ, въ коемъ правила якобинизма извѣстны въ то сословіе помѣстить молодого мальчика, изъ коего убійства и своеволія проистекаютъ, тѣми заразить правилами, которыя подняли руку на убійство Коцебу, и поручить вашего сына—кому?—слѣпой судьбѣ, подъ чей надзоръ? товарищамъ студентамъ, безбожникамъ и бунтовщикамъ!—По чьему совѣту?—молодого, неопытнаго мальчика, которому хотѣлось видѣть море, чужую землю и жить въ независимости»! [1]). Въ заключеніе Павелъ Дмитріевичъ съ прискорбіемъ упрекалъ родителей въ недовѣріи къ его совѣту—опредѣлить Николая Киселева въ Одесскій Лицей, подъ руководство славившагося тогда педагога-іезуита аббата Николь.

Прежде еще полученія въ Москвѣ этого письма родители молодого Киселева узнали, что самое предположеніе объ отправленіи съ M-r Dubois двухъ его воспитанниковъ не состоялось. Императоръ Александръ I смотрѣлъ неблагосклонно на воспитаніе русскихъ юношей за границей. Вдовствующая Императрица Марія Ѳедоровна, благоволившая къ статсъ-секретарю Вилламову, отговорила его отправлять своего сына въ иностранный университетъ, а потому рѣшено было обоихъ молодыхъ товарищей Николая Киселева отправить въ Дерптскій университетъ. О немъ же самомъ рѣшеніе вопроса было предоставлено вполнѣ Павлу Дмитріевичу. Въ сентябрѣ молодой Киселевъ былъ

[1]) О томъ, какою репутаціей пользовался въ Петербургѣ Іенскій университетъ, свидѣтельствуетъ Указъ Императора Павла 3-го сент. 1799 г., приведенный въ «Русской старинѣ» 1898 года, въ апрѣльской книжкѣ, стр. 156.

вызванъ въ Москву и оттуда отправленъ (въ ноябрѣ) въ Тульчинъ, штабъ-квартиру 2-й арміи, въ распоряженіе старшаго брата. Въ то время аббатъ Николь уѣхалъ въ Петербургъ, и, какъ кажется, авторитетъ его пошатнулся. Павелъ Дмитріевичъ, продержавъ у себя младшаго брата около трехъ мѣсяцевъ, рѣшилъ, наконецъ, чтобы онъ, по примѣру названныхъ двухъ товарищей его, Вилламова и кн. Голицына, поступилъ также въ Дерптскій университетъ. Въ концѣ февраля
1820. 1820 года Николай Киселевъ выѣхалъ изъ Тульчина прямымъ путемъ въ Петербургъ, не заѣзжая въ Москву, а въ началѣ марта уже прибылъ въ Дерптъ и поступилъ въ университетъ.

Въ это время мои родители должны были снова переѣхать изъ деревни въ Москву какъ по дѣламъ отцовскимъ, такъ и по болѣзни матери, которая въ этотъ разъ долго страдала послѣдствіями родовъ. Ей необходима была врачебная помощь, и съ пріѣздомъ въ Москву она начала оправляться. Старикъ Дмитрій Ивановичъ Киселевъ, всегда почти больной, часто страдавшій подагрой, писалъ въ началѣ мая своему старшему сыну, Павлу Дмитріевичу, что «на этотъ разъ въ семьѣ всѣ здоровы». Семья Киселевыхъ собиралась переѣхать въ свою Любимовку. Хотя въ это время уже замѣчалось въ старикѣ большое ослабленіе, и врачи, опасаясь апоплексическаго удара, признавали нужнымъ пустить ему кровь, однако жъ, еще 17-го мая больной опять успокаивалъ Павла Дмитріевича на счетъ своей болѣзни, признавая ее незначущею. Но вдругъ, 28-го числа, онъ былъ пораженъ нервнымъ ударомъ: отнялись языкъ и правая рука; всѣ врачебныя средства оказались безполезными и 30-го мая онъ кончилъ жизнь, на рукахъ старушки Прасковьи Петровны и трехъ дочерей. Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ былъ тогда въ Петербургѣ, куда былъ вызванъ генераломъ Закревскимъ (дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба Е. И. В.), для объясненій о дальнѣйшемъ его служебномъ положеніи по предстоявшемъ производствѣ въ полковники. Такимъ образомъ, отецъ мой долженъ былъ принять на себя печальную обязанность извѣстить Павла Дмитріевича о постигшемъ семью несчастіи.

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ счелъ необходимымъ лично побывать въ Москвѣ для устройства семейныхъ дѣлъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву въ то самое время, когда тамъ находился Императоръ Александръ. Молодой Начальникъ Главнаго Штаба 2-й арміи былъ принятъ Царемъ съ прежнею благосклонностію; по ходатайству Павла Дмитріевича назначена овдовѣвшей его матери усиленная пенсія (въ 4.800 руб. асс.). Павелъ Дмитріевичъ во всю

жизнь свою питалъ самыя нѣжныя чувства къ матери и внушалъ своимъ братьямъ и сестрамъ обязанность ихъ заботиться объ ея спокойствіи и удобствахъ жизни. Это же чувство было главною исходною точкой при обсужденіи положенія семейныхъ дѣлъ послѣ смерти отца. Дѣла оказались довольно разстроенными и необходимо было условиться относительно приведенія ихъ въ порядокъ. Все, что было поставлено съ общаго согласія братьевъ [1]) и сестеръ относительно раздѣла наслѣдства, уплаты долговъ и взаимныхъ обязательствъ всѣхъ членовъ семьи, было изложено собственноручно Павломъ Дмитріевичемъ въ запискѣ 15-го іюля 1820 года, оставленной имъ матери передъ выѣздомъ изъ Москвы. Записка эта заканчивалась слѣдующими строками: «Я живу въ отдаленности, на службѣ и службою, почему свиданія зависѣть будутъ отъ обстоятельствъ, коими располагать не могу. Братъ Сергѣй посвящаетъ вамъ себя и будетъ, конечно, служить лучшимъ способомъ успокоенія вашего. Я же до послѣдней минуты существованія моего сохраню всѣ чувства любви, преданности и послушанія, съ коими не переставалъ быть вамъ, милостивая государыня матушка, покорнымъ сыномъ».

Порѣшивъ всѣ вопросы по наслѣдству и уладивъ кое какія личныя недоразумѣнія въ семьѣ, Павелъ Дмитріевичъ уѣхалъ изъ Москвы, и на обратномъ пути въ Тульчинъ заѣхалъ въ родовое Киселевское имѣніе Богучарово (недалеко отъ Тулы, по дорогѣ въ Серпуховъ). Сюда выѣхали на свиданіе съ нимъ мои родители, жившіе уже въ то время въ своей деревнѣ. Отобѣдавъ вмѣстѣ, 20-го іюля, они возвратились въ Титово, а на другой день (21-го числа) Павелъ Дмитріевичъ пріѣхалъ туда же къ обѣду, переночевалъ тамъ и 22-го числа продолжалъ путь.

Въ сентябрѣ того же года родители мои должны были снова пріѣхать въ Москву по дѣламъ, оставивъ дѣтей въ деревнѣ. На этотъ разъ они помѣстились въ домѣ Киселевыхъ въ верхнемъ этажѣ (мезонинѣ), въ комнатахъ, сохранившихъ за собою названіе «дѣтскихъ». Въ Москвѣ оставались они съ 24-го сентября по 11-е октября. Возвратившись въ Титово, они были встревожены болѣзнью дѣтей; а вслѣдъ за тѣмъ и здоровье матери моей опять разстроилось. Испуганная ея болѣзнью, старушка Прасковья Петровна Киселева, едва оправившаяся отъ своего тяжкаго горя, вдругъ рѣшилась въ декабрѣ съѣздить въ Титово съ младшею дочерью, Варварою Дмитріевной.

[1]) Младшій братъ, Николай Дмитріевичъ, также пріѣхалъ въ то время изъ Дерпта, пользуясь каникулами.

Въ письмѣ отъ 26-го декабря она писала Павлу Дмитріевичу: «Сверхъ чаянія, я ѣздила къ Лизѣ. Сергѣй въ два часа меня снарядилъ, сыскалъ прекрасную кибитку у Хрущевыхъ, снабдилъ шубами дорожными и мы съ Варенькой доѣхали въ 17 часовъ 180 верстъ, по прекрасной дорогѣ». Лизу нашли больною; при насъ ей пустили кровь, но оставили ее лучше, а ребенокъ очень въ дурномъ положеніи; не знаю, будетъ ли живъ». На это Павелъ Дмитріевичъ отвѣтилъ (15-го января 1821 г.): «Весьма радъ, что Вы съѣздили къ Лизѣ, прогулки и развлеченія вамъ нужны; а потому, чѣмъ чаще будете то дѣлать, тѣмъ лучше».

1821. Въ 1821 году, такъ-же, какъ и въ предшествовавшіе годы, родители мои пріѣхали въ концѣ января въ Москву для предстоявшихъ опять родовъ моей матери. 24-го марта родился четвертый сынъ—Владиміръ. Крестнымъ отцемъ его былъ Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ. Матери моей хотѣлось самой вскормить новорожденнаго, но послѣ трехъ мѣсяцевъ должна была прекратить по болѣзни у нея сдѣлалась грудница, причинявшая ей страшныя страданія. Лишь только она поправилась, семья наша возвратилась въ Титово.

Въ этомъ году рѣшился вопросъ о женитьбѣ Павла Дмитріевича Киселева на прекрасной княжнѣ Потоцкой, Софіи Станиславовнѣ. Объ этой свадьбѣ говорили уже давно, но по разнымъ причинамъ она откладывалась и бракъ состоялся лишь въ сентябрѣ 1821 года. Это было радостнымъ событіемъ въ семьѣ. Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ въ это лѣто ѣздилъ на Кавказскія минеральныя воды (съ мая по августъ) лечиться отъ усиливавшагося ревматизма. Состоя «по арміи» въ чинѣ полковника и принужденный жить въ Москвѣ при матери, чтобы вести семейныя дѣла, Сергѣй Дмитріевичъ началъ тяготиться своимъ бездѣйствіемъ и рѣшился оставить военную службу, чтобы пріискать себѣ должность гражданскую. По ходатайству старшаго брата онъ скоро былъ опредѣленъ въ министерство юстиціи и получилъ мѣсто въ Московскихъ департаментахъ Сената «за оберъ-прокурорскимъ столомъ».

Младшій изъ членовъ семьи, Николай Дмитріевичъ Киселевъ, продолжалъ курсъ въ Дерптѣ. Повидимому, и въ это время ученіемъ занимался онъ не очень прилежно. Въ письмѣ отъ 10 сентября 1821 г. къ матери своей Павелъ Дмитріевичъ писалъ: «Касательно Николая, то хотя мнѣ желалось взять его изъ университета по полученіи студенческаго аттестата, который не только для начальной службы полезенъ, но и для продолженія оной; но какъ, повидимому, аттестата

ему не имѣть, то я полагаю въ концѣ года записать его въ службу здѣсь въ арміи». Однакожъ, дѣло не дошло до такого печальнаго исхода. Юный Киселевъ остался еще на годъ въ университетѣ и благодаря врожденнымъ способностямъ, наверстaлъ упущенное время съ большимъ успѣхомъ.

Дѣла отца моего, по прежнему, причиняли ему много заботъ и огорченій; онъ нашелъ необходимымъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы лично привести къ концу процессъ съ племянникомъ о правахъ наслѣдства, и вмѣстѣ съ тѣмъ выхлопотать ссуду изъ вновь учрежденнаго банка, имѣвшаго назначеніе—поддерживать мануфактурную промышленность. По этому случаю родители мои опять просили ходатайства Павла Дмитріевича, который не разъ пользовался своими пріятельскими связями съ Петербургскими вліятельными лицами для оказанія возможной «протекціи» своему зятю. Онъ писалъ о дѣлѣ моего отца министру юстиціи кн. Лобанову и полученный отъ него отвѣтъ препроводилъ къ моей матери. Зная, въ какое грустное положеніе ставили ее неудачи отцовскихъ дѣлъ, Павелъ Дмитріевичъ писалъ къ Прасковьѣ Петровнѣ Киселевой: «Жаль мнѣ, весьма жаль милую Лизу; но Богъ милостивъ; можетъ быть, все кончится хорошо. Нужно только дѣйствовать обстоятельно и не мечтать невозможное». (письмо отъ 28 декабря 1821 г.).

Моя мать была нѣсколько огорчена тѣмъ, что Павелъ Дмитріевичъ не извѣстилъ ее о своей женитьбѣ и дала слегка почувствовать неудовольствіе въ поздравительномъ письмѣ къ брату. По этому поводу Павелъ Дмитріевичъ писалъ своей матери, Прасковьѣ Петровнѣ: «Чтобы любить кого,—не нужны обычаи 15-го столѣтія и вздорныя письма, которыя ничего не доказываютъ и отнимаютъ лишь время. Прошу васъ, матушка, увѣрить Лизу, что съ ея умомъ стыдно заключенія свои основывать на формахъ и терять довѣріе къ ближнимъ, которые на то намъ права не подали». Далѣе: «Если я на что либо могу быть нуженъ по ея дѣлу, то прошу васъ и ее,—безъ всякихъ церемоній, приказать мнѣ—и я готовъ съ удовольствіемъ все сдѣлать или все стараться сдѣлать».

Съ отъѣздомъ отца моего въ Петербургъ матери моей пришлось оставаться нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Продолжительное отсутствіе отца, по крайней мѣрѣ, не прошло безплодно: ему удалось выиграть процессъ съ племянникомъ по наслѣдству, но вопросъ о ссудѣ изъ банка затянулся и отецъ возвратился въ Титово, не добившись рѣшенія. Тѣмъ не менѣе, въ 1822 году 1822.

положеніе дѣлъ, казалось, приняло нѣсколько болѣе благопріятный оборотъ; родители мои какъ то были спокойны. Въ этомъ году родилась 17 сентября дочь, Марія. Нѣсколько ранѣе (7-го іюня) родился также у Павла Дмитріевича сынъ Владиміръ къ великой радости молодой четы. Но вслѣдъ за тѣмъ получено было тревожное извѣстіе изъ Берлина о тяжкой болѣзни находившейся тамъ графини Потоцкой—матери Софіи Станиславовны Киселевой. Молодые супруги поспѣшили отправиться за границу, но уже не застали больную въ живыхъ: она скончалась 12-го ноября. Въ проѣздъ свой чрезъ Варшаву Павелъ Дмитріевичъ представился находившемуся тамъ Императору Александру, отъ котораго получилъ потомъ весьма любезное письмо съ выраженіемъ соболѣзнованія.

1823. Съ наступленіемъ 1823 г. отецъ мой опять предпринялъ поѣздку въ Петербургъ, чтобы возобновить свое ходатайство о ссудѣ изъ банка для поддержанія Титовской суконной фабрики. Снова просилъ онъ у Павла Дмитріевича Киселева рекомендательнаго письма къ С. С. Уварову, директору департамента мануфактуръ (впослѣдствіи сдѣлавшемуся министромъ народнаго просвѣщенія). На этотъ разъ хлопоты моего отца увѣнчались успѣхомъ: онъ получилъ въ ссуду отъ казны по 200 руб. ас. на душу, то есть всего 200 тысячъ рублей. Возвратившись въ Титово, онъ принялся съ новою энергіей за устройство и расширеніе фабрики и, чтобы лично руководить ходомъ ея, рѣшился совсѣмъ поселиться въ деревнѣ. Съ этого времени прекратились ежегодныя наши перемѣщенія изъ Титова въ Москву и обратно изъ Москвы въ Титово. Мы прожили въ деревнѣ уже безвыѣздно до 1827 года.

Здѣсь я долженъ нѣсколько отступить отъ хронологической послѣдовательности разсказа о нашемъ семейномъ кружкѣ, чтобы припомнить по возможности первыя мои личныя впечатлѣнія дѣтства за время деревенской нашей жизни въ Титовѣ.

Въ первые годы моего дѣтства я росъ на рукахъ моей матери въ буквальномъ смыслѣ слова. Она лелѣяла меня, какъ первенца, баловала болѣе, чѣмъ младшихъ дѣтей, которыя за то были любимцами нашей общей няни («мамушки»), старушки Прасковьи Терентьевны. Отецъ былъ всегда такъ занятъ дѣлами и часто въ отсутствіи, что занимался нами мало. Находясь неотлучно при матери и слыша постоянно разговоры на французскомъ языкѣ,—почти исключительно употреблявшемся въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, я рано началъ лепетать

на этомъ языкѣ. Даже азбукѣ французской выучился прежде русской. Сколько помнится, уже въ пятилѣтнемъ возрастѣ я читалъ довольно свободно французскія дѣтскія книжки. Русской же грамотѣ первоначально обучалъ меня въ Титовѣ нашъ «конторщикъ», крѣпостной человѣкъ; онъ же давалъ первые уроки письма, а сельскій нашъ священникъ—уроки вѣры.

Когда мы съ братомъ Николаемъ подросли на столько, что нельзя уже было оставлять насъ на попеченіе мамушки и нянекъ,—дали намъ гувернера—швейцарца М. Валэ. Какъ писалось его имя по французски—оставалось въ сомнѣніи: M-r Vallée или Valet или еще иначе. Это былъ добрый старикъ, почти безъ образованія, говорившій по французски съ обычнымъ швейцарскимъ акцентомъ. У него была жена и малолѣтняя дочь, которымъ отведено было жилье во флигелѣ надъ оранжереей. М. Валэ замѣнилъ няньку намъ двоимъ старшимъ братьямъ. Съ нимъ ходили мы гулять и проводили большую часть дня; учились же съ нимъ мало. Преимущественно продолжала обучать насъ сама мать, посвящая ежедневно нашимъ урокамъ нѣсколько часовъ своего утра: съ нею читали мы французскія книжки: «Lectures graduées de l'abbé Gaultier, Robinson-Crusoé» (par D. de Foé) и друг.; переводили устно на русскій, писали подъ диктовку, а позже читали вслухъ нѣкоторыя историческія и другія книги. Припоминаю, что, между прочимъ, мы долго занимались какою-то старою толстою книгой о миѳологіи, съ картинками. Къ матери я относился съ большою нѣжностью и учился старательно, чтобы не причинять ей неудовольствія, видя, какъ она принимала горячо къ сердцу за уроками брата Николая всякое съ его стороны невниманіе, лѣность или дѣтскій капризъ. При ея чрезмѣрной нервности иногда доходило до того, что расплачутся оба—и ученикъ, и учительница.

Съ рожденіемъ четвертаго сына, Владимира (въ мартѣ 1821 года), вся нѣжность матери обратилась на этого новорожденнаго; онъ сдѣлался ея фаворитомъ, ея Веньяминомъ; впрочемъ, она продолжала заниматься со всѣми дѣтьми съ прежнею любовью и заботливостію. Трое старшіе (съ присоединеніемъ Алексѣя) росли неразлучно вмѣстѣ и были всегда очень дружны между собою, не смотря на большую разницу въ лѣтахъ и характерахъ. Родители и гувернеры отличали меня, какъ старшаго, и ставили младшимъ въ примѣръ прилежанія и благонравія. Братъ Николай, будучи двумя годами моложе меня, имѣлъ видъ болѣзненный: онъ былъ худощавъ, съ блѣднымъ лицомъ, свѣтлыми бѣлокурыми волосами. Съ ранняго возраста выказывалась

его натура, нервная, впечатлительная; характеръ его былъ нѣсколько своенравный, что давало поводъ къ частымъ на него жалобамъ нянекъ и гувернеровъ, и послѣдствіями были безпрестанныя слезы и наказанія. Третій братъ, Алексѣй, который былъ тремя годами моложе меня и годомъ моложе Николая, былъ мальчикъ здоровый, красивый, но крайне живой, большой шалунъ и проказникъ, а потому доставались и ему частыя кары. Естественно, что между двумя младшими братьями было болѣе близости; я же въ годы дѣтства шелъ нѣсколько особнякомъ, впереди нихъ. Бѣдному нашему старику, М. Валэ, приходилось смотрѣть зорко за обоими младшими: того и гляди, что они вдвоемъ выкинутъ какую-нибудь проказу. Припоминаю, напримѣръ, такой случай: разъ на прогулкѣ въ Титовѣ шли мы вдоль берега пруда; младшіе двое впереди, а въ нѣсколькихъ шагахъ за ними—я съ гувернеромъ. Завязался между нашими передовыми какой-то горячій споръ: младшій, Алексѣй, прихвастнулъ, что онъ переплыветъ прудъ не хуже полоскавшихся въ немъ гусей; другой, Николай, не долго думая, сталкиваетъ брата въ воду, приговаривая: «Ну, такъ и покажи!» М. Валэ, конечно, въ страшномъ испугѣ бросается самъ въ воду и вытаскиваетъ маленькаго хвастуна, всего мокраго. Подобныя продѣлки повторялись чуть не ежедневно.

Родители мои вели въ деревнѣ такой же образъ жизни, какъ и другіе крупные помѣщики тѣхъ временъ. Многочисленная «дворня» состояла изъ крѣпостныхъ людей обоего пола и всѣхъ возрастовъ, въ самыхъ разнообразныхъ должностяхъ и званіяхъ. Люди эти большею частію оставались въ домѣ или при домѣ съ рожденія до смерти, составляя какъ бы особую касту въ сельскомъ населеніи. Нѣкоторыя личности до того свыкались съ положеніемъ своимъ, что сами на себя смотрѣли, какъ на неотъемлемую принадлежность «барской» семьи. Во главѣ нашей домашней прислуги стояли: упомянутая уже старая мамушка, Прасковья Терентьевна, и старшая горничная, Марія Петровна. Первая, по своей многолѣтней опытности, пользовалась полнымъ авторитетомъ въ дѣтской, особенно въ первые годы при молодой, еще неопытной «барынѣ». Въ помощь старушкѣ взята была молодая нянька, Полагея Мосѣвна (т. е. Пелагія Моисѣевна), которая позже сама сдѣлалась главною нянькой и баловала насъ, дѣтей, не менѣе, чѣмъ ея предшественница. Обѣ няньки были совершенно безграмотныя, полныя предразсудковъ и суевѣрій, свойственныхъ русскому простонародію, но по своей добротѣ и заботливости о дѣтяхъ пріобрѣли нашу любовь и привязанность. Вторая личность—Марія

Петровна—очень полная женщина зрѣлыхъ лѣтъ, умная и съ характеромъ, кромѣ прямыхъ обязанностей главной горничной, помогала «барынѣ» и въ домашнемъ хозяйствѣ, въ роли экономки; пользовалась полнымъ довѣріемъ моей матери. Мужъ ея, Семенъ Ивановичъ,—«дворецкій» былъ человѣкъ серьезный, очень набожный, съ признаками нѣкотораго психическаго разстройства. Въ помощь Маріи Петровнѣ, второю горничною состояла очень некрасивая Глафира Евграфовна; она потомъ вышла замужъ за выѣзднаго лакея, Ивана Попова, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и переплетчикомъ. Изъ мужского персонала первымъ лицомъ былъ упомянутый уже прежде управляющій, Егоръ Ѳедоровичъ Лыковъ, по прозванію «Зыбка»,—маленькій, толстенькій человѣчекъ, грамотный, начитавшійся кое-какой мудрости, нѣсколько плутоватый и отецъ многочисленной семьи. Затѣмъ шли: конторщикъ, также изъ крѣпостныхъ, два камердинера «барина», нѣсколько лакеевъ, поваровъ, поваренковъ, кучеровъ, форейторовъ, конюховъ, скотниковъ, скотницъ, водовозовъ, множество мастеровыхъ всѣхъ возможныхъ спеціальностей, и т. д. и т. д. Раздѣленіе труда было доведено до такой степени, что существовала даже женщина, обязанность которой состояла исключительно въ печеніи блиновъ на масленицѣ.

Не смотря на постоянныя затрудненія финансовыя и на плохое положеніе дѣлъ, вся домашняя обстановка была у насъ на широкую ногу. Отецъ любилъ жить открыто и даже считалъ это нужнымъ для поддержанія кредита. Притомъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ всѣхъ сосѣдей и нерѣдко съѣзжалось къ намъ многочисленное общество. Нѣкоторые изъ сосѣдей гостили по нѣсколько дней. Отецъ мой былъ страстный охотникъ: у него была лучшая во всей окрестности псарня (борзыхъ и гончихъ); цѣлый штатъ псарей, ловчихъ, доѣзжачихъ и прочихъ, обмундированныхъ и обученныхъ; конскій заводъ Титовскій пользовался также извѣстностію. Иногда охота предпринималась въ большихъ размѣрахъ съ участіемъ пріѣзжихъ сосѣдей, приводившихъ и свои своры; приглашалось многочисленное общество; дамы выѣзжали въ экипажахъ смотрѣть травлю зайцевъ, лисицъ, волковъ. Въ дѣтствѣ своемъ слыхалъ я разсказъ, будто незадолго до моего рожденія, во время беременности моей матери случилось на охотѣ въ зимнее время, что молодой волченокъ спасся отъ погони у ногъ ея подъ полостію саней, причемъ она не выказала ни малѣйшаго испуга и приняла волченка подъ свое покровительство.

Кромѣ охоты, остались въ моей дѣтской памяти лѣтнія поѣздки въ нѣсколькихъ экипажахъ въ болѣе или менѣе отдаленныя окрестности Титова или на сѣнокосъ, или на деревенскій праздникъ, иногда же на сукновальню, которая почему то была устроена довольно далеко отъ села и приводилась въ движеніе водою рѣчки. Мы, дѣти, страстно любили эти поѣздки въ сопровожденіи фургона съ самоваромъ и буфетомъ. Впрочемъ, мы находили большое удовольствіе и въ нашихъ обыкновенныхъ ежедневныхъ прогулкахъ пѣшкомъ съ нашимъ гувернеромъ, который, не смотря на свои почтенныя лѣта, былъ хорошій ходокъ, какъ настоящій швейцарскій поселянинъ. Съ нимъ часто мы пускались вдаль, въ сосѣднія деревни или въ лѣса. Благодаря этимъ пѣшеходнымъ прогулкамъ, мы привыкли замѣчать подробности мѣстности и такъ изучили окрестности, что черты ея до сихъ поръ живо сохранились въ моей памяти.

Имѣніе моего отца заключало въ себѣ, кромѣ самого села Титова, еще нѣсколько маленькихъ деревень, отстоявшихъ отъ села верстъ на 5, на 7. Мѣстность вообще равнинная, пересѣченная многими оврагами, большею частію поросшими орѣшникомъ. Село и деревни окружены обширными пашнями, за которыми чернѣютъ мѣстами лѣса и рощи, еще охранявшіеся въ тѣ времена отъ позднѣйшаго варварскаго истребленія.

Самое село Титово, имѣвшее болѣе 900 ревизскихъ душъ, состояло изъ двухъ слободъ, простиравшихся длинными рядами избъ отъ сѣвера къ югу и раздѣленныхъ между собой довольно широкимъ оврагомъ, въ которомъ рѣчка была запружена и образовала три порядочныхъ пруда. Но въ то время, съ котораго начинаются мои воспоминанія, верхняя плотина была уже прорвана и одинъ изъ прудовъ былъ спущенъ. У другихъ же двухъ плотинъ, служившихъ сообщеніемъ между обѣими слободами, устроены были водяныя мукомольныя мельницы, а подъ главною плотиной самаго большого, нижняго пруда находился винокуренный заводъ,—обширная деревянная постройка, нѣсколько изолированная, на днѣ оврага.

Крестьяне села Титова, какъ кажется, были вообще довольно зажиточны; избы были прочныя, чистыя; къ нимъ примыкали разныя надворныя постройки, сараи, за которыми тянулись огороды, гумна, а позади—овины и далѣе необозримыя поля. Господская усадьба находилась съ восточной стороны большого продольнаго оврага, къ сѣверу отъ крестьянской слободы, такъ что для пріѣзжающаго изъ Алексина (т. е. съ сѣвера) прежде всего открывались направо и на-

лѣво отъ дороги обширныя господскія гумна съ сараями, овинами, скирдами, позади которыхъ вправо, за небольшимъ овражкомъ, виднѣлись сараи и обжигательныя печи кирпичнаго завода. Далѣе дорога, оставляя влѣво слободу церковнаго причта, огибала справа ограду церкви, каменной, съ красивою колокольней, а насупротивъ ея, слѣва дороги,—тянулась рѣшетчатая ограда господскаго двора, такъ что ворота, ведущія къ церкви, и тѣ, которыми въѣзжали на господскій дворъ, находились совершенно однѣ противъ другихъ. Въ глубинѣ двора возвышался двухъ-этажный каменный домъ, по сторонамъ котораго боковые фасы двора замыкались флигелями, также каменными, двухъ-этажными. Въ нихъ то помѣщались фабрики, суконная и ситцевая, контора, разныя хозяйственныя заведенія и склады. Съ задняго фасада господскаго дома (обращеннаго къ югу) съ балкона открывался обширный видъ на село и окружавшія поля. Съ этой стороны обширное пространство, длиною болѣе 80 саженъ и шириною около 40, обставлено было разными хозяйственными постройками: справа и слѣва—мастерскія всякаго рода: слесарная, столярная, даже каретная, а въ глубинѣ—обширные, расположенные квадратомъ, конюшни, сараи и скотный дворъ. Ближайшая къ дому часть означеннаго пространства была въ позднѣйшее время присоединена къ саду, примыкавшему къ описаннымъ постройкамъ съ восточной стороны. Садъ этотъ составлялъ правильный прямоугольникъ, длиною въ 200 саженъ и шириною въ 125. Всего замѣчательнѣе въ немъ была длинная и широкая аллея изъ старыхъ развѣсистыхъ липъ; подъ тѣнью ихъ въ лѣтнее время иногда накрывался обѣденный столъ, когда наѣзжало столько гостей, что въ домѣ большая столовая оказывалась тѣсною. Въ нѣкоторыхъ частяхъ сада разбиты были уже въ новѣйшія времена дорожки на англійскій манеръ; ближе къ дому находилась обширная оранжерея, въ которой культивировались превосходные персики, абрикосы, сливы, груши; также были особые сараи съ вишневыми деревьями; много разводилось ягодъ; главное же богатство сада составляли яблоки самыхъ разнообразныхъ сортовъ. Громадное количество яблокъ ежегодно отправлялось въ Москву и покупалось пріѣзжими торговцами оптомъ. Одинъ изъ сортовъ, пользовавшійся особенною славой, даже получилъ названіе «титóвокъ».

Садъ доставлялъ намъ, дѣтямъ, невыразимое наслажденіе не столько по обилію фруктъ и ягодъ, до которыхъ такъ падки ребятишки, сколько по своимъ тѣнистымъ дорожкамъ и особенно по раздолью, которое доставляли для нашихъ дѣтскихъ игръ нѣкоторыя

глухія мѣста въ отдаленныхъ окраинахъ сада. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ даже отведено было небольшое пространство собственно въ наше распоряженіе для устройства нашихъ огородовъ и садиковъ. Руководимые нашимъ добродушнымъ гувернеромъ, мы проводили цѣлые часы свободнаго отъ уроковъ времени, копая своеручно грядки, сажая овощи, устраивая плетни вокругъ своихъ участковъ. Это было безспорно забавою полезною... Но обращаюсь опять къ недоконченному топографическому описанію.

Дорога изъ Алексина, которую я довелъ выше только до церкви и господскаго дома, обогнувъ постройки, вела далѣе вдоль восточной слободы и черезъ плотину мимо винокуреннаго завода, потомъ мимо еще одной небольшой слободки, къ югу отъ прудовъ, выходила на большой трактъ, составлявшій кратчайшее сообщеніе между Тулой и Калугой. Здѣсь на пересѣченіи дорогъ находился постоялый дворъ и неизбѣжное заведеніе съ государственнымъ гербомъ и елкою. Большая дорога имѣла 30 саженъ ширины; по обѣимъ сторонамъ ея насажено было по два ряда деревьевъ, между которыми образовались боковыя дорожки для пѣшеходовъ. Въ самомъ селѣ Титовѣ дорога была также усажена деревьями, въ видѣ аллеи. Какъ жаль, что заведенный въ тѣ времена порядокъ устройства дорогъ удержался такъ недолго: на всѣхъ устроенныхъ въ царствованіе Императора Александра I дорогахъ теперь не осталось ни одного деревца.

Въ самомъ селѣ изъ множества разныхъ построекъ особенно занималъ наше дѣтское вниманіе одинъ каменный домъ, стоявшій особнякомъ близъ верхняго пруда, двухъ-этажный, неоштукатуренный, имѣвшій какой-то мрачный видъ и носившій странное названіе «Парижа». Строеніе это, принадлежавшее къ фабрикѣ, получило свое названіе отъ того, что въ немъ жилъ одинъ французъ, попавшій въ плѣнъ въ 1812 году и съ тѣхъ поръ добровольно остававшійся въ нашемъ селѣ при фабрикѣ. Онъ уже почти позабылъ свой языкъ, а русскому не выучился и, какъ кажется, не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ обязанностей. Онъ представлялся намъ какимъ то существомъ загадочнымъ.

Въ лѣтскомъ возрастѣ деревенская жизнь представляетъ многія хорошія стороны въ воспитательномъ отношеніи. Она развиваетъ любовь къ природѣ, привычку къ простотѣ и простору, сближаетъ съ народомъ и знакомитъ съ его бытомъ. Но съ извѣстнымъ возрастомъ возникаютъ такія требованія, которыхъ деревня удовлетворить

не можетъ. Родители наши не могли не сознавать, что для нашего образованія недостаточно было уроковъ матери и едва грамотнаго гувернера. Одно время отецъ началъ было самъ заниматься мною; устранивъ конторщика, онъ по временамъ училъ меня русскому языку и ариѳметикѣ. Я очень любилъ эти уроки въ прекрасномъ отцовскомъ кабинетѣ Титовскаго дома. Это была очень обширная комната въ нижнемъ этажѣ, вся кругомъ обставленная шкафами съ книгами. Даже двери были обдѣланы въ видѣ шкафныхъ дверецъ съ фальшивыми (картонными) корешками мнимыхъ книгъ, — что нерѣдко давало поводъ къ комическимъ сценамъ, когда вошедшій въ кабинетъ не находилъ потомъ выхода изъ него сквозь сплошныя стѣны книжныхъ шкафовъ. Въ сосѣдней съ кабинетомъ комнатѣ находился физическій кабинетъ, коллекціи нѣкоторыхъ механизмовъ, станки, токарный, слесарный и другіе. Отецъ занимался основательно фабричными и заводскими дѣлами, дѣлалъ самъ разные техническіе опыты, изучалъ физику, механику и любилъ работать собственными руками. Съ 1821 года онъ былъ членомъ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, а впослѣдствіи (въ 1828 году) издалъ небольшую книжку: «Руководство къ построенію водяныхъ мельничныхъ колесъ», посвященную означенному Обществу.

Случалось и мнѣ заглядывать въ эту святая-святыхъ отцовскаго кабинета: съ невыразимымъ любопытствомъ смотрѣлъ я на его работы и на производимые опыты. Разумѣется, я не могъ еще ничего понимать изъ того, что показывалъ мнѣ отецъ то на электрической машинѣ, то на какомъ-нибудь механическомъ аппаратѣ; тѣмъ не менѣе все это казалось мнѣ чрезвычайно заманчивымъ, интереснымъ; и я съ наслажденіемъ проводилъ цѣлые часы внизу у отца.

Въ 1824 году, когда мнѣ минуло 8 лѣтъ, отецъ счелъ необходимымъ уже болѣе серьезно приняться за мое образованіе. Онъ пріискалъ въ Москвѣ новаго гувернера, поляка, Николая Матвѣевича (собственно Казиміра) Заржицкаго. Старикъ М. Валэ оставался еще нѣкоторое время для младшихъ братьевъ: Николая и Алексѣя, а новый молодой гувернеръ занялся мною. Это былъ человѣкъ образованный, лѣтъ около тридцати, преимущественно свѣдующій въ наукахъ математическихъ и естественныхъ, но хорошо знавшій и русскій языкъ. Онъ держалъ себя съ большимъ тактомъ и умѣлъ скоро привязать меня къ себѣ. Я началъ учиться у него съ особенною охотой, и долженъ сказать, что этотъ человѣкъ чрезвычайно много повліялъ на все мое дальнѣйшее воспитаніе. Онъ заставилъ меня

полюбить математическія науки, даже пристраститься къ нимъ; въ короткое время я успѣлъ пройти значительную часть элементарной математики, а въ свободные часы—пріохотиться къ нѣкоторымъ простымъ техническимъ работамъ: слесарнымъ, токарнымъ, переплетнымъ и другимъ. Рядомъ съ занятіями по математикѣ и техникѣ мы оба—братъ Николай и я—начали учиться исторіи, всеобщей и русской. Поочередно читали мы вслухъ исторію Карамзина и по прочтеніи каждой главы должны были пересказать сущность ея содержанія. Такимъ образомъ мы прочли почти всѣ 12 томовъ Карамзина, когда мнѣ было всего 10 лѣтъ, а брату Николаю—8. Мнѣ кажется, что занятіе это принесло намъ громадную пользу не столько потому, что съ дѣтскаго возраста мы ознакомились съ исторіей нашего отечества до XVII столѣтія, сколько въ отношеніи къ языку и слогу. Въ то время Карамзинъ былъ самымъ авторитетнымъ, образцовымъ писателемъ; прислушиваясь съ самаго ранняго возраста къ его благозвучной прозѣ, мы незамѣтно и безъ тяжелаго труда учились русской грамматикѣ и стилистикѣ.

Николай Матвѣевичъ Заржицкій, какъ я сказалъ, обладалъ особеннымъ умѣніемъ пріохотить ученика къ математическимъ наукамъ: не ограничиваясь однимъ сухимъ теоретическимъ преподаваніемъ, онъ старался занимать практическими приложеніями пріобрѣтаемыхъ знаній. Такъ съ первыхъ же уроковъ геометріи (конечно, въ самой элементарной, пропедевтической формѣ) онъ началъ показывать мнѣ примѣненіе этой науки къ землемѣрству, къ съемкѣ плановъ, къ опредѣленію высоты предметовъ и т. п., а въ 1826 году, прежде еще, чѣмъ минуло мнѣ 10 лѣтъ, я уже производилъ, подъ его руководствомъ, съемку всего нашего села Титова, въ масштабѣ 50 саж. въ дюймѣ. Работа эта способствовала тому, что вся топографія нашего села совершенно отчетливо врѣзалась въ моей дѣтской памяти. По окончаніи работъ въ полѣ всю осень и зиму съ 1826 на 1827 годъ пришлось мнѣ вычерчивать снятый планъ тушью самымъ тщательнымъ образомъ, по образцу тогдашнихъ гравированныхъ плановъ. Можно, пожалуй, замѣтить, что въ такой кропотливой, продолжительной и скучной работѣ не было надобности; однакожъ, я не думаю нисколько упрекать въ томъ моего наставника. Такая работа, хотя чисто механическая, представляла, можетъ быть, и свою полезную сторону въ педагогическомъ отношеніи, пріучая ребенка къ терпѣливому усидчивому труду и къ тщательности въ работѣ.

Первымъ оставшимся въ моей памяти впечатлѣніемъ, выходи-

вшимъ изъ тѣснаго кружка нашей домашней и семейной жизни, была кончина Императора Александра I. Извѣстіе объ этомъ важномъ событіи поразило всю Россію своею неожиданностью; затѣмъ безконечные разговоры и толки о недоразумѣніяхъ, возникшихъ относительно престолонаслѣдія, о бунтѣ 14-го декабря, — все это возбуждало смутное понятія въ моей дѣтской головѣ. Родители, желая доставить намъ развлеченіе, а, можетъ быть, и съ цѣлью закрѣпить воспоминаніе о такомъ событіи, которое тогда занимало всеобщее вниманіе, рѣшили отправить насъ двоихъ съ братомъ Николаемъ, въ сопровожденіи гувернера, въ Тулу, къ тому времени, когда провозили чрезъ этотъ городъ тѣло усопшаго Императора. Это было въ концѣ января 1826 года. Поѣздка наша, всего за 45 верстъ, продолжалась дня четыре; она глубоко врѣзалась въ моей памяти. Въ Тулѣ мы остановились въ домѣ одного знакомаго отцу нашему купца, на главной улицѣ, по которой слѣдовала печальная процессія. Насъ усадили у открытаго окна, не смотря на зимнее время, и мы съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣли на торжественное шествіе. Это было для насъ зрѣлище, совершенно необычайное. До сихъ поръ помню безмолвную, благоговѣйную скорбь въ массѣ народа, толпившейся на улицѣ. Когда процессія прослѣдовала въ соборъ, гдѣ гробъ былъ выставленъ подъ балдахиномъ, толпа устремилась туда, чтобы поклониться праху Царя «Благословеннаго». Насъ, дѣтей, также водили въ соборъ на другой день утромъ, и затѣмъ мы благополучно возвратились во-свояси, преисполненные самыхъ пестрыхъ и живыхъ впечатлѣній. Разсказамъ нашимъ не было конца.

Семейная хроника моя была прервана на 1823 году, когда родители мои рѣшились водвориться на постоянное житье въ деревнѣ. Съ прекращеніемъ ежегодныхъ переѣздовъ въ Москву и обратно наша семейная жизнь нѣсколько обособилась отъ остального родственнаго кружка. Московскій нашъ домъ былъ проданъ; бабушка, Марія Ивановна Милютина, переселилась въ свою деревню Измайлово въ Скопинскомъ уѣздѣ (Рязанской губерніи), и мнѣ уже не довелось видѣть ее въ живыхъ, такъ-же, какъ и старшую тетку, Екатерину Михайловну Милютину, давно болѣвшую и тѣлесно, и душевно [1]). Младшая же ея сестра, Елизавета Михайловна, оставшись владѣлицею Измайлова, впослѣдствіи, уже въ немолодыхъ лѣтахъ, вышла замужъ за со- 1823.

[1]) Марія Ивановна скончалась въ декабрѣ 1828 года, а Екатерина Михайловна—28-го іюня 1841 года.

сѣдняго помѣщика, вдовца Якимова, и прожила въ деревнѣ до глубокой старости (свыше 100 лѣтъ).

Въ семействѣ Киселевыхъ, тѣсно связанномъ съ нашимъ, произошли въ теченіе нашей жизни въ Титовѣ многія перемѣны. Собственный домъ Киселевыхъ на Никитской, послѣ смерти Дмитрія Ивановича, былъ проданъ для уплаты оставленныхъ имъ долговъ; Прасковья Петровна съ Татьяной Ивановной, двумя дочерьми и Сергѣемъ Дмитріевичемъ жили въ наемной квартирѣ на Арбатѣ. Въ началѣ 1823 года младшая изъ моихъ тетокъ Киселевыхъ, Варвара Дмитріевна, вышла замужъ за Алексѣя Марковича Полторацкаго—человѣка уже не молодого и вдовца. Свадьба совершилась 30-го апрѣля и въ тотъ же день новобрачные отправились въ деревню. Многіе жалѣли, что такая красавица, 24-хъ лѣтъ отъ роду, вышла за человѣка пожилого; однакожъ, послѣдствія показали, что неравенство въ лѣтахъ не помѣшало ихъ семейному счастію. Алексѣй Марковичъ былъ человѣкъ образованный, добрый, принадлежавшій къ высшему кругу, какъ одинъ изъ состоятельныхъ помѣщиковъ Тверской губерніи. Уже въ продолженіе нѣсколькихъ трехлѣтій занималъ онъ должность губернскаго предводителя дворянства; зимой жилъ въ своемъ домѣ въ Твери, а лѣто проводилъ въ прекрасномъ имѣніи «Вельможье», близъ Торжка. Въ іюлѣ 1823 года молодыхъ навѣстили Киселевы: Прасковья Петровна съ Татьяной Ивановной и Александрой Дмитріевной.

Въ томъ же 1823 году произошла дуэль Павла Дмитріевича Киселева съ генералъ-маіоромъ Мордвиновымъ (24-го іюня). Хотя столкновеніе это и кончилось благополучно для Киселева, однакожъ, вся семья была сильно встревожена, опасаясь дурныхъ послѣдствій для его службы. Но дѣло это не имѣло никакого вліянія на его блестящее поприще: Императоръ оправдалъ образъ дѣйствій его и вскорѣ за тѣмъ (въ началѣ сентября), когда Киселевъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, представился Государю въ Орлѣ, Его Величество обошелся съ нимъ чрезвычайно благосклонно, а потомъ, оставшись вполнѣ довольнымъ войсками 2-й арміи на смотрахъ, происходившихъ съ 30-го сентября по 5-е октября, поздравилъ Павла Дмитріевича генералъ-адъютантомъ. Это было великимъ семейнымъ торжествомъ.

Въ это же время младшій изъ Киселевыхъ, Николай Дмитріевичъ, успѣшно окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, и при содѣйствіи старшаго брата, а также и друзей его, Алексѣя Ѳедоровича Орлова и гр. Несельроде, опредѣленъ на службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ.

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ давно уже собирался съѣздить за границу для леченія своего и жены. Послѣ успѣшныхъ Царскихъ смотровъ 1823 года онъ рѣшился взять отпускъ и въ концѣ января 1824. 1824 года выѣхалъ изъ Тульчина. Пріѣхавъ въ Москву 4-го февраля, онъ былъ пораженъ горестнымъ извѣстіемъ изъ Тульчина о болѣзни и смерти сына его, Владимира, который прожилъ всего 1 годъ и 8 мѣсяцевъ. Изъ Москвы Павелъ Дмитріевичъ съ женою выѣхали 27 февраля въ Петербургъ, гдѣ они были приняты при Дворѣ чрезвычайно милостиво, а 15-го мая отправились за границу. Выдержавъ полный курсъ леченія въ Эмсѣ, они провели потомъ нѣкоторое время въ Парижѣ и возвратились чрезъ Франкфуртъ и Вѣну въ Тульчинъ только въ половинѣ декабря.

Въ началѣ того же 1824 года у Полторацкихъ родилась дочь Ольга. Въ концѣ апрѣля пріѣзжалъ въ Москву Николай Дмитріевичъ Киселевъ для свиданія съ матерью и сестрами. По этому случаю и моя мать пріѣзжала дня на три въ Москву. Въ этомъ же году скончалась Татьяна Ивановна Киселева—добрая старушка, любимая всею семьей. Она питала особенную нѣжность къ Павлу Дмитріевичу и къ моей матери. Черты ея остались мнѣ весьма памятны: въ самое первое дѣтство, каждый разъ, когда привозили меня къ бабушкѣ на Никитскую, я спѣшилъ въ комнату Татьяны Ивановны, гдѣ такъ было уютно, такъ много растеній, цвѣтовъ и готовы всегда лакомства, чтобы побаловать внучковъ. Кончина Татьяны Ивановны оставила въ домѣ Киселевыхъ замѣтную пустоту.

Осенью, по случаю предстоявшихъ родовъ моей матери, пріѣхали въ Титово Прасковья Петровна съ Александрой Дмитріевной, въ сопровожденіи почтеннаго старика, кн. Дмитрія Васильевича Голицына. 22-го октября родилась дочь—Софія. Отецъ мой, извѣщая Павла Дмитріевича Киселева объ этомъ новомъ приращеніи семьи, писалъ при этомъ: «Дѣла идутъ изрядно, хотя черепашьимъ шагомъ; суконная фабрика дѣйствуетъ не худо и, если доселѣ не вознаграждаетъ труды, то даетъ надежду на будущее». (Письмо отъ 25-го октября 1824 года).

Однакожъ, дѣйствительный ходъ дѣлъ не оправдывалъ надеждъ, которыми отецъ мой постоянно тѣшилъ себя. Его безпрерывно преслѣдовали всякія неудачи и разочарованія. Въ январѣ 1825 года дѣла 1825. заставили его пріѣхать на короткое время въ Москву вмѣстѣ съ моей матерью. Она должна была опять прибѣгнуть къ Павлу Дмитріевичу съ просьбой о ссудѣ 5 тыс. рублей, въ которыхъ встрѣтилась крайняя

надобность по отцовскимъ дѣламъ. Павелъ Дмитріевичъ, удовлетворивъ эту просьбу, писалъ (15-го февраля) своей матери, Прасковьѣ Петровнѣ: «Очень радъ, что могу быть полезенъ сестрѣ. Гдѣ тонко, тамъ и рвется—говоритъ пословица, которая безпрерывно прилагаться къ ней можетъ»... Въ то же время въ своемъ отвѣтѣ моей матери онъ давалъ ей совѣтъ относительно воспитанія дѣтей. Она благодарила его (въ письмѣ отъ 9-го марта изъ Титова) и за оказанную помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ, и за добрые совѣты, а вмѣстѣ съ тѣмъ выражала свои заботы о дѣтяхъ, изъ которыхъ пятеро было въ то время больны коклюшемъ. По этому случаю Павелъ Дмитріевичъ, въ письмѣ къ своей матери (отъ 18-го марта), писалъ: «Въ горестяхъ сестры Елизаветы Дмитріевны принимаю живѣйшее участіе; но со всѣмъ тѣмъ утѣшительнѣе горевать о болѣзни дѣтей, чѣмъ вовсе ихъ не имѣть»... Въ этой фразѣ высказалось невольно глубокое огорченіе, которое онъ испыталъ, лишившись единственнаго своего сына и не имѣя надежды снова сдѣлаться отцомъ вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія жены. Прошлогоднее леченіе въ Эмсѣ не принесло ей никакой пользы, а потому рѣшено было еще испробовать Кавказскія воды. Лѣтомъ 1825 года Софія Станиславовна ѣздила въ Пятигорскъ, но возникшій въ то время мятежъ въ Чечнѣ и безпокойное положеніе края заставили ускорить возвращеніе ея въ Тульчинъ. Пятигорскія воды оказались столь же безполезными, какъ и заграничныя.

Между тѣмъ, нашу семью постигло большое горе, въ особенности чувствительное для бѣдной моей матери: въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ она лишилась двухъ дѣтей: въ началѣ мая скончалась отъ зубовъ самая младшая—Софья, прожившая всего полгода; а въ августѣ—Владиміръ, которому шелъ уже пятый годъ и который былъ любимцемъ матери. По поводу этой тяжкой потери она писала своему старшему брату: «C'était l'enfant le plus intéressant que l'on puisse voir et que j'aimais à la passion». Бабушка, Прасковья Петровна Киселева, опять въ сопровожденіи кн. Дмитрія Васильевича Голицына, пріѣхала въ началѣ сентября въ Титово и оттуда писала (20-го числа) Павлу Дмитріевичу: «Лиза очень груститъ о своихъ дѣтяхъ, особенно о Владимирѣ, котораго она любила паче всего въ мірѣ».

Въ томъ же письмѣ старушка расхваливала всѣхъ четырехъ оставшихся въ живыхъ дѣтей; въ особенности восхищалась дѣвочкой—Машенькой, которой минуло тогда три года и которая своею живостію и смышленностію забавляла бабушку.

По случаю прискорбныхъ событій, послѣдовавшихъ въ концѣ

1825 года вслѣдъ за кончиной Императора Александра I, Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ въ началѣ января 1826 года пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ службы. Можно было опасаться, что положеніе его поколеблется съ перемѣною царствованія и вслѣдствіе тѣхъ нареканій, которыя могло навлечь на Штабъ 2-й арміи участіе въ преступномъ заговорѣ столькихъ личностей изъ числа самыхъ близкихъ къ П. Д. Киселеву. Пробывъ цѣлый мѣсяцъ въ Петербургѣ, онъ выѣхалъ оттуда 11-го февраля, не вполнѣ успокоенный относительно расположенія къ нему новаго Государя. На возвратномъ пути въ Тульчинъ Павелъ Дмитріевичъ провелъ четыре дня въ Москвѣ. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ туда же и Николай Дмитріевичъ Киселевъ по пути въ Персію, въ составѣ посольства кн. А. С. Меншикова. Старушка Прасковья Петровна имѣла радость въ этомъ году увидѣть вторично обоихъ своихъ сыновей: Павелъ Дмитріевичъ опять пріѣхалъ въ Москву 1-го августа на коронацію Императора Николая Павловича и пробылъ тамъ до 10-го октября; на этотъ разъ благосклонное обращеніе съ нимъ Государя вполнѣ изгладило прежнія его сомнѣнія и снова утвердило служебное его положеніе. На возвратномъ пути въ Тульчинъ онъ провелъ два дня въ Тулѣ вмѣстѣ съ Вел. Кн. Михаиломъ Павловичемъ, пріѣзжавшимъ туда для осмотра оружейнаго завода. 1826.

Николай Дмитріевичъ Киселевъ уже въ ноябрѣ возвращался изъ Тегерана вмѣстѣ съ кн. Меншиковымъ и членами его посольства. На пути заѣхалъ онъ въ Титово повидаться съ моею матерью и провелъ у насъ нѣсколько дней. Въ первый разъ удалось мнѣ видѣть своего младшаго дядю. Въ то время онъ еще имѣлъ видъ юноши, веселаго, забавнаго, остроумнаго. Въ Москвѣ онъ пробылъ недолго; вторичный его пріѣздъ доставилъ большое удовольствіе старушкѣ-матери тѣмъ болѣе, что посѣтившій ее кн. А. С. Меншиковъ расхвалилъ ей своего молодого подчиненнаго.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ Павелъ Дмитріевичъ сдѣлалъ отъ имени своей жены цѣнный подарокъ матери: купилъ для нея домъ на Поварской, чтобы успокоить ее въ старости, избавивъ отъ всѣхъ непріятностей и хлопотъ перемѣнъ наемныхъ квартиръ. Почтенная старушка была глубоко признательна и сыну, и невѣсткѣ; къ послѣдней она всегда относилась съ самою сердечною нѣжностію. Купленный домъ на Поварской весьма напоминалъ прежній Киселевскій домъ на Никитской: такой же одноэтажный, бѣлый, съ мезониномъ, съ зонтикомъ надъ крыльцомъ; одна разница была

въ томъ, что послѣднее находилось съ правой стороны новаго дома, тогда какъ въ прежнемъ—было съ лѣвой. Въ октябрѣ (16-го ч.) Прасковья Петровна съ Александрой Дмитріевной водворились въ новомъ своемъ жильѣ и вполнѣ были довольны имъ. Одно только тревожило старушку — что приходилось жить врознь съ сыномъ, Сергѣемъ Дмитріевичемъ, который велъ все домашнее ея хозяйство. Онъ пріискалъ себѣ квартиру въ той же Поварской, въ близкомъ сосѣдствѣ съ матерью и навѣщалъ ее по нѣсколько разъ въ день. Павелъ Дмитріевичъ, поздравляя нѣжно любимую мать съ новосельемъ, въ письмѣ отъ 26-го октября писалъ: «Душевно радъ, что вы успокоены на счетъ вашего жилья, и увѣренъ, что вскорѣ привыкнете сами управлять вашимъ домомъ». Но прошло довольно много времени, прежде чѣмъ новое жилье приведено было въ полный порядокъ. Предприняты были разныя передѣлки и, между прочимъ, пристройка къ дому отдѣльнаго помѣщенія для Александры Дмитріевны, которая пожелала имѣть просторную и свѣтлую комнату для своихъ занятій: рукодѣлія ея славились въ Москвѣ своимъ изяществомъ и вкусомъ. Строительныя работы заставили Прасковью Петровну даже переселиться на время въ наемную квартиру въ сосѣднемъ домѣ (Кокошкина), такъ что она водворилась окончательно въ своемъ домѣ только въ концѣ іюля слѣдующаго года.

Въ декабрѣ 1826 года опять ожидались роды моей матери. По этому случаю пріѣхали снова въ Титово Прасковья Петровна съ Александрой Дмитріевной и Анной Алексѣевной Бакаревой. Родившійся 16-го декабря ребенокъ опять названъ Владимиромъ какъ бы для того, чтобы онъ занялъ въ сердцѣ матери опустѣвшее мѣсто умершаго въ прошломъ году любимца ея. Киселевы возвратились въ
1827. Москву къ новому году, къ пріѣзду туда Варвары Дмитріевны Полторацкой, которая также должна была родить. Она разрѣшилась 31-го января 1827 года дочерью Софьей.

Зима съ 1826 года на 1827 была послѣднею въ нашей деревенской жизни; ею закончилось наше привольное пребываніе въ Титовѣ. Всѣ усилія моего отца поправить свои дѣла развитіемъ фабрики и завода, всѣ мѣры, принимаемыя для поддержанія кредита,— оказались безуспѣшными. Фабрика и винокуренный заводъ работали въ убытокъ; кредиторы сдѣлались несговорчивыми; банковскій долгъ не допускалъ просрочекъ—и вотъ дѣло дошло до продажи имѣнія съ публичнаго торга. Произведена была опись и назначенъ срокъ продажи. Не было уже возможности оставаться на житьѣ въ Титовѣ;

родители мои рѣшились въ началѣ 1827 года переселиться въ Москву. Отецъ все еще обольщался надеждами на спасеніе хотя бы остатковъ своего состоянія. Живя въ Москвѣ, ему было удобнѣе вести дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріискать какія-либо средства для жизни. Наконецъ, пребываніе въ Москвѣ облегчало и воспитаніе дѣтей, уже достигавшихъ того возраста, когда домашнія и особенно деревенскія средства становятся совершенно недостаточными тѣмъ болѣе, что въ это время, къ великому прискорбію, мы должны были разстаться съ нашимъ наставникомъ, Н. М. Заржицкимъ. Онъ нашелъ себѣ мѣсто въ Смоленской губерніи, въ семействѣ Скюдери, и уѣхалъ еще до нашего переселенія въ Москву. Но мы разстались друзьями и переписка съ нимъ продолжалась до 1833 года.

Въ половинѣ мая 1827 года мы покинули Титово и водворились въ Москвѣ.

ГОДЫ ЮНОСТИ.

1827—1832.

1827. По переѣздѣ въ Москву первоначально поселились мы на Поварской улицѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Киселевыми. Отецъ мой вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о пріостановкѣ продажи имѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы поразвѣдать, не представится ли ему случая поступить снова на службу. Мать моя осталась одна съ пятью дѣтьми въ самомъ затруднительномъ положеніи, лишенная средствъ не только для продолженія нашего ученія, но даже для поддержанія домашняго хозяйства.

Въ то время (въ маѣ мѣсяцѣ) семейство Полторацкихъ только что уѣхало изъ Москвы въ деревню, а Николай Дмитріевичъ Киселевъ пріѣхалъ опять проѣздомъ на Персидскую границу. По случаю войны съ Персіей ему назначено было состоять при главнокомандующемъ, ген. Паскевичѣ, въ качествѣ чиновника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Молодой Киселевъ пріѣхалъ въ Москву больной, простуженный, и долженъ былъ пробыть тамъ около десяти дней, чтобы поправиться. Въ концѣ мая онъ уже былъ подъ Эриванью въ главной квартирѣ дѣйствующаго корпуса.

Въ томъ же маѣ мѣсяцѣ Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ опять отправился на Кавказскія минеральныя воды; онъ возвратился оттуда въ августѣ, не совсѣмъ довольный результатами поѣздки, и продолжалъ по прежнему часто хворать.

Также и Софья Станиславовна Киселева провела лѣто на водахъ въ Карльсбадѣ и Эгерѣ и возвратилась въ Тульчинъ въ октябрѣ безъ замѣтнаго улучшенія здоровья. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ въ это время былъ погруженъ въ свои служебныя занятія по случаю предварительныхъ приготовленій къ ожидавшейся войнѣ съ Турціей.

Прасковья Петровна Киселева съ дочерью, Александрой Дмитріевной,—какъ уже сказано,—водворилась окончательно въ своемъ новомъ домѣ 23-го іюля, въ день именинъ Александры Дмитріевны. Пристроенная для нея комната вышла прекрасная.

Полторацкіе, проживъ все лѣто въ своей Тверской деревнѣ, отправились въ половинѣ декабря въ Петербургъ, гдѣ прожили почти полгода по случаю устройства своихъ дѣлъ.

Наша жизнь въ Москвѣ, послѣ деревенскаго приволья, казалась намъ незавидною. Да и въ дѣйствительности она была крайне трудная: доходы съ имѣнія совсѣмъ прекратились; приходилось жить почти въ долгъ. Между тѣмъ, для дѣтей необходимы были учителя и гувернеры. Поневолѣ надобно было довольствоваться личностями низшаго разбора и часто мѣнять ихъ. Поэтому ученіе наше шло плохо, безъ системы. Воспитаніе наше поддерживалось исключительно заботами матери, которая продолжала давать намъ уроки французскаго языка, насколько позволяло ея здоровье. Перенося мужественно и безропотно всѣ невзгоды судьбы и не смотря на частыя болѣзни, она сама няньчила младшаго грудного ребенка, не спускала глазъ съ пятилѣтней крайне живой дѣвочки и лично занималась тремя старшими мальчиками, не полагаясь на гувернеровъ или нянекъ. Тогда мнѣ было 11 лѣтъ, Николаю—9, Алексѣю—8. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, узнавъ изъ писемъ Прасковьи Петровны о затруднительномъ положеніи нашей семьи, прислалъ въ пособіе тысячу рублей. При всей незначительности суммы все-таки это пособіе было нѣкоторымъ облегченіемъ и принято съ признательностію.

Квартира наша на Поварской была тѣсна и неудобна для нашей многочисленной семьи, особенно въ виду новой беременности матери. Поэтому въ началѣ 1828 года мы переселились на Прѣсню—въ отдаленную часть города, болѣе похожую на предмѣстіе, гдѣ можно было за умѣренную плату имѣть помѣщеніе, просторное и удобное. Домъ, въ которомъ мы поселились, деревянный, съ мезониномъ, совершенно Московскаго типа, стоялъ особнякомъ на открытомъ со всѣхъ сторонъ возвышеніи: спереди его—былъ садъ, спускавшійся до самой улицы, отдѣлявшей его отъ верхняго Прѣсненскаго пруда; сзади—обширный дворъ, родъ пустыря. Стоило только выйти изъ воротъ, чтобы попасть на тѣнистыя дорожки, огибающія пруды [1]). Еще немного далѣе за прудомъ, въ части города, носившей названіе

1828.

[1]) Впослѣдствіи въ этомъ домѣ жилъ многіе годы ген. Перфильевъ—начальникъ жандармскаго округа.

«Грузины», жили наши близкіе родственники, князья Грузинскіе, о которыхъ я уже упоминалъ. Въ ту сторону часто направлялись наши пѣшеходныя прогулки.

Отецъ мой, при всѣхъ своихъ заботахъ и огорченіяхъ, не падалъ духомъ и выказывалъ постоянно необыкновенную твердость характера. Вознамѣрившись снова поступить на службу, онъ поставленъ былъ въ необходимость подвергнуться обязательному въ то время экзамену для пріобрѣтенія права на производство въ статскіе совѣтники. Не смотря на свои лѣта (ему было уже 47 лѣтъ), онъ принялся съ неутомимымъ прилежаніемъ за изученіе тѣхъ предметовъ, которыми до того времени вовсе не занимался или которые успѣлъ давно позабыть. Въ курьезную программу этого экзамена входили:

1. Грамматика русская, сочиненіе и переводъ съ французскаго.

2. Исторія всеобщая и русская, съ географіею, хронологіею и статистикою.

3. Право естественное, Римское, частное гражданское съ приложеніемъ къ Россійскому законодательству, законы уголовные и политическая экономія.

4. Ариѳметика, геометрія и физика.

Во всѣхъ этихъ предметахъ отецъ мой держалъ экзаменъ въ учрежденномъ при Московскомъ университетѣ особомъ комитетѣ, который въ выданномъ ему аттестатѣ призналъ его свѣдѣнія «хорошими» [1]).

Выше уже упоминалось, что именно лѣтомъ 1828 года отецъ мой былъ избранъ въ члены состоящаго при Московскомъ университетѣ Общества естественныхъ знаній и въ то же время издалъ книжку: «Руководство къ построенію водяныхъ мельничныхъ колесъ, основанное на законахъ гидродинамики».

Приведу здѣсь и другой примѣръ, рисующій характеръ моего отца. Нѣсколько позже, когда ему было уже подъ 50 лѣтъ, поставилъ онъ себѣ задачею—исправить свой почеркъ, который отъ чрезмѣрно-поспѣшнаго писанія массы дѣловыхъ бумагъ сдѣлался до крайности неразборчивымъ. Для этого въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ не позволялъ себѣ написать ни одной строки иначе, какъ медленно и старательно, выводя каждую букву, чтобы пріучить руку къ четкому письму.

[1]) Аттестатъ выданъ позже, 12 декабря 1828 года, и подписанъ ректоромъ университета, Двигубскимъ, деканами: Фишеромъ, Мудровымъ и Болдыревымъ и «безсмѣннымъ засѣдателемъ», Мухинымъ.

Въ іюнѣ 1828 года моя мать снова родила сына, названнаго Константиномъ. Въ теченіе лѣта поступилъ къ намъ гувернеръ, пожилой, необразованный и грубый венгерецъ—Яничекъ, котораго мы терпѣть не могли; давалъ намъ уроки русскаго и латинскаго языковъ, исторіи, географіи и математики, Петропавловскій,—человѣкъ знающій, но типичный поповичъ. Родители наши убѣдились въ невозможности продолжать домашнее воспитаніе [1]) и рѣшились съ наступленіемъ новаго учебнаго года опредѣлить двухъ старшихъ, т. е. меня и брата Николая, въ губернскую гимназію—единственную въ то время въ Москвѣ. Она находилась на Пречистенкѣ, гдѣ и нынѣ находится 1-я Московская гимназія. Ежедневно насъ отвозили туда (съ Прѣсни) въ 9-мъ часу утра, а возвращались мы домой подъ вечеръ большею частію пѣшкомъ, не смотря на дальнее разстояніе. Мы не поспѣвали домой къ домашнему обѣду, т. е. къ 3 часамъ, а потому устроено было такъ, что во время продолжительнаго промежутка между уроками мы получали довольно плохой обѣдъ въ квартирѣ смотрителя дома гимназіи. Насъ всегда сопровождалъ гувернеръ Яничекъ, который даже во время уроковъ иногда оставался въ классѣ, къ великому неудовольствію учителей, особенно священника, выходившаго иногда изъ себя, видя предъ собою расхаживающаго по классу посторонняго человѣка. Случалось, что между ними происходили комическія сцены, доходившія чуть не до ругательствъ. Въ тѣ времена гимназіи вообще, не исключая и Московской, были изъ рукъ вонъ плохи какъ въ учебномъ и педагогическомъ отношеніи, такъ и еще болѣе въ матерьяльной обстановкѣ. Вездѣ грязь, въ окнахъ разбитыя стекла, такъ что въ зимнее время и ученики и учителя сидѣли въ шубахъ или тулупахъ. Составъ учениковъ былъ самый, пестрый, но главную массу составляли люди бѣднаго и низшаго сословія, большею частію неполучившіе никакого воспитанія. Между ними были парни зрѣлыхъ лѣтъ; въ старшихъ классахъ нѣкоторые брили бороду, а рядомъ съ такими приходилось сидѣть мальчишкамъ, которые неизбѣжно заимствовали отъ старшихъ грубость въ обращеніи, дурныя привычки, сквернословіе. Со стороны учителей и начальства также мало было назидательныхъ примѣровъ для молодежи: они относились къ учащимся неимовѣрно грубо и сурово; въ классахъ не только слышались самыя грубыя ругательства, но доходило нерѣдко и до тѣлесной

[1]) Въ письмѣ матери къ Павлу Дмитріевичу Киселеву отъ 16-го сентября она писала: «Обстоятельства наши такъ измѣнились къ худшему, что самое существованіе наше ничѣмъ не обезпечено. Имѣніе должно быть продано за 183 тыс. рублей. У насъ шесть человѣкъ дѣтей малолѣтнихъ....»

расправы: за одно незнаніе заданнаго урока, за невниманіе въ классѣ учителя били линейкою по пальцамъ, драли за уши, а нѣкоторые призывали въ классъ сторожей съ пучками розогъ и тутъ же, безъ дальнѣйшихъ формальностей, раздѣвали провинившагося и пороли не на шутку. Отвратительная эта операція производилась не въ низшихъ только классахъ, не съ одними малолѣтними; подвергались ей и здоровенные, уже зрѣлые молодцы старшихъ классовъ. Начальство гимназіи показывалось рѣдко; почти никогда не видѣли мы директора Окулова, который, впрочемъ, былъ, какъ говорили, человѣкъ порядочный.

Такая безобразная обстановка чрезвычайно поразила и меня, и брата. Привыкши къ домашнимъ нашимъ мягкимъ нравамъ и обращенію, мы смотрѣли съ негодованіемъ и омерзѣніемъ на все, происходившее кругомъ насъ въ гимназіи. На основаніи произведеннаго намъ вступительнаго экзамена, мы поступили въ 3-й и во 2-й классы но по нѣкоторымъ предметамъ я посѣщалъ уроки 4-го класса. Ученіе, какъ я сказалъ, шло очень плохо. Для меня болѣе всего требовалось труда на латинскій языкъ, которому началъ я учиться только незадолго до поступленія въ гимназію. Преподавателемъ этого языка былъ старичекъ Лейбрехтъ, который половину класснаго времени занимался молча чинкою перьевъ на всѣхъ учениковъ. Учитель математики—Терюхинъ, былъ человѣкъ желчный и съ наружностію отталкивающею, отличался особенною суровостію и привычкою къ физической расправѣ. Къ счастію для меня, изъ всѣхъ предметовъ ученія лучше всего я былъ подготовленъ въ математикѣ, и потому уроки Терюхина сходили мнѣ весьма легко. Исторію преподавалъ Добровольскій, котораго всѣ ученики особенно боялись: онъ, по общепринятой въ тѣ времена методѣ, ограничивался тѣмъ, что задавалъ уроки по книжкѣ или по писаннымъ тетрадямъ, отъ такой то строки до такой, и въ классѣ провѣрялъ твердо ли выученъ урокъ каждымъ ученикомъ. Остальные учителя не оставили даже никакого впечатлѣнія въ моей памяти.

Обстановка въ гимназіи,—какъ я уже сказалъ,—показалась намъ, дѣтямъ, крайне неприглядною. Мы не скрывали отъ матери нашего отвращенія и домогались прекращенія ежедневныхъ нашихъ поѣздокъ съ Прѣсни на Пречистенку. Однакожъ, наши заявленія остались безъ вниманія, вѣроятно, потому, что родители наши, съ одной стороны, считали наши жалобы преувеличенными и не хотѣли потворствовать дѣтскимъ прихотямъ, а съ другой—не находили возможнымъ возвра-

титься къ домашнему воспитанію; уроки на дому нѣсколькихъ преподавателей обходились слишкомъ дорого.

Происходившія въ 1828 году важныя событія, военныя и политическія, мало занимали насъ. Мы знали только, что дядя нашъ, Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, пріѣзжавшій въ мартѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ (съ 19 числа по 30), отправился вслѣдъ за тѣмъ на Дунай и отличался въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ; что другой дядя, Николай Дмитріевичъ, только что возвратившійся (въ мартѣ) съ Кавказа, также находился въ Турціи, въ дѣйствующей арміи, при министрѣ иностранныхъ дѣлъ, гр. Несельроде. И тотъ, и другой не заѣзжали въ Москву, потому что въ то время прямымъ сообщеніемъ Петербурга съ Одессой и Кишиневомъ служилъ такъ называемый «Бѣлорусскій» трактъ.

Въ ближайшемъ нашемъ родственномъ кругу произошли въ этомъ году нѣкоторыя перемѣны: семья Полторацкихъ увеличилась родившимся въ сентябрѣ сыномъ Владимиромъ: по этому случаю Прасковья Петровна Киселева ѣздила въ Тверскую деревню Полторацкихъ и прожила тамъ до октября. Въ концѣ года Полторацкіе опять ѣздили въ Петербургъ для окончанія своихъ дѣлъ. Въ октябрѣ скончался внезапно старый и почтеный другъ дома Киселевыхъ, кн. Дмитрій Васильевичъ Голицынъ. Смерть его глубоко огорчила мою мать, къ которой онъ, съ самаго ея дѣтства, всегда относился съ особенною нѣжностію. Онъ не разъ помогалъ ей въ трудныхъ обстоятельствахъ. Въ концѣ же года отецъ мой имѣлъ огорченіе лишиться матери своей, Маріи Ивановны, скончавшейся въ своей деревнѣ Измайловѣ.

Безконечныя дѣла отца требовали снова присутствія его въ Петербургѣ. Онъ уѣхалъ туда въ концѣ декабря. Бѣдная мать опять осталась въ одиночествѣ, въ стѣсненномъ положеніи, имѣя на рукахъ уже шестеро дѣтей. Въ то время гувернеромъ при насъ, трехъ старшихъ мальчикахъ, поступилъ на мѣсто неотесаннаго венгерца Яничекъ болѣе приличный полякъ Гивартовскій, который давалъ намъ также уроки нѣмецкаго языка. Въ январѣ мѣсяцѣ мать была страшно встревожена тяжелою болѣзнью любимаго ея ребенка, Владимира, но, къ счастію, опасенія за его жизнь скоро миновали, а вслѣдъ за тѣмъ получила она успокоительное извѣстіе изъ Петербурга, отъ своей давнишней пріятельницы, Авдотьи Дмитріевны Лачиновой (урожденной гр. Толстой), что, благодаря ея связямъ и хлопотамъ, удалось пристроить мою сестру Машу въ Петербургскій Екатерининскій институтъ пансіонеркою Императрицы. Дѣвочкѣ тогда было всего 6 лѣтъ. Грустно было

1829.

матери отречься отъ воспитанія единственной своей дочери съ такого ранняго возраста и обречь ее на 9-лѣтнее заточеніе въ казенномъ заведеніи; но она была вынуждена принести въ жертву свои нѣжныя материнскія чувства, сознавая, что сама она не въ силахъ, при своей нервной натурѣ и частыхъ болѣзняхъ, вести, какъ слѣдовало, воспитаніе крайне живой и рѣзвой дѣвочки. Въ письмѣ къ П. Д. Киселеву отъ 4-го января 1829 года моя мать писала: «Jen'ai pas l'espérance d'assurer l'existence de mes enfants; je borne donc mes souhaits à leur donner une éducation qui leur tiendra lieu de fortune....»

Дѣла отцовскія въ Петербургѣ не шли на ладъ, не смотря на рекомендательныя письма Павла Дмитріевича Киселева къ ген. Закревскому и другимъ вліятельнымъ друзьямъ. Поданное на Высочайшее имя прошеніе о пріостановкѣ продажи имѣнія за банковый долгъ было передано на разсмотрѣніе министру финансовъ Канкрину съ тѣмъ, «чтобы онъ доложилъ Его Величеству, есть ли возможность удовлетворить это прошеніе, при чемъ было выражено, что Государь принимаетъ въ Милютинѣ участіе по родству его съ Киселевымъ» [1]). Однакожъ, прошеніе не имѣло успѣха. Отецъ мой, увѣдомляя объ этой неудачѣ П. Д. Киселева письмами отъ 4-го и 12-го февраля и 11-го марта, писалъ: «Я знаю, теперь Вамъ не до меня; но у насъ шесть человѣкъ дѣтей; будущность ихъ меня ужасаетъ...» Нѣсколько дней спустя, въ письмѣ къ нему же, П. Д. Киселеву, отъ 4-го апрѣля, упоминая о нерасположеніи ген. Закревскаго и приписывая это какимъ-нибудь сплетнямъ или клеветамъ враговъ, отецъ мой выразился, что переноситъ хладнокровно такія несправедливости, не имѣя на душѣ ни единаго поступка, которымъ кто-либо могъ бы его попрекнуть: «Каждому извѣстно, что я ничего не сдѣлалъ ни чернаго, ни безчестнаго; что я не проигралъ, не промоталъ имѣнія, дошедшаго ко мнѣ не даромъ, не по наслѣдству; но, будучи жертвою, быть можетъ, плановъ, предпринятыхъ не вовремя и не подъ силу, я заплатилъ за то настоящимъ моимъ положеніемъ, тогда какъ стоило бы только отклониться на одну черту отъ пути чести, чтобы сдѣлаться богачемъ. Въ сей увѣренности я всякому смотрю въ глаза прямо, имѣя достаточно характера, чтобы быть равнодушнымъ къ мнѣнію толпы...»

Въ другомъ письмѣ, отъ 23-го апрѣля, отецъ мой сообщалъ Павлу Дмитріевичу о личномъ своемъ свиданіи съ ген. Закревскимъ, кото-

[1]) Письмо флиг.-ад. К. В. Чевкина къ П. Д. Киселеву 7 января 1829 года.

рый на этотъ разъ обошелся съ нимъ любезно и даже обѣщалъ помочь ему въ пріисканіи служебнаго мѣста. Однакожъ, и «протекція» Закревскаго не помогала. Къ кому ни обращался мой отецъ,— ни отъ кого не услышалъ онъ утѣшительнаго слова. При всей своей твердости характера онъ начиналъ терять всякія надежды.

Чтобы поддержать его бодрость, моя мать рѣшилась въ мартѣ мѣсяцѣ ѣхать также въ Петербургъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повезла съ собою малютку, «Машеньку», опредѣлить ее въ институтъ. Сопровождала ее младшая изъ барышень Бакаревыхъ (Марія Алексѣевна). Вотъ, что писала моя мать своему брату, Павлу Дмитріевичу, предъ выѣздомъ изъ Москвы, 26-го марта: «Les autres enfants me préparent beaucoup de chagrin et d'embarras; je perds tout espoir de les placer... Je laisse mesq cin qmalheureux garçons à Moscou sous la protection de maman. Mes parents en apprenant la triste situation de mon mari, m'ont conseillé de la rejoindre au plutôt et m'ont donné tous les moyens d'entreprendre ce voyage. Les 50 ducats que vous avez eu la bonté de m'envoyer, étant une nouvelle preuve de votre amitié, sont venus fort à propos et m'ont été d'un très grand secours... Nous n'avons pas plus d'autre projet que d'obtenir un emploi à mon mari, qui puisse nous faire exister; car il n'y a plus d'autres moyens des ubsister. Combien la Providence est injuste envers nous...»

Послѣ пятидневнаго утомительнаго путешествія въ самую распутицу моя мать остановилась въ Петербургѣ у Полторацкихъ и немедленно же отвезла маленькую свою дочь въ Екатерининскій институтъ, лично передавъ ее на попеченіе начальницы, M-me Crempine и инспектрисы Левицкой. Малютка скоро освоилась съ новою для нея обстановкой и сдѣлалась любимицею всѣхъ воспитанницъ и классныхъ дамъ, не смотря на то, что послѣднимъ досталось немало хлопотъ съ этимъ рѣзвымъ ребенкомъ.

Пристроивъ маленькую дочь, моя мать воспользовалась своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, чтобы выхлопотать что-нибудь для облегченія воспитанія и старшихъ сыновей. Ученіе наше въ губернской гимназіи не могло удовлетворять самымъ невзыскательнымъ требованіямъ. Я не переставалъ упрашивать отца, чтобы онъ взялъ насъ изъ гимназіи; писалъ ему объ этомъ въ Петербургъ. Въ своихъ отвѣтахъ (20-го и 24-го января и послѣдующихъ) отецъ укорялъ меня въ легкомысленномъ уклоненіи отъ гимназическаго ученія, которое невозможно замѣнить домашними уроками; вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ совѣтъ заниматься усердно математикой, русскимъ и иностранными

языками. На необходимость знанія иностранныхъ языковъ онъ указывалъ во всѣхъ своихъ письмахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ терпѣніе, среди всѣхъ его дѣловыхъ занятій, среди всѣхъ заботъ и непріятностей, прочитывать присылаемыя мною дѣтскія сочиненія и сообщать мнѣ свои замѣчанія. При этомъ онъ предостерегалъ меня отъ излишней самонадѣянности въ выборѣ тэмъ, недоступнымъ дѣтскимъ силамъ; не одобрялъ моихъ стихотворныхъ опытовъ и давалъ предпочтеніе работамъ на историческія тэмы. Совѣты отцовскія не остались безъ вліянія на мои дальнѣйшія внѣклассныя занятія.

Повидимому, пріѣздъ матери въ Петербургъ произвелъ нѣкоторую перемѣну во взглядѣ отца на воспитаніе наше въ гимназіи. Родители наши начали хлопотать о помѣщеніи насъ троихъ (меня, Николая и Алексѣя) въ пансіонъ, состоявшій при Московскомъ университетѣ. Матери удалось, съ помощью друзей, Павла Дмитріевича Киселева (Закревскаго, кн. Александра Николаевича Голицына и другихъ), выхлопотать опредѣленіе двухъ младшихъ на казенный счетъ; меня же рѣшено было опредѣлить «полупансіонеромъ», т. е. приходящимъ (экстерномъ) и плату за меня (въ теченіе двухъ лѣтъ съ половиной) принялъ на себя дядя, Павелъ Дмитріевичъ. Это былъ единственный успѣхъ, котораго достигли мои родители своимъ продолжительнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ; во всемъ прочемъ—они испытали полную неудачу.

Полторацкіе также вынуждены были прожить въ Петербургѣ до самаго мая; но имъ удалось устроить свои дѣла съ полнымъ успѣхомъ. Продавъ выгодно свой домъ и дачу въ Твери, они рѣшили поселиться совсѣмъ въ деревнѣ, чтобы заняться сельскимъ. хозяйствомъ. Добродушный Алексѣй Марковичъ, пользуясь своими старыми связями и знакомствами въ Петербургѣ, хлопоталъ, сколько могъ, и по дѣламъ моего отца, особенно относительно пріисканія для него службы и опредѣленія дѣтей. Полторацкіе выѣхали изъ Петербурга одновременно съ моими родителями, которые возвратились въ Москву 13 мая.

Тяжело было матери оставить малолѣтнюю дочь въ Петербургѣ, на чужія руки и на весьма долгое время. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ давнишнихъ пріятельницъ (Авд. Дм. Лачинова, графиня Моденъ и др.) обѣщали свое покровительство малюткѣ, такъ рано оторванной отъ материнскаго попеченія. Зато какую радость принесло намъ, оставшимся въ Москвѣ мальчикамъ, возвращеніе родителей съ извѣстіемъ о давножеланной перемѣнѣ въ нашей судьбѣ: мы покидаемъ ненавистную гимназію и поступаемъ въ университетскій пансіонъ!..

Заведеніе это пользовалось въ то время прекрасною репутаціей и особыми преимуществами. Оно помѣщалось на Тверской и занимало все пространство между двумя Газетными переулками (Старымъ и Новымъ, нынѣ Долгоруковскимъ), въ видѣ большого карэ, съ внутреннимъ дворомъ и садомъ [1]). Пансіонъ назывался университетскимъ только потому, что въ двухъ старшихъ его классахъ, въ V и VI, преподавали большею частію университетскіе профессора; но заведеніе это имѣло отдѣльный, законченный курсъ и выпускало воспитанниковъ съ правами на 14-й, 12-й и 10-й классы по чиноиропзводству. Учебный курсъ былъ общеобразовательный, но значительно превышалъ уровень гимназическаго. Такъ въ него входили нѣкоторыя части высшей математики (аналитическая геометрія, начала диференціальнаго и интегральнаго исчисленія, механика), естественная исторія, Римское право, Русскіе государственные и гражданскіе законы, Римскія древности, эстетика... Изъ древнихъ языковъ преподавался одинъ, латинскій; но нѣсколько позже, уже въ бытность мою въ пансіонѣ, по настоянію министра Уварова, введенъ былъ и греческій. Наконецъ, въ учебный планъ пансіона входилъ даже курсъ «военныхъ наукъ»! Это былъ весьма странный, уродливый наборъ отрывочныхъ свѣдѣній изъ всѣхъ военныхъ наукъ, проходимый въ предѣлахъ одного часа въ недѣлю, въ теченіе одного учебнаго года. Такой энциклопедическій характеръ курса, конечно, не выдерживаетъ строгой критики съ нынѣшней точки зрѣнія педагогики; но въ тѣ времена, когда гимназіи у насъ были въ самомъ жалкомъ положеніи, Московскій университетскій пансіонъ вполнѣ удовлетворялъ требованія общества и стоялъ наравнѣ съ Царскосельскимъ лицеемъ. При бывшемъ директорѣ Прокоповичѣ-Антонскомъ и инспекторѣ—проф. Павловѣ—онъ былъ въ самомъ блестящемъ состояніи. Въ мое время директоромъ былъ Курбатовъ, а инспекторомъ — Иванъ Аркадьевичъ Свѣтловъ—личности довольно безцвѣтныя, но добродушныя и поддерживавшія, насколько могли, старыя традиціи заведенія.

Вскорѣ по возвращеніи моихъ родителей изъ Петербурга, насъ троихъ братьевъ представили (29-го мая) начальству пансіона и, какъ уже сказано, братья мои поступили полными пансіонерами (т. е. въ интернатъ), я же—полупансіонеромъ, т. е. живя дома, ежедневно являлся на уроки, утренніе и вечерніе, и пользовался казеннымъ обѣдомъ. На основаніи вступительнаго экзамена, я былъ принятъ въ 4-й

[1]) Нынѣ это зданіе перестроено и принадлежитъ частному лицу.

классъ, братья—въ 3-й и 2-й. Немедленно облекли насъ въ форменную одежду, которая состояла изъ синяго мундира или сюртука съ малиновымъ воротникомъ и золоченымъ приборомъ, сходная съ формою университетскихъ студентовъ, отъ которой отличалась лишь тѣмъ, что у нихъ полагались на воротникѣ мундира двѣ золоченыя петлицы; у насъ же одна. Притомъ форма одежды у насъ была обязательна и соблюдалась довольно исправно, тогда какъ въ университетѣ немногіе лишь изъ студентовъ носили форменную одежду. Профессора, преподаватели, надзиратели (т. е. воспитатели) носили синіе фраки съ малиновыми суконными воротниками.

Хотя мы поступили въ пансіонъ въ срединѣ учебнаго года [1]), однакожъ, ученіе наше пошло успѣшно, и послѣ того, что намъ довелось видѣть и испытать въ гимназіи, университетскій пансіонъ показался намъ весьма симпатичнымъ. Преподаваніе хорошихъ учителей, приличное отношеніе ихъ къ воспитанникамъ, благовоспитанность большей части товарищей—составляли рѣзкую противоположность съ порядками и нравами, присущими гимназіи. Какъ въ классное время, такъ и внѣ классовъ, воспитанники были подъ наблюденіемъ особыхъ лицъ, называвшихся «надзирателями» и дежурившихъ поочередно. Это были люди весьма порядочные, хотя, конечно, и не безъ слабыхъ сторонъ. Въ числѣ ихъ было четверо русскихъ: Ив. Ник. Данилевскій (впослѣдствіи служившій въ Синодѣ, а въ старости пристроенный мною въ библіотекѣ генеральнаго Штаба), Зиновьевъ, Побѣдоносцевъ и Поповъ, и трое иностранцевъ: французъ Фэ (Fay), нѣмецъ Мецъ и англичанинъ Соважо. Изъ нихъ менѣе всѣхъ пользовались любовью воспитанниковъ послѣдніе двое.

Въ продолженіе лѣтнихъ каникулъ я не оставался праздднымъ. Кромѣ уроковъ нѣмецкаго языка у нашего гувернера Гивартовскаго, я любилъ по прежнему рыться въ отцовской библіотекѣ, гдѣ, разумѣется, попадались мнѣ въ руки самыя разнообразныя книги, не всегда подходившія къ моему возрасту. Съ увлеченіемъ принимался я за разныя работы: выписки, переводы, сочиненія—и также не всегда соотвѣтствовавшія моимъ лѣтамъ и степени развитія. Такъ, напримѣръ, вздумалось мнѣ составить словарь, заключавшій въ себѣ толкованіе разныхъ терминовъ грамматики, риторики, и вообще относящихся къ теоріи словесности. Составленный мною «Литературный словарь», разумѣется, былъ произведеніе весьма слабое, простая ребяческая

[1]) Выпускъ и переводъ изъ класса въ классъ происходили въ концѣ общепринятаго года, т. е. въ декабрѣ.

компиляція изъ учебниковъ; да и можно ли было ожидать чего-нибудь другого отъ 13-лѣтняго мальчика. Къ сожалѣнію, отецъ мой смотрѣлъ слишкомъ снисходительными глазами на мои непосильныя произведенія. Онъ имѣлъ терпѣніе прочитывать ихъ, давалъ совѣты,— а впослѣдствіи допустилъ даже печатаніе этихъ дѣтскихъ опытовъ.

Развлеченіемъ моимъ въ это лѣто были уроки верховой ѣзды въ манежѣ и прогулки верхомъ. Отецъ мой, не смотря на крайне затруднительное положеніе, обремененный долгами, все еще не могъ совершенно отрѣшиться отъ прежнихъ барскихъ привычекъ и прежняго образа жизни. Онъ держалъ на конюшнѣ нѣсколько верховыхъ лошадей и любилъ, въ видѣ отдыха отъ своихъ вѣчныхъ заботъ, выѣзжать за городъ верхомъ; большею частію онъ бралъ меня съ собою; иногда же отпускалъ меня одного. Одиночныя эти прогулки составляли самое большое мое удовольствіе. Припоминаю, между прочимъ, что мы съ отцомъ присутствовали верхомъ на нѣкоторыхъ изъ торжествъ, происходившихъ въ Москвѣ въ это лѣто въ честь Персидскаго Принца Хозревъ-Мирзы, ѣхавшаго въ Петербургъ чрезвычайнымъ посломъ по случаю возстановленія дружественныхъ отношеній между Персіей и Россіей. Москва, по своему обыкновенію, нянчилась со своимъ Азіатскимъ гостемъ, чествовала его разными празднествами, военными смотрами, народными гуляніями.

Въ августѣ нашъ домъ обратился, можно сказать, въ больницу: появилась корь на всѣхъ дѣтяхъ и даже у гостившей у насъ Маріи Алексѣевны Бакаревой. Моя мать, находясь въ послѣднемъ періодѣ беременности, выбивалась изъ силъ, переходя отъ одного больного къ другому. Самый младшій изъ дѣтей — Константинъ — ребенокъ слабый, не вынесъ болѣзни и скончался, проживъ всего одинъ годъ; прочіе всѣ поправились. Въ сентябрѣ мать разрѣшилась вновь сыномъ, получившимъ имя Леонида. Роды эти были тяжелѣе всѣхъ прежнихъ; мы едва было не лишились нашей дорогой матери. «Но Богу угодно было, чтобы я еще осталась въ живыхъ для испытанія моего терпѣнія»...—такъ выразилась она въ письмѣ къ своему брату, Павлу Дмитріевичу (отъ 10-го декабря).

Въ то время П. Д. Киселевъ получилъ новое видное назначеніе: оставивъ еще въ началѣ года мѣсто начальника Главнаго Штаба 2-й арміи (которое занималъ ровно десять лѣтъ), онъ во все продолженіе кампаніи 1829 года командовалъ войсками на лѣвой сторонѣ Дуная, а когда уже заключенъ былъ Адріанопольскій миръ (въ сентябрѣ), онъ находился на Балканахъ, во главѣ войскъ, выдвинутыхъ

для прикрытія праваго фланга и тыла главной арміи; по прекращеніи же всѣхъ военныхъ дѣйствій онъ получилъ званіе «Полномочнаго Предсѣдателя Диванов Княжествъ Валахіи и Молдавіи». Въ ноябрѣ, возвратившись въ Бухарестъ, онъ вступилъ въ управленіе Княжествами и въ командованіе оставленными въ нихъ Русскими войсками. Жена Павла Дмитріевича, Софья Станиславовна, была за границей со своею сестрой, Нарышкиной, то въ Вѣнѣ, то въ Карльсбадѣ или Дрезденѣ. Николай Дмитріевичъ Киселевъ также пользовался въ теченіе лѣта Карльсбадскими водами. Въ Петербургѣ онъ скучалъ своимъ бездѣйствіемъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ какого-либо назначенія за границей.

Въ началѣ декабря отецъ мой долженъ былъ опять ѣхать въ Петербургъ въ надеждѣ дать движеніе дѣламъ, заглохшимъ во время лѣтняго затишья. Нѣсколько времени спустя, предъ Рождествомъ отправилась въ Петербургъ и мать, едва только оправившись отъ болѣзни. Она взяла съ собою своего Володю; такъ-же, какъ и въ прежнюю поѣздку, сопровождала ее Марія Алексѣевна Бакарева. Братья мои, Николай и Алексѣй, были поручены спеціальному попеченію одного изъ нашихъ пансіонскихъ воспитателей — M-r Fay. Новорожденный Леонидъ—ребенокъ слабый и болѣзненный, подававшій мало надежды на долголѣтіе, остался на рукахъ нянекъ, кормилицы и подъ надзоромъ бабушки, Прасковьи Петровны, и тетушки, Александры Дмитріевны, которыя ежедневно навѣщали насъ. Въ праздники Рождества мы, старшіе, проводили большую часть дня у Киселевыхъ; онѣ забавляли насъ катаніемъ «подъ кочели», театрами и другими развлеченіями.

Предъ Рождествомъ въ пансіонѣ произведены были экзамены выпускные и переводные. Я перешелъ въ 5-й классъ, братья мои—въ
1830. 4-й и 3-й. На торжественномъ «актѣ», происходившемъ въ январѣ, я получилъ два приза. Отецъ мой, въ награду за успѣшный результатъ моего экзамена, сдѣлалъ мнѣ очень пріятный подарокъ—верховую лошадь, небольшую, сѣренькую, которую я особенно любилъ. По этому случаю онъ писалъ мнѣ изъ Петербурга (25 декабря): «Поведеніемъ своимъ ты заставляешь меня обращаться съ тобою выше твоихъ лѣтъ и сдѣлать тебѣ подарокъ не дѣтскій».

Не смотря на свои дѣла и заботы, отецъ продолжалъ и заочно входить въ наши учебныя занятія; требовалъ, чтобы мы присылали ему еженедѣльно журналъ нашихъ уроковъ; почти въ каждомъ письмѣ повторялъ совѣтъ прилежнѣе заниматься иностранными язы-

ками. Иногда же въ этихъ письмахъ высказывалось неудовольствіе по поводу доходившихъ до него жалобъ начальства пансіона (т. е. М-г Fay) то на рѣзкія выходки вспыльчиваго брата Николая, то на шалости Алексѣя, котораго зачастую не отпускали домой по воскресеніямъ. Въ письмахъ матери также встрѣчались сѣтованія на поведеніе рѣзваго и живого мальчика.

Родители мои прожили въ Петербургѣ до конца февраля. Благодаря поддержкѣ нѣкоторыхъ изъ друзей П. Д. Киселева, дѣло отцовское пошло было на ладъ; явилась надежда, что продажа имѣнія будетъ пріостановлена, и съ этими утѣшительными результатами возвратились они въ Москву. Но съ другой стороны на бѣдную нашу мать обрушились новые тяжкіе удары: она уже не застала въ живыхъ младшаго изъ дѣтей, Леонида, умершаго на пятомъ мѣсяцѣ отъ рожденія, а пріѣхавъ въ Москву, она узнала, что и другой сынъ—десятилѣтній Алексѣй вдругъ тяжко заболѣлъ въ пансіонѣ. Черезъ двое сутокъ онъ уже кончилъ жизнь на ея рукахъ. Причина болѣзни осталась невыясненною. Такимъ образомъ, въ теченіе какихъ-нибудь шести мѣсяцевъ бѣдная мать лишилась троихъ дѣтей. Изъ десяти рожденныхъ ею остались въ живыхъ мы двое съ Николаемъ, Владимиръ и дочь Марія.

Учебныя занятія мои и брата Николая въ пансіонѣ продолжались своимъ порядкомъ. Въ 5-мъ классѣ, въ который я перешелъ съ начала года, преподавателями были уже все профессора университета. Математику, механику и физику преподавалъ Дм. Матв. Перевощиковъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ Астрономической обсерваторіи (впослѣдствіи былъ академикомъ); Мих. Александровичъ Максимовичъ—естественную исторію; Левъ Алекс. Цвѣтаевъ—Римское Право; Русское же законовѣдѣніе въ 5-мъ классѣ преподавалъ Кольчугинъ, а въ 6-мъ—проф. Сандуновъ; Латинскую словесность и Римскія древности—проф. Кубаревъ; Русскую словесность—поэтъ Раичъ, а въ 6-мъ классѣ—проф. Мих. Троф. Каченовскій, который читалъ и курсъ Эстетики. Священникъ Тарновскій преподавалъ какъ законъ Божій, такъ и Греческій языкъ.

Изъ всѣхъ преподавателей наиболѣе выдавались: Перевощиковъ, Сандуновъ, Цвѣтаевъ и Каченовскій. Первый отличался своею строгою требовательностію отъ учениковъ; онъ имѣлъ обыкновеніе каждый годъ, при начатіи курса въ 5-мъ классѣ, въ первые же уроки проэкзаменовать всѣхъ вновь поступившихъ учениковъ и сразу отбирать овецъ отъ козлищъ. Изъ всего класса обыкновенно лишь весьма

немногіе попадали въ число избранныхъ, т. е. такихъ, которые признавались достаточно подготовленными и способными къ продолженію курса математики въ высшихъ двухъ классахъ; этими только избранными профессоръ и занимался; вся же остальная масса составляла бракъ; профессоръ игнорировалъ ихъ, никогда не спрашивалъ и заранѣе обрекалъ на самую низшую аттестацію—нулемъ. Такъ изъ 60 учениковъ, перешедшихъ вмѣстѣ со мною изъ 4-го класса въ 5-й, Перевощиковъ отобралъ всего четверыхъ, съ которыми и занимался исключительно во все продолженіе двухгодичнаго курса. Въ число этихъ счастливцевъ попалъ и я; только мы четверо и выходили поочередно къ доскѣ, такъ какъ Перевощиковъ слѣдовалъ своей совершенно оригинальной методѣ преподаванія: онъ заставлялъ учениковъ доходить послѣдовательно до выводовъ собственною работою мысли; самъ же только помогалъ имъ, руководилъ этою гимнастикою мозга, не сходя со своего сѣдалища на каѳедрѣ. Такимъ путемъ успѣвалъ онъ, занимаясь только немногими учениками, пройти въ два года весь курсъ математики отъ первыхъ началъ ариѳметики до дифференціальнаго исчисленія. Правда, такой путь былъ весьма не легкій; онъ требовалъ большого напряженія вниманія и силы мышленія; понятно, что такимъ путемъ не могли слѣдовать юноши, худо подготовленные въ младшихъ классахъ, такъ что большинство учениковъ должно было сидѣть въ классахъ, хлопая ушами и не принимая вовсе участія въ урокѣ. За то путь этотъ былъ несомнѣнно самый твердый и надежный; знаніе, пріобрѣтенное самостоятельною работою, врѣзывается глубоко и неизгладимо. Тѣ немногіе ученики, съ которыми занимался Дмитрій Матвѣевичъ, привязывались къ нему лично и къ наукѣ. Въ числѣ моихъ товарищей были такіе, съ которыми случалось мнѣ просиживать по нѣскольку часовъ въ праздники и въ каникулярное время надъ рѣшеніемъ какого-нибудь новаго вопроса или придумывая доказательство какой-нибудь теоремы. Съ однимъ изъ нихъ (Ив. Петр. Шенгелидзевъ) даже послѣ выхода изъ пансіона я былъ долго въ перепискѣ по занимавшимъ насъ вопросамъ такого рода. Въ свободное время мы съ нимъ хаживали къ проф. Перевощикову на Обсерваторію (близъ Трехгорной заставы), чтобы посовѣтоваться съ нимъ или просить разрѣшенія какого-нибудь нашего сомнѣнія и т. п. Перевощикову считаю я себя обязаннымъ столько же, сколько въ дѣтствѣ былъ обязанъ вліянію Заржицкаго.

Другая личность, глубоко врѣзавшаяся въ моей памяти, былъ проф. Сандуновъ—маленькій старичекъ, ходившій по старинному

въ ботфортахъ, а въ холодное время надѣвавшій сверхъ форменнаго вицемундира синюю суконную куртку. Сандуновъ въ прежнее время служилъ въ Сенатѣ оберъ-секретаремъ и славился, какъ опытный и ловкій дѣлецъ; достигнувъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, онъ держалъ себя гордо, съ достоинствомъ относительно начальства и товарищей по университету; съ учащимися обращался съ нѣкоторою саркастическою взыскательностію,—почему всѣ и ученики, и преподаватели, и начальство относились къ нему съ какимъ то особеннымъ «решпектомъ». У насъ, въ пансіонѣ, онъ преимущественно занимался практически судопроизводствомъ и дѣлопроизводствомъ, т. е. заставлялъ насъ знакомиться съ Сенатскими дѣлами, писать дѣловыя бумаги и т. п. Занятія эти могли бы приносить пользу въ примѣненіи на службѣ и въ жизни, еслибъ на нихъ удѣлялось нѣсколько болѣе времени,—что было совершенно невозможно при многопредметности и разнообразіи нашего учебнаго курса.

Проф. Цвѣтаевъ въ молодости своей считался однимъ изъ передовыхъ ученыхъ; онъ былъ изъ числа тѣхъ профессоровъ, которые въ началѣ царствованія Императора Александра I прошли чрезъ Германскіе университеты и первые внесли въ Русскій учебный міръ новѣйшія пріобрѣтенія Европейской науки. Но мнѣ довелось слушать лекціи Цвѣтаева только на склонѣ его жизни, когда уже не оставалось никакихъ слѣдовъ бывшаго нѣкогда блестящаго профессора: онъ обрюзгъ до безобразія, одѣвался (какъ и Сандуновъ) по старинному, говорилъ невнятно, захлебываясь, и въ своихъ лекціяхъ держался буквально изданнаго имъ весьма поверхностнаго учебника.

Также и знаменитый Качановскій въ описываемое время былъ уже на своемъ склонѣ. Затрудняюсь объяснить, почему Михаилъ Трофимовичъ, спеціально подвизавшійся на полѣ Русской исторіи, взялъ на себя читать въ университетскомъ пансіонѣ Эстетику, въ видѣ дополненія къ курсу словесности, читанному въ 5-мъ классѣ сладкимъ и нѣжнымъ поэтомъ Раичемъ. Мы слушали съ уваженіемъ лекціи стараго профессора, пользовавшагося авторитетомъ въ ученомъ мірѣ; но въ сущности мало извлекали пользы изъ его толкованій о красотѣ, граціи, изящномъ и прочемъ, столь же мало поддающемся догматическому опредѣленію и законамъ теоріи.

Изъ прочихъ преподавателей наиболѣе симпатичнымъ былъ М. А. Максимовичъ, бывшій впослѣдствіи профессоромъ въ Кіевскомъ университетѣ Св. Владимира; онъ читалъ намъ естественную исторію,

хотя этотъ предметъ не былъ главною его спеціальностію и проходился у насъ поверхностно, по краткости времени. Прочіе преподаватели (въ томъ числѣ Ал. Мих. Кубаревъ, заставлявшій насъ переводить Корнелія Непота и Цицерона и объяснявшій намъ жизнь древняго Рима, преподаватель статистики, Изм. Ал. Щедритскій и др.) оставили мало впечатлѣній въ молодежи. Упомяну въ видѣ курьеза объ отставномъ маіорѣ Мягковѣ, преподававшемъ всѣ военныя науки въ совокупности. По краткости удѣляемаго на этотъ предметъ времени онъ довольствовался тѣмъ, что каждый изъ учениковъ долженъ былъ къ экзамену заучить одинъ вопросъ программы по выданной ему тетрадкѣ. Такому курсу, конечно, никто не придавалъ серьезнаго значенія.

Преобладающею стороною нашихъ учебныхъ занятій—была Русская словесность. Московскій университетскій пансіонъ сохранилъ съ прежнихъ временъ направленіе, такъ сказать, литературное. Начальство поощряло занятія воспитанниковъ сочиненіями и переводами внѣ обязательныхъ классныхъ работъ. Въ высшихъ классахъ ученики много читали и были довольно знакомы съ тогдашнею Русскою литературой—тогда еще очень необширною. Мы зачитывались переводами историческихъ романовъ Вальтеръ-Скота, новыми романами Загоскина, бредили романтическою школою того времени, знали наизусть многія изъ лучшихъ произведеній нашихъ поэтовъ. Напримѣръ, я зналъ твердо цѣлыя поэмы Пушкина, Жуковскаго, Козлова, Рылѣева (Войнаровскій). Въ извѣстные сроки происходили по вечерамъ литературныя собранія, на которыхъ читались сочиненія воспитанниковъ въ присутствіи начальства и преподавателей. Нѣкоторыми изъ учениковъ старшихъ классовъ составлялись, съ вѣдома начальства, рукописные сборники статей, въ видѣ альманаховъ (бывшихъ въ большомъ ходу въ ту эпоху) или даже ежемѣсячныхъ журналовъ, ходившихъ по рукамъ между товарищами, родителями и знакомыми. Такъ и я былъ одно время «редакторомъ» рукописнаго журнала «Улей», въ которомъ помѣщались нѣкоторыя изъ первыхъ стихотвореній Лермонтова (вышедшаго изъ пансіона годомъ раньше меня); одинъ изъ моихъ товарищей издавалъ другой журналъ «Маякъ» и т. д. Мы щеголяли изящною внѣшностію рукописнаго изданія. Нѣкоторые изъ товарищей, отличавшіеся своимъ искусствомъ въ каллиграфіи (Шенгелидзевъ, Семенюта и др.), мастерски отдѣлывали заглавные листы, обложки и т. д. Кромѣ этихъ литературныхъ занятій, въ зимнія каникулы устраивались въ залѣ пансіона театральныя пред-

ставленія. По этой части однимъ изъ главныхъ участниковъ сдѣлался впослѣдствіи мой братъ Николай—страстный любитель театра.

Всѣ эти внѣклассныя занятія, конечно, отнимали много времени отъ уроковъ, зато чрезвычайно способствовали общему умственному развитію, любви къ наукѣ, литературѣ, чтенію; а такой результатъ едва ли даже не плодотворнѣе одного формальнаго школьнаго заучиванія учебниковъ особенно при томъ уровнѣ, на которомъ въ то время стояла вообще педагогія при тогдашнихъ жалкихъ руководствахъ и поверхностномъ преподаваніи большей части предметовъ. Тогда учащееся юношество вообще не подвергалось мономаніи «классицизма», не притуплялось пыткою греческой и латинской грамматики; тогда не было «вопроса о школьномъ переутомленіи».

Изъ товарищей моихъ по классу сблизился я въ особенности съ Сергѣемъ Строевымъ (роднымъ братомъ извѣстнаго тогда своими трудами по Русской исторіи Павла Строева), Арапетовымъ, двумя братьями Вырубовыми, Гордѣевымъ, Марковымъ, Звѣревымъ, Перовскимъ (Борисъ Алексѣевичъ) и др. Изъ нихъ успѣшнѣе всѣхъ занимался Строевъ—примѣрный во всѣхъ отношеніяхъ юноша; нѣкоторые же, какъ, напримѣръ, Перовскій, оставили пансіонъ до окончанія курса и перешли въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Выше я уже упоминалъ о Шенгелидзевѣ (Иванѣ), отличавшемся своими успѣхами въ математикѣ и отличною калиграфіей (впослѣдствіи онъ служилъ въ Петербургѣ и кончилъ жизнь сумасшествіемъ). Въ срединѣ курса къ числу нашихъ товарищей присоединился Константинъ Булгаковъ—сынъ Московскаго почтъ-директора, переведенный въ нашъ пансіонъ изъ Царскосельскаго Лицейскаго пансіона, по случаю закрытія этого заведенія. Это былъ бойкій и даровитый юноша, впослѣдствіи получившій въ Петербургѣ извѣстность въ числѣ гвардейскихъ офицеровъ, какъ остроумный шалунъ, острякъ, каррикатуристъ и забавный собесѣдникъ.

1830-ый годъ памятенъ мнѣ во многихъ отношеніяхъ. Въ семейномъ нашемъ кругу въ началѣ года отпраздновали двѣ свадьбы: дядя мой, Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ, женился на Елизаветѣ Николаевнѣ Ушаковой, а двоюродная тетка, княжна Вѣра Яковлевна Грузинская, вышла замужъ за Дмитрія Павловича Левшина. Невѣста дяди Сергѣя Дмитріевича, къ которой онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ неравнодушенъ, была замѣчательно красива; другая сестра ея, Екатерина Николаевна, была нѣкоторое время предметомъ поклоненія знаменитаго

нашего поэта Пушкина и фигурировала не разъ въ его стихотвореніяхъ. Пушкинъ былъ друженъ съ Сергѣемъ Дмитріевичемъ Киселевымъ и мнѣ случалось видѣть его у дяди. Однакожъ, вскорѣ потомъ нашъ поэтъ увлекся другою Московскою красавицей—Гончаровой, а Екатерина Николаевна Ушакова вышла за офицера Измайловскаго полка, Наумова.

Въ теченіе лѣта Москва была встревожена появленіемъ холеры. Въ первый разъ приходилось Россіи испытать это бѣдствіе; а потому вездѣ, гдѣ появлялась непрошенная гостья, она производила страшную панику во всѣхъ слояхъ населенія. Никто не имѣлъ понятія ни о предохранительныхъ мѣрахъ противъ болѣзни, ни о средствахъ врачеванія ея. Признавалось нужнымъ прибѣгать къ строгимъ карантиннымъ мѣрамъ, какъ противъ чумы; число смертныхъ случаевъ было такъ велико въ соразмѣрности съ числомъ заболѣвавшихъ, что одинъ страхъ заразы наводилъ ужасъ. Угнетенное состояніе духа неизбѣжно усиливало бѣдствіе. Въ началѣ появленія эпидеміи жертвами ея были большею частію люди низшаго класса, особенно изъ пришлаго на заработки народа, живущаго въ самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ. Понятно, что въ средѣ этого населенія зародились самыя нелѣпыя подозрѣнія въ умышленномъ отравленіи. Какъ всегда, въ подобныхъ случаяхъ злонамѣренныя личности пользовались встревоженнымъ настроеніемъ легковѣрной толпы для возбужденія ропота и неудовольствія. Народъ, не смотря на запрещеніе и противодѣйствіе полиціи, началъ толпами уходить изъ города и разносить болѣзни повсемѣстно.

Такое тревожное состояніе города не мѣшало мнѣ пользоваться лѣтними каникулами и по прежнему дѣлать часто прогулки верхомъ то съ отцомъ, то въ одиночествѣ. Такъ-же, какъ въ прошломъ году, я принялся за нѣкоторыя новыя работы: составлялъ краткое «Руководство къ съемкѣ плановъ», перечень главныхъ событій Русской исторіи, въ формѣ синхронистическихъ таблицъ, перевелъ одинъ плохенькій французскій романъ, данный мнѣ дядею Сергѣемъ Дмитріевичемъ, и т. д. Въ домѣ у насъ пока все шло обычнымъ порядкомъ. Въ началѣ сентября возобновилось ученіе въ пансіонѣ. Но вотъ вдругъ вся Москва встрепенулась: 29-го сентября неожиданно пріѣхалъ самъ Императоръ Николай Павловичъ. Появленіе его среди зараженнаго города ободрило всѣхъ: Государь, со свойственнымъ ему мужествомъ, показывался въ народѣ, посѣщалъ больницы, объѣзжалъ разныя заведенія. Въ числѣ ихъ вздумалось ему заѣхать и въ нашъ университетскій пансіонъ.

Это было первое Царское посѣщеніе. Оно было до того неожиданно, непредвидѣнно, что начальство наше совершенно потеряло голову. На бѣду Государь попалъ въ пансіонъ во время «перемѣны» между двумя уроками, когда обыкновенно учителя уходятъ отдохнуть въ особую комнату, а ученики всѣхъ возрастовъ пользуются нѣсколькими минутами свободы, чтобы размять свои члены послѣ полуторачасового сидѣнія въ классѣ. Въ эти минуты вся масса ребятишекъ обыкновенно устремлялась изъ классныхъ комнатъ въ широкій коридоръ, на который выходили двери изъ всѣхъ классовъ. Коридоръ наполнялся густою толпой жаждущихъ движенія и обращался въ арену гимнастическихъ упражненій всякаго рода. Въ эти моменты нашей школьной жизни предоставлялась полная свобода жизненнымъ силамъ дѣтской натуры; «надзиратели» если и появлялись въ шумной толпѣ, то развѣ только для того, чтобы въ случаѣ надобности обуздывать слишкомъ уже неудобныя проявленія молодечества.

Въ такой то моментъ Императоръ, встрѣченный въ сѣняхъ только старымъ сторожемъ, пройдя чрезъ большую актовую залу, вдругъ предсталъ въ корридорѣ среди бушевавшей толпы ребятишекъ. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвела эта вольница на Самодержца, привыкшаго къ чинному, натянутому строю Петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній. Съ своей же стороны толпа не обратила никакого вниманія на появленіе величественной фигуры Императора, который прошелъ вдоль всего корридора среди бушующей массы, никѣмъ не узнанный, и, наконецъ, вошелъ въ нашъ классъ, гдѣ многіе изъ учениковъ уже сидѣли на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи начала урока. Тутъ произошла весьма комическая сцена: единственный изъ всѣхъ воспитанниковъ пансіона, видавшій Государя въ Царскомъ Селѣ—Булгаковъ, узналъ его и, вставъ съ мѣста, громко привѣтствовалъ: «Здравія желаю Вашему Величеству». Всѣ другіе крайне изумились такой выходкѣ товарища; сидѣвшіе рядомъ съ нимъ даже выразили вслухъ негодованіе на такое неумѣстное привѣтствіе вошедшему «генералу»... Озадаченный, разгнѣванный Государь, не сказавъ ни слова, прошелъ далѣе въ 6-й классъ и только здѣсь наткнулся на одного изъ надзирателей, которому грозно приказалъ немедленно собрать всѣхъ воспитанниковъ въ актовый залъ. Тутъ, наконецъ, прибѣжали, запыхавшись, и директоръ, и инспекторъ, перепуганные, блѣдные, дрожащіе. Какъ встрѣтилъ ихъ Государь—мы не были уже свидѣтелями; насъ всѣхъ гурьбой погнали въ актовый залъ, гдѣ съ трудомъ, кое-какъ установили по классамъ. Императоръ,

возвратившись въ залъ, излилъ весь свой гнѣвъ и на начальство наше, и на насъ съ такою грозною энергіей, какой намъ никогда и не снилось. Пригрозивъ намъ, онъ вышелъ и уѣхалъ, а мы всѣ, изумленные, съ опущенными головами, разошлись по своимъ классамъ. Еще больше насъ опустило головы наше бѣдное начальство.

На другой же день уже заговорили объ ожидающей насъ участи; пророчили упраздненіе нашего пансіона. И, дѣйствительно, вскорѣ послѣ того послѣдовало рѣшеніе преобразовать его въ «Дворянскій Институтъ» съ низведеніемъ на уровень гимназіи; а между тѣмъ послѣдовала перемѣна начальства: директоромъ, вмѣсто добродушнаго Курбатова, назначенъ дѣйств. ст. сов. Иванъ Александровичъ Старынкевичъ; инспекторомъ классовъ, вмѣсто Свѣтлова,—Запольскій. Впрочемъ, перемѣна была только въ именахъ; по существу же все осталось по прежнему. Новые начальники мало отличались своими качествами отъ прежнихъ; только показались намъ менѣе симпатичными, менѣе добродушными. Самое же преобразованіе заведенія совершилось гораздо позже, уже по выходѣ моемъ изъ пансіона.

Таковъ былъ печальный инцидентъ, внезапно взбаломутившій мирное существованіе нашего университетскаго пансіона. Вскорѣ по отъѣздѣ Государя изъ Москвы прерваны были наши уроки такъ-же, какъ и во всѣхъ вообще учебныхъ заведеніяхъ въ Москвѣ, по случаю все усиливавшейся холеры. Число больныхъ и умиравшихъ возрасло въ ужасныхъ размѣрахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилились уныніе и паника. Признано было нужнымъ принять самыя энергическія мѣры: городъ былъ раздѣленъ на 20 частей; въ каждой части назначенъ особый попечитель съ помощниками; открыты временныя больницы; каждая часть оцѣплена кордономъ, такъ что сообщеніе между частями города было почти прервано или, по крайней мѣрѣ, ограничено: проѣздъ разрѣшался только врачамъ и нѣкоторымъ лицамъ по билетамъ. Учрежденъ былъ карантинъ и вокругъ всей Москвы, также заставы между Москвой и Петербургомъ. На улицахъ, площадяхъ и въ домахъ производилось окуриваніе хлоромъ, дегтемъ и другими дезинфекціонными снадобьями. Городъ принялъ самую мрачную физіономію; на улицахъ почти не видно было ни экипажей, ни пѣшеходовъ; торговля почти прекратилась; большая часть лавокъ и мастерскихъ была закрыта, такъ что иногда съ трудомъ доставали бѣлый хлѣбъ и другіе припасы. Само собою разумѣется, что театры и другія мѣста общественныхъ сборищъ были закрыты. Тутъ и тамъ для успокоенія

народа духовенство служило молебны. Поднимались образа, совершались крестные ходы.

Отецъ мой былъ въ числѣ лицъ, избранныхъ для завѣдыванія тою частію города, гдѣ мы жили, т. е. окрестностію Прѣсненскихъ прудовъ. Онъ принялся за дѣло съ обычною дѣятельностію и энергіей, не жалѣя трудовъ для добросовѣстнаго исполненія своей обязанности. Онъ даже занялся научнымъ изученіемъ эпидеміи, впервые постигшей Россію, и по этому предмету издалъ брошюру съ картою, изображавшею послѣдовательный ходъ холеры отъ Персіи до Москвы. Карта эта наглядно показывала, что эпидемія большею частію слѣдовала по направленію большихъ рѣчныхъ и сухопутныхъ сообщеній,— что, повидимому, доказывало, что болѣзнь заносилась пріѣзжими, а можетъ быть,—и грузами. Въ брошюрѣ указывались и средства, испытанныя съ пользою для предохраненія отъ холеры и леченія ея съ первыхъ приступовъ болѣзни. Указанныя тогда средства, конечно, были впослѣдствіи большею частію признаны недѣйствительными. За оказанныя моимъ отцомъ заслуги во время холеры ему потомъ былъ пожалованъ орденъ Св. Владимира 4-й ст.

Разобщеніе между частями города побудило бабушку, Прасковью Петровну Киселеву, съ тетушкой, Александрой Дмитріевной, и обѣими барышнями Бакаревыми переселиться на нѣкоторое время въ нашъ домъ на Прѣсню, чтобы не оставаться разрозненными и совмѣстно переживать тяжелое время, когда ежедневно получались горестныя извѣстія о смерти людей близкихъ, и когда каждый могъ ожидать своей очереди. Рѣшенію бабушки содѣйствовало и то обстоятельство, что прямо насупротивъ ея дома на Поварской открыта была временная больница для холерныхъ. Бабушка переѣхала къ намъ 15-го октября и оставалась до 21-го ноября, когда означенная больница предъ окнами ея дома была закрыта и когда холера въ городѣ начала замѣтно ослабѣвать. Эти пять недѣль самаго сильнаго разгара эпидеміи въ Москвѣ протекли въ нашей домашней жизни не только безъ скорби и унынія, царствовавшихъ вообще въ городѣ, но даже съ особеннымъ оживленіемъ. Хотя холера продержалась въ Москвѣ всю зиму, но съ декабря число ежедневныхъ смертныхъ случаевъ до того уменьшилось, что городъ началъ уже принимать обычную свою физіономію, а съ новаго года общественная жизнь пошла своимъ нормальнымъ ходомъ. Оставались и въ слѣдующемъ году карантины только по трактамъ, ведущимъ въ Москву; отдѣльные случаи холеры въ самой Москвѣ бывали и лѣтомъ 1831-го года.

Въ исходѣ 1830-го года и началѣ слѣдующаго общее вниманіе обратилось на новыя прискорбныя обстоятельства—возстаніе Польши и начавшіяся военныя дѣйствія. Впрочемъ, въ нашей тогдашней жизни политикою почти вовсе не занимались; газетъ мы не видали, а потому до насъ доходили только случайно смутные отголоски слуховъ, привозимыхъ ежедневно отцомъ изъ Англійскаго клуба. Между тѣмъ, въ нашей семьѣ опять послѣдовало приращеніе: 3-го декабря у матери родился еще сынъ, получившій имя Бориса. Это были послѣдніе ея роды.

1831. Послѣ Рождественскихъ праздниковъ возобновились прерванные холерой уроки наши въ пансіонѣ. Перерывъ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ перемѣну срока ежегодныхъ экзаменовъ, выпускныхъ и переводныхъ. Тѣ и другіе были перенесены съ декабря на май мѣсяцъ. Перемѣна эта, въ связи съ ожиданіями закрытія или преобразованія нашего университетскаго пансіона, побудила нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей по классу покинуть пансіонъ и избрать себѣ другую дорогу. Такъ Перовскій и Булгаковъ отправились въ Петербургъ и поступили въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ.

Въ мартѣ отецъ мой опять долженъ былъ отправиться въ Петербургъ все по тому же дѣлу, которое озабочивало его уже нѣсколько лѣтъ. Не смотря на хлопотливую свою жизнь въ Петербургѣ, онъ находилъ время вести со мною переписку, входилъ въ подробности нашихъ учебныхъ занятій, давалъ совѣты, при чемъ настаивалъ по прежнему на необходимости изученія иностранныхъ языковъ, вызывалъ съ моей стороны сужденія о появлявшихся новыхъ литературныхъ произведеніяхъ и т. д. Между прочимъ, въ этой перепискѣ высказано было мною мнѣніе о необходимости заблаговременнаго избранія спеціальнаго поприща, къ которому я полагалъ нужнымъ уже начать готовиться заранѣе. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ по особому случайному обстоятельству.

Одинъ изъ питомцевъ нашего пансіона, Малыгинъ, отлично кончившій курсъ въ предшествовавшемъ году, поступивъ прямо въ старшій классъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія, успѣлъ уже выдержать офицерскій экзаменъ, и въ началѣ 1831 года, пріѣхавъ въ Москву офицеромъ, посѣтилъ нашъ пансіонъ, чтобы повидаться съ прежними товарищами, позже его кончавшими курсъ. Появленіе его въ эполетахъ, съ перьями на шляпѣ возбудило въ насъ такую зависть, что нѣкоторые соблазнились было его примѣромъ и возгорѣли желаніемъ пойти по его слѣдамъ. Въ то время Институтъ Путей Сообщенія, состоя подъ главнымъ начальствомъ Герцога Але-

ксандра Виртембергскаго, пользовался весьма хорошею репутаціей подъ руководствомъ французскихъ инженеровъ, приглашенныхъ на Русскую службу Императоромъ Александромъ I: генераловъ Дестрема, Базена, Потьé и другихъ. Увлекся и я, грѣшный, соблазнительнымъ примѣромъ быстраго достиженія офицерскихъ эполетъ; задумалъ я начать еще до окончанія курса въ университетскомъ пансіонѣ готовиться къ поступленію въ старшій классъ означеннаго Института и счелъ нужнымъ повѣдать этотъ планъ своему отцу, который пріучилъ меня къ полной съ нимъ откровенности. Отецъ отвѣтилъ мнѣ разумнымъ совѣтомъ не увлекаться преждевременными мечтами о выборѣ какого-либо спеціальнаго поприща, а заботиться прежде о пріобрѣтеніи основательнаго общаго образованія; онъ даже высказывалъ желаніе, чтобы по выходѣ изъ пансіона я продолжалъ занятія въ университетѣ, и за тѣмъ уже въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ выбралъ себѣ спеціальную дорогу. На этомъ пока прервались мои юношескія мечтанія, однакожъ, не разсѣялись совсѣмъ.

Дѣла задержали моего отца въ Петербургѣ долѣе, чѣмъ онъ расчитывалъ. Въ іюнѣ окончились въ нашемъ пансіонѣ экзамены, вслѣдствіе которыхъ я перешелъ въ 6-й, т. е. послѣдній классъ. Отецъ въ своихъ письмахъ выражалъ удовольствіе по поводу полученныхъ мною балловъ, и, напротивъ того, строго отозвался о неудачныхъ экзаменахъ бѣднаго моего брата Николая, который, при замѣчательной своей даровитости, нѣсколько пренебрегалъ ученіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несдержаннымъ отношеніемъ своимъ къ преподавателямъ возбуждалъ противъ себя озлобленіе съ ихъ стороны. Строптивость его характера съ ранняго возраста навлекала на него неудовольствіе родителей и частыя взысканія. Отецъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, въ видѣ угрозы брату, писалъ, что будетъ вынужденъ отдать его въ кадетскій корпусъ, «гдѣ онъ, въ отчужденіи отъ родителей и родственниковъ, будетъ готовиться не къ жизни общественной, а къ казармѣ.»

Продолжительное пребываніе отца въ Петербургѣ тревожило мою мать, тѣмъ болѣе, что тамъ свирѣпствовала въ то время холера. Бывшій при отцѣ «конторщикъ» изъ крѣпостныхъ, человѣкъ преданный и любимый, умеръ отъ эпидеміи наканунѣ дня, назначеннаго для выѣзда отца изъ Петербурга, къ большому огорченію моихъ родителей. Отецъ возвратился въ Москву лишь въ началѣ іюля, когда въ Петербургѣ обыкновенно наступаетъ полное затишье въ дѣлахъ, а потому оставаться тамъ становилось вовсе безполезнымъ.

Эпидемія, прекратившаяся въ Москвѣ, распространилась по сѣвернымъ губерніямъ. Находившаяся въ то время въ деревнѣ у Полторацкихъ бабушка Прасковья Петровна Киселева съ Александрой Дмитріевной должны были выждать тамъ снятія карантина, учрежденнаго на пути изъ Твери въ Москву. Дядя мой, Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ, съ женою и новорожденнымъ первенцомъ Павломъ проводилъ это лѣто въ подмосковной, Останкинѣ.

Во время каникулъ я былъ занятъ печатаніемъ своихъ скороспѣлыхъ произведеній: «Опытъ Литературнаго Словаря», «Руководство къ съемкѣ плановъ» и переведеннаго романа «Якарей Уасу».— Хлопоты по изданію этихъ книжекъ, разумѣется, были для меня забавой; мнѣ только что минуло тогда 15 лѣтъ, и впослѣдствіи, въ зрѣлыя лѣта, я сожалѣлъ о томъ, что отецъ поощрялъ мою ребяческую самонадѣянность, помогая мнѣ своими совѣтами въ хлопотахъ по изданію вмѣсто того, чтобы напомнить мнѣ жесткій приговоръ поэта:

«Пятнадцать лѣтъ? не болѣе того?
— Такъ розгами его!»

Но что еще удивительнѣе—о моихъ ребяческихъ твореніяхъ появились въ тогдашнихъ газетахъ и журналахъ весьма снисходительные отзывы. Въ нихъ указывались только кое-какіе частные промахи. Такъ, напримѣръ, «Сѣверная пчела» (1831 г. № 198) дала моей съемкѣ плановъ такую лестную аттестацію: «Автору сей небольшой книжки—15 лѣтъ отъ роду; сіе замѣчаніе сдѣлано нами не для того, чтобы извинить могущіе встрѣтиться въ ней недостатки, а для того, чтобы обратить вниманіе любителей наукъ на труды молодого человѣка, обѣщающаго со временемъ своими талантами, образованіемъ и любовью къ наукамъ сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ отечеству, отличнымъ слугою Государю».

Книжка о съемкѣ плановъ была посвящена Павлу Дмитріевичу Киселеву, который, по полученіи экземпляра, отвѣтилъ мнѣ очень любезнымъ письмомъ: «C'est avec infiniment de plaisir que j'ai reçu, mon cher neveu, votre lettre et le livre qui l'accompagne. Le recumé que vous avez fait d'une science que vous étudiez encore (imprimé ou non), donne toujours une bonne idée de l'aptitude que vous avez pour le travail. Je vous en fais mon sincère compliment et vous engage beaucoup à continuer vos études avec tout le zèle possible. Votre avenir en dépend»... и т. д.

Въ теченіе лѣта 1831 года я познакомился съ Аксаковыми, бывалъ въ домѣ у почтеннаго Сергѣя Тимофеевича и сблизился съ его сыномъ Константиномъ, который былъ мнѣ ровесникомъ и уже въ то время выдавался своими дарованіями, любознательностію и серьезными занятіями. Другіе братья его были тогда еще слишкомъ молоды и не принимали участія въ нашихъ бесѣдахъ.

Отецъ мой не переставалъ заботиться о томъ, чтобы мы съ братомъ Николаемъ усовершенствовались въ иностранныхъ языкахъ. Независимо отъ ученія въ пансіонѣ, мы брали уроки у приходившихъ къ намъ на домъ, въ каникулярное время, учителей: французскаго M-r Delaveau и нѣмецкаго—Trautmann. Однакожъ, не смотря на всѣ старанія родителей, нѣмецкій языкъ почему то намъ не давался; такъ и не выучились мы говорить по нѣмецки. Не слѣдуетъ ли приписать это лишь тому, что всѣ наши учителя этого языка были намъ антипатичны.

Съ приближеніемъ осени, въ началѣ сентября, отецъ снова долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ. Въ пансіонѣ уроки начались почему-то позже обыкновеннаго—въ концѣ сентября. Въ ожиданіи преобразованія и при новомъ начальствѣ замѣчалась въ нашей школьной жизни нѣкоторая шероховатость. Отецъ, по прежнему, писалъ мнѣ длинныя письма, иногда на французскомъ языкѣ, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы доставить мнѣ случай практиковаться на томъ же языкѣ. Нельзя не подивиться, какъ могъ онъ, при своихъ дѣлахъ и заботахъ въ Петербургѣ, удѣлять время на такую переписку, давая себѣ трудъ входить въ подробный разборъ моихъ ребяческихъ умствованій и незрѣлыхъ мнѣній. Отецъ возвратился въ Москву только предъ Рождествомъ.

Въ теченіе осени 1831 года Москва опять оживилась пребываніемъ Царской фамиліи. По этому случаю, какъ обыкновенно, старушка принарядилась, засуетилась; только и занималась торжествами, балами и разсказами объ Августѣйшихъ гостяхъ и сопровождавшихъ ихъ Петербургскихъ сановникахъ. И нашъ скромный пансіонъ удостоился Высочайшаго вниманія: послѣ предварительнаго осмотра Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Уваровымъ, вмѣстѣ съ попечителемъ, кн. Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ, посѣтилъ и самъ Императоръ. На этотъ разъ все обошлось благополучно; Государь остался доволенъ найденнымъ порядкомъ и какъ будто хотѣлъ своею благосклонностію изгладить тяжелое воспоминаніе о прошлогоднемъ своемъ гнѣвѣ. Министръ и попечитель, при своемъ посѣщеніи пансіона,

почтили меня лично любезнымъ привѣтомъ по поводу только что изданныхъ предъ тѣмъ моихъ сочиненій, а затѣмъ мы съ братомъ Николаемъ были приглашены на балъ, данный княземъ Серг. Мих. Голицынымъ въ честь Августѣйшихъ гостей. Однакожъ, у насъ не хватило смѣлости, чтобы рѣшиться на первый шагъ въ большой свѣтъ въ такомъ блестящемъ собраніи; мы не были на балѣ, къ неудовольствію отца, который по этому случаю, въ письмѣ изъ Петербурга (отъ 9-го ноября), укорялъ меня въ застѣнчивости и убѣждалъ въ необходимости усвоенія свѣтскихъ привычекъ. Годомъ позже (22-го декабря 1832 г.) моя мать писала обо мнѣ Павлу Дмитріевичу Киселеву: «Il est extrêmement timide et n'a pas assez l'usage du monde».

Дѣло отца по имѣнію не пришло и въ этомъ году къ окончанію; но, по крайней мѣрѣ, ему удалось поступить на службу—чиновникомъ особыхъ порученій при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ. Кн. Дмитрій Владимировичъ Голицынъ всегда благоволилъ къ нему и обѣщалъ предоставить ему впослѣдствіи мѣсто управляющаго дѣлами въ учреждавшейся тогда новой Коммиссіи по сооруженію храма, такъ давно уже проектированнаго въ воспоминаніе Отечественной войны 1812 года. Поступленіе отца на службу хотя и съ небольшимъ на первое время содержаніемъ все-таки имѣло на него успокоительное вліяніе. Съ другой стороны, его крайне огорчало разстройство здоровья моей матери, у которой въ послѣднее время замѣтно усиливалась болѣзненная полнота, возбуждавшая опасеніе водяной.

1832. Мое ученіе въ пансіонѣ приближалось къ окончанію; прилежно готовился я къ выпускному экзамену, ожидаемому въ іюнѣ мѣсяцѣ. Однакожъ, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе занималъ меня вопросъ о выборѣ дальнѣйшаго пути къ жизни. Считая весьма недостаточнымъ полученное въ пансіонѣ энциклопедическое образованіе, я перебиралъ въ своихъ мысляхъ разныя подходящія къ моимъ наклонностямъ спеціальности и болѣе всего останавливался на корпусѣ Инженеровъ Путей Сообщенія или на генеральномъ штабѣ. Но мы, Московскіе юноши, имѣли самыя смутныя представленія вообще о дѣлахъ служебныхъ и въ особенности о службѣ военной. Поэтому я обратился опять къ тому же Малыгину, о которомъ упомянуто выше, съ просьбой сообщить мнѣ свѣдѣнія и собственныя его мнѣнія о занимавшемъ меня вопросѣ. Малыгинъ, въ письмѣ отъ 3-го мая (изъ Петербурга), нарисовалъ мнѣ самую заманчивую перспективу всѣхъ выгодъ,

которыя представляетъ избранный имъ самимъ путь, т. е. поступленіе въ Институтъ Путей Сообщенія и служба по этому вѣдомству, при чемъ замѣчалъ, что служба эта не закрываетъ пути и въ генеральный штабъ, еслибъ впослѣдствіи я предпочелъ этотъ родъ службы,—чего, впрочемъ, онъ не допускалъ. Въ письмѣ Малыгина замѣчательно сочувствіе, съ которымъ выражался бывшій питомецъ нашего университетскаго пансіона о мѣстѣ своего воспитанія: «Оно священно для меня во многихъ отношеніяхъ,—писалъ онъ,—я обязанъ ему всѣмъ моимъ образованіемъ; ничто не можетъ въ жизни замѣнить тѣ незабвенныя минуты, которыя доставлялъ мнѣ пансіонъ,—и вотъ, почему каждый изъ нашихъ сотоварищей столь же дорогъ для меня, какъ ближайшій родственникъ...» и т. д.

Полученныя отъ Малыгина свѣдѣнія, конечно, укрѣпили во мнѣ намѣреніе избрать, по выпускѣ изъ пансіона, службу въ корпусѣ Инженеровъ Путей Сообщенія. Все это не было тайною для моихъ родителей, которые не противились моимъ стремленіямъ, но желали только нѣсколько отсрочить рѣшеніе, чтобъ удержать меня въ семьѣ еще на нѣкоторое время, такъ какъ мнѣ только къ концу выпускного экзамена должно было минуть 16 лѣтъ. Притомъ они считали нужнымъ въ рѣшеніи вопроса о моей будущей службѣ сообразоваться съ совѣтами дяди, П. Д. Киселева, который платилъ за мое обученіе въ пансіонѣ. Въ двухъ письмахъ моей матери (2-го іюля и 22-го декабря 1832 г.) выражалась признательность Павлу Дмитріевичу за доставленныя имъ средства докончить мое воспитаніе и испрашивалось его дальнѣйшее покровительство для опредѣленія меня на службу, при чемъ упоминалось и о предположеніи моемъ поступить въ корпусъ Инженеровъ Путей Сообщенія.

Къ исходу іюня экзамены мои окончились вполнѣ успѣшно; я сталъ первымъ по выпуску ученикомъ, удостоенъ награжденія чиномъ X-го класса и серебряною медалью. Въ данномъ мнѣ аттестатѣ [1]) было прямо констатировано, что, въ случаѣ поступленія въ военную службу, мнѣ предоставляется «право на производство въ офицеры по прослуженіи 6-мѣсячнаго срока въ низшихъ званіяхъ, хотя бы и не было вакансіи въ томъ полку, куда буду опредѣленъ».

Такой удачный результатъ произвелъ большую радость въ семьѣ и доставилъ утѣшеніе родителямъ. Въ теченіе лѣта я не опочилъ на лаврахъ: бралъ уроки языковъ, французскаго, нѣмецкаго, англій-

[1]) Аттестатъ былъ выданъ только 31-го октября 1832 года; за подписью помощника попечителя Голохвастова, директора Старынкевича и инспектора Запольскаго.

скаго, а также музыки; велъ переписку съ бывшимъ своимъ товарищемъ, Шенгелидзевымъ, по разнымъ вопросамъ, встрѣчавшимся въ моихъ занятіяхъ математикой; посѣщалъ по временамъ проф. Перевощикова на Трехгорной обсерваторіи его. По истеченіи же каникулярнаго времени началъ я ходить на его лекціи въ университетѣ по астрономіи и механикѣ. Лекціи эти доставляли мнѣ большое удовольствіе; но я посѣщалъ ихъ частнымъ образомъ и, къ сожалѣнію, не долго. Въ теченіе осени снова посѣтилъ Москву Министръ Народнаго Просвѣщенія, Уваровъ; нѣсколько дней сряду пріѣзжалъ онъ въ университетъ и выслушивалъ лекціи, которыя читали въ его присутствіи сами студенты на заданныя имъ заблаговременно тэмы. Слышанныя мною лекціи нѣкоторыхъ изъ студентовъ старшихъ курсовъ по астрономіи, механикѣ, высшей математикѣ были замѣчательно хороши.

Хотя выпускной аттестатъ изъ университетскаго пансіона былъ мнѣ выданъ уже въ октябрѣ, однакожъ, счеты мои съ этимъ заведеніемъ не были еще покончены до того дня, когда назначенъ былъ торжественный «актъ», на которомъ выпускные воспитанники должны были въ послѣдній разъ предстать предъ публикой, произносить рѣчи, читать стихи своего сочиненія, получать награды и т. д. Это происходило 2-го ноября. Мнѣ, какъ первому по выпуску, выпало на долю произнести рѣчь на русскомъ языкѣ, мною уже сочиненную и просмотрѣнную проф. Коченовскимъ. Тэма, на которую она была написана, заключалась въ томъ, что воспитаніе человѣка не заканчивается въ стѣнахъ учебнаго заведенія въ лѣта юности; что умственныя и душевныя его силы развиваются и укрѣпляются опытомъ самой жизни и т. д. Само собою разумѣется, что мысль эта была облечена въ самыя цвѣтистыя риторическія формы тогдашняго напыщеннаго витійства съ оттѣнкомъ сантиментальности и завершалась выраженіемъ признательности мѣсту воспитанія, родителямъ, наставникамъ, начальству, восходя до «десницы Великаго Монарха—Покровителя, осѣняющей насъ и указующей путь къ служенію Престолу и Отечеству!»... Рѣчь эта, конечно, была привѣтствована сочувственнымъ рукоплесканіемъ снисходительной публики.

Это былъ послѣдній день, когда мнѣ довелось облечься въ мундиръ съ малиновымъ воротникомъ. Разставшись съ пансіономъ, я сохранилъ пріятельскія отношенія со многими изъ моихъ прежнихъ товарищей, преимущественно же съ тѣми, съ которыми впослѣдствіи встрѣчался въ Петербургѣ: Арапетовымъ, Марковымъ, Звѣревымъ,

Гордѣевымъ, братьями Вырубовыми и другими. Съ первымъ изъ названныхъ—Иваномъ Павловичемъ Арапетовымъ—установились самыя дружескія связи на всю жизнь. Съ Ив. Петр. Шенгелидзевымъ, какъ уже упомянуто, я велъ въ первые годы по выходѣ изъ пансіона довольно оригинальную переписку.

Шенгелидзевъ былъ самъ большой оригиналъ. Какъ человѣкъ бѣдный, онъ поступилъ немедленно по окончаніи курса въ пансіонѣ учителемъ въ домъ Засѣцкихъ, жившихъ въ деревнѣ близъ Вязьмы. Оттуда и писалъ онъ мнѣ:

8-го августа: «Счастливый ты человѣкъ: ты можешь заниматься и никто тебѣ не мѣшаетъ; а я по сію пору не принимался за математику... Открылъ ли ты способъ чертить параболу?»

17-го августа: «Какъ счастливъ ты, что будешь слушать у Перевощикова механику. Пожалуйста, въ письмахъ своихъ помѣщай его лекціи».

Въ томъ же письмѣ онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я «изложилъ ходъ своего открытія (?) о черченіи гиперболы совсѣмъ не по его системѣ».

Въ концѣ 1832 года бѣдный Шенгелидзевъ долженъ былъ оставить свое мѣсто учителя въ частномъ домѣ; оказалось, что его отецъ, служившій по коммисаріатской части въ Вильнѣ, не былъ въ такой нуждѣ, какъ до сихъ поръ полагалъ его сынъ. По требованію отца, мой товарищъ долженъ былъ отправиться въ Вильну, куда онъ тащился цѣлый мѣсяцъ съ какимъ то транспортомъ коммисаріатскихъ вещей за неимѣніемъ денежныхъ средствъ для переѣзда на почтовыхъ. Въ Вильнѣ онъ поступилъ на службу въ канцелярію военнаго губернатора, домогался мѣста учителя въ гимназіи, чтобы только имѣть возможность снова обратиться къ излюбленнымъ занятіямъ математикой. Въ 1833 году переписка наша прекратилась, но впослѣдствіи я встрѣчался съ нимъ не разъ въ Петербургѣ. Одно время онъ служилъ чиновникомъ въ вѣдомствѣ Путей Сообщенія; но кончилъ весьма печально—сумасшествіемъ.

Въ теченіе 1832 года въ нашемъ родственномъ кружкѣ произошли слѣдующія перемѣны: у Полторацкихъ родился 25-го мая второй сынъ, Алексѣй, а у Сергѣя Дмитріевича и Елизаветы Николаевны Киселевыхъ въ концѣ іюня,—второй сынъ, Николай. Такъ-же, какъ и въ прошломъ году, бабушка Прасковья Петровна ѣздила

лѣтомъ къ Полторацкимъ въ Тверскую деревню и вторично посѣтила ихъ въ декабрѣ, на короткое время, по случаю болѣзни дѣтей. Дядя Сергѣй Дмитріевичъ, давно уже страдавшій каменною болѣзнью, выдержалъ осенью весьма серьезную операцію.

Къ концу года дѣла моего отца снова потребовали присутствія его въ Петербургѣ. Онъ собрался въ путь предъ самымъ Рождествомъ и предложилъ мнѣ съѣздить вмѣстѣ съ нимъ, чтобы развлечься въ теченіе Рождественскихъ праздниковъ. Охотно принялъ я это предложеніе, хотя до того времени никогда еще не покидалъ ни на одинъ день родительскаго крова. Меня манило любопытство—взглянуть на столицу, а вмѣстѣ съ тѣмъ представлялся случай лично переговорить съ Малыгинымъ и собрать болѣе опредѣленныя справки относительно разныхъ родовъ службы. Поѣздки отца въ Петербургъ всегда огорчали мою бѣдную, больную мать; на этотъ же разъ ей было еще грустнѣе отпустить и меня хотя бы на короткое время.

Переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ составлялъ въ тѣ времена значительное путешествіе. Хотя на большей части пути уже было сооружено великолѣпное шоссе, однакожъ, въ средней части, на протяженіи нѣсколькихъ станцій, между Торжкомъ и Крестцами, приходилось еще ѣздить по старой дорогѣ и во многихъ болотистыхъ мѣстахъ, на многіе десятки верстъ, по бревенчатой греблѣ. Проѣздъ по такой дорогѣ былъ настоящею пыткой. Мы съ отцомъ ѣхали въ возкѣ, безостановочно, почти четверо сутокъ. Въ Петербургъ пріѣхали вечеромъ и остановились въ гостинницѣ «Лондонъ», на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади (гдѣ теперь магазины Даціаро и Рихтера). Предъ самыми окнами нашего номера происходилъ съ утра до ночи неумолкаемый гамъ балагановъ, занимавшихъ почти всю Адмиралтейскую площадь на время Рождественскихъ праздниковъ, такъ-же, какъ на масляницѣ и на Святой недѣлѣ.

Въ первое же утро пребыванія въ Петербургѣ, пока отецъ дѣлалъ свои офиціальные и дѣловые визиты, я пошелъ бродить одиноко по городу и отыскивать немногихъ своихъ знакомыхъ. До сихъ поръ сохранилось въ моей памяти тягостное впечатлѣніе, съ перваго же раза произведенное на меня Петербургомъ. Странствуя пѣшкомъ наобумъ, съ планомъ въ рукѣ, и отыскивая одного знакомаго офицера Лейбъ-гренадерскаго полка (Каверина), я очутился на ледяной поверхности Невы, какъ среди степи. Знакомый мой жилъ въ казармахъ на Петербургской сторонѣ; я засталъ его въ обществѣ товарищей—за карточнымъ столомъ. Въ комнатѣ едва можно было разглядѣть

что-либо сквозь густое облако табачнаго дыма. Картина эта, въ раннее утро, произвела на меня непріятное впечатлѣніе и дала невыгодное понятіе о казарменной жизни гвардейскихъ офицеровъ.

Таково было первое мое знакомство съ Петербургомъ, о которомъ москвичи слыхали столько чудесъ. Не смотря на праздничное движеніе на улицахъ, на блестящій Невскій проспектъ, на неумолкавшіе звуки балаганной музыки, мнѣ было скучно и грустно. Я чувствовалъ себя чужимъ въ этомъ большомъ городѣ. Отецъ началъ возить меня къ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ; по настоянію его, я посѣщалъ театры, маскарады; былъ даже въ Зимнемъ дворцѣ на большомъ балѣ, который давался ежегодно въ началѣ января и на который открывался входъ всему городу. Здѣсь, протискиваясь съ трудомъ въ разношерстной толпѣ, я увидѣлъ въ первый разъ Царскіе чертоги и блескъ Двора. Но и здѣсь, такъ-же, какъ въ маскарадѣ (въ залѣ Дворянскаго Собранія, въ домѣ Энгельгардта на Невскомъ проспектѣ, противъ Милютиныхъ лавокъ) и даже въ театрѣ, меня преслѣдовали скука и тоска. 1833.

Одно, что могло въ Петербургѣ доставить мнѣ отрадныя минуты—было свиданіе съ маленькой сестрой, которая уже четыре года была оторвана отъ семьи. Въ первое же воскресеніе по пріѣздѣ въ Петербургъ мы съ отцомъ отправились утромъ въ Екатерининскій институтъ не въ общую залу, гдѣ происходили обыкновенно свиданія воспитанницъ съ посѣщающими ихъ родственниками, а въ комнаты самой директрисы. Почтенная старушка, какъ всегда, приняла насъ радушно и послала за нашей Машей, которая скоро прибѣжала и съ радостію увидѣла отца; меня же не узнала и въ первую минуту дичилась. Первое наше свиданіе, происходившее въ присутствіи отца и начальницы, было нѣсколько холодное; но въ слѣдующія воскресенія я уже являлся одинъ въ общей залѣ института и въ короткое время между нами установились самыя дружественныя отношенія. Если я пропускалъ которое-либо изъ воскресеній, то она грустила и плакала. Но случалось и наоборотъ, что я напрасно ждалъ ея появленія въ залѣ: обыкновенно это означало, что бѣдняжка подъ наказаніемъ, лишена передника, безъ котораго показаться въ залѣ признавалось невозможнымъ. Она была, по прежнему, рѣзвымъ и шаловливымъ ребенкомъ; но училась хорошо и продолжала быть предметомъ «обожанія» своихъ подругъ.

Въ числѣ домовъ, съ которыми познакомилъ меня отецъ, былъ извѣстный богачъ, Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, у котораго было

два взрослыхъ сына (одинъ, Иванъ—въ гражданской службѣ, другой—Сава—кавалергардскій офицеръ) и дочь (которая позже вышла за гр. Штейнбокъ-Фермора). Яковлевъ жилъ въ своемъ огромномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ, соблюдалъ старинные нравы и держалъ себя съ большою важностью. По воскресеніямъ съѣзжались къ нему къ обѣду родственники и близкіе знакомые. Отецъ мой, съ молодыхъ лѣтъ имѣвшій связи со всей семьей Яковлевыхъ и даже считавшійся какъ то въ родствѣ съ ними, также обѣдалъ каждое воскресеніе у старика Алексѣя Ивановича и возилъ меня съ собой. Но, признаться, эти обязательные воскресные обѣды чрезвычайно тяготили меня. Кромѣ того, чаще другихъ навѣщалъ я родственниковъ отца, Секретаревыхъ (сына Московскаго Секретарева, Ѳедора Ермолаевича, и милую жену его); бывалъ также съ отцомъ у Лачиновыхъ (Московскихъ нашихъ пріятелей), въ семействѣ Николая Петровича Новосильцева—статсъ-секретаря, завѣдывавшаго учрежденіями Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и еще у нѣкоторыхъ другихъ. Но изъ всѣхъ новыхъ знакомствъ въ Петербургѣ болѣе всего радушный пріемъ нашелъ я въ семьѣ Авдулиныхъ, съ которыми отецъ мой познакомился въ прежніе свои пріѣзды въ Петербургъ, по родственнымъ отношеніямъ ихъ къ Яковлевымъ. Старикъ Алексѣй Николаевичъ Авдулинъ былъ отставной генералъ-маіоръ, вдовецъ, человѣкъ стараго покроя, державшій себя съ нѣкоторою важностію, но въ душѣ добрый и обходительный. У него былъ сынъ Сергѣй Алексѣевичъ и двѣ малолѣтнія дочери: Варвара и Марія, воспитаніемъ которыхъ занималась тетка ихъ, Дарія Николаевна, незамужняя сестра Алексѣя Николаевича. Молодой Авдулинъ былъ только немногими годами старше меня, наружности крайне непривлекательной, домашняго воспитанія; принадлежалъ къ Петербургскому большому свѣту и считался на службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Не получивъ основательнаго образованія, онъ, однако же, былъ человѣкъ начитанный и продолжалъ много читать. Въ свѣтѣ имѣлъ онъ репутацію остряка и злоязычника, но въ пріятельскомъ кружкѣ былъ весьма забавный собесѣдникъ. Тетка его, Дарія Николаевна, добрая женщина, почти безвыѣздно сидѣла дома, занимаясь своими племянницами, изъ которыхъ старшая, дѣвочка лѣтъ 12-ти, была болѣзненная, а другая, еще малолѣтняя, лѣтъ 9-ти, смышленая и вышколеная тетушкою. При дѣвочкахъ была еще гувернантка—молодая, некрасивая дѣвушка, M-elle Marie, а при молодомъ Авдулинѣ проживалъ, въ видѣ пріемыша, сверстникъ его по лѣтамъ, Николай Александровичъ Бибиковъ,—мо-

лодой человѣкъ, простоватый, съ весьма ограниченнымъ образованіемъ, но чрезвычайно добродушный.

Въ этой то семьѣ я былъ принятъ съ такимъ радушіемъ, съ такою добротою, что въ короткое время уже чувствовалъ себя у нихъ, какъ дома. Всѣ, отъ старика отца до малолѣтнихъ дѣвочекъ и простодушнаго «Николеньки», обходились со мной, какъ бы съ давнишнимъ другомъ дома или близкимъ родственникомъ. У молодого Авдулина часто собирался кружокъ пріятныхъ молодыхъ людей, въ обществѣ которыхъ проводилъ я время съ удовольствіемъ. Въ числѣ ихъ бывали товарищи Авдулина по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ: Балабинъ (бывшій впослѣдствіи посломъ въ Вѣнѣ), Калержи и другіе. Были тутъ собесѣдники и другого сорта: вѣчный полковникъ Данзасъ, сохранившій и въ почтенныхъ лѣтахъ привычки молодого шалуна, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ въ роли секунданта знаменитаго Пушкина; двоюродный братъ Авдулина—Пасхаловъ, отставной саперный офицеръ, отличавшійся крайнимъ цинизмомъ въ рѣчахъ и поведеніи; и еще много такихъ личностей, о которыхъ въ памяти моей не осталось и слѣда.

Старикъ Авдулинъ былъ женатъ на одной изъ семи дочерей богача Сергѣя Яковлева, Екатеринѣ Сергѣевнѣ, умершей уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Поэтому семейство Авдулиныхъ имѣло многочисленное родство: отставные генералы Манзе и Альбрехтъ, откупщикъ Абаза, старикъ Сабиръ (побочный сынъ извѣстнаго Рибаса) и двое Шишмаревыхъ,—все это были свояки Алексѣя Николаевича Авдулина. Изъ числа ихъ женъ оставались въ живыхъ только Манзе, Сабиръ и одна изъ Шишмаревыхъ. У всѣхъ семи сестеръ были дѣти и, такимъ образомъ, родство было очень многочисленное. Сдѣлавшись близкимъ человѣкомъ въ домѣ Авдулиныхъ, я долженъ былъ, разумѣется, познакомиться и съ большею частію названныхъ родственниковъ, которые принимали меня любезно. Понятно, что въ этомъ именно кругу проводилъ я большую часть времени въ Петербургѣ.

Съ первыхъ же дней моего тамъ пребыванія я имѣлъ свиданіе съ Малыгинымъ и вдоволь выцѣдилъ изъ него все, что было мнѣ нужно узнать относительно вѣдомства Путей Сообщенія. Хотя я не отступалъ еще отъ прежнихъ своихъ предположеній, однакожъ, послѣ подробнѣйшихъ личныхъ разъясненій Малыгина, а въ особенности послѣ всего, что случайно пришлось мнѣ слышать и видѣть въ Петербургѣ, служба въ корпусѣ Путей Сообщенія уже далеко не казалась мнѣ такъ привлекательною, какъ прежде.

Пребываніе мое въ Петербургѣ затянулось долѣе предположеннаго; дѣла задерживали моего отца. Въ письмахъ матери все болѣе выражались грусть и нетерпѣливое ожиданіе нашего возвращенія. Въ одномъ изъ писемъ она выражалась такъ: «Для жизни моей нужно быть съ близкими сердцу, какъ для существованія нуженъ воздухъ»... Наступилъ февраль мѣсяцъ; я уже нѣсколько обжился въ Петербургѣ, благодаря радушному дому Авдулиныхъ. Петербургская атмосфера укрѣпила мое желаніе скорѣе покончить съ вопросомъ о выборѣ предстоящаго служебнаго пути. И вотъ, совершенно случайно вопросъ этотъ рѣшился скорѣе, чѣмъ могъ я предвидѣть.

Между многочисленными своими знакомыми отецъ посѣтилъ полковника Майкова, Михаила Апполоновича, командира 1-й гвардейской артиллерійской бригады, пріѣзжавшаго не разъ въ Москву и бывшаго у насъ въ домѣ. Отецъ взялъ меня съ собою, и въ разговорѣ съ полковникомъ, упомянулъ о моемъ намѣреніи поступить на службу въ корпусъ Инженеровъ Путей Сообщенія. Полковникъ горячо возсталъ противъ такого предположенія: «Какъ это возможно?» говорилъ онъ,—«что вамъ за охота? Ступайте лучше къ намъ, въ гвардейскую артиллерію; мы примемъ васъ съ распростертыми объятіями»... и такъ далѣе. Слово за слово—и въ какія-нибудь четверть часа совершенно перевернулись всѣ мои планы. На всѣ разспросы отца и мои полковникъ Майковъ доказалъ, какъ дважды два—четыре, что для меня несравненно выгоднѣе поступить юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, и обнадежилъ, что по выслугѣ юнкеромъ узаконеннаго 6-мѣсячнаго срока и по выдержаніи экзамена я могу и въ этомъ родѣ службы достигнуть офицерскаго чина и открыть себѣ дорогу, гораздо болѣе блестящую, чѣмъ въ вѣдомствѣ Путей Сообщенія. Отецъ мой убѣдился его доводами и далъ свое согласіе на вступленіе мое въ гвардейскую артиллерію; я же былъ въ полномъ восторгѣ. Такъ обыкновенно бываетъ отрадно, когда послѣ долгаго и томительнаго колебанія въ рѣшеніи своей участи вдругъ вопросъ рѣшается какъ бы самъ собой и тяготившее бремя заботъ и сомнѣній вдругъ спадаетъ съ плечъ; но въ настоящемъ случаѣ мое удовольствіе усугублялось тѣмъ, что предо мной неожиданно открывалась такая блестящая дорога, о какой не смѣлъ я прежде и грезить. Служба въ гвардейской артиллеріи не только сама по себѣ представилась мнѣ болѣе привлекательною, чѣмъ въ вѣдомствѣ Путей Сообщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ могла прямѣе и легче вести меня къ службѣ генеральнаго штаба, составлявшей конечную цѣль моихъ вожделѣній.

Недолго думая, мы съ отцомъ приняли съ благодарностію предложеніе любезнаго командира бригады, который далъ намъ всѣ указанія относительно процедуры поступленія молодыхъ людей юнкерами въ военную службу, взялся помочь намъ въ этомъ дѣлѣ и посовѣтовалъ не терять напрасно времени, дабы я успѣлъ до выступленія въ лагерь ознакомиться съ первоначальными требованіями строевой службы.

Такимъ образомъ судьба моя рѣшилась совершенно внезапно, неожиданно. Но каково было изумленіе моей матери, когда она вдругъ узнала объ этомъ рѣшеніи. Еще прежде того, по поводу предварительныхъ моихъ соображеній о выборѣ рода службы она писала мнѣ (1-го февраля): «Неужели такъ скоро уже и рѣшитесь?» Въ это время она еще и не допускала мысли, чтобы я могъ остаться въ Петербургѣ и поступить неотлагательно въ военную службу; она полагала, что вопросъ окончательно рѣшится только по моемъ возвращеніи въ Москву и по полученіи отъ Павла Дмитріевича Киселева отвѣта относительно будущей моей службы. Когда же она узнала изъ писемъ отцовскихъ и моихъ, что вопросъ рѣшился и что я остаюсь въ Петербургѣ, бѣдная мать была совершенно поражена. Въ письмахъ отъ 12-го и 15-го февраля она изливала упреки въ моей непростительной торопливости и легкомыслiи: «Что съ тобою сдѣлалось? Ты совсѣмъ переродился,»—писала она, представляя себѣ съ ужасомъ, какъ буду я, 16-лѣтній юноша, жить въ одиночествѣ, въ незнакомомъ городѣ, въ новой обстановкѣ; какъ выдержу «солдатское ученіе» и казарменную жизнь, «такъ несвойственную моему характеру и воспитанію»... «Кто же придетъ къ тебѣ съ совѣтомъ? Кто облегчитъ твое положеніе, покажетъ тебѣ дружбу?»

Всѣ мои объясненія и оправданія (въ письмѣ отъ 13-го февраля), даже ссылка на отцовскій авторитетъ не успокоили огорченной матери. Она тревожилась о моей участи, не довѣряя моимъ надеждамъ, ни обѣщаніямъ будущаго моего начальства. Въ порывѣ огорченія она чуть было не полетѣла сама въ Петербургъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе. Однакожъ, видя, что дѣло уже рѣшено безповоротно, она возложила упованіе на Провидѣніе и въ письмѣ отъ 19-го февраля писала мнѣ, что теперь остается ей только молить Бога, чтобы я не имѣлъ причины раскаяться въ моемъ необдуманномъ поступкѣ. Слѣдующія письма (22-го и 26-го февраля и 1-го марта) уже дышатъ одною материнскою нѣжностію; она заботится о снабженіи меня всѣми нужными вещами, требуетъ отъ меня откровенныхъ заявленій о моихъ нуждахъ, скорбитъ о томъ, что не можетъ выслать

мнѣ денегъ, сама терпя крайнюю нужду для поддержанія домашняго хозяйства.

Между тѣмъ, съ помощью любезнаго и услужливаго полковника Майкова всѣ формальности, необходимыя для моего опредѣленія на службу, были исполнены. 16-го февраля я былъ представленъ начальнику гвардейской артиллеріи,—генералъ-адъютанту Сумарокову, а на другой день, 17-го числа, Великому Князю Михаилу Павловичу; 20-го числа подано мною формальное прошеніе; 27-го сдалъ установленный весьма поверхностный экзаменъ и, наконецъ, 1-го марта послѣдовало зачисленіе меня во 2-ю роту Лейбъ-Гвардіи 1-й артиллерійской бригады званіемъ фейерверкера 4-го класса [1]).

---

[1]) Названіе батарей введено въ нашей полевой артиллеріи нѣсколько позже, въ томъ же 1833 году. Изъ фейерверкеровъ я былъ переименованъ въ юнкера только въ іюнѣ мѣсяцѣ. Такова была формальность.

ПЕРВЫЯ ШЕСТЬ ЛѢТЪ СЛУЖБЫ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1833—1839.

ВЪ ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

1833—1835.

Участь моя рѣшена: съ 1-го марта 1833 года я уже на службѣ въ званіи фейерверкера гвардейской артиллеріи. На 17-мъ году отъ роду приходится начать жить самостоятельно, вдали отъ семьи, съ которою ни разу еще не разставался и съ которою свыкся всею душой. Для облегченія этого перехода изъ «дѣтской» въ «свѣтъ», отъ обстановки семейной къ жизни одиночной, а въ особенности для успокоенія матери, которая не могла представить себѣ, какъ буду я, въ мои годы, при моемъ характерѣ существовать безъ ея непосредственнаго попеченія,—отецъ мой счелъ нужнымъ на первое время, до производства моего въ офицеры, пристроить меня къ чужой семьѣ, на попеченіе человѣка, спеціально занимающагося подготовленіемъ юношей къ поступленію на службу или въ военно-учебныя заведенія. По рекомендаціи полковника Майкова, отецъ мой обратился къ полковнику гвардейской конной артиллеріи, Якову Ѳедоровичу Ортенбергу—человѣку семейному, преподавателю артиллеріи въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ. Ортенбергъ взялся, за условную плату, по 250 рублей въ мѣсяцъ, приготовить меня къ офицерскому экзамену съ доставленіемъ помѣщенія и продовольствія.

14-го марта, еще до отъѣзда отца изъ Петербурга, я переселился изъ гостинницы «Лондонъ» къ полковнику Ортенбергу, на Гагаринскую набережную, въ домъ Таля. Яковъ Ѳедоровичъ, человѣкъ еще молодой (между 30 и 40 годами) былъ женатъ на бывшей красавицѣ и модницѣ, Екатеринѣ Алексѣевнѣ Горяиновой, сестрѣ Алексѣя Алексѣевича Горяинова, одного изъ московскихъ знакомыхъ моей семьи. Съ нимъ жила и старушка мать Якова Ѳедоровича, которую молодые супруги держали нѣсколько въ черномъ тѣлѣ, предоставляя на ея

заботы кухонную часть. Квартира ихъ занимала весь второй этажъ дома на набережную; двѣ комнаты, имѣвшія отдѣльный входъ съ общей лѣстницы, были назначены для молодыхъ людей, частію помѣщавшихся на жительствѣ, частію приходившихъ только на уроки. Въ то время, какъ я поступилъ къ полковнику Ортенбергу, у него жилъ только одинъ юнкеръ гвардейской конной артиллеріи, князь Голицынъ, съ которымъ и помѣстились мы вдвоемъ въ одной изъ комнатъ, выходившей на дворъ; въ другой же, окнами на набережную, мы обѣдали и занимались ученіемъ вмѣстѣ съ юнкерами, приходившими на уроки въ извѣстные часы. Такихъ юношей было четверо: юнкера гвардейской артиллеріи—Голохвастовъ, Либау, Закревскій и Ридигеръ.

Товарищъ мой по комнатѣ былъ юноша красивый, статный, но разбитной кутила, часто возвращавшійся домой позднею ночью, во всѣхъ отношеніяхъ противоположнаго со мною направленія. Изъ приходившихъ юнкеровъ пришелся мнѣ болѣе по сердцу Голохвастовъ, благовоспитанный и занимавшійся лучше остальныхъ трехъ, малоспособныхъ и неразвитыхъ. Либау былъ типичный нѣмчикъ, довольно комичной наружности, а Ридигеръ—маленькій уродецъ, признававшійся чистосердечно, что ничего не понимаетъ въ математикѣ.

Новая обстановка моей жизни съ перваго же дня крайне мнѣ не понравилась. Помѣщеніе наше было надъ банями; столомъ нашимъ распоряжалась старушка—мать Якова Ѳедоровича и кормила насъ плохо; самого Якова Ѳедоровича видѣли мы рѣдко: онъ былъ занятъ все утро преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, а вечера проводилъ въ клубахъ за карточной игрой. Уроковъ мнѣ онъ вовсе не давалъ и ограничивалъ свои заботы о предстоявшемъ мнѣ экзаменѣ только доставленіемъ программъ испытанія и указаніемъ учебныхъ руководствъ. Прочимъ моимъ товарищамъ онъ также давалъ уроки изрѣдка; большею же частію приходили къ нимъ другіе учителя; но занятія ихъ шли такъ плохо, что нѣкоторые изъ этихъ юношей прибѣгали къ моей помощи для объясненія имъ непонятнаго на урокахъ. Бѣдный Ридигеръ пришелъ въ совершенное отчаяніе, такъ что я сжалился надъ нимъ и взялся приготовить его изъ математики къ экзамену, установленному для производства въ офицеры арміи. Для этого я долженъ былъ составить собственно для него особыя записки по алгебрѣ въ самомъ упрощенномъ изложеніи. Впослѣдствіи отецъ этого юноши пріѣзжалъ благодарить меня за оказанную ему товарищескую услугу.

20-го марта въ первый разъ облекся я въ военную форму и явился во 2-ю батарейную роту, куда я былъ зачисленъ. Командиромъ ея былъ полковникъ Штаденъ,—хорошій человѣкъ, дѣльный начальникъ, обходившійся съ подчиненными по человѣчески, безъ обычныхъ въ тѣ времена грубостей и суровости. Полковникъ передалъ меня на ближайшее попеченіе фельдфебеля Семенова—стараго служаки, съ внушительною наружностью, державшаго роту въ ежовыхъ рукавицахъ. Семеновъ благосклонно принялъ меня подъ свою опеку; озаботился прежде всего приведеніемъ въ безукоризненный порядокъ моей обмундировки и аммунички; занялся вразумленіемъ меня относительно обязанностей моихъ, обращенія съ начальствомъ, съ офицерствомъ, порядка отданія чести, даже походки и военной осанки; однимъ словомъ, онъ былъ для меня тѣмъ, что «дядька» для новобранца. Что же касается строевого обученія, то всѣ юнкера бригады состояли въ этомъ отношеніи подъ общимъ руководствомъ капитана Іеронима Михайловича Симборскаго—типичнаго фронтовика тѣхъ временъ. Ежедневно юнкера собирались въ утренніе часы въ казармы (на Литейной) на уроки стойки, маршировки, пріемовъ при орудіяхъ и пріемовъ съ тесаками (тогдашнимъ ручнымъ оружіемъ пѣшихъ артиллеристовъ). Непосредственно обучалъ насъ одинъ фейерверкеръ, подъ надзоромъ капитана Симборскаго, который относился къ своимъ ученикамъ строго и сухо. Тогдашнее фронтовое ученіе было дѣло не шуточное: чего стоила одна маршировка «тихимъ учебнымъ шагомъ», въ три пріема по командѣ (т. е. по голосу обучавшаго, протяжно возглашавшаго: разъ—два—три). Сколько приходилось биться съ пріемами при орудіяхъ, по темпамъ, по командѣ и «безъ команды». Кромѣ утреннихъ занятій, юнкера несли службу на дежурствѣ по ротѣ и по конюшнѣ и назначались въ составъ караула во дворецъ Великаго Князя Михаила Павловича.

Всѣ эти занятія съ перваго же приступа произвели на меня весьма непріятное впечатлѣніе. Пошлые пріемы тогдашняго строевого обученія, преобладаніе внѣшняго, педантическаго формализма надъ смысломъ и сущностью военнаго дѣла, натянутость и жестокость въ личныхъ отношеніяхъ между военно-служащими,—все это шло совершенно въ разрѣзъ съ прежними моими понятіями, привычками, занятіями. И въ самомъ дѣлѣ, не легокъ былъ крутой переходъ отъ семейной жизни къ казармѣ, отъ занятій научныхъ къ рекрутской школѣ. Нужно было время, чтобы свыкнуться съ этою новой обстановкой, даже съ новою одеждой, которую нельзя было въ то время

признать удобною и практичною. Голову ломилъ громадный жесткій киверъ съ металлическою чешуею на щекахъ, «кутасами», огромнымъ мѣднымъ гербомъ и высокимъ султаномъ, торчавшимъ въ видѣ толстой палки, въ аршинъ длиною; высокій твердый воротникъ подпиралъ подбородокъ; мундиръ пригонялся въ обтяжку, безъ малѣйшей складки, съ бархатными лацканами, кургузыми фалдочками; на ногахъ штиблеты застегивались пуговками (въ концѣ кожаныя краги до колѣнъ стягивались ремешками въ видѣ шнуровки). Мундиръ, шаровары, даже галстукъ, а въ особенности шинель строились ротными закройщиками изъ толстѣйшаго, грубѣйшаго сукна, болѣе похожаго на войлокъ. Малѣйшее отступленіе отъ установленныхъ формъ и образцовъ преслѣдовалось строго.

Припоминаю, какъ въ первый разъ въ военной формѣ пошелъ я повидаться съ отцомъ; встрѣтивъ его на Невскомъ проспектѣ, я остановился у дверецъ его кареты и вдругъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ шедшаго по троттуару Великаго Князя Михаила Павловича—грозу всей гвардіи, а въ особенности—юнкеровъ. Минута была страшная для новичка; но обошлось на этотъ разъ благополучно и я почувствовалъ то же, что испытываетъ спасшійся отъ какой-нибудь грозившей опасности. Надобно замѣтить, что въ то время строжайше запрещалось всѣмъ нижнимъ чинамъ, а слѣдовательно и юнкерамъ ѣздить въ какихъ-либо экипажахъ; для нихъ допускалось передвиженіе, исключительно пѣшеходное. Особенная заботливость начальства обращалась на точное соблюденіе подчиненными ихъ правилъ отдачи чести при встрѣчѣ на улицѣ со старшими, въ особенности же, конечно, предъ Особами Императорской фамиліи. Зазѣвавшійся, незамѣтившій проходящаго генерала или офицера, неуспѣвшій во время остановиться, повернуться отрывисто къ сторонѣ проходящаго и стать «руки по швамъ»—неминуемо отправлялся подъ арестъ. Солдатъ долженъ былъ при этомъ быстро снять шапку, одновременно съ остановкою и поворотомъ; юнкера же не иначе выходили на улицу, какъ въ киверѣ на головѣ и въ аммуниціи (т. е. съ тесакомъ на широкой ременной портупеѣ черезъ плечо).

Отецъ видѣлъ меня не болѣе трехъ дней въ моемъ новомъ воинскомъ нарядѣ. Покончивъ свои дѣла въ Петербургѣ, онъ уѣхалъ 23-го марта въ Москву. Отъѣздъ его окончательно оторвалъ меня отъ семьи; еще болѣе прежняго почувствовалъ я свое одиночество. Только въ домѣ Авдулиныхъ могъ я хотя нѣсколько отводить душу и сбрасывать съ себя на короткое время солдатское ярмо. У Авдули-

ныхъ я всегда находилъ радушіе и чувствовалъ себя, какъ среди родныхъ. Но посѣщать ихъ я могъ лишь изрѣдка; все время, остававшееся отъ строевого ученія и обязанностей службы, я долженъ былъ употреблять на приготовленіе къ офицерскому экзамену. Для этого мало извлекъ я пользы изъ пройденнаго въ университетскомъ пансіонѣ комичнаго курса военныхъ наукъ; нужно было работать усидчиво, заучивая объемистый курсъ артиллеріи Весселя, учебникъ полевой фортификаціи Половцева, старыя руководства Буемара и Эльснера по долговременной фортификаціи и проч. Требовалось также черченіе, артиллерійское и топографическое, которыми я упражнялся въ видѣ отдыха отъ книжныхъ занятій. Что касается до другихъ предметовъ экзамена, то я былъ уже настолько подготовленъ, что мнѣ достаточно было только предъ самымъ срокомъ испытанія прорепетировать давно пройденное.

Большою для меня отрадой были извѣстія изъ Москвы. Частыя письма родителей и брата Николая поддерживали тѣсную связь съ семьей. Отецъ, съ возвращенія своего въ Москву, почти въ каждомъ письмѣ ободрялъ меня, внушалъ терпѣніе, твердость въ перенесеніи мелкихъ непріятностей жизни. «Сознаніе исполненнаго долга»—пишетъ онъ 3-го апрѣля, «доставляетъ намъ удовлетвореніе и придаетъ твердость даже въ невзгодахъ»... Въ другомъ письмѣ выражалъ онъ мысль, что «терпѣніе и надежда»—два друга человѣку»... Въ этомъ отношеніи ставилъ онъ себя самого въ примѣръ: всѣ тяжелыя обстоятельства жизни переносилъ онъ безропотно и не падалъ духомъ. Въ одномъ письмѣ онъ сравнивалъ жизнь съ путешествіемъ: «теперь ты ѣдешь на долгихъ по пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ нѣтъ и постоялыхъ дворовъ; позже начнется путешествіе по мѣстамъ населеннымъ съ нѣкоторыми удобствами; но и тутъ не одно пріятное будетъ встрѣчаться, а чаще скучное. Только со временемъ пріѣдешь въ свой домъ, устроенный, какъ Богъ велитъ, гдѣ можешь отдохнуть; но это еще не близко; путь твой только что начался»... По поводу моихъ сѣтованій на пошлость фронтовыхъ занятій отецъ (хотя и неслужившій никогда въ военной службѣ) объяснялъ мнѣ необходимость этихъ элементарныхъ, машинальныхъ занятій, какъ изученіе азбуки и складовъ для того, кто хочетъ читать и писать. Не разъ отецъ сообщалъ мнѣ, какое утѣшеніе доставляли ему и матери доходившія до нихъ свѣдѣнія о томъ, что начальники мои отзываются обо мнѣ съ похвалами и относятся ко мнѣ благосклонно.

Что касается матери, то она вполнѣ примирилась съ моимъ по-

ступленіемъ на службу и даже радовалась счастливому началу моего поприща. Она не переставала заботиться о моихъ матеріальныхъ потребностяхъ: хлопотала о снабженіи меня бѣльемъ и другими вещами, нужными на предстоявшее лагерное время; скорбѣла о томъ, что не имѣла возможности доставлять мнѣ денежныя средства, въ которыхъ сама часто терпѣла недостатокъ; но по этому поводу въ одномъ изъ своихъ задушевныхъ писемъ она писала: «Лишь бы совѣсть была спокойна, да были бы истинные друзья,—а бѣдность и нужда еще не несчастіе. Главное—не имѣть упрека себѣ самому, и тогда всѣ неудачи не тягостны»... Въ виду предстоявшаго выхода въ лагерь родители мои сочли нужнымъ дать мнѣ надежную прислугу и для этого прислали ко мнѣ одного изъ Титовскихъ крѣпостныхъ, служившаго въ домѣ съ самаго дѣтства нашего. Онъ прибылъ ко мнѣ въ концѣ апрѣля съ цѣлымъ грузомъ собранныхъ матерью разныхъ вещей для моего лагернаго хозяйства. Пріѣхавшаго ко мнѣ человѣка, Ѳедора, встрѣтилъ я съ большою радостію; лицо его напоминало мнѣ дорогую семью, домъ, мое дѣтство.

Отъ брата Николая письма приходили не такъ часто, какъ отъ родителей, но были для меня не менѣе дороги и интересны. Мы съ нимъ провели неразлучно все дѣтство и такъ свыклись другъ съ другомъ, что разлука въ первое время наводила грусть и на него, и на меня. Чувства эти ко мнѣ высказывалъ онъ въ своихъ письмахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по прежней привычкѣ, повѣрялъ мнѣ всѣ свои задушевныя мысли, юношескія стремленія; иногда же развивалъ цѣлыя теоріи своихъ литературныхъ воззрѣній. Въ это время онъ былъ весь поглощенъ драматургіей: часто посѣщалъ театры, самъ участвовалъ въ домашнихъ спектакляхъ, сочинялъ пьесы. На Рождественскихъ праздникахъ (1832—1833 г.г.) въ университетскомъ пансіонѣ разыгрывалась сочиненная имъ драма «Амалатъ-бекъ», передѣланная изъ повѣсти Марлинскаго (Ал. Бестужева). Начальство поощряло этого рода развлеченія воспитанниковъ; въ письмахъ же матери, напротивъ того, высказывались сѣтованія на то, что «Николаша изъ-за театра пренебрегаетъ ученіемъ», что «теряетъ время на пустяки и не слушаетъ благоразумныхъ совѣтовъ»; что «театръ совсѣмъ вскружилъ ему голову» и т. д... Въ этомъ году брату Николаю приходилось перейти въ послѣдній, 8-й, классъ [1]). Не смотря на свою страсть къ театру и склонность къ свѣтской жизни, онъ, благодаря своимъ

[1]) Въ то время уже введено было преобразованіе университетскаго пансіона въ «Дворянскій институтъ», въ составѣ 8-ми классовъ.

врожденнымъ способностямъ, все-таки выдержалъ успѣшно переводный экзаменъ, и даже приготовилъ нѣсколько сочиненій на русскомъ и французскомъ языкахъ, въ томъ числѣ—девять сочиненій за своихъ товарищей. Помимо этихъ классныхъ работъ, онъ испытывалъ свои силы въ разнообразныхъ родахъ литературы: писалъ стихи, повѣсти, излагалъ свои воззрѣнія на теорію драматическихъ произведеній и затѣвалъ написать новую драму «Манфредъ». Разсужденія по этому предмету въ его письмахъ показывали немалую его начитанность и самостоятельность мысли,—конечно, въ той мѣрѣ, насколько то и другое возможно въ юношескомъ возрастѣ.

Что касается до другого брата моего, Владимира, которому въ то время было 7 лѣтъ, то во всѣхъ письмахъ матери повторялось, что онъ постоянно доставлялъ ей утѣшеніе своимъ характеромъ и успѣхами въ ученіи. Бывшаго при немъ гувернера, молодого Балтійскаго нѣмца, Липпе, пришлось удалить изъ дому и потому мальчикъ оставался нѣкоторое время исключительно на попеченіи страстно любившей его матери; но одна изъ двухъ воспитанницъ бабушки Киселевой—Анна Алексѣевна Бакарева—взялась безкорыстно, изъ одной преданности къ моей матери, давать уроки брату Владимиру и проводила съ нимъ большую часть дня; она отзывалась съ большими похвалами о прилежаніи и успѣхахъ своего ученика, отличавшагося притомъ благонравіемъ и мягкимъ характеромъ.

15-го мая гвардейская артиллерія перемѣстилась изъ Петербургскихъ казармъ въ Красное Село для занятій практическою стрѣльбой. Въ первый разъ пришлось мнѣ совершить «походъ» въ строевомъ составѣ батареи. 30-верстный этотъ переходъ показался мнѣ, съ непривычки, довольно утомительнымъ; но съ другой стороны, онъ былъ для меня интересною новинкою послѣ скучныхъ строевыхъ ученій въ петербургскихъ казармахъ и однообразной, замкнутой жизни у полковника Ортенберга. Въ Красномъ Селѣ помѣстили меня въ одной избѣ съ товарищемъ моимъ, Голохвастовымъ; вдвоемъ устроили мы наше общее хозяйство, съ помощью моего расторопнаго Ѳедора, который былъ у насъ и дворецкимъ, и поваромъ. Не смотря на весьма неприхотливую нашу обстановку, при скудныхъ денежныхъ средствахъ [1]), намъ жилось гораздо лучше, чѣмъ на хлѣбахъ у почтеннаго Якова Ѳедоровича. Строевыя занятія также интересовали меня,

[1]) Въ письмѣ отъ 28-го мая мать радовалась, что «мое маленькое хозяйство идетъ хорошо и притомъ невѣроятно, какъ дешево».

особенно практическая стрѣльба въ мишени. Съ удовольствіемъ входилъ я въ свою роль «орудійнаго фейерверкера».

Въ Красномъ Селѣ навѣстили меня раза два петербургскіе пріятели: С. А. Авдулинъ и Н. А. Бибиковъ. Въ концѣ мая отпросился я на одинъ день въ Петербургъ, чтобы повидаться съ дядей, Сергѣемъ Дмитріевичемъ Киселевымъ, который собрался за границу, лѣчиться въ Карльсбадѣ. Въ тѣ времена удобнѣйшимъ способомъ поѣздки за границу считался морской путь, на пароходѣ изъ Петербурга въ Любекъ. Впослѣдствіи я узналъ, что путешествіе это обошлось для дяди не совсѣмъ удачно: по случаю бури пароходъ сильно пострадалъ и едва дошелъ до Травемюнде. Минута свиданія съ дядей доставила мнѣ истинную отраду; онъ былъ всегда со мной весьма любезенъ и ласковъ.

Неменьшее удовольствіе доставило мнѣ вслѣдъ за тѣмъ и посѣщеніе пріѣхавшаго также изъ Москвы Порфирія Павловича Коробьина, который привезъ мнѣ отъ матери письмо и 100 рублей денегъ. Это былъ истинный другъ нашей семьи; каждый день непремѣнно онъ проводилъ часть вечера у моихъ родителей.

Въ Красномъ Селѣ я прожилъ ровно мѣсяцъ; служба была не слишкомъ обременительна; я успѣвалъ удѣлять нѣкоторое время на учебныя мои занятія. 15-го же іюня всѣмъ войскамъ гвардіи назначено было выступать со своихъ квартиръ на маневры, предшествовавшіе обыкновенно вступленію въ лагерь. Наша артиллерія также выступила изъ Краснаго Села на сборные пункты отрядовъ. Маневръ продолжался только одинъ день и къ вечеру всѣ войска вступили въ лагерь, въ томъ числѣ и пѣшая артиллерія. Для меня этотъ день былъ богатъ новыми впечатлѣніями; тутъ впервые увидѣлъ я разные роды войскъ въ полѣ и получилъ нѣкоторое наглядное понятіе о тактическихъ дѣйствіяхъ. Послѣ крайне утомительнаго дня крѣпко заснулъ я на соломѣ въ простой солдатской палаткѣ.

Съ этого времени начались ежедневныя ученія, смотры, маневры. Наша 2-я батарейная батарея занимала въ большомъ лагерѣ мѣсто рядомъ съ 3-ю батарейною (лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады), въ промежуткѣ между двумя пѣхотными дивизіями (1-ю и 2-ю), то есть между полками л.-гв. Егерскимъ и Московскимъ. Служба лагерная была тогда не легкая, особенно для юноши, еще неокрѣпшаго и непривычнаго. Въ пѣшей артиллеріи фейерверкерамъ тогда не полагалось быть верхомъ, а, между тѣмъ, требовалась большая быстрота въ передвиженіяхъ; поэтому приходилось орудійной при-

слугѣ большею частію двигаться бѣгомъ, съ ранцемъ на спинѣ, въ тяжеломъ киверѣ на головѣ и бившимъ по икрамъ тесакомъ. На ученіяхъ, такъ называемыхъ «линейныхъ», и даже на маневрахъ строго соблюдались мелочныя и педантическія правила: равненіе, стройность, какъ на плацъ-парадѣ. Рѣдкое ученіе или смотръ обходились безъ бури, безъ «распеканій», арестовъ и даже розогъ для солдатъ. Къ смотрамъ Государя и Великаго Князя Михаила Павловича готовились, какъ на страшный судъ; все храброе воинство, отъ простого рядового до высшаго начальника, находилось постоянно въ напряженномъ состояніи духа, ожидая день и ночь со страхомъ и трепетомъ грозы. Малѣйшее отступленіе отъ формальностей устава лагерной службы въ лагерныхъ караулахъ, при лагерномъ разводѣ, церковномъ парадѣ, на «зарѣ съ церемоніею» и т. д. могло имѣть печальныя послѣдствія для офицера, для начальника, даже для цѣлой части войска. Каждый долженъ былъ держать ухо востро, потому что высшіе начальники, начиная отъ самого Великаго Князя Михаила Павловича, считали своею обязанностію «ловить» подчиненныхъ неожиданнымъ появленіемъ тамъ, гдѣ наименѣе можно было ожидать ихъ. Исправность лагерной службы провѣрялъ самъ Государь, пріѣзжая въ лагерь внезапно, въ ночное время, и поднимая войска по «тревогѣ».

Не смотря на всѣ эти строгія и тяжелыя требованія, лагерная служба далеко не возбуждала во мнѣ того отвращенія, какое испытывалъ я при казарменныхъ занятіяхъ, подъ ферулою кап. Симборскаго. Правда, что во все почти время лагеря я долженъ былъ прервать свои учебныя занятія для экзамена; но, расчитывая наверстать пропущенное время впослѣдствіи, я обратилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы всегда быть исправнымъ на службѣ и не подвергнуться ни малѣйшему упреку въ отправленіи своихъ строевыхъ обязанностей. Въ ночь «тревоги» я былъ въ числѣ первыхъ, выскочившихъ изъ палатки, и находился уже при своемъ орудіи въ тотъ моментъ, когда Государь, сѣвъ верхомъ у своей ставки, проѣзжалъ предъ нашей батареей. Къ счастію, здоровье мое хорошо выдерживало всѣ испытанія. Ближайшіе начальники благоволили ко мнѣ; къ великому моему удовольствію, одобрительные отзывы обо мнѣ доходили до моихъ родителей и доставляли имъ большое утѣшеніе. Въ это время полковникъ Майковъ не былъ уже командиромъ нашей бригады: онъ только что женился и оставилъ строевую службу, а на мѣсто его назначенъ былъ полковникъ Григорій Ѳедоровичъ Козляниновъ,

произведенный вслѣдъ за тѣмъ въ генералъ-маіоры. Новый командиръ бригады, вѣроятно, вслѣдствіе рекомендаціи своего предмѣстника, обошелся со мною весьма благосклонно.

Съ 18-го іюля начались большіе маневры въ окрестностяхъ Гатчины и на рѣчкѣ Пудости. Въ продолженіи шести дней батареѣ пришлось только разъ ночевать подъ крышею—въ Гатчинскихъ казармахъ; всѣ прочія ночи провели мы на бивакахъ. Я былъ единственный юнкеръ въ батареѣ и часто чувствовалъ неудобство одинокаго своего положенія. 23-го числа маневры закончились общимъ сраженіемъ подъ Краснымъ Селомъ. По возвращеніи въ лагерь и послѣ нѣсколькихъ дней отдыха происходилъ на «военномъ полѣ» заключительный актъ лагернаго сбора—общій парадъ, а 30-го числа всѣ войска возвратились на свои зимнія квартиры.

Пользуясь даннымъ войскамъ отдыхомъ, я поселился на нѣкоторое время, по приглашенію Авдулиныхъ, на дачѣ ихъ, въ Новой Деревнѣ. Большая, прекрасная эта дача находилась на берегу Большой Невки, противъ Елагина острова, рядомъ съ Новодеревенскою церковью. Нѣкогда вся Новая Деревня принадлежала Яковлеву, а потому тутъ имѣли свои дачи, кромѣ Авдулиныхъ, и родственныя съ ними семейства: Манзе, Шишмаревы и другія. Въ семьѣ Авдулиныхъ я отдохнулъ въ полной мѣрѣ физически и нравственно. Юнкерское мое званіе не позволяло мнѣ искать никакихъ развлеченій общественныхъ; я проводилъ время исключительно въ семейномъ кругу моихъ любезныхъ хозяевъ, и потому имѣлъ полную возможность возобновить прерванныя въ лагерѣ учебныя занятія для экзамена. Мнѣ крайне не хотѣлось возвратиться на житье къ Я. Ѳ. Ортенбергу; да и нерасчетливо было тратить довольно крупную сумму за каждый мѣсяцъ пребыванія моего у него, тогда какъ я убѣдился на опытѣ, что съ гораздо меньшими средствами можно было устроить свое собственное маленькое хозяйство. Въ приготовленіи же къ офицерскому экзамену,—какъ я уже говорилъ,—полковникъ Ортенбергъ никакого участія не принималъ и никакой помощи отъ него я не ожидалъ. Во время пребыванія моего на дачѣ у Авдулиныхъ я началъ уже пріискивать по близости артиллерійскихъ казармъ скромную квартиру и предполагалъ переселиться въ нее прямо съ дачи. Однакожъ, отецъ совѣтовалъ не торопиться исполненіемъ этого намѣренія и до сдачи предстоявшаго экзамена не покидать полковника Ортенберга. Согласно съ отцовскою волей, я переселился 19-го августа опять къ Я. Ѳ. Ортенбергу съ тѣмъ, чтобы прожить у него до истеченія условлен-

наго 6-мѣсячнаго срока юнкерства (изъ котораго срока въ дѣйствительности пришлось мнѣ прожить у него ровно половину—три мѣсяца).

Означенный 6-мѣсячный срокъ истекалъ 1-го сентября—и тогда я подалъ начальнику рапортъ о допущеніи меня къ офицерскому экзамену. По заведенному порядку, нужно было предварительно получить аттестацію отъ начальства въ надлежащемъ строевомъ образованіи, а для этого слѣдовало пройти чрезъ цѣлый рядъ смотровъ и испытаній, гораздо болѣе пугавшихъ меня, чѣмъ экзаменъ изъ наукъ въ Военно-ученомъ комитетѣ. Послѣ представленія начальникамъ всѣхъ степеней въ восходящей послѣдовательности, отъ батарейнаго командира до начальника гвардейской артиллеріи, наконецъ, предсталъ я 19-го сентября предъ грознымъ нашимъ корпуснымъ командиромъ и генералъ-фельдцейхмейстеромъ Вел. Кн. Михаиломъ Павловичемъ. Представленіе это (такъ-же, какъ и первое, 17-го февраля) происходило въ такъ называемой «штыковой комнатѣ», находившейся предъ входомъ въ манежъ Михайловскаго дворца. Здѣсь Его Высочество принималъ ежедневно ординарцевъ и вообще нижнихъ чиновъ, представляемыхъ ему по разнымъ случаямъ на смотръ. Великій Князь строгимъ, испытующимъ взглядомъ пронизалъ меня съ головы до ногъ, справа и слѣва—и благосклонно разрѣшилъ допустить меня къ экзамену.

Экзаменъ этотъ былъ назначенъ въ Военно-ученомъ комитетѣ на 5-е октября; но еще до этого, 21-го сентября, разстался я съ полковникомъ Ортенбергомъ и водворился въ собственной квартирѣ, близъ Сергіевской улицы (въ Косомъ Дементьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Слатвинскаго). Небольшой двух-этажный домъ стоялъ одиноко среди дворика за каменной стѣной; квартирка моя, во второмъ этажѣ, состояла всего изъ двухъ маленькихъ комнатъ, съ тремя окнами въ обѣихъ, и прихожей, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и кухнею. Съ помощью распорядительнаго моего Ѳедора устроилось маленькое мое хозяйство самымъ скромнымъ образомъ. На первое время обѣдъ приносили мнѣ изъ ближайшаго русскаго трактира за 15 коп. въ день. Я долженъ былъ всячески уменьшать свои расходы, зная, въ какихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ находились мои родители. Меня только озабочивали предстоявшіе неизбѣжные расходы на офицерское обмундированіе и пріобрѣтеніе строевой верховой лошади.

5-го октября предсталъ я предъ ученое судилище, состоявшее изъ трехъ старыхъ артиллерійскихъ генераловъ: Эйлера, Зварыкина

и Эбергардта. Экзаменъ былъ довольно снисходительный и окончился въ одно утро. Испытывали меня въ математикѣ, начальной механикѣ, артиллеріи, фортификаціи; относительно же черченія удовольствовались представленнымъ мною чертежомъ полевой пушки и топографическимъ планомъ, скопированнымъ мною ad hoc съ дѣтской моей съемки села Титова. Результатъ испытанія оказался вполнѣ благопріятный; Военно-ученый комитетъ постановилъ заключеніе одобрительное; но тѣмъ еще не окончились мытарства: пришлось еще разъ явиться на смотръ Великому Князю Михаилу Павловичу и послѣ того еще въ теченіе цѣлаго мѣсяца представленіе о моемъ производствѣ въ офицеры переходило чрезъ разныя инстанціи, такъ что приказъ вышелъ только 8-го ноября—въ день именинъ Великаго Князя Михаила Павловича.

Извѣстія объ успѣшномъ моемъ экзаменѣ, а за тѣмъ о производствѣ въ офицеры, разумѣется, произвели большую радость въ моей семьѣ. Не только родители, братья, но и всѣ близкіе родственники приняли теплое участіе въ моемъ успѣхѣ; отъ всѣхъ получалъ я поздравленія и разныя приношенія для моего офицерскаго снаряженія. Сверхъ присланной отцомъ небольшой суммы, мнѣ открытъ былъ кредитъ для займа недостававшихъ денежныхъ средствъ у нашего родственника, Секретарева. Такимъ образомъ, мнѣ удалось обзавестись всѣмъ необходимымъ на первое время моего офицерства, за исключеніемъ лишь верховой лошади, которую отецъ обѣщалъ прислать мнѣ изъ уцѣлѣвшихъ еще остатковъ его конскаго завода.

14-го ноября облекся я въ первый разъ въ офицерскую форму и представился въ ней Великому Князю Михаилу Павловичу. Съ производствомъ въ офицеры я былъ первоначально зачисленъ въ 1-ю легкую батарею, подъ начальство полк. гр. Толстого; но вслѣдъ за тѣмъ на меня было возложено обученіе нижнихъ чиновъ въ фейерверкерской школѣ гвардейской артиллеріи ариѳметикѣ и элементарнымъ свѣдѣніямъ по артиллеріи. Школа эта, имѣвшая назначеніе приготовлять рядовыхъ въ фейерверкеры, помѣщалась въ такъ называемыхъ Аракчеевскихъ казармахъ за Таврическимъ садомъ, въ одной изъ глухихъ окраинъ города. Каждый день приходилось мнѣ отправляться туда пѣшкомъ, рано утромъ, и возвращаться домой часу въ пятомъ по-полудни. Устройство школы и заведенные въ ней порядки были крайне несимпатичны; ученіе велось машинально, какъ говорится, въ долбяжку. Бѣдные солдаты, полуграмотные, мало-

развитые, заучивали отвѣты на вопросы по тетрадкамъ. Такой образъ занятій могъ притупить и самихъ учителей. Пробывъ въ школѣ часовъ восемь въ день, я возвращался утомленный и, кое какъ пообѣдавъ въ одиночествѣ, во весь вечеръ уже не выходилъ изъ дома.

Такимъ образомъ, невесело проводилъ я первое время моего офицерства; я не пользовался ни удовольствіями столичной жизни (для чего не имѣлъ и средствъ), ни развлеченіями въ кружкѣ товарищей и пріятелей, и даже рѣдко могъ посѣщать гостепріимный домъ Авдулиныхъ. Тѣмъ менѣе могъ я слѣдовать совѣтамъ отца, который во всѣхъ своихъ письмахъ убѣждалъ меня въ необходимости поддерживать знакомство и связи, чаще посѣщать нѣкоторые дома и въ томъ числѣ указывалъ на ген. Сухозанета (Ивана Онуфріевича), бывшаго прежде начальникомъ гвардейской артиллеріи и удостоившаго меня своимъ вниманіемъ, конечно, въ угоду дядѣ моему, Павлу Дмитріевичу Киселеву. Сухозанетъ былъ женатъ на княжнѣ Бѣлосельской, жилъ на широкую ногу, велъ большую игру, а по средамъ—давалъ великолѣпные балы, на которые стекалось самое блестящее общество петербургское. Отецъ мой желалъ, чтобы я не уклонялся отъ приглашеній ген. Сухозанета; но мнѣ было вовсе не до того какъ по моей природной застѣнчивости и непривычкѣ къ большому свѣту, такъ и по скуднымъ моимъ средствамъ, заставлявшимъ меня вести самую скромную жизнь, отказывая себѣ даже во многомъ необходимомъ. Назначеніе меня въ фейерверкерскую школу еще болѣе оправдывало мой затворническій образъ жизни.

Зато я находилъ въ этой жизни удовольствіе, болѣе соотвѣтствовавшее моимъ склонностямъ и привычкамъ; я принялся снова за научныя занятія, стараясь пополнить свои знанія въ математикѣ, механикѣ, физикѣ, артиллеріи и т. д. Между прочимъ, заинтересовали меня вышедшіе въ это время въ Москвѣ два курса физики профессоровъ, Перевощикова и Павлова, о которыхъ взялся я написать разборъ для журнала «Сынъ отечества». Какъ искренній почитатель бывшаго моего учителя, я выставилъ въ своей статьѣ преимущества позитивизма Перевощикова предъ метафизикой Павлова. У перваго наука излагалась на точномъ основаніи опытовъ и вычисленій; у второго—вся книга состояла почти изъ однѣхъ отвлеченныхъ, туманныхъ гипотезъ. Въ этомъ отношеніи моя статья вполнѣ совпала съ мнѣніемъ, высказаннымъ отцомъ моимъ въ одномъ изъ его писемъ ко мнѣ: что физика Павлова «есть поэзія, а не учебникъ и не ученая

книга». Статья моя, какъ потомъ я узналъ, доставила Дмитрію Матвѣевичу Перевощикову большое удовольствіе, а я былъ искренно радъ тому, что представился случай хотя въ малой степени отплатить своему бывшему учителю за ту пользу, которую принесло мнѣ въ юности его преподаваніе.

Послѣ упомянутой работы принялся я за изученіе геодезіи и топографіи съ намѣреніемъ составить по этой части руководство взамѣнъ прежняго моего ребяческаго опыта о съемкѣ плановъ. Къ великой радости моей, предъ Рождествомъ я былъ освобожденъ отъ скучныхъ обязанностей въ фейерверкерской школѣ и съ этого времени несъ уже исключительно службу строевую: присутствовалъ по утрамъ въ казармахъ на одиночномъ ученіи своего взвода, отбывалъ дежурства по бригадѣ, ходилъ въ караулъ во дворецъ Великаго Князя Михаила Павловича. Служба эта хотя была мало назидательна, по крайней мѣрѣ, уже не поглощала ежедневно всего моего существованія, какъ до сихъ поръ занятія въ школѣ. Я имѣлъ возможность, продолжая свои научныя занятія дома, удѣлять время и пріятельскому кружку, и посѣщенію небольшого числа знакомыхъ. Зачастую проводилъ вечера или обѣдалъ у Авдулиныхъ; иногда же собиралась небольшая группа молодежи въ моей крошечной квартирѣ. По воскресеніямъ навѣщалъ я свою маленькую сестру въ институтѣ.

Строевая служба съ самаго начала какъ то мнѣ не повезла. Въ первый же нарядъ въ караулъ дѣло не обошлось благополучно: Великій Князь Михаилъ Павловичъ, подъ окнами котораго находилась платформа караула, вздумалъ произвести испытаніе твердости моихъ знаній въ строевой мудрости. Утромъ, въ обычный часъ своей прогулки, онъ намѣренно сталъ ходить взадъ и впередъ мимо караула то за рѣшеткой, то войдя во дворъ, то опять выходя и останавливаясь въ воротахъ, такъ что вызванному на платформу караулу приходилось поперемѣнно то отдавать честь обнаженнымъ тесакомъ («на-караулъ»), то брать «на плечо», то вкладывать тесаки въ ножны,— и при каждомъ разѣ слѣдовало командовать то «глаза-на-право», то «глаза-на-лѣво» и т. д. и т. д. Совершенно смутившись и растерявшись предъ такимъ неожиданнымъ и утонченнымъ испытаніемъ моей находчивости, я въ двѣ-три минуты надѣлалъ цѣлый рядъ промаховъ. Великій Князь насчиталъ ихъ до десяти,—и потому присудилъ въ наказаніе мнѣ—отбыть не въ очередь десять карауловъ сряду, такъ что мнѣ пришлось почти цѣлый мѣсяцъ ходить въ караулъ чрезъ день. Это было въ полной мѣрѣ—наказаніе тѣлесное.

Въ другой разъ, опять въ караулѣ въ Михайловскомъ дворцѣ, досталось мнѣ отъ коменданта Мартынова. Генералъ этотъ,—прославленный безчисленными анекдотами на счетъ его простоты, пріѣхавъ по обыкновенію утромъ къ Великому Князю съ дневнымъ рапортомъ и увидѣвъ, что часовой на платформѣ имѣлъ на ногахъ «кеньги» (войлочныя) въ такое время, когда на дворѣ была оттепель и вездѣ капало съ крышъ,—грозно обратился ко мнѣ: «Это что? Сколько теперь градусовъ мороза?» На мой отвѣтъ, что въ караульной нѣтъ термометра,—приговорилъ меня къ аресту на гауптвахтѣ. Я просидѣлъ ровно сутки на «Петровской гауптвахтѣ» (при зданіи Сената).

Нѣсколько позже еще случилась со мною непріятность: на одномъ смотру 1-й легкой батареи въ пѣшемъ строѣ генералу Сумарокову вздумалось приказать мнѣ назвать по именамъ всѣхъ солдатъ моего взвода. По недавнему вступленію въ должность взводнаго командира я не могъ исполнить это приказаніе—и за то былъ лишенъ на нѣкоторое время командованія взводомъ.

Приведенные случаи въ тѣ времена бывали такъ часто въ быту молодыхъ офицеровъ, что имъ и не придавалось серьезнаго значенія. Ко мнѣ начальство продолжало относиться весьма благосклонно. Командиръ батареи, полк. гр. Толстой (братъ Авд. Дм. Лачиновой, о которой уже упоминалось), обращался вообще съ офицерами весьма любезно и ко мнѣ благоволилъ; бригадный ген.-м. Козлянивовъ и самъ начальникъ артиллеріи, ген.-ад. Сумароковъ, также показывали мнѣ вниманіе. Не смотря на то, я все болѣе укрѣплялся въ своемъ намѣреніи искать при первой возможности пути въ генеральный штабъ.

Въ первое время офицерства завѣтною моею мечтой было—съѣздить въ Москву для свиданія съ матерью; но мечта эта не могла осуществиться въ первый же годъ; даже и отецъ совѣтовалъ не пробовать просить отпуска, тѣмъ болѣе, что самъ предполагалъ вскорѣ пріѣхать въ Петербургъ опять по своимъ дѣламъ. Въ теченіе минувшаго лѣта онъ былъ часто въ разъѣздахъ по служебнымъ порученіямъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора. Частыя отсутствія его и заботы по собственнымъ дѣламъ усиливали грусть моей матери, которая вела жизнь совершенно уединенную и почти не выходила изъ дома. Въ лѣтнее время ближайшіе родные почти всѣ разъѣхались: бабушка П. П. Киселева съ теткою моей, Александрой Дмитріевной, проводили большую часть лѣта въ Тверской деревнѣ у Полторацкихъ; дядя, Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ, какъ уже сказано,

былъ на водахъ въ Карльсбадѣ, откуда возвратился только въ концѣ августа; жена его, Елизавета Николаевна, съ дѣтьми жила въ деревнѣ, у своихъ родителей, Ушаковыхъ. Болѣзнь моей матери безпокоила отца; врачи присовѣтовали ей пить минеральныя воды; но раннія поѣздки въ заведеніе минеральныхъ водъ (устроенное во Дворцѣ Великаго Князя Михаила Павловича, у Крымскаго брода) слишкомъ утомляли ее, тѣмъ болѣе, что воды эти были тогда модными мѣстомъ сбора фешьонебельнаго общества московскаго. Самъ Великій Князь и Великая Княгиня Елена Павловна пользовались водами и присутствіемъ своимъ привлекали Москвичей. Раннія ежедневныя прогулки по заламъ дворца, среди многочисленной свѣтской публики, были совсѣмъ не по сердцу моей матери и скоро она прекратила эти поѣздки.

Отъ брата Николая я продолжалъ получать длинныя письма, въ которыхъ онъ сообщалъ мнѣ свои юношескія размышленія о литературѣ и свои предположенія о задуманныхъ новыхъ литературныхъ работахъ. Не смотря на эти занятія, на его страсть къ театру и на общественныя развлеченія,—онъ успѣшно выдержалъ переводный экзаменъ въ послѣдній (8-й) классъ и съ началомъ новаго учебнаго курса, въ сентябрѣ, писалъ мнѣ, что онъ въ восхищеніи отъ уроковъ профессора Перевощикова по математикѣ, которою прежде братъ занимался очень неохотно, находя науку слишкомъ сухою. Теперь же, наоборотъ, занявшись съ увлеченіемъ математикой, онъ считалъ напрасною потерею времени уроки по другимъ предметамъ (Цвѣтаева, Каченовскаго, Щуровскаго, замѣнившаго Максимовича). Въ свободное отъ ученія время онъ доканчивалъ свою драму «Манфредъ» и приготовлялъ къ публичному акту французскую рѣчь и русскіе стихи.

Учебныя занятія брата Владимира, доставлявшія столько удовольствія матери, были временно прерваны вслѣдствіе какихъ то недоразумѣній съ Анной Алексѣевной Бакаревой. Только въ концѣ года удалось найти гувернера, француза, уже пожилого, и съ малолѣтнимъ сыномъ, почти ровесникомъ моего брата; а позже приглашенъ былъ въ домъ еще молодой гимназистъ, чтобы давать уроки русскаго языка и исторіи.

Въ началѣ октября нашъ родственный кругъ былъ опечаленъ смертью родной тетки моей матери, княгини Вѣры Петровны Грузинской, дорогой старушки, любимой во всей семьѣ. Изъ сыновей ея князь Николай Яковлевичъ Грузинскій переселился въ Петербургъ,

гдѣ получилъ мѣсто начальника казеннаго стекляннаго завода. Въ старомъ домѣ князей Грузинскихъ на Прѣснѣ остались только два брата: Яковъ и Сергѣй Яковлевичи.

Въ началѣ декабря отецъ мой въ послѣдній разъ посѣтилъ свое село Титово. Уже нѣсколько лѣтъ не получалось съ имѣнія никакихъ доходовъ; они обращались сполна на уплату банковаго долга; но и для того оказывались недостаточными. Долгъ, вмѣсто погашенія, съ каждымъ годомъ все возрасталъ. Отецъ убѣдился, наконецъ (къ сожалѣнію, слишкомъ поздно), что безъ свободнаго капитала нѣтъ возможности поддерживать фабрики и заводы; а безъ этого доходы съ имѣнія не могли покрывать долговъ. Въ первый разъ рѣшился онъ откровенно высказать мнѣ свое безвыходное положеніе, въ письмѣ отъ 17-го декабря 1833 года. «Удерживая за собою Титово,—писалъ онъ,—я все больше и больше раззоряюсь, а въ случаѣ моей смерти оставляю дѣтямъ только долги и хлопоты»... Онъ скорбѣлъ о томъ, что «доведенъ обстоятельствами до невозможности удовлетворить всѣхъ своихъ кредиторовъ, а потому желаю лучше остаться безъ имѣнія, нежели безъ чести и съ нареканіемъ».

Рѣшившись окончательно развязаться съ имѣніемъ, отецъ пріѣхалъ на Рождество въ Петербургъ и остановился въ моей тѣсной квартирѣ, вѣроятно, не составивъ себѣ предварительно точнаго понятія о размѣрахъ ея. Матери очень желалось также пріѣхать повидаться со мною и съ дочерью; но къ большому ея огорченію, ни состояніе здоровья, ни денежныя средства не позволили предпринять такую поѣздку. Отецъ мой оставался въ Петербургѣ до марта; по прежнему, много хлопоталъ по своимъ дѣламъ и большую часть дня былъ въ разъѣздахъ. Во время его пребыванія я долженъ былъ, въ угоду ему, возобновить посѣщеніе нѣкоторыхъ домовъ, гдѣ давно уже не бывалъ, и завести многія новыя знакомства. Въ это же время началъ приглашать меня къ обѣду ген. Сухозанетъ. Первоначально я не понималъ, съ какою цѣлью былъ онъ такъ любезенъ со мною; но потомъ оказалось, что онъ почему то задумалъ завербовать меня въ офицерскіе классы Артиллерійскаго училища, состоявшаго подъ главнымъ его начальствомъ. Онъ сталъ меня убѣждать въ томъ, что много выиграю въ мнѣніи начальства, если, будучи уже офицеромъ гвардейской артиллеріи, все-таки покажу желаніе усовершенствовать и дополнить спеціальныя познанія. Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые не дѣлаютъ ничего безъ какого-нибудь расчета или, какъ говорятъ—задней мысли. Ду-

малъ ли онъ, что добровольное поступленіе офицера гвардейской артиллеріи въ офицерскіе классы училища можетъ поднять престижъ этого учрежденія, или была какая иная цѣль—не знаю; но какъ бы то ни было, я рѣшительно уклонился отъ его обольщеній, объявивъ прямо о своемъ намѣреніи, по истеченіи установленнаго двухлѣтняго срока офицерской службы въ строю, поступить въ Военную Академію, состоявшую также подъ его начальствомъ.

Отецъ мой, по возвращеніи въ Москву (13-го марта) немедленно же отправилъ ко мнѣ, съ молодымъ кучеромъ, приготовленную имъ верховую лошадь, вороную, съ сѣдломъ и сбруей. Къ крайнему нашему огорченію, лошадь оказалась испорченною въ дорогѣ, благодаря оплошности проводника и слишкомъ поспѣшному ходу въ самую распутицу. Къ тому же, еще до прибытія лошади я былъ переведенъ во 2-ю батарейную батарею (въ которой служилъ юнкеромъ) и потому нужна была лошадь гнѣдая. Съ пособіемъ отъ отца, частію отъ тетки, Елизаветы Михайловны Милютиной, мнѣ удалось пріобрѣсти порядочную лошадь, такъ что я былъ обезпеченъ въ этомъ отношеніи къ предстоявшему «майскому» параду на Марсовомъ полѣ (Царицыномъ Лугу), первому, въ которомъ мнѣ пришлось участвовать въ строю верхомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ половинѣ мая артиллерія выступила въ Красное Село. Но тутъ меня постигла новая бѣда: и вторая лошадь захромала; я долженъ былъ большую часть лѣта выѣзжать въ строй на казенной лошади, данной мнѣ по добротѣ батарейнаго командира.

Незадолго до выступленія артиллеріи въ Красное Село, 8-го мая, прибылъ въ Петербургъ мой дядя, Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ. Давно уже домогался онъ освобожденія отъ управленія княжествами Валахіи и Молдавіи; но его не отпускали до окончательнаго устройства управленія въ нихъ на новыхъ началахъ и до назначенія въ оба княжества Господарей. Званія эти были, наконецъ, возложены на Александра Гику—въ Валахіи и на Михаила Стурдзу—въ Молдавіи. Послѣ офиціальнаго прощанія съ Валахскими властями и жителями, 8-го января 1834 года, бывшій полномочный предсѣдатель Диванов выѣхалъ изъ Бухареста въ Яссы, гдѣ оставался еще около трехъ мѣсяцевъ. Оттуда выѣхалъ онъ 11-го апрѣля, торжественно провожаемый властями и народомъ; останавливался въ Одессѣ и Тульчинѣ и прибылъ Бѣлорусскимъ трактомъ въ Петербургъ. Какъ слышно было, Государь принялъ П. Д. Киселева чрезвычайно милостиво.

Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ дяди рѣшился я къ нему

явиться; но попалъ весьма неудачно, въ часъ общаго большого пріема. Онъ принялъ меня второпяхъ, стоя и, ограничиваясь нѣсколькими вопросами, отпустилъ довольно сухо. Первое это знакомство произвело на меня не очень пріятное впечатлѣніе; я вышелъ отъ него съ намѣреніемъ не повторять посѣщеній къ нему безъ особаго приглашенія. Съ своей же стороны,—какъ я вскорѣ узналъ,—Павелъ Дмитріевичъ тогда же писалъ моей матери, что видѣлъ меня, что я произвелъ на него выгодное впечатлѣніе и что начальники мои отзываются обо мнѣ съ похвалами. Послѣ перваго свиданія, находясь все лѣто въ Красномъ Селѣ и лагерѣ, я уже и не имѣлъ случая бывать у дяди, а потомъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, онъ самъ уѣхалъ, въ Свитѣ Государя, въ Москву, гдѣ пробылъ 11 дней, сопровождалъ Его Величество въ Орелъ, на маневры, и затѣмъ оставался до конца февраля слѣдующаго года на югѣ, въ имѣніяхъ жены, для устройства обоюдныхъ дѣлъ, такъ какъ съ 1829 года они уже не жили вмѣстѣ.

Лагерное время въ 1834 году провелъ я уже совсѣмъ иначе, чѣмъ прошлогоднее. Не приходилось уже выносить такого физическаго утомленія, какъ въ жалкой долѣ юнкера; среди пріятнаго товарищескаго кружка жилось хорошо. Хозяйство велось у насъ артелями. Въ продолженіе перваго мѣсяца, т. е. во время «практической стрѣльбы», 2-я батарейная батарея стояла не въ самомъ Красномъ Селѣ, а въ окрестностяхъ его, въ двухъ чухонскихъ деревушкахъ: Варекселовѣ и Перекюлѣ, на Кавелахстскихъ высотахъ (подъ самою горою Дудергофскою). Спокойствіе и тишина этой стоянки только разъ были нарушены несчастнымъ случаемъ съ однимъ рядовымъ нашей батареи, который имѣлъ глупость разбивать о камень найденную имъ гдѣ то снаряженную гранату. Случилось это въ огородѣ, навиду изъ окна моей избы, во время нашей трапезы. Услышавъ и увидѣвъ взрывъ, мы немедленно кинулись на мѣсто происшествія и нашли несчастнаго солдата еще живымъ съ оторванными ногами и кистями рукъ. Къ прискорбію, такіе случаи повторялись нерѣдко: не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, и солдаты, и крестьяне подвергались явной опасности для того только, чтобы добыть ничтожное количество пороха.

По заведенному порядку, послѣ практической стрѣльбы артиллерія перешла въ лагерь, вмѣстѣ съ пѣхотой; началась обычная серія смотровъ, ученій, разводовъ, церковныхъ парадовъ. Вся установленная программа лагерныхъ занятій была выполнена безъ малѣйшаго отступленія, со включеніемъ, конечно, и парадной «зори» и «тревоги» и

кончая большими маневрами, продолжавшимися дней шесть. Во все продолженіе лагернаго сбора я побывалъ въ Петербургѣ только два раза, и то по нѣскольку часовъ. На отлучки офицеровъ изъ лагеря начальство смотрѣло тогда неодобрительно; имена пріѣзжавшихъ въ Петербургъ прописывались на заставахъ и ежедневно представлялись Великому Князю Михаилу Павловичу. Отлучавшіеся безъ позволенія изъ лагеря прибѣгали къ разнымъ уловкамъ и подлогамъ, чтобы не попасть въ списокъ на заставѣ.

По окончаніи лагернаго періода и въ этомъ году я прожилъ нѣсколько недѣль въ Новой Деревнѣ, на дачѣ у Авдулиныхъ, и провелъ это время очень пріятно. Съ молодою пріятельскою компаніею участвовалъ я въ поѣздкѣ въ Кронштадтъ—любопытной и поучительной для москвича, невидавшаго моря. 30-го августа происходило торжественное открытіе Александровской колонны. Къ этому торжеству прибыла депутація отъ прусской арміи, состоявшая изъ ветерановъ 1813 и 1814 годовъ и во главѣ ея—второй сынъ прусскаго короля, принцъ Вильгельмъ (будущій регентъ, потомъ Король Прусскій и, наконецъ, Императоръ Германскій). Обычный крестный ходъ въ Александро-Невскую лавру и богослуженіе въ лаврѣ совершены были на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго; Императоръ съ огромною и блестящею Свитой проѣхалъ изъ Зимняго дворца въ лавру и обратно, а въ 11 часовъ утра началось самое торжество открытія памятника, воздвигнутаго Императору Александру I. На обширныхъ площадяхъ, Дворцовой, Адмиралтейской, Петровской, въ окрестныхъ улицахъ, на набережныхъ—вездѣ густо стояли войска Гвардейскаго и Гренадерскаго корпусовъ. Всего было въ строю 86 баталіоновъ, 106 эскадроновъ съ 248 орудіями. Погода, послѣ разразившейся наканунѣ страшной бури съ ливнемъ, вдругъ прояснилась и сдѣлалась превосходною, даже слишкомъ жаркою. Очевидцы, находившіеся на самой площади предъ Зимнимъ дворцомъ, разсказывали, что церемонія, сопровождавшая открытіе памятника, была великолѣпна и трогательна. Нашей артиллеріи пришлось стоять далеко оттуда, на набережныхъ, и содѣйствовать эфекту торжества гуломъ выстрѣловъ изъ всѣхъ орудій, совмѣстно съ артиллеріей Петропавловской крѣпости и стоявшихъ на Невѣ военныхъ судовъ. Въ заключеніе же мы прошли за пѣхотою церемоніальнымъ маршемъ мимо колонны.

Въ исходѣ августа я имѣлъ опять радость свидѣться съ отцомъ; онъ пріѣхалъ въ Петербургъ только на нѣсколько дней по тѣмъ же

дѣламъ, которыя такъ давно его заботили. Остановился онъ, по прежнему, въ моей тѣсной квартиркѣ. Въ началѣ сентября онъ возвратился въ Москву, но въ исходѣ того же мѣсяца опять пріѣхалъ въ Петербургъ уже на болѣе продолжительное время. Грустно было бѣдной матери такъ часто оставаться въ одиночествѣ и такъ долго не видѣть меня. Еще лѣтомъ предполагала она пріѣхать въ Петербургъ съ нашимъ добрымъ родственникомъ, Секретаревымъ, который пріѣзжалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ по дѣламъ виннаго откупа; но должна была отказаться отъ этого намѣренія и утѣшилась надеждою вскорѣ увидѣть меня въ Москвѣ. Въ каждомъ письмѣ своемъ выражала она нетерпѣливое желаніе, чтобы я, по истеченіи годичнаго срока офицерства, взялъ продолжительный отпускъ.

Письма матери, по прежнему, были крайне грустны. Въ одномъ изъ нихъ (въ сентябрѣ) она писала: «Обстоятельства наши такъ тягостны, что съ трудомъ перебиваемся». Въ другомъ, писанномъ въ отсутствіи отца (въ декабрѣ) она выразилась еще сильнѣе: «Всѣ дни мои проходятъ или въ хлопотахъ, или въ слезахъ». Вела она жизнь совершенно уединенную; почти никуда не выѣзжала. Минеральныя воды, которыми она пользовалась уже второе лѣто, не принесли замѣтной пользы ея здоровью.

Въ числѣ постоянныхъ и самыхъ близкихъ къ сердцу заботъ страдалицы—матери было воспитаніе дѣтей. Изъ троихъ, остававшихся дома сыновей, болѣе всѣхъ теперь безпокоилъ ее младшій—Борисъ, которому минуло уже 4 года, а между тѣмъ, онъ все еще не говорилъ ни слова; опасались, что онъ будетъ нѣмъ. Во всѣхъ письмахъ матери выражалась скорбь о томъ, что ребенокъ не развивается соотвѣтственно возрасту. Зато большое утѣшеніе доставлялъ матери Владимиръ—8-ми-лѣтній красивый мальчикъ, способный, прилежный, благонравный. Къ сожалѣнію, приходилось часто мѣнять его гувернеровъ и учителей [1]). Въ концѣ 1834 года поступилъ къ нему наставникомъ одинъ чиновникъ Казенной Палаты, Ходкевичъ—человѣкъ, неготовившійся вовсе въ педагоги, но скромный и нравственный, надзоръ котораго могъ, по крайней мѣрѣ, облегчить заботы больной матери.

Что касается брата Николая, то родители не очень полагались на успѣшное окончаніе имъ курса въ пансіонѣ (или институтѣ) и желали, чтобы онъ, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ товарищей,

[1]) Занимавшаяся имъ одно время Анна Алексѣевна Бакарева въ это лѣто вышла замужъ за А. С. Мельникова,—честнаго, скромнаго чиновника.

остался еще на годъ въ послѣднемъ (8-мъ) классѣ для полученія правъ на выпускъ съ высшимъ чиномъ. Онъ и самъ не торопился разстаться съ школьной скамьей, хотя и выдержалъ экзаменъ удовлетворительно. Но по какому то недоразумѣнію, изъявленія желанія его остаться на второй годъ запоздало и не попало въ общее представленіе. Быть можетъ, произошло это отчасти и по недоброжелательству начальства пансіона къ моему брату за случавшіяся съ нимъ по временамъ вспышки раздраженія и строптивости. Оказалось нужнымъ обратиться съ особымъ прошеніемъ прямо въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, и пока рѣшеніе вопроса оставалось подъ сомнѣніемъ, братъ сообщалъ мнѣ разные планы свои: то помышлялъ о военной службѣ, именно въ артиллеріи; то, согласно желанію отца, предполагалъ довершить свое образованіе въ Университетѣ; но колебался въ выборѣ факультета. Наиболѣе соотвѣтствующимъ его наклонностямъ находилъ онъ «словесный» факультетъ; но не чувствовалъ расположенія къ древнимъ языкамъ, а въ факультетѣ физико-математическомъ (который тогда не подраздѣлялся на два отдѣленія) пугали его науки естественныя. Наконецъ, факультетъ юридическій (по тогдашнему «нравственно-политическій») мало привлекалъ его, такъ какъ онъ «не готовилъ себя въ юристы».

Въ ожиданіи рѣшенія своей участи братъ продолжалъ занятія литературныя, проводя часть лѣта въ Останкинѣ у дяди, Сергѣя Дмитріевича Киселева. Онъ много читалъ, и чтеніе его было самое разнообразное, «не исключая и романовъ Поль-де-Кока», какъ онъ самъ писалъ мнѣ, съ оговоркою, что «очень любитъ ихъ за ихъ простоту и наивность». Въ концѣ августа пришло рѣшеніе министра: братъ оставленъ на второй годъ въ 8-мъ классѣ и съ открытіемъ учебнаго курса сталъ снова посѣщать уроки въ пансіонѣ.

Раннее и своеобразное развитіе моего брата Николая въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ стоитъ прослѣдить хотя бы только по его юношескимъ письмамъ. Я уже говорилъ о настроеніи его въ прошломъ году, когда ему было всего 15 лѣтъ. Въ началѣ 1834 года онъ опять пишетъ о большой перемѣнѣ, которая произошла въ его мысляхъ, чувствахъ и характерѣ. Въ апрѣлѣ, сообщая мнѣ о своихъ литературныхъ занятіяхъ, признается, что любитъ болѣе писать въ стихахъ, чѣмъ въ прозѣ; а въ маѣ присылаетъ мнѣ на просмотръ цѣлую тетрадь стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Думы», и при этомъ дѣлаетъ приписку, что, если письмо его покажется мнѣ страннымъ, то происходитъ это отъ того, что онъ «находится въ

меланхолическомъ и самомъ раздражительномъ состояніи»[1]). Сдѣланныя мною замѣчанія на нѣкоторыя изъ его стихотвореній онъ самъ признаетъ справедливыми; но горячо возсталъ противъ проскользнувшаго въ моемъ письмѣ неуважительнаго мнѣнія вообще о стихотворной формѣ поэзіи. На четырехъ мелко исписанныхъ страницахъ онъ страстно защищалъ силу поэтическаго вдохновенія, легко преодолѣвающаго путы метрики и риѳмы. Онъ ссылался на собственный свой опытъ, на испытанныя имъ нерѣдко мгновенія поэтическаго настроенія, переносящаго его въ другой невидимый міръ [2]). Въ то время онъ искалъ вдохновенія въ исторіи, въ легендахъ и лѣтописяхъ. Продолжая съ любовью работать надъ своею драмою «Манфредъ», онъ писалъ мнѣ въ августѣ 1834 года, что это будетъ трудъ обширный, «романъ драматическій въ стихахъ»; что для основательнаго изученія духа и нравовъ той эпохи онъ читаетъ въ подлинникѣ старинныя легенды, писанныя на провансальскомъ нарѣчіи, и разсказы Маливуара, озаглавленныя «Cy commencent quatre belles chroniques récitées par C. Malivoir le jongleur»... etc. Братъ прислалъ мнѣ еще одно свое стихотвореніе, подъ названіемъ: «Камоэнсъ», выразившись при этомъ, что «это маленькое сочиненьице есть минутный плодъ вдохновенія, и ничего болѣе».

Прежнюю свою драму «Амалатъ-бекъ» онъ передѣлывалъ нѣсколько разъ для постановки ея на сценѣ Московскаго театра по указаніямъ дирекціи и нѣкоторыхъ актеровъ, которымъ онъ предварительно давалъ прочесть это юношеское произведеніе (Мочаловъ, Ленскій, Львова-Синецкая, Рѣпина). Изъ этихъ извѣстныхъ артистовъ болѣе всѣхъ принялъ участіе Ленскій, который, по словамъ брата Николая, «указалъ откровенно всѣ недостатки драмы, между тѣмъ, какъ другіе только хвалили безусловно». Но эти неоднократныя передѣлки и разныя хлопоты съ дирекціей надоѣли, наконецъ, юному автору. «Если нужно будетъ,—писалъ онъ,—еще дѣлать какія-нибудь передѣлки, то я совсѣмъ откажусь отъ пьесы и уничтожу ее, подобно прочимъ». Нѣсколько спустя (2-го сентября) онъ писалъ по этому же предмету: «Ты помнишь, что совѣтовалъ старый Горацій всѣмъ авторамъ: онъ увѣрялъ, что всякое сочиненіе должно быть отложено безъ чтенія на десять лѣтъ. Добрый человѣкъ ошибся въ расчетѣ: для меня слишкомъ много и двухъ недѣль, да и всякое авторское терпѣніе лопнетъ при роковомъ словѣ—десять лѣтъ.—Итакъ, не по-

[1]) Письмо отъ 7-го мая.
[2]) Письмо отъ 17-го іюня 1834 г.

слушавъ Горація, я сталъ перечитывать своего Амалатъ-бека чрезъ двѣ недѣли и нашелъ въ немъ пропасть недостатковъ, которыхъ не замѣчалъ прежде». Прочитавъ снова свою пьесу, авторъ вдругъ замѣтилъ, что онъ въ этомъ произведеніи самъ нарушилъ собственную свою теорію драмы. Такое сознаніе, какъ онъ выразился, «взяло верхъ надъ суетнымъ желаніемъ видѣть какую-нибудь свою пьесу на сценѣ»; онъ предпочелъ «выступить не иначе, какъ съ такимъ трудомъ, которымъ самъ былъ бы совершенно доволенъ и который удовлетворялъ бы всѣмъ правиламъ, мною уже самимъ признаваемымъ». Вслѣдствіе такихъ размышленій онъ рѣшился отказаться отъ заманчивой мечты увидѣть свою пьесу на сценѣ и взялъ ее назадъ.

Страсть брата къ театру такъ увлекала его, что даже въ самое горячее время экзаменовъ онъ не пропускалъ сколько-нибудь интереснаго спектакля. Онъ писалъ мнѣ о представленіяхъ пріѣзжавшаго изъ Петербурга Каратыгина, которыми волновалась вся Москва въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Въ зиму съ 1834-го на 1835-й годъ въ пансіонѣ (институтѣ) опять устроились спектакли изъ воспитанниковъ; между прочимъ, разыгрывались сцены изъ «Торквато Тасса» Нестора Кукольника въ присутствіи самого автора, съ которымъ братъ мой (исполнявшій роль самого Тасса) радъ былъ познакомиться, какъ съ знаменитостью того времени. Братъ сознавался, что устройство этихъ театральныхъ представленій отвлекало его отъ учебныхъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, причиняло ему много хлопотъ, заботъ и даже вовлекало въ денежныя траты. Упрекая самъ себя въ излишнемъ увлеченіи, онъ, однако же, высказывалъ, что «эти хлопоты по театру доставляютъ ему нравственное удовлетвореніе, даютъ пищу его душевнымъ движеніямъ и хоть чѣмъ-нибудь отсвѣчиваютъ его однообразную жизнь». «Я понимаю чувство игрока, безпрестанно проигрывающаго и неоставляющаго игры, которую онъ любитъ и проклинаетъ».

Почти всю зиму съ 1834-го на 1835-й годъ, такъ же, какъ и предшествовавшую, отецъ мой прожилъ со мною въ Петербургѣ, и я опять, въ угожденіе ему, долженъ былъ вести свѣтскую жизнь, разъѣзжать по знакомымъ, часто бывать на балахъ, участвовать въ танцахъ, хотя все это нимало не доставляло мнѣ удовольствія и даже тяготило меня. Притомъ, этотъ образъ жизни сопряженъ былъ съ матерьяльными затрудненіями; необходимо было мнѣ, по прежнему, строго соразмѣрять свои издержки со скудными финансовыми сред-

ствами [1]). Разорительныя прихоти «золотой молодежи» Петербургскаго большого свѣта вовсе и не согласовались съ моими вкусами и наклонностями. Вовлеченный временно и почти противъ воли въ омутъ мнимыхъ удовольствій Петербургскаго зимняго сезона, я чувствовалъ какую то пустоту въ головѣ и радъ былъ, когда могъ отвести душу въ своемъ дружескомъ или товарищескомъ кругу. Какъ и прежде, я часто посѣщалъ Авдулиныхъ, гдѣ чувствовалъ себя, какъ дома.

Офицерское общество въ нашей бригадѣ могло похвалиться дружескимъ товариществомъ. Изъ старшихъ офицеровъ-дивизіонеровъ болѣе всѣхъ пользовался любовью молодежи добродушный капитанъ Николай Герасимовичъ Поповъ (дослужившій впослѣдствіи до чина полнаго генерала); другой капитанъ, Петръ Петровичъ Корниловъ, оживлялъ товарищескій кружокъ своимъ юморомъ и шутками. Напротивъ того, Симборскій,—о которомъ я уже упоминалъ,—былъ несимпатиченъ и не сближался съ молодыми офицерами. Бригадный штабъ составляли: адъютантъ—поручикъ Алопеусъ и казначей—Палицынъ; оба были любезные и услужливые товарищи. Изъ молодыхъ офицеровъ, командовавшихъ взводами, сошелся ближе я съ Александромъ Алексѣевичемъ Баранцовымъ, съ Андреемъ Ивановичемъ Чарыковымъ, съ княземъ Рудольфомъ Кантакузеномъ. Большимъ счастіемъ для меня было—найти въ своихъ товарищахъ хорошихъ, вѣрныхъ и честныхъ друзей. Въ маленькомъ кругу офицеровъ нашей бригады меня баловали, какъ младшаго, еще очень юнаго и во многихъ отношеніяхъ весьма наивнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, почему то, считали меня «ученымъ» даже въ средѣ товарищей, прошедшихъ чрезъ офицерскіе классы Артиллерійскаго училища и, слѣдовательно, имѣвшихъ гораздо болѣе права на такую репутацію.

Повидимому, таковъ же былъ взглядъ и самого начальства [2]). Въ первый же годъ офицерства на меня возлагались порученія, требовавшія нѣкоторыхъ спеціальныхъ свѣдѣній. Такъ на меня выпалъ выборъ ген. Сумарокова для разработки занимавшаго его лично вопроса о «регулированіи снарядовъ». Дѣло это заключалось въ слѣдующемъ: въ то время возникла мысль, что для большей вѣрности артиллерійскаго выстрѣла съ тогдашнимъ сферическимъ снарядомъ слѣдуетъ

---

[1]) Весь бюджетъ мой за 1834-й годъ составлялъ всего 3 тысячи рублей ассигнаціями, т. е. около 850 рублей серебромъ, со включеніемъ всѣхъ единовременныхъ расходовъ и при всѣхъ испытанныхъ неудачахъ съ верховыми лошадьми.

[2]) Въ исходѣ 1834 года нашъ бригадный командиръ, ген.-м. Козлянинов, получилъ новое назначеніе—начальникомъ артиллеріи на Кавказѣ; мѣсто его занялъ полк. Стаховичъ—чистокровный хохолъ.

давать ему такое положеніе въ дулѣ орудія, чтобы онъ вылеталъ своимъ центромъ тяжести впередъ. Съ этою цѣлью придумывались разные способы для опредѣленія центра тяжести снарядовъ, особенно гранатъ и бомбъ, и для отмѣтки на поверхности ихъ той точки, которая должна быть головною при изготовленіи зарядовъ. Изысканія и опыты въ этомъ смыслѣ продолжались большую часть 1834 года и въ началѣ слѣдующаго; но не привели ни къ какому практическому результату и были оставлены безъ послѣдствій.

1835. Въ половинѣ января 1835 года получилъ я давно желанный отпускъ на $2^1/_2$ мѣсяца и отправился (въ дилижансѣ) въ свою родимую Москву. Трудно выразить тѣ чувства, которыя испыталъ я при въѣздѣ въ Бѣлокаменную послѣ двухъ лѣтъ разлуки со всѣмъ, что было мнѣ близко къ сердцу. Каждая улица, каждый домъ, какъ будто живые свидѣтели, говорили мнѣ о дѣтствѣ и юности моихъ, какъ будто привѣтствовали мое возвращеніе во-свояси. Не говорю уже о радости моей дорогой матери, о горячихъ объятіяхъ, которыми она встрѣтила меня; объ удовольствіи братьевъ и всѣхъ домочадцевъ. Въ первые дни я былъ въ какомъ то чаду, въ опьяненіи счастья. Вся многочисленная родня, масса пріятелей и близкихъ знакомыхъ—спѣшили взглянуть на своего прежняго «Митеньку» въ нарядѣ гвардейскаго офицера; осыпали меня ласками, любезностями.

Немало времени потребовалось мнѣ, чтобы объѣхать всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Всѣ утра проходили въ этихъ разъѣздахъ, благодаря чрезмѣрнымъ разстояніямъ. По вечерамъ же почти каждый день приходилось быть на балахъ, даже иногда на двухъ въ одинъ вечеръ. Тогда Москва еще жила на широкую ногу; зимній сезонъ былъ непрерывнымъ рядомъ пировъ и веселій; а пріѣзжихъ изъ Петербурга, особенно гвардейскихъ офицеровъ, какъ говорится, носили на рукахъ. Свѣтская эта жизнь и безчисленныя обязанности родственныхъ отношеній отрывали меня отъ дома болѣе, чѣмъ я желалъ, и лишали возможности долѣе оставаться съ матерью, такъ дорожившею моимъ присутствіемъ въ Москвѣ. Проведенные тамъ два мѣсяца съ половиной пролетѣли незамѣтно.

27-го марта, съ стѣсненнымъ сердцемъ, простился я съ родителями и домашними и выѣхалъ изъ Москвы. Это было время самой распутицы: ѣхалъ я то въ саняхъ, то въ телѣгѣ и, какъ ни торопился, доѣхалъ до Петербурга только на четвертыя сутки, 30-го марта. Въ письмѣ моемъ къ родителямъ отъ 1-го апрѣля высказывалось, какъ различны были ощущенія мои при въѣздѣ въ Москву за $2^1/_2$ мѣсяца

ранѣе, и теперь, при въѣздѣ въ Петербургъ, наводившій на меня угрюмое настроеніе. Къ Москвѣ же, напротивъ того, питалъ я родственную нѣжность, и въ письмѣ своемъ выражалъ сердечную признательность за всѣ ласки, оказанныя мнѣ въ продолженіе моего тамъ пребыванія.

На другой день по пріѣздѣ въ Петербургъ явился я къ начальству и къ дядѣ, Павлу Дмитріевичу Киселеву, который въ концѣ февраля возвратился съ юга Россіи. На этотъ разъ онъ обошелся со мною гораздо ласковѣе, чѣмъ въ первое мое посѣщеніе, и счелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ денежный подарокъ,—что было для меня весьма непріятно, такъ какъ я вовсе не желалъ, чтобы моимъ посѣщеніямъ приписывалось какое-нибудь корыстное побужденіе. По этому поводу получилъ я отъ матери упрекъ въ неумѣстной щекотливости, потому, во-первыхъ, что Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ—не чужой мнѣ человѣкъ, а во-вторыхъ, что онъ уже привыкъ къ тому, что не гнушались его подарками и пособіями даже лица чиновныя и знатныя.

Первою заботою для меня въ Петербургѣ было опять обезпечить себя на лѣто верховою лошадью. Лишь предъ самымъ выступленіемъ артиллеріи въ Красное Село удалось мнѣ достать годнаго для службы коня, сбывъ въ то же время за безцѣнокъ обѣ прежнія лошади, остававшіяся у меня почти цѣлый годъ на корму безъ употребленія. Между тѣмъ, наступила пора заняться вопросомъ о предположенномъ мною поступленіи въ Военную Академію. Установленный двухлѣтній срокъ предварительной строевой службы истекалъ въ ноябрѣ и къ тому времени нужно было приготовиться. Познакомившись съ нѣкоторыми изъ офицеровъ перваго (теоретическаго) класса Академіи, я досталъ отъ нихъ учебныя программы, получилъ всѣ нужныя справки и по ихъ указаніямъ нашелъ возможнымъ приготовиться прямо къ переводному экзамену изъ теоретическаго класса въ практическій, то есть сократить пребываніе въ Академіи на цѣлый годъ. Поручики Гвардейскаго Московскаго полка, Ник. Гр. Глинка и артиллеріи Ник. Григ. Богаевскій, оказали мнѣ большую услугу доставленіемъ литографированныхъ записокъ, по которымъ они сами готовились къ экзамену. Съ мая мѣсяца я принялся усердно за новую работу.

По заведенному порядку, послѣ майскаго парада, артиллерія перешла въ Красное Село и его окрестности, для практической стрѣльбы. Въ этомъ году наша батарея занимала деревеньку Наголово.

Эта уединенная и спокойная стоянка доставляла всѣ удобства для моихъ учебныхъ занятій и въ продолженіи мѣсяца, т. е. до перехода въ лагерь, работа моя подвинулась значительно. Изъ всѣхъ учебныхъ предметовъ предстоявшаго мнѣ экзамена наиболѣе затрудняли меня строевые уставы пѣхоты и кавалеріи, такъ какъ я долженъ былъ заучивать ихъ книжнымъ способомъ, не видавъ никогда строевого ученія въ натурѣ. Затѣмъ главнымъ предметомъ изученія была тактика, которая проходилась вся въ первый годъ академическаго курса. Прочіе предметы были сравнительно не трудны, кромѣ развѣ военной исторіи, которой значительная половина проходилась въ теоретическомъ классѣ и требовала весьма напряженной работы памяти. Что же касается курса геодезіи, составлявшаго камень преткновенія для большинства учащихся, то я былъ уже настолько къ нему подготовленъ, что для меня онъ былъ даже не трудомъ, а скорѣе отдохновеніемъ и развлеченіемъ отъ массы фактическихъ свѣдѣній, которыя приходилось заучивать на память, по наукамъ военнымъ.

Лагерное время нѣсколько затормозило мои учебныя занятія; зато по возвращеніи въ городъ, съ конца іюля, я старался наверстать пропущенное время напряженною работою, оставаясь почти безвыходно дома и отказавшись даже отъ удовольствія пріятельскихъ сходокъ.

Извѣстія изъ Москвы были, по прежнему, неутѣшительны. Здоровье матери все болѣе возбуждало опасеній: уже подозрѣвали у нея ракъ въ груди. Затруднительное денежное положеніе тревожило ее нравственно; на рукахъ ея было все хозяйство домашнее и приходилось ей «перебиваться изо дня въ день, не зная, что будетъ завтра». Безпокоило ее и то, что не имѣла возможности доставлять мнѣ денежныя средства, хотя я съ своей стороны постоянно успокаивалъ ее въ этомъ отношеніи. Бѣдная страдалица вела жизнь, крайне грустную. Отецъ мой былъ рѣдко дома; большую часть дня проводилъ въ хлопотахъ по дѣламъ своимъ и служебнымъ. По порученію военнаго генералъ-губернатора онъ занятъ былъ въ это время устройствомъ архива въ одной изъ Кремлевскихъ башенъ (Никольской). Въ іюнѣ отецъ получилъ, наконецъ, давно обѣщанное мѣсто совѣтника и управляющаго дѣлами въ коммиссіи по постройкѣ храма Христа Спасителя съ жалованіемъ въ 3 тысячи рублей (конечно, ассигнаціями) и съ казенною квартирой въ домѣ, находившемся близъ самого мѣста постройки храма (на Пречистенкѣ). Это было первое

сколько-нибудь благопріятное обстоятельство, которое облегчило тяжелое матеріальное положеніе семьи, хотя все-таки далеко не обезпечивало ее въ средствахъ жизни. Въ новую должность отецъ вступилъ въ началѣ августа; перемѣщеніе же на казенную квартиру замедлилось необходимыми въ ней ремонтными работами, такъ что родители мои переселились только 4-го ноября. Проживъ на Прѣснѣ около восьми лѣтъ, они оставили не безъ грусти прежнее свое гнѣздо, не смотря на всѣ вынесенныя въ немъ невзгоды. Новое жилье было наряднѣе прежняго, но менѣе удобно для домашней жизни.

Между тѣмъ, безконечное дѣло по имѣнію продолжало своимъ чередомъ переходить чрезъ разныя фазы изъ одной инстанціи въ другую. Имѣніе было уже запродано съ публичнаго торга и осталось за нѣкоимъ Евдокимовымъ; но отецъ началъ хлопотать о томъ, чтобы продажа эта не была утверждена и чтобы имѣніе было предоставлено нѣкоторымъ изъ крупныхъ кредиторовъ, съ которыми онъ вошелъ въ особое соглашеніе. Кромѣ того, возникъ новый процессъ по тому поводу, что покупщикъ Евдокимовъ предъявилъ свои права на нѣкоторыя «души» и земли (пустоши), невключенныя въ опись, по которой производился публичный торгъ. Не помѣщено было въ эту опись до 17 дворовыхъ людей, которыхъ отецъ мой желалъ удержать въ домѣ; большею частію это были старые слуги съ ихъ семействами. Покупщикъ же доказывалъ свои права на все, приналлежавшее къ отцовскому имѣнію, хотя бы и невключенное почему-либо въ опись; требовалъ къ себѣ означенныхъ людей и даже позволялъ себѣ отбирать ихъ насильственно.

Въ такомъ положеніи дѣло дошло въ маѣ 1835 года до Сената и опять отецъ обратился къ помощи П. Д. Киселева, который объяснялся по этому дѣлу съ Министромъ Юстиціи Дашковымъ. Не смотря на данное этимъ послѣднимъ заключеніе въ благопріятномъ смыслѣ, въ общемъ собраніи Сената произошло разногласіе, и дѣло перешло въ Государственный Совѣтъ. Присутствіе отца моего въ Петербургѣ снова становилось необходимымъ; но обязанности его по службѣ, а еще болѣе совершенное безденежье не позволили ему на этотъ разъ предпринять новую поѣздку. Онъ ограничился присылкою объяснительныхъ по дѣлу записокъ нѣкоторымъ изъ вліятельныхъ членовъ Государственнаго Совѣта.

Каждое получаемое мною отъ матери письмо выражало заботливость ея о моихъ братьяхъ. Младшій изъ нихъ, Борисъ, остававшійся до того времени почти нѣмымъ, вдругъ заговорилъ; даже

началъ учиться азбукѣ. Обученіемъ его занялась молодая дѣвушка, дочь недавно умершей пріятельницы матери моей, Алексѣевой; она уже давала уроки англійскаго языка брату Владимиру. Что же касается до брата Николая, то для него наступила критическая пора послѣднихъ выпускныхъ экзаменовъ. Онъ готовился къ нимъ старательно, писалъ сочиненія и за себя, и за нѣкоторыхъ товарищей, помогалъ преподавателямъ въ составленіи вопросныхъ билетовъ. Экзамены окончились въ половинѣ іюня совершенно успѣшно; по собственному сознанію брата,—лучше даже, чѣмъ онъ самъ ожидалъ; и не смотря на то, онъ все-таки не былъ удостоенъ при выпускѣ высшей награды, а получилъ только 12-й классъ. Этою явною несправедливостію завершилось постоянное на него гоненіе со стороны инспектора классовъ, Запольскаго. Самъ отецъ, всегда относившійся строго къ учебнымъ занятіямъ брата Николая и лично слѣдившій за испытаніями, признавалъ несправедливость рѣшенія пансіонскаго начальства и даже вошелъ по этому предмету въ переписку съ помощникомъ Попечителя, Д. П. Голохвастовымъ. Въ письмѣ отъ 15-го іюня братъ высказывалъ, что даже товарищи его сначала не вѣрили такому несправедливому рѣшенію. Въ особенности огорчало его и возбуждало въ немъ негодованіе то, что при этомъ случаѣ обнаружились неблаговидные происки нѣкоторыхъ изъ товарищей, и тѣхъ именно, которыхъ онъ преимущественно считалъ своими друзьями». Скажу тебѣ откровенно,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ,—что съ самаго отъѣзда твоего всякій день я получалъ новыя непріятности во всѣхъ родахъ. Всѣ неудачи, какія только могли быть въ моемъ положеніи, были испытаны мною»... «Теперь я увѣрился, что такова будетъ вся жизнь моя, и, признаюсь, въ послѣднее время пересталъ дорожить ею».

Такое пессимистическое настроеніе 17-лѣтняго юноши, къ счастію, было только кратковременнымъ впечатлѣніемъ; оно нисколько не соотвѣтствовало его характеру и направленію. Скоро позабылъ онъ испытанную неудачу и претерпѣнную несправедливость. Въ письмѣ отъ 13-го іюля онъ уже пишетъ мнѣ, что, сдѣлавшись совершенно свободнымъ и еще не остановившись ни на какомъ рѣшеніи на счетъ своей будущей дороги, онъ проводитъ время въ чтеніи и размышленіи; что послѣ долгихъ колебаній вознамѣрился заняться исторіей среднихъ вѣковъ, при чемъ высказывалъ мнѣніе о неосновательности обычнаго раздѣленія всеобщей исторіи на три части: древнюю, среднюю и новую. По его взгляду, слѣдовало бы отдѣлять только новый міръ

отъ древняго, такъ какъ «средніе вѣка» составляютъ начало, зародышъ современной цивилизаціи. Подробно развивъ эту тэму, онъ заканчивалъ такъ: «Вотъ, почему я менѣе занимаюсь изученіемъ древняго міра, зная, что онъ—не нашъ, и стараюсь узнать средніе вѣка, на которые смотрю, какъ на младенчество нашихъ, какъ на колыбель нашей исторіи, какъ на основаніе всего современнаго».

Однакожъ, намѣреніе заняться исторіей, повидимому, не осуществилось. Мѣсяцемъ позже получилъ я отъ брата длинное посланіе, начавшееся въ стихахъ на $2^1/_2$ страницахъ; затѣмъ объяснялъ онъ въ прозѣ, что скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ и, читая много всякой всячены, находитъ въ томъ мало проку. «Безпрестанно болѣе и болѣе убѣждаюсь,—писалъ онъ,—какъ мало еще я пріобрѣлъ познаній и какъ много остается мнѣ получить. Я слишкомъ нетерпѣливо желаю узнать еще болѣе, и потому почти бросаюсь на всѣ новые предметы, представляющіеся моимъ глазамъ». Питая горячее желаніе посвятить себя литературѣ, онъ считалъ себя недостаточно подготовленнымъ для такой дѣятельности, и потому признавалъ нужнымъ еще многому учиться, даже русской грамматикѣ. Онъ принимался за все разомъ и самъ былъ недоволенъ такимъ образомъ занятій, «оставлявшимъ въ головѣ полный хаосъ».

Въ подобные моменты молодого, даровитаго человѣка случайное какое-нибудь обстоятельство, вліяніе какой-нибудь личности—могутъ дать толчекъ въ ту или другую сторону, опредѣлить болѣе или менѣе удачно все будущее его направленіе. Такого удачнаго толчка недоставало моему брату для выбора опредѣленной дороги. Родители сѣтовали на его безпечность относительно выбора рода службы и упрекали его въ томъ, что теряетъ время въ праздности. «Боюсь, чтобы не кончилось Московскою службой и чтобы не остался Московскимъ франтомъ»,—писала мать въ исходѣ іюля. Родители осуждали также его страсть къ театру. Имъ было непріятно, что въ это лѣто братъ Николай согласился принять участіе въ домашнемъ спектаклѣ у Пашковыхъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ кругу едва знакомыхъ, и притомъ въ роли Митрофанушки въ комедіи Фонъ-Визина «Недоросль». Какъ кажется, онъ не имѣлъ успѣха въ этой роли, и самъ досадовалъ на себя, что поддался обольщенію.

Относительно выбора рода службы появлялась у брата по временамъ наклонность къ военному поприщу. Въ отвѣтъ на одно мое письмо, въ которомъ, повидимому, я коснулся невыгодныхъ сторонъ военной службы, онъ упрекнулъ мнѣ, что я «смотрю на эту службу

сквозь тусклое стекло» и, сравнивая оба рода службы, призналъ полное преимущество военной, въ которой находилъ онъ «привлекательную, поэтическую сторону,» тогда какъ въ работѣ канцелярской, по его словамъ, «нѣтъ ровно ничего для ума и воображенія». Мысли свои въ такомъ смыслѣ развивалъ онъ довольно обширно и въ заключеніе указывалъ на ту выгоду военной службы, что она открываетъ путь и къ разнообразнымъ высшимъ должностямъ. Впрочемъ, самъ онъ оговаривался, что всѣ эти размышленія не имѣли никакого примѣненія практическаго къ личному вопросу о собственныхъ его планахъ; относительно же выбора пути для своей службы онъ просилъ у меня совѣтовъ и указаній.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ въ августѣ мѣсяцѣ (отъ 22-го числа) послѣ длинныхъ изліяній касательно своего образа жизни, настроенія и предположеній братъ писалъ: «Въ письмахъ къ тебѣ я исповѣдуюсь, какъ бы предъ самимъ собою; вспоминаю все, что думалъ и чувствовалъ въ послѣднее время, открываю всю душу своему брату, который, можетъ быть, одинъ пойметъ меня въ подобномъ разговорѣ»... Онъ выражалъ сильное желаніе лично переговорить со мною. «Еслибъ можно было,—писалъ онъ,—то я пошелъ бы пѣшкомъ въ Петербургъ, чтобы только поговорить съ тобою хоть одну недѣлю, хоть одинъ день... «Еще ранѣе сами родители помышляли о томъ, чтобы отправить брата въ Петербургъ «погостить» у меня [1]), съ тѣмъ, чтобы «онъ самъ приглядѣлся къ разнымъ родамъ службы и могъ сознательно сдѣлать выборъ» [2]). Но предположеніе это признавалось несбыточнымъ, за неимѣніемъ денежныхъ средствъ. Отецъ уже склонялся къ опредѣленію брата Николая въ канцелярію Московскаго военнаго генералъ-губернатора. Въ письмѣ матери отъ 6-го августа упоминалось: «Николай, кажется, начинаетъ склоняться къ штатской службѣ...» Но братъ со своей стороны писалъ мнѣ, что предполагаемая для него служба представлялась ему мало привлекательною. «Я долженъ похоронить всю свою будущность»—писалъ онъ, скорбя вмѣстѣ съ тѣмъ, что лишается надежды на поѣздку въ Петербургъ.

Однакожъ, поѣздка эта осуществилась вскорѣ совершенно нежданно какъ для брата, такъ и для родителей.

---

[1]) Письмо матери отъ 20-го іюля.

[2]) Письмо отца отъ 14-го іюля.

Для поступленія въ старшій классъ Военной Академіи мнѣ пришлось работать очень усидчиво, съ крайнимъ напряженіемъ усилій памяти и внимательности. Отецъ мой, еще въ письмѣ отъ 12-го августа, предостерегалъ меня отъ чрезмѣрнаго утомленія, могущаго имѣть вредное вліяніе на здоровье. Затѣмъ вторично высказывалъ онъ свои опасенія въ письмѣ отъ 30-го августа, когда узналъ о намѣреніи моемъ поступить прямо въ старшій классъ Академіи. Предостереженія эти не были напрасны: я заболѣлъ сильнѣйшею горячкой (по теперешнему,—тифомъ), такъ что лежалъ нѣсколько дней совершенно въ безсознательномъ состояніи. Лечилъ меня бригадный нашъ лекарь, Псешмыцкій—врачъ опытный и человѣкъ хорошій, уважаемый въ кругу офицеровъ. Въ помощь ему пріѣзжалъ докторъ Персонъ—домашній врачъ Авдулиныхъ, которые приняли въ моей болѣзни самое теплое участіе. Родители мои получили первыя извѣстія о моей болѣзни около 10-го сентября чрезъ возвратившагося изъ Петербурга кондуктора дилижанса, бывшаго нашего крѣпостного человѣка. Сначала они не придали особеннаго значенія этому извѣстію; но недѣлю спустя отецъ получилъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія отъ нашего друга, Авдулина, и хотѣлъ было самъ ѣхать въ Петербургъ; но въ то время ему не было возможности отлучиться изъ Москвы даже на самое короткое время. Скрывъ отъ матери полученныя тревожныя свѣдѣнія, онъ рѣшился неотлагательно снарядить въ путь брата Николая. Денежныя средства на эту поѣздку предложилъ дядя, Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ, и 20-го сентября братъ выѣхалъ изъ Москвы, не подозрѣвая, что найдетъ меня въ опасномъ, почти безнадежномъ состояніи.

Но вскорѣ по пріѣздѣ его произошелъ въ болѣзни моей благопріятный кризисъ. Придя, наконецъ, въ сознаніе и увидѣвъ возлѣ себя брата, я былъ, конечно, крайне удивленъ и обрадованъ. Онъ привезъ мнѣ письмо матери, которая выражала удивленіе свое, что болѣе трехъ недѣль не было извѣстій отъ меня; пользуясь отъѣздомъ брата, она прислала мнѣ нѣсколько денегъ (250 рублей ассигн.) и серебряный стаканъ, за который, по ея расчету, можно было выручить еще сотню рублей. Лишь только я въ состояніи былъ держать карандашъ, поспѣшилъ набросать на бумагу дрожащею рукой нѣсколько словъ для успокоенія родителей. Такимъ образомъ, моя мать тогда только узнала, какую выдержалъ я болѣзнь, когда опасность уже миновала. Она писала мнѣ потомъ, что никакія препятствія не удержали бы ее отъ поѣздки въ Петербургъ, еслибъ она прежде знала

всю правду. Родители въ послѣдующихъ своихъ письмахъ убѣждали меня не приниматься снова за усиленныя занятія, дабы не подвергнуться рецидиву болѣзни.

Глубоко былъ я тронутъ тѣмъ сердечнымъ участіемъ, которое было мнѣ оказано во время болѣзни не только близкими пріятелями и товарищами, но даже многими лицами, совсѣмъ чужими. Но меня крайне огорчало и тревожило то, что подъ вліяніемъ этой злополучной болѣзни изъ моей памяти улетучилось почти все, что было добыто такимъ усиленнымъ трудомъ для предстоявшаго экзамена. Приходилось работать заново, вторично приготовляться къ экзамену, а, между тѣмъ, врачи и друзья не позволяли мнѣ скоро приняться за дѣло. Болѣзнь оставила на мнѣ глубокіе слѣды: я страшно исхудалъ, долженъ былъ обрить себѣ голову и довольно долго оправлялся, не выходя изъ дома.

Однакожъ, разъ что я снова принялся за свои тетради и книги, все, что казалось невозвратно изглаженнымъ изъ памяти, начало быстро и живо возстановляться, подобно тому, какъ на фотографической пластинкѣ невидимое сначала изображеніе проявляется вдругъ съ полною отчетливостію. Довольно было одного мѣсяца работы для повторенія всего пройденнаго. Начальство Академіи, во вниманіе къ моей болѣзни, согласилось нѣсколько отсрочить мой экзаменъ и предоставило мнѣ держать его отдѣльно, уже по окончаніи общихъ испытаній и начала лекцій.

Въ послѣдніе дни октября и въ началѣ ноября я послѣдовательно сдалъ сперва вступительный экзаменъ, а потомъ переводный (изъ младшаго въ старшій классъ) и по всѣмъ предметамъ испытанія получилъ аттестацію, вполнѣ одобрительную. Вслѣдъ за тѣмъ началъ я посѣщать лекціи, хотя формальное зачисленіе въ Академію послѣдовало только 7-го декабря. Съ этого только дня навѣсилъ я себѣ эксельбантъ, служившій тогда отличительнымъ внѣшнимъ знакомъ офицеровъ, перешедшихъ въ практическое отдѣленіе Академіи. Знакъ этотъ сохранялся и по выходѣ изъ Академіи въ теченіе годичнаго срока, на который кончившіе курсъ офицеры прикомандировывались къ генеральному штабу до перевода ихъ въ этотъ корпусъ.

Братъ Николай, съ первыхъ же дней пребыванія въ Петербургѣ познакомился съ домомъ Авдулиныхъ и былъ принятъ въ этой семьѣ съ тѣмъ же радушіемъ, которое всегда оказывалось мнѣ. Кромѣ Авдулинскаго кружка, нашелъ онъ въ Петербургѣ нѣкоторыхъ изъ

прежнихъ товарищей по Московскому пансіону. Съ его общительнымъ характеромъ, брату не трудно было въ короткое время распространить кругъ знакомства. Онъ началъ приглядываться къ петербургской жизни и наводить справки относительно выбора рода службы.

Уже въ письмѣ, привезенномъ мнѣ братомъ, отецъ сообщалъ мнѣ свое рѣшеніе, чтобъ братъ Николай поступилъ въ гражданскую службу. Въ томъ же смыслѣ и въ письмахъ къ нему самому отецъ давалъ совѣты и наставленія, указывалъ на лицъ, къ которымъ могъ онъ обратиться, и въ особенности убѣждалъ искать сближенія съ дядею, П. Д. Киселевымъ. Было предположеніе о поступленіи брата въ департаментъ Внѣшней Торговли, директоромъ котораго былъ извѣстный писатель, кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій, старый другъ нашего дома. О военной же службѣ уже не было и рѣчи.

28-го октября возвратился въ Петербургъ дядя, П. Д. Киселевъ, проведшій все лѣто за границей. Чрезъ нѣсколько дней мы съ братомъ явились къ нему. Онъ принялъ насъ любезно и показалъ участіе въ устройствѣ служебнаго положенія брата Николая, препоручивъ его особому покровительству директора хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, тайн. сов. Василія Ивановича Карнѣева, служившаго прежде, подъ начальствомъ П. Д. Киселева, въ Княжествахъ Дунайскихъ управляющимъ канцеляріею его. Карнѣевъ, въ угожденіе бывшему своему начальнику, немедленно опредѣлилъ брата Николая въ свой департаментъ съ небольшимъ жалованьемъ и, принявъ его подъ личное свое попеченіе, началъ съ первыхъ же дней занимать его служебными дѣлами, такъ что скоро могъ оцѣнить способности новобранца. Братъ былъ вполнѣ доволенъ любезнымъ обхожденіемъ своего начальника.

Родители были, конечно, очень обрадованы столь удачнымъ первымъ шагомъ брата Николая, и въ письмѣ отъ 23-го ноября выразили сердечную признательность П. Д. Киселеву за оказанное имъ покровительство. Съ опредѣленіемъ брата на службу и поступленіемъ моимъ въ Военную Академію родители вполнѣ успокоились на счетъ насъ обоихъ.

Съ пріѣздомъ брата и окончательнымъ поступленіемъ его на службу въ Петербургѣ становилось невозможнымъ оставаться намъ вмѣстѣ въ прежней тѣсной квартирѣ. Притомъ она была слишкомъ удалена отъ Военной Академіи. Надобно было пріискать новое жильё, нѣсколько болѣе просторное и въ болѣе центральной части города.

Братъ, пользуясь своимъ свободнымъ временемъ, усердно принялся за поиски. Одинъ изъ прежнихъ товарищей брата по Московскому пансіону, Николай Ивановичъ Свѣчинъ, изъявилъ желаніе поселиться вмѣстѣ съ нами. Это былъ добрый и честный малый, благовоспитанный и весьма услужливый. Предложеніе его облегчило намъ и пріисканіе квартиры, и устройство общаго хозяйства. Съ его же помощью, послѣ долгихъ поисковъ, удалось намъ, наконецъ, найти подходящее жилье—на Мойкѣ, между Краснымъ и Синимъ мостами, во флигелѣ дома Демидова, гдѣ тогда помѣщался Англійскій клубъ. Квартира была неприхотливая, но недорогая и удобная. Каждый изъ насъ троихъ жильцовъ имѣлъ свою комнатку, окнами на улицу (на Мойку); имѣлась и кухня, въ которой готовилась наша скромная трапеза. Обзавелись мы всѣмъ необходимымъ, не выходя изъ рамки нашихъ денежныхъ средствъ, такъ что и въ этомъ году мой бюджетъ остался почти въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ предшествовавшемъ.

ВЪ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ.

1835—1836.

Поступивъ прямо въ практическое (т. е. высшее) отдѣленіе Воен- 1835.
ной Академіи, я долженъ былъ работать усиленно, чтобы не отстать отъ своихъ товарищей, пробывшихъ уже годъ въ Академіи и постепенно освоившихся со всѣми ея порядками и обстановкой. Почти по всѣмъ учебнымъ предметамъ, пройденнымъ въ теоретическомъ (низшемъ) отдѣленіи, я приготовился къ экзамену исключительно только по литографированнымъ запискамъ, составленнымъ большею частію слушателями не совсѣмъ удовлетворительно. Тогда Академія была еще очень бѣдна учебными пособіями: печатныхъ руководствъ не существовало ни по одному предмету [1]); для практическихъ занятій пользовались старыми картами и планами, на которыхъ рельефъ мѣстности былъ выраженъ крайне неудовлетворительно.

Въ практическомъ отдѣленіи, какъ показываетъ самое наименованіе, учащіеся офицеры заняты были преимущественно работами письменными и чертежными: тактическими, фортификаціонными, геодезическими и по спеціальной службѣ генеральнаго штаба, также упражненіями въ русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Лекціи же слушались только по Военной Исторіи, Стратегіи, Военной Географіи и обязанностямъ генеральнаго штаба.

По тактикѣ—главному учебному предмету Академіи—каждый офицеръ долженъ былъ послѣдовательно продѣлать рядъ задачъ изъ всѣхъ частей пройденнаго (въ теоретическомъ отдѣленіи) курса, начиная съ самыхъ элементарныхъ, до самыхъ сложныхъ, съ различнымъ составомъ войскъ, отъ одного баталіона до цѣлаго корпуса. Работы

[1]) Только въ исходѣ 1836 года вышли первыя печатныя руководства: Геодезія проф. Болотова и «Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ системъ стратегіи» проф. ген. бар. Медема. Тактика проф. Веймарна издана лишь въ 1840 году.

эти задавались большею частію на старой топографической картѣ Саксоніи или на русской одноверстной картѣ окрестностей Петербурга. Тактическими занятіями руководили: профессоръ тактики, флигель-адъютантъ полк. Веймарнъ (Иванъ Ѳедоровичъ, занимавшій должность оберъ-квартирмейстера гвардейскаго корпуса) и адъюнктъ-профессоръ, капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Фроловъ (Илья Степановичъ). Полковникъ Веймарнъ считался однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, но вовсе не принадлежалъ къ разряду «ученыхъ» офицеровъ; всѣ свѣдѣнія по военному дѣлу были пріобрѣтены имъ исключительно служебною практикою. Служа во время Турецкой войны 1828-1829 годовъ и послѣ нея подъ начальствомъ Павла Дмитріевича Киселева, онъ пользовался особеннымъ его расположеніемъ и довѣріемъ, какъ офицеръ, примѣрно исправный и вполнѣ надежный въ нравственномъ отношеніи. Иванъ Ѳедоровичъ Веймарнъ внушалъ уваженіе своимъ серьезнымъ и твердымъ характеромъ, прямотою, и пріобрѣлъ авторитетное положеніе какъ въ Гвардейскомъ корпусѣ, такъ и въ Академіи. Самъ Императоръ Николай Павловичъ благоволилъ къ нему и цѣнилъ его военныя способности, насколько могли онѣ выказываться на гвардейскихъ маневрахъ и въ военной игрѣ, которая была тогда въ большомъ ходу въ Зимнемъ дворцѣ.

Совсѣмъ другого рода человѣкъ былъ адъюнктъ Веймарна—кап. Фроловъ. Хотя онъ слылъ знающимъ свое дѣло офицеромъ генеральнаго штаба и также призывался къ участію въ военной игрѣ въ Зимнемъ дворцѣ, однако же, не пользовался въ средѣ товарищей ни авторитетомъ, ни уваженіемъ. Получивъ образованіе въ Царскосельскомъ лицеѣ, онъ не былъ одаренъ ни умомъ, ни добрымъ сердцемъ; держалъ себя съ какою то напускною оригинальностію, любилъ говорить сентенціями, употреблять иносказательныя выраженія, грубоватыя слова. Оригинальничаніе это придавало его рѣчамъ и обращенію неестественность и натянутость. Молодежь относилась къ нему нѣсколько иронически.

Послѣ тактики важнѣйшее мѣсто въ академическомъ курсѣ занимали Военная Исторія и Стратегія. Какъ уже прежде сказано, Военная Исторія проходилась частію въ теоретическомъ отдѣленіи, частію въ практическомъ, гдѣ преподавалась и Стратегія. Преподавателемъ обоихъ этихъ предметовъ былъ артиллерійскій генералъ-маіоръ баронъ Николай Васильевичъ Медемъ; адъюнктомъ его былъ подполковникъ генеральнаго штаба князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ. Баронъ Ме-

демъ уже въ то время былъ человѣкъ пожилой, съ сильною глухотой и постояннымъ легкимъ кашлемъ. При этихъ физическихъ недостаткахъ онъ не обладалъ особеннымъ даромъ слова. И не смотря на все это, лекціи его были чрезвычайно занимательны. Онъ говорилъ съ одушевленіемъ, съ любовью къ предмету. Разсказывая какую либо изъ классическихъ кампаній Наполеона, онъ умѣлъ заинтересовать слушателей, осмыслить каждый фактъ; наводилъ самихъ слушателей на обсужденіе значенія его и на выводъ поучительнаго заключенія. Еще болѣе интересовали насъ лекціи по Стратегіи, хотя надобно сказать, что подъ этимъ именемъ баронъ Медемъ излагалъ не столько теорію, сколько исторію и литературу стратегіи. Исходнымъ его пунктомъ было, что никакая теорія не можетъ выучить искусству вести войну; что всѣ попытки изложить такую теорію ограничивались только указаніемъ значенія или вліянія на ходъ войны котораго либо изъ многихъ «элементовъ», обусловливающихъ успѣхъ на войнѣ. Съ этой точки зрѣнія разбиралъ онъ извѣстныя сочиненія о стратегіи, начиная съ Лойда и Бюлова, писавшихъ еще въ прошломъ столѣтіи, и постепенно переходя къ сочиненіямъ эрцгерцога Карла, генераловъ Ронья, барона Жомини, Наполеона I, Деккера, Вагнера, и кончая недавно появившимся большимъ сочиненіемъ генерала Клаузевица (Vom Kriege), которое разсматривалось обстоятельнѣе всѣхъ другихъ. Лекціи барона Медема по Стратегіи, не смотря на кажущуюся сухость предмета, не смотря на недостатки голоса и кашель лектора, до того были занимательны, можно сказать, увлекательны, что мы, слушатели, приходили иногда въ восторгъ и съ трудомъ удерживались отъ гласнаго выраженія его. Сущность этихъ лекцій была изложена барономъ Медемомъ въ особомъ сочиненіи, вышедшемъ въ концѣ 1836 года, подъ заглавіемъ «Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ системъ стратегіи».

Адъюнктъ барона Медема—князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ—получилъ воспитаніе такъ-же, какъ и Фроловъ, въ Царскосельскомъ лицеѣ; такъ-же, какъ И. Ѳ. Веймарнъ, началъ службу подъ начальствомъ Павла Дмитріевича Киселева. Это былъ человѣкъ строгихъ нравовъ, набожный, серьезный, никогда неулыбавшійся, но добрый, сердечный. Неодаренный блестящими способностями, онъ возмѣщалъ ихъ усидчивымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностію въ ученой работѣ. Подполковникъ князь Голицынъ читалъ лекціи только въ теоретическомъ отдѣленіи.

Геодезію высшую и низшую (или топографію) преподавалъ полковникъ Алексѣй Павловичъ Болотовъ, воспитанникъ Муравьевской

«Школы Колоновожатыхъ», посвятившій себя исключительно математикѣ,—человѣкъ симпатичный по своей прямотѣ и простотѣ въ обращеніи, по любви къ своей спеціальности. Преподавалъ онъ въ теоретическомъ отдѣленіи; мы же, въ практическомъ отдѣленіи, занимались подъ его руководствомъ только практически геодезическими вычисленіями и картографическими работами; на эти занятія назначено было два часа въ недѣлю. Болѣе времени употреблялось на топографическое черченіе подъ руководствомъ офицера Корпуса Топографовъ, Баструева, который былъ исключительно мастеръ по части черченія и столь же мало образованный, какъ всѣ почти тогдашніе офицеры Корпуса Топографовъ.

Военная географія преподавалась въ обоихъ отдѣленіяхъ Академіи: въ теоретическомъ—подполковникъ инженеровъ Путей Сообщенія Михаилъ Александровичъ Языковъ читалъ обзоръ нѣкоторыхъ пограничныхъ пространствъ Европейской Россіи и Кавказа; въ практическомъ же—подполковникъ генеральнаго штаба Густавъ Ѳедоровичъ Стефанъ—обзоръ сосѣднихъ съ Россіею Европейскихъ Государствъ: Швеціи, Пруссіи, Австріи и Турціи. Лекціи обоихъ профессоровъ были весьма неудовлетворительны, скучны и безсвязны. Составленныя самими профессорами и налитографированныя записки составляли какъ бы отдѣльные клочки, безъ общей связи, безъ всякой системы. Стефанъ, какъ финляндецъ, даже плохо говорилъ по русски; онъ славился преимущественно своимъ искусствомъ въ топографической съемкѣ; а потому и въ лекціяхъ его по географіи преобладали топографическія подробности; въ лѣтнее же время онъ руководилъ учебными работами офицеровъ по съемкѣ. На лекціяхъ подполковника Языкова не пришлось мнѣ присутствовать; но достаточно хоть разъ поговорить съ нимъ, чтобы составить себѣ понятіе о преподаваніи такого профессора.

«Обязанности офицеровъ генеральнаго штаба» преподавалъ полковникъ генеральнаго штаба Аполлосъ Алексѣевичъ Ивановъ. Это былъ человѣкъ немолодой, имѣвшій репутацію опытнаго офицера, знатока канцелярской работы по части генеральнаго штаба. Онъ могъ бы приносить большую пользу обучающимся офицерамъ, еслибъ ограничился практическими занятіями, письменными и чертежными; но полковникъ Ивановъ считалъ нужнымъ (а можетъ быть, и обязательнымъ) читать намъ «лекціи», придать своему преподаванію научную форму; вмѣсто того вышелъ какой то безсвязный наборъ узаконеній, формъ, отрывочныхъ правилъ, замѣчаній и т. д. Къ тому

же, онъ былъ не мастеръ говорить съ каѳедры, тянулъ, повторялъ слова и подавалъ молодежи поводъ къ насмѣшкамъ. Тѣмъ не менѣе, полковникъ Ивановъ пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ по занимаемой имъ въ Академіи должности «штабъ-офицера для начальствованія надъ обучающимися офицерами». Въ такой же должности состояли и подполковникъ Стефанъ, и саперный полковникъ Василій Ивановичъ Блау. Послѣдній, впрочемъ, занимался почти исключительно литографированіемъ и раздачею офицерамъ записокъ и другихъ учебныхъ пособій.

О преподаваніи остальныхъ второстепенныхъ предметовъ академическаго курса я могъ бы и не упоминать, такъ какъ оно заканчивалось въ теоретическомъ отдѣленіи. Назову только преподавателей: полковника Егора Христіановича Весселя—стараго, почтеннаго артиллериста, издавшаго объемистый учебникъ по своему предмету; инженеръ-капитана Ѳедора Ѳедоровича Ласковскаго, преподававшаго фортификацію, полевую и долговременную; дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Шульгина, читавшаго исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ, слово въ слово по тѣмъ же запискамъ, по которымъ читалъ во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ (лицеѣ, пажескомъ корпусѣ и проч.); титулярнаго совѣтника Палибина—преподававшаго законовѣдѣніе. Всѣ эти предметы преподавались крайне элементарно, отрывочно и сжато. Но самымъ пустымъ и безполезнымъ было преподаваніе русской словесности профессоромъ Никитою Ивановичемъ Бутырскимъ: этотъ чудакъ, давно отжившій, убивалъ свои часы самою разнообразною болтовней. Правда, мы практиковались въ письменныхъ работахъ; нѣкоторыя изъ подаваемыхъ нами сочиненій Бутырскій разбиралъ въ классѣ; но и въ этомъ приносилъ онъ мало пользы, а только раздражалъ иныхъ авторовъ своими неумѣстными шуточками и насмѣшками. У старика были двѣ зрѣлыя дочери, и потому онъ любилъ, чтобы учащіеся офицеры посѣщали его вечеринки; разъ пришлось и мнѣ быть въ числѣ приглашенныхъ. Трудно придумать что-нибудь болѣе комичное этихъ вечеровъ.

Остается еще назвать преподавателей иностранныхъ языковъ: французскаго—M-r Cournand и нѣмецкаго—Эртеля. Въ часы, назначенные на этотъ предметъ, мы кое-что писали, переводили, но успѣховъ было мало по чрезмѣрной ограниченности удѣляемаго на это времени. Мы были такъ обременены занятіями по главнымъ предметамъ курса, что занятіямъ по иностраннымъ языкамъ вовсе не придавали значенія.

Однакожъ, нѣкоторые изъ моихъ товарищей находили время брать на дому еще уроки восточныхъ языковъ.

Въ заключеніе я долженъ очертить нашихъ прямыхъ начальниковъ: директора Академіи, генералъ-адъютанта Ивана Онуфріевича Сухозанета, и вице-директора—генералъ-маіора Карла Павловича Ренненкампфа. Нельзя подобрать двухъ типовъ, болѣе противоположныхъ. Насколько Ренненкампфъ былъ добродушенъ и мягокъ, настолько же Сухозанетъ былъ крутъ, взыскателенъ, придирчивъ. Съ обучающимися офицерами первый обходился учтиво, гуманно; второй—считалъ нужнымъ держать ихъ въ строгой дисциплинѣ, какъ будто искалъ случаевъ, чтобы показать свою власть. Ренненкампфа мы любили и уважали, а Сухозанета—боялись и ненавидѣли.

Въ тѣ времена господствовала въ военной службѣ, можно сказать, система террора: только тотъ начальникъ считался исполнительнымъ, надежнымъ, который держалъ подчиненныхъ, по тогдашнему выраженію, «въ ежевыхъ рукавицахъ». Сухозанетъ былъ достойный ученикъ Аракчеева и Яшвиля: не ограничиваясь строгостію въ служебныхъ требованіяхъ, онъ допекалъ подчиненныхъ всякими мелочными стѣсненіями, и готовъ былъ изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ погубить всю будущность офицера. Самою непріятною и тяжелою обязанностію обучавшихся офицеровъ были установленныя дежурства у директора: каждый день одинъ изъ офицеровъ, по-очередно, долженъ былъ по окончаніи лекцій, вмѣсто отдыха и обѣда, отправляться въ мундирѣ и шарфѣ къ генералу Сухозанету (за Аничковскій мостъ, на Невскомъ проспектѣ) и ждать въ его пріемной часа, когда угодно будетъ Его Высокопревосходительству потребовать къ себѣ дежурнаго. Случалось, что до самаго вечера не былъ онъ дома; иногда же и былъ дома, но умышленно заставлялъ дежурнаго офицера сидѣть безъ дѣла нѣсколько часовъ въ пріемной, и по временамъ высматривалъ чрезъ щель двери—сидитъ ли онъ съ подобающею мѣсту почтительностію. Обыкновенно же онъ, предъ своимъ обѣдомъ, призывалъ дежурнаго къ себѣ въ кабинетъ и задавалъ ему какой-нибудь вопросъ изъ программы пройденнаго курса съ тѣмъ, чтобы офицеръ подготовился къ «докладу» на заданную тэму. Отобѣдавъ, Его Высокопревосходительство располагался въ своемъ кабинетѣ на покойномъ диванѣ (оттоманкѣ), а дежурнаго офицера сажалъ предъ собой на стулъ и приказывалъ ему разсказывать; самъ же дремалъ подъ монотонный говоръ своей жертвы. Если офицеръ, видя своего начальника погруженнымъ въ сонъ, остановится, умолкнетъ,

то грозный начальникъ, открывъ глаза, съ неудовольствіемъ приказываетъ продолжать. Случалось даже, по словамъ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, что генералъ Сухозанетъ принималъ описанные «доклады», сидя въ ваннѣ. Отбывъ благополучно дежурство, офицеръ крестился, выходя изъ дома начальника.

Лично мнѣ генералъ Сухозанетъ ни разу не причинилъ никакой непріятности; напротивъ того, обыкновенно обращался со мною, на сколько могъ, любезно. Этимъ я былъ обязанъ, можетъ быть, отчасти родству моему съ П. Д. Киселевымъ. Но генералъ Сухозанетъ наводилъ страхъ и трепетъ на всю Академію in corpore. Приведу одинъ примѣръ его начальственныхъ пріемовъ: однажды, въ какой то торжественный день, на большомъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ служащихъ и обучающихся въ Академіи пріѣзжали не довольно заблаговременно, генералъ Сухозанетъ счелъ нужнымъ «проучить» насъ, и приказалъ всѣмъ отправиться прямо изъ дворца въ Академію, гдѣ и ожидать его прибытія. Заставивъ всѣхъ насъ, съ генераломъ Ренненкампфомъ во главѣ, прождать нѣсколько часовъ, въ полной формѣ, онъ прислалъ, наконецъ, адъютанта съ объявленіемъ, что сегодня Его Высокопревосходительство не изволитъ пріѣхать, и приказалъ собраться всѣмъ на другой день, въ опредѣленный часъ, также въ полной формѣ. На другой день опять вся Академія прождала прибытія начальника до захожденія солнца, и опять напрасно; вторично приказано было собраться на слѣдующій день; но и въ этотъ третій разъ Сухозанетъ не явился, а приказалъ просто разойтиться. Академія получила достаточный урокъ.

Таковы были тогда нравы въ военной службѣ. Подобныя выходки самодура никого не поражали; всѣ, не исключая старыхъ заслуженныхъ генераловъ, безропотно покорялись произволу старшаго начальства. Въ этомъ только и выражалась тогдашняя военная дисциплина. Можно ли удивляться, что въ позднѣйшія времена, когда наступили требованія законности и гуманности въ служебныхъ отношеніяхъ, старики долго не могли усвоить новые взгляды и скорбѣли о потерѣ прежней дисциплины.

Въ первый день новаго, 1836, года мы съ братомъ, какъ разумѣется, явились съ поздравленіемъ къ дядюшкѣ Павлу Дмитріевичу Киселеву и получили отъ него обычные подарки. Неохотно принимали мы эти подарки, чувствуя въ обращеніи дяди какую то натянутость и холодность, хотя онъ въ то же время, въ письмахъ къ род- 1836.

нымъ, отзывался о насъ съ похвалами. Такъ въ письмѣ къ своей матери отъ 24-го декабря 1835 года, выражая прискорбіе о неудачномъ исходѣ отцовскаго дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, Павелъ Дмитріевичъ писалъ: «Для сестры утѣшеніе должно быть въ дѣтяхъ: ея старшій сынъ на счету отличныхъ офицеровъ и вѣроятно службою сдѣлаетъ свою карьеру; младшій помѣщенъ выгодно, и мнѣ будетъ пріятно ходатайствовать о немъ у его начальства».

Такіе отзывы дяди, не щедраго на любезность къ роднымъ, доставляли, конечно, утѣшеніе нашимъ родителямъ въ незавидномъ ихъ положеніи. Письма изъ Москвы, особенно отъ матери, были по прежнему крайне грустны. Она вела жизнь уединенную, видѣлась только съ немногими навѣщавшими ее близкими лицами. Къ тому же, семья Киселевыхъ была встревожена серьезною болѣзнью старушки, Прасковьи Петровны, у которой сдѣлалось воспаленіе въ боку. Такая болѣзнь въ преклонныхъ лѣтахъ была не безопасна, тѣмъ болѣе, что у больной замѣчались признаки водяной. Однакожъ, къ концу января она почувствовала облегченіе и вскорѣ совсѣмъ поправилась [1]).

Отецъ мой въ это время былъ очень занятъ службой не столько по новой должности его въ комиссіи построенія храма Спасителя, сколько по особымъ порученіямъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора. Князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ благоволилъ моему отцу, возлагалъ на него разслѣдованія по разнымъ щекотливымъ дѣламъ, поручалъ ему пріемъ и разсмотрѣніе подаваемыхъ генералъ-губернатору прошеній и жалобъ. Въ январѣ 1836 года кн. Дм. Вл. Голицынъ, собравшись ѣхать въ Петербургъ, пожелалъ, чтобы тамъ находился при немъ мой отецъ, который съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ повидаться съ нами.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ пребыванія князя Дм. Вл. Голицына въ Петербургѣ (съ половины января до половины марта), отецъ прожилъ у насъ, въ тѣсной нашей квартирѣ. Въ это время дѣло его по имѣнію вошло въ новую фазу. Какъ уже упомянуто выше, въ началѣ декабря 1835 года послѣдовало въ Государственномъ Совѣтѣ неблагопріятное рѣшеніе, не смотря на поддержку П. Д. Киселева и вопреки заключенію Министра Юстиціи. Это было для отца новымъ огорченіемъ; но онъ такъ уже привыкъ къ постояннымъ во всю

[1]) Незадолго предъ этою болѣзнью Прасковья Петровна Киселева испытала большое огорченіе, лишившись родного брата, кн. Александра Петр. Урусова; онъ умеръ 19-го октября 1835 года, оставивъ двухъ дочерей—Александру и Софью. Первая, очень красивая и симпатичная, была замужемъ за Ал. Ст. Мельгуновымъ.

жизнь неудачамъ, что и теперь не упалъ духомъ; онъ все еще не считалъ дѣло невозвратно потеряннымъ. Въ письмѣ отъ 1-го января 1836 года онъ писалъ мнѣ: «Третьяго дня мы были опечалены присылкою копіи съ рѣшенія по нашему дѣлу; но какъ я уже былъ приготовленъ къ этому, и изъ худого вижу, что можно извлечь сколько-нибудь лучшаго, то и принялъ это, какъ одно изъ обыкновенныхъ событій нашего судопроизводства. Этимъ рѣшеніемъ какъ бы утверждена фальшивость купчей, ибо предоставлено мнѣ, доказавъ судомъ, отобрать все излишне захваченное; а какъ доказать это легко, то я надѣюсь, что отберу людей и землю, и тѣмъ вознагражу сколько-нибудь свои потери и не дамъ торжествовать человѣку злому».

Такимъ образомъ, дѣло должно было начаться снова, съ низшей инстанціи—съ Лихвинскаго уѣзднаго суда. Вопросъ шелъ о 17 душахъ и 4-тыс. десятинахъ земли. Отецъ все еще питалъ надежду спасти хотя эти малыя крохи отъ прежняго своего состоянія. Между тѣмъ, противникъ его, Евдокимовъ, пользуясь своими связями и подкупомъ мѣстныхъ чиновниковъ, выхлопоталъ себѣ постановленіе Калужскаго губернскаго правленія о передачѣ спорныхъ дворовыхъ людей новому владѣльцу села Титова. На этомъ основаніи въ отсутствіе моего отца изъ Москвы многіе изъ спорныхъ людей, жившихъ по паспортамъ, и даже нѣкоторые изъ находившихся въ домѣ были забраны полиціей и переданы въ распоряженіе Евдокимова.

Отецъ мой былъ сильно раздраженъ этимъ самоуправствомъ его противника, и по возвращеніи изъ Петербурга въ Москву, 17-го марта, самъ началъ отбирать обратно отъ Евдокимова нѣкоторыхъ изъ захваченныхъ имъ людей; а вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ въ Сенатъ жалобу на незаконное распоряженіе Калужскаго губернскаго правленія по вопросу спорному, подлежавшему еще разбирательству суда. Отецъ предостерегалъ и меня отъ замысловъ Евдокимова на находившагося у меня въ услуженіи человѣка, Ѳедора, состоявшаго въ числѣ 17 спорныхъ душъ. Предостереженіе это ни къ чему не послужило. Однажды, возвратившись домой съ лекцій въ Академіи, я не нашелъ уже своего Ѳедора—человѣка, къ которому привыкъ съ дѣтства: онъ былъ просто уведенъ полицейскими безъ моего вѣдома, такъ что мы съ братомъ остались вдругъ безъ прислуги и должны были пріискать наемнаго человѣка. Всѣ эти дрязги, конечно, очень были непріятны, но каково же было положеніе самихъ людей, которые не знали, въ чьемъ владѣніи они состоятъ, и которыхъ обѣ тяжущіяся стороны перехватывали другъ у друга, какъ вещь. Вотъ, ка-

кія бывали уродливыя и возмутительныя проявленія варварскаго крѣпостного права, объ утратѣ котораго до сихъ поръ сокрушаются наши консерваторы.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ Московскій военный генералъ-губернаторъ уѣхалъ за границу, на воды; на время отсутствія его исправленіе генералъ-губернаторской должности въ Москвѣ возложено было на ген. графа Толстого, по желанію котораго отецъ мой продолжалъ исполнять при немъ прежнія обязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ не прекратились и хлопоты по частному дѣлу объ имѣніи. Теперь открылось новое непріятное обстоятельство: оберъ-прокуроръ того департамента Сената, въ который поступила отцовская жалоба на Калужское губернское правленіе, нѣкто Морозъ (впослѣдствіи сенаторъ), долго прикидывавшійся другомъ моихъ родителей, оказался завзятымъ поборникомъ Евдокимова. Отецъ мой началъ домогаться, чтобы дѣло его было перенесено въ другой департаментъ Сената, о чемъ подавалъ прошенія одно за другимъ, поручая мнѣ или брату Николаю лично подавать эти прошенія то Министру Юстиціи, то въ Комиссію прошеній.

Родители мои, находясь по прежнему въ самыхъ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно озабочены и нашимъ положеніемъ относительно средствъ къ жизни. Въ одномъ письмѣ своемъ (отъ 26-го апрѣля) отецъ, выражая прискорбіе о томъ, что не имѣетъ возможности прислать намъ сколько-нибудь денегъ къ празднику Пасхи, писалъ: «Я—безъ гроша».—Въ письмахъ матери высказывалось съ недоумѣніемъ, какъ еще могли мы изворачиваться съ нашими скудными средствами.—«Вы, право, удивительны на счетъ финансовъ—писала она 1-го іюля 1836 года; кажется, такъ мало и рѣдко бываетъ присылка отъ насъ,—а ты еще находишь, что не нужно посылать, ибо вы не нуждаетесь». Въ дѣйствительности, можно сказать, что не нуждается тотъ, который умѣетъ ограничивать свои потребности предѣлами имѣющихся средствъ къ удовлетворенію ихъ. Мы съ братомъ жили очень скромно; отказывали себѣ во многомъ, но долговъ не дѣлали; скудное свое содержаніе отъ казны пополняли, зарабатывая по возможности кое-какой гонораръ отъ редакцій журналовъ.

На Пасху, 29-го марта, при общемъ производствѣ въ чины (на вакансіи) по гвардіи, я былъ произведенъ во второй офицерскій чинъ—въ подпоручики. Братъ Николай въ это время былъ озабоченъ перемѣною начальства: директоръ Департамента, Вас. Ив. Карнѣевъ,

оказывавшій брату самое любезное вниманіе и покровительство, получилъ новое назначеніе—на должность управляющаго вновь учрежденнымъ V отдѣленіемъ Собственной Е. В. Канцеляріи, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Павла Дмитріевича Киселева. Братъ очень горевалъ объ этомъ и помышлялъ о переходѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ, на службу во вновь устраивавшемся управленіи Государственными Имуществами. Но Карнѣевъ отсовѣтовалъ ему просить объ этомъ, справедливо указавъ на неудобства и даже невыгоды службы подъ прямымъ начальствомъ близкаго родственника. Въ томъ же смыслѣ высказался и самъ П. Д. Киселевъ. Отецъ также писалъ брату, что нѣтъ причины скорбѣть о перемѣнѣ начальника; что не слѣдуетъ связывать свое служебное поприще съ какою-либо личностію; что, быть можетъ, преемникъ прежняго начальника не будетъ ни въ чемъ уступать этому послѣднему. Предсказаніе это сбылось: директоромъ хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ назначенъ былъ тайн. сов. Михаилъ Ивановичъ Лексъ—человѣкъ дѣловой и вмѣстѣ съ тѣмъ очень добродушный. Брата онъ принялъ чрезвычайно любезно и оказывалъ ему не меньше вниманія, чѣмъ предмѣстникъ. Вскорѣ братъ познакомился съ любезною и красивою женой М. И. Лекса и потомъ сдѣлался въ его семьѣ почти домашнимъ. Братъ убѣдился, что не было причины скорбѣть о перемѣнѣ начальства.

Пріѣзжавшіе по временамъ въ Петербургъ московскіе родственники и знакомые показывали намъ теплое участіе; родители наши выражали желаніе, чтобъ и мы съ своей стороны оказывали вниманіе и сочувствіе пріѣзжимъ москвичамъ. Такъ въ 1836 году большую часть лѣта провела въ Петербургѣ наша родственница, добрая старушка Марія Асоновна Секретарева. Но мы съ братомъ не имѣли возможности удѣлять много времени на свиданія съ этими пріѣзжими. Особенно я былъ слишкомъ занятъ и рѣдко куда-нибудь выходилъ изъ дому, кромѣ ежедневнаго посѣщенія Академіи.

Въ началѣ мая пріѣхалъ въ Петербургъ добрѣйшій другъ нашего дома, Порф. Павл. Коробьинъ, собравшійся за границу на воды. Въ концѣ мѣсяца, когда онъ отправился на пароходѣ въ Любекъ, мы съ братомъ и Свѣчинымъ проводили его до Кронштадта, гдѣ обыкновенно путешествующіе за границу пересаживались съ рѣчныхъ невскихъ пароходовъ на большіе морскіе. Это пришлось въ воскресеніе, когда мы были свободны отъ служебныхъ занятій; но въ воскресные дни полагалось тогда офицерамъ выходить на улицу не иначе, какъ

въ мундирѣ, и притомъ въ лѣтнее время въ холщевыхъ панталонахъ; поэтому я долженъ былъ совершать въ такой неудобной формѣ всю поѣздку въ Кронштадтъ и обратно. На бѣду мою, проводивъ Коробьина, вздумали мы возвратиться въ Петербургъ чрезъ Стрѣльну, гдѣ у Свѣчина были хорошіе знакомые и родственники, Окуловы. Изъ Кронштадта взяли мы маленькую двухвесельную лодку, расчитывая добраться до Стрѣльны на парусахъ въ какой-нибудь часъ времени. Но крайне ошиблись въ расчетѣ: подъ вечеръ вѣтеръ затихъ, паруса бездѣйствовали; лодочникъ, принужденный все время грести, выбился изъ силъ, и проплыли мы такимъ образомъ цѣлую ночь въ нашихъ легкихъ одѣяніяхъ. До Стрѣльны добрались мы едва только къ разсвѣту, продрогнувъ отъ ночной свѣжести и сырости. Выйдя на берегъ, разумѣется, не хотѣли мы будить ночью нашихъ знакомыхъ и ждали съ нетерпѣніемъ часа, когда откроются двери какой-нибудь харчевни или лавочки, чтобы чѣмъ-нибудь согрѣться. Пришлось ждать долго; наконецъ, впустили насъ въ простую харчевню, гдѣ получили мы по стакану чаю и за тѣмъ поспѣшили нанять извозчика, который довезъ насъ до Петербурга. Неудачная эта морская прогулка, въ мундирѣ и лѣтнихъ панталонахъ, не обошлась мнѣ даромъ: я схватилъ сильную простуду и пролежалъ нѣсколько недѣль въ постели.

Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ отецъ нашего сожителя, Свѣчина; онъ поселился у насъ же въ квартирѣ. Между тѣмъ, наступило для меня время выѣзда изъ Петербурга на учебную съемку въ окрестностяхъ Ропши и Гостилицъ. Почти весь іюнь продолжалась подробная мензульная съемка, въ масштабѣ 200 саж. въ дюймѣ. Мнѣ достался участокъ, ближайшій къ Ропшѣ, вдоль нагорной полосы отъ дер. Елагиной до мызы Лапинской, которая входила уже въ сосѣдній участокъ моихъ товарищей, шт.-ротм. Герсиванова и пор. Глинки. На все время этой съемки водворился я въ маленькомъ домикѣ у пастора, на мызѣ Новой, и прожилъ довольно удобно, въ лучшихъ отношеніяхъ съ моими добрыми хозяевами. Не совсѣмъ безслѣдными оказались тѣ первые опыты, которые были мною сдѣланы въ дѣтствѣ на съемкѣ бывшаго нашего села Титова. Академическая моя работа съ перваго же раза пошла удачно; мнѣ даже удалось нѣсколько помочь моему сосѣду, Глинкѣ, который испортилъ было свой планшетъ.

Въ концѣ іюня, ко времени окончанія мензульной съемки, для повѣрки нашихъ работъ на мѣстѣ, прибыли подполковники, Стефанъ

и Болотовъ, а къ 1-му іюля приказано было всѣмъ офицерамъ практическаго отдѣленія съѣхаться въ Гостилицы, куда пріѣхалъ и нашъ вице-директоръ, ген.-м. Ренненкампфъ, для осмотра привезенныхъ офицерами работъ. Пока мы были въ Гостилицахъ, 2-го іюля посѣтили меня братъ Николай и Сергѣй Алексѣевичъ Авдулинъ, пріѣхавшіе прямо съ Петергофскаго праздника. Гостямъ своимъ я очень обрадовался, не видѣвъ никого изъ близкихъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, и даже не имѣвъ во все это время извѣстій изъ Москвы. Да и самъ я былъ лишенъ возможности поддерживать съ кѣмъ-либо переписку, находясь на ежедневной работѣ въ глухихъ мѣстахъ, безъ всякихъ средствъ сообщенія.

Второй періодъ нашихъ практическихъ работъ состоялъ въ «полуинструментальной» съемкѣ, съ бусолью, въ масштабѣ 1 версты въ дюймѣ. Участки для этой работы, конечно, были несравненно обширнѣе прежнихъ, мензульныхъ. На моемъ участкѣ приходились: Ропша, Кипень, дер. Глядино, Рудомюля и проч. По обширности участка, приходилось переносить свою квартиру поперемѣнно изъ одного пункта въ другой. По окончаніи же этой съемки снимали мы «маршруты», проѣзжая въ телѣгѣ нѣсколько десятковъ верстъ. Мнѣ достался маршрутъ вдоль шоссе отъ сел. Вруды чрезъ Ямбургъ до Нарвы. Въ заключеніе же всѣхъ нашихъ полевыхъ практическихъ занятій происходило въ половинѣ августа рѣшеніе тактическихъ задачъ на мѣстности, съ обозначеніемъ предполагаемыхъ частей войскъ посредствомъ казаковъ, командируемыхъ для этого въ распоряженіе академическаго начальства отъ гвардейскихъ полковъ. Этотъ родъ маневровъ безъ войскъ производился въ теченіе двухъ или трехъ дней на мѣстности между Гостилицами и Ропшей, въ присутствіи академическаго начальства и профессоровъ тактики. На эти дни давались офицерамъ верховыя лошади отъ тѣхъ же казачьихъ полковъ. Этимъ закончились наши полевыя занятія, и къ 20-му августа я былъ уже въ Петербургѣ.

Между тѣмъ, въ концѣ іюня, мой братъ Николай заболѣлъ очень серьезно. Родители были крайне встревожены, но пріѣхать въ Петербургъ не имѣли возможности. Семья Авдулиныхъ оказывала больному самое заботливое попеченіе; лѣчилъ его домашній ихъ врачъ—Персонъ. Въ положеніи больного приняли теплое участіе многіе изъ близкихъ знакомыхъ; добрый Мих. Ив. Лексъ и его жена ежедневно освѣдомлялись о ходѣ болѣзни. Ко времени возвращенія моего въ Петербургъ братъ уже настолько поправился, что для возстано-

вленія своихъ силъ могъ переѣхать на дачу Авдулиныхъ, а въ концѣ августа началъ уже снова ходить на службу.

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ послѣ лѣтнихъ практическихъ занятій принялся я усердно готовиться къ экзаменамъ. Въ сентябрѣ возвратился изъ-за границы П. П. Коробьинъ; проживъ въ Петербургѣ около двухъ недѣль, онъ уѣхалъ въ Москву и, по приглашенію моихъ родителей, временно поселился у нихъ въ домѣ, пока пріискивалъ себѣ квартиру.

Въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ П. Д. Киселевъ, послѣ объѣзда нѣсколькихъ губерній, для личнаго ознакомленія съ положеніемъ Государственныхъ крестьянъ, прожилъ около двухъ недѣль въ Москвѣ. Въ продолженіе этого времени, на семейномъ обѣдѣ у моихъ родителей, была рѣчь о предстоящей мнѣ службѣ по окончаніи курса въ Военной Академіи. На вопросъ отца моего о томъ, считаетъ ли онъ возможнымъ назначеніе меня въ число офицеровъ, «состоящихъ при Военномъ Министрѣ и Генералъ-Квартирмейстерѣ (о чемъ въ то время я мечталъ),—Павелъ Дмитріевичъ высказалъ совершенно основательно, что мнѣ слѣдуетъ начать службу генеральнаго штаба при войскахъ, а впослѣдствіи совѣтовалъ готовиться въ преподаватели въ Военной Академіи. По возвращеніи же своемъ въ Петербургъ онъ писалъ своему брату, Сергѣю Дмитріевичу: «Видѣлъ Милютиныхъ; здоровы и, кажется, довольны. Старшій отличается успѣхами, мнѣ говорили это его начальники, а тебя прошу передать сестрѣ, Елизаветѣ Дмитріевнѣ».

Наступили, наконецъ, экзамены. Они продолжались со 2-го по 17-е октября и прошли весьма для меня успѣшно. Почти по всѣмъ предметамъ преподаванія былъ я аттестованъ полными баллами; въ общей суммѣ недоставало у меня 8 балловъ до полныхъ 560-ти. Въ то время для аттестаціи успѣховъ учащихся была принята въ нашей Военной Академіи французская система, состоявшая въ томъ, что каждому учебному предмету, смотря по важности его, присвоенъ извѣстный коефиціентъ, на который помножаются цифры, установленныя для означенія градаціи успѣховъ. Такъ, напримѣръ, по главнымъ предметамъ—Тактикѣ и Стратегіи (съ Военною Исторіею)—полное число балловъ положено было 100 и 80, тогда какъ по иностраннымъ языкамъ—только 10. Недостававшіе у меня баллы распредѣлялись между Тактикою (99 вмѣсто 100), иностранными языками и строевыми уставами. Общая сумма полученныхъ балловъ была одинакова

у меня и у конкурировавшаго со мной поручика артиллеріи Штюрмера, который по старшинству въ чинѣ и сталъ первымъ въ спискѣ выпускныхъ офицеровъ, а я—вторымъ.

Но испытанія по каждому предмету преподаванія профессорами въ присутствіи ближайшаго Академическаго начальства считались только домашними экзаменами и не были еще послѣднимъ рѣшеніемъ нашей участи; предстоялъ сверхъ того «публичный» экзаменъ, въ присутствіи самого Военнаго Министра, Директора Академіи и большого числа приглашенныхъ посторонниихъ лицъ, какъ-то: членовъ Военнаго Совѣта, высшихъ начальниковъ и т. д.—Въ 1836 году ожидали и Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, которому тогда было 19 лѣтъ и который самъ только что заканчивалъ свое обученіе военнымъ наукамъ. Публичный экзаменъ, разумѣется, озабочивалъ насъ, учащихся, едва ли не больше домашнихъ; слѣдовало намъ быть готовымъ къ отвѣту одновременно по всѣмъ предметамъ двухгодичнаго курса, и притомъ—отвѣту предъ многочисленною, внушительной публикой. День экзамена ожидался съ трепетнымъ волненіемъ; почти цѣлый мѣсяцъ приходилось сидѣть, не подымая головы, надъ книгами и тетрадями, чтобы не дать испариться изъ памяти громадной массѣ заученныхъ фактическихъ подробностей. Наконецъ, наступилъ страшный судъ. Онъ былъ назначенъ на 12-е и 13-е ноября; по каждому предмету учебнаго курса вызывалось нѣсколько офицеровъ, которымъ раздавались билеты (вопросы) программы, по выбору Наслѣдника Цесаревича или Военнаго Министра. Къ крайнему прискорбію, на мою долю достались два вопроса изъ самыхъ незанимательныхъ и сухихъ: по тактикѣ—первый билетъ программы, о свойствахъ и видахъ пѣхотнаго строя; изъ военной исторіи—кампанія Суворова въ Польшѣ въ 1769 году. Смущенный неудачнымъ выборомъ темъ еще болѣе, чѣмъ блестящею публикой, я отвѣтилъ на оба вопроса такъ, что самъ былъ собою недоволенъ, хотя высокопоставленные судьи и одобрили снисходительно мои отвѣты, а Наслѣдникъ Цесаревичъ припоминалъ этотъ экзаменъ лѣтъ тридцать или сорокъ позже.

И такъ, лишь съ 13-го ноября я могъ вздохнуть свободно, отдохнуть умственно и физически послѣ цѣлаго года напряженной работы. Конференція и Совѣтъ Академіи, по обсужденіи результатовъ испытаній, признали пятерыхъ изъ числа 16 окончившихъ курсъ офицеровъ достойными выпуска по первому разряду, т. е. съ награжденіемъ за «отличные» успѣхи слѣдующими чинами, а именно: пор.

артиллеріи Штюрмера, меня, поручиковъ Л.-Гв. Московскаго полка Глинку [1]), Чугуевскаго уланскаго—Рубца и Псковского кирасирскаго—Мицевича. Кромѣ того, Штюрмеру и мнѣ за представленныя сочиненія присуждены серебряныя медали; имена наши занесены на академическую мраморную доску.

По уставу Академіи, окончившіе курсъ офицеры имѣли право на 4-мѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія, и за тѣмъ уже являлись на службу, въ качествѣ «причисленныхъ къ генеральному штабу».—Родители мои, разумѣется, были чрезвычайно обрадованы успѣшнымъ окончаніемъ мною экзаменовъ и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали моего увольненія въ отпускъ; но распоряженія начальства и разныя канцелярскія формальности тянулись очень долго. Особенно нашъ главный начальникъ, ген. Сухозанетъ, умѣлъ всякое, самое простое дѣло тормозить своими мелочными придирками. Прошло около трехъ недѣль послѣ публичнаго экзамена до приведенія въ исполненіе рѣшенія конференціи и Совѣта. Только 2-го декабря вышелъ приказъ объ отчисленіи насъ отъ Академіи и причисленіи къ генеральному штабу. При этомъ мнѣ было назначено состоять при штабѣ отд. Гвардейскаго Корпуса,—что окончательно устраивало мое служебное положеніе самымъ счастливымъ и блестящимъ образомъ.

Изъ товарищей моихъ по выпуску оставлены были въ Петербургѣ, при Департаментѣ Генеральнаго Штаба—шт.-ротм. Стародубовскаго кирасирскаго полка Герсевановъ, поручики: артиллеріи—Штюрмеръ, Чугуевскаго уланскаго полка—Рубецъ, С.-Петербургскаго уланскаго—Маркъ, Л.-Гв. Преображенскаго Батюшковъ и грен. сапернаго баталіона Шаховской; трое назначены на Кавказъ: конной артиллеріи шт.-кап. Немировичъ-Данченко, поручики: Л.-Гв. Московскаго полка Глинка и артиллеріи Богаевскій; остальные (пор. Норденстренгъ, Мицевичъ, Зеландъ, Брюмеръ и корн. Рогалевъ) прикомандированы къ штабамъ разныхъ армейскихъ корпусовъ. Изъ всѣхъ моихъ товарищей ни съ однимъ не сохранилъ я не только дружескихъ, но и товарищескихъ отношеній. Наиболѣе симпатичными казались мнѣ Рубецъ и Немировичъ-Данченко; оба были, что называется, добрые малые; но они уѣхали на Кавказъ, гдѣ вскорѣ положили свои головы (въ 1840 и 1841 годахъ); также убиты на Кавказѣ: Глинка и Ганъ (въ 1839 г.), Багаевскій (1841 г.) и Шаховской (1843 г.); Рогалевъ убитъ въ Венгерскую кампанію 1849 года, а Зеландъ умеръ въ 1850 г. въ

[1]) Брата Бориса Григ. Глинки—Маврина, бывшаго потомъ генералъ-адъютантомъ, Членомъ Военнаго Совѣта.

чинѣ подполковника. Самый выдающійся изъ моихъ товарищей, по своему уму и познаніямъ, былъ Штюрмеръ—человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, развитой, начитанный. По лѣтамъ его и характеру трудно было намъ сблизиться; въ немъ ничего не было военнаго; болѣе смахивалъ онъ на нѣмецкаго ученаго; вскорѣ женился на полькѣ, и, какъ узнали впослѣдствіи, писалъ подъ чужимъ именемъ (псевдонимомъ) польскіе романы, пользовавшіеся литературною извѣстностью [1]). Кромѣ него, всѣ прочіе мои товарищи по выпуску изъ Академіи,—говоря по правдѣ,—были личности, мало способныя и мало симпатичныя. Нѣкоторые изъ нихъ дослужились до генеральства (Герсевановъ, Батюшковъ, Маркъ, Мицевичъ, Норденстренгъ), даже занимали высокія должности (Герсевановъ, Маркъ); но въ настоящее время (пишу въ 1888 году), кажется, никого уже не осталось въ живыхъ.

9-го декабря всѣ мы, выпущенные изъ Академіи офицеры, представились генералъ-квартирмейстеру, ген.-отъ-инф. Шуберту, а потомъ Военному Министру, кн. Чернышеву. Первый принялъ насъ съ обычною своею медвѣжьею грубоватостію и угрюмостію; послѣдній—привѣтствовалъ насъ нравоученіемъ относительно будущей нашей службы. Въ нравоученіяхъ этихъ всегда первое мѣсто занимало внушеніе молодымъ людямъ скромности и дисциплины. На другой день, 10-го декабря, вышелъ приказъ о моемъ производствѣ въ поручики Гвардіи съ зачисленіемъ, по прежнему, во 2-ю батарейную батарею Л.-Гв. 1-й артиллерійской бригады. За тѣмъ, по заведенному порядку, представился я новому своему начальству: оберъ-квартирмейстеру Отд. Гвардейскаго Корпуса, фл.-ад. полк. Веймарну (Ивану Ѳедоровичу, нашему профессору тактики), брату его, ген.-ад. Веймарну (Петру Ѳедоровичу)—начальнику Штаба Корпуса, и, наконецъ, самому Корпусному Командиру, Великому Князю Михаилу Павловичу, который принялъ меня, какъ возвращающуюся заблудшуюся овцу, сказавъ мнѣ полушутя, полусерьезно: «А, опять попалъ подъ мой утюгъ!». Этимъ закончились официальныя представленія начальству, а между тѣмъ постепенно знакомился я съ новыми своими товарищами—офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба.

Родители мои, съ самаго окончанія экзаменовъ, ожидали съ нетерпѣніемъ моего пріѣзда въ Москву, вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ. Съ нами же намѣревался ѣхать туда и Сергѣй Алексѣевичъ Авдулинъ,

[1]) Штюрмеръ былъ въ числѣ юнкеровъ Варшавской юнкерской школы, когда вспыхнуло возстаніе 1830 года; не приставъ тогда къ повстанцамъ, онъ умѣлъ заслужить довѣріе Русскаго начальства.

котораго родители мои пригласили остановиться у нихъ въ домѣ. Но мой отпускъ замедлился, благодаря несноснымъ канцелярскимъ проволочкамъ, а братъ Николай еще въ началѣ ноября снова захворалъ, и на этотъ разъ болѣзнь его, хотя и не опасная, оказалась весьма упорною; она требовала продолжительнаго, систематическаго лѣченія. Братъ принужденъ былъ отказаться отъ всякихъ развлеченій, отъ посѣщенія общества, выходилъ исключительно лишь по службѣ въ Департаментъ; поѣздка же въ Москву была отложена. Такимъ образомъ, явился туда наканунѣ Рождества одинъ только Авдулинъ,—къ большой досадѣ матери; я же выѣхалъ изъ Петербурга нѣсколькими днями позже и прибылъ въ родительскій домъ только къ Новому Году.

ВЪ ГВАРДЕЙСКОМЪ ГЕНЕРАЛЬНОМЪ ШТАБѢ.

1836—1839.

Какъ въ первый мой пріѣздъ въ Москву, такъ и теперь я почувствовалъ себя совершенно счастливымъ, очутившись снова среди дорогой семьи и близкихъ родственниковъ, увидѣвъ опять тѣ мѣста, которыя живо напоминали мнѣ времена дѣтства и юности. Отрадно мнѣ было проводить часы вдвоемъ съ матерью, которая въ откровенной со мной бесѣдѣ могла безъ стѣсненія изливать свои скорби, обсуждать критическое положеніе семьи и ожидавшую ее будущность. Въ младшихъ братьяхъ нашелъ я значительную перемѣну за протекшіе два года. Владиміръ, которому минуло 11 лѣтъ, замѣтно развился и физически, и умственно; въ теченіе 1836 года, послѣ перемѣны нѣсколькихъ преподавателей, удалось, наконецъ, приставить къ нему, въ качествѣ гувернера, весьма порядочнаго и образованнаго молодого француза, M-r S-t Thomas, который обучалъ французскому, англійскому и латинскому языкамъ; прежній, жившій также въ домѣ преподаватель Ходкевичъ прошелъ уже со своимъ даровитымъ ученикомъ большую часть русской грамматики, географіи, ариѳметики, древнюю и среднюю исторію, такъ что въ учебномъ отношеніи ребенокъ опередилъ свой возрастъ. Меньшой братъ, Борисъ, которому было 7 лѣтъ и который развивался медленно, теперь учился прилежно, начиналъ говорить по французски, любилъ читать; но по прежнему рѣчь его была крайне невнятна и мыслительныя способности туги. Для надзора за нимъ была взята въ домъ молодая дѣвушка—нѣмка. 1837.

При всемъ желаніи моемъ проводить время дома, въ семьѣ, мнѣ было очень трудно избѣгнуть безпрестанныхъ выѣздовъ, особенно во время самаго разгара московской свѣтской жизни, когда ежедневно даются балы, вечера, званые обѣды и проч. Благодаря обшир-

ному родству и знакомству, мнѣ приходилось противъ воли принимать участіе въ этой суетной жизни. Московское общество въ тѣ времена баловало пріѣзжихъ изъ Петербурга гвардейскихъ офицеровъ. Мой золотой эксельбантъ на мундирѣ гвардейской артиллеріи производилъ большой эфектъ вездѣ, гдѣ появлялся я въ публикѣ. Москвичи принимали меня за флигель-адъютанта и дивились тому, что такой молодой офицеръ достигъ этого почетнаго отличія. Въ то время Свита Императорская далеко не была еще такъ многочисленна, какъ въ позднѣйшія времена.

Во всѣхъ общественныхъ развлеченіяхъ Москвы принималъ живое участіе нашъ Петербургскій гость, молодой Авдулинъ, пріѣхавшій въ Бѣлокаменную собственно, чтобы повеселиться, а можетъ быть, и съ умысломъ высмотрѣть невѣстъ, которыми славилась Москва. Болѣе двухъ мѣсяцевъ провелъ онъ въ безпрерывныхъ выѣздахъ и удовольствіяхъ; возвратившись въ первыхъ числахъ марта въ Петербургъ, онъ писалъ моимъ родителямъ, что Москва оставила въ его памяти самое пріятное впечатлѣніе.

Во время пребыванія моего въ Москвѣ пришлось мнѣ исполнять обязанности шафера княжны Софіи Александровны Урусовой (дочери покойнаго кн. Александра Петровича, родного брата бабушки, Киселевой); княжна Софія вышла замужъ за нѣкоего Пустошкина. Въ то же время (въ мартѣ) рѣшилась другая свадьба въ нашей семьѣ—тетки моей, Александры Дмитріевны Киселевой, съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Неѣловымъ. И женихъ и невѣста были уже почтенныхъ лѣтъ; брачный ихъ союзъ былъ собственно заключительнымъ эпилогомъ давнишняго романа и состоялся немедленно, лишь только женихъ овдовѣлъ. Самая свадьба совершилась 2-го іюня.

Съ наступленіемъ Великаго поста Москва успокоилась; балы и другія увеселенія прекратились; къ большому моему удовольствію, я могъ вести исключительно домашнюю жизнь. Съ отъѣздомъ С. А. Авдулина и въ домѣ нашемъ водворилась обычная тишина. Родители мои вели жизнь, весьма уединенную: отецъ былъ очень занятъ и служебными, и своими частными дѣлами; мать проводила большую часть дня въ одиночествѣ или съ младшими дѣтьми. Только къ вечернему чаю, почти ежедневно, появлялся добрѣйшій нашъ другъ, Порфирій Павловичъ Коробьинъ, который обыкновенно потомъ уѣзжалъ съ моимъ отцомъ въ Англійскій клубъ. Такимъ образомъ, я проводилъ большую часть дня или съ матерью, или одиноко въ отцовскомъ кабинетѣ, гдѣ спокойно занимался своею работой. Въ

это время предпринялъ я переводъ на русскій языкъ сочиненія ген. Жомини: «Vie politique et militaire de Napoléon, racontеé par lui—même», и успѣлъ перевести весь первый томъ. Подъ впечатлѣніемъ только-что пройденнаго Академическаго курса я былъ тогда большимъ поклонникомъ Наполеона; но вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся извлечь изъ моего перевода и матеріальную выгоду, полагая, что подобная книга на русскомъ языкѣ должна имѣть хорошій сбытъ. Тогда въ предположеніяхъ моихъ вертѣлось много разнообразныхъ ученыхъ предпріятій; составлялись программы нѣсколькихъ сочиненій за-разъ. Свѣжія силы молодости обыкновенно увлекаются безграничною жаждою дѣятельности и съ жаромъ хватаются за самыя разнообразныя задачи, не пугаясь ни труда, ни трудностей.

Я упомянулъ въ своемъ мѣстѣ о вышедшей въ концѣ 1836 года книгѣ ген. барона Медема: «Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ стратегіи». Книга эта казалась мнѣ такимъ замѣчательнымъ вкладомъ въ литературу военныхъ наукъ, что вполнѣ заслуживала перевода на иностранные языки. Мнѣ пришла мысль предложить молодому учителю брата Владимира, M-r S-t Thomas, перевести книгу бар. Медема на французскій языкъ. Онъ охотно вызвался исполнить эту работу въ самое короткое время и за весьма скромное вознагражденіе (300 рублей ассигнаціями). Объ этомъ предложеніи сообщено мною барону Медему, который принялъ его съ удовольствіемъ [1]). Работа пошла быстро; я, съ своей стороны, помогалъ переводчику разъясненіемъ ему техническихъ выраженій и тѣхъ оборотовъ, которыхъ смыслъ не совсѣмъ былъ понятенъ человѣку, вовсе съ военнымъ дѣломъ не знакомому. По мѣрѣ того, какъ работа подвигалась, переводъ пересылался по частямъ на просмотръ автору. Къ крайнему сожалѣнію, переводъ не былъ одобренъ барономъ Медемомъ; первыя тетради были возвращены испещренными замѣтками на поляхъ. Бѣдный переводчикъ, получившій уже часть условленной платы, былъ крайне смущенъ и долженъ былъ потомъ передѣлывать свою работу. Такимъ образомъ, желаніе мое оказать услугу глубокоуважаемому профессору и самой наукѣ—удалось не вполнѣ.

Четыре мѣсяца моего отпуска протекли для меня весьма быстро. Въ концѣ апрѣля, когда я долженъ былъ уже оставить родительскій кровъ и возвратиться на службу, пріѣхалъ въ Москву, на смѣну мнѣ, братъ Николай.

[1]) Отвѣты бар. Медема отъ 22-го февраля и 1-го апрѣля.

Пока я наслаждался привольною семейною жизнью въ Москвѣ, братъ Николай скучалъ и хандрилъ въ Петербургѣ. По утрамъ исправно ходилъ въ Департаментъ или, по его выраженію, «на ѳеатръ чиновничества»; но канцелярская служба мало интересовала его. Въ то время былъ онъ озабоченъ перемѣною квартиры по невозможности оставаться въ прежней, оказавшейся въ зимнее время слишкомъ холодною. Послѣ долгихъ поисковъ, совмѣстно съ нашимъ сожителемъ Н. И. Свѣчинымъ, наконецъ, удалось пріискать квартиру на Екатерининскомъ каналѣ, между Казанскимъ и Каменнымъ мостами (домъ Вейса), хотя въ 3-мъ этажѣ и съ неприглядным входомъ, но достаточно просторную и удобную для нашего жительства втроемъ и доступную нашимъ скромнымъ денежнымъ средствамъ.

Во всѣхъ письмахъ своихъ братъ жаловался на скуку и пустоту жизни. Даже театръ не доставлялъ уже ему прежняго наслажденія. Посѣщалъ онъ съ удовольствіемъ только дома М. И. Лекса и А. Н. Авдулина, гдѣ онъ находилъ всегда радушный пріемъ и отводилъ душу послѣ сухихъ занятій служебныхъ. Какая перемѣна сравнительно съ прежнею его жизнью въ Москвѣ! Впрочемъ, не одни служебныя занятія заставляли его вести затворническую жизнь: братъ Николай такъ-же, какъ и я, долженъ былъ зарабатывать средства существованія; онъ писалъ статьи для Отечественныхъ Записокъ, для литературныхъ прибавленій, для Коммерческой Библіотеки и др. Послѣднее это изданіе было въ то время основано подъ главною редакціей Конст. Ив. Арсеньева, при участіи кн. Петра Андр. Вяземскаго (занимавшаго должность директора Департамента внѣшней торговли), Андрея Парѳеновича Заблоцкаго-Десятовскаго, Григорія Павловича Небольсина и многихъ другихъ. Въ одномъ письмѣ своемъ (отъ 14-го февраля) братъ писалъ, что онъ заваленъ работой, и департаментскою, и «своею», такъ что имѣетъ для сна не болѣе 5 или 6 часовъ въ сутки; случалось ему просиживать съ перомъ, не вставая, до 15-ти часовъ сряду.

Однакожъ, изъ писемъ брата видно, что онъ и въ это время не совсѣмъ еще измѣнилъ своимъ прежнимъ любимымъ литературнымъ замысламъ; все еще продолжалъ онъ понемногу обрабатывать своего «Манфреда»[1]) и изучать старину; но, по собственному его выраженію[2]), въ этомъ занятіи онъ «уже переселился изъ среднихъ вѣковъ подъ державу Царей Грознаго и Алексѣя Михаиловича»; съ жадностію читалъ «Россійскую Вивліоѳику».

[1]) Письмо отъ 19-го марта.

[2]) Письмо отъ 29-го января 1837 года.

«Теперь,—писалъ онъ—Русскіе бородачи мерещатся мнѣ и во снѣ... Что будетъ изъ всего этого—не знаю; но въ этомъ году я рѣшился произвести что нибудь, и постараюсь, чтобы 37-й годъ не былъ такъ-же вымаранъ изъ моихъ литературныхъ воспоминаній, какъ проклятый 36-й»... Въ томъ же письмѣ (отъ 29-го января) писалъ онъ: «Наружная моя жизнь такъ однообразна, что не стоитъ описанія, а внутрянняя такъ обширна, такъ безпорядочна, что вылить ее въ какія-нибудь формы совершенно невозможно. Поэтому и письма мои не удовлетворяютъ твоему любопытству и должны носить на себѣ признаки той вялости, которою отличается моя дѣйствительная жизнь, и той безпорядочности, которая характеризуетъ внутреннюю».

Сильное впечатлѣніе произвела на брата трагическая смерть А. С. Пушкина. Тогда несчастнымъ этимъ событіемъ пораженъ былъ весь Петербургъ,—«начиная отъ самого Государя, до послѣдняго мальчика въ Палкинскомъ трактирѣ, который по этому случаю спрашивалъ: «Кто же будетъ назначенъ на мѣсто Пушкина для стиховъ?» Далѣе братъ писалъ: «Государь оказалъ такія милости (вдовѣ), которыя возбуждаютъ зависть въ нѣкоторыхъ ничтожныхъ сердцахъ и должны порадовать всякое благородное сердце, любящее Россію и Русскихъ»... Извѣстно, что секундантомъ Пушкина былъ полк. Данзасъ, съ которымъ мы познакомились у Авдулина и который, не смотря на свои уже почтенные года, былъ на короткой ногѣ съ нами. Сначала опасались, что на бѣднаго добродушнаго Данзаса обрушится весь гнѣвъ Царя, тогда какъ убійца Пушкина—Дантесъ, равно какъ и его секундантъ (секретарь французскаго посольства) отдѣлались одною высылкою за границу. Но къ общей радости, Данзасъ былъ прощенъ, и, по выраженію моего брата, «сдѣлался une célébrité du jour».

Такая трудная и скучная жизнь, какую братъ велъ въ Петербургѣ, была слишкомъ тяжела для 18-ти-лѣтняго юноши при его характерѣ и послѣ той свѣтской жизни, съ которою познакомился онъ почти съ дѣтскаго возраста. Понятно, что ему страстно хотѣлось вырваться изъ душной атмосферы; его тянуло въ родную Москву, въ семью, въ кругъ прежнихъ знакомыхъ и пріятелей. Приближалось время масляницы, которую бывало проводилъ онъ такъ весело въ Бѣлокаменной. Онъ рѣшился завести рѣчь съ своимъ начальникомъ объ отпускѣ. Но М. И. Лексъ, не давъ ему даже высказать свое желаніе, самъ заговорилъ объ имѣвшейся въ виду служебной командировкѣ брата въ Крымъ. Предложеніе это улыбнулось ему; онъ уже началъ мечтать, какъ воспользуется путешествіемъ по живописному берегу Крыма

для своихъ любимыхъ литературныхъ занятій, для приведенія къ концу своего «Манфреда» и т. д.—Но вопросъ о командировкѣ, зависѣвшій отъ соглашенія между разными министерствами, затянулся. Братъ Николай терялъ уже терпѣніе и намѣревался опять просить объ увольненіи въ отпускъ. Наконецъ, около половины апрѣля послѣдовало рѣшеніе—назначить его, въ званіи чиновника отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ составъ комиссіи, снаряжавшейся отъ Управленія Государственными Имуществами, подъ предсѣдательствомъ академика, Петра Ивановича Кёппена, для статистическаго и камеральнаго описанія Таврической губерніи.

Лишь только закончены были всѣ канцелярскія формальности по отправленію означенной комиссіи въ Крымъ, братъ мой неотлагательно распростился съ Петербургомъ, за нѣсколько дней до выѣзда самого П. И. Кёппена, и пріѣхалъ въ Москву незадолго до моего оттуда выѣзда.

Въ Петербургъ возвратился я въ послѣдніе дни апрѣля, какъ разъ къ майскому параду (2-го мая), въ которомъ участвовалъ на приведенномъ изъ Москвы новомъ конѣ. Въ одинъ изъ первыхъ же дней явился я къ дядѣ, Павлу Дмитріевичу Киселеву; нашелъ у него другого дядю—Николая Дмитріевича, только что пріѣхавшаго изъ Парижа (гдѣ онъ былъ первымъ секретаремъ посольства), по случаю новаго назначенія его совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ. Ранѣе я вовсе не зналъ его; оставалось у меня въ памяти только смутное воспоминаніе, со временъ дѣтства, о пріѣздѣ молодого дяди въ наше Титово по пути въ Персію. И на этотъ разъ знакомство наше ограничилось только нѣсколькими минутами разговора, такъ какъ онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву. Пріѣздъ его туда послѣ многихъ лѣтъ пребыванія за границей былъ для семьи настоящимъ праздникомъ. По этому случаю пріѣхала изъ Твери и Варвара Дмитріевна Полторацкая со всею семьей. Въ Москвѣ молодой дипломатъ пробылъ до 13-го числа и, возвратившись въ Петербургъ, оказалъ мнѣ любезность, привезя лично письмо отъ матери. Вскорѣ потомъ онъ отправился къ новому своему посту въ Лондонѣ.

Братъ Николай провелъ въ Москвѣ нѣсколько дней въ полномъ удовольствіи, въ ожиданіи своего временнаго начальника, П. И. Кёппена. По прибытіи его, выѣхали они оба вмѣстѣ 11-го мая на Одессу и оттуда на Симферополь.

Моя новая служба въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ съ пер-

выхъ же дней произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе. Начальники приняли меня благосклонно; съ товарищами сошелся я очень скоро. Я уже упоминалъ о начальникѣ Корпуснаго Штаба, ген.-ад. Петрѣ Ѳедоровичѣ Веймарнѣ, и братѣ его, оберъ-квартирмейстерѣ корпуса, полк. и флиг.-ад. Иванѣ Ѳедоровичѣ Веймарнѣ. Затѣмъ во главѣ офицеровъ стояли оберъ-квартирмейстеры пѣхоты и кавалеріи, полковники бар. Ливенъ (также флигель-адъютантъ) и Бломъ—личности, весьма симпатичныя; оба—красивой наружности, оба—отличные офицеры генеральнаго штаба, они соединяли въ себѣ благородство характера съ пріятными формами и пользовались въ обществѣ офицеровъ полнымъ уваженіемъ, хотя и держали себя на товарищеской съ ними ногѣ. Старшими адъютантами, т. е. начальниками двухъ отдѣленій, изъ которыхъ состояло управленіе гвардейскаго генеральнаго штаба, были: кап. Феликсъ Ѳадѣевичъ Голынскій и шт.-кап. Ѳедоръ Ивановичъ Горемыкинъ. Первый изъ нихъ, завѣдывавшій первымъ отдѣленіемъ (по личному составу, топографической и чертежной части)—былъ родомъ полякъ Могилевской губерніи; въ генеральный штабъ поступилъ до учрежденія Военной Академіи, отличался педантическою аккуратностію и тщательностію въ работахъ—качествами, цѣнившимися въ тѣ времена очень высоко. Голынскій по старшинству своему какъ въ службѣ, такъ и по лѣтамъ, принялъ меня какъ бы подъ особенное покровительство, а впослѣдствіи выказывалъ мнѣ всегда искреннее сочувствіе. Горемыкинъ, завѣдывавшій вторымъ отдѣленіемъ (переписка по войскамъ, передвиженіямъ и сборамъ ихъ и т. д.), вышелъ изъ Военной Академіи годомъ ранѣе меня, но былъ гораздо старше лѣтами,—человѣкъ весьма дѣльный, разумный, даровитый и хорошо владѣлъ перомъ. Съ нимъ сблизился я наиболѣе и потомъ между нами установились надолго дружескія отношенія.

Старшіе офицеры, занимавшіе должности «дивизіонныхъ квартирмейстеровъ», были: капитаны, Илья Степановичъ Фроловъ и Сергѣй Ивановичъ Волковъ при 2-й и 1-й легкихъ кавалерійскихъ дивизіяхъ), Хоминскій и Россильонъ (при 2-й и 1-й пѣхотныхъ), штабсъ-капитаны, Адеркасъ (при 3-й гв. пѣхотной) и Старкъ (при гв. кирасирской). Изъ этихъ шести офицеровъ одинъ только послѣдній былъ изъ питомцевъ Военной Академіи (перваго выпуска); всѣ прочіе поступили въ генеральный штабъ до учрежденія Академіи, т. е. прямо изъ полковъ. Кромѣ названныхъ «дивизіонныхъ квартирмейстеровъ», состояли при штабѣ, для порученій: штабсъ-капитаны Александръ Михайловичъ Жуковскій и Александръ Петровичъ Теслевъ и пору-

чикъ Иванъ Васильевичъ Вуичъ; изъ нихъ двое: Жуковскій и Вуичъ были выпущены изъ Академіи (1-го и 2-го выпусковъ), а Теслевъ былъ изъ числа поступившихъ прежнимъ порядкомъ, т. е. помимо Академіи.

Изъ числа названныхъ девяти товарищей моихъ на счету лучшихъ въ служебномъ отношеніи офицеровъ стояли: кап. Фроловъ и шт.-кап. Старкъ. О первомъ я имѣлъ уже случай говорить; второй—воспитанникъ Финляндскаго кадетскаго корпуса, откуда былъ выпущенъ въ гвардейскіе саперы и потомъ вышелъ первымъ изъ Академіи; онъ отличался своею бойкостію, находчивостію на маневрахъ и подавалъ большія надежды; къ сожалѣнію, наклонность къ бражничеству погубила его; вскорѣ онъ умеръ отъ воспаленія вслѣдствіе схваченной въ пьяномъ состояніи простуды. Подавали также хорошія надежды трое младшіе: Жуковскій, Теслевъ и Вуичъ. Въ товарищескомъ кружкѣ самымъ пріятнымъ, веселымъ собесѣдникомъ былъ кап. Россильонъ, который, впрочемъ, недолго оставался въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ: два года спустя я уже встрѣтился съ нимъ на Кавказѣ.

Явившись на новую службу предъ лагернымъ временемъ, когда въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ начинается, такъ сказать, сезонъ полевой службы, едва успѣлъ я познакомиться съ новыми товарищами и кое-какъ устроить свой домашній бытъ на новой квартирѣ (занятой въ мое отсутствіе), — какъ пришлось уже отправиться (18-го мая) на рекогносцировку окрестностей Краснаго Села для подготовленія карты къ предстоявшимъ маневрамъ. По заведенному порядку, каждому изъ офицеровъ гвард. ген. штаба назначался участокъ мѣстности, который онъ долженъ былъ объѣхать (въ обывательской телѣгѣ) для обозначенія на картѣ засѣянныхъ полей и качества дорогъ. Работа эта обыкновенно занимала дней 7 или 8. Засѣянныя поля, считавшіяся на маневрахъ непроходимыми, покрывались карминомъ; дурныя мѣста дорогъ обозначались условными цвѣтами.

По возвращеніи изъ этой первой «командировки» и до выступленія войскъ въ лагерь оставалось около двухъ недѣль, въ продолженіе которыхъ занялся я приготовленіями къ лагерной жизни и нѣкоторыми своими дѣлами; между прочимъ,—вопросомъ объ изданіи моего перевода сочиненія генерала Жомини о Наполеонѣ. По поводу этой работы встрѣтилъ я совершенно неожиданную непріятность: почтенный авторъ книги, узнавъ о предпринятомъ мною переводѣ,

почему-то, счелъ это нарушеніемъ своихъ авторскихъ правъ; пригласивъ меня къ себѣ, онъ съ раздраженіемъ высказалъ мнѣ свое неудовольствіе. Оправданія мои не убѣдили его въ неосновательности его претензіи, такъ что я долженъ былъ обратиться къ начальству моему съ просьбою объ официальномъ разъясненіи знаменитому военному писателю, что ни въ законахъ нашихъ, ни въ договорахъ не существуетъ предполагаемаго имъ ограниченія права переводчика иностранной книги непремѣннымъ условіемъ дозволенія автора. Между тѣмъ я велъ переговоры съ нѣкоторыми книгопродавцами объ изданіи моего перевода; встрѣтивъ съ ихъ стороны разныя отговорки, равносильныя отказу, я уже намѣревался принять изданіе на свой собственный рискъ съ помощью займа нужныхъ на это денежныхъ средствъ; но вскорѣ получилъ официально, чрезъ начальство, увѣдомленіе, что военный цензоръ, ген.-лейт. Михайловскій-Данилевскій, не призналъ возможнымъ допустить печатаніе на русскомъ языкѣ сочиненія ген. Жомини безъ «тщательной передѣлки» всей политической части его. Такой приговоръ цензора окончательно отбилъ у меня охоту продолжать дѣло; я бросилъ сдѣланный уже переводъ и началъ придумывать другую работу, которая вскорѣ и представилась.

Само собою разумѣется, что всѣ эти хлопоты относительно заработки средствъ къ жизни были прерваны на время лагернымъ сборомъ гвардейскаго корпуса. По заведенному порядку, артиллерія находилась уже съ половины мая въ окрестностяхъ Краснаго Села для практической стрѣльбы; общій же сборъ всѣхъ родовъ оружья начинался съ половины іюня. Вступленію войскъ въ лагерь предшествовали маневры, продолжавшіеся въ этомъ году три дня: 14-го, 15-го и 16-го іюня, въ окрестностяхъ Царскаго Села. Въ первый разъ пришлось мнѣ нести при войскахъ службу офицера генеральнаго штаба. Въ тѣ времена генеральный штабъ былъ почти устраненъ отъ войскъ въ мирное время: офицеры въ теченіе большей части года исполняли кое-какія порученія своего спеціальнаго начальства (оберъ-квартирмейстера корпусного), и только въ лѣтнее время, при сборахъ войскъ, являлись для разстановки ихъ на парадѣ, а потомъ на маневрахъ для направленія ихъ движеній. При существовавшей тогда системѣ обученія войскъ, при тогдашнихъ взглядахъ и требованіяхъ строевые начальники большею частію считали своимъ долгомъ исключительно лишь уставную дресировку ввѣренныхъ имъ частей и чувствовали себя твердо только на плацу или въ манежѣ; въ полѣ же,

лишь только приходилось распорядиться съ тактическимъ соображеніемъ, съ примѣненіемъ къ мѣстности,—они совершенно терялись,—не могли сдѣлать шага безъ помощи офицера генеральнаго штаба, который, въ свою очередь, считался нужнымъ исключительно на время маневровъ. Поэтому въ войскахъ смотрѣли на офицеровъ генеральнаго штаба, какъ на чужихъ, называли ихъ «планщиками», «свитскими чиновниками»; относились къ нимъ съ какою-то враждебною ироніей, хотя и не могли безъ нихъ обойтиться въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ. Отчасти виноваты были въ этомъ и сами офицеры генеральнаго штаба, которые смотрѣли свысока на строевое дѣло, на строевыхъ офицеровъ, большею частію чуждались войскъ, а иногда и въ прямыхъ своихъ обязанностяхъ при войскахъ оказывались слабыми. Можно сказать, что небольшая лишь часть офицеровъ стараго генеральнаго штаба имѣла нѣкоторый навыкъ къ полевой службѣ при войскахъ.

Гвардейскій генеральный штабъ, разумѣется, составлялъ, такъ сказать, отборный сортъ въ общей массѣ генеральнаго штаба. Въ гвардейскій штабъ выбирались офицеры, болѣе представительные; они были болѣе на виду, имѣли особую «линію производства» примѣнительно къ чинамъ гвардейскимъ; имѣли особый мундиръ; но всего важнѣе было то, что, участвуя ежегодно въ лѣтнихъ учебныхъ занятіяхъ гвардіи, на виду самого Императора, они имѣли болѣе другихъ случай практиковаться въ исполненіи своихъ обязанностей при войскахъ.

Во время лагернаго сбора гвардейскій штабъ размѣщался въ Красномъ Селѣ по крестьянскимъ избамъ. Мнѣ отведена была квартира совмѣстно съ Теслевымъ; для продовольствія нашего устроилась артель. Общество наше жило дружно; въ свободные отъ занятій часы у кого-либо изъ насъ собирался кружокъ, въ которомъ всѣ, и старшіе, и младшіе, не исключая и полковниковъ, проводили время въ товарищеской бесѣдѣ, то серьезной, то веселой и шутливой. Тутъ обсуждались и разъяснялись послѣдніе маневры и ученія, заводились споры о какихъ-нибудь военныхъ вопросахъ, о прочитанныхъ книгахъ. Бывали часто толки о лошадяхъ и верховой ѣздѣ: по этой части всегда заводилъ рѣчь капитанъ Фроловъ, выдававшій себя за спортсмена, знатока и старавшійся вліять въ этомъ отношеніи на молодыхъ офицеровъ. Онъ же настойчиво преслѣдовалъ карточную игру, умалчивая о томъ, что самъ въ молодости былъ жертвою страсти къ картамъ; впрочемъ, въ нашемъ кружкѣ почти и не води-

лось картъ; не было также и бражничества, кутежей. За все время моей службы въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ помнится мнѣ, что только раза два, по случаю отъѣзда товарищей, на прощальномъ обѣдѣ въ нашей артели выпито было съ нѣкоторымъ излишествомъ.

Всѣ офицеры выѣзжали на большія ученія, происходившія ежедневно на «военномъ полѣ»; принимали дѣятельное участіе въ маневрахъ, большихъ и малыхъ. Младшіе распредѣлялись въ помощь старшимъ, занимавшимъ должности дивизіонныхъ квартирмейстеровъ. Кромѣ того, мнѣ, какъ самому младшему, пришлось два раза, послѣ маневровъ, ѣздить для осмотра и оцѣнки потоптанныхъ войсками полей. Все лагерное время прошло для меня вполнѣ удачно; начальство осталось довольно моимъ первымъ дебютомъ въ службѣ генеральнаго штаба, и по окончаніи лагеря выдано мнѣ денежное пособіе (500 рублей ассигн.),—что было, конечно, весьма кстати при моемъ затруднительномъ финансовомъ положеніи.

По возвращеніи въ Петербургъ я провелъ нѣсколько недѣль въ Новой деревнѣ, на дачѣ Авдулиныхъ, на отдыхѣ отъ лѣтнихъ мытарствъ. Затѣмъ, водворившись на своей Петербургской квартирѣ, вмѣстѣ съ Н. И. Свѣчинымъ, принялся съ напряженною дѣятельностію зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ.

Еще въ маѣ мѣсяцѣ, когда по возвращеніи изъ Москвы я былъ въ раздумьѣ о средствахъ къ жизни при тогдашнемъ крайне недостаточномъ казенномъ содержаніи[1]), случайно была мнѣ предложена работа для издававшагося книгопродавцемъ Плюшаромъ—«Энциклопедическаго Лексикона». Я познакомился съ главнымъ редакторомъ этого изданія, Александромъ Ѳедоровичемъ Шенинымъ, бывшимъ въ то же время инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Жилъ онъ въ самомъ зданіи корпуса, у Обухова моста (гдѣ потомъ помѣщалось Константиновское военное училище). Шенинъ былъ человѣкъ умный и образованный; служебныя обязанности по корпусу не мѣшали ему выносить на своихъ плечахъ и многосложныя занятія главнаго редактора такого обширнаго изданія, какъ Энциклопедическій Лексиконъ. Справлялся онъ съ этою работой отлично: имѣя дѣло съ массою сотрудниковъ и спеціальныхъ по разнымъ отдѣ-

[1]) Годовое мое содержаніе въ общей сложности составляло всего 1667 рубл. ассигнаціями, что соотвѣтствовало 476 рубл. на серебро (по расчету 3 рублей 50 коп. асс. за 1 рубль сер., какъ было впослѣдствіи узаконено).

ламъ редакторовъ, онъ умѣлъ со всѣми ладить, не задѣвая щекотливаго авторскаго самолюбія. Самъ работалъ много—и, между тѣмъ, былъ доступенъ для всѣхъ, имѣвшихъ надобность лично съ нимъ объясниться. Говорятъ, что онъ былъ и отличнымъ инспекторомъ классовъ; но вскорѣ долженъ былъ оставить службу въ военно-учебныхъ заведеніяхъ вслѣдствіе обвиненія его въ привычкахъ, крайне безнравственныхъ.

Шенинъ принялъ меня весьма охотно въ число сотрудниковъ изданія по статьямъ военнымъ и математическимъ. Въ то время печатался уже IX томъ Лексикона, въ которомъ шли статьи на букву В. На первый разъ Шенинъ предложилъ мнѣ только нѣсколько неважныхъ статей на эту букву, никѣмъ еще не взятыхъ, но за тѣмъ далъ мнѣ выбрать статьи на букву Г, а также на Д. На эти обѣ буквы предоставлено мнѣ было до 120 статей различнаго объема.

Почти одновременно съ полученіемъ работы для Энциклопедическаго Лексикона Плюшара сдѣлался я сотрудникомъ и другого изданія такого же рода—Военно-Энциклопедическаго Лексикона. Изданіе это только что начиналось; выпущена была лишь первая книжка. Главнымъ редакторомъ былъ ген.-лейт. баронъ Людвигъ Ивановичъ Зеддлеръ, бывшій вице-директоръ Военной Академіи, а теперь занимавшій должность инспектора школъ военныхъ кантонистовъ и Аудиторіатскаго училища. Я былъ представленъ ему адъюнктъ-профессоромъ Военной Академіи, княземъ Ник. Серг. Голицынымъ, чрезъ посредство котораго въ первое время велись всѣ сношенія мои съ главнымъ редакторомъ. Въ военномъ Лексиконѣ мнѣ было предложено взять на себя преимущественно статьи по наукамъ математическимъ (со включеніемъ Астрономіи, Геодезіи, Механики, Физики). Первыми серьезными статьями для 1-го тома пришлось мнѣ обработать: «Алгебра», «Анализъ», «Ариѳметика», «Астрономія»; всего же до 25 статей на букву А. Сверхъ этихъ спеціально-математическихъ статей, предложены были мнѣ: по военнымъ наукамъ—«Армія» и по географіи—«Африка»; но изъ этихъ статей принялъ я на себя только послѣднюю. Затѣмъ предложено мнѣ было до 20 статей на букву Б, въ томъ числѣ нѣкоторыя крупныя: «балистика», «барометръ и барометрическое измѣреніе высотъ», и нѣсколько статей военныхъ: «баталіонъ», «бригада» и др.

Статьи мои въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, начиная съ X тома, печатались большею частію безъ измѣненій, пока продолжалось это изданіе. Къ сожалѣнію, дѣла книгопродавца Плюшара пошли такъ дурно, что къ концу 1838 года онъ уже совсѣмъ обанкротился;

выходившіе въ послѣднее время томы дѣлались все тоще и слабѣе, а на буквѣ Д изданіе совсѣмъ оборвалось. Военный же Лексиконъ подвигался безостановочно, твердымъ шагомъ. Баронъ Зеддлеръ пользовался авторитетомъ ученаго генерала, спеціалиста по военной исторіи. Онъ лично просматривалъ въ рукописи всѣ присылаемыя отъ сотрудниковъ статьи и часто возвращалъ ихъ авторамъ съ своими замѣчаніями для передѣлки, исправленія или сокращенія. Понятно, что эти сокращенія были авторамъ непріятны какъ для самолюбія ихъ, такъ и для кармана; но упрекать въ томъ главнаго редактора было бы несправедливо, когда сокращенія вызывались дѣйствительною необходимостію, для соблюденія въ изданіи единства и соразмѣрности объема статей, соотвѣтственно значенію ихъ и принятому общему плану. Изъ моихъ статей большая часть печаталась цѣликомъ, безъ передѣлокъ (со 2-й книжки до 8-й); нѣкоторыя заслужили особенное одобреніе редакціи; другія были помѣщены съ бо́льшими или меньшими сокращеніями, противъ которыхъ я не спорилъ. Но одна изъ самыхъ капитальныхъ—«Африка» была возвращена мнѣ испещренною на поляхъ замѣчаніями барона Зеддлера. Найдя эту статью непомѣрно обширною и притомъ не подходящею по своему изложенію къ характеру справочнаго Лексикона, онъ потребовалъ отъ меня полной передѣлки. Сознаюсь, что въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ и что мнѣ слѣдовало бы подчиниться требованію безпрекословно; но—грѣшный человѣкъ—самолюбіе молодого автора взяло верхъ надъ разсудительностію; досадно было передѣлывать за-ново и урѣзывать на-половину работу, стоившую много времени и труда,—и вотъ между мною, юношей, и старымъ ученымъ генераломъ возникаетъ переписка, въ которой я возражаю рѣзко на сдѣланныя барономъ Зеддлеромъ замѣчанія; онъ же отвѣчаетъ мнѣ сдержанно, кротко, ссылаясь на права и обязанности главнаго редактора, и, между прочимъ, дѣлаетъ оговорку, что «слышавъ уже прежде о моей вспыльчивости въ подобныхъ дѣлахъ, онъ высказалъ мнѣніе о моей статьѣ по предварительномъ совѣщаніи съ опытными спеціалистами»... Снисходительность и деликатность барона обезоружили мою строптивость; я передѣлалъ свою статью по его требованію; но нѣсколько времени спустя такое же столкновеніе повторилось по поводу статьи «Балистика», надъ которою я такъ-же много поработалъ. И эту статью пришлось передѣлывать и значительно сокращать. Хотя потомъ за эту самую статью я получилъ отъ главнаго редактора благодарность, однакожъ, всѣ эти дрязги такъ надоѣли мнѣ, что я рѣшился бросить работу въ Воен-

номъ Лексиконѣ и письмомъ къ бар. Зедлеру отъ 14-го января просилъ его исключить меня изъ числа сотрудниковъ этого изданія, предоставивъ ему распорядиться по его усмотрѣнію остальными написанными, но еще не напечатанными статьями.

Такимъ образомъ, участіе мое въ обоихъ Энциклопедическихъ изданіяхъ продолжалось не долго: въ одномъ изъ нихъ моя работа прервалась вслѣдствіе прекращенія самого изданія; въ другомъ—я бросилъ работу подъ вліяніемъ раздраженія и досады. Тѣмъ не менѣе заработокъ мой въ обоихъ Лексиконахъ составилъ немаловажное подспорье къ ограниченнымъ моимъ финансамъ[1]); онъ далъ мнѣ возможность не только свести концы съ концами въ моемъ годовомъ бюджетѣ, но еще удѣлить нѣкоторыя пособія сестрѣ, при выходѣ ея изъ института, и брату,—при отъѣздѣ его въ Крымъ.

Коснувшись моего бюджета за 1837 годъ, замѣчу, что въ него вошелъ довольно значительный единовременный расходъ на перемѣну собственной обмундировки и конскаго снаряженія, по случаю состоявшагося 28-го октября перевода въ гвардейскій генеральный штабъ (къ которому до этого времени я былъ только причисленъ, оставаясь въ мундирѣ гвардейской артиллеріи). Впрочемъ, кромѣ мундира, никакой болѣе существенной перемѣны въ моемъ служебномъ положеніи не произошло. Въ зимнее время было мало занятій по службѣ. Кромѣ двухъ старшихъ адъютантовъ, на которыхъ лежало текущее дѣлопроизводство по обоимъ отдѣленіямъ штаба, прочіе офицеры, не исключая и занимавшихъ должности дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, были почти свободны отъ всякихъ обязанностей, кромѣ развѣ разстановки жалонеровъ въ случаѣ какого-нибудь парада, да присутствованія на выходахъ во дворцѣ и на разводахъ въ Высочайшемъ присутствіи. Стало быть, тѣ изъ офицеровъ, которые не имѣли обезпеченныхъ средствъ для приличнаго существованія въ Петербургѣ, могли, по крайней мѣрѣ, располагать своимъ временемъ для занятій частными работами.

Въ концѣ года къ нашему офицерскому кружку прибавились два новыхъ товарища: одинъ—поручикъ 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады—Александръ Петровичъ Кузминскій, новаго выпуска изъ Военной Академіи, кончилъ курсъ вторымъ по

[1]) Въ теченіе года съ мая 1837-го по май 1838-го за напечатанныя уже статьи въ обоихъ Лексиконахъ получено мною 1.751 рубль асс. и оставалось еще за редакціями заработанныхъ мною до 2.500 рублей, изъ которыхъ около 1.000 рублей получены были въ теченіе 1838 года.

успѣхамъ [1]), офицеръ, уже зрѣлый, весьма благообразный, представительный; другой—прапорщикъ Жерве, еще очень юный, только что выпущенный изъ Пажескаго корпуса въ Преображенскій полкъ. Онъ былъ прямо прикомандированъ къ гвардейскому генеральному штабу, въ видѣ исключенія, помимо Военной Академіи и не пройдя чрезъ строевую службу, для которой онъ признавался недостаточно окрѣпшимъ. Это былъ очень милый птенецъ; онъ сдѣлался общимъ любимцемъ въ нашемъ товарищескомъ кружкѣ.

О братѣ Николаѣ разсказъ мой былъ прерванъ на выѣздѣ его 11-го мая изъ Москвы въ Крымъ. Путешествіе его совершалось вполнѣ удачно: проѣхавъ благополучно, въ тарантасѣ, вмѣстѣ съ П. И. Кѣппеномъ, чрезъ Харьковъ въ Одессу и пробывъ тамъ нѣсколько дней, они прибыли въ началѣ іюня въ Симферополь, откуда начались ихъ изслѣдованія, статистическія, экономическія, этнографическія и т. д. Объѣзжая край, братъ восхищался всѣмъ, что приходилось ему видѣть впервые: и мѣстностію, и населеніемъ. Онъ велъ подробный дневникъ, который періодически посылалъ въ Москву, къ родителямъ; они же пересылали ко мнѣ. Кромѣ того, получалъ я и прямо отъ него письма съ дополнительными извѣстіями. Какъ дневникъ, такъ и письма были чрезвычайно любопытны; мастерски описывались въ нихъ живыя впечатлѣнія, испытываемыя воспріимчивымъ, любознательнымъ, поэтически настроеннымъ молодымъ путешественникомъ. Къ крайнему сожалѣнію, этотъ любопытный дневникъ и эти письма не сохранились въ моихъ бумагахъ; совершенно недоумѣваю, въ чьи руки они попали.

Объѣхавъ Крымскій полуостровъ, комиссія продолжала свои работы въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи и только въ декабрѣ возвратилась въ Симферополь, гдѣ должна была оставаться довольно долго для приведенія въ порядокъ всей массы собранныхъ свѣдѣній и составленія полнаго отчета о результатахъ путешествія. Работа эта затянулась на всю зиму, къ прискорбію нашихъ родителей, которые ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія брата, въ постоянномъ безпокойствѣ о томъ, что не хватитъ у него денежныхъ средствъ.

Въ родительскомъ домѣ и въ родственномъ нашемъ кружкѣ случились въ теченіе 1837 года многія перемѣны. Послѣ свадьбы тетки, Александры Дмитріевны Киселевой, съ С. А. Нѣловымъ (2-го іюня), новобрачные водворились весьма комфортабельно въ своемъ домѣ на

[1]) Первымъ сталъ пор. Л.-Гв. Измайловскаго полка Ник. Ив. Вольфъ.

Спиридоновкѣ, а часть лѣта проводили въ деревнѣ, въ Дорогобужскомъ уѣздѣ. Старушкѣ Прасковьѣ Петровнѣ, при ея слабомъ здоровьѣ, было бы трудно жить въ одиночествѣ въ своемъ домѣ на Поварской; къ тому же, денежныя дѣла ея нѣсколько запутались; долги возросли; поэтому она рѣшилась продать домъ и поселиться вмѣстѣ съ семьею Сергѣя Дмитріевича Киселева, въ наемной квартирѣ. Предположеніе это было одобрено Павломъ Дмитріевичемъ, на котораго въ семьѣ смотрѣли всегда, какъ на попечителя и покровителя. Въ ожиданіи покупщика, бабушка Прасковья Петровна переѣхала на лѣтнее время на дачу, къ Сергѣю Дмитріевичу, въ Петровскомъ паркѣ.

Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ, занимая должность совѣтника въ Московской Казенной Палатѣ [1]), ожидалъ скораго открытія вакансіи московскаго вице-губернатора, съ выходомъ въ отставку общаго нашего пріятеля, Деменькова. Благодаря содѣйствію старшаго брата, Сергѣй Дмитріевичъ получилъ это назначеніе въ августѣ мѣсяцѣ и такимъ образомъ служебное положеніе его устроилось къ общему удовольствію. Онъ поспѣшилъ въ первыхъ же числахъ сентября переѣхать съ дачи въ Москву, чтобы вступить въ новую должность.

Извѣстія изъ родительскаго дома были, по прежнему, весьма неутѣшительны. Здоровье матери все болѣе возбуждало опасенія. Она довѣрилась новому извѣстному врачу, Рихтеру, который понравился ей своею заботливостію о больной и теплымъ къ ней участіемъ. Докторъ Рихтеръ предпринялъ новое систематическое лѣченіе, въ видѣ подготовленія къ минеральнымъ водамъ, которыя предписывались по примѣру прежнихъ лѣтъ. Но успѣху врачеванія много препятствовали безпрестанно возникавшія новыя огорченія и безпокойства. Положеніе домашнихъ дѣлъ нисколько не улучшалось; процессъ по имѣнію затянулся, да и не обѣщалъ никакого серьезнаго результата, а, между тѣмъ, приходилось кормить множество дворовыхъ людей, совершенно для дома безполезныхъ. Возникли новыя заботы касательно воспитанія брата Владимира: жившій въ домѣ гувернеръ St. Thomas, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ моей матери, нашелъ себѣ болѣе выгодное мѣсто и въ іюлѣ мѣсяцѣ оставилъ нашъ домъ, согласившись только приходить раза два въ недѣлю давать уроки французскаго языка. Русскій учитель, Ходкевичъ, также отговаривался

[1]) До конца 1835 г. онъ служилъ въ Кремлевской строительной комиссіи; но долженъ былъ оставить это мѣсто вслѣдствіе размолвки съ предсѣдателемъ Комиссіи, Башиловымъ, а въ 1836 г. получилъ мѣсто въ Казенной Палатѣ.

служебными своими занятіями. Въ одномъ изъ писемъ матери (отъ 7-го сентября), она печалилась о томъ, что «ученіе Володи идетъ плохо», что для правильнаго домашняго ученія нѣтъ средствъ, а въ гимназію опредѣлять, по мнѣнію отца, еще рано. Между тѣмъ, платить учителямъ становилось съ каждымъ днемъ труднѣе. Матери приходилось распродавать все, что могла, и даже прибѣгать къ займамъ. Въ письмѣ отъ 14-го іюля писала она: «Часъ отъ часу рессурсы прекращаются; и отецъ начинаетъ терять свою твердость».

Дѣйствительно, отецъ уже не скрывалъ отъ меня своего безвыходнаго положенія и не разъ жаловался на «судьбу, постоянно и во всемъ преслѣдующую его неудачами». Не смотря на то, онъ все-таки оставался вѣрнымъ своимъ честнымъ нравственнымъ принципамъ. Приведу здѣсь выписку изъ одного письма его (отъ 5-го мая 1836 г.), въ которомъ высказалась вся чистота его души. Давая мнѣ и брату Николаю совѣтъ быть «осторожными и не ввѣряться первымъ впечатлѣніямъ, но и не пренебрегать свѣтомъ», онъ указывалъ въ примѣръ самого себя: «Съ 15-ти-лѣтняго возраста я началъ узнавать свѣтъ за кулисами, а не на сценѣ; дорого заплатилъ за мою довѣрчивость, могу сказать—за доброту; ибо никому не дѣлалъ зла съ намѣреніемъ; а дѣлалъ добро даже самимъ врагамъ моимъ, и оттого вы не можете представить себѣ, какъ мнѣ легко. Конечно, сонъ мой есть сонъ праведнаго; а этимъ не всякій счастливецъ міра можетъ похвастаться. Положеніе мое горько только потому, что не могу, въ юные годы ваши, окружить васъ тѣми радостями, которыя расцвѣчиваютъ жизнь нашу; но внутреннее какое-то внушеніе говоритъ мнѣ: «Не робѣй,— и въ послѣдніе часы твои ты еще улыбнешься. Да будетъ такъ... Обо мнѣ не безпокойтесь; я никогда головы не теряю. Мнѣ это легко; ибо будучи счастливымъ въ семействѣ, могу ли я страшиться чего нибудь. Жена и дѣти—мой міръ; совѣсть—моя вселенная. Желаніе одно—сохранить также домашнее счастіе и видѣть въ остальныхъ дѣтяхъ ваши портреты. Все прочее нравственно на меня не дѣйствуетъ»...

Служебное положеніе отца также подавало поводъ къ безпокойству. Комиссія по постройкѣ храма Спасителя, въ которой онъ управлялъ дѣлами, съ званіемъ совѣтника, существовала на основаніи *временнаго* Положенія, въ главномъ вѣдѣніи Министерства Императорскаго Двора. По требованію этого Министерства составленъ былъ проектъ новаго Положенія и штата комиссіи, примѣнительно къ Положенію и штату существовавшей въ Петербургѣ комиссіи по-

строенія Исакьевскаго Собора, а въ этой комиссіи должности совѣтника не полагалось; веденіе дѣлъ возлагалось на одного изъ членовъ. Отецъ мой, не смѣя расчитывать, въ его чинѣ статскаго совѣтника, на назначеніе членомъ комиссіи, составленной исключительно изъ высокопоставленныхъ сановниковъ, опасался снова остаться безъ мѣста, тѣмъ болѣе, что онъ не совсѣмъ ладилъ съ нѣкоторыми изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ комиссіи, именно: съ дѣйств. тайн. сов. Озеровымъ и д. ст. сов. Львовымъ; прочіе члены были почти безгласны, а предсѣдатель—кн. Д. В. Голицынъ, хотя и благоволилъ моему отцу, не могъ входить въ подробности дѣлъ. Единственную поддержку находилъ отецъ мой въ дѣльномъ и честномъ архитекторѣ, Константинѣ Андреевичѣ Тонѣ.

Въ половинѣ іюня проектъ новаго Положенія и штата былъ представленъ на Высочайшее утвержденіе. Въ то же время отправлено письмо моей матери къ Павлу Дм. Киселеву съ просьбой замолвить доброе слово о моемъ отцѣ Министру Двора, кн. П. М. Волконскому. 6-го августа проектъ былъ утвержденъ; но вопросъ о личномъ составѣ комиссіи пока не былъ еще рѣшенъ, такъ что отецъ мой оставался около трехъ мѣсяцевъ въ тревожномъ ожиданіи.

Ко всѣмъ прежнимъ печалямъ бѣдной моей матери присоединилась новая забота—о предстоявшемъ въ началѣ слѣдующаго, 1838, года выпускѣ дочери изъ Екатерининскаго института. Сначала безпокоила ее мысль о неимѣніи денежныхъ средствъ на поѣздку въ Петербургъ за дочерью и для приличнаго снаряженія ея при вступленіи въ свѣтъ; но затѣмъ возникло еще опасеніе, что поѣздкѣ въ Петербургъ воспрепятствуетъ болѣзнь. Объ этой поѣздкѣ она мечтала все лѣто, какъ объ исполненіи святого долга—лично принять свою дочь изъ воспитательнаго заведенія, въ которомъ она выдержала девять лѣтъ заключенія, вдали отъ родительскихъ глазъ. Добрые наши друзья, Авдулины, предлагали у себя пристанище на время пребыванія моей матери въ Петербургѣ. Къ несчастію, болѣзненное ея состояніе все ухудшалось; появились новые тревожные симптомы: опухоль и боль въ правой груди. Въ первый разъ упоминалось объ этомъ въ письмѣ отца отъ 13-го октября; но потомъ, изъ письма самой матери (отъ 1-го ноября), узналъ я, что она страдаетъ грудью уже четыре мѣсяца; полагали, что у нея образуется нарывъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, по требованію врача (Рихтера), больная уже должна была прекратить выѣзды; принятыя врачебныя мѣры нѣсколько облегчили ея страданія. Но въ концѣ того же мѣсяца вдругъ захворала Прасковья Петровна Кисе-

лева воспаленіемъ въ боку. Болѣзнь была тяжелая и угрожала опасностію для жизни слабой 72-лѣтней старушки. Вся семья встревожилась. Хотя при больной находилась одна изъ дочерей, Полторацкая, Варвара Дмитріевна, однакожъ, и моя мать, не смотря на собственный свой недугъ, не утерпѣла въ своемъ заточеніи и поспѣшила на помощь своей сестрѣ въ уходѣ за больною матерью. Чрезъ нѣсколько дней наступилъ благопріятный поворотъ ея болѣзни и опасность миновала; но эти немногіе тревожные дни, въ особенности же безсонныя ночи имѣли весьма дурное вліяніе на собственное здоровье моей матери. Докторъ Рихтеръ нашелъ въ ней большую перемѣну; назначена была консультація, въ которой приняли участіе, кромѣ Рихтера, лучшіе московскіе врачи — Оверъ, Маркусъ, Эвеніусъ и Поль. На этомъ совѣщаніи признано было, что у больной образуется въ груди ракъ и что необходимо прибѣгнуть неотлагательно къ операціи.

Объ этомъ важномъ рѣшеніи извѣстилъ меня отецъ письмомъ отъ 17-го ноября, а 19-го числа предположенная серьезная операція была уже исполнена Оверомъ, въ присутствіи названныхъ выше врачей и сверхъ того,—лейбъ-медика Арндта, пріѣхавшаго тогда въ Москву въ Свитѣ Императора. Операція произведена вполнѣ успѣшно; вырѣзано болѣе половины правой груди. Больная выдержала съ замѣчательною твердостію. Лишь только операція была окончена, первыми ея словами были: «Не забудьте написать Митенькѣ[1])». Необыкновенная твердость ея удивила самихъ врачей и сдѣлалась предметомъ разговора всего города. Не только люди близкіе, но даже незнакомые интересовались исходомъ операціи. Самъ Государь и Императрица, узнавъ все отъ Арндта, показали теплое участіе въ положеніи больной, ежедневно навѣдывались о ней чрезъ того же Арндта и чрезъ Павла Дмитріевича Киселева, который пріѣхалъ въ Москву 21-го числа и въ тотъ же вечеръ посѣтилъ больную сестру свою, а потомъ заѣзжалъ ежедневно на нѣсколько минутъ.

Первая послѣ операціи перевязка, 23-го числа, обѣщала хорошій исходъ и скорое заживленіе раны. Уже 29-го ноября больная хотѣла было написать мнѣ нѣсколько словъ, но врачи воспротивились этому намѣренію. Къ 1-му декабря состояніе раны было таково, что Арндтъ и Оверъ сочли возможнымъ прекратить свои ежедневныя посѣщенія; къ больной начали допускать гостей; она повеселѣла; а 8-го декабря написала мнѣ довольно длинное письмо, въ которомъ

[1]) Т. е. мнѣ, какъ сообщилъ Порф. Павл. Коробьинъ.

выражалась съ сердечною признательностію о безкорыстной заботливости врачей, особенно Арндта, который въ послѣдній часъ своего пребыванія въ Москвѣ заѣхалъ еще разъ проститься съ больной. Въ другомъ письмѣ матери высказывались ея чувства благодарности за теплое участіе, которое приняли въ ея опасномъ положеніи многіе, даже совсѣмъ посторонніе. Послѣ всѣхъ испытанныхъ ею въ теченіе жизни несчастій и разочарованій въ людяхъ она, по собственному ея выраженію, примирилась теперь съ человѣчествомъ. Братъ ея, Павелъ Дмитріевичъ, обыкновенно державшій себя холодно и натянуто, на этотъ разъ былъ внимателенъ, ласковъ, и предъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы, 12-го декабря, прислалъ, при весьма любезномъ письмѣ, тысячу рублей «на туалетъ» своей племянницы по случаю предстоящаго выхода ея изъ института. Подарокъ этотъ значительно облегчилъ заботы матери на счетъ выпуска сестры, хотя о поѣздкѣ въ Петербургъ уже нечего было и помышлять.

Между тѣмъ, Прасковья Петровна Киселева совсѣмъ оправилась отъ своей тяжкой болѣзни, хотя была еще очень слаба и жаловалась на опухоль ногъ. 15-го декабря она была уже въ состояніи переселиться изъ своего дома на Поварской [1]) въ приготовленное для нея помѣщеніе вмѣстѣ съ семьей Сергѣя Дмитріевича Киселева. Варвара Дмитріевна Полторацкая, водворивъ старушку-мать въ новомъ ея жильѣ, уѣхала къ себѣ въ Тверскую деревню.

Въ самую критическую пору болѣзни моей матери, именно въ то время, когда обнаружились опасное ея положеніе и необходимость хирургической операціи, — судьба улыбнулась моему отцу. Вопросъ о служебномъ его положеніи разрѣшился совершенно въ благопріятномъ смыслѣ: указомъ 10-го ноября послѣдовали назначенія въ новый составъ комиссіи о построеніи храма въ Москвѣ: предсѣдателемъ,—по прежнему, московскій военный генералъ-губернаторъ, кн. Д. В. Голицынъ; вице-предсѣдателемъ—д. т. сов. кн. Сергѣй Михайловичъ Голицынъ (предсѣдательствовавшій въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ); членами: по хозяйственной части—дѣйств. тайн. сов. Озеровъ, тайн. сов. Александръ Михайловичъ Урусовъ и московскій предводитель дворянства, гр. Гудовичъ; по искусственной части—ген.-ад. гр. Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ и дѣйств. ст. сов. Львовъ, а по производству дѣлъ—ст. сов. Милютинъ.

Назначеніе моего отца, въ невысокомъ чинѣ статскаго совѣт-

[1]) Продажа дома окончательно состоялась въ мартѣ 1838 г.

ника, членомъ комиссіи, наравнѣ съ сановными вельможами, возбудило въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неудовольствіе. Отецъ въ одномъ письмѣ ко мнѣ (29-го ноября) писалъ, что полученное мѣсто почетно, но хлопотливо, а въ матеріальномъ отношеніи не приноситъ ничего, кромѣ прежняго содержанія въ 3 тысячи рублей асс. да квартиры. «Я желалъ имѣть это мѣсто,—прибавилъ онъ,—больше для того, чтобы доказать многимъ, что можно быть честнымъ, не будучи богатымъ, и подлецомъ, будучи знатнымъ».

Съ новымъ составомъ комиссіи требовалось устроить и приличное помѣщеніе какъ для общихъ собраній ея, такъ и для канцеляріи и чертежной. Самъ предсѣдатель, кн. Д. В. Голицынъ, пріѣзжалъ осмотрѣть казенный домъ, въ которомъ жили мои родители. Отецъ мой предлагалъ очистить для комиссіи весь бельэтажъ, оставивъ для себя только нижній; но благодушный кн. Дмитрій Владимировичъ отклонилъ это предложеніе [1]). 26-го ноября послѣдовало формальное открытіе комиссіи въ новомъ ея составѣ; но устройство для нея помѣщенія занимало моего отца до новаго года. Дѣламъ комиссіи посвящалъ онъ все свое время, съ обычною добросовѣстностію, съ увлеченіемъ,—хотя съ первыхъ же шаговъ въ новомъ званіи своемъ уже предусматривалъ ожидавшія его затрудненія отъ несогласій и личныхъ дрязгъ [2]). Въ самый послѣдній день года, въ письмѣ ко мнѣ, онъ сѣтовалъ на то, что «всегда и во всемъ встрѣчаетъ неудачи; какой-то злой геній постоянно преслѣдуетъ меня».

Недолго продолжалось и успокоеніе на счетъ здоровья моей матери: послѣ операціи, такъ успѣшно произведенной и подавшей—было такія утѣшительныя надежды, не прошло и мѣсяца, какъ она почувствовала боли въ лѣвой груди. Для отвлеченія новой опасности врачи прибѣгли къ заволокѣ на лѣвой рукѣ; но боль въ груди не унималась; больной трудно было писать и правой рукой. «Перспектива впереди печальная»—писала она 26-го декабря;—«не на радость пріѣдетъ сюда бѣдная Маша»... Въ началѣ января ставили больной піявки; она почувствовала облегченіе, но врачи не позволяли ей выѣзжать изъ дому до наступленія теплаго времени, вопреки сильному ея желанію повидаться со своею матерью, Прасковьей Петровной, съ которою была разлучена съ октября мѣсяца. **1838.**

Всѣ помышленія и заботы моей матери въ это время были обращены на предстоявшій въ февралѣ выпускъ дочери «Маши» изъ

[1]) Оно осуществилось, однакоже, годомъ позже по настоянію моего отца.

[2]) Письмо отъ 22-го декабря 1837 года.

института. Необходимыя для ея туалета принадлежности заготовлялись попеченіемъ матери, даже собственными ея руками. Сестра старика Авдулина, Дарья Николаевна, любезно предложила свое содѣйствіе для дополнительнаго изготовленія того, чего нельзя было приготовить заочно въ Москвѣ. Семейство Авдулиныхъ показывало самое дружеское участіе, предлагая всякія услуги для первоначальнаго пріема молодой дѣвушки изъ института. Что же касается переѣзда ея изъ Петербурга въ Москву, то я вызвался сопровождать сестру; родители съ удовольствіемъ приняли это предложеніе, радуясь случаю снова видѣться со мной; однакожъ, не сочли возможнымъ обойтиться при этомъ безъ женскаго попеченія. Преданная вполнѣ нашей семьѣ Анна Алексѣевна Мельникова (бывшая Бакарева, о которой упоминалъ я уже не разъ) предложила свои услуги—съѣздить въ Петербургъ. Получивъ отъ моей матери подробную инструкцію и необходимую сумму на расходы, она въ сопровожденіи горничной выѣхала изъ Москвы 4-го февраля, въ дилижансѣ, и прибывъ 7-го числа въ Петербургъ, остановилась первоначально у меня въ квартирѣ. Въ то время я жилъ одинъ; сожитель мой, Н. И. Свѣчинъ, былъ въ отпуску, въ Москвѣ. Но добрые Авдулины настояли, чтобы пріѣзжія изъ Москвы поселились у нихъ въ домѣ и чтобы къ нимъ же перевезена была и моя сестра на то время, которое окажется необходимымъ для снаряженія ея въ путь. Родители мои приняли съ благодарностію это предложеніе. Въ тотъ же день Анна Алексѣевна Мельникова переѣхала на Литейную.

На другой же день отправился я съ нею въ Екатерининскій институтъ. Начальница его, M-me Crempine, согласно желанію, выраженному въ письмѣ къ ней моею матерью, разрѣшила взять сестру изъ института неотлагательно, не ожидая формальнаго выпуска. Сестрѣ моей тогда было всего 15 лѣтъ; притомъ девятилѣтнее затворническое воспитаніе въ институтѣ не могло способствовать быстрому развитію ея и ознакомленію съ жизнью; поэтому она вышла совсѣмъ ребенкомъ. Само собою разумѣется, что она нетерпѣливо ожидала давно желанной минуты освобожденія изъ заточенія; но подобно птичкѣ, очутившейся вдругъ на воздухѣ послѣ долгаго заключенія въ клѣткѣ, бѣдная дѣвочка, привезенная въ домъ Авдулиныхъ, была до крайности смущена, чувствовала себя неловко, всего дичилась. Она видѣла кругомъ себя все новыя лица и выручена была только моимъ появленіемъ. Добрѣйшая Дарья Николаевна Авдулина приняла ее, какъ родную; дѣятельно занялась ея снаряженіемъ съ помощью

Анны Алексѣевны Мельниковой. Вся семья наперерывъ старалась угождать и развлекать полудикую дѣвочку, на видъ задумчивую и ко всему равнодушную. Старался и я разсѣять ее, катая въ саняхъ по городу. Въ исполненіе родительскаго указанія, возилъ ее къ дядѣ, Павлу Дмитріевичу Киселеву, который принялъ ее ласково и отпустилъ съ подаркомъ.

Въ три или четыре дня всѣ закупки и заказы для сестры были закончены, зимняя одежда для дороги готова, испрошенный мною 28-дневный отпускъ разрѣшенъ,—и въ назначенный день, распростившись съ гостепріимною и радушною семьею Авдулиныхъ, выѣхали мы изъ Петербурга, вчетверомъ, въ добытомъ изъ конторы дилижансовъ закрытомъ возкѣ. Ѣхали мы, не спѣша, съ остановками для ночлеговъ, дабы не утомить слабой здоровьемъ сестры, непривычной къ дорогѣ. Нужно ли говорить о радостной встрѣчѣ въ родительскомъ домѣ, о томъ, что испытало материнское сердце, когда отданная съ малолѣтства въ чужія руки малютка, послѣ девяти лѣтъ отсутствія, возвратилась, наконецъ, въ семью уже взрослою дѣвицей. Для помѣщенія ея приготовлена была личными заботами матери лучшая въ домѣ комната, служившая ей до того времени спальней. Родители старались всячески дать возможно лучшую обстановку начинавшейся для дочери домашней жизни. Но, къ сожалѣнію, ничто не могло устранить невыгодныя условія, сопряженныя съ болѣзненнымъ состояніемъ матери, которая глубоко скорбѣла, что должна была отказаться отъ исполненія своего завѣтнаго долга—лично руководить первыми шагами въ свѣтѣ юной, крайне неопытной дочери, представить ее роднѣ, ввести въ общество, доставлять ей кое-какія развлеченія... Всѣ эти обязанности долженъ былъ принять на себя отецъ. Не смотря на свои занятія, служебныя и частныя, онъ возилъ дочь къ роднымъ и знакомымъ, а разъ даже поѣхалъ съ нею на балъ въ Благородное Собраніе. Родные приняли мою сестру ласково; старались тѣшить ее, какъ ребенка; особенно же баловали ее дядя, Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ и нашъ добрѣйшій другъ, Порф. Павл. Коробинъ. Но она была еще въ полной мѣрѣ институтка тѣхъ временъ: застѣнчивая, наивная, чуждая всѣхъ свѣтскихъ обычаевъ. Чувствуя себя неловко среди новыхъ и постороннихъ лицъ, она тяготилась выѣздами, скучала въ обществѣ, имѣла видъ грустный и равнодушный. Всего охотнѣе оставалась она дома вдвоемъ съ больною матерью, или съ младшими братьями; меньшему изъ нихъ, Борису, она начала давать уроки.

Пробывъ въ Москвѣ около трехъ недѣль, я провелъ большую часть этого времени съ матерью, которая по прежнему находила утѣшеніе въ откровенныхъ со мною разговорахъ о домашнихъ дѣлахъ и своихъ безконечныхъ скорбяхъ. Теперь озабочивало ее положеніе дочери: предстоявшая ей грустная жизнь въ родительскомъ домѣ, недостатки институтскаго воспитанія. Также сѣтовала она на безконечныя отсрочки возвращенія брата Николая изъ командировки. Каждое письмо его приносило извѣстіе о новыхъ препятствіяхъ къ выѣзду изъ Симферополя. Что касается болѣзни матери, то я оставилъ ее довольно бодрою и, хотя она жаловалась на боли въ лѣвой груди, въ рукахъ и ногахъ, однакожъ, мнѣ и въ голову не приходило, что тогдашнее мое свиданіе съ нею было послѣднимъ.

Въ первыхъ числахъ марта я долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Тамъ ожидала меня совершенно непредвидѣнная печальная новость: старикъ Алексѣй Николаевичъ Авдулинъ, послѣ кратковременной болѣзни, окончилъ жизнь; мнѣ уже не пришлось даже присутствовать на его погребеніи. Онъ былъ весьма добръ ко мнѣ и ко всей нашей семьѣ. (Въ письмѣ матери моей, по случаю неожиданной кончины Алексѣя Николаевича, выразилась она, что девизомъ ея должно быть: «Qui me touche meurt»).

До наступленія лѣтняго періода усиленныхъ служебныхъ занятій гвардейскаго генеральнаго штаба все свободное свое время посвящалъ я, по прежнему, работамъ частнымъ, доставлявшимъ мнѣ средства къ покрытію скромнаго моего бюджета. Съ прекращеніемъ участія въ обоихъ Энциклопедическихъ Лексиконахъ (общемъ и спеціально-военномъ) нужно было искать новыхъ работъ, и потому возникали у меня одинъ за другимъ разнообразные проекты и набрасывались программы изданій, какъ-то: военнаго журнала при Военной Академіи, руководство для офицеровъ той же Академіи къ историческому изученію высшей тактики (т. е. въ формѣ систематическаго подбора историческихъ примѣровъ), такого же историческаго изученія стратегіи, изученія великихъ полководцевъ и т. д. Всѣ эти проекты предполагалось осуществить коллективными силами многихъ лицъ, при содѣйствіи издателей-капиталистовъ. Но прежде всякой съ моей стороны попытки дать ходъ моимъ проектамъ явились навстрѣчу имъ два предпріятія, въ которыхъ мнѣ предложено было участвовать: съ одной стороны, полк. кн. Н. С. Голицынъ задумалъ составлять, также коллективнымъ трудомъ, курсъ военной исторіи

для руководства офицерамъ Военной Академіи; съ другой—предпринято было книгопродавцемъ Глазуновымъ изданіе «Военной библіотеки» изъ переводовъ извѣстнѣйшихъ иностранныхъ сочиненій по военной исторіи и военному искусству.

Въ первомъ изъ этихъ предпріятій, по плану кн. Голицына, предполагалось весь курсъ военной исторіи раздѣлить на нѣсколько періодовъ, и каждый періодъ поручить особому редактору, который долженъ былъ, за установленную плату, изложить свой отдѣлъ въ данномъ объемѣ, соотвѣтственно программѣ преподаванія въ Военной Академіи. На покрытіе расходовъ какъ въ уплату сотрудникамъ, такъ и на самое изданіе полагалось испросить субсидію отъ казны, съ разсрочкою на извѣстное число лѣтъ. Планъ этотъ, одобренный академическимъ начальствомъ, восходилъ чрезъ Военнаго Министра на Высочайшее разрѣшеніе. Работа была распредѣлена между офицерами генеральнаго штаба, бывшими слушателями въ Военной Академіи; кромѣ меня, были сотрудниками: Штюрмеръ, Богдановичъ, Горемыкинъ, Вуичъ, Кузьминскій и еще нѣсколько. На мою долю досталась Тридцатилѣтняя война, къ составленію которой и приступилъ я неотлагательно.

Въ изданіи «Военной Библіотеки» главную редакцію приняли на себя ген. баронъ Медемъ (собственно по военной части) и профессоръ О. И. Сенковскій, извѣстный оріенталистъ, редакторъ журнала—«Библіотека для чтенія». Мнѣ предложено было перевести «Mémoires du maréchal Gouvion S-t Cyr», начавъ съ 1-го тома, заключавшаго въ себѣ разсказъ о кампаніи 1796 года въ Италіи и Германіи. Переводъ этой книги занялъ меня въ теченіе большей части 1838 года.

Кромѣ того, вошелъ я въ сношеніе съ редакторомъ «Отечественныхъ записокъ», Андреемъ Александровичемъ Краевскимъ (который былъ въ то время преподавателемъ исторіи въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ). Вызвавшись быть сотрудникомъ этого ежемѣсячнаго журнала, я принялся на первый разъ за составленіе статьи «Суворовъ, какъ полководецъ».

Такимъ образомъ, набралось у меня въ этомъ году работы вдоволь и пришлось трудиться прилежно во всѣ свободные отъ службы часы. Само собою разумѣется, что лагерное время было перерывомъ въ этой дѣятельности. Уже въ маѣ мѣсяцѣ я былъ командированъ, какъ и въ прошломъ году, для приготовленія карты къ предстоявшимъ маневрамъ, т. е. для нанесенія засѣянныхъ полей и дорогъ.

Предъ вступленіемъ войскъ въ лагерь, происходили 10-го и 11-го іюня маневры, и съ этого времени началась обычная лагерная суета. Почти въ самомъ началѣ нашего водворенія въ Красномъ Селѣ мы были встревожены большимъ пожаромъ, истребившимъ цѣлыя слободы, гдѣ квартировалъ Л. Гв. Кирасирскій Е. Выс. Наслѣдника Цесаревича полкъ.

Въ это лѣто я исполнялъ обязанности дивизіоннаго квартирмейстера 2-й гвардейской легкой кавалерійской дивизіи, которою командовалъ ген.-л. Штрандманъ—замѣчательно безтолковый, взбалмошный человѣкъ. Послѣ обычныхъ строевыхъ ученій и смотровъ, полковыхъ, бригадныхъ и дивизіонныхъ, начались во второй половинѣ іюля малые маневры, происходившіе 23, 25, 26 и 28 числа. Въ каждый изъ этихъ дней, по заранѣе составленному росписанію, образовались по два отряда изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, примѣрно въ составѣ 8 бат., съ нѣсколькими эскадронами и орудіями для дѣйствій другъ противъ друга съ извѣстною тактическою задачей. Такъ мнѣ досталось участвовать 26-го іюля, въ качествѣ старшаго офицера генеральнаго штаба, при отрядѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ командира Л. Гв. Московскаго полка, ген.-м. Штегельмана; отряду этому дана была задача—прикрывать большой транспортъ, предполагавшійся въ числѣ 200 повозокъ, при движеніи его изъ-за Кавелахскихъ высотъ чрезъ военное поле къ Красному Селу, отъ противника, ожидаемаго со стороны Кипени и имѣвшаго большой перевѣсъ въ кавалеріи. Исполненіе этой нелегкой задачи было начальствомъ вполнѣ одобрено.

Затѣмъ большіе маневры продолжались въ этомъ году всего три дня: 29-го, 30-го и 31-го іюля и вслѣдъ затѣмъ началось выступленіе войскъ изъ лагеря.

Извѣстія изъ Москвы, послѣ моего выѣзда оттуда, были нѣкоторое время весьма утѣшительны на счетъ состоянія здоровья матери. Болѣзнь ея настолько облегчилась, что врачи разрѣшили ей выѣзжать и даже ходить пѣшкомъ въ хорошую погоду. Первый выѣздъ ея былъ къ ночной заутренѣ на Свѣтлое воскресеніе, въ домовую церковь князя Сергѣя Михайловича Голицына (въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, гдѣ жили мои родители). Большимъ счастіемъ было для матери выѣхать въ первый разъ съ дочерью. Въ тотъ же день Свѣтлаго воскресенія (3-го апрѣля) она была на семейномъ обѣдѣ у Киселевыхъ и тутъ произошло ея свиданіе съ Прасковьею Петровною

Кисслевой, съ которою она не видѣлась уже около пяти мѣсяцевъ. Первые эти выѣзды естественно утомили больную; однакожъ, она продолжала выѣзжать въ теченіе почти всего апрѣля мѣсяца; даже возила два раза дочь въ театръ на представленія гостившаго въ Москвѣ петербургскаго трагика, Каратыгина.

Вслѣдствіе ли излишняго утомленія отъ выѣздовъ, или по естественному ходу болѣзненнаго процесса,—положеніе больной къ концу апрѣля начало снова возбуждать опасенія. Боялись, что прежній недугъ, вынудившій нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе прибѣгнуть къ серьезной операціи, можетъ возобновиться въ другой (лѣвой) груди. Снова начались совѣщанія врачей: Рихтера, Овера, Эвеніуса. Пробовали они облегчать боли въ рукѣ паровымъ лѣченіемъ; но пользы отъ того не оказалось; положили опять начать съ 1-го мая пользованіе минеральными водами, хотя больная не имѣла уже никакой вѣры въ полезное ихъ дѣйствіе. Больная, выносившая обыкновенно страданія съ большимъ мужествомъ, теперь слегла въ постель. Однакоже, еще 27-го апрѣля она поручила моей сестрѣ написать мнѣ, чтобы я не тревожился слухами, которые могутъ до меня дойти: «хотя она и не совсѣмъ здорова, но Богъ милостивъ и возобновленія болѣзни никогда не будетъ».

Въ такомъ положеніи была мать, когда пріѣхалъ, наконецъ, въ Москву братъ Николай. Сестра писала, что не узнала его въ первую минуту, такъ онъ перемѣнился и загорѣлъ. Продолжавшаяся цѣлый годъ командировка принесла ему большую пользу во многихъ отношеніяхъ: умственный его кругозоръ расширился, прежнее поэтическое настроеніе уступило мѣсто стремленію къ дѣятельности на почвѣ реальной жизни; предъ нимъ открылся новый міръ народнаго быта. Съ этого времени заинтересовался онъ вопросами экономическими и административными; началъ заниматься статистикой, которую прежде находилъ сухимъ предметомъ [1]). Отдыхъ его въ Москвѣ былъ непродолжителенъ: обязанности служебныя требовали возвращенія его къ чиновничьимъ занятіямъ, о которыхъ помышлялъ онъ съ отвращеніемъ [2]). 15-го мая онъ уже былъ въ Петербургѣ.

Во время пребыванія брата Николая въ Москвѣ пріѣхала туда Варвара Дмитріевна Полторацкая съ частію своей семьи. Она прожила нѣсколько дней въ домѣ моихъ родителей; потомъ гостила у

[1]) Письма его въ 1833 и 1834 годахъ.

[2]) Въ письмѣ матери ко мнѣ отъ 6-го мая, братъ сдѣлалъ приписку: «Добродѣтель Лекса не вознаграждаетъ скуки чиновничьей жизни».

нихъ нѣсколько дней одна изъ институтскихъ подругъ сестры—Леонтьева. Родители надѣялись, что гостья сколько-нибудь развеселитъ нашу угрюмую дикарку; они придумывали всякія средства, чтобы развлекать и занимать ее. Въ день ея именинъ (1-го апрѣля) въ числѣ множества подарковъ отъ родныхъ получила она рояль, что дало возможность приступить къ урокамъ музыки, вмѣстѣ съ братомъ Владимиромъ. Съ нимъ уже брала она у M-r S-t Thomas уроки французскаго языка, а потомъ и рисованія у состоявшаго при комиссіи построенія храма художника Чичагова. Но и къ этимъ занятіямъ относилась она такъ-же равнодушно и безучастно, какъ ко всему другому. Въ письмахъ матери постоянно высказывались сѣтованія на замкнутый характеръ дочери; въ отвѣтахъ своихъ я старался успокаивать больную мать, выставляя и переходный возрастъ сестры, и вліяніе замкнутаго институтскаго воспитанія, и даже отчасти замѣчаемые въ ней болѣзненные признаки, подававшіе поводъ врачамъ присовѣтовать, чтобы она вмѣстѣ съ матерью пользовалась минеральными водами.

Воды и на этотъ разъ принесли мало пользы матери; напротивъ того, боли въ рукѣ и груди усилились. Въ половинѣ іюня была новая консультація: сверхъ прежнихъ врачей приняли въ ней участіе Высоцкій, Ставровскій и Дядьковскій; но въ это же время докторъ Рихтеръ уѣзжалъ въ деревню, передавъ больную на попеченіе Эвеніуса. На консультаціи рѣшено было прекратить минеральныя воды; начали лѣчить какимъ-то декоктомъ при строгой діэтѣ.

Цѣлый мѣсяцъ продолжались у бѣдной страдалицы самыя острыя боли; въ лѣвой груди образовалась водяная. При всей своей твердости она уже не въ силахъ была скрывать свои страданія и сама молила Бога о прекращеніи ихъ смертью. «Слыша ея оханія,—писала мнѣ сестра—я не могу воздержаться отъ слезъ». 18-го іюля, чувствуя приближеніе смерти, больная исполнила съ твердостію христіанскій долгъ, простилась со всѣми наличными членами семьи; насъ, старшихъ сыновей, благословила, глядя на наши портреты, а 23-го іюля, въ субботу, тихо кончила жизнь. Послѣдними словами ея были: «Господи, мои дѣти».

Отецъ, извѣщая меня 24-го числа о постигшемъ насъ несчастіи, выразился, что «она отдала Богу душу, какъ святая»... «Страданія ея—писалъ онъ—были ужасны до послѣдняго часа; а тутъ скончалась такъ тихо, такъ божественно, какъ можетъ разстаться съ жизнью одна праведница...».

26-го іюля, во вторникъ, совершилось погребеніе въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Братъ Николай, выѣхавшій изъ Петербурга до полученія извѣстія о кончинѣ матери, еще поспѣлъ къ печальному обряду; мнѣ же не удалось отдать ей этотъ послѣдній долгъ. Пріѣхавъ, по окончаніи лагеря, въ Новую деревню, на дачу Авдулина, чтобы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, отдохнуть нѣсколько недѣль отъ лѣтнихъ мытарствъ, я только тутъ получилъ роковое извѣстіе, уже чрезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ. Какъ громомъ поразила меня эта вѣсть. Хотя мнѣ давно уже было извѣстно ухудшеніе въ положеніи матери, но мнѣ не приходило въ голову, что такъ близокъ конецъ ея жизни. Потеря матери была для меня сильнымъ ударомъ; она всегда относилась ко мнѣ съ такою нѣжностію, довѣріемъ, откровенностію, что кончина ея казалась мнѣ прекращеніемъ половины собственнаго моего существованія. Убитый горемъ, я бросился къ начальству просить новаго отпуска на самое короткое время, и поскакалъ опять въ Москву, чтобы, по крайней мѣрѣ, поклониться праху обожаемой матери на свѣжей еще могилѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности облегчить своимъ участіемъ горе бѣднаго отца.

Я нашелъ его удрученнымъ, убитымъ, но спокойнымъ. Двадцать три года прожили супруги въ постоянномъ, неизмѣнномъ согласіи, въ сердечной другъ къ другу привязанности, раздѣляя обоюдныя радости и печали. Въ письмѣ къ Павлу Дмитріевичу Киселеву (отъ 27-го іюля), извѣщая его о кончинѣ его сестры, отецъ писалъ: «Она была женщина необыкновенная, съ чувствами возвышенными и сердцемъ любящимъ. Я потерялъ съ нею все. Пожалѣйте обо мнѣ». Со своей стороны, Павелъ Дмитріевичъ, узнавъ о кончинѣ своей сестры во время объѣзда Приволжскихъ губерній, писалъ Сергѣю Дмитріевичу Киселеву (13-го августа, изъ Саратова): «Огорчительное извѣстіе, которое получилъ отъ тебя, мнѣ было предсказано Арндтомъ въ Петербургѣ. Несчастная мученица прекратила страдальческую жизнь свою, оставивъ по себѣ доброе имя и душевное сожалѣніе родныхъ и всѣхъ умѣвшихъ ее цѣнить. Дай ей, Богъ, лучшую участь въ неизвѣстномъ мірѣ; здѣсь же судьба ея была постоянно несчастная. Смерть была для нея убѣжище; для насъ же—всегдашнее огорченіе».. Тутъ уже поручалъ онъ Сергѣю Дмитріевичу принять на себя распоряженіе тѣмъ пособіемъ въ 1.200 рублей, которое высылалось ежегодно изъ имѣній Павла Дмитріевича покойной его сестрѣ на воспитаніе дѣтей. «Тебѣ болѣе извѣстны нужды ихъ; ты, любезный другъ, будешь въ этомъ отношеніи ихъ опекуномъ».

Меньшій братъ, Николай Дмитріевичъ Киселевъ, казавшійся совсѣмъ отчужденнымъ отъ семьи, также выразилъ свои чувства въ письмѣ къ старшему брату, Павлу Дмитріевичу (отъ 13—25 декабря): «Je n'ai pas besoin de vous exprimer, avec quel chagrin et quels regrets j'ai appris la mort de notre pauvre soeur. C'était une brave et excellente femme, qui aurait dû vivre pour ses enfants et surtout pour sa fille».

Дѣйствительно, кончина матери всего прискорбнѣе отозвалась на младшихъ дѣтяхъ и на дочери. Братъ Николай, въ томъ письмѣ, которымъ извѣстилъ меня немедленно по пріѣздѣ въ Москву о постигшемъ насъ несчастіи, писалъ: «Никто, кромѣ насъ самихъ, даже самые близкіе къ намъ, не могутъ вполнѣ понять всю нашу потерю. Сердце рвется при одной мысли о томъ; Маша и Володя очень жалки; будущность ихъ болѣе всего меня огорчаетъ».. Въ то же время и сестра, казавшаяся такою равнодушною и холодною, выражая свое горе въ письмѣ ко мнѣ и брату Николаю, писала: «До сихъ поръ мысли мои покрыты туманомъ; въ головѣ безпорядокъ. Иногда забудусь на мгновеніе; но какъ только вспомню, что я—сирота, что потеряла мать именно тогда, когда она была мнѣ особенно нужна, когда она сдѣлалась для меня такъ дорога и когда я такъ полюбила ее, насмотрѣвшись на ея страданія,—все это кажется мнѣ тяжелымъ сномъ, въ которомъ настоящее сливается съ будущимъ въ самомъ ужасномъ видѣ». Пожалѣйте сестру вашу, которая больше всѣхъ потеряла». Такимъ образомъ, сестра, не смотря на свою молодость, вполнѣ отдавала себѣ отчетъ въ своемъ положеніи; она понимала свое сиротство. Отецъ, при всей своей заботливости и любви къ дѣтямъ, не имѣлъ возможности замѣнить имъ нѣжную мать и заниматься ими, какъ занималась она. Понималъ это и братъ Владиміръ, хотя ему было тогда всего 12 лѣтъ. Онъ былъ любимцемъ матери и самъ питалъ къ ней нѣжную привязанность. Смерть ея произвела на него глубокое впечатлѣніе.

Пробывъ съ отцомъ около двухъ недѣль, я возвратился въ концѣ августа, вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ, въ Петербургъ. Послѣ нашего отъѣзда отецъ окончательно рѣшился очистить весь верхній этажъ занимаемаго имъ дома для лучшаго помѣщенія Комиссіи съ ея канцеляріею и чертежной; для себя же оставилъ одинъ нижній этажъ. Для такого перемѣщенія потребовались довольно большія передѣлки и приспособленія. Пока тянулись работы въ домѣ, отецъ оставался въ немногихъ комнатахъ только съ однимъ Владиміромъ; младшаго, Бориса, отвезли къ Полторацкимъ, въ Тверскую ихъ де-

ревню, а дочь временно помѣстилась у Киселевыхъ, сначала на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ, а съ 12-го сентября въ новой ихъ московской квартирѣ (на Собачьей площадкѣ, въ домѣ Лёвенталя).

Отецъ замѣтно опустился, не только нравственно, но и тѣлесно, хотя и писалъ (12-го сентября): «Обо мнѣ много не безпокойтесь; физическія мои силы такъ счастливо организованы, что нравственные удары на нихъ мало дѣйствуютъ. Одинъ сонъ измѣнилъ.. Можетъ быть, безъ васъ, составляющихъ мое утѣшеніе, я бы не имѣлъ твердости перенести потерю того, что составляло предметъ моей жизни. Эту потерю я чувствую часъ отъ часу все больше. Жизнь моя скучна, грустна; но я долженъ жить для меньшихъ братьевъ вашихъ, а болѣе—для сестры».

Жизнь въ чужомъ, хотя и родственномъ домѣ тяготила сестру. Чувствуя свое сиротство и продолжая горевать по матери, она съ нетерпѣніемъ ожидала переѣзда къ отцу. Въ день своего рожденія (17-го сентября) она ѣздила въ Новодѣвичій монастырь плакать на могилѣ матери. Только 1-го ноября оказалось возможнымъ переселить ее отъ Киселевыхъ къ отцу. Къ тому же времени, послѣ долгихъ поисковъ, нашлась «гувернантка» или «компаньенка»—Madame Amiltte—бойкая француженка, лѣтъ сорока, которая, однакоже, оставалась недолго: ея болтовня и пустословіе такъ надоѣдали сестрѣ и отношенія между ними до того сдѣлались натянутыми, что въ половинѣ января отецъ долженъ былъ искать другую гувернантку. Къ счастію, поиски были непродолжительны: новая гувернантка, Madame Mallet, оказалась женщиною, болѣе разумною, чѣмъ ея предмѣстница; она сумѣла поставить себя на приличную ногу съ ввѣренною ея попеченію 16-лѣтней дѣвицей.

Меньшій братъ, Борисъ, оставался у Полторацкихъ до половины декабря. По возвращеніи въ отцовскій домъ онъ былъ предоставленъ на исключительное попеченіе молодой нѣмочки (Матрены Ивановны), которая не могла имѣть большого авторитета надъ 8-лѣтнимъ мальчикомъ. Братъ Владимиръ, которому было уже 12 лѣтъ, оставался совсѣмъ безъ надзора; но къ счастію, это былъ мальчикъ очень благоразумный, разсудительный не по лѣтамъ и прилежный къ ученію. Продолжая брать уроки у прежнихъ учителей, онъ сознавалъ, какъ недостаточно то образованіе, которое могъ онъ отъ нихъ пріобрѣсти. Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ онъ выразился: «Ни за что не хочу быть неучемъ, чтобы отецъ не могъ за меня краснѣть».

Стараясь заглушить свое горе усиленными занятіями, отецъ много

хлопоталъ о лучшей обстановкѣ комиссіи, которая уже 3-го октября имѣла первое засѣданіе въ новомъ ея помѣщеніи. Въ то время кн. Дм. Вл. Голицынъ уѣхалъ опять за границу на цѣлый годъ; никто его не замѣщалъ; обязанности генералъ-губернатора были распредѣлены между гражданскимъ губернаторомъ и московскимъ комендантомъ, а въ комиссіи построенія храма предсѣдательствовалъ кн. Сергѣй Михайловичъ Голицынъ. Въ ноябрѣ снова прибылъ въ Москву Государь. Представленнымъ отъ комиссіи отчетомъ Его Величество остался весьма доволенъ и благодарилъ членовъ. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, кн. Сергѣй Михайловичъ исходатайствовалъ усиленіе содержанія моему отцу: получаемыя имъ 3 тысячи рублей асс. удвоены. Это было немаловажнымъ для него облегченіемъ.

Возвратившись въ концѣ августа изъ Москвы въ Петербургъ въ самомъ грустномъ настроеніи, я нашелъ утѣшеніе въ дружескомъ сочувствіи семьи Авдулиныхъ, которая также была въ траурѣ. Въ то время Петербургъ былъ еще пустъ; почти всѣ товарищи мои разъѣхались въ отпускъ; начальство также отсутствовало: оба брата Веймарны отдыхали въ своихъ имѣніяхъ подъ Кипенью (Касково и Переярово).

Пользуясь свободнымъ и спокойнымъ временемъ, я снова принялся съ усиленною дѣятельностію за свои работы, прерванныя на большую часть лѣта. Въ теченіе осени закончилъ я для курса Военной Исторіи свой отдѣлъ о Тридцатилѣтней войнѣ, исправилъ его по замѣчаніямъ кн. Н. С. Голицына; также окончилъ переводъ 1-го тома записокъ Сен-Сира для «Военной Библіотеки». Составленная для «Отечественныхъ записокъ» статья «Суворовъ, какъ полководецъ» прошла благополучно чрезъ цензуру и была потомъ помѣщена въ одной изъ первыхъ книжекъ журнала за 1839 годъ (№ 4, апрѣль). Другая, составленная мною для того же журнала статья: «Русскіе полководцы XVIII столѣтія» была признана неудобною для напечатанія по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, что, впрочемъ, можно было заранѣе предвидѣть,—такъ какъ въ статьѣ моей изображались всѣ наши военныя знаменитости пресловутаго Екатерининскаго царствованія, за исключеніемъ одного Суворова,—въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ.

Въ эту осень на офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба возложены были и нѣкоторыя служебныя работы, по иниціативѣ са-

мого начальства. Предположено было составить элементарное руководство по тактикѣ, въ примѣрахъ, по образцу вышедшаго въ Брюсселѣ сочиненія бельгійскаго генерала Фанъ-деръ-Меера; но по ближайшему соображенію, составлена была программа, значительно отступавшая отъ бельгійскаго образца. Работа была распредѣлена между нѣсколькими офицерами и окончена уже въ слѣдующемъ 1839 году, а напечатана только въ 1840-мъ, подъ заголовкомъ «Сводъ нѣкоторыхъ соображеній для движенія, расположенія и дѣйствія въ бою войскъ», съ атласомъ чертежей in-folio. Работа эта очень понравилась Императору Николаю Павловичу.

Въ исходѣ года къ нашему обществу офицеровъ прибавились еще два товарища изъ новаго выпуска Военной Академіи: поручики: Л.-Гв. Семеновскаго полка, Владиміръ Савичъ Семека, и Измайловскаго—Александръ Карловичъ Баумгартенъ. Это были два совершенно различные типа: сколько первый былъ всегда въ веселомъ расположеніи духа, столько же другой серьезенъ и никогда не улыбался. Впрочемъ, оба оказались хорошими товарищами и способными офицерами.

Въ концѣ каждаго года поднимался во всѣхъ частяхъ гвардіи вопросъ, крайне интересовавшій молодыхъ офицеровъ: кто изъ нихъ будетъ выбранъ начальствомъ для командированія на Кавказъ. Тогда отъ каждаго полка посылалось по одному офицеру, на годичный срокъ, чтобы участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, непрекращавшихся въ этомъ краѣ круглый годъ, лѣтомъ и зимой. Командировался одинъ офицеръ и отъ гвардейскаго генеральнаго штаба. Уже въ прошломъ году мечталъ я о такой командировкѣ; мнѣ начинали уже надоѣдать безцвѣтная петербургская жизнь и формализмъ гвардейской службы; чувствовалась потребность подышать на просторѣ болѣе свѣжимъ воздухомъ, увидѣть иныя, кромѣ Петербургскихъ, мѣстности, и въ особенности ознакомиться съ настоящею военною службой. Тогда кавказская боевая служба была хорошею школой для молодыхъ офицеровъ; она давала имъ не только нѣкоторую практическую опытность въ службѣ, но и вообще развивала ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открывала предъ нимъ болѣе видную дорогу. Въ августѣ 1837 года я сообщилъ родителямъ свою завѣтную мысль, но получилъ отъ матери отчаянное письмо: она встревожилась, огорчилась, ужасаясь одной мысли, что я могу подвергаться опасности. Надобно было уступить нѣжнымъ чувствамъ больной матери; мысль о Кавказѣ была отложена. Но годъ спустя, когда не стало уже дорогой моей

матери, снова поднялъ я вопросъ о поѣздкѣ на Кавказъ. Отецъ мой хотя и не сочувствовалъ моему намѣренію и совѣтовалъ не напрашиваться на опасности, находя, что на Кавказѣ ведется такая война, что «можно погибнуть ни за грошъ», однакожъ, и не противился, понимая нравственный долгъ каждаго, носящаго военный мундиръ. «Благословляю и надѣюсь»—писалъ онъ мнѣ 1-го декабря.

Начальство приняло мое заявленіе благосклонно, и командировка моя на Кавказъ въ слѣдующемъ году была рѣшена. Съ половины ноября началъ я готовиться къ дальней поѣздкѣ: хлопоталъ о продажѣ своей верховой лошади, обзаводился походными принадлежностями и т. д. Наслышавшись отъ брата Николая столько чудесъ о Крымѣ, я мечталъ о проѣздѣ на Кавказъ кружнымъ путемъ, чрезъ Крымъ. Но мечта эта оказалась совсѣмъ непрактичною и не осуществилась.

Разставаясь на цѣлый годъ съ братомъ Николаемъ, я былъ спокоенъ на его счетъ: въ то время онъ уже оперился на службѣ; былъ повышенъ въ чинѣ, получилъ мѣсто столоначальника съ увеличеніемъ содержанія, пользовался особенною благосклонностію директора департамента, М. И. Лекса, и самого министра. Въ подспорье получаемому содержанію братъ зарабатывалъ кое-что, участвуя въ нѣкоторыхъ изданіяхъ: въ «Библіотекѣ коммерческихъ знаній», въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» и другихъ.

Кстати скажу и о своихъ частныхъ работахъ, которыя давали мнѣ возможность, при крайне скудномъ содержаніи по службѣ, изворачиваться въ своихъ финансовыхъ средствахъ, безъ долговъ, не смотря на поѣздки въ Москву, на многіе другіе случайные расходы, выходившіе изъ нормальнаго бюджета, и въ особенности на предстоявшую командировку на Кавказъ. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ совмѣстной жизни съ братомъ Николаемъ (съ пріѣзда его изъ Крыма въ маѣ 1838 года до февраля 1839-го, т. е. отъѣзда моего на Кавказъ), казенное мое содержаніе ограничивалось суммою 877 рублей асс., что по тогдашнему курсу составляло всего 234 рубля сер.; съ добавленіемъ полученнаго послѣ лагеря пособія въ 600 рублей асс. или 160 рублей сер.; выходитъ въ суммѣ менѣе 400 рубл. сер. Съ такими ничтожными средствами, конечно, не было бы возможности даже прожить на мѣстѣ въ Петербургѣ. Но частныя мои работы за тотъ же періодъ времени дали до 3.200 р. асс. (т. е. около 850 р. на серебро), не считая остававшагося за редакціями долга отъ 2 до 3 тысячъ рублей за статьи,

еще ненапечатанныя. Вотъ этотъ заработокъ и далъ возможность не только покрыть текущіе расходы общаго нашего съ братомъ домашняго хозяйства и мои личные, но еще пополнить прошлогодній дефицитъ (въ 1.000 рублей), удѣлить небольшую сумму въ помощь брату и приберечь средства на предстоявшую поѣздку на Кавказъ.

ГОДЪ НА КАВКАЗѢ.

1839—1840.

ВЪ ДОРОГѢ.

Послѣ цѣлаго ряда прощальныхъ вечеровъ, товарищескихъ и пріятельскихъ, выѣхалъ я изъ Петербурга 21-го февраля, въ дилижансѣ, и 24-го былъ въ бѣлокаменной. 1839.

Въ числѣ гвардейскихъ офицеровъ, ѣхавшихъ также на Кавказъ, командированъ былъ отъ Л.-Гв. Кирасирскаго Его Величества полка корнетъ Ордаліонъ Николаевичъ Новосильцевъ—сынъ тайн. сов. Николая Петровича Новосильцева, въ домѣ котораго я былъ принятъ весьма радушно, и племянникъ Петра Петровича Новосильцева, жившаго въ Москвѣ и дружнаго со всею моею семьею. По желанію отца и дяди молодого кирасирскаго офицера, я сговорился ѣхать на Кавказъ вмѣстѣ съ нимъ. Хотя онъ соблазнялъ меня своею дорожною коляскою, однакожъ согласился я нехотя, предвидя, что такой спутникъ будетъ для меня болѣе въ тягость, чѣмъ въ облегченіе. И дѣйствительно, неудобства совмѣстнаго нашего путешествія выказались съ самаго начала. Я торопился выѣхать изъ Петербурга, желая провести нѣкоторое время въ Москвѣ съ отцомъ и родственниками; Новосильцевъ медлилъ выѣздомъ; поэтому мы условились съѣхаться съ нимъ въ Москвѣ.

Въ домѣ отцовскомъ все носило еще слѣды недавней тяжкой утраты. Отецъ не могъ свыкнуться съ одиночествомъ своимъ, тосковалъ и старался заглушить свое горе усиленною служебною дѣятельностью. Сестра, лишившись матери на 17-мъ году жизни, чувствовала безпомощное свое положеніе и скучала, не имѣя другихъ развлеченій, кромѣ посѣщенія дома Киселевыхъ. Къ счастью, жившая при сестрѣ дама, M-me Mallet, оказалась весьма симпатичною и съумѣла стать въ отличныя отношенія съ молодою дѣвушкою. Что касается до младшихъ братьевъ Владиміра и Бориса, то они были еще совсѣмъ дѣтьми; воспитаніе ихъ не мало озабочивало отца при скудныхъ его средствахъ жизни.

Въ Москвѣ провелъ я тихо и грустно около 3-хъ недѣль. 8-го марта прибылъ мой спутникъ Новосильцевъ и мы сговорились съ нимъ выѣхать въ дальнѣйшій путь 18-го числа; но и тутъ не удалось намъ выѣхать вмѣстѣ. Онъ опять нашелъ какое-то препятствіе; притомъ ему нужно было заѣхать куда-то въ деревню, такъ что я пустился въ путь одинъ, на перекладной, условившись съѣхаться съ нимъ въ Орлѣ.

Въ то время путешествія по Россіи, даже въ самой неприхотливой формѣ—на перекладной, сопряжены были съ большими затрудненіями, остановками и не обходились безъ непріятностей. Уже въ Серпуховѣ встрѣтилась мнѣ остановка; всѣ почтовыя лошади на станціяхъ забирались проѣзжавшимъ семействомъ гр. Строгонова. Я долженъ былъ нанять «вольныхъ» лошадей до Тулы, куда прибылъ утромъ 19-го числа, въ Вербное воскресеніе. Здѣсь я остановился на два дня у родственниковъ Левшиныхъ. Дмитрій Павловичъ Левшинъ, занимавшій тогда мѣсто управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ въ Тулѣ, былъ женатъ на моей теткѣ княжнѣ Вѣрѣ Яковлевнѣ Грузинской; у нихъ было нѣсколько дочерей, еще малолѣтнихъ [1]). Въ этой семьѣ я провелъ два дня весьма пріятно и успѣлъ осмотрѣть оружейный заводъ, который впрочемъ былъ тогда почти въ бездѣйствіи послѣ недавняго пожара.

Отъ Тулы до Мценска ѣхалъ я на «сдаточныхъ», т. е. опять по вольному найму, но съ передачею въ извѣстныхъ пунктахъ отъ одного извощика другому. На всемъ пути отъ Москвы дорога была санная, но крайне ухабистая. Морозы были довольно чувствительные. 21-го числа, къ обѣду, доѣхалъ я до Орла и остался тамъ ночевать въ гостинницѣ, чтобы дождаться моего спутника Новосильцева. Онъ явился наконецъ въ ночь, съ жалобами на свою пресловутую коляску, которая задерживала его чуть не на каждой станціи, такъ что онъ позавидовалъ моей перекладной. Ради починки коляски, мы должны были оставаться въ Орлѣ почти весь день 22-го числа и выѣхали только вечеромъ, уже вмѣстѣ. Теперь пришлось и мнѣ испытать всѣ удовольствія ѣзды въ подобномъ громоздскомъ экипажѣ, въ такое время года, когда путь поперемѣнно переходитъ отъ снѣжныхъ сугробовъ къ волнообразнымъ ухабамъ, то къ глубокой, липкой грязи или къ обледенѣлымъ зажорамъ. Безпрестанно случались у насъ поломки въ экипажѣ; по ночамъ не разъ онъ опрокидывался;

[1]) Одна изъ нихъ впослѣдствіи вышла замужъ за Мих. Ник. Лонгинова.

измореннныя лошади часто не въ силахъ были сдвинуть его съ мѣста. Такъ 25-го числа, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія, когда мы уже подъѣзжали вечеромъ къ Харькову, съ твердымъ упованіемъ встрѣтить тамъ великій христіанскій праздникъ, вдругъ наша коляска врѣзалась въ зажору и застряла. Никакія усилія ямщика и нашей прислуги не могли сдвинуть колымагу. Мы должны были послать ямщика въ ближайшую деревню за подмогой, а сами стоически ожидали возвращенія его, сидя въ коляскѣ, въ виду большого города, изъ котораго доносился до насъ колокольный звонъ къ пасхальной заутрени. Такъ мы встрѣтили праздникъ. Только подъ утро добрались мы до Харькова на простой крестьянской телѣгѣ; коляска же съ прислугой и вещами дотащилась только къ обѣденному времени, такъ что все утро не могли мы выдти изъ занятаго нами номера гостинницы.

Въ Харьковѣ рѣшились мы провести большую часть святой недѣли, въ ожиданіи исправленія нашего, сильно пострадавшаго экипажа. У меня былъ тамъ одинъ знакомый домъ—Коробьина, родного брата нашего Московскаго друга Порфирія Павловича; у него были двѣ дочери, молоденькія и красивыя. Семья эта приняла насъ очень любезно, и мы проводили у нихъ время пріятно. Чрезъ нихъ же познакомились съ нѣсколькими другими Харьковскими домами; были раза два въ театрѣ; разъ на балѣ въ собраніи; но къ сожалѣнію, дурная погода, холодъ и снѣгъ отбивали охоту въ свободные утренніе часы ходить по городу. Выручалъ насъ отыскавшійся случайно общій нашъ Петербургскій знакомый—молодой Неклюдовъ, который своею веселою болтовнею умѣлъ расшевелить даже скучнаго моего спутника.

1-го апрѣля выѣхали мы изъ Харькова. По мѣрѣ того, какъ подвигались на югъ, становилось теплѣе; все меньше видно было остатковъ зимняго снѣга, а мѣстами на дорогѣ показывалась уже пыль. Меня чрезвычайно занимала перемѣна характера природы. Съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался я въ степныя пространства, разстилавшіяся въ безконечную даль, во многихъ мѣстахъ уже покрытыя травой и цвѣтами; замѣчалъ особенности малороссійскихъ деревень и населенія. Но мѣстами дорога все еще была очень плохая; безпрестанно случались остановки, то за лошадьми, то за поломками экипажа, который не разъ опрокидывался, такъ что мы должны были пересаживаться на перекладную и потомъ на станціи выжидать прибытія нашего рыдвана. Разъ случилось намъ въ цѣлый день про-

ѣхать только 35 верстъ, благодаря поднявшейся бури и мятели. Другой разъ пришлось запречь въ коляску быковъ. Ради всѣхъ этихъ затрудненій, добрались мы до Ростова только 6-го числа, т. е. на седьмыя сутки по выѣздѣ изъ Харькова.

Переночевавъ въ Ростовѣ, на другой день, 7-го числа, доѣхали мы до Аксайской станицы. Здѣсь новое препятствіе—разливъ Дона на широкомъ пространствѣ, верстъ на 11. Переправа совершалась на плоскодонной баржѣ и продолжалась 15 часовъ, притомъ не совсѣмъ безопасно, по причинѣ поднявшагося сильнаго вѣтра и наступившей темноты. Мы вышли на берегъ только въ 11-мъ часу вечера, у Старо-Махинской станицы; вошли въ одну казачью хату, гдѣ насъ угостили отличной стерляжьей ухой, пока послали человѣка за почтовыми лошадьми на станцію, находившуюся верстахъ въ 7 отъ мѣста нашего ночлега. Только утромъ 8-го числа тронулись мы оттуда, а на другой день, 9-го апрѣля, къ 7 часамъ вечера были въ Ставрополѣ.

Такимъ образомъ все путешествіе наше отъ Москвы до Ставрополя продлилось 23 дня!.. Разсказываю всѣ эти подробности путешествія въ томъ соображеніи, что со временемъ трудно будетъ представить себѣ, каковы были средства сообщенія въ Россіи въ первую половину XIX столѣтія.

По приглашенію прежняго товарища моего по гвардейскому генеральному штабу подполковника Россильона, я по пріѣздѣ въ Ставрополь остановился у него и съ удовольствіемъ разстался съ Новосильцевымъ, который помѣстился въ гостинницѣ. У Россильона я засталъ въ сборѣ все общество офицеровъ генеральнаго штаба, что доставило мнѣ случай познакомиться почти со всѣми новыми моими товарищами. На слѣдующій день, 10-го числа, представился я начальству: командующему войсками Кавказской линіи и Черноморіи ген.-лейт. Граббе и начальнику штаба флигель-адъютанту полковнику Траскину. Оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Норденстамъ въ то время былъ въ отсутствіи: онъ выѣхалъ заблаговременно на лѣвый флангъ линіи и въ сѣверный Дагестанъ для приготовительныхъ распоряженій по случаю предстоявшей большой экспедиціи противъ Шамиля, подъ начальствомъ самого ген. Граббе. Съ другой стороны, на Черноморской береговой линіи предположено было дѣйствовать десантнымъ отрядомъ подъ начальствомъ генерала Раевскаго. Ген. Граббе также какъ и полк. Траскинъ приняли меня весьма благосклонно и

КАРТА А[1]).

[1]) Поясненіе къ этой картѣ см. въ приложеніяхъ.

предоставили мнѣ, выборъ отряда, куда желалъ я быть назначеннымъ. Не колеблясь, просилъ я назначенія въ «Чеченскій» отрядъ генерала Граббе, на лѣвомъ флангѣ и въ сѣверномъ Дагестанѣ. Спутникъ же мой Новосильцевъ былъ назначенъ въ отрядъ Раевскаго. Признаюсь, я доволенъ былъ, что мнѣ не придется снова связаться на все время экспедиціи съ моимъ скучнымъ товарищемъ путешествія; онъ же потомъ сѣтовалъ на меня и даже пенялъ мнѣ, особенно когда впослѣдствіи выяснилось, что на долю Чеченскаго отряда выпала главная роль въ военныхъ дѣйствіяхъ этого года.

Къ сожалѣнію моему, Россильонъ долженъ былъ на другой же день по пріѣздѣ моемъ въ Ставрополь уѣхать въ командировку. Также разъѣзжались постепенно и всѣ другіе офицеры генеральнаго штаба, такъ что некому было помочь мнѣ въ приготовленіяхъ къ предстоявшей мнѣ походной жизни. Впрочемъ главную изъ этихъ заботъ—покупку верховыхъ и вьючныхъ лошадей—принялъ на себя Россильонъ, обѣщавъ мнѣ приготовить лошадей въ Моздокѣ, ближе къ сборному пункту Чеченскаго отряда—крѣпости Внезапной. Оставалось добыть въ Ставрополѣ сѣдла, вьюки, бурку и прочія необходимыя принадлежности походныя. Въ этихъ хлопотахъ и прошли большею частью тѣ десять дней, которые я провелъ въ Ставрополѣ. Впрочемъ по утрамъ я занимался прилежно въ штабѣ просмотромъ дѣлъ, чтобы ознакомиться съ приготовительными распоряженіями къ предстоявшей экспедиціи и сколько возможно изучить самый край. Въ короткій срокъ я успѣлъ сдѣлать много выписокъ и замѣтокъ, которыя впослѣдствіи пригодились мнѣ для разныхъ работъ по Кавказу.

Время, проведенное въ Ставрополѣ, пролетѣло незамѣтно и не безъ удовольствія. Изъ товарищей видѣлся я чаще съ капитаномъ генеральнаго штаба Ник. Ив. Вольфомъ, съ гвардейскими офицерами: Борисомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ (Кавалергардскаго полка), гр. Тизенгаузеномъ (Гродненскаго гусарскаго), Хрущовымъ (Конной гвардіи), Вилькеномъ (артиллеріи) и другими. Изъ мѣстнаго общества, весьма немногочисленнаго и скромнаго, познакомился я съ добродушнѣйшей четой — Губернскимъ почтмейстеромъ Киселевскимъ и его женой; съ управляющимъ Ставропольскою Палатою Государственныхъ Имуществъ—Франкомъ; съ г-жею Нотара—интересною вдовою, въ обществѣ которой охотно проводила время вся пріѣзжая молодежь; затѣмъ съ нѣкоторыми изъ «декабристовъ», еще игравшихъ выдающуюся роль въ тогдашнемъ обществѣ: Назимовымъ,

кн. Валеріаномъ Голицынымъ, Кривцовымъ, Толстымъ и другими. Случалось обѣдать за общимъ столомъ въ гостинницѣ Наитаки (единственной въ то время во всемъ городѣ); былъ даже разъ на балѣ въ собраніи. Съ ген. Граббе за все время видѣлся только раза три.

19-го апрѣля откланялся я начальству и вечеромъ выѣхалъ изъ Ставрополя, вмѣстѣ съ барономъ Ипполитомъ Александровичемъ Вревскимъ, штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба. Ѣхали мы на перекладной и въ ночь съ 20-го на 21-е число прибыли въ Пятигорскъ, гдѣ едва добились плохого помѣщенія въ гостинницѣ. Меня весьма интересовалъ Пятигорскъ, съ его минеральными источниками, съ его пятью коническими горами, составляющими какъ бы послѣдніе отпрыски Эльбруса, выброшенные этимъ великаномъ далеко на сѣверъ, въ степь. Здѣсь впервые довелось мнѣ увидѣть образчикъ горной мѣстности. Къ сожалѣнію, въ первый день по пріѣздѣ нашемъ въ Пятигорскъ погода была дождливая, такъ что нельзя было ничего видѣть, даже въ близкомъ разстояніи. Мы должны были въ этотъ день ограничиться только представленіемъ мѣстному коменданту — ген.-м. Симборскому — брату Іеронима Михайловича, подъ ферулою котораго я началъ службу въ гвардейской артиллеріи. Къ слѣдующему дню погода разгулялась; цѣлое утро бродилъ я безъ отдыха, осматривая живописную мѣстность и набрасывая по возможности въ своемъ альбомѣ наиболѣе восхитившіе меня виды. Я не замѣтилъ, какъ прошло время до 2-хъ часовъ пополудни, когда попался мнѣ посланный барономъ Вревскимъ человѣкъ, чтобы напомнить мнѣ о часѣ обѣда. Едва успѣлъ я подкрѣпить свои силы скромною трапезою, сейчасъ же опять побѣжалъ на горы. Съ непривычки глаза къ горной мѣстности, я вздумалъ было взобраться на Машукъ и пустился наобумъ, по кратчайшему направленію, заранѣе восхищаясь видомъ, который откроется мнѣ съ вершины горы. Долго я карабкался, рискуя даже въ иныхъ мѣстахъ свалиться съ кручи; но чѣмъ далѣе подвигался, тѣмъ дальше отъ меня казалась вершина. Время уже приближалось къ закату, и я долженъ былъ съ досадою отказаться отъ своего непосильнаго предпріятія. Спустившись съ неменьшими затрудненіями чѣмъ при подъемѣ, я достигъ бульвара, когда уже совсѣмъ было темно. Только тутъ почувствовалъ я крайнее утомленіе и замѣтилъ изъяны и на своей одеждѣ, и на собственной кожѣ. Несмотря на то, первое мое знакомство съ горною мѣстностью доставило мнѣ большое удовольствіе.

23-го апрѣля, въ воскресенье, утромъ, выѣхали мы съ Вревскимъ

изъ Пятигорска. Вдоль всей дороги тянулась линія казачьихъ постовъ; ибо въ тѣ времена даже въ ближайшихъ окрестностяхъ Пятигорска и Георгіевска случались «происшествія». Шайки «хищниковъ» пробирались незамѣтно черезъ нѣсколько кордонныхъ линій, нападали на проѣзжихъ, на безоружныхъ жителей, убивали или уводили въ плѣнъ, угоняли скотъ или забирали другую добычу. Въ Екатериноградской станицѣ мы переночевали, а 24-го числа, выѣхавъ очень рано, прибыли около 9 часовъ утра въ Моздокъ, гдѣ ожидали меня приготовленныя Россильономъ лошади. Гостепріимный комендантъ, маіоръ гр. Бельфортъ, пригласилъ насъ къ обѣду и сдѣлалъ всѣ распоряженія объ отправкѣ моихъ лошадей въ кр. Внезапную. Для провода ихъ назначенъ былъ казакъ Моздокскаго полка Макаръ Швецовъ, который долженъ былъ оставаться при мнѣ на всю экспедицію.

Послѣ обѣда мы успѣли проѣхать за-свѣтло еще одну станцію и остановились ночевать въ станицѣ Галюгаевской. По ночамъ ѣзда вдоль линіи не допускалась. На всемъ пути отъ Георгіевска, съ правой стороны, виднѣлся снѣговой хребетъ. Блестящее, серебристое очертаніе горъ, казавшееся полосою свѣтлыхъ облаковъ, было для меня картиною совершенно новою и восхитительною. Въ то же время интересовало меня все встрѣчавшееся на пути: казачьи станицы, кордонные посты, нагайскія арбы, сами казаки линейные, необыкновенно ловкіе, развязные, смышленые, красивой наружности, всегда въ щегольскомъ нарядѣ съ оружіемъ, тщательно сберегаемымъ. Меня приводилъ въ недоумѣніе вопросъ: какъ могло поддерживаться то хозяйственное довольство, которое замѣчалось въ каждой казачьей хатѣ? Откуда брались матеріальныя средства, необходимыя для боевого снаряженія казака въ такомъ блестящемъ видѣ? При той тягостной, почти непрерывной службѣ, которая въ то время лежала на линейныхъ казакахъ, особенно же на полкахъ, растянутыхъ узкою лентою по Тереку (Горскомъ, Моздокскомъ, Гребенскомъ и Кизлярскомъ), многое въ экономическомъ существованіи этого населенія представлялось мнѣ загадочнымъ въ первое время знакомства моего съ краемъ.

25-го апрѣля, около 9 часовъ утра, доѣхали мы до станицы Наурской. Здѣсь прекращалась почтовая ѣзда и приходилось далѣе ѣхать на обывательскихъ подводахъ. Пока приготовлялись лошади и телѣга, мы отобѣдали у командира Моздокскаго казачьяго полка маіора Власова, и въ тотъ же день доѣхали до станицы Червленной—штабъ-квартиры Гребенскаго полка, имѣвшей тогда громкую извѣстность; она славилась красотою женскаго пола и легкостью нравовъ.

Командиръ полка, гр. Штенбокъ, принялъ насъ съ обычнымъ кавказскимъ гостепріимствомъ. Мы нашли здѣсь многихъ изъ опередившихъ насъ товарищей, ѣхавшихъ также въ Чеченскій отрядъ. Спутникъ мой, баронъ Вревскій, остался на нѣкоторое время въ Червленной, а я, переночевавъ тамъ, продолжалъ на другой день, 26-го числа, путь верхомъ; имущество же мое съ денщикомъ Поповымъ везлось на арбѣ. До станицы Щедринской ѣхалъ я одинъ; а тамъ съѣхался съ Хрущовымъ и гр. Тизенгаузеномъ, съ которыми и продолжалъ путь, уже съ небольшимъ конвоемъ. Во всѣхъ станицахъ на пути заставали мы проводы отправлявшихся въ походъ казаковъ; все почти населеніе станицы выходило въ поле для прощанія съ отъѣзжавшими.

КАРТА Б. Къ вечеру 26-го числа доѣхали мы до переправы на Терекѣ у Амиръ-Аджи-юрта. Ночевали мы въ небольшой слободкѣ на лѣвомъ берегу рѣки; на противоположной сторонѣ находилось укрѣпленьице, весьма жалкаго вида, возобновленное въ 1825 году, послѣ нападенія горцевъ, которые тогда перерѣзали весь гарнизонъ. 27-го числа, рано утромъ, переправились мы черезъ Терекъ въ большой лодкѣ. Погода была прекрасная; видъ снѣговыхъ горъ, освѣщенныхъ восходящимъ солнцемъ, былъ истинно великолѣпенъ. Отъ переправы нашъ путь пролегалъ по равнинѣ Кумыкской. Конвой нашъ состоялъ всего изъ десяти казаковъ. Къ обществу нашему присоединился новый спутникъ—маіоръ Арбеньевъ, маленькій человѣчекъ, щеголявшій отборными фразами, съ притязаніемъ на остроуміе. Онъ ѣхалъ въ отрядѣ въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера. На половинѣ перехода случайно съѣхались мы съ однимъ знакомымъ мнѣ офицеромъ генеральнаго штаба, капитаномъ Шульцемъ (выпущеннымъ изъ Академіи годомъ послѣ меня); онъ разъѣзжалъ съ группою Кумыковъ для какихъ-то рекогносцировокъ. Обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, мы снова разъѣхались въ разныя стороны.

Къ полудню доѣхали мы до укрѣпленія Ташъ-Кичу, въ 18 верстахъ отъ Амиръ-Аджи-юрта. Комендантъ объявилъ намъ, что ѣхать далѣе въ тотъ день мы не можемъ, а должны ждать до слѣдующаго дня, чтобы ѣхать съ «оказіей», подъ прикрытіемъ пѣхотнаго конвоя. Намъ отвели помѣщеніе въ солдатской слободкѣ или форштадтѣ, въ плохой мазанкѣ съ земляннымъ поломъ. Слободка, также какъ и укрѣпленіе, находилась на лѣвомъ берегу рѣки Аксая, текущей въ высокихъ, крутыхъ берегахъ. На противоположной сторонѣ расположенъ Кумыкскій аулъ—Новый Аксай, и близъ него, отдѣльно, замокъ Кумыкскаго князя Мусса Хасаева. Пообѣдавъ чѣмъ Богъ послалъ,

мы пошли втроемъ, съ Арбеньевымъ и Хрущовымъ, на ту сторону рѣки, чтобы взглянуть на Кумыкскій аулъ, а потомъ посѣтить князя Мусса Хасаева. Замокъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ одноэтажныхъ домиковъ татарскаго типа, расположенныхъ среди обширнаго квадратнаго двора, обнесеннаго высокою стѣною изъ необожженнаго кирпича съ такими же четыреугольными башнями по угламъ. Хозяинъ—благообразный старикъ высокаго роста, съ длинными бѣлыми усами, въ черномъ архалукѣ и бѣлой папахѣ на головѣ — принялъ насъ любезно, но съ азіатскимъ достоинствомъ, сидя на коврѣ и съ длиннымъ чубукомъ въ губахъ. Для насъ, гостей, поставлены были низенькія скамеечки, употребляемыя у азіатцевъ вмѣсто столиковъ. Князь понималъ по-русски; но разговоръ велъ съ нами черезъ переводчика. Онъ угощалъ насъ плохимъ чаемъ и трубками. Мы провели у него часа два, такъ что солнце уже садилось, когда вышли изъ замка Муссы Хасаева. Онъ предложилъ намъ верховыхъ лошадей, съ тѣмъ, чтобы мы могли вернуться въ нашу слободу кратчайшимъ путемъ, переѣхавъ черезъ рѣку въ бродъ, вмѣсто кружного пути чрезъ аулъ и по зыбкому мосту. Возвратились мы на ночлегъ вполнѣ довольные своимъ первымъ знакомствомъ съ одною изъ множества разновидностей Кавказскаго населенія.

На другой день, 28-го числа, двинулись мы изъ Ташъ-Кичу къ кр. Внезапной, вмѣстѣ съ большимъ транспортомъ изъ Кумыкскихъ и Ногайскихъ арбъ, подъ прикрытіемъ роты Куринскаго егерскаго полка и Кумыкской милиціи. Съ тою же «оказіей» ѣхали въ отрядъ многіе Кумыкскіе князья и уздени, щеголевато одѣтые, на прекрасныхъ коняхъ, съ нарядной сбруей. Намъ предстоялъ въ этотъ день переходъ свыше 30 верстъ. Двигались мы ужасно медленно. Вереница повозокъ, съ пѣхотнымъ конвоемъ, распредѣленнымъ спереди, съ боковъ и сзади, растянулась непомѣрно и слѣдовала въ большомъ безпорядкѣ, безъ всякихъ предосторожностей. Казалось, что конвоирующія войска даны были не для охраненія колонны отъ непріятельскаго нападенія, а только для соблюденія установленной формальности. Дорога была однообразна и пустынна; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она шла кустарниками; большею же частью по открытой и ровной мѣстности. Только вдали, съ правой стороны, на горизонтѣ, приковывалъ къ себѣ наше зрѣніе величественный снѣговой хребетъ горъ; а прямо спереди виднѣлся невысокій, лѣсистый гребень Гебекъ-кала, составляющій грань между Кумыкскою равниною и нагорною Салатавіею. Послѣ продолжительнаго привала на половинѣ перехода,

на берегу рѣки Ямансу (гдѣ смѣнились конвоирующія войска), мы переправились въ бродъ чрезъ эту рѣку, а потомъ вторично чрезъ Ярыкъ-су, и засвѣтло добрались наконецъ до цѣли нашего путешествія—крѣпости Внезапной.

Крѣпость эта и рядомъ съ нею главный Кумыкскій аулъ Андреевъ (Эндрэ) расположены на правомъ берегу рѣки Акташа, вблизи отъ выхода ея изъ горной долины. Въ самомъ близкомъ разстояніи, надъ крѣпостью господствуютъ лѣсистыя высоты. Акташъ, какъ всѣ другія рѣки на Кумыкской равнинѣ, вездѣ проходимъ въ бродъ. По пріѣздѣ въ крѣпость, отправились мы прямо къ коменданту, маіору Моравскому (онъ же и командиръ расположеннаго тутъ линейнаго № 11 батальона). Онъ отвелъ намъ помѣщеніе въ одной изъ пустыхъ казармъ, безъ всякой мебели. Не безъ труда достали мы столъ, нѣсколько скамеекъ, сѣна вмѣсто кроватей; денщики промыслили въ слободкѣ кое-какіе припасы и напитали насъ. На другой же день, 29-го числа, отправились мы сами въ аулъ и закупили тамъ всякой всячины. Немедленно образовалась у насъ артель; къ пріѣхавшимъ вмѣстѣ со мною (Арбеньеву, Тизенгаузену, Хрущову) присоединились бывшіе уже тамъ подполковникъ жандармскій Викторовъ, капитанъ Сердаковскій и штабсъ-капитанъ гвардіи Бибиковъ. 30-го уже числа, въ воскресенье, надѣли мы эполеты, шарфы и явились къ ген.-м. Галафѣеву, командиру 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи. На него было возложено непосредственное начальство собиравшимися при кр. Внезапной войсками Чеченскаго отряда. Онъ принялъ насъ любезно и пригласилъ пройтись вмѣстѣ съ нимъ по крѣпости. Въ тотъ же день привели моихъ лошадей изъ Моздока: къ великому моему горю, лучшая изъ нихъ оказалась зараженною сапомъ, и пришлось мнѣ искать другого верхового коня.

1-го мая прибылъ въ Внезапную и самъ ген. Граббе.

НАБѢГЪ ВЪ ИЧКЕРІЮ.

Собравшіяся подъ крѣпостью Внезапной войска Чеченскаго отряда расположились лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ крѣпости, за ауломъ Андреевымъ, на правомъ берегу Акташа и тыломъ къ рѣкѣ. Въ то время въ отрядѣ состояло всего 6 баталіоновъ пѣхоты (2 баталіона Кабардинскаго егерскаго полка и 4 баталіона Куринскаго), рота саперъ, 12 орудій (въ томъ числѣ 4 казачьихъ), 5 сотенъ казаковъ (въ томъ числѣ 3 сотни пѣшихъ) и нѣсколько сотенъ туземной милиціи. Численность этихъ войскъ едва достигала 6.500 чел.; собственно же въ строю было не болѣе 5.800 человѣкъ.

Ко времени пріѣзда генерала Граббе не были еще окончены всѣ приготовленія къ экспедиціи. Еще подвозились запасы продовольственные и боевые. Даже не съѣхались всѣ лица отряднаго штаба; не было на лицо ни одного офицера генеральнаго штаба, кромѣ меня. Генералъ Граббе вынужденъ былъ поручить исправленіе обязанностей начальника штаба командиру Куринскаго егерскаго полка полковнику Пулло, а на меня, пріѣзжаго молодого офицера, возложить временно обязанности оберъ-квартирмейстера. Поэтому я долженъ былъ 2-го мая объѣхать лагерь и окрестности его на большомъ пространствѣ, чтобы выбрать мѣсто для пастьбы отряднаго табуна и указать размѣщеніе передовыхъ постовъ для охраненія какъ табуна, такъ и самого лагеря. Вслѣдствіе произведенной мною рекогносцировки, подъ прикрытіемъ полусотни туземной милиціи, въ тотъ же день выставлены были наблюдательные посты отъ конницы. Мѣры эти оказались очень не лишними: въ предшествовавшую ночь угнано было до 30 отрядныхъ лошадей, можно сказать, на глазахъ отряднаго начальства.

3-го мая ген. Граббе произвелъ смотръ собраннымъ войскамъ впереди лагернаго ихъ расположенія. Конечно, тутъ не было никакого подобія тѣхъ блестящихъ парадовъ, къ которымъ привыкъ нашъ глазъ въ Петербургѣ. Не было ни щеголеватости въ одеждѣ, ни выправки, ни равненія; даже не всегда солдаты попадали въ ногу. Насъ, гвардейскихъ офицеровъ, съ перваго взгляда поражали въ Кавказскихъ войскахъ видимая распущенность, неряшество въ одеждѣ, даже казавшееся отсутствіе дисциплины и точнаго отправленія службы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли мы не подмѣтить во взглядѣ каждаго солдата какой-то отваги и самоувѣренности, чего-то особаго, отличавшаго эти войска отъ всѣхъ другихъ. Видимо, это были войска боевыя, а не парадныя.

Съ 3-го же мая начали съѣзжаться чины отряднаго штаба. Обязанности оберъ-квартирмейстера принялъ баронъ Вревскій, пока былъ старшимъ въ чинѣ, а нѣсколько дней спустя кап. Вольфъ до прибытія полк. Норденстама, который все еще находился въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, чтобы торопить снаряженіе и отправленіе изъ сѣв. Дагестана предназначенныхъ въ составъ Чеченскаго отряда частей войскъ и транспортовъ. Полковникъ Пулло остался начальникомъ штаба. Это былъ хитрый грекъ, опытный въ Кавказской войнѣ, но вовсе незнакомый со штабными дѣлами и не славившійся добродѣтелями Катона. Вообще нельзя признать удачными какъ личный составъ нашего отряднаго штаба, такъ и самую организацію его. Временный оберъ-квартирмейстеръ кап. Вольфъ былъ человѣкъ умный, развитой, письменный, но вовсе не боевой, притомъ желчный и сухой. Изъ троихъ офицеровъ генеральнаго штаба, штабсъ-капитанъ бар. Вревскій, другъ Вольфа, былъ, наоборотъ, вовсе не письменный, но съ воинственными наклонностями и сильно развитымъ честолюбіемъ; штабсъ-капитанъ Эдельгеймъ—честный, работящій финляндецъ, добросовѣстно исполнявшій свои обязанности, и наконецъ штабсъ-капитанъ Шульцъ—замѣчательный оригиналъ, истый нѣмецкій буршъ, безгранично воинственный, рвавшійся на самые опасные подвиги. Таковъ былъ составъ «квартирмейстерской» части отряднаго штаба. Другая часть, извѣстная подъ названіемъ «Дежурства», имѣла какую-то странную организацію; она была раздѣлена между нѣсколькими лицами: должность «Походнаго дежурнаго штабъ-офицера» исполнялъ сперва маіоръ Арбеньевъ, о которомъ было уже упоминаемо, а потомъ жандармскій подполковникъ Викторовъ; «Дежурствомъ» же управлялъ штабсъ-капитанъ (считавшійся по гвардіи) Бибиковъ—

человѣкъ дѣльный, письменный. Кромѣ того въ составъ штаба входили: капитанъ Сердаковскій въ званіи казначея, инженеръ-подполковникъ Энбрехтъ, завѣдывавшій инженерною частью, отрядный вагенмейстеръ капитанъ Домбровскій и старшій докторъ Земскій; затѣмъ не малое число адъютантовъ, постоянныхъ ординарцевъ и т. д. Изъ гвардейскихъ офицеровъ собственно при командующемъ отрядомъ, въ качествѣ постоянныхъ ординарцевъ, состояли поручикъ Перовскій (кавалергардъ), подпоручикъ Булгаковъ (Финляндскаго полка) и корнетъ гр. Тизенгаузенъ (Гродненскій гусаръ); прочіе были прикомандированы къ разнымъ частямъ войскъ: Преображенскаго полка — Потуловъ, Семеновскаго — Рылѣевъ, Егерскаго — Ридигеръ, Лейбъ Гренадерскаго—Муратовъ, сапернаго баталіона—гр. Нирод, Конной Гвардіи—Хрущовъ, Кирасирскаго Его Высочества—Мартыновъ, Конно-Гренадерскаго—Масловъ, Лейбъ-Уланскаго—Солодовниковъ, Лейбъ-Гусарскаго — Никитинъ, Драгунскаго — Стромбергъ, Уланскаго Его Высочества—Вороновъ, гвардейской артиллеріи—Жуковскій, Вилькенъ и Зыбинъ.

Командовали частями въ отрядѣ: баталіонами Кабардинскаго егерскаго полка—полковникъ Лабинцевъ, командиръ этого полка; Куринскими—подполковникъ Виттортъ; саперною ротою—капитанъ Вильде; казаками—маіоръ Власовъ, командиръ Моздокскаго казачьяго полка; артиллеріей—полковникъ Ярошевскій. Генералъ-маіоръ Галафѣевъ остался непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ пѣхотныхъ частей отряда.

Отрядъ оставался въ сборѣ подъ Внезапной, въ ожиданіи окончанія подвоза запасовъ и пріѣзда Корпуснаго Командира, генерала-отъ-инфантеріи Головина, который пожелалъ посѣтить Чеченскій отрядъ прежде, чѣмъ принять лично начальство надъ «Дагестанскимъ» отрядомъ, назначеннымъ для дѣйствій въ южномъ Дагестанѣ, именно въ верховьяхъ Самура. Ген. Головинъ прибылъ 8 го мая; для встрѣчи его ген. Граббе со всѣмъ своимъ штабомъ и свитой выѣхалъ верхомъ за ворота крѣпости. На другой день, 9 го числа, представлялись ему всѣ лица Штаба Чеченскаго отряда; потомъ происходили въ лагерѣ напутственное молебствіе и смотръ войскамъ, а послѣ обѣдъ у ген. Граббе. Корпусный командиръ уѣхалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Въ ту же ночь, съ 9-го на 10-е мая, назначено было выступленіе отряда.

Главною цѣлью дѣйствій Чеченскаго отряда было нанести пораженіе Шамилю въ главномъ его убѣжищѣ Ахульго. Эта укрѣпленная

скала, на правомъ берегу Андійскаго Койсу, близъ сліянія его съ Аварскимъ Койсу, считалась въ понятіи горцевъ совершенно неприступною. Достигнуть этого пункта можно было двумя путями: или съ сѣвера, отъ крѣпости Внезапной, чрезъ всю Салатавію и Гумбетъ, или съ востока, отъ Темиръ-Ханъ-Шуры, обычнымъ путемъ сообщенія съ Хунзахомъ. Второй этотъ путь охранялся укрѣпленіями: Бурундукъ-кале (при спускѣ съ возвышенной плоскости Тарковскихъ или Шамхальскихъ владѣній въ ущелье Аварскаго Койсу), Зыраны (на переправѣ чрезъ эту рѣку) и Цатаныхъ (при выходѣ дороги на возвышенную плоскость Аварскую). Отъ послѣдняго этого пункта отдѣляется дорога къ сѣверу, на Бетлетскую гору, съ которой спускаются нѣсколько тропинокъ въ котловину Койсубу, гдѣ утвердился въ то время Шамиль. Эта дорога была кратчайшимъ путемъ, по которому отрядъ не встрѣтилъ бы значительнаго противодѣйствія до самаго Ахульго, тогда какъ на первомъ пути, гораздо болѣе длинномъ, надобно было непремѣнно ожидать сопротивленія непокорныхъ племенъ на многихъ пунктахъ трудной мѣстности и сверхъ того предстояла переправа чрезъ Андійское Койсу. Не смотря на все это, въ Высочайше утвержденномъ общемъ планѣ дѣйствій дано было предпочтеніе наступательному движенію съ сѣверной стороны. Чеченскій отрядъ, составленный преимущественно изъ войскъ лѣваго фланга Кавказской линіи, наступая отъ кр. Внезапной, чрезъ Салатавію и Гумбетъ, не оставлялъ безъ прикрытія самую линію и Затеречное мирное населеніе. Рѣшительное пораженіе, нанесенное непріятелю на этомъ пути, достаьляло ту выгоду, что Шамиль, замкнувшись въ своемъ гнѣздѣ, не могъ уже расчитывать на подмогу горскихъ племенъ лѣвой стороны Андійскаго Койсу.

Въ помощь Чеченскому отряду назначались нѣкоторыя войска сѣвернаго Дагестана, именно Апшеронскій пѣхотный полкъ съ 6 орудіями. Часть этихъ войскъ должна была присоединиться къ отряду при движеніи его чрезъ Салатавію (чрезъ Міатлинскую переправу на Сулакѣ), а другая—назначалась для конвоированія транспортовъ, которые предполагалось отправлять изъ Темиръ-Ханъ-Шуры чрезъ Зыганы, для снабженія Чеченскаго отряда въ тотъ періодъ кампаніи, когда этотъ отрядъ подступитъ къ Ахульго и откроетъ сообщеніе съ сѣвернымъ Дагестаномъ чрезъ Цатаныхъ.

КАРТА В. Но прежде вторженія въ глубину горъ, Чеченскому отряду необходимо было обезпечить линію отъ угрожавшей ей опасности со стороны враждебныхъ скопищъ, собиравшихся въ сосѣднихъ съ

Кумыкскою равниною «Черныхъ» горахъ Чечни, подъ предводительствомъ Шамилева Наиба Ташавъ-Хаджи; а для этого предстояло прежде всего нанести ударъ этому вожаку въ устроенныхъ имъ убѣжищахъ, среди лѣсовъ Ауха и Ичкеріи. Въ особенности же признавалось нужнымъ уничтожить возведенное имъ передовое укрѣпленіе, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Кумыкскою равниною, всего въ 30 верстахъ отъ кр. Внезапной, среди глухого лѣса, на урочищѣ Ахметъ-Тала.

Предположено было произвести на это укрѣпленіе внезапное нападеніе, посредствомъ ночного движенія. Всѣ распоряженія къ выступленію отряда въ ночь съ 9-го на 10-е мая дѣлались въ глубокой тайнѣ. Предъ самымъ выступленіемъ отданъ былъ по войскамъ приказъ, написанный самимъ генераломъ Граббе, который щеголялъ своимъ перомъ и всегда самъ редактировалъ подобные приказы войскамъ или прокламаціи къ населенію. Ночное движеніе должно было совершиться налегкѣ, съ уменьшеннымъ до крайности обозомъ. Главная колонна была направлена вдоль подошвъ горъ до самой рѣки Аксая и далѣе вверхъ по долинѣ ея до аула Мискитъ, близъ котораго и находилось означенное укрѣпленіе Ташавъ-Хаджи; передовой же отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Кабардинскаго егерскаго полка, при двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полк. Лабынцева, долженъ былъ слѣдовать кратчайшею тропинкою, по указанію одного туземца, такъ, чтобы къ разсвѣту появиться предъ непріятельскимъ укрѣпленіемъ съ той стороны, откуда нельзя было ожидать нападенія. Къ этой колоннѣ надобно было назначить одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба; на это назначеніе напрашивались баронъ Вревскій и я, такъ что пришлось кинуть жребій. Судьба рѣшила въ пользу Вревскаго.

Лишь только смерклось, войска начали переходить чрезъ рѣку Акташъ и двинулись далѣе въ глубокой тишинѣ. Движеніе это, при свѣтѣ мѣсяца, было необыкновенно эффектно; особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога пролегала лѣсомъ, пропитаннымъ въ ночную пору чудеснымъ ароматомъ. Перейдя въ бродъ рѣки Ярыкъ-су и Яманъ-су и дойдя до развалинъ стараго Аксая, отрядъ остановился тутъ на привалъ; а предъ разсвѣтомъ вступилъ въ самую долину рѣки Аксая. Въ головѣ колонны, при проводникахъ изъ туземцевъ и нѣсколькихъ десяткахъ конныхъ милиціонеровъ, ѣхали мы молча, Шульцъ и я. Лишь только начало свѣтать, слѣва послышались пушечные выстрѣлы. Они возбудили въ насъ обоихъ крайнее негерпѣніе; намъ хотѣлось скорѣе попасть въ дѣло. Прибавивъ шагу, мы

опередили проводниковъ; когда же увидѣли надъ лѣсомъ взвивавшіеся клубы дыма—признакъ, что непріятельское укрѣпленіе уже взято передовымъ отрядомъ, мы оба такъ увлеклись, что поскакали впередъ одни, рискуя быть подстрѣленными изъ лѣсной чащи. Въ ту минуту не приходило намъ въ голову, что, покидая самовольно колонну, мы позволяли себѣ поступокъ противный порядку службы: съ моей стороны это было необдуманное увлеченіе неопытной молодости; но Шульцъ—офицеръ зрѣлыхъ лѣтъ, уже не первый разъ попадавшій въ огонь, не имѣлъ такого оправданія. Впослѣдствіи онъ самъ признавался, что не хотѣлось ему пустить меня впередъ одного.

Итакъ мы оба, какъ обезумѣвшіе, направляясь прямо на выстрѣлы, прискакали на поляну, среди которой дымились остатки разрушеннаго и зажженнаго укрѣпленія непріятельскаго, а по сторонамъ его, за пнями срубленныхъ деревьевъ, лежали кучки нашихъ егерей и перестрѣливались съ горцами, скрывавшимися въ опушкѣ окружавшаго лѣса. По срединѣ позиціи нашего отряда, на холмѣ, стояли два горныя орудія, осыпавшія опушку лѣса картечью. Мы съ Шульцемъ понеслись прямо на этотъ холмъ, и несмотря на предостереженія артиллерійскаго офицера, прапорщика Баумгартена, кричавшаго намъ, чтобы мы не показывались верхомъ на батареѣ, мы всетаки остановились между обоими орудіями, на которыя и безъ того уже былъ направленъ частый огонь горцевъ. Артиллеристы прикрывались по возможности толстыми пнями, торчавшими на самой вершинѣ холма. Съ появленіемъ же на этомъ холмѣ двухъ всадниковъ посыпался цѣлый градъ пуль, и одною изъ первыхъ я былъ раненъ въ правую руку выше локтя на вылетъ. Въ первую минуту я едва почувствовалъ какъ бы легкій ожогъ и не обратилъ вниманія на свою рану, тѣмъ болѣе, что на мнѣ была бурка. Но по настоянію прапорщика Баумгартена, мы съѣхали съ холма и тогда только кто-то посовѣтовалъ мнѣ сойти съ лошади и сдѣлать немедленно перевязку раны. Перевязка эта была сдѣлана бывшимъ при отрядѣ врачемъ, въ палаткѣ маіора Власова, разбитой подъ выстрѣлами непріятельскими. Пришлось разрѣзать рукавъ сюртука и подвѣсить руку платкомъ. Когда все это было кончено, я сѣлъ опять верхомъ и отъѣхалъ къ главной колоннѣ, уже расположившейся на привалъ верстахъ въ двухъ отъ мѣста боя, за лѣсомъ. Увидавъ меня, генералъ Граббе слегка пожурилъ, а потомъ напоилъ чаемъ, и я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Между тѣмъ перестрѣлка въ передовомъ отрядѣ все усиливалась. Застигнутый совершенно врасплохъ и принужденный покинуть свое убѣжище почти безъ сопротивленія, Ташавъ-Хаджи, съ небольшимъ числомъ находившихся съ нимъ мюридовъ, укрылся въ лѣсу завалами; но съ первымъ выстрѣломъ на Ахметъ-Тала—начали сбѣгаться горцы изъ окрестностей и постепенно число ихъ въ лѣсу усиливалось. Они дрались съ такимъ ожесточеніемъ, что въ одиночку или малыми кучками выбѣгали изъ лѣсу и отчаянно бросались въ шашки на нашихъ егерей. Съ своей стороны и егеря дрались молодцами въ рукопашную. Чтобъ избѣгнуть большой потери при атакѣ лѣса, ген. Граббе направилъ конницу вправо, угрожая пути отступленія непріятельскаго скопища, и вмѣстѣ съ тѣмъ подкрѣпилъ передовой отрядъ. Обходное движеніе конницы произвело желанное дѣйствіе. Около 5 часовъ по полудни главныя силы двинулись впередъ и безъ затрудненія прошли чрезъ густой лѣсъ по тропинкѣ, заваленной во многихъ мѣстахъ срубленными громадными деревьями. Шедшіе впереди саперы расчищали путь. Рана моя не мѣшала мнѣ ѣхать верхомъ въ свитѣ генерала и восхищаться великолѣпнымъ лѣсомъ, чрезъ который мы слѣдовали. Уже смеркалось, когда мы выѣхали на открытую поляну и спустились въ долину р. Яманъ-су, гдѣ отрядъ расположился для ночлега. Находившійся по близости аулъ Балансу найденъ покинутымъ жителями и преданъ огню. На высотахъ, окружавшихъ лагерь, выставлены были передовые наблюдательные посты. Въ живописной этой мѣстности, освѣщенной пожаромъ аула, обычная церемонія вечерней зари, при звукахъ егерскаго хора музыки, производила чудное впечатлѣніе.

Такъ прошелъ первый день экспедиціи. Для меня лично этотъ первый шагъ на боевомъ поприщѣ не обошелся даромъ; но я почти радовался своей ранѣ, которая не препятствовала мнѣ оставаться въ отрядѣ и продолжать участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Ночь съ 10-го на 11-е мая прошла спокойно; я провелъ ее подъ деревомъ, закутавшись въ бурку. Все утро слѣдующаго дня отрядъ оставался на мѣстѣ ночлега. Ген. Граббе былъ такъ внимателенъ ко мнѣ, что освѣдомлялся о моемъ здоровьѣ и прислалъ мнѣ супу со своего стола.

Около 2-хъ часовъ по полудни отрядъ двинулся вверхъ по долинѣ Яманъ-су. Дорога пролегала то по скату горъ черезъ лѣса, мѣстами между воздѣланными полями, то круто спускалась въ самую долину. Хотя артиллерія и повозки проходили безпрепятственно,

однако-жъ движеніе замедлялось крутыми спусками и подъемами; колонна растягивалась; приходилось часто останавливать голову ея, чтобы дать подтянуться хвосту. Въ иныхъ частяхъ пути колонна съ обозомъ двигалась по каменистому руслу рѣки, между двумя высокими, почти отвѣсными, какъ стѣны, берегами, съ которыхъ мѣстами спадали въ видѣ водопадовъ свѣтлыя струи воды. Движеніе головной колонны прикрывали боковыя цѣпи, пробиравшіяся справа и слѣва по гребнямъ нагорныхъ береговъ. Всѣ аулы, лежавшіе по сторонамъ дороги (Наке-Юртъ, Цезынъ-Ирзау, Доба-Юртъ), найдены были покинутыми жителями и преданы огню. Горцы не препятствовали нашему движенію; только лѣвая боковая колонна, уже при выходѣ на поляну, въ виду деревни Рагонкажъ, встрѣтила небольшую группу горцевъ, засѣвшихъ въ балкѣ, повидимому для прикрытія бѣжавшихъ въ лѣсъ семействъ. Егеря Кабардинскаго полка, не теряя времени на перестрѣлку, выбили непріятеля штыками, и весь отрядъ расположился на ночлегъ близъ аула Рагонкажъ, который, также какъ и другіе, былъ сожженъ.

Въ этотъ вечеръ мнѣ поручено было, распросомъ проводниковъ изъ туземцевъ, собрать свѣдѣнія объ окрестной странѣ и дорогахъ. Топографъ Алексѣевъ, опытный въ своемъ дѣлѣ, снималъ глазомѣрно карту пройденной мѣстности, иногда подъ непріятельскими выстрѣлами. Утромъ 12-го числа явилось въ отрядъ нѣсколько горцевъ, выдававшихъ себя за депутацію отъ Ичкеринцевъ и увѣрявшихъ, что они прогнали отъ себя Ташава-Хаджи, виновника постигшаго ихъ бѣдствія. Ген. Граббе готовъ былъ повѣрить этимъ сказкамъ; однако-жъ зная, что верстахъ въ 10 отъ нашего ночлега, въ долинѣ Аксая, находилось главное пристанище Ташава-Хаджи, укрѣпленный аулъ Саясань, рѣшился выдвинуть туда небольшой отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Кабардинскаго полка, двухъ ротъ Куринскаго, двухъ горныхъ орудій и милиціи, подъ начальствомъ полк. Лабынцева. Главныя же силы остались на мѣстѣ ночлега.

12-го мая Лабынцевъ выступилъ съ разсвѣтомъ, безпрепятственно прошелъ узкою дорогою черезъ лѣсъ и только при выходѣ изъ него, на спускѣ къ самому аулу, былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Однако-жъ горцы не держались въ самомъ селеніи, а засѣли въ укрѣпленіи, построенномъ къ югу отъ него, за глубокою балкою. Подступы къ этому укрѣпленію были преграждены завалами, засѣками, нѣсколькими рядами рвовъ. Полковникъ Лабынцевъ, не теряя времени, повелъ свои войска на приступъ нѣсколькими колоннами

и выбилъ горцевъ изъ всѣхъ заваловъ. Угрожаемые обходными колоннами, они покинули укрѣпленіе и спасались бѣгствомъ; многіе были переколоты штыками. Укрѣпленіе было раззорено, а селеніе предано огню.

Однако-жъ съ окружавшихъ высотъ горцы продолжали перестрѣлку, а подъ вечеръ, когда Лабынцевъ началъ отводить войска съ позиціи, для возвращенія къ главнымъ силамъ, непріятель смѣло бросился на его аріергардъ и настойчиво преслѣдовалъ до самаго выхода колонны изъ лѣса на поляну, гдѣ расположенъ былъ отрядъ.

Въ Кавказской войнѣ отступленіе войскъ всегда было самымъ труднымъ и опаснымъ дѣломъ, даже послѣ рѣшительнаго успѣха. Поэтому надобно было ожидать, что и всему нашему отряду не избѣгнуть напора горцевъ на обратномъ пути изъ горъ. Чтобы по возможности облегчить отступленіе, ген. Граббе вознамѣрился начать обратное движеніе въ ночное время, незамѣтно для непріятеля. Въ этихъ видахъ отрядъ оставался на мѣстѣ весь день 13-го мая. Только небольшая колонна была выслана для раззоренія лежавшаго вблизи селенія Белитли. Получены были отъ туземцевъ свѣдѣнія, что Ташавъ-Хаджи, послѣ понесенныхъ пораженій, ушелъ въ Беной, въ самую глубь Ичкеріи.

Пользуясь цѣлымъ днемъ стоянки, я просилъ нашего старшаго врача Земскаго сдѣлать мнѣ настоящую перевязку раны, первую послѣ сдѣланной мнѣ на-скоро, на самомъ полѣ сраженія. Въ это время рана начинала меня безпокоить болѣе, чѣмъ въ первые два дня; по временамъ я чувствовалъ лихорадочное состояніе. Докторъ Земскій нашелъ, что пуля должна была слегка коснуться кости; приходилось извлекать осколки ея и обрывки одежды.

Съ наступленіемъ ночи началось отступательное движеніе отряда. Части войскъ и обозы снимались постепенно съ позицій своихъ въ совершенной тишинѣ и вытягивались по тому же пути, по которому за два дня предъ тѣмъ двигались мы впередъ. Съ обоихъ фланговъ движеніе прикрывалось боковыми колоннами; каждая состояла изъ двухъ баталіоновъ при двухъ горныхъ орудіяхъ: лѣвая (т. е. западная) отъ Куринскаго полка, подъ начальствомъ полк. Пулло; правая— отъ Кабардинскаго, подъ начальствомъ полк. Лабынцева. Въ аріергардѣ слѣдовалъ баталіонъ Куринскаго полка, съ двумя орудіями казачьей артиллеріи. Я находился при этомъ аріергардѣ.

Горцы замѣтили наше движеніе только утромъ, когда солнце было уже довольно высоко и когда колонны тянулись въ порядкѣ какъ

по руслу Яманъ-су, такъ и по его обѣимъ нагорнымъ сторонамъ. Тогда устремились они отчаянно на аріергардъ и на боковыя прикрытія, стараясь прорвать цѣпи и проникнуть въ средину главной колонны, медленно двигавшейся съ обозомъ по руслу рѣки. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ кипѣлъ ожесточенный бой. Аріергарду приходилось много разъ останавливаться, чтобъ отражать натиски непріятеля, который бросался въ шашки даже на орудія, подъ картечнымъ огнемъ. Въ особенности тяжела была продолжительная остановка при подъемѣ на правый нагорный берегъ у сожженнаго селенія Баланъ-су, откуда отрядъ повернулъ вправо, по кратчайшему пути къ Внезапной. Лѣвая боковая колонна полк. Пулло также выдержала горячее нападеніе горцевъ: было мгновеніе, когда они чуть не захватили горныхъ орудій Баумгартена; но были отброшены картечнымъ выстрѣломъ въ упоръ. Настойчивое преслѣдованіе непріятеля прекратилось тогда только, когда весь отрядъ окончательно вытянулся на правый берегъ Яманъ-су и вышелъ изъ лѣсистой полосы. Въ этотъ день мы понесли значительную потерю. Въ числѣ раненыхъ офицеровъ былъ товарищъ мой Шульцъ, получившій рану въ ногу. Штабсъ-капитанъ Бибиковъ наткнулся на штыкъ солдата во время столпленія обоза въ тѣснинѣ.

Когда бой уже прекратился, во время привала на открытой полянѣ, въ той мѣстности, которая считалась уже «мирною», ген. Граббе со всѣмъ своимъ штабомъ и свитою расположился подъ тѣнистымъ деревомъ для отдыха. Вдругъ въ ближайшей группѣ деревьевъ раздались выстрѣлы; нѣсколько пуль просвистали надъ нашими головами и убита одна изъ нашихъ лошадей. Генералъ не тронулся съ мѣста; но сейчасъ же милиціонеры наши бросились въ сторону выстрѣловъ и захватили пятерыхъ Ауховцевъ съ оружіемъ въ рукахъ. Фанатики эти дорого поплатились за свое безразсудство: на другой день рано утромъ, на мѣстѣ ночлега отряда, на берегу р. Ярыкъ-су, близъ селенія Ярыксу-Аухъ, они подверглись жестокому истязанію прогнаніемъ сквозь строй. Солдаты выместили на этихъ несчастныхъ свою злобу; изъ пятерыхъ остался живъ только одинъ.

Въ тотъ же день, 15-го мая, отрядъ возвратился въ кр. Внезапную. Шестидневное движеніе его въ Ичкерію стоило намъ 30 убитыхъ и 144 раненыхъ, въ томъ числѣ 14 офицеровъ. Во все время погода была чудесная, иногда слишкомъ жаркая; пройденная нами мѣстность чрезвычайно красивая; но время года вовсе не благопріятное для нашихъ дѣйствій въ лѣсистой мѣстности. Для меня,

новичка въ дѣлѣ военномъ, этотъ кратковременный прологъ къ предстоящей серьезной кампаніи былъ чрезвычайно интересенъ и назидателенъ. Съ первыхъ же дней похода мнѣ уже бросились въ глаза многія слабыя стороны нашего образа дѣйствій противъ горцевъ въ тактическомъ отношеніи. Болѣе всего поразили меня тѣ невыгодныя условія, въ которыхъ нашимъ Кавказскимъ войскамъ приходилось вести борьбу. Тутъ не выказывалось то превосходство, котораго слѣдовало бы ожидать отъ Европейскаго регулярнаго войска надъ неустроенными толпами вооруженнаго населенія; напротивъ того, превосходство было на сторонѣ непріятеля, не только вслѣдствіе удобной для обороны мѣстности, но и по инстинктивному умѣнію горцевъ пользоваться ею, а въ особенности по мѣткости ихъ ружейнаго огня. Мысль эта еще болѣе во мнѣ утвердилась и развилась по мѣрѣ дальнѣйшаго участія моего въ военныхъ дѣйствіяхъ. Впослѣдствіи я рѣшился даже изложить ее письменно и представить начальству мои замѣчанія о разныхъ недостаткахъ тогдашняго нашего военнаго устройства и образа дѣйствій на Кавказѣ.

Кратковременный набѣгъ нашъ на Ичкерію казался мнѣ предпріятіемъ недоконченнымъ. Хотя Ташавъ-Хаджи и былъ выгнанъ изъ двухъ его передовыхъ притоновъ, но чрезъ это онъ былъ только оттѣсненъ въ болѣе обезпеченное гнѣздо, откуда могъ также, какъ и прежде, угрожать нашей линіи и затеречному мирному населенію. Сожженіе нѣсколькихъ селеній Ауховскихъ и Ичкеринскихъ только озлобило еще болѣе ближайшихъ горцевъ, а самый конецъ нашего набѣга всетаки имѣлъ такой видъ, какъ будто они выгнали непрошенныхъ гостей. Говорю это отнюдь не въ осужденіе распоряженій ген. Граббе; онъ и не могъ поступить иначе, какъ возвратиться въ опредѣленный срокъ къ сборному пункту отряда, чтобы не пропустить времени для предназначеннаго ему движенія въ нагорный Дагестанъ противъ главнаго нашего врага—Шамиля.

Въ кр. Внезапной пробыли мы пять дней, въ теченіи которыхъ заканчивались приготовленія къ новому походу. Въ это время рана причиняла мнѣ довольно сильныя боли и лихорадочные пароксизмы. Однако-жъ я всетаки не хотѣлъ оставаться въ крѣпости и рѣшился во что бы ни стало участвовать въ предстоявшемъ походѣ. Менѣе были счастливы другіе раненые товарищи мои Шульцъ, Бибиковъ, Мезенцевъ (который во время движенія въ Ичкерію командовалъ конною милиціею). Они присоединились къ отряду только впослѣдствіи.

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ КЪ АХУЛЬГО.

21-го мая, въ воскресенье, въ дождливый день, отрядъ выступилъ изъ лагеря подъ крѣпостью Внезапной и, пройдя безпрепятственно по узкой дорогѣ чрезъ лѣсистый хребетъ Гебекъ-Кала, вступилъ въ Салатавію. Первый ночлегъ былъ между деревнями Инчхе и Костала. Обозы были направлены кружною дорогою къ Міатлинской переправѣ (на Сулакѣ), откуда должны были слѣдовать на присоединеніе къ Чеченскому отряду два баталіона Апшеронскаго пѣхотнаго полка. 22-го числа нашъ отрядъ простоялъ на мѣстѣ въ ожиданіи этой колонны, которая прибыла къ вечеру и вступила въ лагерь съ пѣснями и музыкой. Съ присоединеніемъ ея, нашъ отрядъ состоялъ уже изъ 8 баталіоновъ, съ ротою саперъ и 17 орудіями; численный составъ возросъ до 7800 человѣкъ.

Во время стоянки нашей подъ Инчхе, по ночамъ, горцы тревожили отрядъ выстрѣлами съ окружавшихъ лѣсистыхъ высотъ. 23-го мая отрядъ, съ огромнымъ обозомъ, двинулся по отлогому, но длинному подъему на Хубарскія высоты и, пройдя верстъ 5, расположился за селеніемъ Хубаръ. Здѣсь мѣстность приняла другой характеръ: лѣсистыя горы смѣнились голыми, каменистыми плоскими возвышенностями, прорѣзанными глубокими балками. Непріятель не показывался; жители Хубара, ободренные прокламаціей ген. Граббе, возвращались въ свои дома. Въ разныхъ мѣстахъ селенія разставлены были караулы для охраненія жителей и имуществъ ихъ. Въ этотъ день погода прояснилась, и вмѣстѣ съ тѣмъ повеселѣли всѣ лица въ отрядѣ. Но мы находились на мѣстности, значительно возвышенной и со всѣхъ сторонъ открытой, а потому температура замѣтно понизилась: поднялся вѣтеръ, и когда разбили палатки—мы съ удовольствіемъ вошли въ нихъ, чтобы согрѣться стаканомъ чая. Вечеромъ пригласилъ меня къ ужину полк. Лабынцевъ, съ Перов-

скимъ и Минквицемъ. Тутъ познакомились мы съ декабристомъ Назимовымъ, который былъ еще въ солдатскомъ званіи.

Въ отрядъ прибыла депутація отъ главнаго Салатавскаго селенія Чиркея, находившагося влѣво отъ нашего пути, на лѣвомъ берегу Сулака. Во главѣ ея былъ извѣстный старшина Джемалъ, человѣкъ уже пожилой, съ окрашенною по мѣстному обычаю въ рыжій цвѣтъ и подстриженною бородою, въ лезгинскомъ одѣяніи. Чиркеевцы, чтобы избѣгнуть посѣщенія ихъ нашимъ отрядомъ, увѣряли въ своей преданности Русскому правительству и отрекались отъ всякихъ сношеній съ Шамилемъ. Увѣренія эти были только обычнымъ лукавствомъ; Чиркеевцы постоянно дѣйствовали двулично.

24-го мая отрядъ двинулся далѣе на Гертме, все поднимаясь по длинному склону Дюзъ-Тау, ведущему на гору Соукъ-Булакъ, отдѣляющую Салатавію отъ Гумбета. Мы слѣдовали въ такомъ густомъ туманѣ, что ничего не видно было въ десяти шагахъ. Я ѣхалъ впереди авангарда съ проводниками; позади меня казаки весело распѣвали свои молодецкія пѣсни; въ подражаніе имъ и милиціонеры затянули какіе-то заунывные напѣвы. Когда ближайшая мѣстность начала нѣсколько очищаться отъ густого тумана, вдругъ увидѣли мы предъ собой непріятельскій пикетъ. Вглядываясь пристальнѣе, замѣтили вправо отъ нашего пути цѣлыя кучки горцевъ, отходившихъ въ глубокую лѣсистую балку Теренгульскую, за которою на открытой возвышенной плоскости видны были толпы пѣшихъ и конныхъ, со множествомъ значковъ. Такимъ образомъ оправдались ходившіе уже слухи о томъ, что въ Бартунаѣ, одномъ изъ главныхъ селеній Салатавскихъ, собиралось многочисленное скопище. Я поспѣшилъ доложить объ этомъ лично генералу Граббе и немедленно же были сдѣланы распоряженія къ атакѣ непріятеля. Выдвинута была артиллерія, которая открыла огонь по кучкамъ горцевъ, стоявшихъ на возвышеніи за балкою. Намъ было ясно видно какой переполохъ произвели въ нихъ первые удачно направленные выстрѣлы орудій. Пѣхота наша также начала обстрѣливать крутые и лѣсистые скаты балки, въ которой засѣли горцы. Перестрѣлка продолжалась недолго; колонны смѣло двинулись въ штыки по спускамъ въ балку. Горцы не выдержали и спѣшно стали отходить. Егеря преслѣдовали ихъ по крутымъ тропинкамъ, и чрезъ какой-нибудь получасъ мы уже увидѣли солдатскія бѣлыя шапки на противоположномъ краю балки. Остальныя войска также начали перебираться на ту сторону Теренгусса; на прежнемъ пути оставленъ былъ только обозъ съ необхо-

димымъ прикрытіемъ. Спускъ въ балку и подъемъ оказались такъ крутыми, что мы должны были сойти съ лошадей и съ трудомъ взбирались пѣшкомъ.

Не дожидаясь сбора всѣхъ войскъ, ген. Граббе двинулъ впередъ, вслѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ, передовые три баталіона съ двумя горными орудіями и казаками. Но горцы уходили такъ поспѣшно, что не было возможности настигнуть ихъ. Они не успѣли даже увезти тѣла убитыхъ и разсѣялись по окрестнымъ балкамъ, не думая уже объ оборонѣ Бартуная. Селеніе это найдено пустымъ и занято передовымъ отрядомъ. Остальныя войска постепенно подходили и располагались вокругъ аула. Въ это время пошелъ страшный ливень; ген. Граббе пожелалъ помѣститься въ селеніи; для штаба и свиты также занято было нѣсколько домовъ.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла всего изъ 4 убитыхъ и 39 раненыхъ; непріятель же долженъ былъ понести значительный уронъ, преимущественно отъ нашей картечи. Въ продолженіи боя прибылъ отъ Міатлинской переправы еще одинъ баталіонъ Апшеронскаго полка, такъ что пѣхота наша усилилась уже до 9 баталіоновъ, а численность всего отряда достигла 8 тысячъ человѣкъ въ строю. Съ означеннымъ баталіономъ прибылъ ген.-м. Пантелѣевъ, начальствовавшій войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ, и флигель-адъютантъ полковникъ Катенинъ, присланный на Кавказъ по Высочайшему повелѣнію для инспектированія войскъ. Онъ принадлежалъ къ числу гвардейскихъ знатоковъ фронтового дѣла [1]); но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человѣкъ образованный и даже подвизался въ молодости на литературномъ поприщѣ. Катенинъ остался на нѣкоторое время въ отрядѣ, конечно, не для инспектированія войскъ, а въ надеждѣ украсить свою шею какимъ-либо новымъ крестикомъ.

Въ Бартунаѣ получилъ я первое понятіе о Лезгинскихъ селеніяхъ, вовсе не похожихъ на тѣ жалкіе аулы, которые до сихъ поръ удалось мнѣ видѣть у Кумыковъ, Ауховцевъ и Ичкеринцевъ. Лезгины строятъ прочные, каменные дома, часто въ нѣсколько этажей, съ плоскими крышами, иногда съ башнями. Постройки тѣснятся плотно другъ къ другу, едва оставляя проходы въ видѣ узкихъ, извилистыхъ коридоровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти переулки проходятъ подъ навѣсами. Почти всѣ Лезгинскіе аулы лѣпятся по скатамъ горъ

[1]) Впослѣдствіи былъ Командиромъ Преображенскаго полка, а позже Дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба Е. В. и наконецъ Оренбургскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

амфитеатромъ, весьма живописно, и окружены роскошными фруктовыми садами. Но Бартунай, расположенный на открытой плоской возвышенности, составлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе.

Окончивъ размѣщеніе войскъ на бивакѣ, совершенно промоченный до костей, я радъ былъ найти убѣжище въ отведенной мнѣ саклѣ и обогрѣться предъ каминомъ; но вьюки наши пришли не ранѣе вечера, и только тогда я могъ насладиться перемѣною одежды и стаканомъ чая. Дождь продолжалъ лить во всю ночь и въ слѣдующій день.

25-го мая войска выступили только въ 10 часовъ утра; съ трудомъ можно было разглядѣть дорогу. Еще прежде чѣмъ мы выѣхали изъ селенія, уже горѣли многіе дома, а затѣмъ и все оно было объято пламенемъ. Колонна подвигалась медленно, въ угрюмой тишинѣ, по отлогому, но непрерывному, длинному подъему, по голой, каменистой почвѣ. По другой же сторонѣ Теренгульской балки, по такому же подъему, двигался нашъ обозъ, подъ прикрытіемъ трехъ Апшеронскихъ баталіоновъ и пяти легкихъ орудій, подъ начальствомъ ген.-м. Пантелѣева. Обѣ колонны должны были соединиться только на самомъ Соукъ-Булакѣ. Мы дрожали отъ холода и сырости. Для ночлега отрядъ расположился на краю почти отвѣснаго оврага. На другой день, 26-го числа, продолжалось тоже движеніе; по мѣрѣ того, какъ мы поднимались все выше, холодъ усиливался и мѣстность становилась болѣе каменистою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саперы должны были расчищать дорогу. Въ этотъ день отрядъ дошелъ до самаго Соукъ-Булака, съ котораго крутой спускъ Кирки ведетъ въ землю Гумбетъ. Здѣсь мы нашли снѣгъ и совершенное отсутствіе какъ воды, такъ и топлива. Приходилось посылать команды довольно далеко на дно балокъ, гдѣ попадались родники и кое-какіе кусты. Саперы немедленно приступили къ разработкѣ спуска; приходилось рвать скалы порохомъ. КАРТА Г.

27-го мая погода прояснилась; снѣгъ началъ таять. Съ высотъ, гдѣ расположенъ былъ лагерь, открылся обширный видъ на Гумбетовскія горы, отдѣлявшіяся отъ Соукъ-Булака глубокою долиною, которая простиралась въ обѣ стороны: вправо, подъ названіемъ Мичикъ-Калъ, вдоль Андійскаго хребта (отдѣляющаго нагорную Чечню отъ Дагестана); влѣво—къ Гумбетовскимъ селеніямъ Артлухъ и Данухъ. По этому направленію и предстояло намъ двигаться къ сел. Аргуани. Дорога сначала пролегала вдоль подошвы крутого гребня Анчи-Мееръ, вершина котораго была занята непріятелемъ.

Спускъ съ Соукъ-Булака былъ уже на столько разработанъ, что послѣ полудня войска начали переходить на нижнюю площадку. Мнѣ было поручено размѣщать ихъ по мѣрѣ того, какъ они спускались. Небольшая колонна послана къ Артлуху, который найденъ покинутымъ жителями и преданъ разрушенію. Съ площадки новаго лагеря сдѣланъ былъ изъ орудія пробный выстрѣлъ на вершину горы, занятой непріятелемъ; ясно было видно, какъ ядро попало въ кучку горцевъ и разогнало ихъ. Въ лагерь нашъ доносились съ тѣхъ высотъ заунывные звуки вечерней молитвы мюридовъ, сливавшіеся съ веселыми пѣснями нашихъ солдатъ. Между тѣмъ обозъ нашъ подошелъ къ Соукъ-Булаку, расположился на мѣстахъ, только что оставленныхъ войсками, и въ свою очередь спустился съ высоты на слѣдующій день, 28-го числа. Обѣ ночи, съ 27-го на 28-е, и съ 28-го на 29-е, не обошлись безъ тревогъ. Перестрѣлка съ передовыхъ секретовъ стоила жизни одному офицеру.

По трудности предстоявшаго намъ пути къ Аргуани и Чиркату, положено было всѣ тяжести оставить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ расположенъ былъ отрядъ, и для обезпеченія ихъ возвести временное укрѣпленіе, которое служило бы складочнымъ и этапнымъ пунктомъ въ тылу дѣйствующаго отряда. 28-го числа приступлено было къ постройкѣ этого укрѣпленія, названнаго «Удачнымъ». Въ немъ оставленъ 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка съ 5 легкими орудіями, подъ начальствомъ маіора Тарасевича.

29-го числа, послѣ полудня, отрядъ двинулся впередъ. Слѣдовавшіе въ авангардѣ саперы разрабатывали мѣстами дорогу. Горцы, занимавшіе вершину гребня, пробовали спускать камни; однако-жъ не причинили никакого вреда проходившимъ у подошвы горъ войскамъ; пули непріятельскія также не долетали; наши же полевые единороги, при весьма большомъ углѣ возвышенія, удачно обстрѣливали гребень и заставили непріятеля скрыться на противоположный склонъ. Такимъ образомъ отрядъ прошелъ въ этотъ день безпрепятственно самое трудное мѣсто и остановился верстахъ въ 6-ти на возвышенномъ перевалѣ Шугу-Мееръ, гдѣ предстояло снова разрабатывать крутой спускъ. Не смотря на короткій переходъ, хвостъ колонны подтянулся только къ ночи. Отдѣленная влѣво легкая колонна разрушила селеніе Данухъ.

Разработка спуска съ горы Шугу-Мееръ продолжалась до полудня 30-го числа и только тогда отрядъ двинулся впередъ. Дорога была не менѣе трудная, чѣмъ наканунѣ, и во многихъ мѣстахъ сильно

размыта шедшими нѣсколько дней дождями. Хотя отъ мѣста ночлега оставалось пройти до Аргуани всего 6 верстъ, однако-жъ голова колонны только къ 4 часамъ по полудни подошла къ этому большому укрѣпленному селенію, въ которомъ самъ Шамиль съ 16 тыс. лезгинъ вознамѣрился остановить наступленіе Чеченскаго отряда. Часть этого скопища заняла самое селеніе, а другая (преимущественно Андійцы) расположилась на высотахъ по дорогѣ, ведущей къ Мехельтѣ—главному Гумбетовскому селенію и далѣе къ Анди.

Ген. Граббе, подойдя на пушечный выстрѣлъ къ селенію, остановился на краю крутого спуска, чтобы высмотрѣть въ зрительную трубу мѣстоположеніе, о которомъ не было у насъ точныхъ свѣдѣній. Оказалось, что съ нашей стороны селеніе было совсѣмъ недоступно: оно было растянуто по верху скалистаго, почти отвѣснаго обрыва; одна дорога, высѣченная въ утесахъ, вела въ ворота, въ видѣ крутой апарели. Наружная линія саклей составляла сплошную каменную стѣну, съ бойницами въ нѣсколько ярусовъ; надъ передними саклями возвышались другія амфитеатромъ, съ плоскими крышами и башнями. Къ востоку селеніе заканчивалось также обрывомъ; здѣсь находилась самая возвышенная часть селенія. Къ западу же означенный скалистый обрывъ тянется узкимъ гребнемъ, по которому доступъ къ селенію, видимо, былъ прегражденъ завалами, башнею и перекопомъ. Южной стороны селенія не могли мы видѣть.

Не смотря на поздній часъ дня, ген. Граббе рѣшился немедленно атаковать непріятеля въ крѣпкой его позиціи. Съ фронта (т. е. съ сѣверной стороны) на той самой высотѣ, съ которой мы осматривали позицію, выставлена была батарея изъ 8 орудій (4 полевыхъ легкихъ и 4 горныхъ), подъ прикрытіемъ одного Куринскаго баталіона; другой баталіонъ того же полка, съ 2 горными орудіями, оставленъ позади, на самой дорогѣ, для прикрытія вагенбурга; одинъ баталіонъ (1-й Апшеронскій) выдвинутъ по той же дорогѣ для демонстраціи съ фронта; для самой же атаки направлены двѣ колонны: влѣво—2 баталіона Куринскаго полка, подъ командою полк. Пулло; вправо—2 баталіона Кабардинскаго, подъ командою полк. Лабынцева. Обѣ эти колонны должны были открыть удобнѣйшіе доступы къ селенію. Кромѣ того, одинъ баталіонъ (4-й Апшеронскій) имѣлъ назначеніемъ поддерживать связь между центромъ и правою колонною, которой предстояло исполнить довольно кружное обходное движеніе. Наконецъ казаки получили приказаніе прикрывать тылъ атакующихъ колоннъ со сто-

роны непріятельскихъ скопищъ, занимавшихъ высоты на дорогѣ къ Мехельтѣ.

Въ 5 часовъ по полудни батарея открыла огонь, а пѣхотныя колонны начали движеніе; но выстрѣлы легкихъ и горныхъ орудій не могли наносить значительнаго вреда укрывавшемуся въ каменныхъ домахъ и башняхъ непріятелю. Горцы же обсыпали пулями приблизившіеся къ селенію оба баталіона Апшеронскаго полка. Однако-жъ одинъ изъ нихъ (4-й), взявъ вправо, успѣлъ очень быстро взобраться на самый гребень, по которому предполагалось атаковать селеніе правою колонною, и смѣло штурмовалъ башню, преграждавшую этотъ путь. Не смотря на то, что Апшеронцамъ приходилось пробираться рядами по узкому гребню, между скалами и камнями, подъ сильными выстрѣлами, они съ крикомъ «ура» ворвались въ башню и перекололи штыками почти всѣхъ защищавшихся въ ней горцевъ. Но далѣе наступленіе было пріостановлено глубокимъ рвомъ. Оба Апшеронскіе баталіона понесли довольно большую потерю. Между тѣмъ колонны полковниковъ Пулло и Лабынцева все еще тянулись по горамъ въ обходъ селенія, съ трудомъ втаскивая орудія на скалы. Когда онѣ съ двухъ противоположныхъ сторонъ приблизились къ селенію, наступила уже темнота и начинать штурмъ съ ихъ малыми силами было бы безразсудно. Онѣ остановились, прикрывшись по возможности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній отъ командующаго войсками.

Такимъ образомъ сдѣланная въ этотъ день попытка атаки обратилась въ рекогносцировку, на основаніи которой можно было вѣрнѣе сообразить планъ дѣйствій на слѣдующій день. Донесенія полковниковъ Пулло и Лабынцева указали, что восточная оконечность селенія была самою сильною стороною обороны; наиболѣе же доступною оказалась юго-западная часть, къ которой подступилъ полк. Лабынцевъ, и тотъ гребень, на которомъ уже утвердился 4-й Апшеронскій баталіонъ. Сообразно такимъ даннымъ составлена была на 31-е мая слѣдующая диспозиція: баталіонамъ Куринскаго полка въ теченіи ночи перейти съ лѣваго фланга на правый; одному изъ нихъ поддержать 4-й Апшеронскій баталіонъ, чтобы продолжать атаку по узкому гребню, ведущему къ западной оконечности селенія; этою атакою командовать полковнику Пулло; остальнымъ двумъ баталіонамъ Куринскаго полка, вмѣстѣ съ однимъ изъ Кабардинскихъ баталіоновъ (2-мъ), подъ начальствомъ полк. Лабынцева вести атаку съ юго-западной стороны селенія; другому же Кабар-

динскому баталіону (1-му) прикрывать тылъ обѣихъ атакующихъ колоннъ противъ скопищъ, занимавшихъ высоты, а конницѣ наблюдать пути, ведущіе отъ Аргуани къ Чиркату и угрожать пути отступленія непріятеля.

Ночь съ 30-го на 31-е число провели мы не совсѣмъ спокойно: все время слышалась перестрѣлка то съ одной, то съ другой стороны, даже въ тылу нашемъ, т. е. въ вагенбургѣ. Съ разсвѣтомъ бой возобновился. Получивъ приказаніе находиться при колоннѣ полковника Пулло, я едва успѣлъ доѣхать и подняться на гребень, занятый Апшеронцами, какъ уже, по данному сигналу, колонны двинулись на штурмъ. Колоннѣ полковника Пулло предстояло прежде всего перелѣзать по одиночкѣ чрезъ глубокій перекопъ гребня и потомъ по тому же узкому гребню атаковать кладбище, обнесенное каменными стѣнами и обстрѣливаемое изъ сосѣднихъ саклей. Тутъ въ первый разъ попалъ я въ самую свалку; каждый шагъ впередъ стоилъ намъ много жертвъ; узкій путь еще стѣснялся множествомъ раненыхъ и убитыхъ какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ. Однако-жъ наши все-таки ворвались съ обычнымъ крикомъ «ура» въ ограду кладбища и начали влѣзать на плоскія крыши домовъ, изъ которыхъ горцы продолжали отстрѣливаться. Справа отъ насъ такой же бой кипѣлъ въ колоннѣ Лабынцева: и тутъ горцы оборонялись отчаянно; нѣкоторые фанатики, выскакивая изъ заваловъ или домовъ, бросались въ шашки на встрѣчу штурмовавшихъ колоннъ. И здѣсь наши войска преодолѣли всѣ препятствія, хотя съ большой потерей, и ворвались въ селеніе. Но тутъ-то и начался самый горячій, кровопролитный бой. Горцы, засѣвъ въ домахъ, возвышавшихся амфитеатромъ одни надъ другими, осыпали атакующихъ пулями со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу. Солдаты, взбираясь на крыши, пытались пробивать сверху отверстія, чтобы бросать во внутрь горючія вещества; но отчаянные мюриды, переходя внутренними ходами изъ однѣхъ саклей въ другія, продолжали упорно держаться цѣлый день. Были случаи, что въ крайности фанатики бросались изъ оконъ съ кинжаломъ въ рукѣ на обступившія ихъ кучки солдатъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ найдены были обгорѣлые трупы; улицы были завалены тѣлами; текли буквально ручьи крови; многія сакли горѣли и дымъ стлался по всему селенію. Такъ продолжался бой цѣлый день; горцы были постепенно оттѣсняемы въ восточную оконечность аула. Здѣсь, на самой возвышенной его части, приготовлена была и самая упорная оборона. Чтобы выжить фанатиковъ изъ этой крѣпкой цитадели, втащили съ

большимъ трудомъ два горныя орудія въ самое селеніе и поставили на крыши домовъ, откуда могли они обстрѣливать послѣднія убѣжища горцевъ.

Среди кроваваго побоища, рядомъ съ подвигами храбрости и самоотверженія, поражали и самыя отвратительныя сцены въ занятой части селенія: нѣкоторые изъ солдатъ обирали валявшіеся трупы убитыхъ, вытаскивали изъ горѣвшихъ саклей всякую всячину, даже вещи ни къ чему не пригодныя. Мнѣ случилось встрѣтить одного негодяя, тащившаго съ большимъ трудомъ по едва проходимымъ буеракамъ огромную деревянную лохань, и когда я остановилъ его, сдѣлавъ ему замѣчаніе, что онъ уходитъ изъ боя, чтобъ унести такую безполезную вещь, онъ тутъ же, одумавшись, швырнулъ свою лохань и разбилъ ее вдребезги о камни. Тутъ я понялъ какъ трудно бываетъ офицерамъ въ подобномъ бою удержать свою часть въ порядкѣ и прекратить мародерство, разъ что завелась въ войскѣ эта язва.

Съ того момента боя, когда атакующія войска ворвались въ селеніе и разсыпались мелкими группами, чтобы постепенно выбивать непріятеля изъ каждаго дома, офицерамъ генеральнаго штаба уже нечего было тамъ дѣлать. Около полудня я возвратился въ главную квартиру отряда для личнаго доклада Командующему войсками о подробностяхъ дѣла, которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ въ этотъ день. Сильное утомленіе послѣ безсонной ночи и толкотня, въ которую я попалъ, при сырой погодѣ, все это отозвалось на моей ранѣ. Но я позабылъ о ней, когда узналъ, что изъ моихъ товарищей тяжело ранены бар. Вревскій и Минквицъ. Ихъ принесли на носилкахъ и уложили въ палаткѣ. Вревскій, у котораго была прострѣлена рука, потребовалъ себѣ азіатскаго знахаря; Минквицъ не могъ скрывать своихъ страданій. Также раненъ и ген.-м. Пантелѣевъ.

Наступившая ночь не принесла намъ отдохновенія. Горцы, дождавшись темноты, бѣжали изъ селенія по разнымъ направленіямъ; но не всѣмъ удалось пробраться благополучно между войсками, сторожившими пути отступленія непріятеля. Иные наткнулись на штыки пѣхоты; другіе изрублены казаками; нѣкоторые же убивались при паденіи съ крутыхъ скалъ. Къ разсвѣту 1-го іюня селеніе оказалось совсѣмъ покинутымъ горцами; а толпы, виднѣвшіяся прежде на высотахъ вправо отъ селенія, исчезли. Потеря у непріятеля была весьма значительная: по собраннымъ впослѣдствіи свѣдѣніямъ до 2-хъ тысячъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; плѣнныхъ захвачено очень немного.

Съ нашей стороны насчитано было 146 убитыхъ (въ томъ числѣ 6 офицеровъ) и до 500 раненыхъ (въ томъ числѣ 30 офицеровъ). Въ то же утро отправленъ транспортъ съ ранеными въ укр. Удачное, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ.

Пораженіе, нанесенное горцамъ въ Аргуани, открыло намъ дорогу къ Чиркату и къ Ахульго, куда, по слухамъ, бѣжалъ Шамиль съ оставшимися при немъ надежнѣйшими мюридами. Но мы простояли три дня подъ Аргуанью въ ожиданіи возвращенія отправленныхъ въ Удачное баталіоновъ и транспорта. 2-го іюня ген. Граббе со свитой ѣздилъ въ селеніе, представлявшее груду развалинъ и кучи труповъ. Въ оба дня я ѣздилъ, по порученію начальства, на горы: въ первый день—для разстановки прикрытія табуна; въ другой—для разстановки войскъ, выдвинутыхъ впередъ по дорогѣ къ Чиркату. Войска занимались расчисткою дороги сквозь селеніе и погребеніемъ тѣлъ, уже распространявшихъ смрадъ. Погода опять испортилась; поднявшійся сильный вѣтеръ срывалъ палатки.

Къ вечеру 3-го числа возвратились ходившіе въ Удачное баталіоны и съ ними транспортъ привезъ новые запасы продовольственные и боевые. На другой день, 4-го іюня, отрядъ выступилъ при сильномъ вѣтрѣ и дождѣ; на вершинахъ горъ выпалъ снѣгъ. Не доходя верстъ 6-ти до Чирката, отрядъ расположился на ночлегъ, на краю горнаго уступа. Съ площадки, на которой разбитъ лагерь, открылась обширная панорама во всѣ стороны: впереди виденъ былъ весь спускъ къ Чиркату, самый аулъ, окруженный роскошными садами; далѣе за Андійскимъ Койсу—селеніе Ашильта, Ахульго, долина Аварскаго Койсу и возвышенная плоскость Аваріи. Сзади поднимался, какъ будто въ самомъ близкомъ отъ насъ разстояніи, Андійскій хребетъ съ оконечною его горою Соукъ-Булакъ, на уступѣ которой ясно былъ видѣнъ нашъ вагенбургъ въ укр. Удачномъ. Съ площадки лагеря попробовали пустить ядро въ Чиркатъ, гдѣ еще были видны люди, переходившіе по мосту чрезъ Койсу. Въ Ахульго также можно было въ зрительную трубу разглядѣть людей, копошившихся какъ муравьи.

5-го іюня погода поправилась. Саперы усердно разработывали спускъ съ площадки нашего лагеря на нижній уступъ горъ. Передовой отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Кабардинскаго полка съ двумя горными орудіями, подъ начальствомъ полк. Лабынцева, спустившись не безъ затрудненій на этотъ уступъ, двинулся къ Чиркату и, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ садахъ, занялъ селеніе. Оно было уже

покинуто жителями и мостъ на Койсу сожженъ, предстояло возстановить переправу чрезъ Андійское Койсу, чтобы открыть новый путь сообщенія для подвоза къ отряду запасовъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры чрезъ Зыраны и Цатаныхъ. По переходѣ на правую сторону Андійскаго Койсу, отрядъ не могъ уже базироваться на укр. Удачное и кр. Внезапную. Изъ Темиръ-Ханъ-Шуры ожидался транспортъ, подъ прикрытіемъ 2-го баталіона Апшеронскаго полка при двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою полк. Попова, командира означеннаго полка, вмѣстѣ съ милиціями Шамхала Тарковскаго и Ахметъ-Хана Мехтулинскаго.

Необходимо было торопиться возстановленіемъ переправы, такъ какъ отряду угрожалъ уже недостатокъ въ продовольствіи. Полковникъ Пулло поѣхалъ съ капитаномъ Вольфомъ выбрать мѣсто для постройки новаго моста. Не получая извѣстій о движеніи означеннаго транспорта, ген. Граббе начиналъ уже безпокоиться, посылалъ нарочныхъ изъ туземцевъ разными путями къ полк. Попову, къ Шамхану и къ Ахметъ-Хану, съ приказаніями спуститься въ долину Койсу и скорѣе войти въ связь съ отрядомъ; но ни одинъ изъ посланныхъ не доѣхалъ по назначенію. Съ другой стороны сдѣлана была попытка открыть сообщеніе по вьючной дорогѣ, ведущей отъ Чирката въ Чиркей; въ этихъ видахъ посланъ былъ въ Чиркей состоявшій при ген. Граббе и завѣдывавшій лазутчиками поручикъ Толстой (изъ числа декабристовъ). Отправленный сначала съ малымъ конвоемъ, онъ вернулся, не доѣхавъ даже до укр. Удачнаго, и вторично отправленъ былъ уже съ цѣлымъ баталіономъ; но переговоры его съ Чиркеевцами не привели ни къ какому результату: они съ обычнымъ своимъ лукавствомъ, прикидываясь вполнѣ покорными, уклонились подъ разными предлогами отъ содѣйствія русскому отряду. Положеніе наше становилось затруднительнымъ; солдаты, израсходовавъ почти всѣ сухари, питались незрѣлыми плодами и чѣмъ попало; лошадей кормили виноградными листьями; у маркитантовъ всѣ запасы истощились и цѣны поднялись до невозможнаго размѣра. За то какая была общая радость въ отрядѣ, когда вечеромъ 6-го числа, вдали, на возвышенной плоскости Аракъ-тау, увидѣли мы поднявшуюся ракету. Не оставалось сомнѣнія, что тамъ уже находился ожидаемый транспортъ.

7-го іюня весь отрядъ спустился съ горы по весьма крутой дорогѣ и перешелъ къ самому Чиркату. На этомъ небольшомъ переходѣ мы испытали рѣзкую перемѣну и въ характерѣ мѣстности, и въ кли-

матическихъ условіяхъ: послѣ постоянныхъ вѣтровъ, холода, сырости, мы вдругъ попали въ зной; голые, каменистые утесы смѣнились роскошными садами, покрывавшими скаты горъ, тщательно обдѣланные въ видѣ террасъ и орошенные посредствомъ водопроводовъ. Нельзя было налюбоваться огромными орѣховыми и другими фруктовыми деревьями: персиковыми, абрикосовыми, шелковичными, грушами, сливами. Но со вступленіемъ войскъ въ эти чудные сады, началось немилосердное истребленіе ихъ; вѣковыя деревья рубились на топливо и разныя подѣлки. Самое селеніе, обширное и богатое, имѣло тотъ же видъ, какъ и всѣ другіе Лезгинскіе аулы; каменные дома съ плоскими крышами, съ навѣсами на столбикахъ, иные съ башнями, тѣснились амфитеатромъ по скату горы, оставляя для прохода лишь узкіе, извилистые корридоры. Главная квартира отряда расположилась въ самомъ селеніи. Ген. Граббе занялъ прекрасную саклю съ балкономъ, съ котораго открывался обширный видъ на долину Койсу. Въ другихъ ближайшихъ домахъ размѣстились всѣ чины штаба и свиты. Я поселился вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Катенинымъ, Вольфомъ и Перовскимъ. Вечеромъ у дома Командующаго войсками играла музыка. Съ противоположнаго же берега Койсу съ горъ слышна была вечерняя молитва Лезгинъ.

8-го іюня рѣшено было отправить небольшой отрядъ (изъ двухъ баталіоновъ Куринскихъ съ двумя горными орудіями и всею конницею), подъ начальствомъ полк. Катенина, къ Ихали (верстахъ въ 10 отъ Чирката вверхъ по Койсу) съ тѣмъ, чтобы завладѣть Согритлохскимъ мостомъ, занять правый берегъ рѣки и тѣмъ облегчить какъ постройку моста у Чирката, такъ и доставку запасовъ изъ транспорта полковника Попова. Движеніе Катенина къ Ихали сопряжено было съ большими затрудненіями: орудія приходилось снимать съ лафетовъ и перстаскивать на рукахъ. По правому берегу рѣки нѣсколько горцевъ провожали отрядъ выстрѣлами. Несмотря на всѣ эти затрудненія, около 3-хъ часовъ пополудни Катенинъ достигъ Согритлохскаго моста, быстро исправилъ его и на ночь расположился впереди его на правомъ берегу, въ наскоро набросанныхъ завалахъ.

Между тѣмъ началась и постройка моста у Чирката. Дѣло было не совсѣмъ легкое: пролетъ между обоими скалистыми берегами рѣки имѣлъ до 15 сажень, а страшная быстрота теченія не допускала никакихъ промежуточныхъ устоевъ. Оставалось одно средство: принять за образецъ постройку мостовъ самими горцами, которые съ обоихъ береговъ рѣки укладываютъ наклонно по нѣсколько рядовъ бревенъ,

такъ что каждый верхній рядъ выдается впередъ противъ ниже положеннаго: на задніе концы бревенъ наваливаютъ кучи камней; передніе же концы верхнихъ рядовъ, выступающихъ съ обоихъ береговъ, связываютъ рядомъ брусьевъ, такъ что въ общемъ видѣ образуется нѣчто въ родѣ арки. Саперы наши не безъ труда справились съ такою работою. Матеріаломъ служили балки изъ разрушенныхъ домовъ селенія и виноградныя лозы, замѣнившія канаты и веревки для связки бревенъ.

По случаю болѣзни Вольфа, я исполнялъ въ этотъ день обязанности оберъ-квартирмейстера и сопровождалъ полк. Пулло въ его поѣздкѣ къ строившемуся мосту, а также въ рекогносцировкѣ вдоль лѣваго берега Койсу. Горцы съ противоположнаго берега провожали насъ выстрѣлами и ругательствами. Солдаты наши нашли пещеру, въ которой была припрятана часть имущества Чиркатскихъ жителей.

9-го числа, съ разсвѣтомъ, полк. Катенинъ началъ подниматься отъ Согритлохскаго моста на нагорный берегъ Койсу. Лишь только отошелъ онъ отъ рѣки, горцы, скрывавшіеся въ окрестныхъ ущельяхъ, показались въ тылу и на флангахъ колонны, провожая ее выстрѣлами. Однако-жъ, послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, Катенинъ дошелъ до Ашильты и занялъ это селеніе. Тогда и Ахметъ-Ханъ со своею милиціею Аварскою и Мехтулинскою спустился съ Бетлетской горы къ Ашильтѣ, а на другой день, 10-го числа, доставлено было къ Чиркатскому мосту на вьюкахъ нѣкоторое количество сухарей. Постройка моста не была еще окончена; а потому пришлось мѣшки съ сухарями перетаскивать чрезъ рѣку по канатамъ.

Въ тотъ же день ген. Граббе лично предпринялъ рекогносцировку вдоль лѣваго берега Койсу, къ сторонѣ Ахульго, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ, четырехъ орудій и ракетной команды. Непріятель, также какъ и наканунѣ, провожалъ насъ выстрѣлами съ праваго берега рѣки. Нѣсколько пуль просвистало около самого генерала, который лично указывалъ мѣста для нашихъ орудій. Снаряды артиллерійскіе попадали въ самое Ахульго, но не могли причинять никакого вреда непріятелю въ его крытыхъ траншеяхъ и пещерахъ.

ПЛАНЪ И ПРОФИЛИ.

Обѣ скалы, укрѣпленныя Шамилемъ, подъ наименованіемъ Ахульго, представлялись съ лѣваго берега Койсу въ видѣ голой, каменистой поверхности, изрытой во всѣхъ направленіяхъ. Одна изъ этихъ скалъ, западная, называлась Старымъ Ахульго, другая—Новымъ. Раздѣляло ихъ ущелье, или лучше сказать трещина, сквозь которую прорывалась рѣчка Ашильтинская при впаденіи своемъ въ Койсу. Обры-

вистыя стѣны этой трещины сходились въ иныхъ мѣстахъ такъ близко, что перекинутъ былъ мостикъ для удобнѣйшаго сообщенія между обѣими скалами.

Рекогносцировка 10-го числа дала намъ первое понятіе о знаменитомъ притонѣ Шамиля. Въ тотъ же день, какъ узнали мы позже, горцы сдѣлали изъ Ахульго вылазку противъ милиціи Ахметъ-Хана и вытѣснили было его изъ Ашильтинскихъ садовъ, но выдвинутыя Катенинымъ три роты пѣхоты оттѣснили непріятеля и снова заняли сады. Между тѣмъ другая часть его отряда разработывала дорогу отъ Ашильты къ строившемуся мосту. 11-го числа къ вечеру постройка моста была окончена и немедленно же переправлено на нашъ берегъ нѣсколько вьюковъ съ сухарями.

Въ тотъ же день прибылъ въ отрядъ полковникъ Норденстамъ. Со вступленіемъ его въ должность отряднаго оберъ-квартирмейстера завелся у насъ по генеральному штабу нѣкоторый порядокъ въ занятіяхъ. Обязанности были распредѣлены между кап. Вольфомъ и мною; онъ долженъ былъ вести журналъ экспедиціи и переписку по дѣламъ общимъ, а также писать реляціи; на мою же долю досталась переписка по военнымъ дѣйствіямъ отряда, составленіе диспозицій, разстановка войскъ, передовыхъ постовъ и т. д.

Въ тотъ же день вечеромъ составлена была мною диспозиція къ переправѣ отряда на правую сторону Койсу, и съ утра 12 го іюня начался переходъ войскъ по зыбкому мостику. Орудія перетаскивали чрезъ него на канатахъ. День былъ чрезвычайно жаркій. Съ трудомъ взбирались войска по узкой и крутой тропѣ на нагорный берегъ и располагались впереди Ашильты. Лагерь главной квартиры разбитъ былъ на террасахъ Ашильтинскихъ садовъ, уже значительно порѣдѣвшихъ; самое же селеніе было совсѣмъ разворено. Два баталіона Кабардинскаго полка первоначально оставлены были на лѣвомъ берегу Койсу для охраненія вагенбурга, а баталіонъ Апшеронскаго полка съ 2 орудіями охранялъ мостъ на правомъ берегу, прикрывшись наскоро устроенными завалами.

АХУЛЬГО.

Подступивъ 12-го іюня къ Ахульго, мы въ первое время имѣли весьма неясныя свѣдѣнія о мѣстности, на которой предстояло намъ дѣйствовать. Она до такой степени исковеркана, что нужно не мало времени, чтобы ознакомиться въ подробности со всѣми ея причудливыми складками, ущельями, трещинами, балками, обрывами. Рекогносцировка 10-го числа съ лѣваго берега Койсу дала намъ лишь общее понятіе о замкнутомъ очертаніи какъ Стараго, такъ и Новаго Ахульго, ограниченныхъ со всѣхъ сторонъ обрывами, недоступными для атаки открытою силою. Когда же мы подошли къ Шамилеву притону со стороны Ашильты, то открылось, что обѣ скалы примыкаютъ къ горамъ только узкими перешейками или гребнями, по которымъ доступъ былъ прегражденъ глубокими перекопами и устроенными за ними укрѣпленіями въ видѣ крытыхъ каменныхъ построекъ. Кромѣ того, предъ Новымъ Ахульго возвышалась остроконечная скала, вершина которой была также занята укрѣпленіемъ, въ видѣ башни, прикрытой отчасти естественными глыбами. Скала эта носила названіе Сурхаевой башни. Выстрѣлы съ этой башни, господствовавшей надъ окружающею мѣстностію, весьма затрудняли насъ, какъ въ первое время относительно рекогносцировки мѣстности, такъ и впослѣдствіи при расположеніи войскъ и сообщеніяхъ между ними.

Въ первый же день по прибытіи отряда къ Ашильтѣ, пущено было нѣсколько конгревовыхъ ракетъ на Сурхаеву башню, конечно безъ всякаго результата. Въ тотъ же вечеръ, по приказанію ген. Граббе, была составлена мною диспозиція для расположенія войскъ, съ указаніемъ пунктовъ для батарей и съ подробнымъ наставленіемъ относительно образа дѣйствій. Пѣхотѣ предписывалось постепенно выдвигать впередъ передовые посты и секреты, прикрываясь мѣстностію и ложементами; артиллеріи — постоянно безпокоить непріятеля выстрѣлами, днемъ и ночью; саперамъ, съ помощью наряжаемыхъ отъ пѣхотныхъ частей командъ рабочихъ, расчищать пути сообщенія

вдоль линіи расположенія войскъ и по возможности разрабатывать подступы къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Непосредственное начальство войсками, выдвинутыми противъ Ахульго, было возложено на ген.-м. Галафѣева.

Рано утромъ 13-го числа принесъ я свой проектъ генералу Граббе, который вполнѣ одобрилъ его, и послѣ полудня началось передвиженіе войскъ на предназначенныя имъ новыя мѣста. Но вдругъ совершенно неожиданно вздумалось генералу Граббе попробовать въ тотъ же день счастія — прямо атаковать Старое Ахульго, открытою силою. Баталіону Апшеронскаго полка, только что занявшему мѣсто на лѣвомъ флангѣ, на уступѣ горъ, приказано было двинуться на приступъ по узкому гребню, ведущему къ означенной половинѣ Шамилева укрѣпленнаго притона. Съ этимъ приказаніемъ посланъ былъ нашъ неустрашимый Шульцъ. По его указанію Апшеронцы немедленно же устремились впередъ, подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля. Они должны были перебѣгать поодиночкѣ по узкому гребню, а предъ самымъ укрѣпленіемъ непріятельскимъ были остановлены глубокимъ перекопомъ. Нѣсколько смѣльчаковъ, соскочивъ на дно рва, пытались эскаладировать укрѣпленіе, подсаживая другъ друга; но всѣ попытки ихъ, конечно, остались безъ успѣха, съ напрасною жертвою людьми. Не было даже возможности выносить раненыхъ; они оставались на днѣ рва до наступленія темноты, и когда вытаскивали ихъ оттуда, еще было ранено нѣсколько человѣкъ. Шульцъ также былъ раненъ въ ногу; но остался въ отрядѣ и послѣ вторичной раны.

Убѣдившись въ невозможности атаки открытою силою, генералъ Граббе вынужденъ былъ обратиться къ болѣе медленному образу дѣйствій—къ обложенію непріятельской укрѣпленной позиціи и къ нѣкоторымъ подготовительнымъ мѣрамъ для облегченія штурма, какъ-то траншеямъ и усиленію огня артиллеріи. Такой образъ дѣйствій, конечно, требовалъ значительнаго усиленія подвоза запасовъ боевыхъ и продовольственныхъ. При тогдашнемъ ограниченномъ составѣ отряда невозможно было полное обложеніе Ахульго съ обоихъ береговъ Койсу. Поэтому 14-го числа остававшіеся на лѣвой сторонѣ рѣки баталіоны Кабардинскаго полка и тяжести были переведены на правую сторону и расположились въ резервѣ за лѣвымъ флангомъ линіи обложенія; на переправѣ у Чирката оставлены только двѣ роты Апшеронскихъ, которыя расположились на правомъ берегу рѣки, прикрывшись завалами и снявъ съ моста верхнюю настилку.

Цѣлое утро 14-го числа работалъ я съ полковниками Пулло и Норденстамомъ надъ составленіемъ диспозиціи для новаго распредѣленія войскъ.

Между тѣмъ подошелъ наконецъ первый транспортъ съ запасами, подъ прикрытіемъ одного баталіона Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ полк. Попова. Также прибыли въ лагерь Шамхалъ Тарковскій и Ахметъ-Ханъ Мехтулинскій. Эти два туземные владѣтеля сѣвернаго Дагестана были совершенно различны и по наружности, и по характеру: Шамхалъ — человѣкъ тучный, съ тупымъ выраженіемъ лица, соотвѣтствовавшимъ его тяжелому и вялому нраву; другой — стройный, красивый, молодцоватый и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительный, твердый, суровый до жестокости. Оба они остались при своихъ милиціяхъ, расположившихся на высотахъ Бетлетскихъ для охраненія тыла отряда.

Горцы изъ своихъ логовищъ зорко слѣдили за всѣми движеніями въ нашемъ лагерѣ и провожали пулями всякаго, кто только неосторожно попадалъ подъ ихъ выстрѣлы. По ночамъ бывали частыя тревоги и перестрѣлки. Чрезвычайно эффектна была картина 14-го числа вечеромъ, когда завязался бой на передовыхъ постахъ при свѣтѣ зарницы. Шамиль не замедлилъ воспользоваться снятіемъ нашихъ войскъ съ позиціи на лѣвой сторонѣ Койсу и, построивъ мостъ, сейчасъ же открылъ свободное сообщеніе со всѣми племенами верхняго Дагестана. Даже Чиркатъ былъ снова занятъ непріятельскими шайками, которыя каждую ночь заводили перестрѣлку съ охранявшими мостъ ротами Апшеронскаго полка.

15 го іюня началось возведеніе изъ туровъ, земли и камня батарей для нашихъ орудій на тѣхъ высотахъ, съ которыхъ было возможно обстрѣливать разныя части непріятельской позиціи. Главная батарея была устроена противъ Сурхаевой башни. Послѣ обѣда я отправился съ полк. Пулло на рекогносцировку вдоль всей линіи обложенія, весьма растянутой и пересѣченной. Сообщеніе между частями войскъ было чрезвычайно затруднено раздѣлявшими ихъ балками или ущельями съ обрывистыми спусками. Поэтому на большей части нашего пути приходилось намъ карабкаться пѣшкомъ по крутымъ горамъ; а чтобы лучше высмотрѣть непріятельскую позицію съ ближайшихъ точекъ, мы надѣли толстыя солдатскія шинели и папахи, такъ какъ горцы обыкновенно направляли свои выстрѣлы предпочтительно на офицеровъ. Тогда не было еще офицерскихъ сѣрыхъ пальто.

Рекогносцировка наша побудила къ нѣкоторымъ перемѣнамъ въ расположеніи войскъ и батарей. Утромъ 16-го числа я занимался составленіемъ новой диспозиціи, а вечеромъ сопровождалъ ген. Граббе въ объѣздѣ позиціи. Въ этотъ день получены были тревожныя свѣдѣнія о сборѣ новыхъ враждебныхъ скопищъ въ горахъ Андіи, Гумбета, Богуляла и другихъ, подъ предводительствомъ посланныхъ туда Шамилемъ надежнѣйшихъ военачальниковъ его: Ахверды-Магома и Галбоца. Для наблюденія за этими скопищами предписано было Ахметъ-Хану Мехтулинскому со своею милиціею перейти на высоты къ западу отъ Ашильты и стать на дорогѣ, ведущей къ Ихали. Баталіонамъ Кабардинскаго полка, только что прибывшимъ съ лѣвой стороны Койсу, приказано также охранять тылъ отряда съ той стороны. Въ Темиръ-Ханъ-Шуру посылались настоятельныя предписанія о скорѣйшемъ подвозѣ къ отряду провіанта и снарядовъ, въ которыхъ артиллерія уже нуждалась. Ген. Граббе былъ весьма озабоченъ снабженіемъ отряда на продолжительное время; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ необходимымъ усилить отрядъ свѣжими войсками, о чемъ было написано Корпусному Командиру. Къ счастію, въ то время уже закончена была съ успѣхомъ экспедиція въ южномъ Дагестанѣ, и ген. Головинъ нашелъ возможнымъ отправить оттуда на подкрѣпленіе Чеченскому отряду три баталіона Графскаго полка (т. е. генералъ-фельдмаршала Графа Паскевича Эриванскаго) съ четырьмя орудіями и часть заготовленныхъ для Дагестанскаго отряда запасовъ.

Но подкрѣпленія эти могли прибыть не скоро. Въ ожиданіи ихъ принимались кое-какія частныя мѣры: изъ Темиръ-Ханъ-Шуры вытребованы орудія (въ томъ числѣ малыя мортирки, такъ какъ дѣйствіе легкихъ орудій во многихъ случаяхъ оказывалось безсильнымъ); ротамъ, охранявшимъ мостъ у Чирката, приказано уничтожить его и присоединиться къ блокирующимъ войскамъ. Для ускоренія сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурою признано нужнымъ, кромѣ существовавшаго кружного пути чрезъ Зыраны, открыть кратчайшій, хотя бы только вьючный, чрезъ Унцукуль и Гимры [1]).

Оба эти большія Лезгинскія селенія находятся въ ущельѣ Аварскаго Койсу, въ разстояніи верстъ 10 или 12 одно отъ другого: Унцукуль — на лѣвомъ берегу, а Гимры — на правомъ, ниже по теченію. Первое, не смотря на свою близость къ Ахульго и на всѣ усилія Шамиля привлечь его на свою сторону, постоянно уклонялось отъ

[1]) По дорогѣ чрезъ Зыраны и Цатаныхъ было 4 или 5 переходовъ, а чрезъ Унцукуль и Гимры не болѣе двухъ; курьеры же могли проѣхать и въ одинъ день.

участія въ возстаніи противъ Русскихъ; Гимры же, напротивъ того, были гнѣздомъ мюридизма и враждовали съ Унцукулемъ. Въ послѣднее время Гимринцы только по наружности заявили себя покорными; но значительное число ихъ (также какъ и Чиркеевцевъ) находилось въ числѣ защитниковъ Ахульго.

18-го іюня мнѣ было поручено осмотрѣть означенную дорогу и переговорить со старшинами обоихъ названныхъ селеній. Изъ отряднаго штаба данъ мнѣ переводчикъ — Кумыкъ Абдула, имѣвшій чинъ прапорщика милиціи; а проводниковъ и конвой предоставлялось мнѣ получить изъ милиціи Шамхала Тарковскаго, находившейся на моемъ пути. Выѣхавъ изъ лагеря рано утромъ, въ прекрасный жаркій день, мы съ Абдулой поднялись прямо по кручѣ на гору, къ мѣсту расположенія милиціи. Впереди ея лагеря, на самомъ краю обрыва, стояла палатка самого Шамхала, который по цѣлымъ днямъ любовался обширнымъ видомъ съ помощью зрительной трубы. Шамхалъ принялъ меня учтиво и приказалъ назначить конвой; но когда я сѣлъ верхомъ, чтобы ѣхать далѣе, явились только два пѣшіе оборванца, которые должны были меня проводить до Унцукуля, откуда предстояло мнѣ взять другихъ проводниковъ.

До Унцукуля доѣхали мы очень скоро; дорога отлого спускалась съ высотъ въ самую долину Аварскаго Койсу; пѣшіе проводники не отставали отъ иноходи лошадей. Унцукуль — огромное селеніе, дворовъ съ тысячу, построенное по образцу всѣхъ другихъ Дагестанскихъ ауловъ и также окруженное великолѣпными садами. Башни кругомъ селенія и внѣшній рядъ саклей съ бойницами давали Унцукульцамъ возможность упорно защищаться противъ всѣхъ нападеній Шамиля и его шаекъ. Такъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ до описываемаго времени (въ февралѣ 1839 г.) Унцукульцы, предводимые своимъ замѣчательнымъ старшиною Аллило, отбили два нападенія Шамиля, тогда какъ другія окрестныя селенія передались ему или подверглись совершенному разрушенію. Въѣхавъ въ селеніе около полудня, я съ трудомъ пробрался вслѣдъ за моими проводниками по узкимъ, извилистымъ улицамъ къ жилищу знаменитаго Аллило. Тѣснившіеся въ улицахъ жители съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣли на проѣзжавшаго Русскаго офицера. Двух-этажная сакля старшины находилась на краю обрыва; съ террасы дома открывался видъ на сады, за которыми виднѣлся Койсу, пробивавшій себѣ путь съ пѣною и ревомъ между отвѣсными, высокими боками ущелья. Хозяинъ вышелъ на встрѣчу мнѣ и дружелюбно пригласилъ меня

быть его гостемъ. Это былъ уже человѣкъ старый, довольно полный, съ бѣлыми длинными усами, придававшими его лицу выраженіе воинственное. Онъ былъ въ домашней, довольно грязной одеждѣ, съ босыми ногами, но съ мохнатою шапкою на головѣ, не смотря на знойный день; одна рука была у него на подвязи. Внутреннее расположеніе дома и убранство были тѣ же, какъ во всѣхъ другихъ жилищахъ достаточныхъ людей того края. Мы усѣлись на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги, въ одномъ изъ угловъ просторной кунакской половины. (Женское помѣщеніе было въ верхнемъ этажѣ). Съ помощью переводчика Абдулы, завязалась у насъ живая бесѣда. Въ видѣ привѣтствія, я сказалъ, что мнѣ пріятно увидѣть геройскаго предводителя Унцукульцевъ, на что Аллило, отбросивъ всякую скромность, пустился самъ въ восхваленіе своихъ подвиговъ и въ исчисленіе оказанныхъ имъ Русскому правительству заслугъ, а въ заключеніе прямо высказалъ свои притязанія на награду. Когда я сказалъ, что ген. Граббе вполнѣ цѣнитъ его заслуги и приготовилъ для него богатую шубу, то я замѣтилъ на лицѣ моего собесѣдника неудовольствіе и затѣмъ, послѣ довольно длиннаго діалога его съ переводчикомъ, я узналъ отъ послѣдняго, что Аллило ожидалъ болѣе важной награды—чина прапорщика! Я невольно улыбнулся такому скромному притязанію человѣка, выказавшаго себя энергичнымъ противоборцемъ Шамиля. Признаюсь, весь этотъ разговоръ нѣсколько разочаровалъ меня на счетъ Аллило. Конечно я обнадежилъ его въ исполненіи его желанія, и затѣмъ объявилъ о цѣли моего пріѣзда въ Унцукуль. Аллило далъ немедленно приказаніе о доставленіи мнѣ проводниковъ, а пока собирали ихъ, предложилъ мнѣ угощеніе. Грязная старуха внесла и поставила предъ нами нѣсколько деревянныхъ лотковъ съ фруктами, бараниной и другими блюдами Лезгинской кухни. Еще не кончили мы нашу трапезу, какъ пришли сказать, что всѣ люди на работѣ и что можно найти только одного проводника, который и покажетъ мнѣ дорогу въ Гимры. Дѣлать было нечего; мы распростились съ хозяиномъ и отправились далѣе.

Сначала дорога идетъ версты двѣ прекрасными садами Унцукульскими, потомъ спускается къ самому руслу рѣки и становится все уже, все каменистѣе, по мѣрѣ того, какъ самое ущелье стѣсняется отвѣсными утесами. Бурный потокъ несется съ пѣною и ревомъ по каменьямъ, образуя непрерывный рядъ пороговъ. Случалось, что вода плескала на самую тропинку, по которой мы ѣхали. Въ иныхъ мѣстахъ нависшія надъ рѣкою естественныя стѣны такъ сбли-

жаются кверху, что солнечный лучъ никогда не проникаетъ на дно ущелья, а снизу едва видна только узкая полоска синяго неба. Мы доѣхали до такого мѣста, гдѣ тропинка совсѣмъ прекращалась и, по заявленію проводника, уже нельзя было далѣе ѣхать верхомъ. Какъ же тутъ поступить? Куда дѣвать лошадей? Приходилось оставить ихъ на руки переводчика Абдулы, а мнѣ продолжать путь пѣшкомъ съ однимъ лезгиномъ, съ которымъ объясняться можно было развѣ только мимикой. Абдулѣ дано было мною наставленіе, чтобы онъ далъ лошадямъ отдохнуть и затѣмъ вернулся съ ними въ лагерь, въ томъ предположеніи, что мнѣ придется изъ Гимровъ возвратиться въ лагерь по другой, кратчайшей тропѣ, также пѣшкомъ.

Разставшись съ своею верховою лошадью и съ переводчикомъ, я пошелъ вдвоемъ съ Унцукульцемъ, пробираясь чрезъ каменныя глыбы, завалившія все дно ущелья вплоть до самаго потока. Карабкаясь съ камня на камень на протяженіи какой нибудь сотни саженъ, я вдругъ очутился, къ крайнему своему удивленію, на небольшой площадкѣ, замкнутой отвѣснымъ утесомъ, и среди толпы сидѣвшихъ на камняхъ вооруженныхъ горцевъ. Они въ свою очередь также устремили удивленные взгляды на появившагося предъ ними русскаго офицера. Проводникъ мой сейчасъ же примкнулъ къ толпѣ своихъ земляковъ и защелкалъ на своемъ непонятномъ для меня языкѣ, а я остановился въ недоумѣніи, стараясь объяснить себѣ странное, безвыходное мое положеніе: уже не завелъ ли меня проводникъ съ злымъ умысломъ въ эту западню, изъ которой не было выхода? Долженъ признаться, что была минута непріятная. Скрывая свое смущеніе, я постоялъ нѣсколько времени, оглядываясь на окружавшія скалы, прошелъ еще нѣсколько шаговъ по площадкѣ и наконецъ, пользуясь немногими извѣстными мнѣ татарскими словами, обратился къ ближайшимъ ко мнѣ горцамъ съ вопросомъ: «іолъ іокъ? (т. е. дороги нѣтъ?), на что они отвѣтили, прищелкнувъ языкомъ, что значитъ у нихъ: «нѣтъ». Тогда я молча повернулъ назадъ и началъ снова перебираться чрезъ камни по пройденному уже мною пути. Подозрѣнія мои разсѣялись, когда я увидѣлъ, что горцы нисколько не препятствовали мнѣ уходить, а нѣкоторые изъ нихъ пошли предо мной. Скоро вышелъ я опять на то мѣсто, гдѣ оставилъ Абдулу съ лошадью. Къ радости моей, онъ еще не ушелъ оттуда, и я могъ наконецъ чрезъ него разъяснить вопросъ. Оказалось, что сообщеніе между Унцукулемъ и Гимрами было умышленно прервано во время бывшихъ между этими селеніями враждебныхъ

дѣйствій; что въ прежнее время дорога переходила съ одного берега на другой по мосту, носившему названіе Чортова моста (Шайтанъ-кепри), а послѣ разрушенія этого моста Унцукульцами, генералъ Фези въ 1837 году проложилъ новую дорогу по лѣвому берегу рѣки; въ зиму 1839-го года Унцукульцы опять прервали сообщеніе, разрушивъ ту часть его, гдѣ дорога устроена была на деревянныхъ подпоркахъ въ голой скалѣ. Кучка горцевъ, на которую я наткнулся такъ неожиданно, была выслана именно для разработки новой тропы. Такимъ образомъ дѣло оказалось очень простымъ; оставалось только подивиться тому, что ни въ лагерѣ Шамхальскомъ, ни въ Унцукулѣ никто не подумалъ предупредить меня о томъ, что дорога не существовала, и что къ возстановленію ея только-что принимались мѣры самими жителями.

Итакъ возложенное на меня порученіе не могло быть исполнено; мнѣ предстояло возвратиться въ лагерь съ такимъ неудачнымъ результатомъ. Пріѣхавъ въ Унцукуль, я снова посѣтилъ Аллило и упрекнулъ ему, зачѣмъ не предварилъ онъ меня о невозможности прохода въ Гимры; старикъ отвѣчалъ пустыми отговорками. Я пробылъ у Аллило часа два для отдыха; онъ снова угощалъ меня фруктами, и въ это время пришла мнѣ мысль воспользоваться случаемъ, чтобы доставить въ лагерь, для нашей штабной артели, кое-какіе съѣстные припасы, въ которыхъ мы терпѣли крайній недостатокъ. По моей просьбѣ, Аллило распорядился собрать все, что можно было въ аулѣ: яйца, масло, куръ, фрукты и т. д.; все это навьючить на двухъ ишаковъ (ословъ) и отправить вслѣдъ за мною въ лагерь. Операція эта продолжалась долѣе, чѣмъ я предполагалъ; не мало стоило труда опредѣлить плату за собранные припасы отъ разныхъ хозяевъ, и при этихъ расчетахъ опять выказалась наивность Унцукульскаго героя: онъ заявилъ право свое на удержаніе въ свою пользу даннаго мною лишняго абаза (двугривенника) въ вознагражденіе за его посредничество.

Солнце уже садилось, когда я доѣхалъ до лагеря Шамхальской милиціи. Переводчикъ мой просилъ позволенія остаться здѣсь переночевать, ссылаясь на утомленіе его лошади и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дождаться вьюковъ съ припасами изъ Унцукуля. Моя лошадь также подвигалась уже неохотно; но мнѣ хотѣлось вернуться въ отрядъ въ тотъ же день и отдать отчетъ въ результатѣ моихъ безуспѣшныхъ странствованій. До лагеря оставалось верстъ шесть; но дорога шла чрезъ нѣсколько глубокихъ балокъ, отчасти лѣсомъ. Въ ночную

темноту я сбился съ дороги, долженъ былъ сойти съ лошади и вести ее въ поводу, спускаясь наобумъ по горнымъ крутизнамъ. Иногда держался я теченія горныхъ рѣчекъ, которыя однакожъ во многихъ мѣстахъ низвергались съ утесовъ водопадами. Долго я пытался выбраться изъ этихъ трущобъ, рискуя на каждомъ шагу оборваться съ кручи вмѣстѣ съ лошадью, которая часто упиралась ногами и не хотѣла подвигаться впередъ. И самъ я усталъ до изнеможенія; судя по времени, мнѣ слѣдовало уже давно быть въ лагерѣ. Приходила мнѣ мысль остановиться на мѣстѣ и выждать разсвѣта. Но вдругъ окликъ: «кто идетъ»? Случайно набрелъ я на «секретъ»*)—и у меня отлегло отъ сердца. Собравъ послѣднія силы, я взялъ одного солдата въ проводники и доѣхалъ до лагеря въ такомъ состояніи, что войдя въ свою палатку, безотлагательно повалился на постель, не раздѣваясь, и заснулъ крѣпкимъ сномъ, похожимъ на безчувствіе.

Не долго удалось мнѣ отдыхать. Еще было темно, когда меня разбудили, и я услышалъ сильную перестрѣлку, не со стороны Ахульго, откуда привыкъ уже слышать, а съ противоположной стороны. Хотя я съ трудомъ могъ стать на ноги, однакожъ вышелъ изъ палатки. Частые выстрѣлы съ высотъ, находившихся къ западу, за Ашильтою, и раздававшееся съ этихъ высотъ обычное у горцевъ пѣніе предъ вступленіемъ въ бой («Алла иль алла»)—показывало, что мы атакованы съ тылу непріятельскими скопищами, о сборѣ которыхъ имѣли свѣдѣнія. Стало быть Ахметъ-Ханъ, которому было предписано охранять отрядъ съ той стороны, не исполнилъ своего назначенія. Непріятель, пользуясь неожиданностію нападенія, началъ уже спускаться съ высотъ къ Ашильтинскимъ садамъ. Опасность угрожала даже главной квартирѣ. Генералъ Граббе и весь штабъ уже были на площалкѣ предъ палаткой Командующаго войсками; и я присоединился къ нимъ, позабывъ свою усталость. Приказано было сѣдлать лошадей, а мнѣ—ѣхать къ полк. Лабынцеву, который, имѣя подъ рукой всего двѣ роты Кабардинскаго полка, двинулся съ ними на встрѣчу непріятелю. Остальныя роты этого полка, какъ оказалось, были въ то время передвинуты ближе къ Старому Ахульго, по случаю предполагавшейся на разсвѣтѣ новой попытки атаковать эту часть Шамилева убѣжища. Однакожъ полковн. Лабынцевъ, не ожидая приказаній, поспѣшно обратилъ оба свои баталіона къ атакованному пункту нашего расположенія, и когда я доѣхалъ до пе-

*) Секретами называются небольшіе посты, располагаемые въ скрытыхъ мѣстахъ для ночной охраны.

редовыхъ ротъ, то нашелъ, что непріятель уже выбитъ изъ устроенныхъ имъ наскоро заваловъ. Лѣвѣе двигался на высоты баталіонъ Апшеронскаго полка. Все это исполнилось такъ быстро, что съ разсвѣтомъ непріятель былъ уже въ полномъ отступленіи, не успѣвъ даже убрать тѣла убитыхъ. Только въ это время спускалась съ Акента милиція Ахметъ-Хана. Мнѣ приказано было вести ее впередъ по слѣдамъ непріятельскаго скопища. Но послѣднее отступило такъ поспѣшно, что мы не могли уже настигнуть его и остановились верстахъ въ 10 отъ лагеря. Всѣ войска получили приказаніе расположиться на указанныхъ мѣстахъ. Потеря наша въ этотъ день состояла изъ 7 убитыхъ и 84 раненыхъ (въ томъ числѣ 6 офицеровъ).

Нужно ли говорить въ какомъ я былъ состояніи, когда возвратился въ свою палатку. Тутъ только я сообразилъ, чему подвергался въ прошлую ночь, блуждая одинъ по горамъ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятельскимъ скопищемъ. Прибытіе Унцукульскихъ вьюковъ съ припасами доставило большое удовольствіе нашей штабной артели. Въ то же время прибылъ и новый транспортъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Общество наше увеличилось нѣсколькими пріѣзжими оттуда, въ томъ числѣ—состоявшимъ при Корпусномъ Командирѣ подполковникомъ Ник. Ник. Муравьевымъ (будущій графъ Амурскій). За то выбылъ флигель-адъютантъ полк. Катенинъ, для продолженія возложеннаго на него инспектированія войскъ.

Послѣ отдыха отъ ночной и утренней передряги въ нашемъ штабѣ, вечеромъ принялись мы снова за дѣло. По приказанію Командующаго войсками, составлялось новое распредѣленіе войскъ по линіи блокады, съ выдѣленіемъ достаточныхъ частей для лучшаго прикрытія тыла отъ новыхъ покушеній непріятеля. Генералу Галафѣеву и отрядному инженеру Энгбрехту предписывалось вести систематически начатыя работы. Въ то же время Командующій войсками былъ озабоченъ положеніемъ оставленнаго въ укрѣпленіи Удачномъ вагенбурга, въ которомъ никакой надобности уже не было; находившійся тамъ баталіонъ (3-й Апшеронскій) полезнѣе было присоединить къ дѣйствующему отряду. Но упраздненіе этого укрѣпленія, съ выводомъ изъ него всѣхъ обозовъ и запасовъ, представляло операцію не легкую. Уже не разъ непріятельскія шайки угрожали нашему слабому укрѣпленію; теперь же представлялась гораздо большая опасность, пока оставались въ сборѣ многочисленныя скопища Ахверды-Магома и Галбаца, только что отброшенныя отъ Ахульго и отступившія къ Ихали.

Чтобы не оставлять это скопище въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить исполненіе предписаннаго упраздненія укрѣпленія Удачнаго, ген. Граббе задумалъ произвести движеніе къ сторонѣ Ихали съ летучею колонною изъ 4 баталіоновъ, 4 горныхъ орудій, конныхъ казаковъ и милиціи. Въ теченіи двухъ дней, 20-го и 21-го іюня, въ нашемъ штабѣ дѣлались секретно распоряженія къ этому движенію; составлена инструкція генералу Галафѣеву на случай, если-бъ Шамиль вздумалъ воспользоваться временнымъ ослабленіемъ блокады и предпринялъ вылазку. Мнѣ поручено было произвести 21-го числа рекогносцировку къ Согритлохскому мосту и выбрать мѣсто для возведенія укрѣпленія, которое обезпечивало бы блокирующія войска съ той стороны. Порученіе это было мною исполнено подъ прикрытіемъ милиціи Ахметъ-Хана. Къ вечеру я возвратился въ лагерь съ донесеніемъ.

Съ наступленіемъ ночи, войска, назначенныя къ движенію, начали стягиваться на высотахъ, а съ разсвѣтомъ двинулись къ Ихали. Въ головѣ колонны ѣхалъ самъ ген. Граббе со штабомъ. Милиціи Ахметъ-Хана приказано было слѣдовать впереди, держась ближе къ горамъ, чтобы, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, атаковать его съ фланга. Около 8 часовъ утра замѣчены были толпы горцевъ въ одной изъ балокъ, пересѣкавшихъ нашъ путь. По увѣренію лазутчиковъ скопище было силою до 8 тысячъ человѣкъ. Непріятель, увидѣвъ сначала одну милицію Ахметъ-Хана, началъ было распространяться вправо, къ горамъ, и повидимому намѣревался самъ атаковать Аварцевъ и Мехтулинцевъ; но появленіе нашей пѣхоты такъ озадачило горцевъ, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ нашихъ горныхъ орудій, когда Кабардинскіе баталіоны съ барабаннымъ боемъ бросились въ штыки прямо къ балкѣ, непріятельскія толпы обратились въ бѣгство, частію къ Согритлохскому мосту, частію къ Ихали. Столпившіеся на Согритлохской переправѣ горцы сильно потерпѣли отъ выстрѣловъ нашей артиллеріи; многіе утонули въ рѣкѣ. У насъ потеря состояла лишь въ нѣсколькихъ милиціонерахъ.

Послѣ этого короткаго дѣла войска наши расположились бивакомъ нѣсколько впереди мѣста боя и провели тутъ ночь. Отсюда намъ былъ ясно виденъ нашъ вагенбургъ въ укр. Удачномъ и даже можно было въ зрительную трубу разглядѣть, какъ тяжести поднимались на Соукъ-булакъ. Но подъ утро слѣдующаго дня (23-го числа) получено было отъ ген. Галафѣева извѣстіе, что въ ту самую ночь, какъ и можно было ожидать, Шамиль произвелъ изъ Ахульго

сильную вылазку. Значительная толпа горцевъ бросилась по руслу рѣчки Ашильтинской на батарею, вновь заложенную противъ Стараго Ахульго, сбила попавшійся передовой постъ изъ 25 человѣкъ, успѣла сбросить въ кручу мантелетъ и нѣсколько туровъ; но отбитая подоспѣвшею изъ резерва ротою отступила, оставивъ въ нашихъ рукахъ три тѣла.

Извѣстіе это побудило ген. Граббе отказаться отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ предпріятій противъ скопищъ Ахверды-Магома и возвратиться подъ Ахульго. Въ этотъ день наступившая вдругъ холодная погода смѣнила прежній нестерпимый зной. Къ вечеру возстановилось прежнее расположеніе блокирующихъ войскъ. На другой день, 24-го числа, получено донесеніе о благополучномъ очищеніи укрѣпленія Удачнаго. Съ помощью высланной изъ кр. Внезапной роты, а также Кумыкской милиціи, лошадей и быковъ всѣ тяжести были перевезены въ эту крѣпость; временное укрѣпленіе срыто; а баталіонъ Апшеронскій съ четырьмя легкими орудіями двинулся чрезъ Темиръ-Ханъ-Шуру на присоединеніе къ дѣйствующему отряду. Съ другой стороны были свѣдѣнія, что скопище Ахверды-Магома разошлось, оставивъ лишь наблюдательныя партіи на лѣвомъ берегу Койсу у Ихали и Согритлохскаго моста.

Блокирующія войска не оставались въ бездѣйствіи. Передовые посты, мало по малу выдвигаясь впередъ въ своихъ ложементахъ, все болѣе стѣсняли кругъ обложенія. По гребню, ведущему къ Старому Ахульго, саперы вели подступъ двойною тихою сапою. Болѣе всего затрудняла насъ Сурхаева башня; передовые посты Куринскаго полка уже выдвинулись до самой подошвы утеса; съ другой же стороны рота Апшеронскаго полка смѣло пробралась и на противоположный спускъ съ башни къ Новому Ахульго и утвердилась на одномъ изъ крутыхъ уступовъ, гдѣ самый профиль утеса доставлялъ прикрытіе отъ выстрѣловъ какъ съ башни, такъ и съ Новаго Ахульго. Такимъ образомъ Сурхаева башня была уже обложена кругомъ. Однакожъ отчаянные мюриды всетаки держались въ ней, продолжая каждую ночь спускаться тайкомъ къ рѣчкѣ Бетлетской за водой, что каждый разъ давало поводъ къ тревогѣ и перестрѣлкѣ. Выстрѣлы нашихъ батарей, повидимому, причиняли мало поврежденій непріятельскому гнѣзду на вершинѣ утеса; между тѣмъ артиллерія израсходовала уже огромное количество снарядовъ. Транспорты не успѣвали пополнять ихъ.

Снова поднятъ былъ вопросъ объ открытіи кратчайшаго сооб-

щенія съ Темиръ-Ханъ-Шурой для облегченія подвоза запасовъ. Первая моя командировка 18-го іюня въ Унцукуль и Гимры осталась безъ послѣдствій; на меня же теперь возложены были новыя изысканія и поиски. Возникла мысль о разработкѣ прямого спуска съ горъ къ Гимрамъ, минуя Унцукуль, а также объ устройствѣ переправы чрезъ Андійскій Койсу близъ самаго сліянія его съ Аварскимъ Койсу, гдѣ, по показаніямъ туземцевъ, скалистые берега рѣки такъ сближаются между собою, что можно будто-бы перебросить бревно съ одного берега на другой. Готовясь къ предстоявшей мнѣ новой командировкѣ, я между тѣмъ придумывалъ какъ бы облегчить самую постройку моста при тѣхъ условіяхъ, какія пред тавляли Дагестанскія рѣки, и при имѣвшихся въ отрядѣ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ. Задача эта уже занимала меня въ Чиркатѣ; теперь же, на досугѣ, я смастерилъ собственноручно изъ деревянныхъ брусочковъ модель такого моста, который, казалось мнѣ, было бы всего легче перебросить чрезъ Койсу. Однакожъ попытка эта была оставлена мною безъ практическаго примѣненія, такъ какъ я долженъ былъ уже 25-го числа снова отправиться на поиски.

На этотъ разъ проводникомъ мнѣ служилъ одинъ изъ почетныхъ туземцевъ изъ сел. Эрпели Улу-бей, человѣкъ дѣльный, вліятельный, имѣвшій надежныхъ «кунаковъ» въ Гимрахъ. Его сопровождали нѣсколько нукеровъ, кромѣ даннаго мнѣ переводчика и еще двухъ кумыковъ. Доѣхавъ безъ затрудненій до того мѣста, гдѣ начинается крутой спускъ къ Гимрамъ, мы должны были сойти съ лошадей и вести ихъ въ поводу. Тропинка извивалась между камнями и кустами и вела прямо къ Гимринскому мосту на Аварскомъ Койсу. Мостъ этотъ былъ такой же конструкціи, какъ всѣ другіе зыбкіе мосты горской постройки. Отъ моста дорога поднимается садами до селенія Гимры, построеннаго сходно съ другими большими Дагестанскими аулами. Встрѣчавшіеся въ узкихъ улицахъ жители смотрѣли на насъ сурово и непріязненно; многіе изъ нихъ имѣли на головѣ бѣлыя чалмы—отличительный знакъ мюридовъ. Остановились мы у старшины и послѣ непродолжительныхъ объясненій получили проводника для указанія намъ дороги къ тому мѣсту у сліянія обоихъ Койсу, гдѣ предполагалось возобновить существовавшій нѣкогда мостъ. Переправившись обратно на лѣвую сторону рѣки, мы слѣдовали внизъ по ея теченію И здѣсь долина Аварскаго Койсу составляетъ тѣсное ущелье; только при самомъ сліяніи съ Андійскимъ Койсу образуется небольшая площадка. Осмотрѣвъ внимательно это мѣсто, я возвра-

тился въ Гимры. Старшина угостилъ насъ полнымъ обѣдомъ, начиная съ фруктовъ и кончая бараньимъ отваромъ, то есть въ обратномъ порядкѣ противъ европейской кухни. Поблагодаривъ хозяина за его гостепріимство, мы отправились въ обратный путь. Провожавшіе насъ косые и злобные взгляды Гимринцевъ не внушали большого довѣрія къ ихъ вынужденной покорности. Намъ предстояло возвращаться по тому же пути, по которому прибыли въ Гимры; но разумѣется, подниматься въ гору было во сто разъ тяжелѣе, чѣмъ спускаться. И лошади наши, и мы сами выбились изъ силъ; нѣсколько разъ должны были останавливаться, чтобы перевести духъ Подъемъ продолжался часа два. Когда мы вышли изъ пропасти на открытую мѣстность, Улу-бей со своими нукерами остался здѣсь ночевать, а я продолжалъ путь съ бывшими при мнѣ двумя кумыками и доѣхалъ до лагеря уже въ совершенную темноту. Войдя въ свою палатку, я не раздѣваясь заснулъ какъ мертвый.

Результатомъ моей поѣздки было рѣшеніе Командующаго войсками исправить по возможности осмотрѣнный мною крутой спускъ къ Гимрамъ, собственно только для проѣзда курьеровъ и для вьючнаго сообщенія, но въ то же время возстановить и прежній путь между Унцукулемъ и Гимрами, для движенія транспортовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ положено было разработать подъемъ отъ лагеря на Бетлетскую гору, къ мѣсту расположенія Шамхальской милиціи. Для приведенія въ исполненіе всѣхъ этихъ предположеній назначены были двѣ полныя роты: одна — на работы въ ущельѣ между Унцукулемъ и Гимрами, другая — на Бетлетскую гору. Нѣсколько дней сряду ѣздилъ я для указанія саперамъ направленія новой дороги. Работы начались съ 27-го іюня и продолжались до самаго конца блокады Ахульго.

Между тѣмъ 26-го и 27-го іюня прибыли въ лагерь два транспорта съ большимъ количествомъ запасовъ продовольственныхъ и боевыхъ, съ 2-мя легкими орудіями и 4-мя мортирками. Орудія эти были немедленно установлены на батареи, обстрѣливавшія Сурхаеву башню, и вслѣдъ за тѣмъ положено было предпринять рѣшительный приступъ на эту башню. 29-го іюня, съ разсвѣта, батареи открыли по ней сильнѣйшій огонь съ трехъ сторонъ, а въ 9 часовъ утра два баталіона Куринскаго полка подошли къ самой подошвѣ скалы; вызванные впередъ охотники начали смѣло взбираться вверхъ къ самой башнѣ, не смотря на сбрасываемые съ вершины скалы камни и бревна. Нѣкоторые изъ егерей-охотниковъ, не смотря на явную опасность,

успѣли достигнуть основанія башни и, подсаживая другъ друга, пытались въ нее проникнуть; но каждый смѣльчакъ, которому удавалось это, платилъ жизнью. Чтобы облегчить егерямъ доступъ къ башнѣ, артиллерія по временамъ возобновляла огонь залпами; каждый выстрѣлъ срывалъ огромные обломки; но камни и бревна катились на штурмующихъ. Горцы защищались съ отчаянною отвагою. Кровопролитный бой длился нѣсколько часовъ; одна рота смѣняла другую. Больно было видѣть, какъ безплодно гибли люди въ безнадежной борьбѣ; но ген. Граббе упорствовалъ въ своемъ намѣреніи взять башню приступомъ. Онъ во все время ходилъ предъ своей палаткой, показывая видъ хладнокровнаго спокойствія и по временамъ давалъ приказанія подкрѣплять атакующихъ свѣжими частями. Мнѣ было поручено сначала находиться на одной изъ батарей, обстрѣливавшихъ башню, чтобы ближе наблюдать за ходомъ дѣла; позже я былъ посланъ на правый флангъ блокадной линіи. Въ срединѣ дня страшный бой временно притихъ, какъ будто отъ изнеможенія обѣихъ сторонъ. Егеря наши томились отъ зноя и жажды на голой скалѣ. Въ 4 часа ген. Граббе приказалъ возобновить приступъ свѣжими войсками. Двинуты были баталіоны Кабардинскаго полка, знаменитаго своею беззавѣтною храбростію и воинственнымъ духомъ; но подъ впечатлѣніемъ испытанныхъ въ теченіи цѣлаго утра неудачъ, Кабардинскіе егеря шли неохотно на убой. Новая попытка приступа осталась столь же безуспѣшною, какъ и прежнія. Съ наступленіемъ темноты передовыя части войскъ были отведены съ облитаго кровью утеса.

Этотъ день обошелся намъ дорого. Посланный съ приказаніемъ къ полк. Лабынцеву о прекращеніи боя, я проходилъ между множествомъ раненыхъ и труповъ убитыхъ. Большинство тѣхъ и другихъ потерпѣло отъ сброшенныхъ камней. По офиціальнымъ донесеніямъ всю потерю этого дня считали свыше 300 человѣкъ. Однихъ офицеровъ было 2 убитыхъ и 18 раненыхъ. Въ числѣ первыхъ былъ маіоръ Власовъ, принявшій участіе въ приступѣ въ качествѣ охотника. Въ частяхъ, введенныхъ въ бой, не оставалось ни одного ротнаго командира, а въ нѣкоторыхъ ротахъ—даже ни одного офицера. Неудача этого дня навела грусть во всемъ лагерѣ. Ген. Граббе былъ крайне разстроенъ, тѣмъ болѣе, что на него лично падала вся нравственная отвѣтственность за понесенную безплодную потерю. Вечеръ этого дня напомнилъ мнѣ такой же вечеръ, послѣ перваго неудачнаго приступа Аргуани.

Кромѣ потери въ людяхъ, израсходовано было огромное количество боевыхъ запасовъ. Батарея изъ четырехъ легкихъ орудій одна выпустила до 1000 выстрѣловъ. Надобно было снова поджидать прибытія транспортовъ. Поэтому наступило снова нѣсколько дней затишья. Мы томились физически отъ невыносимаго зноя, и нравственно — отъ неутѣшительнаго положенія дѣлъ. Я перебрался изъ душной палатки, въ которой жилъ съ Перовскимъ, въ балаганъ или родъ шалаша, устроенный изъ вѣтвей и виноградныхъ лозъ. Новое это обиталище не только доставляло мнѣ болѣе свѣжести, но вмѣстѣ съ тѣмъ избавило меня отъ многочисленныхъ гостей, иногда собиравшихся по вечерамъ къ Перовскому для карточной игры, къ которой я всегда имѣлъ отвращеніе. Впрочемъ это переселеніе мое было только временною и случайною разлукою съ товарищемъ; мы всетаки остались въ общей артели и вскорѣ потомъ опять соединились въ совмѣстномъ жительствѣ.

Я уже упомянулъ, что почти каждый день, не смотря на зной, я долженъ былъ ѣздить на дорожныя работы, то одинъ, то вмѣстѣ съ Норденстамомъ. Разработка прямой дороги къ Гимрамъ была окончена въ короткое время; спускъ этотъ хотя нѣсколько улучшился, однакожъ всетаки былъ чрезвычайно крутъ. Во время работъ два солдата найдены были убитыми, ночью, на берегу Койсу; отвѣтственность за это злодѣяніе, конечно, падала на Гимринцевъ. Ген. Граббе, недовольный дѣйствіями Юсуфъ-бека, назначеннаго Шамхаломъ для надзора за ними, приказалъ замѣнить его упомянутымъ уже Улу-беемъ Эрпелинскимъ, спутникомъ моимъ въ поѣздкѣ въ Гимры. Можно было надѣяться, что этотъ человѣкъ, съ своею твердостію и связями, сумѣетъ поддержать авторитетъ среди необузданныхъ Гимринцевъ.

Между тѣмъ почти ежедневно прибывали въ отрядъ небольшіе транспорты съ запасами; но къ сожалѣнію подвозъ производился по мелочамъ и безъ толку. Частое отправленіе малыхъ транспортовъ сопряжено было съ излишнимъ расходованіемъ войскъ для конвоированія. 3-го іюля прибылъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры большой транспортъ, подъ прикрытіемъ 3-го Апшеронскаго баталіона, того самаго, который прежде находился въ укр. Удачномъ; при немъ прибыли и 4 легкихъ орудія. Баталіонъ этотъ расположился рядомъ съ 4-мъ того же полка, на лѣвомъ флангѣ, то есть противъ спуска къ Старому Ахульго; орудія же поступили на вооруженіе новой батареи, возведенной на горномъ уступѣ къ востоку отъ Сурхаевой башни,

для обстрѣливанія ея перекрестнымъ огнемъ. Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій, въ отрядѣ состояло уже 10 баталіоновъ пѣхоты и 24 орудія; но численная сила отряда всетаки составляла немного болѣе 6.100 человѣкъ въ строю, не считая милиціи.

Пользуясь прибытіемъ свѣжаго баталіона и подвозомъ запасовъ, ген. Граббе вознамѣрился на другой же день, 4-го числа, возобновить попытку противъ Сурхаевой башни. Но предъ разсвѣтомъ того дня непріятель произвелъ вылазку изъ Стараго Ахульго и бросился на переднюю часть крытой сапы, доведенной уже до рва. Подоспѣвшій резервъ отбилъ нападеніе горцевъ; но когда все утихло, вдругъ вспыхнулъ мантелетъ, прикрывавшій голову сапы. Пламя, раздуваемое вѣтромъ, быстро сообщалось отъ одного тура къ другому, и въ то же время горцы открыли сильный огонь изъ своихъ заваловъ. Для прекращенія пожара пришлось сбросить нѣсколько туровъ и такимъ образомъ головная часть почти оконченнаго уже подступа была уничтожена. При этомъ лишились мы одного офицера и нѣсколькихъ солдатъ.

Въ 2 часа пополудни открыта была сильная пушечная стрѣльба по Сурхаевой башнѣ, съ нѣсколькихъ батарей, перекрестнымъ огнемъ. Послѣ каждаго выстрѣла поднимавшаяся надъ башней густая пыль показывала, что артиллерія наша производила въ непріятельскомъ логовищѣ страшное опустошеніе. Между тѣмъ вызванные со всего отряда охотники, въ числѣ 200 человѣкъ, съ заготовленными деревянными щитами, обитыми войлокомъ, выжидали у подошвы скалы сигнала атаки; позади ихъ въ резервѣ готова была рота Куринскаго полка. По данному сигналу охотники смѣло полѣзли вверхъ; но лишь только нѣкоторые изъ нихъ добрались до башни, изъ нея выскочили отчаянные защитники ея и снова повторились кровавыя сцены 29 го числа. Мюриды съ ожесточеніемъ кидали на штурмующихъ камни и бревна; всѣ отважные наши охотники были перебиты или изувѣчены. Но на этотъ разъ имъ послано было приказаніе прекратить попытки и, прикрывшись по возможности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ за каменьями, выждать наступленія ночи. Батареи же возобновили свое разрушительное дѣйствіе.

Вторичная эта попытка на Сурхаеву башню стоила намъ 5 офицеровъ и болѣе 100 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ раненыхъ былъ одинъ гвардейскій офицеръ — Кирасирскаго Его Высочества полка Мартыновъ. Но результатомъ этого дня былъ такой разгромъ непріятельской берлоги, что дальнѣйшая въ ней оборона сдѣлалась невоз-

можною, и въ теченіи ночи оставшіеся еще въ живыхъ защитники башни должны были покинуть ее. Пробираясь въ Новое Ахульго, они наткнулись на наши секреты; завязалась перестрѣлка; а между тѣмъ наши охотники, удержавшіеся на скалѣ, подъ самою башнею, безпрепятственно заняли ее. Они нашли однѣ развалины, нѣсколько труповъ и раненыхъ.

Уничтоженіе Сурхаевой башни было значительнымъ успѣхомъ въ ходѣ осады и облегчило дальнѣйшія дѣйствія противъ Новаго Ахульго. Въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій изъ южнаго Дагестана и новыхъ транспортовъ, поднятъ былъ вопросъ объ открытіи снова сообщенія съ лѣвою сторонею Андійскаго Койсу. Нѣкоторые изъ туземцевъ указывали еще новое мѣсто для устройства переправы, но уже не на Андійскомъ Койсу, а на Сулакѣ, то есть ниже сліянія обоихъ Койсу, гдѣ скалистые берега до того сближаются между собой, что можно перебросить бревно съ одного на другой и сталобыть не требуется никакой сложной постройки. Разслѣдованіе по этому предмету было опять возложено на меня и предварительно поручено навести точныя справки отъ приближенныхъ Шамхала Тарковскаго. 5-го іюля я отправился къ нему въ лагерь, но никакихъ свѣдѣній не добился, и потому на другой день, 6-го числа, долженъ былъ отправиться для личнаго осмотра указаннаго мѣста на Сулакѣ. Выѣхавъ изъ лагеря утромъ въ сопровожденіи переводчика и трехъ туземцевъ, я прибылъ въ Гимры прямо къ Улу-бею, котораго засталъ въ хлопотахъ по поводу только что случившагося утромъ происшествія. Нѣсколько Гимринцевъ напали на трехъ Унцукульцевъ, которые будто бы покушались угнать Гимринскій скотъ, пасшійся на берегу р. Койсу; въ возникшемъ столкновеніи убиты одинъ Гимринецъ и двое Унцукульцевъ, тѣла которыхъ и видѣлъ я при проѣздѣ чрезъ Гимринскій мостъ. Третій же Унцукулецъ былъ схваченъ и приведенъ къ Улу-бею, который зналъ его лично. Къ дому Улу-бея сбѣжалась толпа раздраженныхъ Гимринцевъ и требовала выдачи Унцукульца, чтобы расправиться съ нимъ по своему. Улу-бей, имѣя при себѣ стражу изъ вѣрныхъ людей, не уступилъ и толпа разошлась съ неудовольствіемъ и угрозами. Въ это то время въѣхалъ я въ Гимры; мнѣ бросились въ глаза звѣрскія лица попадавшихся людей. Улу-бей призналъ невозможнымъ предпринять въ тотъ день поѣздку къ указанному мѣсту на Сулакѣ, и потому приходилось мнѣ оставаться въ Гимрахъ до слѣдующаго утра. Къ счастію моему, въ то время пріѣхалъ къ Улу-бею изъ Темиръ-Ханъ-Шуры русскій офицеръ Ма-

нучаровъ, котораго присутствіе отчасти выручало меня отъ скуки продолжительнаго сообщества туземцевъ. Манучаровъ предложилъ намъ чаю, чему, конечно, я былъ очень радъ; малолѣтній сынъ хозяина принесъ фруктовъ; а подъ вечеръ собралось множество народа. Въ числѣ непрошенныхъ гостей были и нѣкоторые изъ отъявленныхъ мюридовъ въ бѣлыхъ чалмахъ; одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ какъ убійца графа Ивелича, который въ 1839 году былъ предательски схваченъ Гимринцами на томъ самомъ мѣстѣ, куда собирался я ѣхать, и приведенный къ Шамилю въ Ашильту, умерщвленъ по его приказанію. Признаюсь, мнѣ было не по душѣ сосѣдство такого человѣка, тѣмъ болѣе, что мои собесѣдники какъ будто нарочно наводили рѣчь на трагическій конецъ Ивелича и кичились этимъ злодѣйскимъ вѣроломствомъ. Одинъ мулла поднесъ мнѣ написанный на клочкѣ бумаги привѣтственный адресъ, за что получилъ отъ меня цѣлковый и остался вполнѣ доволенъ этимъ «бакшишемъ». Улу-бей приготовилъ намъ ужинъ на полу-европейскій ладъ; конвойныхъ же моихъ угостилъ отдѣльно на дворѣ вмѣстѣ со своими стражниками. Послѣ вечерней молитвы, заунывно пропѣтой во всемъ аулѣ, все утихло и мы улеглись спать, забарикадировавъ всѣ входы въ домъ; на балконѣ же или террасѣ дома расположилась вооруженная стража Улу-бея.

Ночь прошла почти безъ сна. Едва начало свѣтать, я поднялъ на ноги весь домъ, чтобы отправиться какъ можно раньше въ предстоявшій путь и успѣть въ тотъ же день вернуться въ лагерь. Выѣхалъ я въ сопровожденіи Улу-бея и его стражи; данныхъ же мнѣ изъ лагеря конвойныхъ оставилъ у Гимринскаго моста ожидать моего возвращенія. По пути, на каждомъ шагу, указывали мнѣ мѣста разныхъ недавнихъ кровавыхъ происшествій; показали и то, гдѣ было произведено нападеніе на команду гр. Ивелича. Это самое мѣсто и составляло цѣль моей поѣздки. Достигнувъ его частію верхомъ, частію пѣшкомъ, я убѣдился въ невозможности проложенія туда какой бы то ни было дороги, даже вьючной. Хотя Улу-бей говорилъ мнѣ еще о какомъ-то очень узкомъ мѣстѣ Андійскаго Койсу, повыше осмотрѣннаго уже мной, такъ называемаго Ашильтинскаго моста, однакожъ самъ же потомъ заявилъ о невозможности проложенія туда дороги. Такимъ образомъ и на этотъ разъ мои поиски имѣли результатъ отрицательный. Возвратившись къ Гимринскому мосту и соединившись со своими конвойными, я долженъ былъ опять взбираться на гору. Не смотря на всѣ произведенныя работы для улуч-

шенія этого проклятаго подъема, онъ показался мнѣ почти столь же тягостнымъ, какъ и въ прежнемъ видѣ; а вдобавокъ приходилось теперь довольно долго кружить по зигзагамъ около падали, заражавшей воздухъ. Къ 6 часамъ вечера я уже былъ въ лагерѣ, и первымъ, кого встрѣтилъ, былъ самъ ген. Граббе. Немедленно же отдалъ я ему отчетъ о результатѣ моей поѣздки, а затѣмъ полковникамъ Пулло и Норденстаму.

На другой день ген. Граббе объѣзжалъ часть блокадной линіи; я же оставался весь день въ своемъ шалашѣ, совершенно измученный поѣздкою 9-го числа. Я полюбопытствовалъ только взобраться на мѣсто бывшей Сурхаевой башни, откуда открывался обширный видъ. Тамъ стоялъ караулъ изъ 30 человѣкъ. Мѣсто не было еще вполнѣ очищено; валявшіеся трупы убитыхъ заражали воздухъ. Со времени разворѣнія этого гнѣзда расположеніе нашихъ войскъ значительно подвинулось впередъ; протяженіе позиціи сократилось; но сообщенія между частями блокадной линіи сдѣлались еще труднѣе прежняго: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были устроены спуски по приставнымъ лѣстницамъ, въ другихъ спускали людей и орудія на канатахъ, посредствомъ блоковъ или воротовъ. Въ особенности подвинулись подступы къ Новому Ахульго. Новыя батареи на правомъ флангѣ блокады обстрѣливали этотъ утесъ съ самаго близкаго разстоянія. Спускъ съ бывшей Сурхаевой башни къ выступавшей передней части Новаго Ахульго, образовавшій два большіе уступа въ видѣ естественныхъ брустверовъ, былъ уже занятъ цѣлымъ баталіономъ (2-мъ Апшеронскимъ). Отъ нижняго уступа оставалось до передняго рва непріятельскаго передового укрѣпленія саженъ 50 такой кручи, что спускаться можно было не иначе, какъ по приставной лѣстницѣ. Устроить тутъ подступъ сапою признавалось невозможнымъ.

12-го числа прибыли давно ожидаемые изъ южнаго Дагестана 3 баталіона Графскаго полка съ 4 орудіями. Мнѣ было поручено встрѣтить эту колонну и провести на предназначенное ей мѣсто расположенія. Заставъ полкъ на высотахъ близъ казачьяго лагеря, я былъ нѣсколько удивленъ, увидѣвъ, что всѣ, отъ полкового командира до послѣдняго солдата, заняты чисткою и переодѣваніемъ. Командиръ полка, полковникъ баронъ Врангель (Александръ Евстафіевичъ) — высокаго роста, статный, съ красивымъ лицомъ, съ длинными бѣлокурыми усами, щеголевато одѣтый, производилъ пріятное впечатлѣніе своею наружностію, также какъ и изящными формами въ обхожденіи. Взявъ полковыхъ квартирьеровъ, я повелъ ихъ на мѣсто, назначенное

для полка, въ Ашильтинскихъ садахъ, позади лагеря главной квартиры. Около 4 часовъ ген. Граббе встрѣтилъ прибывшій головной баталіонъ полка съ нѣкоторою торжественностію, отъ которой мы отвыкли въ Чеченскомъ отрядѣ. Часъ спустя вступили въ лагерь и остальные баталіоны съ орудіями.

Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій отрядъ нашъ состоялъ уже изъ 13 баталіоновъ и 30 орудій; численная сила достигла 8400 человѣкъ въ строю (а всего до 13 тысячъ) со включеніемъ милиціи. Рѣшено было неотлагательно произвести общій приступъ. Непріятель, какъ бы предвидя атаку, сдѣлалъ въ ночь на 13-е число смѣлую вылазку изъ Новаго Ахульго и сбилъ стоявшую на нижнемъ уступѣ спуска роту Апшеронскаго полка. Ген. Граббе послалъ этой ротѣ строгое приказаніе немедленно загладить свое позорное поведеніе и во чтобы ни стало снова занять покинутое ею мѣсто, угрожая въ противномъ случаѣ разстрѣлять десятаго человѣка. Приказаніе было исполнено и нижній уступъ предъ главною частію Новаго Ахульго снова занятъ 14-го числа.

15-го іюля я обошелъ пѣшкомъ значительную часть нашей позиціи, спускался и поднимался по лѣстницамъ и на канатахъ, стараясь приглядѣться къ причудливой топографіи этихъ трущобъ. На другой день, 16-го числа, утромъ ѣздилъ съ Вольфомъ осмотрѣть дорожныя работы; возвратившись въ лагерь, мы узнали не безъ удивленія, что въ тотъ же день, въ 4 часа, уже назначенъ штурмъ. Мы не могли объяснить себѣ, что побудило наше начальство приступить къ такому важному, трудному дѣлу столь внезапно, безъ предварительныхъ подготовительныхъ мѣръ. Едва успѣли даже составить диспозицію и разослать ее войскамъ; на батареяхъ не было запасено достаточно зарядовъ; не было дано времени на то, чтобы предварительно артиллерійскимъ огнемъ облегчить путь пѣхотѣ.

По диспозиціи главная атака на Новое Ахульго возложена была на вновь прибывшій Графскій полкъ, подъ начальствомъ барона Врангеля. Полку этому приказано было смѣнить Апшеронцевъ на нижнемъ уступѣ спуска и запастись лѣстницами. Другая колонна, изъ одного баталіона Апшеронскаго (1-го), подъ начальствомъ полк. Попова, должна была развлекать вниманіе непріятеля атакою по гребню, ведущему къ головной части Стараго Ахульго. Третья же колонна, изъ 6 ротъ того же Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ маіора Тарасевича, направлена между обоими Ахульго, по руслу рѣчки Ашильтинской, чтобы препятствовать взаимной под-

держкѣ той и другой части непріятельскихъ силъ, а въ случаѣ, еслибъ нашлась какая нибудь тропинка отъ русла рѣчки на вершину утесовъ, то воспользоваться ею и тѣмъ облегчить успѣхъ главной атаки. Всѣмъ офицерамъ приказано было надѣть солдатскіе мундиры. Къ каждой изъ трехъ штурмовыхъ колоннъ назначенъ офицеръ генеральнаго штаба: къ главной — Шульцъ, къ лѣвой — Эдельгеймъ, а мнѣ досталось вести среднюю, маіора Тарасевича.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ артиллерійской стрѣльбы со всѣхъ батарей по головнымъ частямъ обоихъ Ахульго, въ 5 часовъ по полудни данъ былъ сигналъ къ атакѣ бѣлымъ флагомъ. Всѣ три колонны одновременно бросились впередъ. Въ главной, барона Врангеля, головная рота, смѣло спустившись съ нижняго уступа горы по лѣстницамъ, подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля, мгновенно устремилась съ крикомъ ура въ самый ровъ предъ головнымъ укрѣпленіемъ Новаго Ахульго и начала взбираться на самое укрѣпленіе. Лѣвая, полковника Попова, также бросилась съ крикомъ ура къ головной части Стараго Ахульго, а колонна маіора Тарасевича, тронувшись прямо съ мѣста бѣглымъ шагомъ по руслу рѣки, быстро проникла въ ущелье между обоими Ахульго. Но тутъ съ верху отвѣсныхъ скалъ съ обѣихъ сторонъ посыпался на насъ буквально градъ камней, а спереди были мы встрѣчены выстрѣлами съ завалова, оставшихся до того времени намъ невидимыми. Съ перваго же раза легло у насъ множество убитыхъ и раненыхъ; солдаты инстинктивно замедлили шагъ; каждый старался пробираться ближе къ бокамъ ущелья, прикрываясь выдающимися скалами. Въ то же время и въ главной колоннѣ, послѣ перваго стремительнаго порыва, вдругъ встрѣтилась непреодолимая преграда. Завязался отчаянный бой во рву и потомъ на переднѣй площадкѣ непріятельскаго укрѣпленія, офицеры и солдаты оказывали чудеса храбрости. По мѣрѣ того, какъ гибли передніе люди, вводились въ дѣло свѣжія роты. На узкомъ гребнѣ не было возможности протискаться между множествомъ раненыхъ и убитыхъ. Многіе обрывались и падали стремглавъ къ рѣчкѣ на нашихъ глазахъ. Также и предъ Старымъ Ахульго встрѣчена остановка. Въ нашей средней колоннѣ ясно было видно все, что происходило надъ нашими головами, справа и слѣва. Солдаты, бросившіеся первоначально впередъ съ такимъ увлеченіемъ, постепенно останавливались, прижимаясь къ скаламъ, чтобы укрыться по возможности отъ камней сверху и отъ выстрѣловъ спереди. Почти каждый, кто высовывался на средину ущелья, подвергался тому или

другому. Никакія приказанія, ни увѣщанія офицеровъ не могли побудить солдатъ двинуться впередъ; да и какая могла быть цѣль дальнѣйшаго нашего движенія? Только увеличивалась бы и безъ того уже большая потеря въ людяхъ, безъ всякой пользы для успѣха главной атаки. Начинало уже темнѣть. Не получая никакихъ приказаній, мы оставались неподвижно въ ущельѣ, какъ вдругъ раздался спереди крикъ: «берегись, горцы бросаются въ шашки». Кто закричалъ? Дѣйствительно ли горцы появились въ ущельѣ, или только померещилось напуганному воображенію солдатъ, осталось неизвѣстнымъ. Но одного этого крика было достаточно, чтобы вдругъ вся колонна шарахнулась. Тутъ уже пропалъ и самый инстинктъ самосохраненія: не думая искать прикрытій за скалами, солдаты бросились бѣжать толпою по самому руслу рѣчки, толкая другъ друга, спотыкаясь на камни; и тутъ то колонна наша понесла главную потерю. Тщетно офицеры пытались остановить бѣгство; одинъ изъ нихъ выхватилъ у барабанщика барабанъ и началъ самъ бить сигналъ атаки; и я также, не смотря на свою рану, обнажилъ шашку и пробовалъ загородить дорогу бѣглецамъ; но если и удавалось остановить одного на мгновеніе, то другіе всетаки продолжали бѣжать, не заботясь объ оставшихся позади раненыхъ, ни о тѣлахъ убитыхъ. Тутъ выказалось наглядно дѣйствіе паническаго страха, возможнаго даже въ лучшихъ войскахъ. Во всю долгую жизнь не изгладилось у меня то удручающее чувство, которое испыталъ я въ этотъ день.

Съ наступленіемъ ночи всѣ штурмовыя войска возвратились на первоначальные сборные пункты колоннъ. Невыразимое уныніе наступило во всемъ отрядѣ. Потеря у насъ была громадная: до 156 убитыхъ и 719 раненыхъ, въ томъ числѣ офицеровъ 7 убитыхъ и 45 раненыхъ. Въ Графскомъ полку не осталось ни одного офицера изъ числа бывшихъ въ строю; самъ баронъ Врангель былъ прострѣленъ въ грудь. Въ средней колоннѣ Тарасевича выбыла изъ строя цѣлая треть людей. Изъ штабныхъ въ этотъ день раненъ полк. Муравьевъ (Николай Николаевичъ); изъ гвардейскихъ офицеровъ убиты Ридигеръ (Егерскаго полка) и Вороновъ (Уланскаго Его Высочества); ранены: Потуловъ (Преображенскаго) и Стромбергъ (Драгунскаго). Что касается меня, то я отдѣлался одними синяками отъ попавшихъ мелкихъ камней.

На другой день, 17-го числа, я пошелъ навѣстить раненыхъ: барона Врангеля, лежавшаго въ своей палаткѣ на томъ же уступѣ горы, предъ Новымъ Ахульго, откуда наканунѣ начался приступъ. Не

смотря на прострѣленную грудь, онъ смотрѣлъ бодро и разговаривалъ со мной спокойно о вчерашнемъ днѣ. Потомъ зашелъ я къ Муравьеву, раненому въ руку, къ Потулову и Фитингофу. Графскій полкъ, крайне разстроенный, перемѣщенъ на прежнее мѣсто въ резервъ: во всѣхъ трехъ баталіонахъ оставалось въ строю едва 800 нижнихъ чиновъ, и при нихъ только три офицера, занимавшіе нестроевыя должности. Для командованія баталіонами и ротами прикомандированы были офицеры изъ другихъ полковъ и даже нѣсколько артиллеристовъ; командованіе полкомъ возложено на подполковника Апшеронскаго полка Быкова. Баронъ Врангель и другіе раненые были отправлены съ первымъ транспортомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Мѣсто вчерашняго боя было завалено тѣлами убитыхъ. Всего прискорбнѣе было думать, что въ рукахъ непріятеля могли остаться многіе изъ раненыхъ, не имѣвшіе возможности уйти назадъ.

Настроеніе въ отрядѣ было такое удручающее, что полученное въ это время извѣстіе о наградахъ за взятіе Аргуани не порадовало никого. Однакожъ 18-го числа весь штабъ счелъ своею обязанностію облечься въ эполеты и шарфы и пойти in corpore поздравить ген. Граббе съ орденомъ Св. Александра Невскаго, а Галафѣева съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Ген. Граббе не принялъ нашего поздравленія за неимѣніемъ еще офиціальнаго увѣдомленія, которое пришло только чрезъ четыре дня; а потому 23-го числа мы вторично ходили съ поздравленіемъ. Оба наши полковые командира Пулло и Лабынцевъ произведены въ генералъ-маіоры. Въ числѣ награжденныхъ и я украсился Станиславомъ въ петлицу. Ген. Граббе нашелъ эту награду недостаточною и намѣревался войти съ новымъ ходатайствомъ о награжденіи какъ меня, такъ и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ болѣе достойнымъ образомъ; но намѣреніе это осталось безъ исполненія. Впрочемъ я былъ всегда довольно равнодушенъ къ наградамъ, и въ настоящемъ случаѣ даже и не считалъ себя въ правѣ сѣтовать, сравнивая свое слабое участіе въ бою съ подвигами самоотверженія столькихъ другихъ строевыхъ офицеровъ, оставляемыхъ вовсе безъ награжденія.

Наступило продолжительное время какого-то неопредѣленнаго, выжидательнаго состоянія. Никто не зналъ дальнѣйшихъ намѣреній нашего начальства. То говорили, что поджидаются новые транспорты для возобновленія штурма; то толковали о необходимости полнаго обложенія Ахульго съ обоихъ береговъ Койсу, потому что Шамиль, не смотря на всѣ понесенныя потери, продолжалъ получать извнѣ

свѣжія подкрѣпленія и запасы; постоянно были видны на высотахъ лѣваго берега рѣки горскіе вьючные транспорты. Всѣ, знавшіе характеръ нашего генерала, опасались, чтобъ онъ опять не увлекся вдругъ порывомъ нетерпѣнія и не вздумалъ по прежнему предпринять штурмъ безъ всякаго подготовленія. Послѣ всѣхъ предшествовавшихъ подобныхъ порывовъ его, стоившихъ намъ столько жертвъ, понятно, что и въ войскахъ зародилось недовѣріе къ распоряженіямъ начальства. Нельзя уже было надѣяться, чтобы наши разстроенные баталіоны пошли вновь на убой съ такимъ же увлеченіемъ, съ какимъ бросались на ура въ началѣ экспедиціи.

Вообще положеніе наше представлялось въ мрачномъ видѣ. По строевому рапорту 21-го іюля показывалось во всемъ отрядѣ 7.900 чел. въ строю (а на продовольствіи до 10 тыс. чел.); но всѣ части были крайне разстроены. Въ 13 баталіонахъ пѣхоты состояло всего 6.400 чел., а отъ роты саперъ оставалось на лицо человѣкъ 30. Для производства работъ нуждались въ инструментѣ и матеріалѣ. Ближайшіе склады боевыхъ запасовъ (въ сѣверномъ Дагестанѣ) были истощены; приходилось изготовлять артиллерійскіе заряды въ самыхъ батареяхъ. Повидимому и самъ ген. Граббе, показывая по наружности спокойствіе, начиналъ сомнѣваться въ успѣхѣ предпринятой экспедиціи. Случалось слышать отъ него, что простоитъ подъ Ахульго хотя бы до зимы. Ген. Граббе былъ человѣкъ весьма симпатичный. Сохраняя всегда важную осанку и серьезность, онъ однакоже не отталкивалъ отъ себя надменностію и холодностію; напротивъ того, былъ со всѣми весьма обходителенъ и вѣжливъ. Къ дѣламъ служебнымъ онъ относился какъ-то свысока; не входилъ въ подробности исполненія, ограничивался заявленіемъ своего требованія въ общей формѣ, не отдавая категорическихъ приказаній. Поэтому всѣ распоряженія по отряду предоставлялись частнымъ начальникамъ и на нихъ возлагалась вся отвѣтственность. Генералъ Граббе вполнѣ довѣрился полковнику Пулло—хитрому греку, привыкшему къ мелочной дѣятельности полкового командира и не подготовленному къ кругу дѣйствій отряднаго начальника штаба. Пулло старался только поддѣлываться къ командующему войсками, угождать ему, и часто морочилъ его, не рѣшаясь прямо возражать и объяснять откровенно суть дѣла. То, чего не доставало начальнику штаба, могъ бы отчасти возмѣщать оберъ-квартирмейстеръ; но къ сожалѣнію, Норденстамъ, обладавшій всѣми достоинствами и недостатками своихъ земляковъ, аккуратный до педантизма, но безъ всякой иниціативы, безъ общихъ идей, не

могъ имѣть вліянія ни на полк. Пулло, ни на ген. Граббе. Всѣ подробности веденія осады были предоставлены ген. Галафѣеву, который въ свою очередь давалъ только предписанія командирамъ частей войскъ, а тѣ вели дѣло каждый по своему разумѣнію. Завѣдывавшій въ отрядѣ инженерною частію подполк. Энбрехтъ, мало способный и не предпріимчивый, не пользовался довѣріемъ начальства, а командиръ саперной роты кап. Вильде былъ говорунъ и балагуръ, такъ что все саперное дѣло, имѣвшее въ настоящемъ случаѣ первостепенное значеніе, лежало собственно на двухъ молодыхъ, бойкихъ офицерахъ: Горяевѣ и гр. Нирод (гвардейскомъ). Все это объясняетъ, почему въ нашемъ отрядѣ не было единства въ распоряженіяхъ, не было заранѣе обдуманнаго общаго плана, и все дѣлалось урывками, какъ бы случайно. Начальствующія власти сваливали другъ на друга распоряженія и отвѣтственность.

За недостаткомъ иниціативы въ начальствующихъ лицахъ, исходили иногда отъ личностей невысокихъ чиновъ разные проекты и предложенія, болѣе или менѣе удобопримѣнимые при нашемъ безвыходномъ положеніи. Такъ у товарища моего Шульца возникалъ цѣлый рядъ такихъ предложеній, къ сожалѣнію, почти всегда крайне рискованныхъ. Между прочимъ онъ задумалъ отнять у непріятеля воду, отведя рѣчки Ашильтинскую и Бетлетскую; ему даже были даны рабочіе для приведенія въ исполненіе его замысла; но всѣ старанія его остались безуспѣшны. Съ большею пользою названные выше два саперные офицера придумывали разныя ухищренія въ веденіи сапныхъ работъ при крайней скудности имѣвшихся у нихъ матеріальныхъ средствъ.

Самою трудною для саперъ задачею было устройство крытаго спуска къ головной части Новаго Ахульго. Устройство такого спуска признавалось необходимымъ для уменьшенія потери при новомъ штурмѣ; но по крутизнѣ узкаго каменистаго гребня не было возможности ставить туры. Молодые наши саперы придумали употребить досчатые щиты, связанные плотно между собою и составлявшіе вмѣстѣ галлерею, висѣвшую на канатахъ. Въ особенности затруднителенъ былъ первый приступъ къ этой работѣ подъ непріятельскими выстрѣлами. Горцы препятствовали работѣ ночными вылазками: такъ въ ночь съ 20-го на 21-е іюля они подползли къ устраиваемой галлереѣ и успѣли сбросить въ кучу висѣвшій на канатахъ мантелетъ. Послѣ того уже прибѣгли для прикрѣпленія новаго мантелета къ желѣзнымъ цѣпямъ. Ночныя вылазки не обходились безъ потерь съ обѣихъ сторонъ. Въ одной изъ нихъ раненъ гвардейскій офицеръ лейбъ-уланъ Солодовниковъ.

Время проходило и съ каждымъ днемъ въ войскахъ усиливалась болѣзненность отъ продолжительной стоянки на однихъ мѣстахъ, на раскаленныхъ утесахъ и въ зараженномъ трупами воздухѣ. Конницу невозможно было держать при отрядѣ по неимѣнію корма; поэтому казаки были отправлены на Шамхальскую плоскость, конница изъ волонтеровъ-туземцевъ распущена по домамъ, а милиціи Шамхала и Ахметъ-Хана отведены на возвышенныя плоскогорія. Въ нашемъ штабномъ лагерѣ истощились всѣ запасы; у маркитантовъ нельзя было доставать даже чаю и сахару. Между нашими штабными начали заболѣвать одинъ за другимъ; въ томъ числѣ и я началъ хворать то желудкомъ, то головными болями. Въ иные дни я вовсе не могъ выходить изъ своего шалаша. Однакожъ это не мѣшало мнѣ, пользуясь досугомъ, заниматься письменными работами. Полк. Норденстамъ поручилъ мнѣ составить, съ помощью нашего молодца топографа Алексѣева, подробный планъ осады Ахульго, съ обозначеніемъ всѣхъ производимыхъ работъ и съ объяснительнымъ текстомъ. Кромѣ того онъ посовѣтовалъ мнѣ заняться подготовленіемъ матеріаловъ для историческаго описанія всей экспедиціи Чеченскаго отряда. Съ удовольствіемъ приступилъ я къ этимъ работамъ; а между тѣмъ у меня самого уже нѣсколько дней бродили въ головѣ мысли о несовершенствахъ того образа войны, которому мы слѣдовали въ борьбѣ съ горцами, о слабомъ примѣненіи разныхъ средствъ европейской техники и въ особенности о несоотвѣтственной мѣстнымъ условіямъ системѣ въ постройкѣ укрѣпленій. Мнѣ казалось, что въ гористой мѣстности, особенно въ Дагестанѣ, слѣдовало, вмѣсто обычныхъ земляныхъ брустверовъ съ бастіонами, строить по образцу горскихъ заваловъ, въ видѣ крытыхъ галлерей, башенъ и т. п. Я занялся составленіемъ по этому предмету записки, которую прочелъ Норденстаму.

Съ 24-го іюля ходили у насъ въ штабѣ слухи о желаніи Шамиля войти въ переговоры. Имѣлись свѣдѣнія, что въ Ахульго свирѣпствуютъ болѣзни, что было вполнѣ естественно. 27-го числа дѣйствительно явился парламентеромъ Чиркеевскій житель Біакай, который сначала пробовалъ морочить насъ, увѣряя, что у Шамиля во всемъ изобиліе и довольство. По случаю переговоровъ заключено было двухъ-часовое перемиріе, которымъ обѣ стороны воспользовались, чтобы убрать хотя отчасти валявшіеся еще трупы убитыхъ. Обитатели Ахульго вылѣзли изъ своихъ душныхъ норъ на поверхность утесовъ и наслаждались какъ дѣти, выпущенныя на свободу. Но эти два часа

прошли быстро; переговоры не привели ни къ какому результату. Ген. Граббе требовалъ отъ Шамиля, въ удостовѣреніе искренности его, предварительной выдачи сына въ заложники. Съ этимъ отвѣтомъ Біакай возвратился въ Ахульго. На другой день, 28-го числа, онъ снова явился парламентеромъ; опять былъ перерывъ военныхъ дѣйствій—и опять безъ всякаго результата. На этотъ разъ Біакай даже не возвратился въ Ахульго, а отправился въ Чиркей. Уже тогда можно было заподозрить интриги Чиркеевцевъ, что и подтвердилось впослѣдствіи. На успѣхъ переговоровъ, очевидно, нельзя было разсчитывать, пока Шамиль имѣлъ еще возможность получать извнѣ подкрѣпленія и запасы; а потому рѣшено было наконецъ привести въ дѣйствіе предположеніе, о которомъ давно уже были толки—распространить блокаду и на лѣвый берегъ Койсу.

Послѣ цѣлаго ряда безуспѣшныхъ рекогносцировокъ моихъ и товарища моего Эдельгейма въ нижней части теченія Андійскаго Койсу, положено было устроить переправу нѣсколько выше Ахульго, и 25-го числа дано полк. Лабынцеву приказаніе приступить къ постройкѣ тамъ моста. Въ помощь ему даны были инженеръ Энбрехтъ и генеральнаго штаба Эдельгеймъ. Послѣдній съ небольшою командою, въ ночь съ 25-го на 26-е число, спустился къ рѣкѣ, въ разстояніи не болѣе ружейнаго выстрѣла отъ Стараго Ахульго; не смотря на чрезвычайно бурное теченіе рѣки, нѣсколько хорошихъ пловцовъ переплыло на лѣвый берегъ и благополучно возвратилось назадъ; вслѣдъ за тѣмъ началась разработка тропы съ высотъ къ избранному мѣсту переправы. Но Лабынцевъ неохотно принимался за возложенное на него дѣло, и ген. Граббе былъ недоволенъ медленностью его распоряженій. Въ ночь съ 30-го на 31-е іюля спущено съ большимъ трудомъ къ мѣсту переправы нѣсколько орудій (одно легкое, два горныя и три мортирки), чтобы обстрѣливать противоположный берегъ Койсу. Нѣсколько егерей опять переплыли рѣку, натянули канатъ и начали ставить туры. Но всѣ эти попытки убѣдили въ невыгодности избраннаго мѣста, подъ выстрѣлами изъ Стараго Ахульго. 31-го числа рѣшено было отказаться отъ устройства здѣсь моста, а вмѣсто того возстановить прежній у Чирката.

Съ 1-го августа началось перемѣщеніе орудій и рабочей команды и приступлено къ изготовленію сруба изъ бревенъ. Горяевъ, которому поручена была эта работа, жаловался на то, что Лабынцевъ своими странными распоряженіями только замедлялъ дѣло. Однакожъ къ 3-му августа срубъ былъ установленъ на нашемъ берегу, и съ

передней его оконечности удалось перебросить на противоположный берегъ длинную (въ 6 саж.) лѣстницу, по которой начали туда перебѣгать люди. Къ вечеру уже собрались на лѣвомъ берегу рѣки полныя три роты. Въ ночь онѣ успѣли прикрыться укрѣпленіями. Горцы, отброшенные огнемъ артиллеріи, совсѣмъ очистили лѣвый берегъ рѣки. 4-го августа оба баталіона Кабардинскаго полка, а за ними милиція Ахметъ-Хана двинулись къ Чиркату. Оставивъ у этого селенія милицію, Лабынцевъ со своими баталіонами и двумя горными орудіями расположился на высотахъ лѣваго берега Койсу противъ самаго Ахульго. Съ наступленіемъ темноты туда пущено было нѣсколько гранатъ. Эти выстрѣлы были сигналомъ успѣшнаго исполненія предпріятія. Съ этого времени (4-го августа) Ахульго было обложено уже со всѣхъ сторонъ и Шамиль лишился всякихъ сообщеній. Прибывшій къ нему въ тотъ день транспортъ съ шайкою Андійцевъ не могъ уже проникнуть въ Ахульго и, постоявъ на высотахъ, долженъ былъ удалиться. Милиція Ахметъ-Хана рѣшилась даже сдѣлать поискъ къ Аргуани. Шамхальской же милиціи приказано спуститься съ высотъ для наблюденія за Согритлохскимъ мостомъ, за Ихали и другими переправами на верхнемъ теченіи Койсу.

5-го августа мнѣ было поручено указать этой милиціи мѣсто новаго расположенія. Не смотря на разстройство здоровья, я отправился съ утра въ лагерь милиціи. Самаго Шамхала уже не было при ней; вмѣсто него оставался братъ его Шахъ-Абасъ; но настоящимъ начальникомъ былъ прапорщикъ милиціи Заусанъ—человѣкъ внушительной наружности, съ окладистой бородой и повидимому державшій въ рукахъ свою орду. По прибытіи моемъ въ лагерь милиціи, начались сборы къ выступленію, продолжавшіеся невыносимо долго, такъ что мы двинулись только въ 3-мъ часу пополудни. Проходя мимо Аккента, нашли тамъ оставленную часть милиціи Ахметъ-Хана, до 200 человѣкъ. Двигались мы очень медленно по узкой тропѣ и спустились на средній уступъ горъ, когда солнце уже садилось. Шахъ-Абасъ и его начальникъ штаба Заусанъ никакъ не рѣшались идти далѣе и здѣсь остановились на ночлегъ. Въ то время какъ подъ Ахульго изнывали днемъ и ночью отъ зноя, здѣсь, на высотахъ, было такъ свѣжо, что предъ разсвѣтомъ я долженъ былъ встать и согрѣваться ходьбою, закутавшись въ бурку. Утромъ снова пробовалъ я склонить Шамхальскихъ военачальниковъ спуститься съ горъ къ переправамъ на Койсу; но всѣ мои убѣжденія были напрасны. Они объ-

явили мнѣ, что впереди у нихъ есть вѣрные люди, которые дадутъ имъ знать о приближеніи какой-либо непріятельской партіи ранѣе, чѣмъ могли бы они сами замѣтить, находясь близъ переправы. Видя безполезность дальнѣйшаго моего пребыванія съ Шамхальскою милиціею, я рѣшился оставить ее на мѣстѣ ея ночлега и вернуться въ лагерь. Проѣхалъ я туда, или лучше сказать прошелъ по кратчайшей тропинкѣ съ двумя проводниками изъ милиціонеровъ.

Поѣздка эта не способствовала, конечно, поправленію моего здоровья; напротивъ того, послѣ нея разстройство желудка и головныя боли еще усилились. Нашъ старшій докторъ Земскій сначала не придавалъ значенія моимъ недугамъ, приписывая ихъ просто зною и худой пищѣ; но съ 12-го августа, когда желудочныя мои боли сдѣлались нестерпимы, онъ долженъ былъ признать у меня всѣ признаки кишечнаго воспаленія и только съ этого времени началъ серьезно лѣчить меня, по методѣ тогдашнихъ Кавказскихъ врачей, сильнѣйшими дозами каломеля. Я пролежалъ нѣсколько дней въ своемъ шалашѣ и едва могъ слѣдить за происходившимъ въ это время кругомъ меня.

Въ ночь съ 10-го на 11-е августа непріятель опять произвелъ сильную вылазку изъ Новаго Ахульго и вторично пытался разрушить работы галлереи на спускѣ; однакожъ на этотъ разъ не имѣлъ успѣха; какъ уже сказано, мантелетъ былъ прикрѣпленъ цѣпями. Горцы оставили на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ; была потеря и съ нашей стороны. Отъ посѣщавшихъ меня товарищей слышалъ я, что прибыла въ отрядъ депутація Андаляльцевъ, съ письмомъ отъ Тилитлійскаго кадія Кибитъ-Магома, который предлагалъ Командующему войсками свое посредничество для «примиренія» съ Шамилемъ. Генералъ Граббе отвѣтилъ депутаціи, что Русское начальство, признавая Шамиля и его приверженцевъ бунтовщиками, не можетъ мириться съ нимъ, а требуетъ покорности. 12-го августа снова явился парламентеръ изъ Ахульго; опять объявлено было перемиріе на два часа и по прежнему ген. Граббе ставилъ непремѣннымъ условіемъ начатія переговоровъ предварительную выдачу заложникомъ сына Шамилева. Въ то же время прибылъ въ отрядъ и Чиркеевскій старшина Джемалъ; но тогда имѣлись уже положительныя улики въ томъ, что этотъ хитрый и коварный дипломатъ, предлагая свое посредничество, вмѣстѣ съ тѣмъ отговаривалъ Шамиля отъ сдачи Ахульго. Извѣстно было, что въ числѣ защитниковъ Ахульго находилось значительное число Чиркеевцевъ. Переговоры продолжались 13-го и 14-го числа;

Шамиль, уклоняясь отъ выдачи сына, видимо старался только протянуть время, а между тѣмъ въ Ахульго дѣятельно производились работы для усиленія обороны. Были свѣдѣнія, что нѣсколькимъ изъ его близкихъ мюридовъ удалось выдти скрытно изъ Ахульго и пробраться къ шайкамъ, показавшимся на высотахъ въ тылу Кабардинскихъ баталіоновъ Лабынцева.

16-го августа наконецъ объявлено было Шамилю, что въ случаѣ, если онъ, до наступленія ночи, не выдастъ своего сына въ заложники, то на другой же день послѣдуетъ рѣшительный штурмъ. День прошелъ и въ теченіи наступившей ночи шли приготовленія къ приступу. Диспозиція была въ главныхъ чертахъ сходна съ прежнею на 16-е іюля; но вмѣсто Графскаго полка, въ главную колонну, для штурма Новаго Ахульго, назначены были три баталіона Куринскаго полка, подъ личнымъ начальствомъ ген.-м. Пулло. Штурмующимъ войскамъ приказано быть готовымъ на сборныхъ пунктахъ ночью, дабы начать штурмъ съ разсвѣтомъ.

Съ первымъ лучемъ солнца артиллерія открыла огонь со всѣхъ батарей. 1-й Куринскій баталіонъ, имѣя въ головѣ охотниковъ, спустился крытою галлереею ко рву Новаго Ахульго, смѣло бросился чрезъ ровъ, и также, какъ въ первый штурмъ, скоро занялъ переднюю площадку за рвомъ. Но тутъ опять непреодолимое препятствіе: непріятель защищался отчаянно и не разъ бросался въ шашки. Передовыя наши части войскъ столпились подъ сильнѣйшимъ перекрестнымъ огнемъ. Нѣсколько разъ подавался сигналъ «впередъ», но никто не двигался. Изъ множества убитыхъ и раненыхъ нѣкоторые валились въ кучу и падали совершенно обезображенные. Однакожъ на этотъ разъ удалось саперамъ втащить на площадку нѣсколько туровъ и наскоро устроить ложементъ, въ которомъ утвердились головныя части войскъ. Шамиль, потерявъ надежду оттѣснить ихъ и удержаться въ Ахульго, поспѣшилъ выкинуть бѣлый флагъ и выслалъ наконецъ своего сына съ нѣсколькими мюридами въ качествѣ заложниковъ.

Ген. Граббе охотно согласился на перемиріе, въ виду крайняго изнуренія войскъ и понесенной опять большой потери: болѣе 100 убитыхъ и 455 раненыхъ и контуженныхъ. Въ томъ числѣ лишились мы 2 офицеровъ убитыхъ и 6 раненыхъ. Непріятель понесъ потерю еще болѣе для него чувствительную и преимущественно отъ огня артиллеріи; въ томъ числѣ лишился онъ Сурхая и нѣкоторыхъ другихъ изъ главныхъ его приближенныхъ. Всѣ окружавшіе его такъ упали

духомъ, что уговаривали его скорѣе согласиться на всѣ требованія Русскаго начальства.

Прибывшаго въ отрядъ малолѣтняго сына Шамилева приняли у насъ, разумѣется, ласково, лелѣяли его и холили. Для дальнѣйшихъ переговоровъ, а также для уборки тѣлъ и помощи раненымъ, дано было трехдневное перемиріе. Свирѣпые защитники Ахульго сходились мирно съ нашими добродушными солдатами на мѣстѣ только что прекратившейся кровопролитной схватки. Шамилемъ предложено было вести переговоры лично между нимъ и ген.-м. Пулло; но долго не могли сговориться о мѣстѣ свиданія ихъ; недовѣрчивый горецъ все опасался какого-нибудь съ нашей стороны злого умысла. Наконецъ согласились сойтись обоимъ на самомъ Ахульго, близъ занятой уже нашими войсками площадки, и вотъ наконецъ 18-го числа ген. Пулло, съ небольшою свитою, вышелъ впередъ нашего ложемента. Шамиль встрѣтилъ его и оба сѣли дружелюбно на коврѣ. Первыя объясненія продолжались съ полчаса, но не привели къ соглашенію. Шамиль все еще не покидалъ своихъ честолюбивыхъ видовъ и ставилъ условіемъ—свободное проживаніе въ средѣ горскаго населенія. Пошли опять переговоры и на письмѣ, и чрезъ посланныхъ довѣренныхъ лицъ Ген. Граббе получилъ отъ Шамиля два письма, которыя давали мало надежды на соглашеніе. Трехдневный срокъ перемирія уже истекалъ; между тѣмъ замѣчалось, что въ Ахульго продолжались работы для усиленія обороны и тайкомъ выпускались оттуда лишніе люди: женщины и дѣти. Видимо предстояло закончить дѣло кровавою развязкою.

21-го августа съ разсвѣтомъ возобновилась канонада. Для штурма Новаго Ахульго Куринскіе баталіоны были замѣнены Кабардинскими, мѣсто которыхъ на лѣвой сторонѣ Койсу заняли баталіоны Графскаго полка. Полагали, что свѣжія войска пойдутъ смѣлѣе на новый штурмъ. Однакожъ послѣ всѣхъ испытанныхъ неудачъ во всемъ отрядѣ уже наступилъ такой упадокъ духа, что не смотря на всѣ приказанія и на барабанный бой—солдаты не трогались съ мѣста. Защитники же Ахульго держались упорно въ своихъ крытыхъ убѣжищахъ. Пытались выживать ихъ оттуда, пробивая отверстія въ крышахъ и бросая во внутрь гранаты и мѣшки съ порохомъ. Такъ прошелъ весь день. У насъ начинали опасаться, чтобы въ ночь передовыя части нашихъ войскъ не были сбиты съ занятой ими передней площадки Новаго Ахульго. Саперы затѣвали-было сдѣлать подкопъ подъ непріятельскіе ложементы; но для этого приходилось высѣкать гал-

лереи въ сплошной скалѣ, что потребовало бы очень много времени, при скудости матеріальныхъ средствъ. Однакожъ, повидимому, одинъ стукъ ломовъ и кирокъ произвелъ нравственное впечатлѣніе на непріятеля. Утромъ 22-го числа мы были обрадованы неожиданнымъ извѣстіемъ, что Новое Ахульго очищено непріятелемъ. Кабардинскіе баталіоны немедленно же бросились впередъ и заняли всю верхнюю поверхность скалы; но перебѣгая отъ однихъ непріятельскихъ ложементовъ къ другимъ, егеря встрѣчали еще въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отчаянное сопротивленіе со стороны горцевъ, не успѣвшихъ уйти; случалось, что даже женщины оборонялись съ изступленіемъ. Часть горцевъ еще перебиралась съ Новаго Ахульго на Старое по узкой тропинкѣ и чрезъ мостикъ, перекинутый сверхъ рѣчки Ашильтинской. Егеря, пользуясь суматохой, бросились по пятамъ горцевъ въ то самое время, когда съ русла рѣчки взбирались также на Старое Ахульго Апшеронцы маіора Тарасевича. Съ крикомъ ура войска устремились и на верхнюю площадь Стараго Ахульго. Къ 2-мъ часамъ пополудни заняты были оба Ахульго.

Въ этомъ бою, продолжавшемся полтора сутокъ, потеря наша доходила до 150 убитыхъ и 500 раненыхъ; однихъ офицеровъ убито 6 и ранено 15. Въ числѣ убитыхъ былъ маіоръ Тарасевичъ; въ числѣ раненыхъ—опять Шульцъ, получившій въ эту экспедицію уже третью рану (въ ногу, въ щеку и въ грудь). Въ лагерь приводили много плѣнныхъ, большею частію женщинъ и дѣтей. Но сдавались не всѣ; многіе предпочитали погибнуть, защищаясь до послѣдней крайности. Очевидцы разсказывали о происходившихъ при этомъ раздирающихъ сценахъ: матери своими руками убивали дѣтей, чтобы не попали они въ руки солдатъ; цѣлыя семейства погибали подъ развалинами. Были и такіе случаи, что мюриды, изнемогая отъ ранъ, и какъ бы отдавая свое оружіе, вѣроломно наносили смерть тому, кто принималъ его. Такъ погибъ маіоръ Тарасевичъ. Товарищъ мой Эдельгеймъ также убитъ при обыскѣ пещеръ на берегу Койсу. Солдаты, озлобленные упорствомъ горцевъ, выказывали часто большую жестокость, тогда какъ офицеры употребляли всѣ усилія, чтобы отвратить напрасное кровопролитіе и нерѣдко брали на свое попеченіе осиротѣвшихъ дѣтей.

Нѣсколько дней продолжалось окончательное очищеніе обоихъ Ахульго отъ послѣднихъ укрывавшихся въ разныхъ норахъ несчастныхъ жертвъ Шамиля. Особеннаго труда и потерь стоило выживать горцевъ изъ пещеръ, находившихся въ отвѣсныхъ обрывахъ. Чтобы

достигнуть до нѣкоторыхъ изъ нихъ, солдатъ спускали сверху на веревкахъ. Кромѣ опасности, съ которою сопряжены были такіе поиски, войска должны были еще выносить страшный смрадъ отъ множества труповъ, особенно въ тѣсномъ ущельѣ между обоими Ахульго, гдѣ войска не могли оставаться долго безъ смѣны. Плѣнныхъ набралось уже до 900 человѣкъ; въ первое время они были собраны близъ нашего штабного лагеря; день и ночь въ этомъ таборѣ раздавались крики, стоны, дѣтскій плачъ; а были даже и такіе случаи, что мущины, въ своемъ изступленіи, бросались на часовыхъ и производили въ нашемъ лагерѣ минутную тревогу.

О самомъ Шамилѣ въ первое время не было никакихъ свѣдѣній; полагали, что онъ еще скрывается въ которой-либо изъ пещеръ, почему и придавалось большое значеніе тщательному обыску всѣхъ трущобъ, особенно на сторонѣ, обращенной къ Койсу. Впослѣдствіи открылось, что дѣйствительно Шамиль со своимъ семействомъ и нѣсколькими приближенными мюридами укрылся въ ночь съ 21-го на 22-е число въ одну изъ такихъ пещеръ, а въ слѣдующую ночь пробрался скрытно между нашими постами внизъ по теченію Койсу и чрезъ Салатавію безпрепятственно достигъ нагорной Чечни. По разсказамъ туземцевъ, Шамиль въ своемъ бѣгствѣ прибѣгнулъ къ хитрости: по рѣкѣ пущенъ былъ пустой плотъ, чтобы обратить на него вниманіе нашихъ прибрежныхъ постовъ, которые дѣйствительно и открыли по этому плоту стрѣльбу, въ то время, когда Шамиль прокрадывался по тропѣ между скалами. Однакожъ ему удалось проскользнуть не совсѣмъ благополучно: самъ онъ раненъ, также какъ и малолѣтній его сынъ и одинъ изъ сопровождавшихъ его родственниковъ.

Донесеніе Государю объ успѣшномъ окончаніи продолжительной нашей стоянки подъ Ахульго (съ 12-го іюня по 29-е августа) было отправлено съ поручикомъ Головинымъ, адъютантомъ ген. Граббе, сыномъ Корпуснаго командира. Онъ засталъ Императора на Бородинскихъ торжествахъ и былъ награжденъ назначеніемъ адъютантомъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича.

Ахульго досталось намъ дорогою цѣною: за все время обложенія и осады мы потеряли до 500 убитыхъ и болѣе 2400 раненыхъ и контуженныхъ; однихъ офицеровъ 23 убитыхъ и 124 раненыхъ.

Обо всемъ происходившемъ въ послѣдніе дни я зналъ только по разсказамъ товарищей. Около 10 дней пролежалъ я почти неподвижно; всякое движеніе причиняло мнѣ страданія. Съ 15-го числа

погода перемѣнилась; послѣ нестерпимаго зноя сдѣлалось такъ свѣжо, что 16-го числа я перебрался изъ своего шалаша опять въ палатку. Свѣжая погода оказала благопріятное вліяніе на мое выздоровленіе. Съ 22-го числа я началъ вставать съ постели; но чрезвычайная слабость не позволяла сдѣлать шага; всѣ зубы шатались отъ большихъ пріемовъ каломеля. Въ первый разъ вышелъ я изъ палатки 24-го числа, а 25 попробовалъ сѣсть верхомъ. 26-го происходило погребеніе нашего бѣднаго Эдельгейма; за неимѣніемъ въ отрядѣ лютеранскаго пастора отпѣваніе происходило по православному обряду. Шульцъ и другіе раненые были отправлены въ Шуру. Туда же отправлялись плѣнные, нѣсколькими эшелонами.

27-го числа я уже могъ предпринять поѣздку для осмотра продолжавшихся еще работъ дороги на Бетлетскую гору. По этой дорогѣ предстояло всему отряду и тяжестямъ выбраться изъ проклятой котловины, которая такъ опротивѣла намъ. На другой день я ѣздилъ къ мосту на Койсу. Къ этому времени окончательно были обысканы всѣ норы и пещеры въ обоихъ Ахульго; всѣ прежнія укрѣпленія горцевъ по возможности разрушались; мѣстность очищалась. Въ лагерѣ образовалось нѣчто въ родѣ базара; солдаты распродавали доставшуюся имъ добычу: оружіе, разные предметы одежды и т. п. Между тѣмъ съ батарей постепенно снимались орудія и поднимались на высоты. Окончательное выступленіе отряда изъ подъ Ахульго назначено было на 30-е августа.

Нужно ли говорить, какая общая радость изображалась на всѣхъ лицахъ? Какъ будто всѣ вдругъ переродились, отъ послѣдняго солдата до самаго Командующаго войсками. Въ назначенный для выступленія день, утромъ, всѣ штабные облеклись въ эполеты и шарфы, пошли in corpore поздравить генерала Граббе; потомъ отслужено молебствіе, затѣмъ завтракъ у ген.-м. Пулло, который въ этотъ день былъ именинникомъ. Въ пиршествѣ этомъ я не участвовалъ: мнѣ поручено было ѣхать впередъ на высоты прежняго казачьяго лагеря, гдѣ предположено было собрать предварительно весь отрядъ. Отправившись туда съ квартирьерами всѣхъ частей отряда, я указалъ имъ мѣста предположеннаго расположенія и потомъ цѣлый день поджидалъ постепенно приходившія войска. Отрядъ собрался только къ вечеру; но тяжести, не смотря на разработанную дорогу, тянулись на гору почти всю ночь. Не легко было выбраться изъ трущобъ со всею массою разнороднаго добра, накопившагося при отрядѣ въ теченіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ стоянки. Совѣтники генерала

Граббе уговаривали его выждать одинъ день, чтобы дать время отряду окончательно стянуться и оправиться прежде выступленія въ обратный путь къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Но главный нашъ вождь былъ такъ нетерпѣливъ и упрямъ, что не хотѣлъ слушать благоразумныхъ совѣтовъ и далъ рѣшительное приказаніе выступить на другой же день утромъ.

ЭПИЛОГЪ ЭКСПЕДИЦІИ.

31-го августа отрядъ двинулся отъ Ахульго къ Унцукулю и далѣе по дорогѣ, вновь разработанной, къ Гимрамъ, гдѣ назначенъ былъ первый ночлегъ. Я ѣхалъ опять впереди съ квартирьерами. Подъ Унцукулемъ данъ былъ войскамъ привалъ. Жители селенія встрѣтили наши войска съ радостію и сочувствіемъ; даже женщины выражали привѣтствія; иныя кричали намъ: «яхши урусъ» (т. е. Русскіе хорошіе). Дорога между Унцукулемъ и Гимрами, по ущелью Аварскаго Койсу, не смотря на продолжительную разработку, все таки оказалась весьма трудною. Отрядъ съ вьючнымъ обозомъ [1]) тянулся крайне медленно. Проѣхавъ нѣсколько за Гимры, я занялся разбивкою лагеря и розыскомъ ближайшей воды. Наступала уже вечерняя темнота, а войска все еще не подходили. Я поѣхалъ назадъ на встрѣчу колоннѣ: голова ея только что подходила къ Гимринскому мосту. Генералъ Граббе сердился, былъ не въ духѣ, хотя вся отвѣтственность за неправильный разсчетъ марша падала на него самого. Доѣхавъ до Гимринскаго моста, онъ приказалъ тутъ разбить свою палатку и остался ночевать съ арріергардомъ. Войска уже приходили въ совершенную темноту на избранное для ночлега мѣсто, а вьюки тянулись почти всю ночь.

Слѣдовавшая впереди отряда колонна съ плѣнными также имѣла ночлегъ подъ Гимрами. Сердце сжималось при видѣ этой толпы несчастныхъ, едва передвигавшихъ ноги. Здоровые мужчины шли въ оковахъ. Сколько можно было замѣтить, солдаты наши относились къ плѣннымъ сурово. Нѣкоторыхъ изъ раненыхъ, выбившихся изъ силъ и умиравшихъ, бросали на дорогѣ безъ всякой помощи.

Утромъ 1-го сентября ген. Граббе прибылъ на мѣсто ночлега войскъ и на этотъ разъ призналъ необходимымъ дать отряду дневку, хотя мѣсто стоянки, стѣсненное отвѣсными горами, было крайне

[1]) Колесныя тяжести были отправлены кружною дорогою чрезъ Зыраны, подъ прикрытіемъ двухъ Апшеронскихъ баталіоновъ.

невыгодно. Погода прояснилась. Вечеромъ, предъ генеральскою палаткою, играла музыка; Гимринскія дѣти плясали лезгинку. 2-го сентября выступили съ разсвѣтомъ и по тяжелому Каранайскому подъему вышли на Шамхальскую плоскость. Трудно выразить то ощущеніе, которое испытываешь, когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ тѣсныхъ горныхъ ущельяхъ, среди голыхъ скалъ, въ спертой, душной атмосферѣ, вдругъ очутишься на открытой, зеленой равнинѣ, на свѣжемъ воздухѣ. Самъ Шамхалъ со своею свитою встрѣтилъ отрядъ; тутъ же былъ и прежній товарищъ мой Россильонъ. Войска, по мѣрѣ выхода на равнину, располагались на указанныхъ мною мѣстахъ. Посреди лагеря стояли арбы съ сѣномъ, дровами и другими припасами, около нихъ образовалось нѣчто въ родѣ базара. Всѣ въ отрядѣ чувствовали себя въ отличномъ расположеніи духа, казалось, будто съ выходомъ изъ горныхъ трущобъ, мы тамъ оставили и всѣ недавнія наши скорби.

3-го сентября отрядъ двинулся къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. По обыкновенію, выѣхалъ я впередъ, чтобы разбить лагерь. Дорога была ровная, удобная и потому войска прибыли рано. Генералъ Клюкифонъ-Клугенау встрѣтилъ отрядъ въ полной парадной формѣ. Полковникъ Поповъ, какъ хозяинъ въ штабъ-квартирѣ Апшеронскаго полка, угостилъ штабныхъ завтракомъ. Когда же всѣ войска заняли свои мѣста и пока ставили наши штабныя палатки, я отправился въ Шуру, чтобы навѣстить нашихъ раненыхъ: барона Врангеля, Шульца и другихъ. Въ то время Темиръ-Ханъ-Шура имѣла еще весьма скромный видъ и нисколько не была похожа на европейскій городъ, а все-таки показалась намъ уголкомъ цивилизованнаго міра.

Отрядъ нашъ былъ въ такомъ разстроенномъ состояніи, такъ обносился, утомился, что необходимо было дать ему хоть нѣсколько дней отдыха; притомъ надо было выждать прибытія слѣдовавшаго чрезъ Зыраны колеснаго обоза. Я воспользовался этою стоянкою, чтобы съѣздить на берегъ Каспійскаго моря, взглянуть на старую крѣпость Бурную, построенную еще во времена Ермолова, на вершинѣ крутой горы, по скату которой живописно расположено амфитеатромъ селеніе Тарки—тогдашнее мѣстопребываніе жены Шамхала Салтанеты, прославленной Марлинскимъ (Бестужевымъ, въ его повѣсти Амалатъ-бекъ). 5-го числа, выѣхавъ рано утромъ верхомъ, съ двумя Донскими казаками, я проѣхалъ мимо Кафиръ-Кумыка—мѣстопребыванія самого Шамхала, а около 2-хъ часовъ по полудни пріѣхалъ въ укрѣпленіе Низовое, прямо къ воинскому начальнику подпол-

ковнику Сахновскому. Я попалъ къ нему какъ разъ къ обѣду и провелъ часа два въ кругу его семьи, а затѣмъ отправился пѣшкомъ на гору въ крѣпость Бурную. Здѣсь приняла меня весьма любезно молодая жена завѣдывавшаго крѣпостными строеніями и госпиталемъ капитана гарнизонной артиллеріи Дмитріева, который вскорѣ и самъ явился. Разговорчивая капитанша разсказывала мнѣ много любопытнаго о былыхъ событіяхъ въ крѣпости, о нападеніи Казы-муллы и т. д. Осмотрѣвъ госпиталь и полюбовавшись обширнымъ видомъ со стѣнъ крѣпости, я возвратился въ Низовое; съ наслажденіемъ бросился въ приготовленную гостепріимными хозяевами прекрасную постель; а на другой день, еще до свѣта, поѣхалъ на самый берегъ моря, осмотрѣлъ соленыя озера, цѣлительныя грязи и возвратился въ укрѣпленіе. Послѣ сытнаго завтрака распростился я съ подполковникомъ Сахновскимъ и его любезною супругою и къ 7 часамъ вечера былъ уже въ лагерѣ.

Въ слѣдующіе два дня, 8-го и 9-го, ѣздилъ я въ Шуру, еще разъ навѣстить раненыхъ и проститься съ ними. И Шульцъ, и бар. Врангель замѣтно поправлялись. Въ теченіи недѣли, которую отрядъ простоялъ подъ Темиръ-Ханъ-Шурою, нельзя было, конечно, сдѣлать много для поправки разстроеннаго войска; нечего было и думать о продолженіи военныхъ дѣйствій въ осеннее время; приходилось отказаться отъ исполненія тѣхъ предположеній, которыя имѣлись въ виду въ первоначальномъ планѣ экспедиціи. Была рѣчь о постройкѣ укрѣпленія у Чиркея, чтобы окончательно обуздать это безпокойное и враждебное намъ селеніе, и тѣмъ утвердить покорность всей Салатавіи. Однакожъ и тутъ встрѣтилось важное затрудненіе: не было заготовлено никакихъ матеріаловъ для этой постройки, и самое производство работъ было бы не выгодно въ позднее осеннее время. По всѣмъ этимъ соображеніямъ ген. Граббе рѣшился возвратиться въ кр. Внезапную и распустить отрядъ; но предположилъ пройти не обычнымъ путемъ чрезъ Міатлинскую переправу, а кратчайшимъ путемъ—чрезъ Чиркей и Салатавію.

Чиркеевцы, какъ я уже упоминалъ, показывая видъ покорности, въ то же время настойчиво отклоняли посѣщеніе ихъ Русскими. Еще въ недавнее время они не пропускали иначе нашихъ офицеровъ чрезъ свое селеніе, какъ съ завязанными глазами. Я говорилъ также о коварныхъ проискахъ старшины Чиркеевскаго Джемала въ переговорахъ съ Шамилемъ и объ участіи многихъ Чиркеевцевъ въ самой защитѣ Ахульго. Были слухи, что въ послѣднее время произошли въ Чиркеѣ

сильные раздоры, доходившіе даже до перестрѣлки между разными партіями. Однакожъ еще во время пребыванія отряда подъ Темиръ-Ханъ-Шурою прибыла къ ген. Граббе Чиркеевская депутація съ увѣреніями въ покорности и съ просьбою объ освобожденіи Джемала.

8-го сентября, наканунѣ выступленія отряда, назначенъ былъ войскамъ парадъ съ молебствіемъ. Парадъ этотъ, конечно, могъ только выказать наглядно слабость и разстройство войскъ. 9-го числа выступили мы съ разсвѣтомъ по прекрасной, ровной дорогѣ къ Чиркею; двигались совершенно какъ въ мирное время. Авангардъ, подъ начальствомъ ген. Клюки-фонъ-Клугенау, шелъ значительно впереди главной колонны, имѣя въ головѣ команду саперъ; ружья не были заряжены; обозъ растянулся. Подойдя къ Чиркеевскому мосту (на Сулакѣ), авангардъ остановился для привала. Ген. Граббе со всѣмъ своимъ штабомъ расположился на пригоркѣ, собираясь позавтракать. Старшины Чиркеевскіе встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью, поднесли фрукты и дружелюбно бесѣдовали. Послѣ короткаго отдыха, приказано было авангарду переходить чрезъ мостъ, перекинутый чрезъ рѣку, стѣсненную здѣсь нависшими скалами. Съ моста дорога поворачивала подъ прямымъ угломъ налѣво, вдоль берега, у подошвы обрывистыхъ высотъ, и въ нѣкоторомъ разстояніи, обогнувъ эти высоты, входила въ сады, поднимавшіеся террасами до самаго селенія, закрытаго отъ насъ высотами. Авангардъ двинулся съ пѣсенниками въ головѣ; самъ ген. Клюки ѣхалъ впереди. Едва успѣли перейти чрезъ мостъ саперы и часть головного баталіона съ двумя орудіями, какъ вдругъ раздался изъ садовъ залпъ и затѣмъ затрещали выстрѣлы съ разныхъ сторонъ. Головныя части колонны, не приготовленныя къ такой встрѣчѣ, шарахнулись и въ безпорядкѣ бѣжали назадъ. Чиркеевцы провожали ихъ выстрѣлами; даже бросались въ шашки. Во время суматохи, когда отступавшія части авангарда не успѣли еще перейти обратно на нашъ берегъ, вспыхнуло пламя изъ подъ моста; оказалось, что онъ подожженъ. Хвостъ колонны перебѣгалъ уже по горѣвшему мосту; но нѣсколько солдатъ было изрублено на глазахъ нашихъ гнавшимися злодѣями; нѣкоторые спасались отъ нихъ, пробираясь съ опасностію вдоль лѣваго скалистаго берега Сулака; одно изъ бывшихъ впереди двухъ орудій осталось въ рукахъ вѣроломныхъ Чиркеевцевъ.

Неожиданность и быстрота, съ которыми разыгрался весь этотъ прискорбный эпизодъ, ошеломили насъ. Мы потеряли тутъ, по

непростительной безпечности, 55 убитыхъ и до 97 раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ (т. е. оставшихся въ плѣну). Сами старшины Чиркеевскіе были поражены; они стояли блѣдные и смущенные. Приказано было немедленно арестовать ихъ; войсковому старшинѣ Алцатову съ казаками—забрать пасшіяся по сю сторону Сулака Чиркеевскія стада. Между тѣмъ завязалась перестрѣлка; пули съ лѣваго берега заставили ген. Граббе со всѣмъ его штабомъ перемѣнить мѣсто и отдалиться отъ берега. Скоро подошли и главныя силы отряда. Я занялся размѣщеніемъ войскъ по возможности внѣ выстрѣловъ; но за водою приходилось людямъ спускаться съ высоты къ самому руслу рѣки не совсѣмъ безопасно.

Оставшіеся въ нашихъ рукахъ старшины, на разспросы наши, объясняли, что у нихъ въ селеніи не мало людей безпокойныхъ и сумасбродныхъ, особенно изъ молодежи, и что безъ сомнѣнія эти безумцы одни виноваты въ прискорбномъ для самихъ Чиркеевцевъ поступкѣ. Объясненіе это было правдоподобно; иначе старшины не рѣшились бы рисковать своими головами и не вышли бы къ намъ на встрѣчу. Тѣмъ не менѣе, имъ было объявлено, что Чиркей понесетъ безпощадную кару.

Ген. Граббе вознамѣрился переправиться чрезъ Сулакъ у Міатловъ и двинуться чрезъ Гертме и Хубаръ къ Чиркею. 10-го сентября отрядъ дошелъ до Міатлинской переправы, которая состояла изъ парома, защищеннаго башнями на обоихъ берегахъ рѣки. Войска немедленно же начали переправляться; но при единственномъ паромѣ переправа шла очень медленно; на бѣду одинъ изъ канатовъ парома лопнулъ, а къ вечеру пошелъ проливной дождь и поднялся такой сильный вѣтеръ, что срывалъ палатки въ лагерѣ. Все это выводило изъ терпѣнія нашего вождя.

11-го числа Чиркеевцы выслали новую депутацію съ письменнымъ завѣреніемъ въ покорности своей, въ готовности исполнить всякое приказаніе генерала и съ просьбою не вмѣнять въ вину всему селенію «шалости» нѣсколькихъ буйныхъ головъ. Депутаты сбѣщали доставить къ намъ въ отрядъ оставшихся въ Чиркеѣ солдатъ и орудіе. Мнѣ поручено было написать на этотъ адресъ строгій отвѣтъ съ угрозами. Переправа отряда продолжалась три дня (11, 12 и 13 ч.). Изъ захваченныхъ огромныхъ стадъ Чиркеевскихъ досталась войскамъ обильная мясная порція. Но погода наступила осенняя—дождливая, сырая и холодная. Сдѣлано было распоряженіе о немедленной доставкѣ въ отрядъ изъ кр. Внезапной зимней одежды, ло-

шадей и воловъ, для подъема орудій и обоза. Полковнику Попову предписано съ Апшеронскимъ полкомъ и нѣсколькими орудіями расположиться на правомъ берегу Сулака у Чиркеевскаго моста въ видѣ демонстраціи, а Шамхалу Тарковскому—принять мѣры къ охраненію отхваченныхъ стадъ Чиркеевскихъ и т. д.

14-го сентября отрядъ двинулся отъ переправы къ селенію Инчхе и расположился на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ нашъ первый лагерь 21-го и 22-го мая. Какъ тогда, такъ и теперь, погода была дождливая и сырая. Настроеніе въ отрядѣ не веселое. Предполагавшееся движеніе къ Чиркею для разгрома его было сопряжено съ немалыми затрудненіями, при тогдашнемъ состояніи отряда; въ случаѣ сопротивленія потребовались бы новыя жертвы; экспедиція могла затянуться надолго.

Но вотъ по всему отряду пронеслась вѣсть о пріѣздѣ фельдъегеря изъ Петербурга. Одинъ слухъ о привезенныхъ имъ наградахъ произвелъ магическое дѣйствіе. На другой же день, 15-го числа, прибыли въ лагерь захваченные Чиркеевцами солдаты и офицеръ и доставлено на волахъ наше орудіе. Чиркеевскіе старшины на колѣняхъ умоляли ген. Граббе пощадить ихъ селеніе. Въ то же время прибыла депутація отъ Гумбетовцевъ съ изъявленіемъ покорности, въ залогъ которой выданы были аманаты. Также получены благопріятныя донесенія отъ Ахметъ-Хана, которому по взятіи Ахульго поручено было двинуться съ его милиціею вверхъ по долинѣ Андійскаго Койсу; Андійцы, Карата и нѣкоторыя другія верхнія лезгинскія общества изъявили покорность. Все это, вмѣстѣ взятое, давало благовидный оборотъ дѣламъ, и ген. Граббе воспользовался случаемъ, чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія. Сдѣлавъ строгое внушеніе Чиркеевскимъ старшинамъ, онъ объявилъ имъ, что отнынѣ въ Чиркеѣ будетъ имѣть постоянное мѣстопребываніе Русскій приставъ, что селеніе это, также какъ и всѣ Салатавскіе аулы, должны безпрекословно подчиниться всѣмъ постановленнымъ Русскимъ начальствомъ общимъ условіямъ покорности туземнаго населенія. Старшины на все изъявили полную готовность и получили прощеніе.

Большую радость произвело во всемъ отрядѣ извѣстіе, что движеніе къ Чиркею отмѣнено и что экспедиція окончена. Графскій полкъ получилъ приказаніе слѣдовать прямо въ свои мѣста расположенія въ южномъ Дагестанѣ, а прочія войска отряда, 18-го сентября, двинулись къ кр. Внезапной по кратчайшей, весьма грязной дорогѣ. По прибытіи туда, я разставилъ войска на прежнемъ лагерномъ

мѣстѣ, и затѣмъ отправился въ свою квартиру въ крѣпости. Съ удовольствіемъ почувствовалъ я себя опять подъ крышей, тѣмъ болѣе, что погода была сырая, а мнѣ снова нездоровилось въ послѣднее время. Я былъ очень обрадованъ, узнавъ, что генералъ Граббе имѣлъ въ виду дать мнѣ порученіе въ Тифлисѣ, съ дозволеніемъ возвратиться оттуда въ Ставрополь кружнымъ путемъ чрезъ Дагестанъ. Путешествіе это улыбалось мнѣ и одна мысль о немъ поддержала мою бодрость. Всѣ товарищи мои, конечно, спѣшили разъѣхаться по домамъ; но всѣхъ нетерпѣливѣе былъ самъ ген. Граббе: онъ уѣхалъ изъ Внезапной уже 19-го числа, предоставивъ ген. Галафѣеву всѣ распоряженія по роспуску отряда.

Предъ самымъ выѣздомъ Командующаго войсками изъ Внезапной, всѣ мы штабные явились къ нему откланяться; а я сверхъ того—чтобы поблагодарить за доставленіе мнѣ случая увидѣть Закавказье. Потомъ мы простились съ ген. Галафѣевымъ и Пулло. На веселомъ товарищескомъ обѣдѣ у Вольфа мы спрыснули его полковничьи эполеты.

На другой день, 20-го сентября, покинулъ я Внезапную въ довольно многочисленномъ обществѣ, подъ прикрытіемъ роты Куринскаго полка, слѣдовавшей въ свою штабную квартиру кр. Грозную. Продолжительные сборы этой роты задержали насъ до полудня, однакожъ мы успѣли добраться еще за-свѣтло до Ташъ-Кичу. 21-го числа доѣхалъ я съ тѣми же спутниками до Амиръ-Аджи-юрта, гдѣ разстался съ ними, и послѣ короткаго привала, продолжалъ путь до Умаханъ-юрта, съ тою же Куринскою ротою и съ ѣхавшимъ также въ Грозную адъютантомъ генерала Клюки-фонъ-Клугенау Шуляковскимъ; съ нимъ еще ѣхалъ какой то юнкеръ. Не смотря на дождь, спутники мои вздумали позабавиться охотой; благодаря тому, мы сбились съ дороги и потомъ должны были нагонять роту на-прямки.

Уманъ-юргъ—небольшое укрѣпленіе, построенное только за годъ предъ тѣмъ, съ паромною переправою на Сунжѣ. Переночевавъ тутъ въ отведенномъ намъ помѣщеніи на гауптвахтѣ (за неимѣніемъ другого), мы продолжали свой путь на другой день (22-го чис.) до кр. Грозной, по лѣвому нагорному берегу Сунжи, то лѣсомъ, то открытыми мѣстами. Еще недавно здѣсь сообщеніе было возможно не иначе, какъ подъ прикрытіемъ цѣлаго баталіона съ орудіями. Теперь мы безъ опасенія опередили роту въ сопровожденіи только 2-хъ Донскихъ казаковъ.

Около 2-хъ часовъ пополудни въѣхали мы въ Грозную. Спутникъ мой Шуляковскій предложилъ мнѣ остановиться у него до слѣдующаго утра и уговорилъ представиться генеральшѣ Клюки, которая пригласила насъ на обѣдъ. Комендантъ Грозной предложилъ мнѣ пройтись съ нимъ по крѣпости и по форштадту. Грозная показалась мнѣ вовсе не соотвѣтствовавшею своему наименованію: обнесенная старымъ земляным валомъ, съ примыкающимъ, почти открытымъ форштадтомъ, крѣпость была совершенно запущена; широкія улицы и площади, то пыльныя, то страшно грязныя были пусты и безжизненны; а между тѣмъ это былъ въ то время главный нашъ передовой пунктъ за Терекомъ, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ непокорною и враждебною Чечнею. Нерѣдко случались «шалости» Чеченцевъ у самыхъ воротъ Грозной.

23-го числа предстоялъ мнѣ большой переходъ въ 84 версты до укрѣпленія Назрана. Изъ Грозной дали мнѣ хорошую лошадь съ иноходью, человѣкъ 40 конвоя изъ туземцевъ, при двухъ офицерахъ также изъ туземцевъ (Эліасъ Иналовъ и Матуковъ). Офицеры эти должны были провожать меня на всемъ переходѣ до Назрана; конвой же смѣнялся въ нѣсколькихъ пунктахъ: въ Большомъ Куларѣ, въ Казакъ-кичу и Коре-юртѣ. Все это большіе аулы на Сунжѣ, частію Чеченскіе, частію Карабулакскіе. При каждой смѣнѣ приходилось долго ждать новаго конвоя изъ обывателей названныхъ селеній, не смотря на всѣ понужденія и брань со стороны моихъ провожатыхъ. Чѣмъ далѣе я подвигался, тѣмъ число моихъ охранителей становилось меньше. Первую часть пути ѣхалъ я все по лѣвому берегу Сунжи; погода была ясная и во все время видѣлъ я слѣва цѣпь снѣговыхъ горъ, высившихся надъ ближними «Черными» (т. е. лѣсистыми). Далѣе Казакъ-кичу Сунжа уже незначительная рѣчка; нѣсколько разъ я переѣзжалъ ее въ бродъ, а потомъ и совсѣмъ оставилъ ее вправо, слѣдуя на-прямикъ къ Назрану. При послѣдней смѣнѣ конвоя въ Коре-юртѣ, меня увѣрили, что оставалось до Назрана всего верстъ 8, и потому я разсчитывалъ доѣхать туда засвѣтло. Сжалившись надъ лошадьми провожавшихъ меня двухъ офицеровъ, я отпустилъ ихъ назадъ въ Грозную и продолжалъ путь только съ четырьмя Карабулаками. Ѣхали мы полною рысью довольно долго, а Назрана все не видѣли. Солнце уже сѣло, наступила полная темнота и я начиналъ уже безпокоиться, не сбились ли мы съ дороги. Объясниться съ моими спутниками было невозможно, по незнанію ими русскаго языка. Оказалось, что вмѣсто 8 верстъ, намъ

пришлось проѣхать по крайней мѣрѣ втрое болѣе. Добравшись до Назрана уже въ совершенную темноту, едва я могъ добиться, чтобъ открыли ворота крѣпостныя, затворяемыя съ пробитіемъ вечерней зори.

Назранъ—небольшое укрѣпленіе, построенное въ давнія времена, еще при Ермоловѣ, для охраненія военно-грузинской дороги съ восточной стороны. Съ большимъ удовольствіемъ узналъ я отъ коменданта, что далѣе, до Владикавказа, могу проѣхать уже на колесахъ. Послѣдній переѣздъ верхомъ былъ довольно утомителенъ; особенно же сильно растрясло моего бѣднаго денщика Попова. Переночевавъ въ Назранѣ у тамошняго «пристава» (изъ азіатцевъ), я на другой день (24-го сентября) быстро уѣхалъ въ русской телѣгѣ тройкой до Владикавказа (около 30 верстъ). Конвоировали меня только два казака, смѣнявшіеся на промежуточныхъ постахъ. Съ приближеніемъ къ Владикавказу, когда утренній туманъ поднялся, какъ занавѣсъ на сценѣ, предо мною, въ самой близи, открылась величественная цѣпь снѣговыхъ горъ и ясно обозначилось ущелье верхняго Терека—знаменитыя „Кавказскія ворота“ древности. Въѣхалъ я во Владикавказъ въ то время, когда народъ выходилъ отъ обѣдни: день былъ воскресный. Въ то время Владикавказъ былъ только крѣпостью, и не очень обширнаго размѣра; къ крѣпости примыкали форштадтъ или солдатская слобода и Осетинскій аулъ. Остановился я въ гостинницѣ, болѣе похожей на постоялый дворъ. Здѣсь нашелъ я Перовскаго и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ познакомиться съ полковникомъ Нестеровымъ, начальникомъ осетинскаго округа. У него же познакомился съ барономъ Торнау (Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ), старымъ офицеромъ генеральнаго штаба, долго пробывшимъ въ плѣну у Закубанскихъ черкесовъ. Съ любопытствомъ слушали мы его занимательные разсказы объ этомъ эпизодѣ его жизни.

25-го сентября выѣхалъ я изъ Владикавказа вмѣстѣ съ Перовскимъ на двухъ тройкахъ. Тогда не было еще почтовой гоньбы отъ Екатериноград до Коби; надобно было нанимать лошадей у мѣстныхъ жителей: казаковъ или отставныхъ солдатъ. Проѣзжихъ на означенномъ протяженіи дороги конвоировали казаки «Малороссійскаго» полка, сформированнаго въ недавнее время изъ бывшихъ Малороссійскихъ казаковъ, собственно для содержанія кордона по военно-грузинской дорогѣ. Штабъ-квартира полка находилась въ Ардонской станицѣ. Полкъ имѣлъ особую форму обмундированія, покроемъ сходную съ Донскими казаками, но чернаго цвѣта вмѣсто синяго.

Военно-грузинская дорога, Дарьяльское ущелье, Казбекъ, множество разбросанныхъ по горамъ развалинъ старыхъ башенъ—все это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Пріѣхавъ въ Коби уже по захожденіи солнца, мы тутъ переночевали въ гостинницѣ, а на другой день, 26-го сентября, перевалили чрезъ Крестовую гору и, восхищенные новыми видами южной природы, въѣхали подъ вечеръ въ Тифлисъ.

ТИФЛИСЪ И СТАВРОПОЛЬ.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ, помѣстился я вмѣстѣ съ Перовскимъ въ одномъ номерѣ гостинницы Саломона. Корпусный командиръ ген. Головинъ и начальникъ штаба ген. Коцебу были въ отсутствіи; но возвращеніе ихъ ожидалось въ скоромъ времени. На другой день по пріѣздѣ, 27-го сентября, явился я къ наличнымъ мѣстнымъ властямъ: оберъ-квартирмейстеру полковнику Менду, военному губернатору ген. Лукашу, коменданту, начальнику артиллеріи ген. Козлянинову, бывшему нѣкогда моимъ «отцемъ командиромъ» въ гвардейской артиллеріи. Полковникъ Мендъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать на встрѣчу Корпусному Командиру; но я не видѣлъ въ томъ никакой надобности: возложенное на меня генераломъ Граббе порученіе заключалось въ томъ, чтобы доложить ген. Головину нѣкоторыя подробности послѣднихъ дѣйствій Чеченскаго отряда, разъяснить тѣ факты, которые могли возбудить у него недоумѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ предварительно представить Тифлисскому начальству собственныя мои предположенія по части постройки укрѣпленій на Кавказѣ и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ Кавказской войны. Во всемъ этомъ не было никакой спѣшности и по моему мнѣнію даже было бы неумѣстно съ моей стороны безпокоить Корпуснаго Командира своимъ появленіемъ и докладомъ въ дорогѣ. Поэтому я остался въ Тифлисѣ.

Здѣсь нашелъ я многихъ хорошихъ знакомыхъ. Въ первые же дни навѣстилъ я раненыхъ товарищей по отряду—Ник. Ник. Муравьева, Потулова, Фитингофа, которые всѣ очень поправились. Нашелъ я въ Тифлисѣ одного изъ товарищей по Академіи—Немировича-Данченко, а нѣсколько позже пріѣхали Шульцъ и баронъ Торнау. Кругъ моего знакомства быстро распространялся. Изъ числа многихъ новыхъ лицъ, съ которыми довелось мнѣ сойтись, особенно памятны мнѣ: гене-

ральнаго штаба полковникъ Фрейтагъ и капитанъ Индреніусъ, полк. Назаровъ, казачій офицеръ Ягодинъ, командиръ Малороссійскаго казачьяго полка Рихтеръ (только что женившійся на красивой дѣвицѣ Пушкиной), полковникъ Альбрантъ, два брата Колюбакины. Почти всѣ эти лица впослѣдствіи занимали видныя должности на Кавказѣ. Упомянутый полк. Альбрантъ, человѣкъ восторженный, увлекающійся, своеобразный, только что прославился удачнымъ исполненіемъ труднаго и щекотливаго порученія—вывода изъ Персіи цѣлаго баталіона набравшихся тамъ русскихъ бѣглыхъ. Еще своеобразнѣе былъ одинъ изъ Колюбакиныхъ, Николай Петровичъ, офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка, прозванный въ отличіе отъ другого брата «немирнымъ». Прозваніе это заслужилъ онъ своимъ неукротимымъ, вспыльчивымъ нравомъ и многочисленными приключеніями, такъ называемыми «исторіями», за которыя онъ былъ два раза разжалованъ въ солдаты.

Въ кругу пріятелей проводилъ я время весьма пріятно. Почти ежедневно случалось у кого нибудь изъ нихъ обѣдать или участвовать въ вечернемъ сборищѣ. Иногда же собирались къ обѣду въ клубѣ за общимъ столомъ. Чаще всего бывалъ я у Н. Н. Муравьева—человѣка развитого, живого, вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбиваго, съ нѣкоторымъ вліяніемъ на ген. Головина, у котораго онъ былъ въ большой милости. Съ Муравьевымъ обсуждалъ я предварительно проекты, о которыхъ намѣревался заявить начальству.

По утрамъ я заходилъ въ корпусный штабъ, занимался разсмотрѣніемъ дѣлъ и разныхъ свѣдѣній о краѣ, дѣлалъ выписки для задуманной мною Исторіи Кавказскихъ войнъ. Въ свободные часы любилъ бродить по городу пѣшкомъ и восхищаться живописными видами съ разныхъ пунктовъ. Чрезвычайно нравились мнѣ пестрота и оживленность Тифлиса, особенно Азіатской его части, съ ея шумнымъ, добродушнымъ населеніемъ, проводящимъ жизнь открыто на улицѣ, съ разнообразными костюмами, женщинами въ чадрахъ, вѣчнымъ крикомъ и гамомъ. Конечно испыталъ я и знаменитыя Тифлисскія бани съ ихъ сѣрною водою и необыкновенными гимнастическими пріемами банщиковъ—своеобразныхъ предвозвѣстниковъ будущаго пресловутаго массажа.

2-го октября возвратились въ Тифлисъ Корпусный Командиръ и начальникъ штаба. На другой день явился я къ нимъ обоимъ и былъ принятъ чрезвычайно благосклонно. Они много разспрашивали меня о бывшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Генералъ Головинъ оставилъ

у себя для прочтенія составленное мною описаніе экспедиціи Чеченскаго отряда; онъ познакомилъ меня съ своею семьею, состоявшею изъ жены Елизаветы Павловны, умной и любезной женщины, изъ взрослой дочери и двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій, адъютантъ ген. Граббе, былъ въ отсутствіи (какъ уже сказано, посланъ курьеромъ съ донесеніемъ Государю), а другой—еще юноша. Головины были очень религіозны, они даже принадлежали въ былое время къ извѣстной Татариновской сектѣ. Въ этой семьѣ я нашелъ самое радушное гостепріимство; почти каждый день былъ приглашаемъ или къ обѣду, или вечеромъ, и чрезъ короткое время чувствовалъ себя у нихъ, какъ у старыхъ, близкихъ знакомыхъ.

Ген. Коцебу и полк. Мендъ также познакомили меня съ своими супругами и приглашали иногда къ обѣду; но гостепріимство ихъ отзывалось какою-то холодностію; въ обращеніи ихъ было что то натянутое и сдержанное. Александръ Ивановичъ Мендъ, служившій долго при Павлѣ Дмитріевичѣ Киселевѣ въ Турціи и Бухарестѣ, пользовался его расположеніемъ и довѣріемъ; на меня же онъ произвелъ, съ перваго нашего знакомства, впечатлѣніе не выгодное; онъ показался мнѣ мелочнымъ, канцелярскимъ формалистомъ; а потому я вовсе не входилъ съ нимъ въ объясненія относительно привезенныхъ мною въ Тифлисъ предположеній и предпочелъ представить ихъ прямо генералу Коцебу и Корпусному Командиру. Къ тому же полк. Мендъ вскорѣ уѣхалъ въ Ставрополь по какимъ то служебнымъ дѣламъ.

П. Е. Коцебу, не смотря на многосложныя свои занятія, удѣлилъ мнѣ два вечера и, внимательно выслушавъ мою записку о системѣ укрѣпленій на Кавказѣ, отозвался о моихъ предположеніяхъ одобрительно. Ген. Головинъ съ своей стороны также одобрилъ мое описаніе экспедиціи Чеченскаго отряда; но въ собственноручной запискѣ (18 окт.) упрекнулъ въ томъ, что въ моемъ вступленіи не придано надлежащаго значенія успѣхамъ, достигнутымъ въ томъ-же году Дагестанскимъ отрядомъ, подъ личнымъ его начальствомъ. Заявленное мною намѣреніе заняться исторіею Кавказской войны принялъ онъ съ такимъ сочувствіемъ, что далъ себѣ трудъ изложить собственный свой взглядъ на историческое значеніе этой войны. По мнѣнію Евг. Александр. Головина, въ предположенномъ трудѣ слѣдовало принять за основную точку зрѣнія ту мысль, что Кавказская война есть продолженіе той многовѣковой борьбы христіанства съ исламизмомъ, Европейской цивилизаціи съ Азіатскимъ варварствомъ,

которая легла тяжелымъ бременемъ на Россію, по географическому ея положенію на восточномъ рубежѣ Европы. Евгеній Александровичъ настойчиво убѣждалъ меня приняться за эту работу; а такъ какъ главные для нея матеріалы находились въ Кавказскихъ архивахъ, то предлагалъ мнѣ совсѣмъ перейти на службу въ Штабъ Кавказскаго Корпуса. Я не прочь былъ отъ такой перемѣны службы; но счелъ своею обязанностію предварительно сообщить объ этомъ моему отцу, а также товарищу Горемыкину, съ которымъ привыкъ совѣтоваться во всемъ, что касалось службы. Во всякомъ случаѣ для предполагавшагося перевода изъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба въ Армейскій, слѣдовало выждать предстоявшаго мнѣ въ скоромъ времени производства въ штабсъ-капитаны по выслугѣ установленнаго трехлѣтняго срока въ чинѣ поручика.

Почти цѣлый мѣсяцъ прожилъ я въ Тифлисѣ. Время это пролетѣло незамѣтно и оставило въ моей памяти самыя пріятныя впечатлѣнія. Съ обществомъ Тифлисскимъ познакомился я на балѣ у Корпуснаго Командира (8 окт.) и потомъ на вечерахъ у него же. Оно было довольно многочисленно, весьма оживленно; оба элемента, изъ которыхъ оно состояло, русскій и туземный, уживались дружно и можно сказать сливались, хотя въ тѣ времена Грузинскія дамы большею частію носили еще національный свой костюмъ и лишь немногія говорили по-русски. Не смотря на то, онѣ отличались любезностію и большимъ тактомъ; нѣкоторыя же изъ нихъ, какъ напримѣръ вдова Грибоѣдова и сестра ея княжна Кетевана Чавчавадзе, будущая княгиня Екатерина Александровна Дадіанъ (Мингрельская), получили русское воспитаніе и привлекали своею красивою наружностію. На балахъ обыкновенно европейскіе танцы чередовались съ лезгинкою; когда одна изъ грузинскихъ граціозныхъ красавицъ выходила на средину залы, все общество спѣшило обступить ее обширнымъ кругомъ, съ увлеченіемъ било въ ладоши подъ тактъ музыки и приходило въ восторженное настроеніе.

Въ клубѣ, какъ уже сказано, были пріятные мужскіе обѣды, а иногда танцовальные вечера. Вскорѣ по пріѣздѣ ген. Головина (10-го окт.) данъ былъ въ честь его Дворянскимъ собраніемъ парадный обѣдъ, къ которому пріѣзжіе гвардейскіе офицеры были приглашены въ качествѣ гостей. Евгеній Александровичъ по этому случаю оказалъ особенное вниманіе Перовскому и мнѣ, пригласивъ насъ обоихъ предварительно къ себѣ и ввелъ насъ въ Собраніе.

Въ исходѣ октября получилъ я изъ Ставрополя напоминаніе, что пора мнѣ возвратиться туда; что ген. Граббе ожидалъ моего возвращенія съ нетерпѣніемъ, предполагая поручить мнѣ нѣкоторыя серьезныя работы. Извѣщеніе это, равно какъ и позднее время года и наступившая осенняя погода побудили меня отказаться отъ прежняго моего намѣренія возвратиться изъ Тифлиса въ Ставрополь кружнымъ путемъ чрезъ Дагестанъ. Я рѣшился ѣхать кратчайшимъ путемъ по военно-грузинской дорогѣ и сговорился съ Шульцемъ, который въ то время отправлялся въ дальній путь въ Петербургъ и на свою родину, въ Прибалтійскій край.

За день до нашего выѣзда, Шульцъ задалъ прощальный вечеръ, напоминавшій нѣмецкіе студенческіе комерцы. Общество состояло преимущественно изъ земляковъ хозяина: Тизенгаузенъ, Крузенштернъ, Коцебу (штатскій), докторъ Клевезаль и другіе; вечеръ прошелъ весело, не мало выпили кахетинскаго и распѣвали студенческія пѣсни. 24-го октября посвятилъ я все утро прощальнымъ визитамъ и откланялся начальству, хотя вечеръ еще провелъ у Головиныхъ. Евгеній Александровичъ отвелъ меня въ свой кабинетъ и довольно продолжительное время велъ со мною глазъ на глазъ разговоръ о положеніи дѣлъ на Кавказѣ и предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ ожиданіи разрѣшенія вопроса о предположенномъ переходѣ моемъ на Кавказскую службу, Корпусный Командиръ отпустилъ меня чрезвычайно благосклонно и ласково.

Утромъ 25-го октября выѣхали мы съ Шульцемъ въ его тарантасѣ, и доѣхали въ тотъ же день до Душета. Въ слѣдующій день, по случаю глубокихъ снѣговъ на перевалѣ, дотащились только до Коби, гдѣ должны были провести часть ночи, и только 27-го числа, въ 2 часа по полуночи, прибыли во Владикавказъ. Здѣсь должны были чинить экипажъ и выѣхали не ранѣе 2-хъ часовъ по полудни, на вольнонаемныхъ лошадяхъ, подряженныхъ до Екатериноград. На всемъ этомъ протяженіи конвоировали насъ Малороссійскіе казаки, смѣнявшіеся на постахъ чрезъ каждыя 5 верстъ. По ночамъ ѣзда не допускалась, а потому намъ пришлось опять ночевать въ станицѣ Ардонской, въ устроенной для проѣзжихъ казенной гостинницѣ. 29-го числа, выѣхавъ до свѣту, добрались въ тотъ день до карантина на Малкѣ, гдѣ опять должны были ночевать въ слободкѣ у отставного солдата. Получивъ пропускной билетъ отъ карантина, утромъ 30-го числа переѣхали Малку у Екатериноград на паромѣ (мостъ былъ снесенъ); затѣмъ цѣлый день тащились по страшной

грязи и снова ночевали въ Георгіевскѣ. Здѣсь потеряли мы цѣлый почти день, вслѣдствіе неурядицы почтовой части; я долженъ былъ ходить пѣшкомъ по невылазной грязи то къ коменданту, то къ городскому головѣ, чтобы добиться почтовыхъ лошадей, и потому выѣхали изъ Георгіевска не ранѣе 8 часовъ вечера, въ совершенную темноту. Всю ночь тащились около 50 верстъ до станицы Саблинской; по причинѣ густого тумана и дождя сбились съ дороги и только 2-го ноября къ 7 часамъ утра доѣхали до Ставрополя. Но и тутъ, подъ самымъ городомъ, долго блуждали безъ дороги, не попадая на въѣздъ; изнуренныя лошади едва втащили насъ въ гору. Такимъ образомъ на все путешествіе отъ Тифлиса до Ставрополя употребили мы восемь дней. Вотъ каковы были въ то время способы сообщенія на Кавказѣ.

Со 2-го ноября и до истеченія годичнаго срока моей командировки на Кавказъ, т. е. почти $3^1/_2$ мѣсяца прожилъ я въ Ставрополѣ. Товарищи мои Вольфъ и баронъ Вревскій, жившіе вмѣстѣ, пригласили и меня поселиться у нихъ, что было конечно для меня не только выгодно, но и гораздо пріятнѣе, чѣмъ жить въ одиночествѣ въ плохой гостинницѣ Наитаки. Въ первый же день по пріѣздѣ въ Ставрополь, разумѣется, явился къ начальству. Ген. Граббе представилъ меня своей женѣ—молдаванкѣ, интересной брюнеткѣ, любезной, но нѣсколько наивной. У нихъ было двое малолѣтнихъ очень красивыхъ сыновей — Николай и Михаилъ. Въ домѣ Павла Христофоровича и Екатерины Евстафьевны нашелъ я также радушное гостепріимство, какое и въ Тифлисѣ у Головиныхъ. Въ теченіи всего пребыванія моего въ Ставрополѣ я получалъ чуть не ежедневныя приглашенія къ обѣду, вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ вслѣдъ за мною Перовскимъ. Не рѣдко проводили мы у нихъ и вечера.

Съ Траскинымъ и Норденстамомъ видѣлся я только по службѣ. Съ первыхъ же съ ними свиданій я долженъ былъ измѣнить свои взгляды на тогдашнее положеніе дѣлъ на Кавказѣ. Пессимизмъ, который высказывался въ ихъ сужденіяхъ, поколебалъ мои планы относительно перемѣны службы. Къ тому же полученныя вскорѣ потомъ письма отъ отца и отъ Горемыкина были наполнены настойчивыми убѣжденіями не рѣшаться на подобный шагъ. Горемыкинъ писалъ, что и начальство мое, то есть оба брата Веймарны и самъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, рѣшительно возстало противъ моего перехода на Кавказъ. Въ числѣ доводовъ Горемыкинъ приводилъ и то соображеніе, что онъ, по случаю назначенія адъюнктъ-

профессоромъ Тактики въ Военной Академіи, долженъ оставить свое мѣсто старшаго адъютанта въ Гвардейскомъ Штабѣ, и что начальство намѣревалось предоставить это мѣсто мнѣ. Горемыкинъ торопилъ меня возвратиться въ Петербургъ для скорѣйшаго замѣщенія его. Я не могъ тогда же принять это предложеніе, такъ какъ вопросъ о моемъ переводѣ на Кавказъ уже принялъ тогда оффиціальный ходъ, и во всякомъ случаѣ считалъ себя нравственно обязаннымъ докончить начатыя работы по Кавказу. Вопросъ о моемъ переводѣ рѣшился только въ январѣ слѣдующаго года, въ смыслѣ отрицательномъ; а между тѣмъ 6-го декабря, по выслугѣ мною трехлѣтняго срока въ чинѣ, я былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, и потомъ назначенъ (23 января) на открывшуюся должность дивизіоннаго квартирмейстера 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Жизнь въ Ставрополѣ не отличалась разнообразіемъ и оживленностію. Городъ, широко разбросанный по открытой, возвышенной плоскости степного характера, съ низенькими домами, широкими, прямыми улицами, обширными площадями, былъ похожъ на большую станицу или слободу. Да онъ и не имѣлъ другого значенія, какъ только штабъ-квартиры Командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи. Въ составъ его входили и казачья станица и нѣсколько слободокъ. Общество состояло исключительно изъ однихъ служащихъ. Климатическія условія были крайне невыгодныя: въ зимнее время городъ заносился буквально сугробами снѣга, а въ сырую погоду улицы дѣлались непроходимыми отъ грязи. Какъ во всѣхъ штабъ-квартирахъ, служащіе проводили жизнь почти исключительно въ товарищескихъ кружкахъ. Такъ и мнѣ приходилось чаще проводить время съ моими сожителями Вольфомъ и Вревскимъ, Россильономъ, Мезенцовымъ, съ гвардейскими офицерами: Муратовымъ, Хрущовымъ, Вилькеномъ. Изъ семейныхъ же знакомыхъ посѣщалъ я Бибиковыхъ и Киселевскихъ (почтмейстера); также бывалъ у г-жи Натара и немногихъ другихъ. Въ теченіи зимы дано было нѣсколько баловъ въ благородномъ собраніи (въ упомянутой гостинницѣ Наитаки); новый годъ встрѣчали на балѣ у генерала Граббе, и вторично былъ у него танцовальный вечеръ 25 января.

На новый годъ нашъ военный кружокъ нѣсколько оживился по полученіи изъ Петербурга пріятнаго извѣстія о новыхъ наградахъ за экспедицію, еще по первому представленію генерала Граббе за Ичкеринскій походъ. Въ числѣ награжденныхъ и я получилъ орденъ Св.

Владиміра 4-й ст. съ бантомъ—награду очень цѣнную для молодого офицера.

Однообразная и тихая жизнь въ Ставрополѣ доставляла мнѣ возможность усидчиво работать, частію дома, частію въ штабѣ. Я доканчивалъ свой проектъ фортификаціонный, пересматривалъ и дополнялъ свое описаніе экспедиціи, составлялъ записку о мѣрахъ, необходимыхъ, по моему мнѣнію, для лучшаго устройства дѣйствующихъ противъ горцевъ отрядовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ собиралъ матеріалы для описанія разныхъ племенъ Кавказскаго населенія и даже приступилъ къ самому составленію этого описанія. Означенная записка моя: «о нѣкоторыхъ недостаткахъ, замѣченныхъ въ составѣ и устройствѣ отрядовъ, дѣйствующихъ противъ горцевъ, и о средствахъ къ исправленію сихъ недостатковъ»—была одобрена генераломъ Граббе и препровождена имъ къ Корпусному Командиру, какъ его собственная, при рапортѣ отъ 22-го ноября. Въ записку эту входили слѣдующія статьи: 1) организація походнаго штаба, 2) устройство различныхъ частей отряда: интендантской, медицинской, артиллерійской, инженерной и т. д. Въ числѣ этихъ предположеній предлагались измѣненія въ солдатскомъ обмундированіи и обуви, учрежденіе особыхъ командъ съ носилками для выноса раненыхъ, способъ перевозки по труднымъ, горнымъ дорогамъ полевыхъ орудій (отдѣльно тѣла орудія отъ лафета) и многое другое, что осуществилось въ нашей арміи только гораздо позже.

По фортификаціонному моему проекту работа была окончена въ началѣ января, переписана на чисто, съ 20-ю листами чертежей, и представлена мною при оффиціальномъ рапортѣ на имя оберъ-квартирмейстера Норденстама отъ 7-го января, подъ заглавіемъ: «Опытъ новой системы фортификаціи, примѣненной къ обстоятельствамъ и требованіямъ Кавказскаго края». Трудъ этотъ былъ препровожденъ генераломъ Граббе къ Корпусному Командиру съ заявленіемъ безусловнаго одобренія и съ ходатайствомъ о представленіи моего проекта на Высочайшее утвержденіе, для принятія его въ руководство при постройкѣ новыхъ укрѣпленій на Кавказѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что мой проектъ, по Высочайшему повелѣнію, разсматривался въ Инженерномъ Отдѣленіи Военно-Ученаго Комитета, и согласно его заключенію, признано было нужнымъ сдѣлать въ проектѣ «нѣкоторыя дополненія и исправленія, для составленія подробнаго и яснаго руководства». Работа эта была возложена на инженеръ-генералъ-

маіора Сорокина [1]), а мнѣ объявлено Высочайшее благоволеніе [2]). Составленное генераломъ Сорокинымъ руководство было впослѣдствіи Высочайше утверждено и напечатано.

Кромѣ упомянутыхъ моихъ работъ, исполнялъ я и нѣкоторыя другія по порученіямъ начальства. Самою серьезною было—разсмотрѣніе и опроверженіе проекта, представленнаго Военному Министру ген.-м. Халанскимъ, вслѣдствіе порученнаго ему отъ Министерства изслѣдованія положенія Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Проектъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы всю тогдашнюю область Кавказскую обратить въ казачье войско. Ген. Граббе, къ которому проектъ былъ препровожденъ на разсмотрѣніе и заключеніе, возсталъ противъ такого предположенія и поручилъ мнѣ написать опроверженіе его. Для этого необходимо было мнѣ прежде всего самому изучить экономическое и гражданское положеніе какъ Линейнаго казачьяго войска, такъ и остального населенія области. Собравъ предварительно изъ разныхъ управленій военныхъ, казачьихъ и гражданскихъ оффиціальныя статистическія данныя, я старался цифрами доказать: 1) что Кавказское линейное казачье войско вовсе не въ такомъ безнадежномъ состояніи, въ какомъ изобразилъ его ген.-м. Халанскій; 2) что не менѣе ошибочны и заключенія его относительно гражданскаго населенія области, которое съ каждымъ годомъ возрастаетъ и дѣлаетъ успѣхи въ своемъ экономическомъ благосостояніи; 3) что не вѣрны и разсчеты ген.-м. Халанскаго о финансовыхъ выгодахъ для Государства отъ предполагаемаго сліянія всего населенія области подъ одно управленіе, и наконецъ 4) что самая мысль объ этомъ сліяніи не можетъ соотвѣтствовать видамъ высшаго правительства относительно будущности всего Кавказскаго края. Работою моею ген. Граббе остался совершенно доволенъ и представилъ составленное мною, довольно обширное изслѣдованіе вопроса Корпусному Командиру.

Кромѣ того поручалось мнѣ писать мнѣнія и по другимъ вопросамъ или проектамъ, поступавшимъ изъ Министерства на заключеніе Кавказскаго начальства. Въ первыхъ же числахъ декабря получилъ я предписаніе отправиться за Кубань, чтобъ осмотрѣть растущіе по р. Урупу лѣса и сообразить—можно ли дозволить казакамъ прикубанскихъ станицъ пользоваться этимъ лѣсомъ. 1-го декабря, проѣхавъ

[1]) Впослѣдствіи члена Военнаго Совѣта и коменданта Петропавловской крѣпости.

[2]) Отношеніемъ начальника штаба генералъ-инспектора по инженерной части ген.-ад. Геруа, на имя начальника штаба Отд. Гвардейскаго Корпуса г.-м. Веймарна отъ 4 іюля 1840 года.

на перекладной чрезъ станицу Сингилѣевку въ Прочноокопскую, я тутъ переночевалъ у командира Кубанскаго казачьяго полка подполковника Ендоурова (котораго знавалъ въ Петербургѣ), а на другой день утромъ отправился за Кубань верхомъ, съ конвоемъ изъ 20 казаковъ. Въ то время въ долинѣ Кубанской еще стояла погода осенняя, тогда какъ въ Ставрополѣ давно уже была настоящая зима. Вблизи станицы Прочноокопской находилось укрѣпленіе того же имени—штабъ-квартира начальника праваго фланга линіи генерала Засса. За Кубанью проѣхалъ я мимо большого Армянскаго селенія Армавиръ, и далѣе слѣдовалъ вверхъ по теченію Урупа, вдоль котораго лѣпилось много Нагайскихъ поселковъ. Осмотрѣвъ лѣсъ, сохранившійся еще узкою полосою по берегу рѣки, я убѣдился, что онъ скоро исчезнетъ совсѣмъ, если не будетъ установленъ строгій надзоръ за пользованіемъ имъ, какъ казаками, такъ и Нагайцами. Я доѣхалъ до маленькаго укрѣпленія Св. Георгія, построеннаго на правомъ берегу Урупа, верстахъ въ 30 отъ его устья, переночевалъ у воинскаго начальника, а на слѣдующій день вернулся на Кубань ближайшимъ путемъ на станицу Убѣжную, откуда проѣхалъ уже на телѣгѣ въ Прочноокопскую и 4-го декабря возвратился въ Ставрополь съ отчетомъ объ исполненномъ порученіи.

Годичный срокъ моей командировки на Кавказъ истекалъ въ первой половинѣ февраля. Получивъ 12-го числа этого мѣсяца оффиціальное предписаніе объ отправленіи къ мѣсту моей постоянной службы, я сговорился ѣхать съ Перовскимъ, который отправлялся въ то время въ Петербургъ курьеромъ. Въ тѣ времена курьерская подорожная имѣла магическое значеніе, и я предпочелъ мчаться, не жалѣя боковъ, на курьерской перекладной, чѣмъ тащиться черепахой и томиться на грязныхъ почтовыхъ станціяхъ въ ожиданіи лошадей.

Отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на 15-е февраля вечеромъ. Весь этотъ день прошелъ въ прощальныхъ визитахъ; возвратившись домой вечеромъ, къ самому часу выѣзда, въ надеждѣ найти свой небольшой чемоданъ уложеннымъ, я вмѣсто того былъ озадаченъ, увидѣвъ всѣ свои вещи разбросанными по полу комнаты, и на нихъ распростертаго моего денщика Попова, мертвецки пьянаго. Ничего другого не оставалось мнѣ, какъ самому на-скоро собрать имущество, а моего несчастнаго Попова оставить въ Ставрополѣ въ распоряженіи Кавказскаго Штаба.

При всей безцвѣтности жизни въ Ставрополѣ, я не могъ однакоже покинуть его безъ чувства признательности за радушное госте-

пріимство, оказанное мнѣ тамошнимъ обществомъ, а въ особенности въ домѣ Павла Христофоровича Граббе. Вообще же все годичное мое пребываніе на Кавказѣ оставило въ моихъ мысляхъ неизгладимыя воспоминанія. Природа этого прекраснаго края, разновидные типы его населенія, своеобразная обстановка жизни, поэзія военнаго быта и безчисленныя ощущенія, испытанныя въ теченіи года живо врѣзались въ моей памяти до глубокой старости.

СЕМЬЯ. ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Походная моя жизнь со всѣми ея треволненіями и перипетіями не мѣшала мнѣ поддерживать во все время исправную переписку съ домашними, особенно съ отцомъ и братомъ Николаемъ; изъ Петербургскихъ же товарищей я былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Горемыкинымъ. Многія перемѣны произошли съ моего отъѣзда на Кавказъ, какъ въ товарищескомъ кружкѣ, такъ и въ семьѣ. На Пасху (26-го марта) дядя Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ возведенъ въ графское достоинство; по гвардейскому генеральному штабу, Фроловъ произведенъ въ полковники на открывшуюся вакансію Блома, вышедшаго изъ штаба. Оберъ-квартирмейстеръ нашъ Иванъ Ѳедоровичъ Веймарнъ произведенъ 6-го августа въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Е. В. и оставилъ должность профессора тактики въ Военной Академіи. Должность эту занялъ Фроловъ, вмѣсто котораго адъюнктъ-профессоромъ назначенъ Горемыкинъ.

Въ Петербургскомъ оффиціальномъ мірѣ общее вниманіе было занято происходившими въ началѣ іюля празднествами по случаю свадьбы Великой Княжны Маріи Николаевны съ Герцогомъ Максимильяномъ Лейхтенбергскимъ, а потомъ, въ августѣ, Бородинскими маневрами, сопровождавшими открытіе, въ день 26-го числа, памятника на Бородинскомъ полѣ сраженія. Послѣ грандіозныхъ торжествъ по этому случаю, вся Царская фамилія съ цѣлымъ сонмомъ сановниковъ и многочисленною свитою прибыла въ Москву, и здѣсь снова происходилъ рядъ торжествъ и праздниковъ. Въ числѣ ихъ совершилась 10-го сентября закладка храма во имя Христа Спасителя въ память отечественной войны. Это было въ полномъ смыслѣ слова событіе въ домѣ моего отца, который, по своему званію управляющаго дѣлами строительной комиссіи, былъ главнымъ распорядителемъ и хозяиномъ. По этому случаю въ домѣ его набралась масса

публики, знакомой и незнакомой; хлопотъ было много; церемонія была великолѣпна и все удалось превосходно. Государь остался весьма доволенъ и отецъ мой, въ награду за свои хлопоты, получилъ то, въ чемъ болѣе всего нуждался—денежное пособіе въ 6 тысячъ рублей.

Собственно въ домѣ отцовскомъ произошли слѣдующія перемѣны. Братъ мой Владиміръ поступилъ въ гимназію, выдержавъ успѣшно экзаменъ въ 4-й классъ, хотя ему было всего 13 лѣтъ и не смотря на слабыя средства домашней подготовки. Къ младшему брату Борису приставленъ гувернеръ-нѣмецъ. Сестра моя съ огорченіемъ должна была разстаться съ M-me Mallet, которая по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ (смерти мужа и сына) уѣхала въ концѣ іюля во Францію. Отъѣздъ ея снова поставилъ отца въ большое затрудненіе; до пріисканія другой дамы, временно поселилась въ отцовскомъ домѣ Марія Алексѣевна Бакарева, о которой я уже упоминалъ не разъ. Единственнымъ для сестры моей развлеченіемъ были поѣздки въ Петровскій паркъ, гдѣ жила на дачѣ бабушка Прасковья Петровна Киселева съ Нелѣловыми [1]). Однакожъ во время великихъ празднествъ въ честь Царской семьи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, пришлось и сестрѣ моей показаться разъ или два на балахъ. Это были первые выѣзды ея въ свѣтъ, которые впрочемъ не доставили ей особеннаго удовольствія; она все еще была застѣнчива, какъ институтка.

Въ то время въ Москвѣ находились: дядя графъ П. Д. Киселевъ, братъ мой Николай и пріятель нашъ С. А. Авдулинъ. Первый присутствовалъ на Бородинскихъ маневрахъ, потомъ прожилъ въ Москвѣ во все продолженіе пребыванія тамъ Государя, а послѣ того объѣхалъ нѣкоторыя губерніи для осмотра вновь открытыхъ Палатъ Государственныхъ Имуществъ. Въ этотъ пріѣздъ онъ былъ любезнѣе обыкновеннаго къ родственному кругу, и въ особенности внимателенъ и ласковъ къ моей сестрѣ.

Братъ Николай пріѣхалъ въ Москву 5-го сентября на короткое время, чтобы развлечься отъ преслѣдовавшей его хандры. Съ отъѣзда моего изъ Петербурга, онъ во всѣхъ своихъ письмахъ жаловался на удручавшую его пустоту и безцвѣтность жизни Петербургскаго чиновника. Чтобы вырваться изъ этой тины, онъ затѣялъ было новую командировку съ Андр. Парѳ. Заблоцкимъ, который посылался отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ для изслѣдованія

1) Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ со своею семьею проводилъ это лѣто въ Останкинѣ.

положенія крестьянскаго населенія въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Заручившись предварительнымъ согласіемъ своего начальства на эту поѣздку, братъ писалъ мнѣ 24-го февраля: «Еще разъ пожелай мнѣ успѣха. Участіе твое въ каждомъ моемъ дѣлѣ я привыкъ видѣть какъ хорошее предзнаменованіе и, быть можетъ, это одно изъ моихъ суевѣрій»... Однакожъ проектъ этотъ не состоялся; дядюшка Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ не призналъ удобнымъ участіе въ означенной командировкѣ чиновника другого Министерства. Къ крайнему своему огорченію, братъ долженъ былъ провести все лѣто въ Петербургѣ, въ одиночествѣ. Хотя онъ и жилъ по прежнему вмѣстѣ съ Н. И. Свѣчинымъ (на новой квартирѣ, на Литейной, противъ Маріинской больницы, въ домѣ Лыткина), но почти никогда не видѣлся со своимъ сожителемъ, вращавшимся совсѣмъ въ особомъ кругу знакомства. Изъ близкихъ друзей многіе разъѣхались на лѣто: Заблоцкій — въ сказанную командировку; вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ и И. П. Арапетовъ. Братъ ежедневно ходилъ обѣдать въ артель, заведенную въ квартирѣ Заблоцкаго и Любимова; здѣсь, не смотря на отсутствіе одного изъ хозяевъ, братъ находилъ по крайней мѣрѣ удовольствіе въ бесѣдѣ съ хорошими и умными пріятелями: Любимовымъ, гр. Ив. Толстымъ, Загряжскимъ и другими; по вечерамъ же, возвратившись домой, работалъ до глубокой ночи, частію по служебнымъ дѣламъ, частію для нѣкоторыхъ изданій, для которыхъ онъ «подрядился» (по собственному его выраженію) поставлять статьи. Работы департаментскія въ то время его не интересовали. «Читаешь подъяческія созданія, распутываешь мошенническія увертки, борешься съ безграмотностію, злонамѣренностію, глупостью — и вотъ встаешь со стула, истративъ послѣднія силы ума, убивъ послѣднюю живость свою»... Такую жизнь называлъ онъ «мизерабельною», «une existence manquée». Онъ завидовалъ моей походной жизни и даже сопряженнымъ съ нею опасностямъ. Къ такому нравственному упадку духа присоединились еще болѣзненные недуги, которыми онъ мучился довольно долго. По совѣту отца, онъ рѣшился наконецъ просить 28-дневный отпускъ въ Москву, чтобы сколько-нибудь развлечься и не впасть совсѣмъ въ ипохондрію. Москву онъ любилъ; тамъ онъ отдыхалъ душою и сердцемъ. Въ письмѣ отъ 6 сентября онъ писалъ мнѣ: «Поѣздка въ Москву возвратитъ мнѣ здоровье, успокоитъ морально, освѣжитъ тѣло и душу и дастъ новыя силы на скуку и одиночество. Съ Москвою я вижусь всегда съ такимъ душевнымъ наслажденіемъ, что минуты эти трудно описать. Вся Москва для меня

есть ни что иное, какъ старый школьный другъ и товарищъ. Если бъ ты былъ здѣсь и если бъ наша ужасная потеря [1]) не отравила намъ радости на всю жизнь, то настоящіе дни были бы для меня полнымъ счастіемъ». Въ другомъ позднѣйшемъ письмѣ (15 января 1840 года) братъ писалъ: «Москва все та же, и чѣмъ болѣе входишь въ лѣта, тѣмъ болѣе оцѣняешь ея добродушіе и сердечность. Непостижимо для меня, какъ всѣ здѣсь помнятъ малѣйшія подробности юности каждаго изъ насъ. Живя здѣсь, какъ-то молодѣешь и отъ воспоминаній, и отъ разговоровъ, и отъ образа жизни»...

Въ Москвѣ братъ Николай съѣхался съ нашимъ пріятелемъ С. А. Авдулинымъ, который, пробывъ тамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ около недѣли, отправился къ своему дѣду во Владимірское его имѣніе, а потомъ на Нижегородскую ярмарку, и 27-го августа вторично пріѣхалъ въ Москву. Какъ и въ прежніе свои пріѣзды онъ, разумѣется, нашелъ въ домѣ моего отца самый радушный пріемъ, и въ свою очередь былъ изысканно любезенъ со всею нашею семьею и родственниками. Хотя въ отцовскихъ письмахъ и бывали намеки на особенно любезное отношеніе его къ моей сестрѣ, однакожъ я былъ совершенно озадаченъ неожиданнымъ извѣстіемъ, полученнымъ 2-го октября въ Тифлисѣ, о помолвкѣ ея съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ. 16-го сентября онъ сдѣлалъ предложеніе чрезъ брата Николая, а 17-го, въ день рожденія сестры (которой минуло 17 лѣтъ) отецъ, на могилѣ матери, благословилъ невѣсту и жениха.

Объ этомъ семейномъ событіи извѣстили меня въ тотъ же день отецъ, братъ Николай, сестра и женихъ. Письмо послѣдняго, конечно, было совершенно восторженное, какъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка влюбленнаго. Но признаться, полученная неожиданная новость не обрадовала меня. Мнѣ было извѣстно, что объ этомъ семейномъ союзѣ мечталъ еще покойный отецъ Сергѣя Алексѣевича Авдулина; что заговаривалъ онъ объ этомъ и съ покойною нашею матерью; но я никакъ не думалъ, чтобъ дѣло могло осуществиться такъ внезапно. Сестра, по своимъ понятіямъ о вещахъ житейскихъ, была еще, можно сказать, ребенкомъ. Рѣшимость, съ которою она такъ легко согласилась на сдѣланное предложеніе, была почти безсознательною. Полагаю, что находило раздумье и на отца, судя потому, что онъ не рѣшился дать свое согласіе, не посовѣтовавшись съ ближайшими родственниками Киселевыми. Всѣ они отнеслись къ

[1]) То есть смерть матери въ 1838 году.

предположенному браку сочувственно; даже и гр. Павелъ Дмитріевичъ, обыкновенно такъ сдержанный въ семьѣ, выказалъ и жениху и невѣстѣ самое любезное вниманіе.

Вскорѣ послѣ помолвки, 30-го сентября, женихъ уѣхалъ въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ по случаю предстоявшей перемѣны въ жизни. Вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ и братъ Николай. Оба они по дорогѣ посѣтили Полторацкихъ, которые приняли очень радушно новаго члена семьи. Гр. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ также возвратился въ Петербургъ. Съ этого времени отношенія его къ брату Николаю замѣтно измѣнились; съ своей стороны и братъ началъ охотно посѣщать дядю и велъ съ нимъ продолжительныя бесѣды глазъ на глазъ. Поѣздка въ Москву оживила брата лишь на короткое время; съ возвращеніемъ въ Петербургъ, онъ снова началъ хандрить, хотя и принуждалъ себя посѣщать знакомыхъ и часто бывалъ въ семьяхъ, родственныхъ Авдулину (Шишмаревы, Манзе). Кромѣ служебныхъ занятій, онъ принялся за статистическія работы, вмѣстѣ съ Заблоцкимъ составлялъ статистическій атласъ Россіи, писалъ статьи для коммерческой библіотеки и проч.

С. А. Авдулинъ, устроивъ въ Петербургѣ свои денежныя дѣла и купивъ домъ (Сенявина, на Англійской набережной), поспѣшилъ возвратиться въ Москву въ началѣ ноября; но въ концѣ года опять ѣздилъ на нѣсколько дней въ Петербургъ. Свадьба была предположена въ январѣ; разсчитывали на мой пріѣздъ къ этому семейному событію. Во всѣхъ письмахъ отца, сестры и другихъ уговаривали меня скорѣе выѣхать съ Кавказа; но я отвѣчалъ категорически, что не могу даже опредѣлить срокъ своего возвращенія, тѣмъ болѣе, что въ то время еще не былъ рѣшенъ окончательно вопросъ о томъ, останусь ли я въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, или перейду на Кавказъ. Къ новому году опять пріѣхалъ въ Москву братъ Николай, который писалъ мнѣ (7 января), что съ пріѣздомъ туда, онъ снова пустился въ Московскую разгульную жизнь, ежедневно на балахъ, маскарадахъ, въ театрахъ, на обѣдахъ.. Въ отцовскомъ домѣ шла постоянная суматоха по поводу приготовленій къ свадьбѣ. Отецъ повеселѣлъ; но предстоявшее ему одиночество въ Москвѣ озабочивало брата [1]).

---

[1]) Въ октябрѣ 1839 года отецъ мой былъ огорченъ болѣзнью близкой родственницы Маріи Асоновны Секретаревой, которая вскорѣ и скончалась (30-го числа). Онъ былъ съ нею друженъ; можно даже сказать, что изъ всего родства отцовскаго дома Марія Асоновна Секретарева оставалась близкою къ нашей семьѣ.

Самую хлопотливую часть свадебныхъ приготовленій—приданое невѣсты и ея туалетъ—приняла на себя тетка Александра Дмитріевна Нелова. Помѣщеніе для молодыхъ на время пребыванія ихъ въ Москвѣ пріискано было у Арбатскихъ воротъ (та же квартира, которую нѣкогда занимали Киселевы, въ домѣ Головкина). Свадьбу справили 17-го января, скромно, въ семейномъ кругу. Отцомъ и матерью посаженными у невѣсты были дядя Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ и Александра Дмитріевна Нелова. Затѣмъ слѣдовали, какъ водится, свадебные обѣды у отца, у молодыхъ, у близкихъ родственниковъ.

Въ первые же дни молодые извѣстили меня о совершившемся событіи. Новобрачный писалъ съ увлеченіемъ о своемъ счастьѣ; однакожъ и тутъ уже звучала минорная нота—о «церемонности», о «холодномъ обращеніи» молодой жены. Въ письмѣ же брата Николая высказывалось, что «отношенія между молодыми какъ-то не клеятся» (письмо отъ 25-го января). Впрочемъ онъ и ранѣе высказывалъ мнѣ откровенно свои опасенія на счетъ будущности, ожидающей нашу сестру и нашего друга. Онъ зналъ слабую черту послѣдняго—тщеславіе. Еще до свадьбы С. А. Авдулинъ высказывалъ желаніе, чтобы жена его блистала въ большомъ свѣтѣ Петербургскомъ. Зная нравы и направленіе этого «свѣта», братъ предсказывалъ, что этотъ путь поведетъ не къ добру. Кромѣ того, брата озабочивало и положеніе отца съ меньшими братьями, которые оставались безъ надзора и руководства. О перемѣщеніи же отца въ Петербургъ не могло быть и рѣчи.

31-го января молодые, вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ и Н. А. Бибиковымъ (о которомъ уже не разъ упоминалось), вздумали сдѣлать сюрпризъ Полторацкимъ въ день рожденія дочери ихъ Софіи: они неожиданно пріѣхали въ Тверь и явились прямо на балъ. Въ это время уже истекъ срокъ отпуска брата Николая; но болѣзнь, отъ которой онъ все еще не могъ отдѣлаться, заставила его нѣсколько отложить возвращеніе въ Петербургъ. Онъ выѣхалъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ Бибиковымъ, только 15-го февраля, то есть въ тотъ самый день, когда я выѣхалъ изъ Ставрополя.

Не смотря на бѣшенную курьерскую ѣзду, я достигъ Москвы только 20-го февраля, то есть на шестыя сутки. Нужно ли говорить съ какими чувствами обнялись мы и съ отцомъ, и съ сестрою послѣ цѣлаго года разлуки, года обильнаго всякаго рода тревогами, опасеніями, заботами. И радостно, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то странно,

грустно было мнѣ увидѣть мою 17-лѣтнюю сестру, институтку Машу, преобразившуюся въ замужнюю даму. Во всемъ нашемъ родственномъ кружкѣ меня приняли, въ полномъ смыслѣ слова, съ распростертыми объятіями. Не было конца разспросамъ, иногда весьма наивнымъ. Большую перемѣну нашелъ я въ бабушкѣ Прасковьѣ Петровнѣ Киселевой; она видимо слабѣла съ каждымъ днемъ. Въ то время находилась въ Москвѣ тетка моя Елизавета Михайловна Якимова, съ которою я не видѣлся уже много лѣтъ.

Только по пріѣздѣ въ Москву узналъ я о полученной мною третьей наградѣ за экспедицію: приказомъ 9-го февраля я былъ произведенъ въ капитаны. Эта награда была существеннымъ шагомъ въ моемъ служебномъ положеніи; на цѣлые три года я опередилъ моихъ сверстниковъ. Изъ найденныхъ мною въ Москвѣ писемъ Горемыкина я узналъ, что ген. Головинъ, прибывшій въ то время въ Петербургъ, былъ принятъ Государемъ весьма благосклонно; на всѣ его ходатайства и представленія послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Ему самому пожалованъ мундиръ Лейбъ-Егерскаго полка, которымъ нѣкогда онъ командовалъ; ген. Граббе получилъ званіе генералъ-адъютанта. Многіе изъ моихъ гвардейскихъ и штабныхъ товарищей произведены въ слѣдующіе чины, въ томъ числѣ и Н. Н. Муравьевъ въ полковники. Но самою выдающеюся наградою было производство нашего дели-баша Шульца чрезъ чинъ, то есть изъ капитановъ прямо въ полковники. Три раза раненый въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, изувѣченный, онъ былъ вполнѣ доволенъ своей судьбой и только мечталъ о новыхъ боевыхъ подвигахъ. Шульцъ въ проѣздъ свой чрезъ Москву познакомился съ моимъ отцомъ, а потомъ въ Петербургѣ съ братомъ Николаемъ, и очень понравился имъ, какъ своею оригинальностію, такъ и теплымъ сочувствіемъ, съ которымъ относился ко мнѣ.

Товарищъ и лучшій пріятель мой Горемыкинъ, постоянно сообщавшій мнѣ обо всемъ происходившемъ во время моего отсутствія въ нашемъ Петербургскомъ кружкѣ, сталъ въ послѣднее время почему-то сильно хандрить и собирался куда нибудь уѣхать хотя на время. Настоящую причину своего мрачнаго настроенія онъ не высказывалъ категорически; но въ письмахъ проглядывало между строками что-то романическое. Онъ жаловался на тоску своего Петербургскаго существованія, отговаривая меня отъ моихъ замысловъ перемѣнить службу, самъ мечталъ о переходѣ на Кавказъ, или по крайней мѣрѣ о временной поѣздкѣ туда и участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Пріѣздъ

ген. Головина въ Петербургъ облегчилъ исполненіе этихъ проектовъ. Горемыкинъ почему-то пользовался расположеніемъ Евгенія Александровича и, по предложенію его, рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ, подъ видомъ отпуска для поправленія здоровья, но съ надеждою попасть въ одинъ изъ дѣйствующихъ отрядовъ. Отъѣздъ Головина былъ назначенъ на 25 марта. Горемыкинъ торопилъ меня возвратиться до этого времени въ Петербургъ, чтобы лично переговорить со мною о разныхъ служебныхъ и частныхъ вопросахъ. Онъ продолжалъ уговаривать меня принять оставленную имъ должность старшаго адъютанта въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ.

Пробывъ въ своей семьѣ почти цѣлый мѣсяцъ, вполнѣ оправившись и тѣломъ, и духомъ, я выѣхалъ изъ Москвы 18-го марта, ровно черезъ годъ, день въ день, по выѣздѣ оттуда на Кавказъ, а 22-го числа прибылъ въ Петербургъ, гдѣ засталъ еще и Горемыкина и Е. А. Головина.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О КАВКАЗѢ

за 1839—1840 годы.

ПОЯСНЕНІЕ ПРИЛОЖЕННОЙ КАРТЫ А.

Къ воспоминаніямъ моимъ о Кавказѣ за 1839 годъ приложена общая карта подъ литерою А, съ тою цѣлью, чтобы наглядно изобразить тогдашнее административное устройство края и положеніе Русской власти въ разныхъ его частяхъ. Въ ту эпоху сравнительно недавняго еще распространенія Русскихъ владѣній новыми пріобрѣтеніями отъ Персіи и Турціи, по трактатамъ Туркманчайскому 1828-го года и Адріанопольскому 1829-го, административное устройство Закавказья находилось, можно сказать, въ зачаточномъ состояніи. По мѣрѣ присоединенія вновь завоеванныхъ областей, установлялось въ нихъ временное управленіе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; а на сѣверной сторонѣ Кавказскаго хребта, при шаткости горскаго населенія, положеніе Русской власти подвергалось частымъ измѣненіямъ. Чрезъ это карта Кавказа того времени представляла такую пестроту, о которой невозможно составить себѣ понятіе по новѣйшимъ картамъ. Вотъ почему и счелъ я не лишнимъ на означенной картѣ А изобразить положеніе Русской власти въ разныхъ частяхъ края условными цвѣтами, значеніе которыхъ указано на самой картѣ. Но указаніе это необходимо дополнить нѣкоторыми поясненіями.

Высшая власть во всемъ Кавказскомъ краѣ сосредоточивалась въ лицѣ Командира отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, носившаго также и званіе Главноуправляющаго гражданскою частію въ Грузіи, Кавказской и Армянской областяхъ. Мѣстопребываніе его въ Тифлисѣ.

Корпусному командиру были подчинены: 1) Командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи, онъ же и Начальникъ Кавказской области; 2) Начальникъ Черноморской береговой линіи и 3) Командующій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ.

Сѣверный Кавказъ. Обширная равнина между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, отъ границъ Донского казачьяго войска и Астраханской губерніи до Кубани и Терека, заключала въ себѣ: прилежащія къ Азовскому морю земли Черноморскаго казачьяго войска и область Кавказскую. Передовая полоса этой послѣдней области занята была Линейнымъ казачьимъ войскомъ. Земли казачьи имѣли различное протяженіе въ глубину области. Мѣстопребываніе главнаго Начальника Области Кавказской и Черноморіи—Ставрополь.

Обширная Область Кавказская дѣлилась на четыре уѣзда: Ставропольскій [1]), Пятигорскій, Моздокскій и Кизлярскій. Въ уѣздахъ введено было гражданское управленіе, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ общеустановленнаго положенія, примѣнительно къ особенностямъ мѣстнымъ. Всѣ четыре уѣздныхъ города были окружены землями казачьими, не входившими въ составъ уѣздовъ. Значительная часть Области была занята магометанскимъ полукочевымъ населеніемъ Нагайцевъ, Каранагайцевъ, Туркменъ и Калмыковъ. Населеніе это оставалось въ своемъ первобытномъ состояніи, управлялось по своимъ народнымъ обычаямъ, подъ надзоромъ Русскихъ приставовъ, а въ высшей инстанціи состояло въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Какъ Черноморское, такъ и Линейное казачьи войска управлялись своими атаманами. Въ 1839 году должности эти занимали ген.-л. Завадовскій и ген.-м. Рудзевичъ. Мѣстопребываніемъ ихъ управленій были Екатеринодаръ и Ставрополь. Въ Черноморскомъ войскѣ конные полки и пѣшіе баталіоны комплектовались такимъ же порядкомъ, какъ въ войскѣ Донскомъ; въ Линейномъ же войскѣ—полки (исключительно конные) имѣли постоянный составъ, въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ, и были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ (начиная отъ границы Черноморскаго войска): Кавказскій, Кубанскій, Ставропольскій, Хоперскій, Волжскій, Горскій, Моздокскій, Гребенской и Кизлярскій. Каждый полкъ несъ службу въ своемъ участкѣ кордонной линіи, нижнее теченіе Кубани составляло участокъ Черноморскихъ казаковъ.

Въ военномъ отношеніи Кавказская линія и лежащее впереди ея пространство, обитаемое туземными племенами, дѣлились на нѣсколько отдѣловъ. Въ каждомъ отдѣлѣ на начальствующаго генерала возложены были распоряженія по охраненію линіи, мѣры къ удер-

[1]) Уѣздъ этотъ почему-то назывался «Округомъ».

жанію въ повиновеніи покорнаго или мирнаго туземнаго населенія и военныя дѣйствія противъ враждебныхъ племенъ. Для исполненія такихъ обязанностей начальнику отдѣла подчинены были расположенные въ его раіонѣ регулярныя войска и казачьи полки [1]).

Отдѣлъ Черноморской кордонной линіи, какъ уже сказано, состоялъ въ вѣдѣніи Атамана Черноморскаго казачьяго войска. Изъ Закубанскаго населенія, въ предѣлахъ означеннаго отдѣла, считались мирными только ближайшіе къ Кубани аулы Бжедуховъ и Гатюкойцевъ, а также ближайшая къ устьямъ Кубани часть Натухайцевъ (Натхо-Куаджъ), которые впрочемъ включены были въ раіонъ Черноморской береговой линіи. Затѣмъ все остальное, многочисленное и воинственное населеніе обоихъ склоновъ горнаго хребта (Шапсуги и Абадзехи) принадлежало къ числу наиболѣе враждебныхъ намъ племенъ.

Правый флангъ Кавказской линіи простирался по Кубани отъ границы Черноморскаго войска до Каменнаго моста въ верховьяхъ Кубани (близъ укрѣпленія Хумаринскаго), на протяженіи около 300 верстъ. Кордонная линія въ предѣлахъ этого отдѣла была охраняема четырьмя полками Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска: Кубанскимъ, Кавказскимъ, Ставропольскимъ и Хоперскимъ.

Мѣстопребываніе Начальника Праваго фланга было въ крѣпости Прочноокопской [2]). Въ 1839 году должность эту занималъ ген.-л. Зассъ, о которомъ было уже упоминаемо въ моихъ воспоминаніяхъ.

За Кубанью, въ предѣлахъ Праваго фланга, простирается обширная равнина до подошвъ горъ. Часть ея между Кубанью и Большой Лабой, совершенно открытая, занята была рѣдкимъ населеніемъ покорныхъ Нагайцевъ; западнѣе же Б. Лабы отроги горъ приближаются къ Кубани, мѣстность становится лѣсистѣе и населеніе, принадлежащее къ племени Адыге (которое собственно и называется у насъ Черкесами) [3]), было не только непокорно Русской власти, но большею частію враждебно; въ особенности Абадзехи, о которыхъ уже упомянуто выше. Въ самыхъ же горахъ, по верховьямъ рѣкъ, вытекающихъ изъ главнаго Кавказскаго хребта, западнѣе Ку-

---

[1]) Войска и казаки подчинялись Начальнику отдѣла только по ихъ службѣ и участію въ военныхъ дѣйствіяхъ; по внутреннему же устройству и хозяйству регулярные полки входили въ составъ дивизій, а казаки оставались въ вѣдѣніи своихъ Атамановъ.

[2]) Послѣ 1839 года крѣпость эта была упразднена, также какъ и другія, существовавшія при нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ укрѣпленія.

[3]) Непосредственно за Лабой населеніе это извѣстно было подъ разными мѣстными названіями: Кемюргои, Мохошъ, Бесленои и др.

бани, гнѣздилось населеніе Абазинское, подраздѣленное на многіе общества или роды [1]); а верховья Кубани занимали Карачаевцы, нѣкогда подчинявшіеся Кабардинцамъ и давно уже (съ 1822 г.) признававшіе себя покорными Россіи.

Въ двадцатыхъ годахъ (при ген. Эмануэлѣ) возведено было за Кубанью нѣсколько укрѣпленій, въ видахъ обезпеченія линіи отъ безпокойнаго туземнаго населенія; но большая часть этихъ укрѣпленій была упразднена въ тридцатыхъ годахъ (ген. Вельяминовымъ) и къ 1839 году оставались за Кубанью только три: Георгіевское—на Урупѣ, верстахъ въ 25 отъ Прочнаго окопа; Вознесенское [2])—на р. Чамлыкѣ, верстахъ въ 30 впереди Георгіевскаго, и Ярсаконское—на р. Большомъ Земчукѣ, впереди станицы Бѣломечетской, верстахъ въ 10 отъ Кубани. Въ 1839 году прибавилось еще четвертое—на правомъ берегу Большой Лабы, верстахъ въ 16 западнѣе Вознесенскаго, названное сначала Аржипскимъ, а потомъ переименованное въ Зассовское. Всѣ эти укрѣпленія, по своимъ размѣрамъ и слабой профили, не могли имѣть никакого значенія и даже не были безопасны отъ нападенія горцевъ.

Центръ Кавказской линіи имѣлъ небольшое протяженіе: по кордону отъ Верхней Кубани (у Хумаринскаго укрѣпленія) до впаденія Малки въ Терекъ—около 180 верстъ. Протяженіе это охранялось двумя Линейными казачьими полками—Волжскимъ и Горскимъ.

Мѣстопребываніе Начальника Центра—Нальчикъ, главный пунктъ Большой Кабарды. Постъ этотъ занималъ въ 1839 году ген.-л. князь Голицынъ.

Центръ Кавказской линіи былъ самою мирною и спокойною частію ея. Впереди кордонной линіи входили въ предѣлы Центра только Большая Кабарда и сосѣднія съ нею къ югу небольшія горскія общества: Чегемъ, Балкаръ и Дигоръ. Было время, когда Кабардинскій народъ господствовалъ на обширномъ пространствѣ по обѣимъ сторонамъ Кубани, Малки и Терека, отъ хребта Кавказскаго до Егорлыка и Маныча, а къ востоку граничилъ съ Кумыками. До сихъ поръ сохранились въ названныхъ горскихъ обществахъ слѣды прежней зависимости ихъ отъ Кабардинцевъ. Какъ извѣстно, народъ

[1]) На нашихъ картахъ значились: Баракаевцы (или Баракаи), Багъ, Шахгиреи, Тамъ, Кизылбаши, Бѣглые Кабардинцы, Башилбаи, Басхохъ и другіе. Но всѣ эти наименованія не имѣютъ значенія этнографическаго; нѣкоторыя, какъ напримѣръ Бѣглые Кабардинцы, едва-ли даже извѣстны туземцамъ.

[2]) На нѣкоторыхъ картахъ показывалось подъ наименованіемъ «Новодонского».

этотъ исповѣдывалъ христіанскую вѣру и съ давнихъ временъ былъ въ сношеніяхъ съ Москвою; а при Іоаннѣ Грозномъ принялъ добровольно подданство Царю, который вступилъ въ бракъ съ княжною Черкесскою (т. е. Кабардинскою). Но появленіе Турокъ на Кавказѣ нанесло ударъ господству Кабардинцевъ, совратило ихъ въ мусульманство и прервало надолго сношенія ихъ съ Россіею. Въ концѣ XVIII вѣка (1771 г.) прислана была къ Императрицѣ Екатеринѣ II Кабардинская депутація съ просьбою объ отмѣнѣ постройки крѣпости въ Моздокѣ и водворенія тамъ казаковъ. Домогательство это, конечно, не было уважено, а вслѣдъ за тѣмъ, въ 1774 году, по миру Кучукъ-Кайнарджійскому, Порта признала Кабарду подвластною Россіи. Въ началѣ XIX столѣтія страну эту постигло страшное бѣдствіе; чума, свирѣпствовавшая нѣсколько лѣтъ сряду, истребила значительную часть населенія. Въ 1812 году Кабарда снова принесла присягу Русскому правительству; но чрезъ десять лѣтъ (въ 1822 г.) вспыхнуло возстаніе, которое пришлось усмирить оружіемъ. Съ тѣхъ поръ покорность Кабарды не была нарушаема. Русскимъ правительствомъ дано ей самоуправленіе, основанное на народномъ бытѣ и обычаяхъ, подъ руководствомъ Русскихъ мѣстныхъ начальниковъ. Для поддержанія же въ краѣ спокойствія и порядка приняты такія мѣры, что Кабардинцы, какъ наиболѣе цивилизованные и развитые изъ всего туземнаго населенія Кавказа, не могли не понять, какъ было бы съ ихъ стороны неразумно и безцѣльно всякое проявленіе непокорности предъ Русскою силою.

Обезпеченіе спокойствія въ Центрѣ Кавказской линіи имѣло особенную важность потому, что здѣсь пролегаетъ главный путь сообщенія Россіи съ Закавказьемъ. Собственно чрезъ Кабарду пролегаетъ только часть военно-грузинской дороги, отъ Малки до рѣчки Дурдуръ, на протяженіи около 60 верстъ. Далѣе она входитъ въ раіонъ Владикавказскаго округа.

Владикавказскій округъ представлялъ какъ бы передовой отдѣлъ Центра Кавказской линіи, разросшійся изъ первоначальнаго скромнаго управленія Владикавказскаго коменданта. Начальникомъ округа въ 1839 году былъ полковникъ (а вскорѣ потомъ генералъ-маіоръ) Нестеровъ. Округъ былъ весьма не обширный. Въ предѣлахъ его пролегала военно-грузинская дорога отъ рѣчки Дурдуръ до ущелья Дарьяльскаго, на протяженіи 66 верстъ. Дорога охранялась Малороссійскимъ казачьимъ полкомъ, только что переселеннымъ сюда и положившимъ начало будущимъ двумъ Владикавказскимъ полкамъ

Линейнаго казачьяго войска. Въ описываемое время Малороссійскіе казаки занимали посты вдоль всей дороги, но еще не были вполнѣ поселены; только что отводились для нихъ участки земли узкою полосою по обѣимъ сторонамъ дороги.

Въ округъ Владикавказскій входила большая часть Осетинскаго населенія (Алагирцы, Куртатинцы, Тагаурцы) и Ингушевскаго (Назрановцы, Карабулаки, Галашевцы, Галгаи, Джераховцы, Кисты). Все это населеніе признавалось покорнымъ и управлялось по народному обычаю подъ надзоромъ Русскихъ приставовъ.

Лѣвый фланъ Кавказской линіи простирался по кордонной линіи, т. е. по теченію Терека, на 260 верстъ, заключая въ себѣ участки трехъ линейныхъ казачьихъ полковъ: Моздокскаго, Гребенскаго и Кизлярскаго. За Терекомъ раіонъ отдѣла простирался до Андійскаго хребта (вѣтви главнаго Кавказскаго хребта, отдѣляющейся отъ горы Барбало въ сѣверо-восточномъ направленіи) и до низовій рѣки Сулака. Мѣстопребываніе начальника Лѣваго фланга было въ кр. Грозной, на р. Сунжѣ. Должность эту занималъ въ 1839 году ген.-м. Клюки-фонъ-Клугенау; но по случаю предпринятой тогда экспедиціи генералу Клугенау было поручено начальство въ сѣверномъ Дагестанѣ, а начальникомъ Лѣваго фланга былъ назначенъ ген.-м. Пулло.

Изъ туземнаго населенія за Терекомъ признавались вполнѣ покорными Малая Кабарда, Кумыки и ближайшіе Чеченскіе аулы по правому берегу Терека и по обоимъ берегамъ Сунжи. Малая Кабарда всегда держала себя за-одно съ Большою Кабардою; здѣсь въ особенности преобладалъ аристократическій строй; очень значительная часть пространства Малой Кабарды закрѣплена была на правахъ собственности за вліятельною фамиліею князей Бековичей-Черкасскихъ. То же аристократическое начало господствовало у Кумыковъ, занимающихъ открытую равнину между низовьями Терека и Сулака. Принадлежа къ числу наиболѣе культурнаго туземнаго населенія, Кумыки признали себя подвластными Московскому Царству еще въ царствованіе Ѳедора Іоанновича и Бориса Годунова; но въ теченіи послѣдующаго времени неоднократно приходилось Русскимъ войскамъ усмирять возстанія и безпорядки среди Кумыковъ. Въ XIX столѣтіи они составляли самую спокойную и покорную часть Кавказскаго населенія.

Чеченскіе аулы по Тереку и Сунжѣ состояли подъ надзоромъ Русскихъ приставовъ и ближайшихъ военныхъ начальниковъ, обложены были легкою податью (по 1 руб. съ дыма) и несли нѣкоторыя

повинности натурою, въ томъ числѣ содержаніе постовъ вдоль Сунжи. Вынужденная покорность и спокойствіе этихъ ауловъ, конечно, не препятствовали имъ поддерживать сношенія со своими за-Сунжанскими соплеменниками.

Среди мирнаго населенія Лѣваго фланга существовали въ 1839 году четыре укрѣпленныхъ пункта, построенныхъ еще Ермоловымъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ: крѣпости Грозная и Внезапная, укрѣпленія Амиръ-Аджи-юртъ (прикрывающее переправу чрезъ Терекъ) и Горячеводское. Кромѣ Внезапной, прочія три укрѣпленія, не исключая и Грозной, представляли такую ничтожную силу обороны, что не могли считаться обезпеченными даже отъ открытаго нападенія горцевъ [1]).

За исключеніемъ указанныхъ Чеченскихъ ауловъ на Терекѣ и Сунжѣ, вся остальная Чечня была въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ подъ властію Шамиля и относилась къ Русскимъ крайне враждебно. Даже сосѣднія съ Кумыками небольшія общества Аухковцевъ, Качкалыковцевъ, Мичиковцевъ, по временамъ выдававшія себя за мирныхъ и даже обложенныя податью, наравнѣ съ Сунжанскими аулами сбросили съ себя личину и стали явно въ ряды нашихъ враговъ.

Вся лѣсистая равнина за Сунжею до Черныхъ (т. е. лѣсистыхъ) горъ дѣлилась рѣкою Гойтою, притокомъ Сунжи, на Малую Чечню и Большую. Собственно на этомъ только пространствѣ и происходили въ тѣ времена наши такъ называемыя экспедиціи. Отряды наши, подъ предлогомъ наказанія тѣхъ или другихъ ауловъ за враждебныя ихъ дѣйствія, вторгались въ доступныя мѣстности, преимущественно въ зимнее время, разоряли страну, рубили просѣки въ лѣсахъ и уходили безъ всякаго положительнаго результата, оставляя за собою раздраженное, озлобленное населеніе. Таково было и предпринятое генераломъ Пулло, въ зиму съ 1839-го на 1840 годъ, движеніе вдоль плоскости Чеченской; при этомъ забирались отъ ауловъ аманаты, ружья [2]), скотъ, какъ будто для того, чтобы еще болѣе ожесточить и безъ того враждебное намъ населеніе.

Таковъ былъ нашъ образъ дѣйствій въ ближайшей къ линіи плоской части Чечни. Горная полоса была тогда еще недоступна для

[1]) Подтвержденіемъ тому служитъ ночное нападеніе горцевъ на Амиръ-Аджи-юртъ въ 1825 году. Укрѣпленіе это было взято и весь гарнизонъ истребленъ. Возведенное послѣ того на томъ же мѣстѣ новое укрѣпленіе было немногимъ лучше прежняго.

[2]) Отбиралось только по одному ружью съ каждыхъ 10 саклей. Могло ли это принести намъ какую нибудь пользу?

насъ. Самое сильное Чеченское населеніе въ горахъ — Ичкеринцы — занимало верхнія долины Баса, Хулхулау, Аксая, Ямансу, Ярыкъ-су. Къ западу отъ Ичкеріи, въ суровыхъ котловинахъ обоихъ Аргуновъ (Шаро-Аргунъ и Чанты-Аргунъ), обитало населеніе Кистинскаго племени: Шатойцы, Шубузы, Чарбили и другія небольшія общины, обособленныя самою природою отъ всѣхъ сосѣдей и вполнѣ намъ чуждыя.

Такимъ образомъ на всемъ протяженіи сѣвернаго Кавказа, за исключеніемъ лишь центральной части, только ближайшая къ кордонной линіи часть туземнаго населенія могла признаваться покорною и подчинялась Русскому военному начальству. Остальное населеніе, не только горное, но и на лѣсистыхъ равнинахъ, было враждебно намъ. Принимаемыя Русскимъ начальствомъ военныя мѣры носили характеръ оборонительный; главною цѣлью ихъ было обезпеченіе линіи и сообщеній съ Закавказьемъ. Если и предпринимались наступательныя дѣйствія, то они имѣли значеніе временнаго наказанія той или другой части непокорнаго населенія, не оставляли по себѣ никакихъ положительныхъ слѣдовъ и нисколько не способствовали утвержденію въ краѣ Русскаго владычества.

Къ линіи Кавказской примыкали: съ запада—Черноморская береговая линія, съ востока—Дагестанъ.

Черноморская береговая линія, только что устроенная въ тридцатыхъ годахъ, состояла изъ ряда отдѣльныхъ малыхъ укрѣпленій на самомъ берегу моря, на протяженіи около 280 верстъ, отъ устья Кубани до границы Абхазіи у Гагръ. Мѣстопребываніе Начальника Черноморской береговой линіи и его управленіе находилось въ Керчи, т. е. внѣ предѣловъ Кавказа. Должность эту занималъ ген.-л. Раевскій.

По Адріанопольскому мирному договору 1829 года Турція отказалась отъ своихъ правъ на восточный берегъ Чернаго моря; но прибрежное горское населеніе: Шапсуги, Убыхи, Джигеты и прочія мелкія нагорныя общества воспротивились признанію надъ собою владычества Россіи и упорно отстаивали свою независимость. Турки и другіе наши европейскіе враги, подъ предлогомъ торговли съ горцами, возбуждали ихъ къ сопротивленію, снабжали ихъ оружіемъ и порохомъ. Съ цѣлью прекращенія этихъ вредныхъ для насъ сношеній, учреждено было вдоль берега крейсерство и устроена Черноморская береговая линія, состоявшая изъ слѣдующихъ 13 укрѣпленій:

Джемитейское — на косѣ Кизылташскаго залива при устьѣ Кубани.

Анапа — прежняя Турецкая крѣпость, взятая кн. Меншиковымъ въ 1829 году.

Новороссійскъ—также бывшая Турецкая крѣпость Суджукъ-кале, въ глубинѣ Цемесской бухты.

Геленджикъ—на берегу бухты того же названія.

Новотроицкое—при заливѣ Пшадъ.

Михайловское—при устьѣ Вулана.

Тенгинское—при устьѣ Шапсуго.

Вельяминовское—при устьѣ Туапсе.

Лазарево—при устьѣ Псезуапе.

Головинское—при устьѣ Шахе.

Навагинское—при устьѣ Сочи.

Св. Духа—при устьѣ Мдзимпты (близъ мыса Адлеръ), и наконецъ Гагры—преграждающее проходъ между моремъ и крутымъ обрывомъ горной вѣтви, замыкающей Абхазію съ сѣвера.

За исключеніемъ Анапы, Новороссійска и Гагръ, всѣ прочія укрѣпленія были расположены при устьяхъ горныхъ рѣчекъ, стекающихъ съ главнаго хребта Кавказскаго, въ странѣ, населенной враждебными намъ горцами и безъ всякаго другого сообщенія, кромѣ морского; а потому гарнизоны укрѣпленій оставались большую часть года совершенно изолированными, а при климатическихъ условіяхъ мѣстности подвергались чрезвычайно сильной болѣзненности и смертности. Возложенное на Черноморскій флотъ крейсерство оказывалось мало дѣйствительнымъ: парусныя военныя суда держались обыкновенно въ такомъ разстояніи отъ берега, особенно въ свѣжую погоду, что Турецкія кочермы, легко ускользая отъ крейсера, безнаказанно сообщались съ горцами, тогда какъ гарнизоны нашихъ укрѣпленій, отрѣзанные отъ всего остального міра, были въ постоянной блокадѣ. Во многихъ пунктахъ надъ укрѣпленіями господствовали высоты ближе ружейнаго выстрѣла; выходить наружу было не безопасно на самое близкое разстояніе. Къ тому же и въ отношеніи фортификаціонномъ, укрѣпленія имѣли такую слабую оборону, что можно было ежеминутно опасаться нападенія горскихъ скопищъ, что вскорѣ и осуществилось: съ февраля 1840 года начался разгромъ жалкой Черноморской береговой линіи; первыя нападенія были произведены такъ неожиданно и быстро, что три укрѣпленія: Лазарево,

Вельяминовское и Михайловское одно за другимъ были истреблены съ гарнизонами своими, прежде чѣмъ можно было подать помощь десантными войсками.

Дагестанъ (въ переводѣ «Горная страна»), какъ уже сказано, отдѣлялся отъ раіона Лѣваго фланга Кавказской линіи водораздѣльнымъ хребтомъ Андійскимъ и рѣкою Сулакомъ, образуемою изъ соединенія всѣхъ четырехъ горныхъ рѣкъ, извѣстныхъ у насъ подъ названіемъ Койсу (Андійскаго, Аварскаго, Кара-Койсу, Казы-кумыкскаго). Однакожъ къ Дагестану причислялось и Салатау (Салатавцы), хотя это племя находится на лѣвой сторонѣ Сулака и на сѣверномъ склонѣ Андійскаго хребта. Южную границу Дагестана съ Закавказскимъ краемъ составляетъ главный (водораздѣльный) Кавказскій хребетъ.

Внутреннимъ Дагестаномъ (или Нагорнымъ по преимуществу) принято у насъ называть собственно суровую котловину, заключающую въ себѣ долины всѣхъ четырехъ названныхъ выше Койсу. Эта часть Дагестана населена почти исключительно Лезгинскимъ племенемъ, рѣзко отличающимся отъ всѣхъ другихъ обитателей Кавказа и наружными чертами, и языкомъ, и нравственными свойствами. Прибрежная же полоса Дагестана (собственно Прикаспійскій край) гораздо менѣе гористая, болѣе доступная, заселилась смѣсью разныхъ народовъ: Лезгинъ, Аравитянъ, Персіянъ, Татаръ и другихъ. Всѣ послѣдовательно смѣнявшіеся здѣсь завоеватели оставили по себѣ болѣе или менѣе замѣтные до сихъ поръ слѣды.

Въ той же прибрежной полосѣ Дагестана положено было основаніе и Русскаго владычества ранѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ горъ. Не говоря о сношеніяхъ владѣтелей Дагестана съ Русскими Царями въ XVI и XVII столѣтіяхъ [1]), вспомнимъ походъ Петра Великаго, имѣвшій результатомъ завоеваніе всего прибрежья Дагестана. Хотя завоеванія эти были возвращены Персіи въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны (1735 г.), однакожъ въ концѣ XVIII столѣтія и въ началѣ XIX-го окончательно утвердилось владычество Россіи во всей прибрежной полосѣ Дагестана.

Въ ту эпоху, къ которой относятся мои воспоминанія, Дагестанъ не составлялъ цѣльной административной единицы и состоялъ изъ многихъ мелкихъ ханствъ или вольныхъ обществъ, изъ которыхъ

[1]) Въ 1638 году дана Царская грамота владѣтелю Кумыкскому и Тарковскому Сурхай-Мирзѣ, принявшему подданство Россіи.

нѣкоторые считались покорными Русской власти, а другіе непокорными и фанатически преданными мюридизму.

Въ сѣверномъ Дагестанѣ покорными можно было тогда признавать владѣніе Шамхала Тарковскаго, ханства Мехтулинское и Аварское, которыя управлялись по своимъ народнымъ обычаямъ, подъ надзоромъ Русскихъ приставовъ и подъ главнымъ завѣдываніемъ Командующаго войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, имѣвшаго пребываніе въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, на равнинѣ Тарковской. Мѣстопребываніемъ же названныхъ владѣтелей были: Шамхала Тарковскаго—Кафыръ-кумыкъ, хана Мехтулинскаго—Дженгутай, хана Аварскаго—Хунзахъ.

Въ числѣ покорныхъ считались также Салатавцы и Койсубулинцы; но я долженъ исключить ихъ изъ этой категоріи, въ виду ихъ открытой враждебности въ 1839 году. Только немногіе изъ Койсубулинскихъ ауловъ не подчинялись власти Имама; прочіе были въ числѣ самыхъ горячихъ, фанатичныхъ его приверженцевъ.

Въ среднемъ Дагестанѣ — городъ Дербентъ, прежняя сильная крѣпость Персидская, два раза взятая съ боя Русскими войсками (въ 1722 г. Петромъ Великимъ и въ 1796 г. ген. Зубовымъ) и окончательно присоединенная къ Россіи въ 1813 году по Гюлистанскому договору съ Персіей, получила отъ Русскаго правительства городское устройство, подъ управленіемъ Начальника округа Дербентскаго. Въ составъ этого округа вошли нѣкоторыя ближайшія туземныя общества (Башлы, Гамри-Озень, Терекеме, Нижній Табасарань), управляемыя по народнымъ обычаямъ, подъ вѣдѣніемъ Окружного Начальника.

Къ числу покорнаго населенія Средняго Дагестана, управляемаго по народному обычаю, подъ надзоромъ Русскихъ военныхъ приставовъ, можно причислить два ханства: Казы-Кумыкское и Кюринское, бывшее владѣніе Уцмія Каракайтахскаго, и вольныя общества: Верхній Табасарань, Сюрги, Цудахара, Акуша, Андаляль. Общества эти, также какъ и другія, признаваемыя покорными или мирными, не всегда были безупречны въ своемъ поведеніи въ отношеніи Русской власти; но случавшіяся въ средѣ ихъ по временамъ проявленія непокорности и своеволія не даютъ повода къ тому, чтобы отнести ихъ къ разряду непокорныхъ или враждебныхъ, тѣмъ болѣе, что въ тотъ годъ, къ которому относятся мои замѣтки, названныя общества держались совершенно спокойно.

Затѣмъ всѣ остальныя, не поименованныя общества внутренняго или нагорнаго Дагестана, должны быть отнесены къ категоріи непокорныхъ и болѣе или менѣе враждебныхъ намъ. Перечислю ихъ въ порядкѣ занимаемыхъ ими мѣстностей, по долинамъ рѣкъ, подъ тѣми наименованіями, подъ которыми онѣ были намъ извѣстны, не ручаясь впрочемъ за правильность этихъ названій, иногда крайне искажаемыхъ въ нашемъ русскомъ переложеніи [1]).

Въ долинѣ Андійскаго Койсу, слѣдуя отъ низовій рѣки къ верховьямъ, обитали: Койсубу, Гумбетъ, Анди, Кіаляль (Карата тоже), Ункратль, Тиндаль, Богосъ, Дидо (въ самой верхней котловинѣ, примыкающей къ водораздѣльному хребту).

Въ долинѣ Аварскаго Койсу—сосѣдній съ Аварскимъ ханствомъ, Хидатль; выше по долинѣ—Анкратль.

Въ долинѣ Кара-Койсу—Карахъ, Мукратль, Тхесерухъ.

Наконецъ въ числѣ непокорныхъ показаны на картѣ обитающія въ самыхъ верховьяхъ Самура четыре малыя общества: Рутуль, Ахты, Алтыпара и Докузпара; здѣсь Русская власть была возстановлена въ 1839 году Дагестанскимъ отрядомъ, подъ личнымъ начальствомъ Корпусного Командира ген. Головина. Результатомъ этой экспедиціи было возведеніе здѣсь новаго укрѣпленія Ахты.

Самая южная часть Прикаспійскаго края, то есть треугольное пространство между морскимъ берегомъ и пониженною оконечностію главнаго хребта Кавказскаго, южнѣе Самура, составляла бывшее ханство Кубинское, присоединенное къ Россіи по Гюлистанскому миру съ Персіей въ 1813 году подъ названіемъ провинціи Кубинской. Но эта часть Прикаспійскаго края входила уже, въ административномъ отношеніи, въ составъ Закавказья.

Закавказье—представляло въ описываемую эпоху нестройное соединеніе поступившихъ добровольно въ подданство Россіи двухъ Царствъ: Грузинскаго и Имеретинскаго, съ разноплеменными и разнородными владѣніями и областями, отторгнутыми отъ Персіи и Турціи. *Царство Грузинское*, состоявшее изъ Карталиніи (отъ которой произошло и самое названіе Грузинъ Картвеланами), Кахетіи и Сомхетіи, получило гражданское управленіе, во главѣ котораго поставленъ былъ Командиръ отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса; при немъ учреждено «Верховное Грузинское Правительство», заключавшее въ

[1]) Привожу эти названія въ томъ соображеніи, что онѣ уже не показываются на новыхъ картахъ Кавказа, а потому со временемъ не легко будетъ слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Дагестанѣ въ эпоху окончательнаго утвержденія Русскаго владычества въ томъ краѣ.

себѣ три «Экспедиціи» (или отдѣленія): исполнительное, казенное и судебное, такъ что въ немъ сосредоточены были функціи Губернскаго правленія, Казенной Палаты, гражданскаго и уголовнаго суда. Потомъ Грузія была раздѣлена на пять уѣздовъ: Тифлисскій, Душетскій, Горійскій, Телавскій и Сигнахскій, въ которыхъ введено управленіе по образцу Русскаго уѣзднаго управленія, но съ значительными отступленіями отъ существовавшаго въ Имперіи общаго Положенія, примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ края. Постановлено было примѣнять въ дѣлахъ гражданскихъ прежніе законы Царя Вахтанга, а въ дѣлахъ уголовныхъ руководствоваться узаконеніями Имперіи.

Вскорѣ по занятіи Грузіи Русскими войсками, присоединены были къ ней вновь завоеванныя отъ Персіи территоріи: часть прежняго ханства Ганжинскаго (завоеваннаго кн. Циціановымъ въ 1803 г.), подъ названіемъ округа Елизаветпольскаго, «дистанціи» Борчалинская, Бамбикская, Шурагельская, Казахская и Шамшадильская, въ которыхъ однакоже не было введено гражданское управленіе наравнѣ съ существовавшими уѣздами. Этимъ округамъ, названнымъ почему-то «дистанціями», дано было упрощенное, привычное народу полуазіатское управленіе, подъ единоличнымъ завѣдываніемъ окружныхъ начальниковъ или приставовъ. Такое же устройство дано и «Горскому округу», образованному изъ прежнихъ подвластныхъ Грузинскому Царству осетинскихъ племенъ: Пшавовъ, Тушинъ и Хевсуръ.

Царство Имеретинское, освобожденное Русскими войсками отъ Турецкаго владычества еще ранѣе занятія ими Грузіи [1]), поступило формально въ подданство Россіи только въ 1804 году и получило Русское управленіе еще гораздо позже. Только что присягнувшій торжественно Царь Саломонъ II нарушилъ присягу, войдя въ соглашеніе съ Турками, вслѣдствіе чего, въ 1810 году, Русскія войска подъ начальствомъ ген. Тормасова вступили въ Имеретію, овладѣли Кутаисомъ; арестованный Царь Саломонъ отправленъ въ Тифлисъ, и затѣмъ введено въ Имеретіи Русское гражданское управленіе по

---

[1]) Еще при Царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ Имеретія обращалась къ нимъ съ просьбами о защитѣ противъ Турокъ; но въ тѣ времена Россія находилась не въ такомъ положеніи, чтобы дѣйствительно оказать матеріальную помощь отдаленной единовѣрной странѣ, и не могла спасти ее отъ разгрома Турецкаго въ 1691 году. Только въ царствованіе Екатерины II, въ 1772 году, появились въ Имеретіи Русскія войска, подъ начальствомъ ген. Тотлебена; а по Кучукъ-Кайнарджійскому миру 1774 г. Имеретія и Гурія освобождены отъ Турокъ.

образцу уже существовавшаго въ Грузіи, съ раздѣленіемъ на 4 округа (вмѣсто уѣздовъ).

Гурія, нѣкогда входившая въ составъ единоплеменной съ нею Имеретіи, избавилась вмѣстѣ съ нею отъ Турецкаго гнета, поступила въ 1804 году подъ покровительство Россіи, но осталась подъ управленіемъ своего владѣтельнаго рода князей Гурьель. Окончательно присоединена къ Россіи только въ 1829 году, по Адріанопольскому договору, и получила такое же управленіе, какое было введено въ Имеретіи.

Лежащая къ западу отъ Имеретіи и одноплеменная съ нею *Мингрелія* освобождена была отъ Турецкаго владычества по Кучукъ-Кайнарджійскому договору 1774 года, владѣтель ея, князь Григорій Дадіанъ, принялъ подданство Россіи въ 1803 году; но ему оставлены были владѣтельныя права подъ «покровительствомъ» Россіи.

Точно также и *Абхазія*, добровольно принявшая подданство Россіи въ 1810 году, осталась подъ управленіемъ своихъ владѣтелей изъ княжескаго рода Шервашидзе. Тогдашній владѣтель Сеферъ-бей принялъ даже христіанство, которое не совсѣмъ еще было искоренено въ Абхазіи совращеніемъ народа въ исламизмъ.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Мингреліей и Абхазіей, къ сѣверу, развѣтвленія главнаго хребта Кавказскаго образуютъ двѣ обширныя котловины, чрезвычайно недоступныя: *Сванетію* и *Цебельду*. Первая въ особенности, отличаясь какъ суровостію природы, такъ и дикостію населенія, раздѣлялась на двѣ части: западная половина называлась княжескою или Дадіановскою, подвластна была княжеской фамиліи изъ рода Мингрельскихъ владѣтелей; восточная—вольная не признавала ничьей власти. Цебельда представляла страну гораздо менѣе суровую и дикую, чѣмъ Сванетія, менѣе изолированную отъ всего остального міра, была въ близкихъ соотношеніяхъ съ Абхазіей. Тѣмъ не менѣе Цебельда, также какъ и Сванетія отнесены на приложенной картѣ къ одной категоріи—непокорныхъ частей края, собственно въ томъ соображеніи, что въ описываемое время въ обѣ эти нагорныя страны не ступала еще нога Русскаго солдата.

Перейду къ восточной, равнинной половинѣ Закавказскаго края, къ бывшимъ ханствамъ Персидскимъ, присоединеннымъ къ Россіи по Гюлистанскому договору 1813 года: Карабахскому, Шекинскому, Ширванскому, Бакинскому, Кубинскому и Талышинскому. Всѣ эти ханства переименованы у насъ почему-то въ «Провинціи» и долго были извѣстны подъ общимъ названіемъ «Мусульманскихъ про-

винцій». Обширныя эти области не получили гражданскаго устройства и оставались подъ единоличнымъ управленіемъ окружныхъ начальниковъ или приставовъ, большею частію изъ военныхъ, дѣйствовавшихъ сообразно съ привычными азіатскому народу обычаями и нравами.

Такое же управленіе дано и завоеванному въ 1830 году округу Джаро-Бѣлоканскому, населенному смѣсью Лезгинъ и Татаръ; а лежащее рядомъ съ этимъ округомъ небольшое владѣніе Султана Элисуйскаго осталось подъ управленіемъ своего владѣтеля, пока онъ былъ вѣренъ Русскому правительству и не передался Шамилю.

Остается упомянуть о двухъ недавно присоединенныхъ къ Россіи территоріяхъ по мирнымъ договорамъ: Туркманчайскому 1828 года и Адріанопольскому 1829-го: области Армянской, заключавшей въ себѣ бывшія ханства Эриванское и Нахичеванское съ округомъ Ордубатскимъ, и бывшемъ Пашалыкѣ Ахалцыхскомъ. Обѣ эти территоріи оставались еще подъ управленіемъ временныхъ начальниковъ.

Въ заключеніе обзора восточной половины Закавказскаго края упомяну о Лезгинской кордонной линіи, устроенной съ 1830 года для прикрытія Кахетіи отъ набѣговъ и хищничествъ Лезгинскихъ шаекъ съ сѣверной стороны главнаго хребта. Линія эта не занимала особенной территоріи, а состояла только изъ ряда постовъ вдоль подошвъ горъ, съ нѣсколькими передовыми укрѣпленными постами на перевалахъ, и расположенныхъ въ извѣстныхъ пунктахъ частей войскъ, служившихъ резервами кордонной линіи. Мѣстопребываніе Начальника линіи и его управленія—крѣпость Закаталы, среди Джаро-Бѣлоканскаго округа. Линія дѣлилась на двѣ части: правый и лѣвый флангъ, между которыми пунктомъ раздѣла было укрѣпленіе Лагодехи.

О НАБѢГАХЪ И ХИЩНИЧЕСТВАХЪ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

Въ тѣ времена, когда я познакомился впервые съ Кавказомъ, линія Кавказская была еще далеко не обезпечена отъ хищническихъ набѣговъ за-Кубанскихъ и за-Теречныхъ горцевъ. Сообщеніе вдоль самой линіи было не безопасно; въ ночное время оно совсѣмъ прекращалось. Шайки хищниковъ нерѣдко прорывались сквозь кордонъ и появлялись внутри Кавказской области, въ окрестностяхъ Георгіевска, минеральныхъ водъ, даже селеній на Кумѣ и Калаусѣ. За Кубанью же, Малкою и Терекомъ проѣздъ былъ возможенъ не иначе, какъ подъ охраною болѣе или менѣе сильнаго конвоя, также какъ и по военно-грузинской дорогѣ между Екатериноградскою станицею (на р. Малкѣ) и Владикавказомъ. Только не задолго до описываемой эпохи, началось водвореніе на этой дорогѣ Малороссійскихъ казаковъ и устройство линіи постовъ, что дало возможность отмѣнить конвоированіе проѣзжихъ [1]).

Интенсивность горскихъ набѣговъ и степень причиняемыхъ ими безпокойствъ мирному населенію края въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, конечно, были уже не тѣ, что въ началѣ столѣтія или въ Ермоловскія времена. Съ тѣхъ поръ значительно увеличилось и число расположенныхъ въ краѣ регулярныхъ войскъ, и возросло казачье населеніе, и возведено нѣсколько передовыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ впереди кордонной линіи, да и самая служба на кордонѣ упорядочена. Пройдутъ еще годы, десятки лѣтъ, и прежніе дерзкіе набѣги хищниковъ совсѣмъ прекратятся, страна успокоится, прежняя опасность позабудится и новыя поколѣнія не будутъ даже имѣть понятія о томъ, что для предшествовавшихъ поколѣній составляло злобу дня. Вотъ почему считаю нелишнимъ дополнить мои воспоминанія о проведенномъ годѣ на Кавказѣ нѣсколькими замѣтками о томъ, какъ въ былое время совершались набѣги Кавказскихъ горцевъ и какое значеніе имѣли они въ тогдашней жизни края.

---

[1]) Отмѣна конвоированія послѣдовала въ 1837 году, послѣ проѣзда Императора Николая I.

Набѣги горцевъ бываютъ двухъ родовъ: или мелкими шайками, даже одиночными хищниками, или крупными скопищами. Первые имѣютъ цѣлью исключительно грабежъ проѣзжихъ или работающихъ на поляхъ поселянъ, угонъ скота и лошадей, вообще воровскую добычу. Такого рода нападенія часто сопровождаются убійствами, въ случаѣ встрѣченнаго сопротивленія; иногда же уводомъ людей, которыхъ горцы держатъ въ плѣну, въ надеждѣ полученія выкупа, а пока пользуются ихъ работою на положеніи рабовъ. Другого же рода набѣги—многочисленными скопищами предпринимаются или съ тою же цѣлью грабежа и угона скота, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ болѣе значительнымъ рискомъ, или же для внезапнаго нападенія на какую нибудь небольшую отдѣльную команду войскъ, иногда чтобы помѣшать рубкѣ лѣса или другой работѣ нашихъ войскъ, вырѣзать постъ, поджечь поселокъ и т. п. Бывали случаи и нападеній на казачьи станицы, на укрѣпленія и даже крѣпости. Таковы были, напримѣръ, нападенія: на Кизляръ еще въ прошломъ столѣтіи (1785), подъ предводительствомъ знаменитаго Шихъ-Мансура, на укрѣпленія Амиръ-Аджи-юртъ (на правомъ берегу Терека) и Герзель-аулъ (на Кумыкской плоскости въ 1825 году); нападенія Казы-мулы въ 1830 и 1831 годахъ на крѣпости Бурную и Внезапную и вторично на Кизляръ [1]). Впрочемъ приводимые примѣры не могутъ уже причисляться къ разряду набѣговъ хищническихъ; это были предпріятія боевыя, эпизоды вѣковой борьбы Кавказскихъ горцевъ за свою независимость. Тѣ же набѣги, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и которые иногда предпринимаются горцами съ хищническими цѣлями, хотя и значительными силами, отличаются существенно отъ набѣговъ мелкихъ шаекъ тѣмъ, что одни ведутся въ готовности къ возможной боевой встрѣчѣ, а другіе пускаются лишь на такія предпріятія, при которыхъ нельзя ожидать вооруженнаго сопротивленія.

Хищническій набѣгъ мелкой шайки не требуетъ долгихъ приготовленій; предпринимается часто экспромтомъ, однимъ, двумя удальцами.

Большими же скопищами набѣгъ задумывается и приготовляется заблаговременно, съ намѣченнымъ заранѣе планомъ. Какой нибудь

---

[1]) Привожу здѣсь только тѣ случаи, которые относятся ко временамъ, предшествующимъ 1839 году. Въ позднѣйшіе же годы подобныхъ случаевъ было еще болѣе: вспомнимъ погромъ, нанесенный горцами въ началѣ 1840 года нашимъ укрѣпленіямъ Черноморской береговой линіи, а въ 1843—1844 г. въ Дагестанѣ; нападеніе Лезгинъ въ 1848 году на укр. Ахты въ южномъ Дагестанѣ.

извѣстный въ народѣ вожакъ собираетъ первоначально нѣсколько надежныхъ приверженцевъ своихъ, чрезъ посредство которыхъ созываетъ на сборный пунктъ всѣхъ удальцовъ, желающихъ принять участіе въ предпріятіи. И вотъ стекаются съ окрестностей охотники до наживы и до рискованныхъ приключеній; для нихъ готово пристанище у кунаковъ ближайшихъ отъ сборнаго пункта ауловъ. Сборище такимъ образомъ быстро растетъ и готовится по возможности скрыто, въ глубокой тайнѣ. Случается однакожъ, что слухъ о сборищѣ доходитъ чрезъ лазутчиковъ до свѣдѣнія Русскихъ властей на линіи или въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, но слухъ этотъ не всегда принимается съ довѣріемъ, а къ тому же остается загадкою куда и какимъ путемъ направится сборище. Не вѣдаютъ того и сами участники предпринимаемаго набѣга; это тайна вожака, который высматриваетъ пути, собираетъ свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ и бдительности казачьихъ постовъ. Но разъ рѣшена вожакомъ цѣль и выбранъ путь, мгновенно скопище стягивается на сборномъ пунктѣ и устремляется со всевозможною быстротою по намѣченному пути. Искусство вожака состоитъ въ томъ, чтобы исполнить набѣгъ совершенно скрыто и нанести ударъ неожиданно. Для этого приходится обыкновенно сдѣлать съ крайнею быстротою дальній пробѣгъ, преимущественно глухими дорогами, минуя населенные пункты, такъ чтобы невидимо подойти къ какому нибудь закрытому мѣсту, гдѣ можно пріостановиться на короткое время, дать передышку конямъ, и оттуда со свѣжими силами, разомъ перенестись къ своей цѣли и нанести ударъ въ удобный для того моментъ, напримѣръ въ ночную пору, или при густомъ туманѣ. Самое нападеніе всегда бываетъ очень непродолжительно. Удалось или нѣтъ съ перваго же раза достигнуть цѣли, во всякомъ случаѣ скопище не медлитъ и старается уйти прежде, чѣмъ можетъ быть настигнуто подходящими съ разныхъ сторонъ войсками или казачьими резервами. Для отступленія горцы всегда выбираютъ другой путь, не тотъ, по которому налетѣли; при этомъ прибѣгаютъ иногда къ хитростямъ (демонстраціямъ), чтобы ввести въ заблужденіе наши войска на счетъ пути отступленія. Въ случаѣ удачнаго набѣга, угонъ скота и захватъ всякой вообще добычи замедляетъ и затрудняетъ отступленіе, въ особенности когда приходится въ тылу переправа чрезъ рѣку въ бродъ или вплавь. Здѣсь то всего чаще и случается нашимъ войскамъ и казакамъ настигнуть уходящихъ хищниковъ, отбить у нихъ добычу и нанести имъ пораженіе. Во всякомъ случаѣ скопище, обремененное ли до-

бычею, или потерпѣвъ уронъ, торопится добраться до какихъ либо мѣстъ, недоступныхъ для преслѣдованія Русскихъ войскъ. Тутъ оно останавливается для отдыха, дѣлежа добычи и затѣмъ расходится по домамъ.

Представленная картина горскаго набѣга ясно показываетъ, что успѣхъ предпріятія какъ мелкой шайки, такъ и крупнаго скопища, обусловливается двумя факторами: качествомъ коня и внезапностію нападенія.

Для дальняго и быстраго пробѣга необходимо спеціальное подготовленіе коня. У горцевъ ведется свой особенный способъ *тренированія* или *подъяреванія* по казачьему выраженію. Мѣсяца за два до набѣга начинаютъ сильно откармливать коня и когда онъ разжирѣетъ, постепенно уменьшаютъ кормъ, ежедневно ставятъ въ воду по брюхо животнаго и дѣлаютъ проѣздки, все усиливая дальность и быстроту, пока не спадетъ совсѣмъ жиръ и не отвердѣютъ мясистыя части. Такимъ образомъ конь доводится до того, что можетъ въ одинъ лѣтній день вынести пробѣгъ до 150 верстъ. Такое подготовленіе коня составляетъ главное занятіе и заботу каждаго горскаго джигита, принимающаго участіе въ набѣгахъ. Никогда не рѣшится онъ пуститься въ рискованное предпріятіе на молодомъ, невыдержанномъ конѣ, зная, что отъ качества коня зависитъ не только успѣхъ предпріятія, но и самая жизнь удальца. Для большей же увѣренности въ удачномъ совершеніи набѣга, какъ впередъ, такъ и обратно, горцы часто пускаются въ путь о двуконь, то есть съ запаснымъ конемъ, который пригодится и подъ вьюкъ для подъема добычи въ случаѣ успѣха.

Въ заботѣ о возможномъ облегченіи коня, горецъ, пускаясь въ набѣгъ, не беретъ съ собою никакого груза. Продовольствіе разсчитываетъ онъ найти у кунаковъ въ попутныхъ аулахъ: пріютить и прокормить пріѣзжаго есть коренной долгъ горскаго гостепріимства. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда избирается путь глухими мѣстами на дальнее разстояніе, или когда почему либо признается нужнымъ избѣгать жилыхъ мѣстъ, горцу достаточно захватить съ собою нѣсколько пригоршней проса или нѣсколько чурековъ, дня на два, на три. Также и кормъ для коня чаще добывается у попутныхъ кунаковъ. Для прокормленія же коней большого скопища, при движеніи въ теченіи нѣсколькихъ дней, приходится прибѣгать къ подножному корму, и вотъ почему подобные набѣги предпринимаются преимущественно въ осеннее или весеннее время года, а не въ лѣтнее,

когда трава выгорѣла, и не въ зимнее, когда поверхность земли покрыта снѣгомъ.

Другое еще неудобство лѣтняго времени для набѣговъ—есть половодье въ рѣкахъ. Когда нельзя переходить въ бродъ, горская шайка или скопище должны переправляться вплавь чрезъ самые быстрые потоки, что замедляетъ движеніе; въ особенности крайне невыгодно при обратномъ уходѣ съ добычею, и даже опасно въ случаѣ погони. Зимнее время иногда выбирается для набѣга именно въ виду болѣе легкаго перехода чрезъ большія рѣки по льду.

Набѣги хищническіе въ собственномъ смыслѣ слова привычны преимущественно туземнымъ племенамъ Закубанскимъ, извѣстнымъ у насъ подъ общимъ наименованіемъ «Черкесовъ», и Затеречнымъ, то есть Чеченскимъ. Въ этихъ племенахъ хищническіе набѣги составляютъ любимое занятіе, родъ спорта молодежи, князей и бековъ (тамъ, гдѣ существуетъ аристократическій складъ), узденей и вообще людей вольныхъ, то есть того класса населенія, который проводитъ всю жизнь въ праздности, предоставляя домашнія заботы женщинамъ, а тяжелыя работы земледѣльческія низшему классу «ясырей» и рабамъ, т. е. плѣннымъ. Праздные молодцы скучаютъ дома, чувствуютъ потребность дѣятельности, любятъ рыскать, ищутъ сильныхъ ощущеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ не прочь и поживиться добычею на счетъ гяуровъ [1]). Только удальствомъ, рискованными боевыми подвигами пріобрѣтаются у горцевъ почетъ и уваженіе.

Высшимъ почетомъ пользуются тѣ изъ удальцовъ, которымъ удалось выказать большую способность и опытность въ набѣгахъ и хищничествахъ. Такіе становятся вожаками шаекъ или скопищъ. Для успѣха предпріятія необходимое условіе—полное довѣріе къ вожаку со стороны всѣхъ участниковъ, безпрекословное подчиненіе его рѣшеніямъ. На вожакѣ лежитъ вся отвѣтственность за успѣхъ и неудачу предпріятія.

Хищническимъ набѣгамъ горцевъ на Кавказскую линію и на военно-грузинскую дорогу (между Екатериноградомъ и Владикавка-

[1]) Мелкія хищничества и одиночныя нападенія на линіи, особенно за Терекомъ, производятся также *абреками*. Подъ этимъ названіемъ извѣстны въ средѣ туземнаго населенія такіе отчаянные злодѣи, которые, по какимъ либо личнымъ побужденіямъ, чаще всего изъ опасенія кровомщенія, покидаютъ свой аулъ, свою семью, отрекаются отъ всѣхъ прежнихъ связей и даютъ обѣтъ постоянно скитаться и злодѣйствовать. Такіе отверженцы держатъ мѣстное населеніе въ постоянной тревогѣ, а когда представится случай, еще охотнѣе злодѣйствуютъ надъ Русскими. Многіе изъ завзятыхъ абрековъ нападаютъ совершенно открыто, даже намѣренно выдавая себя какимъ-либо наружнымъ отличительнымъ знакомъ, какъ напримѣръ, краснымъ башлыкомъ, отчего и произошло наименованіе «кизылъ-башъ», т. е. красная голова.

зомъ) весьма благопріятствуетъ характеръ мѣстности за Кубанью, Малкою и Терекомъ. Подъ прикрытіемъ лѣсистой полосы, шайка незамѣтно пробирается почти вплоть къ кордонной линіи и, высмотрѣвъ гдѣ легче прорваться между казачьими постами, выжидаетъ ночного времени, чтобы неожиданно напасть на добычу.

Совсѣмъ иного рода характеръ мѣстности въ Дагестанѣ. За исключеніемъ самой сѣверной части Шамхальской плоскости и лѣсистыхъ горъ Салатавіи, на всемъ остальномъ пространствѣ Прикаспійскаго края, крутыя, обрывистыя, каменистыя горы не допускаютъ простора въ выборѣ путей для набѣговъ; безплодная поверхность горныхъ террасъ не представляетъ условій для коневодства. Наѣздничество и рысканіе мелкими шайками не въ нравахъ Лезгинскаго племени. Враждебныя намъ предпріятія Лезгинъ носятъ совсѣмъ иной характеръ: они собираются крупными скопищами, большею частію пѣшихъ людей, дерутся съ упорствомъ, какъ при нападеніи, такъ и при оборонѣ. Съ давнихъ временъ Лезгины предпринимали нападенія какъ большими скопищами, такъ и мелкими хищническими шайками, на южный склонъ хребта Кавказскаго, безпощадно грабили и опустошали долину Алазани, роскошную страну Кахетіи, вслѣдствіе чего Русскимъ правительствомъ признано было необходимымъ устроить вдоль подошвъ горнаго, водораздѣльнаго хребта кордонную линію, названную «Лезгинской», а на перевалахъ хребта возвести передовыя наблюдательныя башни. Расположенныя на этой линіи войска съ добавленіемъ туземныхъ милицій не всегда успѣвали предохранять мирное населеніе отъ погрома, наносимаго по временамъ внезапными нападеніями Лезгинскихъ скопищъ.

Вообще охраненіе края или дороги на значительномъ протяженіи противъ такого рода враждебныхъ предпріятій, каковы обычные набѣги Кавказскихъ горцевъ, дѣло нелегкое; оно, можно сказать, непосильно регулярнымъ войскамъ. Въ подтвержденіе того исторія даетъ много примѣровъ. Знаменитѣйшій полководецъ нашего вѣка Бонапартъ не могъ справиться въ Египтѣ съ мамелюками; въ Испаніи цѣлыя арміи Франціи не могли одолѣть Гверильясовъ. И дѣйствительно, есть ли возможность войскамъ угоняться за подвижными, летучими шайками, которымъ всюду открытъ путь, которыя могутъ всюду появляться внезапно, и мгновенно исчезать изъ глазъ. Такому врагу единственный способъ противодѣйствія представляетъ вооруженное народонаселеніе, сплоченное военною организаціею.

Такую силу охраны представляетъ наше казачество. Съ давнихъ временъ южные предѣлы Русской земли подвергались вторженіямъ то однихъ, то другихъ безпокойныхъ, неосѣвшихся сосѣднихъ народностей, пока не создались сами собою на границахъ вольныя казачьи поселенія. На необозримыхъ степяхъ между низовьями Дона и Волги кочевали Нагайцы, Туркмены, Калмыки, и свободно разгуливали удальцы изъ вольныхъ племенъ, обитавшихъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, извѣстныхъ нашимъ предкамъ подъ условными названіями Черкесовъ, Кабардинцевъ и другихъ. Первый отпоръ встрѣтили эти шайки отъ казаковъ Донскихъ и Волжскихъ, благодаря которымъ граница Московскаго Царства начала постепенно выдвигаться впередъ и достигла къ концу XVII вѣка низовій Терека. Поселившіеся здѣсь казаки въ царствованіе Петра I временно даже заняли предгорія за Терекомъ, подъ именемъ казаковъ Гребенскихъ (отъ «гребень»—т. е. хребетъ). Населеніе казачье разросталось присоединеніемъ вновь прибывавшихъ переселенцевъ, и въ теченіи XVIII вѣка протянулось постепенно вверхъ по Тереку и Малкѣ, а далѣе сухимъ рубежемъ по предгоріямъ Эльбруса, перекинулось на Кубань и получило наименованіе *Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска.* На низовьяхъ же Кубани поселены въ царствованіе Екатерины II бывшіе Запорожцы, образовавшіе особое *Черноморское казачье войско.* Такимъ образомъ къ началу XIX столѣтія образовалась сплошная полоса казачьяго населенія, отъ моря до моря, на протяженіи около 900 верстъ. Въ тридцатыхъ же годахъ, какъ уже сказано, основалось еще новое казачье поселеніе на пути сообщенія линіи съ Закавказьемъ отъ станицы Екатериноградской до крѣпости Владикавказъ.

На всемъ означенномъ протяженіи линіи казаки селились довольно крупными станицами, въ разстояніи между одной и другой отъ 15 до 20 верстъ. Станица обносится оградою изъ двойного ряда плетней, между которыми промежутокъ заполняется землею, а спереди выкапывается ровъ. На углахъ ограды большею частію ставится по одному орудію, въ выдающемся впередъ помѣщеніи, въ родѣ бастіона. Надъ воротами, запираемыми на ночь, устраивается вышка для карауленаго. Почти всегда въ срединѣ станицы церковь и площадь, на которой въ случаѣ тревоги сбирается резервъ.

Въ промежуткахъ между станицами, чрезъ каждыя 5, 7 верстъ устраиваются наблюдательные посты, состоящіе изъ небольшого навѣса для казаковъ и лошадей и дворика, обнесенныхъ плетнемъ и съ вышкой, на которой по-очередно одинъ изъ казаковъ зорко на-

блюдаетъ за видимымъ во всѣ стороны пространствомъ. На самомъ открытомъ мѣстѣ близъ поста поставленъ шестъ съ привязаннымъ къ верхушкѣ его пучкомъ соломы, который зажигается для поданія сигнала въ случаѣ тревоги. Число казаковъ на посту различно, смотря по разстояніямъ и степени опасности.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ требуется особенная осторожность, какъ напримѣръ, если въ промежуткахъ между постами имѣются тропинки, или удобные броды на рѣкѣ, принимается на ночь дополнительная мѣра—скрыто располагаются *секреты*.

Служба на кордонной линіи всецѣло лежитъ на казакахъ. Въ случаѣ нападенія или прорыва шайки, по данному на постахъ сигналу, поспѣшно вызываются станичные резервы, которые иногда стягиваются съ нѣсколькихъ станицъ къ угрожаемому пункту. Но по дальности разстояній, станичные резервы рѣдко успѣваютъ помѣшать нападенію; чаще приходится нагонять хищниковъ при отступленіи ихъ, чтобы по крайней мѣрѣ отбить захваченную ими добычу, или перерѣзать шайкѣ путь отступленія.

Въ охраненіи линіи отъ хищническихъ набѣговъ регулярныя войска не принимаются въ разсчетъ. Число расположенныхъ на линіи войскъ слишкомъ ничтожно сравнительно съ протяженіемъ ея—какъ выше замѣчено—до 900 верстъ. Въ старое время было еще менѣе. Сами горцы, имѣя всегда точныя свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ, конечно, избѣгаютъ такихъ мѣстъ, за исключеніемъ развѣ особыхъ случаевъ, когда самая цѣль предпріятія заключается въ нападеніи врасплохъ на какую нибудь отдѣльно расположенную слабую команду, или на транспортъ, неосторожно направленный подъ малочисленнымъ прикрытіемъ, или наконецъ въ угонѣ войскового табуна, недостаточно охраняемаго на пастьбѣ, и т. п.

Охраненію линіи отъ набѣговъ приносятъ несомнѣнную пользу передовыя укрѣпленія, возведенныя въ нѣкоторомъ разстояніи впереди кордона. Горцы для набѣга на линію не рѣшаются выбрать путь ближе извѣстнаго разстоянія отъ нашего укрѣпленія. Еще опаснѣе было бы для нихъ отступленіе по такому пути, который можетъ быть перерѣзанъ высланными изъ укрѣпленія войсками. Къ тому же, въ извѣстномъ раіонѣ отъ укрѣпленій хищники лишены возможности разсчитывать на услуги своихъ кунаковъ. Въ такихъ видахъ и были возведены Ермоловымъ существовавшія въ 1839 году передовыя крѣпости и укрѣпленія: Грозная въ 1818 году, Внезапная въ 1819-мъ году, Горячеводское укрѣпленіе въ 1820. Для охраненія

же военно-грузинской дороги между Екатериноградскою станицею и крѣп. Владикавказомъ были въ то же время построены укрѣпленія: Назрановское съ восточной стороны и Нальчикское съ западной.

Близкое сосѣдство съ безпокойнымъ и воинственнымъ населеніемъ сѣвернаго склона Кавказскаго хребта послужило превосходною школою для воспитанія Кавказскаго казачества. Хотя линейное войско, какъ уже было замѣчено, образовалось не сразу, а постепеннымъ, въ теченіи цѣлаго столѣтія, приливомъ новыхъ переселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ, однакожъ условія жизни казака на линіи способствовали скорому сліянію самыхъ разнородныхъ элементовъ въ одно сплоченное цѣлое, и такимъ образомъ выработался совершенно особый типъ Кавказскаго линейнаго казака — замѣчательно смышленаго, ловкаго, беззавѣтно отважнаго, удалого наѣздника. Всегда готовый къ кровавой схваткѣ съ врагомъ, линейный казакъ старается не уступать въ удальствѣ и отвагѣ горскому джигиту, и замѣчательно, что вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ его въ образецъ себѣ, по крайней мѣрѣ во внѣшнемъ видѣ, въ покроѣ одежды, снаряженіи, оружьѣ, даже въ нѣкоторыхъ мелочахъ домашней обстановки [1]). Не то въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ: потомки знаменитыхъ запорожцевъ приспособились посвоему къ требованіямъ службы на линіи, оставшись тѣми же истыми хохлами, какими были ихъ предки на Днѣпрѣ.

Надобно однакожъ сознаться, что при всѣхъ достоинствахъ линейнаго казака, онъ всетаки не можетъ во всемъ сравняться съ горскимъ джигитомъ въ индивидуальномъ боевомъ состязаніи. На сторонѣ послѣдняго преимущество и въ отношеніи коня, спеціально приготовленнаго къ дальнему и неимовѣрно быстрому пробѣгу, и въ оружіи, считающемся родовою драгоцѣнностію, переходящею изъ поколѣнія въ поколѣніе, а въ особенности въ полной свободѣ дѣйствій и нравственномъ возбужденіи. Горецъ проводитъ всю жизнь свою въ приготовленіи коня, рыскаетъ куда глаза глядятъ въ погонѣ за добычей. Казакъ, напротивъ того, не только воинъ, но и земледѣлецъ, несетъ служебныя обязанности, подчиненъ начальству и озабоченъ охраненіемъ станицы, хаты и семьи отъ ежеминутно возможной опасности. Здѣсь вполнѣ высказывается общепризнанное преимущество нападенія предъ обороной. Горца влечетъ надежда на добычу, желаніе прославиться своимъ удальствомъ, казакъ же исполняетъ только свою служебную обязанность охранителя.

[1]) Въ нѣкоторыхъ изъ старѣйшихъ полковъ надъ—Теречныхъ казаки роднились съ азіатскими своими сосѣдями. Такъ въ Червленной станицѣ явно замѣчается примѣсь азіатской крови.

Еще важное преимущество на сторонѣ горцевъ заключается въ томъ, что они въ своихъ набѣгахъ дѣйствуютъ дружно, подъ руководствомъ извѣстнаго вожака, достигшаго своими многократными успѣхами полнаго довѣрія со стороны всѣхъ добровольно участвующихъ въ предпріятіи. Вожакъ ведетъ шайку по заранѣе обдуманному плану къ намѣченной цѣли и съ полнымъ знаніемъ мѣстности. Казакамъ же, въ случаѣ тревоги, приходится большею частію маячиться малыми командами, безъ опредѣленнаго плана, въ недоумѣніи гдѣ искать врага. Пока дѣло разъяснится, пока получится отъ начальства какое-либо распоряженіе, пройдетъ такъ много времени, что почти никогда не удается помѣшать врагу достигнуть своей цѣли, и остается только придумывать какъ-бы настигнуть его при отступленіи.

Здѣсь надобно замѣтить, что успѣшность горскихъ набѣговъ, особенно мелкихъ хищничествъ значительно облегчается собственною нашею русскою безпечностію и привычкой пренебрегать установляемыми административными мѣрами. Такъ напримѣръ, постановленіе, чтобы въ извѣстныхъ мѣстностяхъ поселяне на полевыя работы выходили съ оружіемъ и держались по возможности скученно—почти нигдѣ не соблюдается. Въ мѣстахъ, гдѣ полагается проѣзжать не иначе, какъ съ конвоемъ или съ такъ называемыми «оказіями»—путники часто пускаются одиноко «на-авось». Весьма невыгодное условіе въ отношеніи спокойствія въ краѣ то, что въ предѣлахъ Кавказской области, то есть позади кордонной линіи, большія степныя пространства заселены кочевниками: Нагайцами, Туркменами и другими, а въ нѣкоторыхъ частяхъ находятся аулы мирныхъ туземцевъ, какъ напримѣръ, Бабуковскій подъ самымъ Георгіевскомъ. Постановленіе, чтобы мирные горцы ѣздили по области съ особымъ билетомъ и приближаясь къ селенію или станицѣ снимали съ себя оружіе—остается только на бумагѣ, да и можетъ ли оно соблюдаться азіатцемъ, считающимъ за безчестье снять съ себя оружіе. Самое единообразіе одежды горцевъ и линейныхъ казаковъ открываетъ широкое поле къ недоразумѣніямъ и подвохамъ: хищники свободно пробираются подъ видомъ мирныхъ обывателей области или казаковъ, да и сами мирные туземцы не совсѣмъ безгрѣшны въ случающихся хищническихъ продѣлкахъ. Такъ Бабуковцы пользовались весьма дурною славою и часто подавали поводъ къ жалобамъ на нихъ со стороны Русскаго населенія области. Такъ и на военно-грузинской дорогѣ, пролегающей по Большой Кабардѣ, странѣ, при-

знаваемой съ давнихъ временъ покорною, хищническія шайки, пробирающіяся изъ за-Теречныхъ и за-Кубанскихъ мѣстъ, часто пользуются содѣйствіемъ самихъ Кабардинцевъ.

По окончаніи Турецкой войны 1828—1829 годовъ, Императору Николаю I пришла мысль воспользоваться тогдашнимъ усиленнымъ составомъ войскъ на Кавказѣ, чтобы предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ горскихъ племенъ и положить конецъ затянувшейся на многіе десятки лѣтъ войнѣ въ томъ краѣ. Фельдмаршаломъ Паскевичемъ представлено было полное предположеніе вторженія въ горы многими колоннами, или отрядами; потребовано было мнѣніе отъ тогдашняго Начальника Кавказской линіи, дѣльнаго и опытнаго генерала Вельяминова, который представилъ серьезныя возраженія на проектъ фельдмаршала. Возникла продолжительная переписка, прошло много времени и задуманное Императоромъ намѣреніе осталось неосуществленнымъ. Но сохранилась въ архивахъ весьма любопытная коллекція документовъ, въ которыхъ высказывается, какъ въ тѣ времена (т. е. въ тридцатыхъ годахъ) смотрѣли на положеніе дѣлъ въ краѣ. Мало знакомые съ Кавказомъ (къ числу которыхъ принадлежали и гр. Паскевичъ, и самъ Императоръ) считали возможнымъ *покореніе* горскаго населенія вторженіемъ нѣсколькихъ отрядовъ вглубь горъ; въ глазахъ же знатока сѣвернаго Кавказа (ген. Вельяминова) водвореніе Русской власти въ средѣ горскаго населенія ставилось не *цѣлью* военныхъ дѣйствій, а только вспомогательнымъ *средствомъ* для лучшаго охраненія линіи.

И тотъ, и другой взглядъ на предстоявшую намъ на Кавказѣ трудную задачу измѣнились въ позднѣйшее время, въ сороковыхъ, особенно же въ пятидесятыхъ годахъ. Но въ запискахъ ген. Вельяминова 1832 и 1833 годовъ сохранилось много любопытныхъ подробностей и указаній относительно тяжелой службы казаковъ и войскъ на Кавказской линіи въ былое время.

ВЪ ПРОМЕЖУТКѢ ДВУХЪ ДАЛЬНИХЪ СТРАНСТВОВАНІЙ

1840.

Возвратившись въ Петербургъ 22 марта, я нашелъ брата Николая совсѣмъ больнымъ: блѣдный, исхудалый, обвязанный и закутанный, сидѣлъ онъ безвыходно дома; но заваленъ былъ дѣлами служебными и работами для разныхъ изданій. Не смотря на свои усиленныя занятія, онъ хандрилъ по прежнему. Пріѣздъ мой обрадовалъ его и нѣсколько оживилъ.

Первымъ дѣломъ моимъ въ Петербургѣ было—повидаться съ Горемыкинымъ, чтобы разъяснить положеніе дѣлъ. Отъ него узналъ я, что съ предстоявшимъ вскорѣ отъѣздомъ его на Кавказъ, въ 6-мѣсячный отпускъ, мѣсто старшаго адъютанта въ штабѣ оставлено за нимъ, и что на время его отсутствія, исправленіе этой должности возлагается на меня.

Начальство приняло меня весьма благосклонно. По приказанію ген. Веймарна, я немедленно же вступилъ въ должность начальника 2-го отдѣленія гвардейскаго генеральнаго штаба. Верховую лошадь пріобрѣлъ отъ Горемыкина (за 450 руб.). Въ нашемъ штабѣ нашелъ я нѣкоторыя новыя перемѣны сверхъ тѣхъ, которыя произошли въ теченіи 1839 года, и о которыхъ было уже мною упомянуто. Въ началѣ 1840 года выбыли двое изъ старшихъ капитановъ: Хоминскій и Адеркасъ; первый, по разстроенному здоровью, долженъ былъ оставаться продолжительное время въ заграничномъ отпуску и потому перечисленъ въ генеральный штабъ подполковникомъ, второй—вышелъ совсѣмъ въ отставку. (Впослѣдствіи онъ поступилъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, по части межеванія и кадастра). Капитанъ Голынскій давно уже хворалъ и видя, что въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ дальнѣйшій путь ему закрытъ, хлопоталъ о перемѣнѣ службы. Изъ числа младшихъ товарищей, юный Жерве уже былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ (помимо Военной Академіи); вновь причисленъ къ этому штабу изъ послѣдняго выпуска Академіи подпоручикъ Лейбъ-Егерскаго полка Лермонтовъ; на Кавказъ командированъ Баумгартенъ.

Какъ уже было сказано, я засталъ еще въ Петербургѣ генерала Головина, предъ самымъ его выѣздомъ. Онъ принялъ меня любезно и выразилъ сожалѣніе о томъ, что предполагавшійся переходъ мой на Кавказъ не состоялся. Горемыкинъ выѣхалъ изъ Петербурга нѣсколько дней спустя послѣ выѣзда Евгенія Александровича Головина, съ которымъ съѣхался въ Москвѣ и продолжалъ уже вмѣстѣ съ нимъ путешествіе до Николаева и далѣе моремъ къ Кавказскимъ берегамъ. Переписка моя съ Горемыкинымъ поддерживалась по прежнему весьма исправно. Онъ писалъ мнѣ, что въ продолженіи долгаго путешествія въ одной каретѣ съ Е. А. Головинымъ, имѣлъ случай ближе узнать его и оцѣнить высокія качества его ума и души. Въ послѣдующихъ письмахъ Горемыкинъ сообщалъ мнѣ свѣдѣнія о событіяхъ на Кавказѣ послѣ моего отъѣзда изъ этого края, судьбы котораго сдѣлались уже близкими моему сердцу.

Первое время по возвращеніи въ Петербургъ проводилъ я частію въ Штабѣ за новою должностію, частію въ разъѣздахъ съ визитами оффиціальными и не оффиціальными. Въ томъ числѣ, конечно, посѣтилъ я дядю графа Киселева, у котораго нашелъ и младшаго его брата Николая Дмитріевича Киселева, только что пріѣхавшаго изъ Лондона. Послѣ увольненія бывшаго посла нашего въ Лондонѣ гр. Поццо-ди-Борго, постъ этотъ оставался нѣкоторое время не замѣщеннымъ и посольствомъ завѣдывалъ Н. Д. Киселевъ въ званіи Chargé d'Affaires; но въ концѣ 1839 года, по случаю усложненій на Востокѣ, присланъ былъ въ Лондонъ съ особымъ порученіемъ баронъ Брунновъ, который потомъ и остался тамъ Посломъ, а Н. Д. Киселевъ переведенъ прежнимъ званіемъ совѣтника посольства въ Парижъ, гдѣ посломъ былъ уже давно почтенный ветеранъ отечественной войны гр. фонъ-деръ-Паленъ. Пока рѣшался вопросъ объ этихъ перемѣщеніяхъ въ нашемъ дипломатическомъ корпусѣ, Н. Д. Киселевъ воспользовался отпускомъ, чтобы побывать на родинѣ, послѣ трехлѣтняго отсутствія. Онъ прожилъ около мѣсяца въ Петербургѣ, у старшаго своего брата графа Павла Дмитріевича, а въ половинѣ мая посѣтилъ Москву, гдѣ рѣдкія появленія его составляли радостное въ семьѣ событіе. Особенно старушка мать, Прасковья Петровна Киселева, послѣ перенесенной тяжкой болѣзни, можно сказать, ожила при одной вѣсти о пріѣздѣ ея младшаго сына. Семья Полторацкихъ нарочно пріѣхала изъ Твери на свиданіе съ нимъ. Пробывъ въ Москвѣ недѣлю, нашъ дипломатъ возвратился въ Петербургъ, и въ концѣ мая отправился за границу на воды. Въ то же

время и графъ Павелъ Дмитріевичъ также уѣхалъ заграницу чрезъ Варшаву, гдѣ находился въ то время Государь, и затѣмъ пользовался водами въ Карльсбадѣ.

Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ въ этомъ году пріобрѣлъ небольшое подмосковное имѣніе, которое назвалъ Елизаветино, по имени своей жены; онъ былъ весь погруженъ въ заботы объ устройствѣ своего новаго лѣтняго мѣстопребыванія. Бабушка Киселева и Неѣлова опять провели лѣто на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ.

Сестра моя Авдулина съ мужемъ своимъ оставались еще въ Москвѣ. Въ новопріобрѣтенномъ Петербургскомъ домѣ (на Англійской набережной) производились передѣлки и приспособленія къ пріему молодой четы; а потому выѣздъ изъ Москвы откладывался до того времени года, когда можно было прямо переселиться на дачу (въ Новой Деревнѣ) и тамъ выждать окончанія работъ въ городскомъ домѣ. Между тѣмъ въ половинѣ апрѣля скончался дѣдъ моего зятя въ своемъ Владимірскомъ имѣніи. По этому случаю Сергѣй Алексѣевичъ Авдулинъ ѣздилъ во Владиміръ, провелъ около двухъ недѣль со своими тетками; а на время его отсутствія сестра переселилась въ отцовскій домъ. 28-го мая Авдулины выѣхали изъ Москвы; на пути навѣстили въ Тверской губерніи родственныя семьи Полторацкихъ и Манзе, и прибыли въ началѣ іюня на дачу въ Новую деревню.

Съ отъѣздомъ ихъ изъ Москвы отецъ остался въ грустномъ одиночествѣ. Мы съ братомъ Николаемъ не разъ поднимали вопросъ о переселеніи его въ Петербургъ съ нашими меньшими братьями; но немыслимо было отцу покинуть то служебное положеніе, которое обезпечивало хотя въ нѣкоторой мѣрѣ существованіе его и семьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляло пищу его дѣятельности, тогда какъ въ Петербургѣ было бы не легко найти ему подходящее служебное положеніе.

Вскорѣ по пріѣздѣ Авдулиныхъ на Петербургскую дачу, я долженъ былъ переселиться въ Красное Село на время лагернаго сбора, и тогда братъ Николай, чтобы не оставаться снова въ своемъ грустномъ одиночествѣ, также переѣхалъ на дачу къ сестрѣ. Здѣсь на чистомъ воздухѣ, въ семейной обстановкѣ, нашелъ онъ болѣе выгодныя условія, чтобы возстановить здоровье и разогнать хандру.

Предъ наступленіемъ лагернаго времени Начальникъ Штаба гвард. Корпуса ген.-л. Веймарнъ (Петръ Ѳедоровичъ) уѣхалъ въ отпускъ за границу; должность его исправлялъ младшій братъ его

Иванъ Ѳедоровичъ; обязанности Оберъ-Квартирмейстера были возложены на полковника Фролова, за отсутствіемъ полк. барона Ливена, находившагося въ заграничной командировкѣ. Капитанъ Теслевъ, лѣчившійся уже въ прошломъ году за границей, долженъ былъ снова взять продолжительный заграничный отпускъ для лѣченія. Такимъ образомъ составъ нашего штаба въ этомъ году былъ малочисленный.

12-го іюня мы перемѣстились въ Красное Село. Я продолжалъ исправлять должность старшаго адъютанта; но вмѣстѣ съ тѣмъ выѣзжалъ на ученія и наравнѣ съ товарищами участвовалъ на маневрахъ. Лагерный сборъ прошелъ благополучно. Къ 1-му августа возвратился я въ Петербургъ и свободное время отъ штабныхъ занятій проводилъ у сестры на дачѣ.

Служебныя занятія въ гвардейскомъ штабѣ, также какъ и вся жизнь Петербургская, были мнѣ не по сердцу, казались крайне безцвѣтными, безсодержательными, послѣ годичнаго моего пребыванія на Кавказѣ. Почти съ первыхъ же дней по пріѣздѣ въ Петербургъ овладѣло мною какое-то тяжелое чувство недовольства самимъ собою и всею обстановкою. Послѣ моихъ прежнихъ увѣщаній и проповѣдей брату Николаю и товарищу Горемыкину по поводу ихъ жалобъ на хандру, я самъ началъ поддаваться тому же безотчетному недугу. Видно такова уже эндемическая болѣзнь Петербургская. Отецъ въ своихъ письмахъ давалъ мнѣ разумные совѣты не поддаваться' чернымъ мыслямъ и довольствоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое поставила меня судьба; высказывалъ мысль, что лучше быть оптимистомъ и при всѣхъ невзгодахъ въ жизни утѣшаться надеждами на будущее, чѣмъ пессимистомъ, ищущимъ во всемъ повода къ мрачному настроенію. Въ этомъ отношеніи ставилъ онъ въ примѣръ самаго себя. Но самые разумные доводы не излѣчиваютъ той психической болѣзни, которая называется ипохондріей, а въ просторѣчіи—хандрою. Какъ ни старался я усердно заниматься своими новыми обязанностями по службѣ, не могъ устранить сравненія ихъ съ прежнею дѣятельностію своею на Кавказѣ. Въ то время, какъ отецъ мой радовался тому, что предположеніе мое о переходѣ на Кавказъ не состоялось, я съ своей стороны все еще не покидалъ окончательно мечты о возвращеніи въ тотъ край. Въ такомъ смыслѣ я даже высказался въ письмѣ отъ 22 апрѣля полк. Норденстаму, который въ отвѣтѣ своемъ (17 мая) писалъ: «Пріѣзжайте, всѣ будутъ отъ души рады вашему пріѣзду, въ томъ числѣ я первый

душевно желалъ бы послужить съ вами; лестно имѣть такого подчиненнаго, какъ вы, и пріятно имѣть васъ товарищемъ».

Пока желанія мои оставались только платоническою мечтою, я не переставалъ размышлять о Кавказскихъ дѣлахъ и приступилъ къ изложенію своихъ мыслей относительно образа дѣйствій въ томъ краѣ. Независимо отъ этой обширной работы, составилъ (въ маѣ мѣсяцѣ) краткую записку по тому же предмету, собственно для товарищей, которые заинтересовались моими разсказами и сужденіями о Кавказскихъ дѣлахъ. Въ запискѣ этой изложена была сущность моего взгляда. Исходною точкою была та мысль, что принятая въ то время система раздробленія нашихъ силъ по всему обширному пространству края малыми частями, во множествѣ ничтожныхъ укрѣпленій и постовъ, большею частію даже не вполнѣ обезпеченныхъ отъ нападенія непокорныхъ горцевъ, ослабляла насъ, и не только не вела къ положительнымъ результатамъ, но даже представляла опасность при всякомъ неблагопріятномъ оборотѣ дѣлъ. Предпринимаемыя же по временамъ большія экспедиціи въ горы, стоившія огромныхъ жертвъ, также не могли вести къ *покоренію* края; даже послѣ успѣшныхъ дѣйствій, отрядъ долженъ возвратиться изъ трудно доступныхъ горныхъ трущобъ, оставляя за собою еще болѣе озлобленное и враждебное населеніе. По моему мнѣнію, слѣдовало измѣнить самую задачу нашу, поставивъ ближайшею цѣлью дѣйствій не *покореніе* горскаго населенія, а занятіе въ краѣ такого положенія, которое давало бы намъ возможность *держать въ повиновеніи* по крайней мѣрѣ ближайшее, болѣе доступное намъ туземное населеніе, стараясь затѣмъ исподволь умиротворить остальныя, менѣе доступныя племена. Для достиженія такой цѣли предполагалось распредѣлить наши силы болѣе сосредоточенно, группировать ихъ въ нѣкоторыхъ значительныхъ пунктахъ, откуда подвижныя колонны могли бы во всякое время дѣйствовать въ извѣстномъ раіонѣ, для поддержанія въ немъ порядка и спокойствія. Стоя твердою ногою въ средѣ доступнаго намъ туземнаго населенія, давъ ему притомъ разумное, правосудное управленіе, мы получили бы возможность, даже не прибѣгая къ оружію, постепенно привлечь къ себѣ и болѣе отдаленныя, недоступныя горскія племена вліяніемъ нравственнымъ, выгодами торговли и промышленности. Къ запискѣ моей была приложена карта съ изображеніемъ примѣрнаго распредѣленія раіоновъ дѣйствія предположенныхъ штабъ-квартиръ, съ разсчетомъ требуемаго числа и состава войскъ.

Записка моя въ первое время имѣла общую судьбу всѣхъ подобныхъ частныхъ мнѣній и проектовъ относительно дѣйствій нашихъ на Кавказѣ, то есть осталась безъ практическихъ послѣдствій. Впрочемъ я и не придавалъ ей оффиціальнаго значенія; давалъ прочесть только немногимъ лицамъ, относившимся съ участіемъ къ дѣламъ Кавказскимъ, и потомъ отложилъ въ портфель. Послѣдовавшія событія на Кавказѣ не замедлили подтвердить высказанныя мною опасенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ дали дѣламъ такой оборотъ, что въ теченіи многихъ лѣтъ нечего было и помышлять о введеніи какой-либо раціональной системы въ нашихъ дѣйствіяхъ. Только гораздо въ позднѣйшія времена, самою силою вещей, осуществились отчасти тѣ основныя мысли, о которыхъ я мечталъ въ 1840 году; но уже при иныхъ обстоятельствахъ и съ несравненно большими средствами.

Вскорѣ послѣ моего выѣзда изъ Ставрополя, въ февралѣ и мартѣ, когда Корпусный Командиръ находился еще въ Петербургѣ, произошли на Кавказѣ неожиданныя и весьма прискорбныя событія: на Черноморской береговой линіи скопища горцевъ напали внезапно на наши укрѣпленія, овладѣли тремя изъ нихъ: фортомъ Лазаревымъ (только что возведеннымъ въ 1839 г.), Вельяминовскимъ и Михайловскимъ, разрушили ихъ и истребили гарнизоны, а затѣмъ овладѣли еще фортомъ Николаевскимъ на сообщеніи береговой линіи съ Кубанью. Въ за-Кубанскомъ краѣ утвердилась власть Магометъ-Амина, а на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, послѣдствіемъ нашей кровопролитной экспедиціи къ Ахульго и зимняго движенія генерала Пулло по Чечнѣ для сбора податей, было — не предполагавшееся паденіе Шамиля, а напротивъ того, усиленіе его и общее возстаніе всѣхъ Чеченцевъ, не исключая даже и тѣхъ племенъ, которыя давно уже считались мирными: Карабулаковъ, Галашевцевъ и другихъ. Аулы над-сунженскіе, чрезъ которые еще такъ недавно проѣзжалъ я съ небольшимъ конвоемъ изъ мѣстныхъ жителей, ушли со своихъ мѣстъ; Чиркей и всѣ селенія Салатавскія открыто передались Шамилю; опасность угрожала владѣніямъ Шамхала, Кумыкской равнинѣ и самой линіи.

По Высочайше утвержденному на 1840-й годъ плану дѣйствій, полагалось предпринять экспедиціи нѣсколькими отрядами: на Черноморской береговой линіи произвести высадки, опять подъ начальствомъ ген. Раевскаго, для возстановленія взятыхъ и уничтоженныхъ горцами фортовъ, а также для улучшенія обороны прочихъ пунктовъ линіи. На правомъ флангѣ Кавказской линіи, отряду ген.-лейт.

Засса предназначено было приступить къ устройству Лабинской линіи и наказать племена, участвовавшія въ недавнихъ нападеніяхъ на наши укрѣпленія. На лѣвомъ же флангѣ линіи сильный отрядъ ген.-лейт. Галафѣева назначался для возведенія укрѣпленій: одного—въ Герзель-аулѣ (у подножія Качкалыковскаго хребта), для прикрытія Кумыкской равнины, а другого—при Чиркеѣ; но вслѣдствіе измѣнившагося положенія дѣлъ, отряду этому пришлось въ продолженіи всего лѣта и осени только охранять то одну, то другую часть края отъ дерзкихъ и, къ сожалѣнію, удачныхъ набѣговъ Шамиля.

Ген. Головинъ въ началѣ мая прибылъ въ Ѳеодосію, въ то самое время, когда десантныя войска уже готовы были къ посадкѣ на суда. Для дѣйствій на береговой линіи назначена была 15-я пѣхотная дивизія, при содѣйствіи всѣхъ средствъ Черноморскаго флота. 10-го мая произведена почти безпрепятственно первая высадка при устьѣ Туапсе, въ присутствіи Корпуснаго Командира, а 22-го числа—другая при устьѣ Псезуапе; въ обоихъ пунктахъ возстановлены прежніе форты: Вельяминовскій и Лазаревъ. Ген. Головинъ, осмотрѣвъ нѣкоторые другіе пункты береговой линіи, проѣхалъ въ Тифлисъ. Постоянно сопровождавшій его Горемыкинъ описывалъ мнѣ печальное положеніе видѣнныхъ имъ укрѣпленій. Онъ писалъ, что путешествіе принесло замѣтную пользу его здоровью; но что хандра, отъ которой онъ убѣжалъ изъ Петербурга, возвратилась къ нему съ прибытіемъ въ Тифлисъ, гдѣ онъ жилъ безъ дѣла, ожидая съ нетерпѣніемъ отъ гвардейскаго начальства разрѣшенія принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ котораго-либо изъ отрядовъ на линіи. Онъ прислалъ мнѣ докладную записку по этому предмету и письмо для передачи генералу Веймарну; въ то же время пришло и письмо самого генерала Головина. Горемыкинъ имѣлъ сильное желаніе принять хотя разъ въ жизни участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, считая это необходимымъ, какъ для дальнѣйшаго его служебнаго поприща, такъ и въ особенности по званію преподавателя тактики въ Военной Академіи. Такія побужденія казались вполнѣ законными и похвальными, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ за ними скрывались въ нѣкоторой мѣрѣ виды честолюбія. Однакожъ, при всемъ благосклонномъ расположеніи начальства къ Горемыкину, на просьбу его послѣдовалъ рѣшительный отказъ со стороны Великаго Князя Михаила Павловича, что глубоко огорчило бѣднаго моего друга. Онъ покорился смиренно своей судьбѣ, провелъ часть лѣта въ Пятигорскѣ, а въ августѣ уѣхалъ съ Кавказа; на пути останавливался на нѣ-

сколько дней въ Москвѣ (гдѣ видѣлся съ моимъ отцомъ), и потомъ до истеченія срока отпуска, то есть до 1-го октября, прожилъ въ имѣніи отца своего, въ Боровичскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. Эта жизнь въ глуши, въ бездѣйствіи, не могла, конечно, способствовать излѣченію отъ преслѣдовавшей его хандры. Во всѣхъ письмахъ ко мнѣ онъ не переставалъ жаловаться на свое мрачное настроеніе.

Имѣя предъ своими глазами примѣръ моего товарища Горемыкина, а также и брата Николая, я чувствовалъ, что и мнѣ не миновать такой же печальной участи, оставаясь долго въ тлетворной Петербургской атмосферѣ. Чтобы не дать развиться психическому недугу, я находилъ необходимымъ прервать его крутою мѣрою—перемѣною самихъ условій жизни, вырваться хотя на время изъ Петербурга. Мнѣ пришла мысль—просить о продолжительномъ отпускѣ за границу. Замыселъ былъ смѣлый: извѣстно, какъ неблагосклонно смотрѣла въ то время высшая власть на заграничныя поѣздки; онѣ допускались не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволѣнія; особенно рѣдко разрѣшались военнымъ офицерамъ. Но я позволялъ себѣ надѣяться на исключительную въ отношеніи ко мнѣ снисходительность начальства, во вниманіе къ разстроенному моему здоровью, вслѣдствіе выдержанныхъ въ прошломъ году трудовъ, раны и болѣзни. Путешествіе за границу казалось мнѣ лучшимъ средствомъ для достиженія двойной цѣли: исцѣленія немощей какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ. Только оно могло дать моимъ мыслямъ новое направленіе; оно вмѣстѣ съ тѣмъ открывало для моей любознательности новый, широкій горизонтъ. Наглядное ознакомленіе съ Европою несомнѣнно обѣщало большую пользу для моего развитія.

Объ этомъ планѣ своемъ я сообщилъ отцу вскорѣ послѣ окончанія нашихъ Красносельскихъ мытарствъ; но отвѣтъ его былъ не совсѣмъ ободрительный: онъ выражалъ сомнѣніе въ согласіи начальства на продолжительный отпускъ за границу, опасеніе невыгодныхъ послѣдствій для моего служебнаго положенія; наконецъ—недоумѣніе насчетъ денежныхъ средствъ, потребныхъ для задуманнаго путешествія. Однакожъ я нашелъ возможность преодолѣть всѣ эти затрудненія: со стороны финансовой я разсчитывалъ на полученіе платы за прежнія мои работы для разныхъ изданій, на сумму, вырученную отъ продажи верховой лошади, которую Горемыкинъ пожелалъ получить обратно за уплаченную мною цѣну; затѣмъ на пособіе, ежегодно выдаваемое офицерамъ нашего штаба послѣ лагернаго сбора и т. д. Что касается до другихъ предполагаемыхъ затрудненій,

именно со стороны начальства, то я возлагалъ надежды на благосклонное ко мнѣ отношеніе ген. Веймарна (Ивана Ѳедоровича). Все дѣло заключалось въ полученіи медицинскаго свидѣтельства отъ тогдашняго главнаго военно-медицинскаго инспектора барона Вилье. Когда явился я къ нему и объяснилъ мои недуги, старикъ въ первую минуту жестоко озадачилъ меня, объявивъ, что для исцѣленія моего никакой надобности въ заграничной поѣздкѣ не видитъ; однакожъ потомъ смиловался и выдалъ мнѣ желанное свидѣтельство въ томъ, что здоровье мое потребовало провести осень и зиму въ тепломъ климатѣ, а съ наступленіемъ лѣта пользоваться Аахенскими или другими минеральными водами, по усмотрѣнію мѣстныхъ врачей. Съ этимъ свидѣтельствомъ въ рукахъ обратился я къ ген. Веймарну, со стороны котораго не встрѣтилъ никакихъ возраженій; онъ тѣмъ охотнѣе согласился на мою просьбу, что и самъ собирался ѣхать со своею семьею за границу. Приказомъ 19-го сентября я уволенъ въ 10-мѣсячный заграничный отпускъ, притомъ съ полученіемъ за это время содержанія и съ выдачею заимообразно 1500 рублей изъ особаго «вспомогательнаго офицерскаго капитала» гвардейскаго штаба на шестилѣтній срокъ.

Узнавъ о такомъ удачномъ оборотѣ дѣла, отецъ мой, въ письмѣ отъ 13 сентября, выразилъ сожалѣніе о томъ, что въ предшествовавшихъ своихъ письмахъ напрасно отклонялъ меня отъ моего плана; онъ даже нашелъ возможнымъ, совершенно для меня неожиданно, прислать мнѣ 1000 рублей въ подкрѣпленіе моихъ денежныхъ средствъ на путешествіе. Такимъ образомъ съ финансовой стороны я считалъ себя совершенно обезпеченнымъ.

Начальство мое, разрѣшая мнѣ просимый отпускъ, поставило однакоже условіемъ, чтобы до отъѣзда своего я отбылъ осенніе маневры, предстоявшіе еще въ исходѣ сентября. По росписанію офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба, я назначенъ былъ старшимъ офицеромъ въ отрядъ Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича (Александра Николаевича), которому по плану маневровъ предназначалось наступать отъ Петербурга къ Царскому Селу и Павловску. Погода въ то время была отвратительная, какая бываетъ обыкновенно въ Петербургѣ въ глубокую осень. Послѣ безпрерывнаго дождя въ первые два дня, въ ночь предъ третьимъ, послѣднимъ днемъ маневровъ, когда отрядъ нашъ уже подступилъ къ Царскому Селу, температура понизилась ниже точки замерзанія, и мы, промокшіе до костей, вдругъ обледенѣли. Наступившее затѣмъ утро было ясное

и морозное. Отрядъ Наслѣдника Цесаревича стройно и бодро повелъ атаку на Царское Село, и здѣсь у самыхъ воротъ Царскаго мѣстопребыванія маневръ былъ прекращенъ. Государь остался весьма доволенъ и я съ своей стороны получилъ личное изъявленіе благодарности отъ моего временнаго Августѣйшаго начальника. Это былъ второй случай (послѣ выпускного экзамена въ Военной Академіи), что я удостоился вниманія будущаго Императора Александра II.

На другой же день по окончаніи маневра, я распростился съ начальствомъ, родными, товарищами, а 28-го сентября покинулъ Петербургъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЗА ГРАНИЦУ.

1840—1841.

ГЕРМАНІЯ.

Въ 3 часа по полудни 28-го сентября отчалилъ отъ Англійской набережной пароходъ, доставившій меня въ Кронштадтъ, гдѣ я пересѣлъ на большой, заграничный пароходъ «Наслѣдникъ», ходившій еженедѣльно между Кронштадтомъ и Травемюнде (близъ Любека). Въ ночь снялись мы съ якоря. Въ первый день плаваніе наше по гладкой водной поверхности, въ прекрасную погоду, было весьма пріятно, хотя немногочисленное общество на пароходѣ было совсѣмъ не занимательно. Со второго же дня началась качка, которая постепенно все усиливалась, и на третій день море уже такъ расколыхалось, что почти всѣ пассажиры, кромѣ только двухъ Англичанъ, не показывались болѣе на палубѣ. Мнѣ въ первый разъ довелось испытать то отвратительное состояніе, которое называется морскою болѣзнью; я давалъ себѣ зарокъ никогда впредь не предпринимать морскихъ путешествій, зарокъ, который забывается съ первымъ шагомъ на твердую землю.

Мучительное наше плаваніе длилось ровно четверо сутокъ. Только въ полночь со 2-го на 3-е октября (ст. ст.), къ общей радости пассажировъ, пароходъ причалилъ къ берегу у Травемюнде. Едва начало свѣтать, я поспѣшилъ сойти съ парохода, чтобы скорѣе взглянуть на первый лежавшій на моемъ пути нѣмецкій городокъ. Быстро обошелъ я немногія его пустынныя улицы, еще погруженныя въ глубокій сонъ. Не смотря на то, скромный этотъ городокъ, оживающій только во время съѣзда на морскія купанія, произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе и показался мнѣ очень «gemüthlich». Да и могло ли быть иначе? Въ отечествѣ своемъ оставилъ я глубокую осень, дождь, перемежавшійся со снѣгомъ и морозомъ, слякоть, оголенныя деревья; здѣсь нахожу густую листву на окаймляющихъ набережную липахъ и каштанахъ, вездѣ чистоту, опрятность. Возвратившись на пароходъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ экипажей, которые должны были доставить пассажировъ въ Любекъ, отстоящій

отъ Травемюнде всего на 2 мили (14 верстъ). Экипажи эти были—простыя, запряженныя парою крупныхъ лошадей фуры, съ подвѣшанными сидѣніями. Въ такой экипажъ усѣлся я съ тремя другими спутниками и доѣхалъ не спѣша до Любека къ 10 часамъ утра. Переѣздъ этотъ, въ прекрасную погоду, показался мнѣ пріятною прогулкою; по дорогѣ все удивляло меня своею новизною: и опрятность въ деревняхъ, и общій видъ довольства, и добропорядочность обывателей въ ихъ одеждѣ, въ ихъ повозкахъ и лошадяхъ, и тщательная обработка полей, и отличныя дороги, и т. д., и т. д. На каждомъ шагу бросалось въ глаза что нибудь, возбуждавшее во мнѣ грустныя сравненія съ родиной. Съ перваго шага на Германскую почву понялъ я, насколько наша бѣдная Россія еще отстала отъ западной Европы, и задавалъ себѣ вопросъ: если подобная мысль возникла при видѣ такой части Германіи, которая считается наименѣе одаренною отъ природы, то чего же могу ожидать въ другихъ странахъ Европы, пользующихся наиболѣе выгодными условіями естественными?

Первыя испытанныя мною впечатлѣнія въ то утро были до того сильны, что въ моемъ дневникѣ путешествія посвящено было двухчасовому переѣзду изъ Травемюнде въ Любекъ 12 страницъ мелкаго письма in-folio. Впрочемъ и во все продолженіе своихъ странствованій я велъ дневникъ съ педантическою отчетливостію, занося въ него мельчайшія подробности всего, что удавалось мнѣ видѣть и узнавать въ это первое мое знакомство съ Европою.

Послѣ Травемюнде, конечно, еще болѣе произвелъ на меня впечатлѣніе Любекъ—первый видѣнный мною нѣмецкій городъ, сохранившій старинный, средневѣковый обликъ. Осмотрѣвъ соборъ, нѣкоторыя другія церкви, ратушу, базаръ, и отобѣдавъ за общимъ столомъ въ гостинницѣ «Fünf Thürme», я отправился вечеромъ того же дня далѣе, въ Гамбургъ, съ тѣми же тремя пассажирами парохода, съ которыми ѣхалъ до Любека. Вчетверомъ наняли мы крытую коляску (т. е. съ фордекомъ), на парѣ лошадей. Всю ночь тащились въ тѣсномъ нашемъ экипажѣ по плохой дорогѣ (въ Датскихъ владѣніяхъ), съ безпрестанными остановками, то для уплаты шоссейнаго сбора (тамъ гдѣ было шоссе), то на таможенныхъ заставахъ, то у шинковъ, которыхъ не пропускалъ нашъ возница. Добрались мы до Гамбурга (10 миль=70 верстъ) въ 9-мъ часу утра 4/16 октября.

Не смотря на дождливую погоду, можно было съ перваго взгляда замѣтить, что Гамбургъ не чета Любеку. И тогда уже нѣкоторая

часть его имѣла характеръ города новаго, съ прямыми, широкими улицами, большими, красивыми домами, прекрасными скверами и бульварами. Я остановился въ «Hôtel de St.-Pétersbourg» и въ то же утро пошелъ отыскивать нѣкоего Herr André Matthiesen, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо. Это былъ молодой человѣкъ, переселившійся въ Гамбургъ изъ Россіи, и хорошо говорившій по русски. Я нашелъ въ немъ весьма любезнаго собесѣдника и полезнаго проводника; онъ помогъ мнѣ въ заказѣ штатскаго платья и въ разныхъ мелкихъ покупкахъ. Съ его же помощью я скоро ознакомился съ городомъ; онъ объяснялъ мнѣ устройство правленія вольнаго города, его войскъ и народной гвардіи, его нравы и развлеченія.

Гамбургъ славился удобствами жизни, не строгою нравственностію и прихотливою кухнею. Въ теченіи проведенныхъ тамъ шести дней я имѣлъ довольно времени для наблюденія, бродя среди гуляющихъ по Юнгферштиху, или заглядывая въ «Alster-Halle» и другія подобныя же „Halle“, какъ въ городѣ, такъ и за городомъ, гдѣ большинство обывателей вольнаго города проводитъ вечера за кружками пива; заглянулъ и въ Датское предмѣстіе Альтону; испробовалъ тонкіе обѣды въ Hôtel de Paris, въ Hôtel du Belvedere; былъ въ оперѣ, даже на «разводѣ» Гамбургскихъ войскъ; видѣлъ процессію— «Fakelzug», по случаю празднованія годовщины Лейпцигскаго сраженія, и присутствовалъ разъ на публичномъ балѣ въ увеселительномъ заведеніи «Peter-Arens». На одномъ изъ публичныхъ гуляній случилось мнѣ видѣть двѣ современныя знаменитости Германіи: Гейне и Гуцкова. Вообще Гамбургъ показался мнѣ очень оживленнымъ центромъ торговаго и финансоваго міра.

9/21 октября, справивъ окончательно всѣ свои закупки и заказы, [1]) вечеромъ выѣхалъ я изъ Гамбурга въ почтовой каретѣ (Schnell Post), вмѣстѣ съ новымъ моимъ знакомымъ Матисеномъ и съ однимъ изъ прежнихъ Петербургскихъ спутниковъ Криницынымъ. Огромная карета, запряженная четверкою лошадей цугомъ, съ 8-ю пассажирами (не считая кучера), грузнымъ багажемъ и почтою, совершала замѣчательно исправно рейсы между Гамбургомъ и Берлиномъ, на разстояніи 40 миль (280 верстъ) въ 33 часа, со включеніемъ продолжительной остановки на Прусской таможнѣ. Я занялъ мѣсто въ переднемъ открытомъ купэ, рядомъ съ почтальономъ и, несмотря на

[1]) Въ Гамбургѣ я былъ удивленъ замѣчательною дешевизною всѣхъ предметовъ.

ненастную погоду, остался вполнѣ доволенъ удобствомъ переѣзда. 11/23-го числа, часовъ въ 6 утра, въѣхали мы Бранденбургскими тріумфальными воротами въ столицу Прусскаго Королевства. Мнѣ казалось, будто я въѣзжаю въ Петербургъ; побѣлѣвшія крыши домовъ отъ выпавшаго ночью снѣжка еще болѣе напоминали мнѣ родину. Однакожъ, лишь только вошелъ въ гостинницу (Hôtel de Russie), гдѣ нашелъ порядокъ, опрятность, всякія удобства, я почувствовалъ, что нахожусь въ благоустроенной Германіи.

Въ то же утро явился я къ нашему посланнику барону Мейендорфу и къ военному агенту ген. Мансурову. Насколько первый принялъ меня сухо, настолько же второй любезно. По совѣту ихъ я росписался у Берлинскаго Генералъ-губернатора барона Мюффлинга и у Коменданта, а затѣмъ, по полученному въ посольствѣ указанію, пошелъ отыскивать проживавшихъ въ Берлинѣ нашихъ двухъ артилерійскихъ офицеровъ: Крыжановскаго [1]) и Лаврова, которые, по заведенному тогда порядку, были командированы за границу для усовершенствованія въ военныхъ наукахъ. Встрѣча съ этими земляками была, конечно, весьма для меня пріятна; въ теченіи шести дней, проведенныхъ мною въ Берлинѣ, мы безпрестанно сходились и проводили время въ товарищеской бесѣдѣ. Съ ними ходилъ я обѣдать въ рестораны, а по вечерамъ въ театръ—въ оперу или на французскія пьесы. Представленія начинались въ 6 часовъ и обязательно прекращались прежде 9-ти, такъ что вечеръ заканчивался обыкновенно въ которомъ либо изъ многочисленныхъ «Kaffee Haus» или «Halle». Разъ приглашенъ я былъ на обѣдъ къ посланнику: этотъ обѣдъ съ чопорною хозяйкою и нѣкоторыми изъ принадлежавшихъ къ посольству молодыхъ дипломатовъ навелъ на меня тоску. Почти во все пребываніе мое въ Берлинѣ погода стояла осенняя, холодная, часто дождливая — точь въ точь Петербургская. Не смотря на то, каждый день осматривалъ я добросовѣстно всѣ городскія достопримѣчательности: музей, кунсткамеру (въ Королевскомъ дворцѣ), арсеналъ, собраніе моделей крѣпостей и городовъ, ѣздилъ въ Потсдамъ по желѣзной дорогѣ, которая опять напоминала мнѣ нашу Царскосельскую. Берлинъ въ то время только что отпраздновалъ коронацію новаго Короля Фридриха Вильгельма IV, такъ что я засталъ еще на нѣкоторыхъ площадяхъ и улицахъ слѣды бывшихъ торжествъ; но въ городѣ уже водворились обычная тишина и безжизненность, ко-

[1]) Николай Андреевичъ, будущій генералъ-адъютантъ и Оренбургскій Генералъ-Губернаторъ.

торыя въ особенности были мнѣ замѣтны по сравненію съ кипучею жизнью Гамбурга.

Въ Берлинѣ не удалось мнѣ видѣть Прусскія войска въ строю. Встрѣчавшіеся одиночные солдаты напоминали нашихъ кантонистовъ. Что касается офицеровъ, то они, при всей своей смѣшной чопорности, натянутости, педантизмѣ, отличались и тогда, по словамъ моихъ соотечественниковъ, примѣрною добросовѣстностію въ службѣ и основательною подготовкою къ своему ремеслу. Въ этомъ отношеніи сравненіе ихъ съ нашими молодыми офицерами, къ сожалѣнію, было не въ нашу пользу.

Изъ числа чиновъ Русскаго посольства въ Берлинѣ познакомился я на обѣдѣ у посланника съ первымъ секретаремъ Озеровымъ, который вручилъ мнѣ лежавшее въ канцеляріи письмо на мое имя. Оно оказалось отъ моего товарища Теслева, который лѣчился въ водолѣчебномъ заведеніи въ Бопардѣ на Рейнѣ, близъ Кобленца. Узнавъ изъ писемъ Петербургскихъ товарищей нашихъ о моемъ отъѣздѣ за границу, онъ писалъ мнѣ (2/14 окт.), что желалъ бы съѣхаться со мною и вмѣстѣ провести зиму въ Италіи. Это было уже вторичное его посланіе: первое, отъ 14/26 сентября, гдѣ-то застряло и дошло до меня только позже въ Вѣнѣ. Само собою разумѣется, что я весьма обрадовался полученной вѣсти отъ хорошаго товарища и поспѣшилъ отозваться сочувственно на его привѣтъ, предложивъ ему съѣхаться намъ въ Вѣнѣ или въ Мюнхенѣ.

16/28-го октября, распростившись съ посланникомъ, съ ген. Мансуровымъ и моими пріятелями—артиллеристами, выѣхалъ я изъ Берлина въ 8 часовъ вечера въ почтовой каретѣ (Schnelle-Post) въ Лейпцигъ, куда прибылъ въ 2 часа по полудни слѣдующаго дня, и немедленно пошелъ осматривать городъ. Центральная часть его, окруженная бульварами, имѣетъ характеръ старыхъ нѣмецкихъ городовъ; это общій Европейскій складъ книжной торговли. Множество книжныхъ лавокъ и типографій придаетъ этой части города спеціальную физіономію. Въ одной изъ бывшихъ крѣпостныхъ башенъ устроена обсерваторія, съ которой мнѣ показали въ телескопъ все поле сраженія 1813 года; смотритель обсерваторіи, очевидецъ знаменитаго боя, разсказывалъ подробно весь ходъ его. Вдали ясно виденъ Люценъ съ его готическими башнями—также классическій пунктъ военной исторіи. Затѣмъ пошелъ я за городъ, осматривалъ берега рѣчки Эльстеръ, знаменитый мостъ, чрезъ который отступала разбитая армія Наполеона, и то мѣсто, гдѣ утонулъ кн. Понятовскій.

У самаго моста поставленъ ему памятникъ и тутъ же, въ небольшомъ домикѣ, хранятся разные предметы, напоминающіе о Польскомъ генералѣ—племянникѣ любимца Екатерины II-й, возведеннаго ею на Польскій престолъ.

Отъ Лейпцига до Дрездена существовала уже желѣзная дорога, на протяженіи $12^1/_2$ миль (около 87 верстъ). Чтобы лучше осмотрѣть мѣстность на пути, я взялъ мѣсто 3-го класса, то есть на открытой платформѣ. Погода была прекрасная, очень теплая; я могъ вдоволь любоваться живописнымъ, густо населеннымъ краемъ, исправностію и порядкомъ службы на желѣзной дорогѣ. Выѣхавъ изъ Лейпцига въ 6 часовъ утра (18/30 окт.), я былъ уже въ $9^1/_2$ часовъ въ Дрезденѣ. Съ перваго же взгляда небольшой этотъ городъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Остановился я въ самомъ центрѣ города, на Alt-Markt, въ Hôtel d'Europe, и въ то же утро поспѣшилъ отыскать жившаго въ Дрезденѣ по болѣзни товарища моего по артиллеріи Чарыкова. Узнавъ, къ крайнему сожалѣнію, что онъ уже выѣхалъ въ Италію, я горевалъ, что мнѣ придется провести нѣсколько дней въ полномъ одиночествѣ въ незнакомомъ нѣмецкомъ городѣ. За то какъ возрадовался я на другой день, когда, посѣтивъ нашего посланника Шредера и совѣтника посольства Рихтера, узналъ отъ нихъ, что въ Дрезденѣ проживаетъ мой бывшій профессоръ князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ [1]). Конечно, я не замедлилъ отыскать его; оба мы очень обрадовались неожиданной встрѣчѣ; онъ познакомилъ меня съ милою, доброю его женою и во все время моего пребыванія въ Дрезденѣ видѣлись мы ежедневно. Особенно было мнѣ пріятно проводить у нихъ вечера: сидя за круглымъ столомъ, около самовара, я могъ воображать себя на родинѣ. Еще проживалъ въ Дрезденѣ прежній мой начальникъ—ген.-ад. С. П. Сумароковъ; но мнѣ не удалось съ нимъ видѣться, по причинѣ его болѣзни.

Въ Дрезденѣ, также какъ и во всѣхъ городахъ, гдѣ останавливался, я осматривалъ добросовѣстно всѣ достопримѣчательности: и знаменитую картинную галлерею, и музей, извѣстный подъ именемъ «Grüne Gewölbe», и арсеналъ въ Цвингерѣ и проч. Вездѣ за входъ установленная плата, довольно накладная для кармана одиночнаго

[1]) Кн. Н. С. Голицынъ еще въ сентябрѣ 1838 года заступилъ мѣсто ген. барона Медема на каѳедрѣ Стратегіи и Военной Исторіи въ Военной Академіи и тогда же адъюнктомъ по этой каѳедрѣ поступилъ кап. Модестъ Ив. Богдановичъ. Кн. Голицынъ, по разстроенному здоровью, получилъ отпускъ за границу въ октябрѣ 1839 года; но выѣхалъ изъ Петербурга только въ январѣ 1840 года.

туриста; поэтому заведенъ былъ такой порядокъ, что Lohn-Diener собиралъ по нѣсколько любопытныхъ и водилъ ихъ цѣлыми группами. Такая совмѣстная прогулка съ неизвѣстными спутниками доставила мнѣ случай сойтись съ однимъ русскимъ уланскимъ офицеромъ Вальтеромъ. съ которымъ потомъ мы предпринимали вмѣстѣ и нѣкоторыя экскурсіи за городъ.

Вообще Дрезденъ показался мнѣ городомъ пріятнымъ, какъ по мѣстоположенію, такъ и по образу жизни, тихому и патріархальному. День начинался съ 7 или 8 часовъ утра; обѣдъ за общимъ столомъ въ гостинницѣ—въ 1 часъ дня; начало театральныхъ и всякихъ другихъ представленій въ 6, даже въ 5 часовъ, а въ 10 часовъ вечера весь городъ уже покоился безмятежнымъ сномъ. Въ воскресный день спокойный и тихій городъ оживляется, все населеніе выползаетъ на улицу и наполняетъ разные Kaffee Haus и Halle, преимущественно загородные. Подобныхъ заведеній очень много, въ особенности по берегамъ живописной Эльбы. Я полюбопытствовалъ заглянуть въ нѣкоторыя изъ нихъ: въ воскресеніе послѣ обѣда отправился пѣшкомъ за городъ въ толпѣ горожанъ, направлявшихся въ одно изъ значительнѣйшихъ заведеній такого рода, верстахъ въ 3-хъ отъ города, извѣстное подъ именемъ прежняго владѣльца «Findletter». Войдя въ огромную залу, едва могъ я разглядѣть въ густомъ облакѣ дыма сидѣвшихъ за безчисленными столами посѣтителей съ кружками пива или чашками кофе. Такіе же столики разставлены были и на террасѣ, съ которой можно любоваться живописнымъ видомъ долины Эльбы. Много было семейныхъ группъ, даже съ дѣтьми; все чинно и спокойно; на всѣхъ лицахъ читалось чувство довольства.

Въ то же воскресеніе утромъ прослушалъ я, вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ, обѣдню въ придворной католической церкви. Это было нѣчто болѣе похожее на концертъ, чѣмъ на богослуженіе: полный оркестръ акомпанировалъ пѣніе прекраснаго хора, въ которомъ однакоже дискантные голоса кастратовъ производили не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Публика была разсажена, какъ въ концертномъ залѣ, а въ Королевской трибунѣ (или ложѣ) сидѣла вся семья Королевская. При дворѣ Саксонскомъ соблюдался весь старинный, напыщенный этикетъ; громадныя желтыя кареты придворныя запряжены четверкою цугомъ, съ тремя лакеями на запяткахъ, въ свѣтлогороховой ливреѣ, треугольныхъ шляпахъ и напудренныхъ парикахъ. Въ вечернее время впереди экипажа ѣдетъ верховой съ факеломъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣдни имѣлъ я случай видѣть предъ дворцомъ смѣну караула отъ гвардейскаго пѣхотнаго полка, составленнаго изъ рослыхъ и красивыхъ людей, въ затѣйливомъ нарядѣ: красныхъ мундирахъ съ желтыми отворотами, такими же воротниками, въ голубыхъ панталонахъ, огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ и съ амуниціей изъ свѣтлой, натуральнаго цвѣта кожи.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней моего пребыванія въ Дрезденѣ, утромъ, отправился я съ Вальтеромъ за городъ пѣшкомъ, чтобы осмотрѣть поле сраженія 1813 года. Исходивъ мѣстность, имѣвшую наиболѣе значенія въ бою, мы взошли на возвышеніе, на которомъ сооруженъ памятникъ генералу Моро, убитому тутъ на глазахъ Императора Александра I. Съ этого пункта открывается обширный и живописный видъ на всю окрестность Дрездена.

Остается упомянуть о посѣщеніи оперы во временномъ тѣсномъ и плохомъ помѣщеніи придворнаго театра. Новое обширное зданіе театра, хотя уже отстроенное, не было еще отдѣлано внутри.

Пользуясь стоявшею превосходною погодою, я предпринялъ опять вмѣстѣ съ Вальтеромъ поѣздку въ такъ называемую Саксонскую Швейцарію. Подрядили мы для этого коляску парой, проводника (Lohn Diener) и выѣхали изъ Дрездена рано утромъ 23-го октября (4 ноября) по дорогѣ вдоль Эльбы до Пильница—лѣтняго мѣстопребыванія Королевскаго семейства. Бросивъ бѣглый взглядъ на тамошній дворецъ, мы продолжали путь влѣво отъ Эльбы до деревни Uttewalde, гдѣ оставили экипажъ и съ увлеченіемъ пустились пѣшкомъ странствовать по причудливой гористой мѣстности, изрытой глубокими оврагами, пропастями, трещинами, между фантастическими силуетами обрывистыхъ вершинъ известковыхъ горъ. Взятый нами опытный проводникъ былъ мастеръ своего дѣла: въ теченіи двухъ дней мы съ нимъ исходили всѣ эти трущобы; взбирались на всѣ «points de vue», откуда туристы любуются живописными видами, восхитительными даже для того, кто видалъ уже не мало чудеснаго въ горахъ Кавказскихъ. Саксонская Швейцарія, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ большими горами Альпійскаго характера; стоитъ только съ любой ея вершины окинуть глазомъ эту своеобразную страну, чтобы заключить, что вся обширная котловина Богеміи нѣкогда составляла большое внутреннее озеро, изъ котораго воды, вѣками просачиваясь сквозь известковыя горы, промыли себѣ путь къ морю и образовали нынѣшнія Эльбскія ворота, избороздивъ всю

прилегающую къ нимъ мѣстность справа и слѣва въ видѣ колоссальныхъ рытвинъ.

Въ Саксонской Швейцаріи, также какъ и въ другихъ замѣчательныхъ мѣстностяхъ культурной Европы, туристъ находитъ всѣ желаемыя удобства и облегченія для осмотра края сравнительно въ короткое время и безъ значительныхъ издержекъ: на всѣхъ points de vue устроены площадки съ перилами, скамейками, вблизи чистенькіе домики, гдѣ можно отдохнуть и напитаться, трудныя мѣста дороги обдѣланы въ видѣ ступеней, а гдѣ можно, проложены дороги и для колесной ѣзды. Кажется, что употреблены всѣ искусственныя средства для того, чтобы привлечь большую массу туристовъ, имена которыхъ заносятся въ книги, или увѣковѣчиваются на скалахъ, скамьяхъ и т. д.

Въ первый день, начавъ наше пѣшеходное странствованіе съ глубокаго оврага Uttewalde, мы поднялись на вершину Bastei, откуда открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ во всѣ стороны, а вблизи торчатъ на обоихъ берегахъ Эльбы два громадные утеса Кенигштейнъ и Лилiенштейнъ, какъ два сторожа Эльбскихъ воротъ. На Бастеи нашли мы весьма комфортабельный пріютъ и сытный обѣдъ. За тѣмъ спустились въ другой, не менѣе перваго глубокій оврагъ Rathewalde, и чрезъ городокъ Hohnstein опять поднялись на возвышенную точку Brand, съ которой спустились въ оврагъ Lachst. Здѣсь нашли свой экипажъ, выѣхавшій туда кружнымъ путемъ. Утомленные цѣлымъ днемъ хожденія по горамъ, мы рады были доѣхать спокойно по берегу Эльбы до городка Шандау, гдѣ и остались на ночлегъ.

На второй день странствованія, выѣхали мы до свѣту по Керницкому ущелью (Kernitz) и, отъѣхавъ верстъ восемь, снова пустились пѣшкомъ въ самыя трущобы. Начавъ съ причудливой скалы Kuhstall, поднялись не безъ труда на вершины малаго и большого Винтерберга, съ которыхъ спустились къ другой скалѣ Prebischthor— не менѣе странной формы, чѣмъ Kuhstall. По весьма крутому спуску сошли наконецъ къ самому берегу Эльбы у Herniskretschen, гдѣ сѣли въ лодку и, спустившись по рѣкѣ до Шандау, вышли на лѣвый берегъ рѣки, насупротивъ этого мѣстечка. Тамъ уже ждалъ нашъ экипажъ, въ которомъ доѣхали до Кенигштейна. Крѣпость эта считалась тогда недоступною цитаделью Саксоніи, въ ней предполагалось въ случаѣ войны хранить всѣ государственныя драгоцѣнности и архивы. Дѣйствительно она замѣчательно сильна какъ по мѣстности, такъ и по фортификаціоннымъ сооруженіямъ. Верхняя пло-

шадка горы высится въ видѣ отвѣсной со всѣхъ сторонъ скалы, на которую ведетъ одна только крутая апарель, обстрѣливаемая перекрестнымъ огнемъ въ нѣсколько ярусовъ. Мы доѣхали въ экипажѣ до подошвы верхней скалистой части горы, а далѣе должны были взбираться пѣшкомъ. Въ самую крѣпость впустили насъ по предъявленіи билета, полученнаго изъ Военнаго Министерства; но все таки показали намъ далеко не все, что хотѣли бы видѣть.

Былъ уже 5-й часъ вечера, когда мы спустились съ крѣпости и сѣли въ экипажъ для возвращенія въ Дрезденъ. Эти два дня странствованія по Саксонской Швейцаріи оставили въ моей памяти много пріятныхъ впечатлѣній и заняли въ моемъ дневникѣ цѣлыхъ 36 страницъ in-folio.

25 октября (6 ноября) выѣхалъ я изъ Дрездена въ Прагу. Въ почтовой каретѣ нашелъ я одного только спутника, который, къ большому моему удовольствію, оказался русскимъ: это былъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, уже тогда извѣстный какъ ученый Славистъ. Встрѣча съ нимъ дала мнѣ случай многое узнать о тогдашнемъ стремленіи Чешскихъ ученыхъ къ возрожденію Чешской литературы и національности; о противодѣйствіи Австрійскаго правительства, смотрѣвшаго ревниво и недовѣрчиво на возникавшія связи Чеховъ съ Россіею. Скоро и мнѣ довелось видѣть притѣснительные порядки Австрійской администраціи, начиная съ таможни, которая подвергла строжайшему осмотру чемоданъ Срезневскаго; имѣвшіяся у него книги и бумаги были запломбированы для предъявленія въ Пражскую цензуру. Разставшись съ Саксонскою просторною каретою и желтымъ почтальономъ въ огромныхъ ботфортахъ, мы пересѣли въ тѣсную Австрійскую карету, набитую биткомъ пассажирами. Наступившая темнота помѣшала мнѣ видѣть самыя любопытныя для меня мѣстности нашего пути—поле Кульмскаго сраженія, Теплицъ, крѣпость Терезіенштадтъ и пр.

Въѣхавъ въ Прагу въ 8 часовъ утра 26 октября (7 ноября), мы съ Срезневскимъ остановились вмѣстѣ въ гостинницѣ «Zum schwarzen Ross», и въ то же утро отправились въ Національный Музей, къ знаменитому Ганкѣ, съ которымъ Срезневскій уже былъ знакомъ. Чешскій ученый принялъ насъ очень любезно, говорилъ съ нами по русски совершенно свободно и затѣмъ повелъ насъ по заламъ Музея, показывая съ любовью библіографическія рѣдкости; въ заключеніе подарилъ мнѣ экземпляръ только что изданнаго имъ сборника Чешскихъ пѣсенъ. Тутъ же въ Музеѣ встрѣтилъ я и Шафа-

рика, съ которымъ однакожъ не могъ говорить по русски. Впослѣдствіи онъ самъ приходилъ къ намъ и поручилъ мнѣ отвезти его письмо къ Струве—совѣтнику посольства нашего въ Вѣнѣ.

Въ Прагѣ провелъ я три дня, почти неразлучно съ Срезневскимъ. Онъ водилъ меня по городу, показывалъ всѣ достопримѣчательности и лучшіе виды. Съ нимъ же слушалъ я Нѣмецкую оперу (давали Гугенотовъ, передѣланныхъ согласно условіямъ Австрійской цензуры въ Gibellinen in Pisa); въ другой вечеръ мы оба, вмѣстѣ съ Ганкою, были въ національномъ Чешскомъ театрѣ, въ которомъ давали Раупахову драму въ переводѣ «Robert Dâbel».

Съ такимъ чичероне, какъ Срезневскій, мнѣ было вдвойнѣ занимательно осматривать остатки старины въ столицѣ Чехіи. Прага не только любопытна по историческимъ воспоминаніямъ, но и живописна, со своимъ Кремлемъ (Градчиномъ), высящимся надъ всѣмъ городомъ, съ множествомъ церквей, башенъ, старинныхъ зданій. Впрочемъ городъ не оживленъ, пустъ; на всякомъ шагу встрѣчаются монахи, статуи святыхъ, распятія; все носитъ внѣшніе признаки господства католицизма и іезуитовъ.

28 октября (9 ноября), послѣ обѣда, выѣхалъ я изъ Праги въ Post Eilwagen по дорогѣ въ Вѣну. Переѣздъ этотъ, продолжавшійся полтора сутокъ (двѣ ночи) далъ мнѣ случай замѣтить, на сколько тамошній край отсталъ въ культурномъ отношеніи отъ сѣверной Германіи. Не смотря на живописную волнистую мѣстность, все здѣсь напоминало мнѣ нашу матушку Россію: и плохая дорога, и плохое устройство почты, и плохія лошаденки въ плохой сбруѣ, и грязныя деревеньки съ низенькими домишками, и т. д. Женскій костюмъ также очень напоминалъ мнѣ нашихъ русскихъ бабъ. Все видѣнное на этомъ переѣздѣ навело меня на грустныя сравненія славянской расы съ нѣмецкою.

30 октября (11 ноября), въ 6 часовъ утра, дилижансъ нашъ остановился у Вѣнской заставы, гдѣ уже толпился народъ и стояло много повозокъ въ ожиданіи пропуска. Здѣсь все привозимое въ городъ подвергалось строгому досмотру; отъ пассажировъ отбирались паспорты; каждый пріѣзжій *обязывался* въ теченіи первыхъ сутокъ явиться лично въ полицейское управленіе для полученія особаго билета на жительство (Aufenthalts-Scheine); притомъ паспорты иностранцевъ предъявлялись въ подлежащее посольство для визированія и удерживались въ полиціи до выѣзда изъ Вѣны. Эти полицейскія и таможенныя формальности въ Австріи были чрезвычайно непріятны

для путешествующихъ: кромѣ большой траты времени, приходилось вездѣ давать взятки безчисленнымъ чиновникамъ и смотрителямъ, большею частію оборваннымъ и грязнымъ. По пріѣздѣ въ Вѣну, я остановился въ центрѣ города, въ гостинницѣ «Zum weissen Wolfe», и все утро провозился въ полиціи и таможнѣ. Раздраженный всѣми мытарствами Австрійской администраціи, я былъ вдобавокъ разочарованъ въ своей надеждѣ найти въ канцеляріи Русскаго посольства письма изъ Россіи. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ прошелъ съ моего выѣзда изъ Петербурга, и съ тѣхъ поръ никакихъ извѣстій отъ своихъ. Чиновники посольства, къ которымъ я обратился, приняли меня очень сухо, какъ будто какого-то назойливаго просителя и съ трудомъ я могъ получить свѣдѣнія о проживавшихъ въ Вѣнѣ соотечественникахъ. Въ показанномъ мнѣ спискѣ не оказалось ни одного знакомаго имени, и мнѣ сдѣлалось невыразимо грустно очутиться въ полномъ одиночествѣ, среди большого города, гдѣ я намѣревался пробыть нѣсколько долѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ. На меня нашла такая тоска, что я готовъ уже былъ отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія и возвратиться восвояси. Вечеромъ, чтобы развлечься, пошелъ я въ театръ у Каринтійскихъ воротъ, и встрѣтивъ тамъ одного изъ пассажировъ парохода «Наслѣдникъ», американца, обрадовался даже ему, какъ будто давнишнему знакомому. Онъ также радъ былъ найти компаньона для прогулокъ по незнакомому городу; также какъ и я, онъ не говоритъ по нѣмецки.

Однакожъ на слѣдующій день, придя на почту, нашелъ я письмо Теслева, который извѣщалъ меня изъ Бопарда, что съѣдется со мною въ Мюнхенѣ съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ путешествовать по Италіи. Извѣстіе это значительно ободрило меня: итакъ я обезпеченъ на предстоявшее мнѣ странствованіе отъ грустнаго одиночества. Затѣмъ въ Русскомъ посольствѣ, за невозможностію представиться самому послу Татищеву, я познакомился съ совѣтникомъ посольства Струве, передалъ ему письмо Шафарика и узналъ, что въ тотъ же день отправлялся курьеръ въ Петербургъ. Съ радостію воспользовался я случаемъ для пересылки своихъ писемъ брату Николаю и товарищу Голынскому.

Проживъ въ Вѣнѣ девять дней, я все таки не дождался никакихъ извѣстій отъ своихъ. Въ грустномъ расположеніи духа, бродилъ я по городу, осматривалъ его достопримѣчательности: картинную галлерею въ Бельведерѣ, любопытный анатомическій музей въ Медико-хирургической Академіи, нѣкоторыя церкви, какъ-то: Соборъ Св. Сте-

фана, Августинскую съ знаменитымъ надгробнымъ памятникомъ работы Кановы, Капуцинскую со склепомъ Императорской фамиліи. Въ хорошіе дни гулялъ въ Пратерѣ, или по бастіонамъ бывшихъ укрѣпленій, обращенныхъ въ бульваръ; по вечерамъ же посѣщалъ театры, преимущественно оперу. Вѣнская опера была великолѣпна; и здѣсь попалъ я опять на Гугенотовъ (подъ псевдонимомъ «Die Welfen und Gibellinen»); слушалъ Пуританъ, Ballnacht, Оберона и другія. Имѣя въ виду вторично быть въ Вѣнѣ на обратномъ пути въ отечество, я не очень гнался за полнотою осмотра всѣхъ достопримѣчательностей Австрійской столицы. Притомъ я уже пришелъ къ убѣжденію въ невозможности и даже безполезности педантическаго обзора всего указаннаго въ путеводителяхъ; а что касается картинныхъ и другихъ художественныхъ галлерей, то для сознательнаго осмотра ихъ я чувствовалъ себя недостаточно подготовленнымъ, и потому предположилъ предварительно ознакомиться, хотя бы поверхностно, съ исторіею искусства въ самой колыбели его, во время предстоявшей мнѣ зимовки въ Италіи.

Въ качествѣ туриста, я не упустилъ случая, въ воскресный день утромъ, пробраться въ толпѣ любопытныхъ въ Императорскій дворецъ (Burg), чтобы взглянуть на обычную процессію «выхода» Императорской фамиліи изъ внутреннихъ покоевъ въ дворцовую церковь. Процессія эта происходила каждое воскресеніе, въ присутствіи публики, со всею торжественностію, подобно нашимъ царскимъ «выходамъ» въ большіе праздники. Тутъ увидѣлъ я вблизи самого Императора Фердинанда IV—тщедушнаго старичка, шедшаго съ опущенными глазами, а за нимъ всѣхъ членовъ его семейства и главныхъ сановниковъ Австріи, въ числѣ которыхъ показали мнѣ тогдашнюю Европейскую знаменитость—Метерниха.

Церемонія «выхода» доставила мнѣ также случай видѣть Австрійскіе военные мундиры. Въ тѣ времена Австрійскіе военные (генералы и офицеры) не носили военной формы внѣ службы; поэтому на улицѣ рѣдко можно было встрѣтить мундиръ. Впрочемъ нельзя не признать, что существовавшая тогда устарѣлая форма обмундированія Австрійскихъ войскъ была крайне безобразна, за исключеніемъ Венгерскихъ гусаръ. Въ прочихъ родахъ оружія сохранялся старинный покрой одежды, самыхъ некрасивыхъ цвѣтовъ: сѣраго, коричневаго, съ отложными воротниками, уродливыми киверами, въ видѣ шляпъ лакейскихъ. Въ Австрійской арміи сохранялись еще трости, которыя у солдатъ привѣшивались съ боку. Къ сожалѣнію, мнѣ случалось

встрѣчать только одиночныхъ солдатъ и ни разу не удалось видѣть какую либо часть въ строю.

Меня, какъ истаго туриста, преимущественно интересовала въ путешествіи общая физіономія посѣщаемыхъ городовъ и странъ. Въ этомъ отношеніи столица Австріи показалась мнѣ своеобразною, не похожею на города Германскіе: въ массѣ населенія ея замѣчается оригинальная смѣсь разныхъ національностей и языковъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ восточнымъ. На улицахъ, на гульбищахъ, въ разныхъ общественныхъ заведеніяхъ—гораздо болѣе оживленія и подвижности, чѣмъ въ нѣмецкихъ городахъ. Вѣна и тогда славилась веселою жизнью; по вечерамъ, особенно въ праздничные дни, повсюду слышалась музыка, вальсы въ безчисленныхъ заведеніяхъ для разгульной публики. Въ лучшихъ изъ заведеній этого рода толпа посѣтителей наслаждалась оркестрами Страуса и Ланера.

Но вся веселость Вѣнская не могла разсѣять моей тоски, и я радъ былъ наконецъ покинуть Австрійскую столицу, чтобы поспѣть въ Мюнхенъ къ условленному съ Теслевымъ сроку. 6/18 ноября въ 7 часовъ вечера выѣхалъ я въ Eil-post до Зальцбурга, куда пріѣхалъ на другой день въ 7 часовъ утра. Въ числѣ спутниковъ моихъ былъ Французскій консулъ въ Сербіи Кодрикъ, занимательный и пріятный собесѣдникъ. Мы сговорились съ нимъ остановиться въ Зальцбургѣ на одинъ день, чтобы вмѣстѣ осмотрѣть городъ. Къ сожалѣнію, стоявшая до тѣхъ поръ теплая, прекрасная погода смѣнилась здѣсь пасмурною и дождливою. Не смотря на то, мы съ нимъ обошли весь городъ, расположенный на гористой и живописной мѣстности и сохранившій еще остатки окружавшихъ его старинныхъ крѣпостныхъ стѣнъ. Верхнія части окружающихъ горъ были уже покрыты снѣгомъ. Вечеромъ пошли мы въ театръ и слушали Норму.

На другой день 9/21 числа (воскресеніе) продолжали мы путь въ Мюнхенъ, а такъ какъ въ тотъ день не было отправленія почтовой кареты, то мы наняли извозчика (Landkutscher), который взялся довезти насъ до Мюнхена въ полтора сутокъ съ остановкою для ночлега. Погода же наступила зимняя; поля покрылись тонкимъ слоемъ снѣга. Этотъ видъ напомнилъ мнѣ родину; а возвышавшійся слѣва хребетъ горъ переносилъ воображеніе мое на дальнюю окраину ея, въ чудную страну, гдѣ странствовалъ я ровно годъ передъ тѣмъ. Но встрѣчавшіяся на пути деревеньки, костюмъ жителей, царствовавшій вездѣ спокойный, мирный строй жизни—все это наводило на сравненія, не выгодныя для патріотическаго самолюбія, хотя эта

часть Германіи замѣтно уступала сѣверной въ культурномъ отношеніи. Въ близкомъ разстояніи отъ Зальцбурга переѣхали мы границу Австріи съ Баваріею. Таможня союза (Zollverein) оказалась гораздо снисходительнѣе Австрійской. Подвигаясь очень медленно, мы переночевали въ мѣстечкѣ Fratersheim, въ плохомъ трактирѣ, и должны были на другой день встать до свѣту, чтобы поспѣть въ Мюнхенъ къ 2 часамъ, какъ было условлено съ нашимъ возницею. Въ этотъ день погода была уже довольно морозная; но дорога грязная, такъ что дотащились мы до Мюнхена только къ 4 часамъ по полудни и остановились, согласно условію съ Теслевымъ, въ гостинницѣ «Zum goldenen Hirsch».

Съ радостію узналъ я, что мой товарищъ пріѣхалъ уже наканунѣ. Свиданіе наше было самое сердечное. Не менѣе, чѣмъ я, тосковалъ онъ въ одиночествѣ, и мы положили отнынѣ не разставаться въ нашихъ странствованіяхъ на чужбинѣ.

Въ Мюнхенѣ прожили мы девять дней—долѣе чѣмъ намѣревались, по той причинѣ, что почтовая карета отсюда въ Италію отправлялась не каждый день и намъ пришлось изъ-за этого пробыть два дня лишнихъ. Погода была перемѣнчивая: иные дни дождливые, въ перемѣшку со снѣгомъ, другіе—ясные съ морозомъ. Всякое утро бродили мы по улицамъ, заходили въ галереи, музеи, въ церкви, а по вечерамъ бывали въ театрѣ, преимущественно въ оперѣ; разъ слушали концертъ Тальберга. Мы застали Мюнхенъ въ тотъ періодъ, когда Король Людовикъ I находился въ самомъ пароксизмѣ его архитектурной и художественной маніи. Цѣлыя новыя улицы застраивались громадными и великолѣпными зданіями. Куда ни обернуться, вездѣ произведенія знаменитыхъ современныхъ архитекторовъ Германскихъ: Кленца (строителя Петербургскаго эрмитажа), Гертнера (Gärtner), Ольмюллера (Ohlmuller), съ фресками Корнеліуса. Лично для меня Мюнхенъ представлялся въ высшей степени любопытнымъ, потому что я имѣлъ съ молодыхъ лѣтъ пристрастіе къ архитектурѣ и строительной части. Съ жадностію, съ наслажденіемъ всматривался я въ фасады новыхъ зданій: пинакотеки, глиптотеки, библіотеки, Королевскаго дворца, университета, нѣкоторыхъ церквей, особенно капелы всѣхъ святыхъ (Allerheiligen Hof-Capelle), «Pfarkirche», въ предмѣстіи Ау и проч.; любовался художественною отдѣлкою внутреннею этихъ построекъ. Первоначально меня поразили новизна и разнообразіе стиля Мюнхенскихъ построекъ и еще болѣе пестрота красокъ, не только во внутренней отдѣлкѣ, но и въ наружныхъ укра-

шеніяхъ; впослѣдствіи же, когда я насмотрѣлся вдоволь на архитектурныя произведенія въ разныхъ странахъ и разныхъ эпохъ, мой взглядъ на Мюнхенскія постройки нѣсколько измѣнился. Я замѣтилъ, что въ нихъ почти все, казавшееся мнѣ прежде новымъ и оригинальнымъ, было подражаніе, копировка; пестрота же и яркость красокъ въ архитектурѣ съ самаго начала не нравились мнѣ. Тѣмъ не менѣе многое изъ видѣннаго мною въ Мюнхенѣ оставило во мнѣ впечатлѣніе, какъ напримѣръ внутренняя отдѣлка глиптотеки и церкви всѣхъ Святыхъ.

Въ то время, когда я видѣлъ Мюнхенъ, много было построекъ еще недоконченныхъ, много только что начатыхъ. Между нѣкоторыми изъ новыхъ зданій оставались обширные не застроенные еще пустыри. Впрочемъ не однѣ только вновь проложенныя прямыя, широкія улицы были пусты и малолюдны; также и въ узкихъ искривленныхъ улицахъ стараго города не замѣчалось оживленія; особенно мало было экипажей. Быть можетъ такое впечатлѣніе произвелъ на меня Мюнхенъ послѣ Вѣны. Не случилось намъ въ Мюнхенѣ посѣтить ни одного изъ тѣхъ заведеній, гдѣ по вечерамъ городская публика ищетъ развлеченія. Въ одномъ изъ «Halle», куда мы заглянули, нашли только пьющихъ обильно пиво въ густомъ облакѣ дыма, въ обстановкѣ довольно неопрятной. Правда, что тогдашнее осеннее время года было самое неприглядное. Опера Мюнхенская не выдерживала сравненія съ Вѣнскою, не смотря на то, что самъ Король былъ покровителемъ искусствъ. Мнѣ случилось видѣть его въ ложѣ на нѣсколькихъ представленіяхъ; всего же ближе я могъ его разглядѣть въ концертѣ Тальберга: въ антрактахъ онъ ходилъ по залѣ и бесѣдовалъ съ дамами. Это былъ маленькій, тщедушный человѣкъ, съ усами и барбишкой, въ некрасивой военной формѣ, съ маленькими (оберъ-офицерскими) эполетами. Въ средѣ Королевскаго семейства находилась и Русская Великая Княгиня Марія Николаевна съ красивымъ своимъ мужемъ Герцогомъ Максимильяномъ Лейхтенбергскимъ.

Само собою разумѣется, что при всѣхъ прогулкахъ по городу и осмотрѣ его достопримѣчательностей, я имѣлъ постоянно спутникомъ товарища моего Теслева. Изъ числа проведенныхъ нами въ Мюнхенѣ девяти дней, мы посвятили одинъ 14/26 ноября на поѣздку въ Аугсбургъ. Между этими обоими городами Баваріи уже существовала желѣзная дорога; но еще въ такомъ несовершенномъ видѣ, что на переѣздъ 8 миль (56 верстъ) употреблялось $3^1/_2$ часа съ оста-

новкою на половинѣ пути для пропуска встрѣчнаго поѣзда. Аугсбургъ с явился только своими историческими воспоминаніями; однакожъ остатки старины сохранялись не слишкомъ заботливо; а потому изъ всего намъ показаннаго въ этомъ городѣ, самымъ любопытнымъ нашли мы типографію и редакцію Аугсбургской всеобщей газеты. Къ 6 часамъ вечера мы уже возвратились въ Мюнхенъ.

19 ноября (1 декабря) во 2-мъ часу дня выѣхали мы оттула въ Инсбрукъ. Въ почтовой каретѣ была чрезмѣрная тѣснота, и вообще Баварская почта показалась намъ еще менѣе благоустроенною, чѣмъ Австрійская. По мѣрѣ приближенія къ горамъ мѣстность все болѣе принимала зимній видъ. Переѣхавъ Австрійскую границу и отдѣлавшись довольно благополучно отъ таможеннаго досмотра, мы перемѣстились въ болѣе просторную Австрійскую карету, и переваливъ чрезъ хребетъ горъ въ живописную долину Инна, прибыли въ Инсбрукъ ровно чрезъ сутки по выѣздѣ изъ Мюнхена. Послѣ зимы на горахъ, мы опять попали въ сырую, дождливую, настоящую осеннюю погоду. Не смотря на то, немедленно по пріѣздѣ, пошли мы ходить по городу, живописно расположенному по обоимъ берегамъ Инна, между высокими, покрытыми снѣгомъ горами.

Въ Инсбрукѣ мы пробыли однѣ сутки. Кромѣ нѣсколькихъ церквей и другихъ остатковъ старины, здѣсь ничего не было такого, что побуждало бы насъ продлить наше пребываніе. Поэтому на другой день 21 ноября (3 декабря) послѣ обѣда мы отправились далѣе въ Верону въ Австрійской же почтовой каретѣ. Хотя уже въ то время проложено было прекрасное шоссе поперекъ всего Тироля чрезъ перевалъ Бреннеръ, однакожъ тяжелая почтовая карета поднималась крайне медленно. На горахъ опять нашли мы зимнюю погоду—ясную, морозную, со снѣгомъ. Въ ночное время мѣсяцъ освѣщалъ живописную мѣстность Тироля. Въ числѣ нашихъ спутниковъ оказался одинъ Русскій—Циммерманъ, жившій почти постоянно въ Италіи. Переваливъ чрезъ Бреннеръ, спустились мы на разсвѣтѣ 22 ноября (4 декабря) къ Австрійской крѣпости и городу Бриксенъ (въ долинѣ Адижа или Эчи), а къ обѣденному времени въ Ботценъ, и постепенно перешли отъ суровой сѣверной природы къ южной, отъ снѣга къ виноградникамъ, отъ Нѣмецкаго населенія къ Итальянскому. Мѣстечко Лависъ, куда мы прибыли подъ вечеръ, уже наглядно показывало, что здѣсь рубежъ Итальянскаго Тироля. Проѣздомъ чрезъ Тріентъ мы воспользовались остановкою почтовой кареты, чтобы взглянуть на этотъ историческій городъ, насколько

было возможно при лунномъ освѣщеніи. Дома съ аркадами во всю длину нѣкоторыхъ улицъ придавали Трієнту характеръ Итальянскаго города; соборъ показался намъ громаднымъ и затѣйливой архитектуры. Столько же носитъ на себѣ типичный Итальянскій характеръ и городъ Ровередо, чрезъ который проѣхали мы около 10 часовъ вечера. Здѣсь уже нашли оливковыя деревья, шелковицу и всю обстановку жизни по образцу Итальянскому. Близъ Ровередо Адижъ прорывается чрезъ узкое горное ущелье, образующее какъ бы ворота на границѣ между южнымъ Тиролемъ и равниною сѣверной Италіи.

На разсвѣтѣ 23 ноября (5 декабря) въѣхали мы въ Верону. Досадно было, что намъ пришлось проѣхать въ ночное время ту мѣстность, которая насъ особенно интересовала по историческимъ воспоминаніямъ о происходившихъ здѣсь въ разныя эпохи классическихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

ИТАЛІЯ.

Вотъ я наконецъ въ Италіи, куда давно уже стремились мои мечты. Я былъ въ неописанномъ восторгѣ, когда, не смотря на зимнее время, почувствовалъ въ воздухѣ и во всемъ окружавшемъ меня обаяніе южной природы; отрадно было увидѣть и въ населеніи типичныя черты южнаго человѣка. Какъ ни убѣждаетъ разумъ въ преимуществахъ разсудительности, акуратности и трудолюбія Германской расы надъ страстностію, безпорядочностію и безпечностію расы Романской, всетаки для нашего Славянскаго чувства симпатичнѣе живой, одушевленный, добродушный Итальянецъ, чѣмъ тяжелый, флегматичный, сдержанный Тевтонъ.

Въ Веронѣ остановились мы въ почтовой гостинницѣ, далеко не лучшей, за то ближайшей отъ почты. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи видѣть впервые Игальянскій городъ, мы начали уже съ 8 часовъ утра наши странствованія. Лишь только вышли на улицу, у меня разбѣжались глаза: все вокругъ меня было совершенно ново и любопытно. Мы должны были очень торопиться, чтобы успѣть въ одинъ день осмотрѣть все замѣчательное. Въ Веронѣ сохранилось много остатковъ древности: огромный амфитеатръ, другой подземный, высѣченный въ скалѣ, Римскія стѣны и арки; затѣмъ многія церкви средневѣковыя, въ формѣ базиликъ, съ большимъ числомъ произведеній знаменитыхъ художниковъ. Для меня было любопытно увидѣть постройки Романскаго стиля, которому подражанія видѣлъ такъ недавно въ новыхъ постройкахъ Мюнхенскихъ. Само собою разумѣется, что мы не преминули посѣтить и то мѣсто, гдѣ показываютъ туристамъ могилы Ромео и Джульеты, посреди прозаическаго огорода, причемъ проводникъ угощаетъ заученнымъ разсказомъ о трагическомъ концѣ интересныхъ любовниковъ. Показывали намъ также и домъ фамиліи Капулети, грязный, закопченый, служащій нынѣ постоялымъ дворомъ.

Верона интересовала меня и какъ военный пунктъ. Въ то время еще производилась постройка фортовъ, которые должны были пре-

вратить этотъ городъ въ обширный укрѣпленный лагерь. Верона, въ связи съ крѣпостями Мантуею, Пескіерою и Леньяго, считалась главнымъ опорнымъ пунктомъ Австрійской арміи въ Ломбардіи и оплотомъ Австрійскаго владычества во всей сѣверной Италіи. Много времени потратили мы, чтобы обойти хотя часть непрерывной ограды, окружающей городъ на обоихъ берегахъ Адижа, а затѣмъ взобраться на высоты лѣваго берега рѣки для осмотра (конечно только снаружи) нѣкоторыхъ изъ передовыхъ башенъ, возведенныхъ по образцу такъ называемыхъ Максимильяновскихъ, которымъ тогда придавалось большое значеніе. Мнѣ не удалось видѣть эти башни въ Линцскомъ лагерѣ; а потому было интересно увидѣть ихъ здѣсь. Въ дневникѣ своемъ, описывая Веронскія постройки, я выразилъ нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ силы этихъ сооруженій и самой цѣли устройства въ Веронѣ укрѣпленнаго лагеря. 25 лѣтъ позже событія показали, что знаменитый «стратегическій четвероугольникъ» Австрійцевъ не помогъ имъ удержаться въ Ломбардо — Венеціанскомъ Королевствѣ. Владычество ихъ, поддерживаемое строгимъ военнымъ положеніемъ и придирчивымъ шпіонствомъ, лежало тяжелымъ гнетомъ надъ Итальянскимъ населеніемъ, не скрывавшимъ глубокой своей ненависти къ властителямъ.

Верона не отличалась оживленіемъ и веселостію; напротивъ того замѣчалось что-то мрачное, угрюмое. Не смотря на то, и здѣсь уже проявлялись отличительныя черты южной жизни, открытой, уличной, особенно по вечерамъ, когда улицы и площади освѣщаются безчисленными свѣтильниками разнаго рода у каждаго лавочника, каждой торговки, каждаго ремесленника. Въ холодное время года горожане выходятъ на улицу грѣться солнечными лучами. Съ непривычки мы сѣверные люди сѣтуемъ на холодъ въ здѣшнихъ домахъ и вообще на недостатокъ комфорта. Въ этомъ отношеніи конечно и лучшія гостинницы въ Италіи въ описываемое время доставляли очень мало удобствъ путешественнику, избалованному хорошими гостинницами въ большихъ городахъ Германіи.

24 ноября (6 декабря) съ разсвѣтомъ выѣхали мы изъ Вероны съ «veturino», который взялся довезти насъ въ крытой коляскѣ до Мантуи (около 50 верстъ) въ пять часовъ времени, за 10 лиръ (около 9 франковъ). Страна, по которой мы проѣзжали, представляла непрерывный садъ фруктовыхъ деревьевъ и виноградниковъ. Можно было забыть, что время года было зимнее. Около полудня въѣхали мы въ Мантую — одну изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Европейскихъ,

кругомъ которой вся мѣстность можетъ быть наводнена. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, испытали мы тяжелую процедуру Австрійскихъ полицейскихъ порядковъ съ паспортами. Осмотрѣвъ въ нѣсколько часовъ городъ и общій видъ укрѣпленій (насколько это возможно для туриста), мы въ тотъ же вечеръ продолжали наше путешествіе съ «курьеромъ»: такъ называлась въ Италіи почтовая карета, въ которой вмѣстѣ съ почтою перевозились и пассажиры. Переправившись ночью чрезъ р. По на паромѣ, мы проѣхали на разсвѣтѣ 25 ноября (7 декабря) Модену, а въ 9 часовъ утра границу Папскихъ владѣній въ Castelfranco. Здѣсь встрѣтили мы неожиданно задержку подъ тѣмъ предлогомъ, что наши паспорты не были визированы Папскимъ нунціемъ въ Мюнхенѣ. Не смотря на всѣ наши протесты, мы должны были остаться на пограничной станціи и послать наши паспорты съ нарочнымъ въ Болонью для полученія отъ тамошнихъ властей дозволенія на въѣздъ въ Папскія владѣнія. До Болоньи было около 25 верстъ; понятно съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы въ грязномъ трактирѣ возвращенія нашего посланнаго и какъ досадовали на всю Папскую администрацію, причинившую намъ и потерю времени, и лишнія издержки. Около 3 часовъ по полудни наконецъ получили ожидаемое позволеніе и въ наемномъ экипажѣ доѣхали благополучно до Болоньи къ 6 часамъ вечера.

Здѣсь остановились мы въ гостинницѣ «трехъ мавровъ», гдѣ нашли нашего прежняго спутника Циммермана. На другой день 26 ноября (8 декабря) осмотрѣли городъ, который можно почти весь обойти не сходя изъ-подъ аркадъ, устроенныхъ по обѣимъ сторонамъ улицъ. Изъ достопримѣчательностей Болоньи прежде всего конечно взглянули мы на знаменитыя наклоненныя башни и на масивный Соборъ, въ которомъ астрономъ Касини провелъ на полу направленіе меридіана; входили въ картинныя галлереи, осматривали остатки старинныхъ построекъ, которыя однакожъ не слишкомъ уважаются и зачастую утилизируются для современныхъ потребностей жизни. Сѣтуя на такое кощунство, мы однакоже должны были отдать справедливость и современному прекрасному устройству кладбища (Campo Santo) за городомъ: это обширное четвероугольное пространство, замкнутое со всѣхъ сторонъ аркадами, подъ которыми въ нишахъ стѣны помѣщаются памятники лежащихъ тутъ покойниковъ.

Въ тотъ же день, въ 11 часовъ вечера, отправились мы далѣе въ плохомъ и тѣсномъ дилижансѣ, ежедневно перевозившемъ путе-

шественниковъ между Болоньею и Флоренціею. Этотъ переѣздъ въ 130 верстъ совершался въ 16 часовъ. Во всю ночь тяжелая карета, запряженная четвернею цугомъ, съ добавкою иногда воловъ въ передній уносъ, еле тащилась по крутому подъему Аппениновъ. На счастіе наше погода была прекрасная и мѣсяцъ освѣщалъ покрытую снѣгомъ горную мѣстность. Въ 8 часовъ утра 27 ноября (9 декабря) переѣхали мы Тосканскую границу; здѣсь опять строгій осмотръ таможенный и полицейскій; за то отсюда мы уже покатили быстрѣе по хорошему шоссе, непрерывно спускавшемуся съ горъ въ долину Арно. По мѣрѣ спуска становилось все теплѣе; снова появилась южная растительность: кипарисы, виноградъ, въ садахъ розы, и къ 7 часамъ вечера въѣхали во Флоренцію.

Здѣсь предположили мы прожить недѣли три, чтобы отдохнуть отъ непрерывнаго 9-дневнаго путешествія и не торопясь ознакомиться со всѣми тамошними сокровищами искусства. И тогда Флоренція славилась пріятною жизнью, дешевизной, умѣреннымъ климатомъ, а потому служила для иностранцевъ такимъ же сборнымъ пунктомъ въ Италіи, какимъ Дрезденъ былъ въ Германіи. Проживало тамъ и много Русскихъ; но мы не искали знакомствъ, чтобы не отвлекаться отъ прямой цѣли нашего путешествія. Видались только съ моимъ товарищемъ по артиллеріи Чарыковымъ, который однакоже вскорѣ уѣхалъ въ Неаполь, гдѣ мы и сговорились съ нимъ опять съѣхаться. Русскаго посланника при Тосканскомъ дворѣ не было въ то время во Флоренціи: будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и представителемъ Россіи при Ватиканѣ, онъ имѣлъ постоянное пребываніе въ Римѣ.

Поселившись въ одной изъ недорогихъ гостинницъ «alla fontana», мы въ теченіи всѣхъ трехъ недѣль нашего пребыванія во Флоренціи каждый день неутомимо и добросовѣстно осматривали все, что заслуживало вниманія; цѣлыя утра проводили въ галлереяхъ «gli Ufficii» и въ «Palazzo Pitti» (соединенныхъ между собою длиннымъ корридоромъ, переходящимъ надъ домами нѣсколькихъ кварталовъ и чрезъ р. Арно по старому мосту—ponte vecchio); заходили въ церкви, замѣчательныя картинами и ваяніями великихъ художниковъ; были мы и въ мастерской мозаики, въ Academia della arti. Еще мало свѣдущій въ исторіи искусства, я начиналъ однакожъ входить во вкусъ и съ наслажденіемъ останавливался предъ нѣкоторыми знаменитыми произведеніями живописи. Но болѣе всего по прежнему возбуждали мое вниманіе произведенія архитектурныя. Мнѣ нравился серьезный, нѣсколько даже суровый стиль средневѣковыхъ дворцовъ или зам-

ковъ Флорентинскихъ. Не разъ останавливался я предъ фасадомъ Palazzo Pitti, сравнивая его съ вилѣннымъ прежде слабымъ ему подражаніемъ въ Мюнхенѣ. Любовался я прелестною Campanilla, такъ рѣзко отдѣлявшеюся отъ фасада самого Собора, который оставался еще не облицованнымъ [1]).

Флоренція показалась мнѣ болѣе живописнымъ городомъ, чѣмъ всѣ видѣнные мною до сихъ поръ Итальянскіе города. Не смотря на зимнее время все населеніе жило на улицѣ; въ общественномъ саду Boboli и въ загородномъ паркѣ Caseino всегда находилъ я много гуляющихъ среди вѣчно зеленой растительности. Въ Caseino можно было видѣть въ извѣстные часы дня все высшее общество Флоренціи. Здѣсь же встрѣчалъ я Велико-Герцогскую семью. Въ крошечномъ государствѣ Тосканскомъ соблюдались еще при дворѣ всѣ традиціи стариннаго этикета и напыщенная обстановка, напомнившія мнѣ видѣнный мною въ Дрезденѣ Саксонскій дворъ.

Праздникъ Рождества Христова 13 (25) декабря въ Италіи встрѣчается какъ у насъ Свѣтлое Воскресеніе ночнымъ богослуженіемъ. Мы полюбопытствовали зайти на эту службу въ церковь Святой Анунціаты, гдѣ собиралось обыкновенно высшее общество; зная набожность и ханжество Итальянцевъ, мы были весьма удивлены полнымъ отсутствіемъ въ церкви благочинія: оркестръ игралъ пьесы, мало подходящія къ божественной службѣ; въ толпѣ говоръ, движеніе, дѣтскіе крики. даже лай собачій; по сторонамъ алтаря поставлены часовые съ ружьями, въ головныхъ своихъ уборахъ.

Со второго дня рождественскихъ праздниковъ (т. е. карнавала) открылись театры, которыхъ было тогда до восьми: лучшимъ изъ нихъ былъ «Pergola», гдѣ давались оперныя представленія; въ другихъ комедіи, фарсы, народныя сцены и проч. Въ большихъ театрахъ въ теченіи всего сезона ставилось не болѣе трехъ оперъ, повторявшихся много разъ. Большею частію труппа набиралась временно и случайно; обстановка далеко не такая блестящая, какъ въ большихъ театрахъ Германіи, Франціи и другихъ странъ. Впрочемъ для Итальянца театръ есть только мѣсто привычнаго провожденія вечера. Благодаря чрезвычайной дешевизнѣ театръ доступенъ всѣмъ классамъ населенія и потому почти всегда полонъ. Мы также пользовались этимъ удовольствіемъ почти каждый день.

Во Флоренціи я былъ обрадованъ первыми письмами изъ Россіи.

---

[1]) Онъ отдѣланъ только въ текущемъ 1887 году.

Съ самаго отъѣзда изъ Петербурга, то есть почти въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, я не имѣлъ никакихъ извѣстій изъ дому. Оказалось, что письма на мое имя еще отъ октября мѣсяца были адресованы въ Римъ, гдѣ и лежали, пока я не догадался вытребовать ихъ оттуда.

Изъ Флоренціи дальнѣйшій нашъ путь предположенъ былъ на Ливорно и оттуда моремъ прямо въ Неаполь, минуя Римъ, гдѣ мы разсчитывали быть позже, ко времени обычныхъ карнавальскихъ увеселеній. Согласно такому плану 18 (30) декабря рано утромъ выѣхали мы изъ Флоренціи въ наемномъ экипажѣ (vetturino) по весьма живописной, цвѣтущей долинѣ Арно, и къ 7 часамъ вечера прибыли въ Ливорно. Въ ожиданіи отхода срочнаго парохода въ Неаполь, мы должны были пробыть здѣсь четыре дня—слишкомъ много для такого города, исключительно портоваго и торговаго. Въ то время Ливорно былъ porto franco, что придавало ему большое оживленіе. Въ населеніи его были перемѣшаны разныя національности. Гавань, защищенная старинными фортами, была наполнена кораблями. Но для туриста не было въ Ливорно никакихъ развлеченій. Только наканунѣ новаго года (иностраннаго) намъ случилось быть зрителями торжества, справляемаго обыкновенно вечеромъ этого дня во всей Италіи. По главной городской улицѣ прослѣдовала пестрая процессія въ Соборъ, гдѣ происходило богослуженіе съ музыкою и проповѣдью; затѣмъ процессія возвращалась съ факелами, въ сопровожденіи многочисленной толпы, которая тѣснилась и галдѣла въ улицахъ до глубокой ночи. Такое же движеніе въ улицахъ продолжалось и во весь день новогодія, съ криками и пѣніемъ, при звонѣ колоколовъ. Погода была прекрасная. Корабли въ гавани расцвѣтились пестрыми флагами.

Наконецъ 22 декабря (3 января) вечеромъ отплыли мы изъ Ливорно на пароходѣ «Леопольдъ II-й». Какъ на зло намъ, погода перемѣнилась; поднялся свѣжій вѣтеръ, а въ ночь выдержали мы настоящую бурю. Волны буквально окачивали палубу парохода; почти всѣ пассажиры лежали въ безчувственномъ состояніи, Самъ капитанъ парохода, какъ впослѣдствіи сознался, находилъ положеніе наше критическимъ, и хотя къ полудню слѣдующаго дня мы были уже въ виду Чивита-Веккіи, однакожъ не было возможности войти въ гавань, и мы должны были лавировать, пока не утихла буря. Только въ три часа по полудни удалось капитану войти въ гавань, гдѣ рѣшился онъ переждать погоду. Такимъ образомъ намъ пришлось помимо нашего желанія высадиться въ Чивита-Веккіи, и

не оправившись еще отъ морской болѣзни, возиться съ Папскою полиціею и таможнею.

Чивита-Веккія—ничтожный приморскій городокъ, въ которомъ едва нашли помѣщеніе съѣхавшіеся неожиданно пассажиры нѣсколькихъ спасавшихся отъ бури пароходовъ. Здѣсь все носило на себѣ отпечатокъ Папскаго режима: ветхость и запущенность въ гавани и укрѣпленіяхъ; безжизненность и нищенство въ городѣ. Любопытнаго не было ничего; въ четверть часа можно было обойти весь городъ вдоль и поперекъ. Поэтому мы скучали и досадовали; даже готовы были отказаться отъ дальнѣйшаго морского плаванія и ѣхать сухимъ путемъ. Такъ прожили мы двое сутокъ и встрѣтили наше Русское Рождество. Только въ самый день этого праздника 25 декабря (6 января) съ утра увидѣли съ радостію, что море успокоилось и въ полдень пароходъ вышелъ изъ гавани.

Шли мы такъ близко вдоль берега, что я, сидя на палубѣ, не терялъ его изъ виду, стараясь по возможности устранить возвращеніе морской болѣзни. Тучи не позволили намъ видѣть куполъ Св. Петра, который, какъ говорили, бываетъ виденъ въ ясную погоду. Къ ночи небо прояснилось и море освѣтилось мѣсяцемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ опять поднялся вѣтеръ и снова началась порядочная качка. Къ счастію не долго пришлось намъ томиться: на разсвѣтѣ 26 декабря (7 января) мы уже были въ виду Неаполя. Выйдя скорѣе на палубу, я съ восторгомъ увидѣлъ предъ собою очаровательный заливъ Неаполитанскій, съ дышащимъ Везувіемъ и прелестными силуэтами острововъ Капри, Исхіа и Прочида. По мѣрѣ того какъ пароходъ приближался къ берегу и открывалась панорама самаго города, раскинутаго амфитеатромъ въ глубинѣ залива, все болѣе картина эта приковывала къ себѣ мои глаза, и я позабылъ о морской болѣзни прежде еще, чѣмъ сошелъ съ парохода.

Прошло болѣе часа въ исполненіи разныхъ формальностей полицейскихъ, таможенныхъ и карантинныхъ. Получивъ наконецъ при помощи нѣсколькихъ «buona-mana» разрѣшительный билетъ на прожитіе въ Неаполѣ, мы съ невыразимою радостію спустились въ лодку, причалили къ пристани, и оттуда доѣхали въ каретѣ до гостинницы «Hôtel du commerce» француза M-er Martin. Въ Неаполѣ намѣревались мы прожить около мѣсяца, чтобы вдоволь насладиться ожидавшими насъ въ этомъ дивномъ уголкѣ Европы прелестями природы, искусства и жизни. Этотъ мѣсяцъ оставилъ въ моей памяти неизгладимыя впечатлѣнія.

Описывать и перечислять все, что удалось мнѣ видѣть, чѣмъ восхищаться и любоваться въ Неаполѣ и его окрестностяхъ, конечно, было бы неумѣстно въ настоящемъ разсказѣ: въ путевомъ дневникѣ моемъ удѣлено было на это до 84 страницъ. Было бы напрасною работою повторять то, что было уже столько разъ описываемо болѣе искуснымъ перомъ и сдѣлалось уже почти общеизвѣстнымъ. Ограничусь лишь тѣми воспоминаніями, которыя касаются до меня лично.

Въ гостинницѣ, гдѣ мы первоначально остановились, нашли опять нашего пріятеля Чарыкова. По его совѣту мы рѣшились на другой день по пріѣздѣ покинуть гостинницу и поселились въ уютной квартирѣ, найденной нами на набережной Santa Lucia, гдѣ предъ нашими глазами постоянно рисовался весь заливъ. Явившись къ нашему посланнику гр. Гурьеву, мы съ радостію узнали въ посольствѣ, что въ Неаполѣ находился нашъ уважаемый начальникъ ген. Веймарнъ (Иванъ Ѳедоровичъ). Конечно мы немедленно явились къ нему и были приняты съ распростертыми объятіями. Онъ познакомилъ насъ съ доброю и любезною своею женою Елизаветою Максимовною (урожденною Людерсъ) и съ малолѣтнею ихъ дочерью Ольгою. Мы сблизились съ ними очень скоро; видѣлись ежедневно, часто соединялись для совмѣстныхъ прогулокъ или поѣздокъ за городъ.

Обыкновенно все утро бродили по городу, осматривали галлереи, музеи, церкви, или выѣзжали въ окрестности. Обѣдали большею частію втроемъ (Теслевъ, Чарыковъ и я) въ недорогомъ ресторанѣ Hôtel de Milan, а вечера проводили въ одномъ изъ многочисленныхъ театровъ, или сходились у Веймарновъ на чашку русскаго чая.

Изъ достопримѣчательностей города болѣе всѣхъ занялъ насъ музей Palazzo degli studii или иначе Museo Burbonico (по нынѣшнему Museo nationale): это одно изъ богатѣйшихъ въ Европѣ хранилищъ драгоцѣнныхъ произведеній искусства и разнообразныхъ остатковъ древности. Мы употребили на осмотръ его нѣсколько утровъ. За тѣмъ любопытны древнія катакомбы, вырытыя въ нѣсколько ярусовъ подъ горою Capo di monte. По части архитектуры нечего было искать въ Неаполѣ: я не нашелъ ни одного зданія, которое само по себѣ обращало бы на себя вниманіе, или по своей древности, или по своему стилю. Но красота города заключается въ общей группировкѣ построекъ на чрезвычайно живописной мѣстности. Въ этомъ отношеніи можетъ соперничать съ Неаполемъ развѣ только Константинополь съ Босфоромъ. Сколько ни живи на берегахъ Неаполи-

танскаго залива, никогда не налюбуешься до-сыта на эту дивную картину.

Неаполь есть одинъ изъ самыхъ оживленныхъ городовъ Европы. Улицы и площади его кишатъ народомъ съ утра до ночи. Вся жизнь населенія тутъ на глазахъ, подъ открытымъ небомъ. Куда ни пойдешь, вездѣ встрѣчаешь столько своеобразнаго, какъ ни въ какомъ другомъ пунктѣ Европы. Среди отвратительной грязи, зловонія, нищеты—сколько сюжетовъ для артиста. Но чтобы составить себѣ понятіе о классическомъ Неаполитанскомъ «lazzaroni», надобно побывать на Santa Lucia, или на Mercato (рынокъ), на Margellina. Во многомъ Неаполь напомнилъ мнѣ Тифлисъ съ его базаромъ.

Чтобы видѣть «чистую публику» Неаполя, надобно идти въ извѣстные часы дня на Villa Reale (нынѣ Villa nationale)—родъ бульвара на берегу моря, или на главную роскошную улицу «Toledo». Высшее общество имѣлъ я случай видѣть на балѣ у посланника гр. Гурьева. Раза два получалъ я пригласительные билеты на еженедѣльные балы въ такъ называемой «Akademia reale di musica e ballo»; на этихъ балахъ часто бывала и Королевская фамилія; но я не воспользовался приглашеніями, не желая облекаться въ установленную бальную форму (въ башмакахъ).

Короля и членовъ его семейства случалось мнѣ видѣть въ театрѣ и встрѣчать на улицѣ. Фердинандъ IV былъ въ то время человѣкомъ среднихъ лѣтъ, довольно полный, съ Бурбонскимъ типомъ лица, густыми бакенбардами. Мы слышали, что онъ человѣкъ добрый, но слабохарактерный, легко подчинявшійся чужому вліянію. Семейство Королевское было очень многочисленно. При дворѣ соблюдался строгій этикетъ и часто справлялись разныя торжества и церемоніи съ большою пышностію. Намъ случилось быть свидѣтелями такого празднества въ день именинъ Короля, 12-го января (31 декабря).

Король Фердинандъ IV, какъ намъ говорили, любилъ заниматься военною частію и много сдѣлалъ для устройства своего войска, которое до него было въ большомъ упадкѣ. Еженедѣльно, по четвергамъ, Король лично производилъ смотры и ученія войскамъ на «военномъ полѣ» (Campo d'Egine). Мнѣ случалось видѣть эти упражненія. Войска Неаполитанскія, комплектуемыя вербовкою, состояли изъ рослыхъ и красивыхъ людей, обмундированы были хорошо, по образцу Французскихъ, хотя нѣсколько пестро и затѣйливо; но строевое образованіе и выправка были еще очень слабы, особенно въ кавалеріи и артиллеріи. Въ отношеніи отправленія службы Неапо-

литанскія войска были немногимъ лучше Папскихъ. Мнѣ случалось видѣть, что даже въ теплую сравнительно погоду, лишь только начиналъ накрапывать дождь, или поднимался вѣтеръ — часовые укрывались въ свои будки, составивъ ружья и закутавъ лица платками (cache-nez). Не смотря на всѣ заботы Короля, всетаки болѣе надежною частію арміи считались прежніе наемные Швейцарскіе полки.

Жизнь въ Неаполѣ отличалась необыкновенною дешевизною. Приведу для примѣра, что мы платили за обѣдъ изъ 5 блюдъ съ фруктами и виномъ всего 3 карлина, то есть около 1 рубля ассигнаціями или около 35 коп. на серебро. Въ лучшихъ гостинницахъ обѣдъ стоилъ вдвое. Извощикамъ въ городѣ полагалось таксою плата по 3 карлина за часъ. За поѣздку въ Помпею (верстъ 25) и обратно, въ коляскѣ парой, платили около $2^1/_2$ піастровъ, т. е. 3 рубля серебромъ. Впрочемъ надобно добавить, что при такой дешевизнѣ иностранецъ нигдѣ не подвергался большему риску быть обворованнымъ при малѣйшей неосторожности или легковѣрію.

Въ театрахъ также плата за мѣста была чрезвычайно умѣренная. Мы могли пользоваться этимъ удовольствіемъ весьма часто. Преимущественно посѣщали S. Carlo, считавшійся однимъ изъ самыхъ большихъ театровъ въ Европѣ. Въ немъ давались представленія превосходною оперною труппою, и намъ удалось слышать три оперы: Sapho, Il bravo и Весталку. Разъ случилось намъ видѣть театръ S. Carlo во всемъ блескѣ, освѣщенномъ a giorno, по случаю дня рожденія Короля. Въ двухъ другихъ театрахъ: «Fondo» и «Nuovo» также давались оперы, преимущественно комическія и буфо. Изъ числа же второстепенныхъ театровъ, въ двухъ: «Carlino» и «Fenice» давались фарсы и представленія для народа. Въ этихъ театрахъ появлялись на сценѣ случайные актеры изъ обывателей, и не рѣдко попадались между ними весьма талантливые, разыгрывавшіе чрезвычайно естественно сцены изъ близкой имъ дѣйствительной жизни. Поэтому посѣщеніе такихъ театровъ доставляло случай знакомиться съ нравами и жизнью народа. Кромѣ того были въ то время временные народные театры, устроенные въ разныхъ частяхъ города по случаю карнавала, въ родѣ нашихъ балагановъ на святкахъ и масляницѣ.

Окрестности Неаполя не менѣе замѣчательны, чѣмъ самый городъ. Всѣ берега и острова, окаймляющіе заливъ Неаполитанскій, не только живописны, но и любопытны въ геологическомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ для меня было весьма занимательно видѣть эту вулканическую мѣстность, гдѣ на каждомъ шагу представляются

проявленія подземныхъ силъ природы. Поѣздки за городъ большею частію предпринимали мы большимъ обществомъ: Веймарны, Теслевъ, Чарыковъ и я. Такимъ образомъ поѣздки эти обходились намъ очень дешево. Мы подробно осмотрѣли всѣ замѣчательныя мѣстности, въ одну сторону, къ западу—до мыса Мизенскаго (Miseno), въ другую, къ востоку—до Соренто. Изъ всего видѣннаго нами конечно самымъ любопытнымъ былъ Везувій, съ погребенными у подошвы его древними городами—Помпея и Геркуланумъ. Намъ удалось подняться на вершину Везувія въ прекрасный, ясный и теплый день, такъ что мы могли не только видѣть самый кратеръ вулкана, но и насладиться открывающеюся съ этой высоты обширною панорамою. День 5/17 января, когда мы совершили это любопытное восхожденіе, памятенъ мнѣ и по особому, лично для меня счастливому обстоятельству: на вершинѣ Везувія я въ первый разъ встрѣтилъ ту, которая впослѣдствіи сдѣлалась подругой моей жизни. Въ одно время съ нами путешествовала по Италіи г-жа Poncet, вдова генералъ-лейтенанта, бывшаго еще въ 1814 году начальникомъ штаба въ Корпусѣ гр. Воронцова и умершаго отъ чумы въ Турецкую войну 1828—1829 годовъ. Вдову его сопровождала молоденькая дочь ея, которая съ первой же встрѣчи произвела на меня небывалое еще въ моей жизни впечатлѣніе. Елизавета Максимовна Веймарнъ познакомила меня съ новыми нашими спутницами, и съ того времени мы видѣлись часто, иногда вмѣстѣ странствовали, что доставляло мнѣ случай все болѣе сближаться съ будущею моею женою. Такимъ образомъ отъ случайной встрѣчи на Везувіи зависѣла вся моя счастливая будущность.

Съ большимъ сожалѣніемъ покинулъ я Неаполь. 23 января (3 февраля) въ 6 часовъ утра выѣхалъ я вмѣстѣ съ Веймарнами и Теслевымъ въ четвероместномъ экипажѣ, запряженномъ четверкою хорошихъ лошадей; vetturino обязался (писаннымъ контрактомъ) доставить насъ въ Римъ (около 280 верстъ) въ $2^1/_2$ сутокъ, съ уплатою ему за все путешествіе, со включеніемъ помѣщенія на ночлегахъ, продовольствія и всѣхъ другихъ мелкихъ расходовъ, 60 Римскихъ піастровъ, что составляло по тогдашнему курсу 285 руб. ассигнаціями, или на серебро около 81 рубля, такъ что на долю каждаго изъ пассажировъ приходилось по 20 рублей. Хорошій vetturino обыкновенно исполнялъ свои обязательства исправно, избавляя путешественниковъ отъ всякихъ лишнихъ расходовъ и мошенническихъ вымогательствъ, которымъ иностранецъ неизбѣжно подвергался бы

въ пути. Для меня переѣздъ изъ Неаполя въ Римъ, въ такомъ симпатичномъ сообществѣ, былъ весьма пріятною прогулкою. Въ первый день нашъ путь пролегалъ по живописной мѣстности въ недальнемъ разстояніи отъ морского берега чрезъ Капую до приморскаго мѣстечка Mola, близъ крѣпости Гаэты. Здѣсь остановились мы для ночлега въ гостинницѣ на самомъ берегу моря; съ террасы ея открывался восхитительный видъ на море, освѣщенное луною; ночь была теплая, тихая; воздухъ пропитанъ запахомъ померанцевыхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Ночлегъ этотъ оставилъ въ моей памяти неизгладимое впечатлѣніе.

На второй день путешествія, съ переѣздомъ границы Папскихъ владѣній, все измѣняется. Первое жалкое мѣстечко Ferracina тогда еще не совсѣмъ потеряло печальную славу притона разбойниковъ; селенія бѣдны и пусты; дорога въ плохомъ состояніи; мѣстность низменная, плоская. Въ особенности жалкій видъ представляли Понтинскія болота (Paludi Pontini), чрезъ которыя дорога проложена прямою линіею на протяженіи 45 верстъ. Проѣхавъ эту необитаемую страну, остановились мы на второй ночлегъ въ деревенькѣ Cisterna, откуда на слѣдующій день выѣхали еще до свѣта. Постепенно мѣстность становилась все болѣе разнообразною, оживленною, даже живописною. Пользуясь остановкою въ Альбано для корма лошадей, мы пошли осмотрѣть окрестности и съ высоты горы увидѣли подъ ногами Альбанское озеро, на берегу его—Папскій лѣтній дворецъ Castel Gandolfo, а вдали уже блестѣлъ великолѣпный куполъ Св. Петра. Проѣхавъ пустынную Campagna di Roma, гдѣ ничего другого не видно, кромѣ разбросанныхъ кое-гдѣ развалинъ древнихъ водопроводовъ и нѣкоторыхъ зданій, мы наконецъ въѣхали около 7 часовъ вечера 24 января (5 февраля) въ «вѣчный городъ».

Въ Римѣ предположено было нами прожить также какъ и въ Неаполѣ цѣлый мѣсяцъ. Здѣсь требовалась отъ насъ не менѣе, чѣмъ тамъ, неутомимая дѣятельность, чтобъ ознакомиться съ безчисленными сокровищами искусства и замѣчательными остатками древности. Мы съ Теслевымъ помѣстились очень удобно въ лучшей части города, близъ Piazza di Spagna (via Babuina), въ квартирѣ, пріисканной для насъ находившимся въ то время въ Римѣ капитаномъ генеральнаго штаба барономъ Тизенгаузеномъ. По близости оттуда поселились и Веймарны, съ которыми мы почти не разлучались во все наше пребываніе въ Римѣ. Нѣсколько позже прибыла въ Римъ и M-me Poncet съ ея дочерью: онѣ также принимали нерѣдко участіе

въ нашихъ прогулкахъ по Риму. Баронъ и баронесса Тизенгаузенъ на первое время приняли на себя роль нашихъ путеводителей и тѣмъ избавили насъ отъ несносныхъ наемныхъ чичероне. Такимъ образомъ мы проводили все время въ пріятномъ обществѣ и очень сблизились между собою. Каждое утро употреблялось на осмотръ достопримѣчательностей; потомъ обѣдали большею частію вдвоемъ съ Теслевымъ въ ресторанѣ «Bertini», болѣе извѣстномъ подъ фирмою «Lepri», гдѣ обыкновенно сходились наши Русскіе художники. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы свели знакомство: съ Марковымъ, Вигандомъ и другими. Вечера проводили то у Веймарновъ, то у M-me Poncet; а иногда я оставался дома, чтобы послѣ утомительнаго дня имѣть сколько нибудь времени для внесенія въ дневникъ своихъ впечатлѣній и замѣтокъ. Только разъ провелъ я вечеръ въ оперѣ въ театрѣ «Apollo», лучшемъ изъ Римскихъ театровъ, и то лишь по приглашенію въ ложу M-me Poncet. Еще одинъ вечеръ случилось мнѣ присутствовать на публичномъ чтеніи Гоголя, который тогда только что начиналъ пріобрѣтать извѣстность; онъ читалъ своего «Ревизора» въ залѣ кн. Волконскаго съ благотворительною цѣлью—въ пользу одного бѣднаго русскаго художника.

Въ первое же утро нашего пребыванія въ Римѣ начали мы свои экскурсіи съ храма Св. Петра и случайно попали на торжество: въ этотъ день праздновалась годовщина вступленія на престолъ Папы Григорія XVI, который самъ служилъ въ Сикстинской капеллѣ. Тутъ собрались всѣ высшіе сановники Римскіе, духовные и свѣтскіе. Намъ простымъ туристамъ конечно не было доступа въ самую капеллу; ставъ въ толпѣ, подъ колонадою базилики, мы имѣли возможность наблюдать всю пышную обстановку Римскаго Двора, пестрые средневѣковые костюмы придворныхъ и войска. Мы видѣли въ самой близи проходившихъ мимо насъ высокихъ лицъ, въ числѣ которыхъ бывшую Королеву Испанскую Марію Христину и бывшаго Короля Португальскаго Дона Мигуэля: и Королева и Король, лишившись своихъ престоловъ, поселились подъ крыломъ Святѣйшаго отца. По окончаніи церемоніи мы обратили все вниманіе на самую базилику. Какъ внѣшній видъ этой колоссальной постройки, такъ и внутренняя отдѣлка ея до того поразили меня своимъ величіемъ и роскошью, что видѣнное мною въ это утро оставалось потомъ цѣлый день въ глазахъ у меня, а ночью грезилось мнѣ во снѣ.

Однакожъ было бы досадно признаться, что мы были въ Римѣ и не видѣли Папы. Видѣть его случилось намъ впослѣдствіи, именно

29 января—въ одной изъ боковыхъ капеллъ базилики Св. Петра на панихидѣ по прежнему Папѣ Пію VIII, а въ другой разъ—12 февраля въ первый день великаго поста въ Сикстинской капеллѣ, гдѣ Папа самъ совершалъ священнослуженіе, въ богатомъ своемъ облаченіи и со всею торжественностію. При входѣ его въ капеллу ему предшествовали алебардисты въ ихъ причудливомъ одѣяніи и придворные чины; при появленіи же самого Папы, всѣ присутствовавшіе подгибали колѣни, а онъ давалъ на-право и на-лѣво благословенія. Папа Григорій XVI былъ еще бодрый старикъ; но лицомъ весьма невзрачный, съ уродливымъ краснымъ носомъ. Во время служенія онъ возсѣдалъ подъ балдахиномъ, держа руки на бархатныхъ подушкахъ. По окончаніи богослуженія Святѣйшій Отецъ опять прошелъ мимо насъ съ прежнею торжественностію.

Само собою разумѣется, что въ первое посѣщеніе базилики Св. Петра я могъ только окинуть общимъ взглядомъ это дивное сооруженіе; но потомъ приходилъ много разъ осматривать его въ деталяхъ. Съ удивленіемъ всматривался я въ пропорціональность его размѣровъ, въ роскошные матеріалы строительные, въ художественную мозаичную отдѣлку всѣхъ внутреннихъ стѣнъ; спускался въ подземелья и взбирался на куполъ, съ вершины котораго любовался обширною панорамою отъ моря до Аппенинскихъ горъ; влѣзалъ даже въ шаръ, поддерживающій крестъ и видѣлъ тамъ надпись, увѣковѣчившую посѣщеніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича въ 1839 году, также какъ и нѣсколько ниже надпись о посѣщеніи купола другимъ Наслѣдникомъ Русскаго Престола—Павломъ Петровичемъ.

При всемъ благоговѣніи своемъ къ величію и красотамъ знаменитой базилики, я осмѣлился однакоже въ своемъ путевомъ дневникѣ высказаться нѣсколько критически о главномъ фасадѣ зданія какъ относительно стиля, такъ и общаго очертанія, которое не гармонируетъ съ великолѣпнымъ куполомъ и скрываетъ его отъ глазъ зрителя, подходящаго къ переднему фасаду храма. Недостатки этого фасада скрадываются лишь благодаря общей роскошной обстановкѣ всей площади, съ колонадами, обелискомъ, фонтанами и проч.

Еще позволилъ я себѣ сѣтовать на то, что громадное и не совсѣмъ стройное зданіе Ватикана какъ бы давитъ, стѣсняетъ базилику. Но само по себѣ зданіе это импонируетъ своею массивностію, существенно же важно и драгоцѣнно внутреннее его содержаніе: хранящіяся въ немъ неоцѣнимыя сокровища искусства; галлереи и коллекціи Ватикана открывались для публики только два раза въ не-

дѣлю, и то съ 2-хъ до 4-хъ часовъ по полудни. Мы конечно не пропускали ни одного изъ этихъ дней, и каждый разъ обходили ту или другую часть. Нѣкоторые особенно замѣчательные отдѣлы посѣщали въ нѣсколько пріемовъ.

Римъ богаче всѣхъ другихъ центровъ искусства замѣчательными произведеніями живописи и ваянія. Множество ихъ заключается въ разныхъ церквахъ, въ старинныхъ Palazzo, въ загородныхъ виллахъ. Мы добросовѣстно посѣщали всѣ эти хранилища; два раза осматривали музей капитолія; любовались виллами Panfili, Albana (или Borghese), Mattei (принадлежавшей князю мира Годою, жившему еще тогда въ Римѣ). Обиліе художественныхъ сокровищъ въ Римѣ до того громадно, что осматривать все въ короткое время становится подъ конецъ утомительнымъ. Не смотря на то, мы такъ вошли во вкусъ, что не тяготились посѣщать и мастерскія нѣкоторыхъ нашихъ современныхъ художниковъ, работавшихъ въ Римѣ: Бруни (писавшаго свою большую картину поклоненія змѣю), Маркова (работавшаго надъ картиною колизея), Скотти, Виганда и другихъ. На одной выставкѣ новыхъ картинъ видѣли мы между прочимъ нѣкоторыя изъ первыхъ произведеній Айвазовскаго.

Рядомъ съ художествомъ чрезвычайно занимала насъ и древность. По крайней мѣрѣ для меня древній Римъ казался еще интереснѣе, чѣмъ художественныя его коллекціи. Съ наслажденіемъ бродилъ я цѣлыя утра по отдаленнымъ частямъ «вѣчнаго города», не пропуская ни одной руины. Прогулки эти были для меня наглядным повтореніемъ древней исторіи. Но мнѣ рѣзали глаза встрѣчавшіяся на каждомъ шагу сопоставленія величія и красотъ уцѣлѣвшихъ обломковъ древности съ безвкусіемъ и ничтожествомъ заслонившихъ эти остатки новыхъ зданій. Досадно было смотрѣть на жалкія постройки, замѣнившія древній капитолій, на передѣлку Пантеона и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ храмовъ въ христіанскія церкви, на приспособленіе нѣкоторыхъ древнихъ общественныхъ зданій къ потребностямъ современной обыденной жизни; видѣть напримѣръ чудесныя древнія колонны съ роскошными капителями или изящные фронтоны, карнизы, аттики—прилѣпленные къ безобразнымъ жилымъ домамъ; проходить грязными закоулками или огородами, чтобы добраться до какой нибудь исторической достопримѣчательности.

Изъ древнихъ руинъ конечно болѣе всѣхъ производитъ впечатлѣніе Колизей. Мы бывали въ немъ не разъ. Между прочимъ

въ одинъ изъ послѣднихъ дней предъ выѣздомъ изъ Рима поѣхали мы туда большимъ обществомъ вечеромъ, чтобы видѣть громадную арену при лунномъ свѣтѣ. Картина дѣйствительно внушительная.

Не перечисляя всѣхъ видѣнныхъ мною замѣчательныхъ предметовъ и живописныхъ видовъ, упомяну только о поѣздкѣ въ Тиволи (31 января), о прогулкахъ на Monte Pincio, куда мы направлялись обыкновенно въ часы, остававшіеся свободными въ нашемъ росписаніи дня; наконецъ объ уличныхъ увеселеніяхъ карнавала, происходившихъ съ 1-го по 11-е февраля ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней и пятницы. На все это время для нашего общества нанятъ былъ балконъ на Corso, куда мы собирались въ дни гулянія съ 2-хъ часовъ по полудни и оставались до того момента, когда подъ вечеръ, по данному сигналу, вся толпа бѣснующагося народа должна очистить улицу. И наше общество, заразившись общимъ увлеченіемъ веселыхъ Итальянцевъ, принимало горячее участіе въ безумной перестрѣлкѣ цвѣтами и мукою (confetti, drajet) съ двигавшимися по Corso маскированными группами; а затѣмъ слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за бѣгомъ лошадей, пускаемыхъ вдоль Corso отъ Piazza del popolo до Piazza di Venezia, гдѣ происходила съ извѣстною торжественностію выдача сенаторами приза хозяину первой прискакавшей лошади.

Въ первый день карнавала я полюбопытствовалъ посмотрѣть на странную церемонію открытія карнавальныхъ увеселеній. Церемонія эта установлена съ того времени (XV столѣтія), когда Еврейское населеніе Рима было освобождено за извѣстную ежегодную плату отъ лежавшей на немъ прежде позорной обязанности потѣшать Римлянъ въ карнавалъ бѣгомъ взапуски по Corso; съ того времени и введено взамѣнъ двуногихъ бѣгуновъ пускать по Corso четвероногихъ. Вотъ въ память этой-то милости, оказанной Евреямъ Римскимъ сенатомъ, и происходитъ ежегодно въ день открытія карнавальныхъ потѣхъ торжественный пріемъ Сенатомъ въ зданіи Капитолія, въ виду толпы народа, еврейской депутаціи, подносящей благодарственный адресъ и опредѣленную денежную сумму выкупа. Не знаю продолжаетъ ли и до нынѣ исполняться этотъ дикій обрядъ.

Не менѣе страненъ и конецъ карнавальныхъ увеселеній, такъ называемое «погребеніе» карнавала. Въ послѣдній день бѣснованія на Corso продолжаются долѣе обычнаго часа, до вечерней темноты, когда въ толпѣ на улицѣ, также какъ и на балконахъ и въ окнахъ

домовъ, появляются безчисленные огоньки — moccoletti; тогда начинается смѣшная забава взаимнаго другъ у друга гашенія свѣчей; каждый употребляетъ всякія ухищренія для защиты своего огонька и для тушенія сосѣдняго. Продѣлки эти разумѣется сопровождаются смѣхомъ, криками, фарсами разнаго рода, столь заразительными, что не одни Итальянцы, но и самые флегматическіе иностранцы предаются съ увлеченіемъ этой наивной забавѣ. Послѣ всей уличной суматохи окончательнымъ заключеніемъ карнавала служитъ festino, т. е. маскарадъ въ театрѣ.

За то какая противоположность послѣднему бѣшеному дню карнавала слѣдующій первый день великаго поста. Улицы, кипѣвшія вчера жизнью, теперь пусты; вездѣ тишина; въ церквахъ идетъ служба. Подъ стать этой угрюмой обстановкѣ перемѣнилась и погода: весь день шелъ дождь. Туристы мало по малу начали разъѣзжаться. Въ числѣ ихъ и наше общество собиралось покинуть Римъ. Баронъ и баронесса Тизенгаузенъ выѣхали прежде всѣхъ, 14-го февраля; за ними намѣревался и я ѣхать вмѣстѣ съ Веймарнами и Теслевымъ; но мы должны были отложить отъѣздъ на нѣсколько дней по случаю болѣзни Теслева и ребенка у Веймарновъ. Эти послѣдніе дни пребыванія въ Римѣ, сверхъ предположеннаго срока, проводилъ я безъ опредѣленной программы, in dolce far niente; участвовалъ въ прогулкахъ въ дамскомъ обществѣ; вечера проводилъ то у Веймарновъ, то у M me Poncet. Къ этому времени я уже весьма сблизился съ ними, и долженъ покаяться — въ первый разъ въ жизни почувствовалъ сердечное влеченіе; душевное мое спокойствіе было поколеблено новымъ знакомствомъ съ молодою дѣвушкою. Мнѣ было жутко, покидая Римъ, разставаться съ нею, и чѣмъ ближе подходилъ срокъ этой разлуки, тѣмъ болѣе чувствовалъ я возвращеніе прежней хандры, отъ которой казалось излѣчило меня путешествіе. Приходила мнѣ мысль, что я безразсудно поддаюсь влеченію къ дѣвушкѣ, съ которою по всѣмъ вѣроятіямъ никогда болѣе не встрѣчусь. Вотъ почему иногда я даже уклонялся отъ слишкомъ частыхъ встрѣчъ съ нею, и отказываясь отъ пріятнаго общества, бродилъ одинъ по отдаленнымъ улицамъ Рима.

Видя, что надежды на скорое выздоровленіе Теслева и ребенка у Веймарновъ не сбылись, и не желая совсѣмъ разстроить свой планъ путешествія, я рѣшился покориться своей судьбѣ и продолжать путь въ печальномъ одиночествѣ. Утромъ 24 го февраля (ст. ст.) взялъ я билетъ на выѣздъ съ «курьеромъ» во Флоренцію вече-

ромъ слѣдующаго дня. Придя проститься съ Веймарнами, я узналъ къ большой досадѣ, что они также рѣшились выѣхать во Флоренцію на другой же день, но только утромъ, съ vetturino. Такимъ образомъ судьба сыграла надъ нами непріятную шутку: вмѣсто того, чтобы проѣхать вмѣстѣ до Флоренціи, какъ желали, пришлось намъ ѣхать въ одинъ и тотъ же день врозь.

Въ день выѣзда 25-го февраля провелъ я послѣднее утро съ M-me Poncet и милою ея дочкою, въ прогулкѣ на Monte Pincio и на выставкѣ картинъ. Съ грустію простился я съ ними; однакожъ при самомъ прощаніи мнѣ подана была надежда на возобновленіе нашего знакомства въ Петербургѣ. Мнѣ сдѣлалось какъ-то легче на душѣ, когда вечеромъ занялъ я свое мѣсто въ курьерской каретѣ и выѣхалъ изъ этого дивнаго Рима, который доставилъ мнѣ такія неизгладимыя воспоминанія. Съ Теслевымъ сговорились мы съѣхаться въ Парижѣ.

Въ Италіи путешествіе съ «курьеромъ», хотя и считалось самымъ быстрымъ способомъ передвиженія, было однакоже не слишкомъ поспѣшное. Разстояніе въ 300 верстъ отъ Рима до Флоренціи проѣхали мы въ полтора сутокъ. На пути нашемъ лежалъ только одинъ замѣчательный городъ—Сіена, съ великолѣпнымъ соборомъ, облицованнымъ мраморомъ; но проѣзжая вечеромъ, я не могъ отчетливо разглядѣть его фасадъ. Вообще вся дорога пролегала по странѣ довольно пустынной и худо обработанной. Однакожъ въ предѣлахъ Тосканскихъ всетаки замѣтно гораздо болѣе культуры и благоустройства, чѣмъ въ Папскихъ владѣніяхъ, а по мѣрѣ приближенія къ самой Флоренціи и страна принимаетъ гораздо болѣе оживленный видъ.

Прибывъ во Флоренцію рано утромъ 27 февраля (11 марта), я остановился въ «Pension Suisse», гдѣ нашелъ барона и баронессу Тизенгаузенъ, и провелъ съ ними весь день. Утромъ ѣздили верхомъ кругомъ города, любуясь живописными видами; вечеромъ слушали оперу Lucrezia Borgia, а на другой день 28 числа рано утромъ выѣхалъ я съ vetturino по дорогѣ, отчасти уже мнѣ знакомой, въ Пизу. Осмотрѣвъ здѣсь всѣ замѣчательности: наклоненную башню, соборъ, baptistero, Campo Santo, я предпринялъ дальнѣйшую поѣздку по «Ривьерѣ» (Riviera di Levante) съ vetturino, который обязался довезти меня въ легкой коляскѣ въ одиночку до Сарзаны. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность насладиться вдоволь этимъ прелестнымъ путемъ: останавливался на каждомъ живописномъ пунктѣ, по временамъ шелъ

пѣшкомъ пока мой возница кормилъ лошадь или поднимался въ гору шагомъ. Нѣсколько разъ приходилось останавливаться и для таможеннаго досмотра на границахъ мелкихъ владѣній: Лукки, Модены, Пармы. Переночевавъ въ Массѣ, я на другой день 2/14 марта проѣхалъ чрезъ Каррару мимо знаменитыхъ мраморныхъ каменоломенъ, выдержалъ еще разъ таможенный осмотръ на границѣ Сардинскаго Королевства, и въ 10-мъ часу утра уже былъ въ Сарзанѣ. Отсюда «курьеръ» отправлялся въ Геную ежедневно въ полдень. Въ ожиданіи часа отъѣзда, я успѣлъ побродить по улицамъ чистенькаго городка, который показался мнѣ очень оживленнымъ, вѣроятно по случаю воскреснаго дня. На пути изъ Сарзаны до Генуи я былъ въ особенности плѣненъ живописнымъ мѣстоположеніемъ Спеціи: это одинъ изъ тѣхъ очаровательныхъ видовъ, которые остаются въ памяти на цѣлую жизнь. Дорога наша была очень тяжелая: то слѣдовала вдоль самаго берега морского, то поднималась на высоты тамъ, гдѣ горы упираются въ море крутыми обрывами. Я пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вылѣзать изъ тѣсной, тяжело нагруженной кареты и шелъ пѣшкомъ, любуясь видами: влѣво на море, вправо на горы.

На разсвѣтѣ 3/15 марта, при спускѣ съ горы, открылся прекрасный видъ на Геную. Здѣсь остановился я въ гостинницѣ Croce di Malta и, не теряя минуты, побѣжалъ осматривать городъ и его окрестности. Послѣ посѣщенія нѣкоторыхъ замѣчательныхъ зданій и галлерей внутри города, я успѣлъ въ тотъ же день сдѣлать огромную загородную прогулку. Генуя расположена амфитеатромъ по скатамъ высотъ, огибающихъ полукружіемъ городъ и заливъ. По всему протяженію этихъ высотъ возведены были въ недавнее время укрѣпленія для защиты города съ сухого пути въ видѣ фортовъ, соединенныхъ непрерывною оградою. Кромѣ того еще отдѣльные форты выдвинуты были впередъ на командующія высоты. Укрѣпленія эти, построенныя по принятой въ то время системѣ каменныхъ оборонительныхъ казармъ и башенъ, точно также интересовали меня, какъ и видѣнныя прежде укрѣпленія Вероны. Не имѣвъ разрѣшенія на входъ во внутрь фортовъ, я долженъ былъ ограничиться наброскою на клочкѣ бумаги только общаго, такъ сказать, схематическаго начертанія всей линіи обороны. Мнѣ не приходило и на мысль скрывать такія невинныя замѣтки для моего дневника отъ сопровождавшаго меня вожатаго (guide) и только позже смекнулъ, какъ поступилъ неосторожно. По возвращеніи съ прогулки въ гостинницу, лишь только я, переодѣвшись, вышелъ изъ своего номера къ обѣду, сдѣ-

ланный мною набросокъ исчезъ съ моего стола и я долженъ былъ видѣнное мною занести въ свой дневникъ на память.

Въ Генуѣ, также какъ и въ другихъ городахъ Италіи, туристамъ показываютъ много старыхъ церквей и Palazzo съ картинными галлереями, статуями, великолѣпными мраморными лѣстницами и вестибюлями, съ колонадами, аркадами и проч.; но всѣ эти остатки старины даютъ лишь слабое понятіе о прежнемъ величіи Генуи во времена цвѣтущаго періода республики. Уже въ описываемую эпоху городъ замѣтно обновлялся и принималъ характеръ новаго города, притомъ портоваго, коммерческаго. Я счелъ достаточнымъ посвятить ему два дня, и вечеромъ 4/16 марта выѣхалъ въ дилижансѣ въ Туринъ.

Переваливъ чрезъ Аппенины, ѣхалъ я по равнинѣ Пьемонта, чрезъ знаменитыя въ военной исторіи поля сраженія при Нови и Маренго, и къ ночи 5/17 числа прибылъ въ Туринъ, гдѣ опять остановился на два дня. Столица Королевства Сардинскаго представляла мало занимательнаго для туриста послѣ всѣхъ видѣнныхъ чудесъ въ Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи. Туринъ почти уже и не имѣетъ физіономіи Итальянскихъ городовъ; это городъ новой постройки, правильно расположенный, съ прямыми улицами, широкими и однообразными, и обширными площадями. Тутъ не чѣмъ любоваться: ни древностями, ни сокровищами искусства, ни архитектурою зданій, ни живописными видами. Туринъ показался мнѣ мертвымъ городомъ, полуитальянскимъ и полуфранцузскимъ. Въ двухдневное мое тамъ пребываніе я успѣлъ, кромѣ осмотра города и немногихъ его достопримѣчательностей, познакомиться съ однимъ Итальянскимъ инженеромъ маіоромъ Порро, директоромъ Топографическаго Института при Пьемонтскомъ Главномъ Штабѣ. Маіоръ Порро—изобрѣтатель особаго способа съемки посредствомъ придуманнаго имъ оптическаго инструмента для опредѣленія съ достаточною степенью точности разстояній отъ точки стоянія до каждой видимой съ нея точки окружающей мѣстности [1]). Еще въ Петербургѣ слышалъ я объ этомъ способѣ съемки и предположилъ познакомиться съ нимъ въ проѣздъ чрезъ Туринъ. Маіоръ Порро принялъ меня любезно; не только объяснилъ мнѣ подробности изобрѣтенія, но водилъ по механическому заведенію, изготовляющему подъ

[1]) Сущность этого новаго способа съемки состояла въ томъ, чтобы мѣсто каждой топографической точки опредѣлять не засѣчкою съ двухъ извѣстныхъ уже пунктовъ, а съ одного пункта полярными координатами.

его руководствомъ инструменты для топографическихъ съемокъ. Я мечталъ о томъ, чтобы по возвращеніи въ Россію ввести у насъ способъ маіора Порро, казавшійся мнѣ особенно полезнымъ въ гористыхъ мѣстностяхъ: на Кавказѣ и въ другихъ нашихъ отдаленныхъ окраинахъ. Однакожъ эти предположенія мои остались безъ послѣдствій и мнѣ даже неизвѣстно—вошелъ ли означенный способъ съемки въ употребленіе въ самомъ Пьемонтѣ.

7/19 марта послѣ обѣда выѣхалъ я изъ Турина въ почтовой каретѣ; въ теченіи ночи перевалилъ чрезъ Mont Cenis, а къ утру слѣдующаго дня спустился къ первому Савойскому городку Lanslebourg. Переѣздъ этотъ чрезъ высокій снѣговой хребетъ Альповъ, частію на колесахъ, частію на полозьяхъ, былъ для меня весьма интересенъ; еслибъ тогда кто нибудь сказалъ, что чрезъ нѣсколько лесятковъ лѣтъ мнѣ придется переѣзжать чрезъ этотъ же грозный хребетъ въ спокойномъ вагонѣ желѣзной дороги, то конечно я принялъ бы это за несбыточную фантазію à la Jules Verne. При спускѣ съ хребта узкою долиною рѣки Аркъ (Arc) обратилъ особенное вниманіе мое сооруженный въ послѣднее время Пьемонтскимъ правительствомъ фортъ Esseillon или Bramante, для прегражденія пути изъ Франціи въ Пьемонтъ. Любопытно было видѣть и жалкое населеніе Савои. Въ 8 часовъ вечера 8/20 марта прибыли мы въ Шамбери, гдѣ была остановка на цѣлый часъ по случаю перемѣны кареты (та, въ которой я ѣхалъ изъ Турина, продолжала путь въ Женеву). Шамбери показался мнѣ, при газовомъ освѣщеніи, красивымъ и благоустроеннымъ городомъ. Продолжая путь въ огромной и крайне нагруженной каретѣ, мы дотащились ночью до Французской границы въ Pont de Beauvoisin.

ФРАНЦІЯ.

На границѣ Франціи, въ Pont de Beauvoisin, дилижансъ нашъ подвергся продолжительному и безпощадному таможенному осмотру, послѣ котораго всѣхъ пассажировъ повели, какъ водятъ арестантовъ, къ commissaire de police для провѣрки паспортовъ. Было часа 4 утра, еще совсѣмъ темно. Коммисаръ не далъ себѣ труда выдти къ пассажирамъ, а принялъ насъ въ своей комнатѣ, не вставая съ постели, въ ночномъ колпакѣ. Поочередно оглядѣвъ каждаго изъ насъ съ ногъ до головы, онъ отобралъ наши паспорты для отправленія ихъ въ Парижъ, а намъ выдалъ временные билеты на проѣздъ и пребываніе въ предѣлахъ Франціи. Таковы были въ тѣ времена порядки Французской администраціи и нравы Французскихъ чиновниковъ.

Отдѣлавшись наконецъ отъ всѣхъ скучныхъ и непріятныхъ формальностей, мы рады были усѣсться снова въ почтовую карету, хотя она оказалась биткомъ набитою пассажирами. Но радость наша была преждевременна: лишь отъѣхали мы одну станцію отъ границы, и вотъ опять остановка, вторичный «контрольный» осмотръ багажа. Только къ 4 часамъ по полудни дотащились мы до Ліона и здѣсь, у въѣзда въ городъ, въ третій разъ нашъ дилижансъ подвергся осмотру городского octroi. Въ Ліонѣ остался я до утра слѣдующаго дня, чтобы бросить общій взглядъ на этотъ городъ, считающійся первымъ во Франціи послѣ Парижа. До поздняго вечера бродилъ я по красивымъ Ліонскимъ улицамъ, освѣщеннымъ газомъ и чрезвычайно оживленнымъ.

Выѣхавъ изъ Ліона утромъ 10|22 марта, въ дилижансѣ (Messageries générales, Lafitte et Caillard), я ѣхалъ до Парижа двое сутокъ съ половиною. Не смотря на такую медленность ѣзды и на грустный видъ страны, незадолго предъ тѣмъ испытавшей бѣдствія наводненія (нерѣдкаго въ долинѣ Роны), мнѣ было почему-то особенно любо все, что видѣлъ и слышалъ на пути: небольшіе города, деревеньки,

постоялые дворы, говоръ обывателей—все замѣчалъ я съ какимъ-то сочувствіемъ, хотя въ то же время и не могъ не сознавать, на сколько этотъ край уступалъ въ культурномъ отношеніи нѣкоторымъ уже видѣннымъ мною странамъ (Германіи и сѣверной Италіи). По мѣрѣ приближенія къ Парижу все болѣе усиливалось мое нетерпѣливое ожиданіе увидѣть этотъ «новый Вавилонъ». Наконецъ вечеромъ 12|24 марта тяжелый нашъ дилижансъ, послѣ небольшой остановки у Парижской заставы, покатилъ по улицамъ, ярко освѣщеннымъ газомъ и кипѣвшимъ жизнью.

Парижъ былъ тогда нѣкоторымъ образомъ запрещеннымъ плодомъ для Русскихъ, особенно для молодежи; правительство наше смотрѣло косо на посѣщавшихъ столицу Франціи, и не смотря на то, всегда можно было тамъ найти не мало соотечественниковъ. И я, подобно другимъ, увлекся желаніемъ видѣть главный центръ Европейской цивилизаціи, но отнюдь не изъ легкомысленнаго стремленія къ наслажденіямъ и удовольствіямъ Парижской жизни. Парижъ лежалъ на прямомъ пути моемъ изъ Италіи къ Аахенскимъ минеральнымъ водамъ, куда посылали меня наши эскулапы. Возможно ли было объѣхать такой пунктъ, который сулилъ столько разнообразныхъ матеріаловъ для моей любознательности. Въ предположенномъ мною маршрутѣ удѣлено было на Парижъ цѣлыхъ шесть недѣль. При ограниченности моихъ денежныхъ средствъ я долженъ былъ соблюдать строгую бережливость въ расходахъ, не позволяя себѣ ничего прихотливаго. Поэтому помѣстился я въ одной маленькой гостинницѣ: «Hôtel de Flandre et d'Espagne», въ улицѣ Notre Dame des victoires, также очень скромной, хотя и въ центральной части города близъ самой биржи. Хозяинъ гостинницы M-r Lemarchand торговалъ зеркалами; семейство его состояло изъ жены и взрослой дочери, а вся прислуга—изъ старика portier, всегда сидѣвшаго въ своей стеклянной клѣткѣ (loge), да служанки, поспѣвавшей на всѣ работы какъ въ номерахъ гостинницы, такъ и на самихъ хозяевъ. Добродушная эта семья выказывала мнѣ радушное участіе и ухаживала за мною во время болѣзни, когда я схватилъ простуду и долженъ былъ нѣсколько дней оставаться безвыходно въ своей комнатѣ. Единственная въ гостинницѣ служанка успѣвала и мнѣ приносить обѣдъ, ею же самою состряпанный для хозяевъ.

Первыя двѣ недѣли въ Парижѣ провелъ я почти въ полномъ одиночествѣ. Затѣмъ посѣтилъ я дядю Николая Дмитріевича Киселева, состоявшаго совѣтникомъ посольства, и представился самому

послу графу Палену. Съ дядею я видѣлся только изрѣдка; но при посольствѣ состоялъ въ качествѣ военнаго агента полковникъ генеральнаго штаба Борисъ Григорьевичъ Глинка [1]), нѣсколько знакомый мнѣ по его родному брату Николаю Григорьевичу, товарищу моему по Военной Академіи. Борисъ Григорьевичъ любезно предложилъ мнѣ быть моимъ руководителемъ на первыхъ моихъ шагахъ въ Парижѣ. Еще оказался у меня знакомый и даже родственникъ—Алексѣй Степановичъ Мельгуновъ, богатый москвичъ, женатый на моей теткѣ княжнѣ Урусовой (дочери князя Александра Петровича, родного брата моей бабушки Прасковьи Петровны Киселевой). Оба они, и мужъ, и жена, любезно приглашали меня къ себѣ и на прогулки; но это были такія личности, съ которыми видѣлся я только изрѣдка. Вообще я не искалъ за границею общества соотечественниковъ, даже избѣгалъ ихъ, дабы свободно располагать временемъ, не связывая себя свѣтскими обязанностями. Только разъ случилось видѣть мнѣ большую часть Русской колоніи въ Парижѣ въ церкви посольства, куда завлекъ меня А. С. Мельгуновъ въ вечерню страстной пятницы.

24 марта (5 апрѣля), въ первый день страстной недѣли, я былъ обрадованъ пріѣздомъ Теслева съ барономъ и баронессою Тизенгаузенъ. Съ этого времени мы уже почти не разлучались; всякій день, по составленному заранѣе росписанію, мы совершали вчетверомъ экскурсіи по городу и окрестностямъ; осматривали все, что представлялось замѣчательнаго; вмѣстѣ обѣдали, большею частію въ одномъ изъ дешевыхъ ресторановъ въ Palais royal, гдѣ за 2 франка имѣли порядочный обѣдъ изъ 5 блюдъ съ виномъ, фруктами и чашкою кофе. Какъ уже сказано, мы должны были всячески сокращать наши расходы. Только раза два позволилъ я себѣ, въ видѣ исключенія и болѣе изъ любопытства, отобѣдать съ А. С. Мельгуновымъ въ знаменитыхъ «Rocher de Cancal» и «Frères provenceaux». По вечерамъ посѣщали мы театры, о которыхъ впрочемъ рѣчь впереди.

Тогдашній Парижъ немного уступалъ во внѣшней красотѣ настоящему; можно даже сказать, что преимущество Парижа въ этомъ отношеніи сравнительно съ другими столицами было въ тѣ времена еще замѣтнѣе, чѣмъ теперь, потому что всѣ другіе большіе города Европы тогда еще и не помышляли о тѣхъ колоссальныхъ перестройкахъ, которыя впослѣдствіи преобразили и обновили ихъ въ подражаніе

[1]) Впослѣдствіи Глинка-Мавринъ, генералъ-адъютантъ, членъ Военнаго Совѣта.

Парижу. Даже Вѣна и Берлинъ были сравнительно небольшими городами по пространству и числу жителей. Въ Вѣнѣ только что начинали застраиваться такъ называемыя предмѣстія (Vorstadt). Ни одинъ городъ не могъ равняться съ Парижемъ въ оживленности; нигдѣ не видно было такого движенія, столько роскошныхъ экипажей на улицахъ и общественныхъ гуляніяхъ; нигдѣ не было такого разнообразія въ развлеченіяхъ всякаго рода. Всѣ нововведенія въ общественной и частной жизни, всѣ моды исходили изъ столицы Франціи.

Какъ ни велики были ожиданія, съ которыми я пріѣхалъ въ Парижъ, однакожъ все, что представилось въ дѣйствительности моимъ глазамъ, превзошло эти ожиданія. Съ первыхъ моихъ прогулокъ по городу на всякомъ шагу я восхищался благоустройствомъ его, великолѣпными зданіями, улицами и площадями, бульварами, скверами, общественными садами и парками. Благопріятствовала мнѣ большею частію прекрасная весенняя погода; деревья покрывались свѣжею листвою. Прогулки по Тюльерійскому саду, въ Булонскомъ лѣсу, въ Елисейскихъ поляхъ, въ Jardin des plantes, въ саду Люксембургскаго дворца—доставляли въ свободные часы дня истинное наслажденіе. Во всѣ шесть недѣль моего пребыванія въ Парижѣ случилось только нѣсколько дней дождливыхъ; но и въ такіе дни можно было съ удовольствіемъ гулять подъ колонадами Palais Royal, принимавшими при вечернемъ освѣщеніи оживленный видъ.

Только въ Парижѣ могло быть изобрѣтено выраженіе flaner; только тамъ можно проводить цѣлые дни на улицѣ и находить на каждомъ шагу развлеченія. Однакожъ, что касается до меня и до моихъ спутниковъ, то «фланировать» въ собственномъ смыслѣ слова намъ приходилось немного, развѣ только случайно, урывками; большая же часть дня у насъ проходила въ систематическомъ осмотрѣ намѣченныхъ въ нашей программѣ историческихъ и художественныхъ достопримѣчательностей: нѣсколько разъ ходили мы по галлереямъ Лувра, посѣтили Люксембургскій дворецъ, Palais Royal, Conservatoire des arts et metiers, Ecole des beaux arts, Hôtel de Cluny (богатую коллекцію старины); осматривали Домъ Инвалидовъ съ гробницею Наполеона I (которая въ то время еще не была установлена въ центрѣ церкви подъ куполомъ), фабрику Гобеленовъ, Гренельскій артезіанскій колодезь, кладбище Père Lachaise и проч.

Въ первые три дня страстной недѣли происходили знаменитые Promenades de Longchamps, замѣнившіе въ новѣйшія времена суще-

ствовавшій нѣкогда обычай предпринимать въ эти дни загородныя паломничества (pélérinages). На этихъ гуляніяхъ видѣли мы весь Парижскій «beau monde»; тутъ обыкновенно появляются щегольскіе экипажи и лошади, первыя весеннія моды. Страстная недѣля не прерываетъ театральныхъ и всякихъ другихъ представленій. Религіозное благочестіе Парижанъ въ эти дни ограничивается лишь тѣмъ, что по утрамъ можно найти въ церквахъ нѣсколько болѣе молящихся, чѣмъ обыкновенно, но и то преимущественно старухъ; а въ нѣкоторыя изъ церквей извѣстная публика собирается слушать какого нибудь проповѣдника, славящагося краснорѣчіемъ, по большей части крайне афектированнымъ, театральнымъ.

Въ Свѣтлое Воскресеніе 30 марта (11 апрѣля) мнѣ было какъ-то особенно грустно встрѣчать этотъ праздникъ вдали отъ родины и семьи; невольно мысли переносились назадъ, вспоминалась покойная мать, съ кончиною которой какъ бы распался нашъ семейный кружокъ, и мнѣ уже ни разу не приходилось встрѣчать Свѣтлое Воскресеніе въ родной семьѣ. Чтобы не оставаться все утро въ одиночествѣ, въ грустныхъ размышленіяхъ, я отправился вмѣстѣ со своими спутниками къ обѣднѣ въ протестантскую церковь, гдѣ выслушалъ длинную проповѣдь, отъ которой многія благочестивыя дамы прослезились.

Въ числѣ наиболѣе интересовавшихъ меня предметовъ были Палаты. При первомъ посѣщеніи Палаты депутатовъ (17/29 марта) слушалъ я съ напряженнымъ вниманіемъ пренія по законопроекту о литературной собственности, восхищался краснорѣчіемъ Ламартина, который былъ докладчикомъ комиссіи (rapporteur), и возражавшихъ ему Villemain, Gustave de Beaumont и другихъ. Во второй разъ 31 марта (12 апрѣля) случилось мнѣ присутствовать на преніяхъ той же Палаты по предмету дополнительныхъ на 1841-й годъ кредитовъ. Въ этотъ разъ главными бойцами на трибунѣ были: Гизо, Тьеръ, Берье, Келлерманъ (duc de Valmy, докладчикъ комиссіи). Оба эти засѣданія произвели на меня большое впечатлѣніе. У насъ ораторское искусство было тогда еще менѣе извѣстно, чѣмъ теперь; поэтому меня поразили рѣчи такихъ даровитыхъ ораторовъ, какъ названные мною выше, особенно же отвѣтныя рѣчи, произносимыя экспромтомъ. Однакожъ я находилъ у Французскихъ ораторовъ одинъ, довольно общій недостатокъ—многословіе, такъ сказать, размазанность. Менѣе всѣхъ заслуживалъ этого упрека Гизо, рѣчи котораго за то отличались докторальнымъ тономъ; онѣ были похожи на про-

фессорскія лекціи. Напротивъ того, у Ламартина рѣчи были до крайности цвѣтисты и изысканы. Нужны большой навыкъ и находчивость для веденія горячихъ преній въ Палатѣ, гдѣ рѣчь оратора безпрестанно перебивается возгласами изъ среды депутатовъ и нерѣдко обращается въ личную перебранку. Меня удивило во Французской Палатѣ отсутствіе внѣшнихъ формъ приличія и достоинства, такъ сказать безцеремонность, съ которою держатъ себя депутаты, часто вынуждавшіе Предсѣдателя унимать слишкомъ безпокойныхъ, какъ школьниковъ.

Упрека этого нельзя сдѣлать Палатѣ Перовъ, въ которой соблюдались совершенная чинность и спокойствіе; за то въ этой Палатѣ большинство составляли бѣловласые старцы, мало увлекавшіеся спорами и зачастую читавшіе по заготовленнымъ тетрадкамъ. Мнѣ удалось быть въ Палатѣ Перовъ 18/30 марта при обсужденіи предположенныхъ (и уже отчасти начатыхъ) укрѣпленій Парижа. Главное участіе въ преніяхъ принимали: Meunier, въ качествѣ докладчика (rapporteur de la commission), старый генералъ Fleury, легитимистъ маркизъ Dreux de Brezé и другіе. Эти пренія были для меня интересны болѣе по спеціальному значенію предмета, чѣмъ въ отношеніи ораторскаго искусства; но и здѣсь можно было пожалѣть о длинноте рѣчей. Одинъ только министръ внутреннихъ дѣлъ Duchatel бойко и толково отвѣтилъ экспромтомъ на заготовленныя рѣчи противниковъ проекта. Въ числѣ перовъ находился Герцогъ Орлеанскій.

Не менѣе были любопытны для меня засѣданія Французскихъ судебныхъ учрежденій. 21 апрѣля (3 мая) просидѣлъ я болѣе четырехъ часовъ въ Cours d'assises, гдѣ разбиралось нѣсколько неважныхъ дѣлъ, и вынесъ полное убѣжденіе въ превосходствѣ гласнаго и устнаго суда надъ нашимъ письменнымъ, закрытымъ судопроизводствомъ. Въ дневникѣ моемъ за этотъ день высказывалось мнѣніе, что при всѣхъ слабыхъ сторонахъ Французскаго судопроизводства съ адвокатами и присяжными (jury), эта форма наиболѣе ограждаетъ тяжущихся по гражданскимъ дѣламъ и подсудимыхъ при уголовныхъ какъ отъ намѣренной, такъ и отъ случайной несправедливости въ рѣшеніи дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ записано было, что если замѣчалась и во Французскихъ судахъ нѣкоторая медленность въ ходѣ дѣлъ, то она объяснялась не формою судопроизводства, а чрезмѣрнымъ обиліемъ дѣлъ, подлежащихъ разбору каждаго изъ судебныхъ учрежденій. Полицейскій судъ (police correctionnelle) не навлекалъ на

себя того же упрека; подлежащія его разбору дѣла рѣшались съ замѣчательною быстротою.

По военной части мнѣ удалось видѣть только ученія пѣхоты и присутствовать 22 апрѣля (4 мая) на Королевскомъ смотру новосформированныхъ десяти стрѣлковыхъ баталіоновъ (bataillons des chasseurs de Vincennes), которымъ при этомъ были даны знамена. Насколько я могъ заключить изъ этихъ немногихъ наблюденій, мнѣ показалось, что вообще во Французской пѣхотѣ не было той «выправки», которую привыкли мы видѣть въ нашей и Прусской арміяхъ; особенно новобранцы на первыхъ порахъ мѣшковаты и неуклюжи. Въ строю не требовалось педантическаго равненія и точности. Солдаты при офицерахъ держали себя непринужденно, даже слишкомъ развязно. Трудно судить въ какой мѣрѣ отсутствіе наружной дисциплины и стройности вознаграждалось свойственными французскому солдату смышленностію и одушевленіемъ. Новые стрѣлковые баталіоны (которые видѣлъ я и въ самомъ мѣстѣ расположенія ихъ, въ баракахъ между Венсеномъ и Ромянвилемъ) рѣзко отличались отъ линейной пѣхоты, и формою обмундированія, и выправкою, въ особенности же вооруженіемъ. У нихъ впервые появились винтовки или штуцера, то есть ружья à balles forcées. Вообще Франція первая обратила тогда вниманіе на усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія. Увидѣвъ Венсенскихъ стрѣлковъ, я подумалъ: какъ было-бы желательно заимствовать намъ у французовъ это нововведеніе, въ особенности для Кавказскихъ войскъ. Впрочемъ полк. Глинка уже не разъ обращалъ вниманіе нашего Военнаго Министерства на производимыя во Франціи усовершенствованія въ оружіи и стрѣльбѣ.

Изъ всѣхъ армій Европейскихъ Французская имѣла въ то время, если не самую красивую, то самую удобную обмундировку; особенно щеголевата была форма артиллерійская, также конной національной гвардіи. Венсенскіе же стрѣлки получили обмундировку совершенно новаго покроя: это былъ первый примѣръ замѣны въ регулярныхъ войскахъ куцыхъ мундировъ длиннополыми на подобіе нашихъ казакиновъ. Удобство и благообразіе этой формы бросались въ глаза сравнительно съ короткими мундирами и красными шароварами Французской линейной пѣхоты. У Французовъ всегда была, какъ говорится, военная жилка; каждый «bourgeois» кичится своимъ мундиромъ національнаго гвардейца. Меня часто забавляло видѣть на улицѣ, съ какимъ самодовольствомъ какой нибудь щеголеватый Garde national à cheval брянчалъ своими шпорами и волочилъ со

стукомъ свою саблю по тротуару; съ какою важностію пузатый лавочникъ, облекшись въ свою военную форму и ставъ на часы, принималъ воинственную осанку.

Перейду теперь къ удовольствіямъ и развлеченіямъ Парижа.

Я уже сказалъ, что довольно часто посѣщалъ театры. Тогда въ Парижѣ была лучшая въ Европѣ Итальянская оперная труппа, дававшая представленія въ театрѣ Odéon; въ прежнемъ же большомъ театрѣ Итальянской оперы, только что перестроенномъ послѣ пожара, давались представленія Opéra comique. Въ Итальянской труппѣ блистали такія знаменитости какъ: Рубини, Лаблашъ, Тамбурини, M-me Grisi и другія. Мнѣ случилось слышать ихъ въ Отелло и Нормѣ. Къ сожалѣнію эта блестящая труппа оставалась въ Парижѣ только до 1-го апрѣля, а потомъ перешла въ Лондонъ. Впрочемъ не меньшее наслажденіе доставляла и Французская «Большая» опера въ театрѣ «Académie de musique»: представленія эти отличались великолѣпіемъ постановки и многочисленностію труппы, въ которой выдавались въ особенности M-r Deprez и M me Dorus-Gras. Я слышалъ ихъ въ Вильгельмъ-Телѣ, Робертѣ, Донъ-Жуанѣ, Жидовкѣ. Въ Opéra comique, гдѣ отличалась M-elle Damoreau-Cinti, слышалъ я «Les deux Reines», «Prés aux clercs», «Le domino noir».

Затѣмъ въ Théatre français любовался я мастерскою игрою M-elle Rachel въ классическихъ трагедіяхъ: «Cinna», «Andromaque», «Marie Stuart». Въ томъ же «Théatre français» давались и представленія la haute comedie. Мнѣ случилось быть на одномъ изъ послѣднихъ выходовъ на сцену знаменитой M-elle Mars, которая, не смотря на свои 65 лѣтъ, играла еще роль кокетки въ извѣстной комедіи Казимира Делавиньи: «L'Ecole des vieillards». Въ Théatre du Palais Royal давались легкія пьесы и фарсы; здѣсь отличалась M-elle Dejazet. Въ этомъ театрѣ мнѣ случилось быть на представленіи пьесы: «La maitresse de langues», взятой изъ Русскаго быта; это была какъ обыкновенно каррикатура на Русскіе нравы, возбудившая во мнѣ не столько досаду на невѣжество Французскихъ писателей и недоброжелательство ихъ къ Россіи, сколько горькое сознаніе въ томъ, что дѣйствительное состояніе Россіи и наша отсталость отъ Европы подаютъ поводъ къ такимъ невыгоднымъ для насъ изображеніямъ Русской жизни.

Остается еще упомянуть о театрѣ «Gymnase dramatique», гдѣ видѣлъ я Bouffé въ двухъ пьесахъ: «Le gamin de Paris» (производившій фуроръ въ Петербургѣ) и «Le père Turlututu»; еще о «Théatre du vaudeville», гдѣ славился комикъ Arnal. Наконецъ полюбопытство-

валъ я зайти въ «Cirque Olympique», гдѣ давались пантомимныя и акробатическія представленія, мало интересныя.

Кромѣ театровъ Парижъ доставляетъ путешественнику и другія разнообразныя развлеченія. Я уже говорилъ о большихъ гуляніяхъ на Longchamps; о Jardin des plantes, гдѣ можно съ удовольствіемъ провести цѣлое утро; о многихъ другихъ публичныхъ садахъ. Какъ добросовѣстные туристы мы съ Теслевымъ полюбопытствовали заглянуть и въ нѣкоторыя увеселительныя заведенія для низшаго слоя Парижскаго населенія какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстіяхъ: Belleville и Romainville, гдѣ по воскресеніямъ собирается масса горожанъ и до упада танцуетъ въ рощѣ подъ открытымъ небомъ. Какая разница между этими сборищами во Франціи и Германіи. Тяжелый, неуклюжій Нѣмецъ не умѣетъ веселиться съ такимъ увлеченіемъ, какъ Французъ.

Не ограничиваясь прогулками въ ближайшихъ окрестностяхъ Парижа, ѣздили мы и въ другія загородныя мѣста: въ St. Denis, Neuilly, St. Germain, St. Cloud, Sevres, Версаль. Въ St. Denis не уцѣлѣло ничего отъ старины; все до корней истреблено революціей и то, что теперь намъ показывали, ничто иное, какъ новѣйшее воспроизведеніе историческихъ воспоминаній монархической Франціи. Въ Нёльи не могли мы видѣть Королевскаго загороднаго дворца, въ которомъ Королевское семейство имѣло въ то время пребываніе. Прочія названныя мѣста посѣщаются только ради красиваго мѣстоположенія на берегахъ Сены. Въ Версали мы были два раза; тогда вели туда уже двѣ желѣзныя дороги по обѣимъ сторонамъ рѣки (rive gauche и rive droite). Въ первую поѣздку (12/24 апрѣля) мы не могли видѣть Версальскаго парка во всемъ его праздничномъ убранствѣ и занялись преимущественно внутреннимъ осмотромъ дворца, обращеннаго въ обширный музей картинъ, портретовъ и ваяній, увѣковѣчивающихъ достопамятныя событія и дѣятелей Французской исторіи. Здѣсь видѣли мы много новѣйшихъ въ этомъ родѣ произведеній Вернэ (Horace Vernet), Штейбена, Шефера и другихъ современныхъ художниковъ. Въ другой разъ посѣтили мы Версаль 27 апрѣля (9 мая) въ день большого народнаго гулянія, когда пущены были всѣ большіе фонтаны (les grandes eaux). По этому случаю на обѣихъ желѣзныхъ дорогахъ отправлялись чрезъ каждые полчаса биткомъ набитые поѣзда, такъ что трудно было доставать мѣста. Въ паркѣ Версальскомъ набралась густая масса народа, среди которой каталась въ открытыхъ экипажахъ Королевская фамилія, за исключе-

нiемъ самого Короля Луи Филиппа, который избѣгалъ показываться въ толпѣ. Версальское гуляніе и великолѣпные фонтаны не произвели на насъ особеннаго впечатлѣнія послѣ нашего Петергофа, которому Версаль послужилъ въ свое время образцомъ.

19-го апрѣля (1 мая) праздновался въ Парижѣ день имянинъ Короля Луи Филиппа. Устроено было на Елисейскихъ поляхъ народное гуляніе, съ балаганными представленіями, качелями и другими забавами, точь-въ-точь какъ бываетъ у насъ на масляницѣ или Рождествѣ. Громадныя толпы народа тѣснились цѣлый день и до поздней ночи въ Тюльерійскомъ саду, на бульварахъ; а вечеромъ городъ былъ иллюминованъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ пущенъ фейерверкъ. Мы бродили въ толпѣ для наблюденія настроенія народа; день прошелъ спокойно и благополучно къ полному удовольствію властей. На другой день 20 апрѣля (2 мая) такія же народныя увеселенія повторились по случаю крестинъ Графа Парижскаго. Съ утра толпы народа устремились къ Notre Dame, гдѣ происходилъ обрядъ въ присутствіи Королевской фамиліи, придворныхъ лицъ и властей; позже, и въ особенности вечеромъ, Тюльерійскій садъ, прилежащія къ нему улицы, площади и набережныя опять наполнились толпами народа, такъ что трудно было пробраться въ садъ. Не смотря на принятыя полиціею усиленныя мѣры наблюденія, Король и въ этотъ день не рѣшился ѣхать открыто по тѣмъ улицамъ, по которымъ народъ ожидалъ проѣзда его въ соборную церковь, а проѣхалъ туда окольными путями, что вызвало въ толпѣ ропотъ, насмѣшки, неприличные крики и арестованіе нѣсколькихъ крикуновъ. Только вечеромъ Король вышелъ на одну минуту на балконъ Тюльерійскаго дворца и показался толпѣ, тѣснившейся за рѣшеткою, отдѣляющею дворецъ отъ сада; раздалось нѣсколько голосовъ: vive le roi; но большинство даже не приподняло шляпъ, а вслѣдъ за тѣмъ, по настойчивому требованію толпы, оркестръ музыки, игравшій на эстрадѣ, долженъ былъ два раза исполнить марсельезу. Шаткое положеніе власти во Франціи заставляло правительство (министерство Гизо) принимать самыя энергичныя полицейскія мѣры: войска вступали въ караулъ съ заряженными ружьями; на каждомъ шагу разставлены часовые; по улицамъ то и дѣло сновали патрули; съ утра до ночи слышенъ барабанъ.

Назначенный нами срокъ пребыванія въ Парижѣ истекалъ. Предположивъ выѣхать оттуда въ Калэ и далѣе чрезъ каналъ въ Англію, я долженъ былъ 24 апрѣля (6 мая) лично явиться въ Полицейскую

Префектуру, чтобы предъявить выданный мнѣ билетъ на житье въ Парижѣ и замѣнить его новымъ видомъ, по которому я могъ получить обратно свой Русскій паспортъ только въ Калэ при выѣздѣ изъ предѣловъ Франціи. Какъ ни стѣснительны были такія паспортныя формальности, однакоже я долженъ заявить, что въ Префектурѣ не пришлось мнѣ ни дожидаться долго, ни подвергаться тѣмъ мытарствамъ и прижимкамъ, которыя были такъ обычны въ нашихъ Русскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Я получилъ желаемое безъ малѣйшаго промедленія.

28 апрѣля (10 мая) въ 4 часа дня выѣхалъ я изъ Парижа въ дилижансѣ (Messageric Royal) вмѣстѣ съ Теслевымъ и Тизенгаузенами. Ровно чрезъ сутки 29 апрѣля (11 мая) были мы въ Калэ, гдѣ должны были переночевать въ ожиданіи часа прилива морского и отхода парохода въ Дувръ. Къ сожалѣнію намъ пришлось разстаться на время съ барономъ и баронессою Тизенгаузенъ, которые потеряли въ дорогѣ свой видъ и должны были, для полученія новаго изъ Парижа, прождать въ Калэ цѣлыя сутки,

Во второмъ часу ночи насъ разбудили и полусонныхъ повели на пароходную пристань, гдѣ, предъ самою посадкою на пароходъ, каждый изъ отъѣзжавшихъ получалъ лично свой паспортъ отъ полицейскаго комиссара. Еще до свѣта снялись мы съ якоря. Море было спокойно; но густой утренній туманъ охватилъ насъ холодомъ и сыростью. Переправа продолжалась около трехъ часовъ, и когда разсвѣло мы увидѣли предъ собою бѣлую полосу берега Альбіона. Къ 7 часамъ утра 30 апрѣля (12 мая) пароходъ нашъ причалилъ къ набережной Дувра.

АНГЛІЯ.

Немедленно по прибытіи въ Дувръ пассажиры парохода сошли на берегъ безъ всякихъ полицейскихъ формальностей; никто и не спросилъ нашихъ паспортовъ; но багажъ нашъ отвезенъ былъ въ таможню и осмотрѣнъ очень быстро. Послѣ сытнаго завтрака (lunch) въ гостинницѣ мы выѣхали изъ Дувра около $8^1/_2$ часовъ утра въ почтовой каретѣ (Mail-coach), и къ 4 часамъ по полудни были уже въ Лондонѣ, проѣхавъ такимъ образомъ около 110 верстъ въ $7^1/_2$ часовъ (то есть по $14^3/_4$ верстъ въ часъ), съ уплатою за переднее мѣсто на имперіалѣ по 20 шиллинговъ, т. е. около 6 руб. на серебро.

Этотъ переѣздъ изъ Дувра въ Лондонъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе, которое могу сравнить развѣ только съ испытаннымъ мною въ первый день по высадкѣ на берегъ Германіи, или позже при спускѣ съ Альповъ въ Италію. Также, какъ тогда, я былъ пораженъ рѣзкимъ во всемъ различіемъ между двумя сосѣдними странами, разобщенными только трехчасовымъ плаваніемъ. Все, что увидѣлъ я сразу въ этотъ первый день вступленія моего на Британскую почву, носило на себѣ совершенно особый, исключительный характеръ; все было для меня ново и занимательно, начиная съ почтовой кареты, въ которой мы ѣхали. Для насъ Русскихъ, привыкшихъ видѣть въ нашемъ «мочальномъ царствѣ» повсюду грязь, лохмотья, неряшество, казалось совершенно необыкновеннымъ щегольское устройство Королевской почты: прекрасная карета, запряженная четвернею отличныхъ, одинаковой масти лошадей, цугомъ, съ блестящею сбруею, съ кучеромъ, одѣтымъ въ чистый фракъ съ цилиндромъ на головѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ почтальономъ въ красной форменной одеждѣ, перевозила ежедневно почту и до 12 пассажировъ. На каждыхъ семи верстахъ лошади замѣнялись свѣжими; перепряжка исполнялась почти мгновенно, такъ что кучеръ не сходилъ съ козелъ. Только разъ на всемъ пути мы имѣли остановку на нѣсколько минутъ для завтрака, заранѣе приготовлен-

наго. Все время ѣхали мы по превосходному шоссе, какъ бы среди прекраснаго парка: ни одного клочка земли пустопорожняго или запущеннаго; вездѣ отлично обработанныя поля или ярко-зеленые луга, расчищенныя рощи. Первое понятіе объ особомъ характерѣ городовъ въ Англіи получилъ я проѣзжая чрезъ Кентербёри, въ которомъ сохранилось много старинныхъ готическихъ зданій и великолѣпный соборъ въ Норманскомъ стилѣ. Не смотря на угрюмый видъ большей части построекъ въ Англіи, изъ темнаго кирпича, закопченыхъ каменноугольнымъ дымомъ, не смотря на пустоту въ улицахъ, на серьезныя, сосредоточенныя физіономіи обывателей, все носитъ на себѣ отпечатокъ довольства, благоустройства и высокой культуры.

По мѣрѣ приближенія къ Лондону, все болѣе замѣчались густота населенія, торговое и промышленное движеніе. Города, чрезъ которые мы проѣзжали: Чатамъ, Рочестеръ и Гревезендъ при устьѣ Темзы, Дартфордъ, Вуличъ, Гринвичъ, Дептфордъ—вдоль праваго берега той же рѣки, почти сливались одинъ съ другимъ, составляя какъ бы одно громадное предмѣстье Лондона. Вездѣ кипѣла необычайная дѣятельность; вездѣ дымились высокія трубы фабрикъ. Цѣлый лѣсъ мачтъ на Темзѣ обозначалъ главный торговый путь къ столицѣ Великобританіи. Такимъ образомъ мы въѣхали въ самый Лондонъ почти незамѣтно.

Дороговизна жизни въ Англіи побудила насъ крайне сократить продолжительность пребыванія нашего въ Лондонѣ и отказаться отъ всякихъ поѣздокъ во внутрь страны. Мы рѣшили оставаться тамъ только девять дней, что конечно было слишкомъ мало даже для самаго поверхностнаго ознакомленія съ такимъ громаднымъ и своеобразнымъ городомъ; но что дѣлать, необходимо было соразмѣрить свои желанія съ имѣвшимися средствами. Въ тѣхъ же видахъ остановились мы въ рекомендованной намъ недорогой гостинницѣ (George and Vulture) среди City въ улицѣ Cornhill street. Гостинница эта, какъ оказалось, посѣщалась преимущественно торговымъ людомъ и особенно иностранными пріѣзжими купцами. Не смотря на то, въ ней не нашлось ни одного человѣка, который понималъ бы другіе языки, кромѣ Англійскаго; а мы съ Теслевымъ не говорили на этомъ языкѣ, что ставило насъ часто въ положеніе крайне затруднительное, особенно въ первый день, до пріѣзда баронессы Тизенгаузенъ, которая одна изъ насъ четверыхъ говорила по англійски. Однакожъ и во все время пребыванія нашего въ Лондонѣ мы не могли обходиться безъ наемнаго провожатаго (лон-лакея), который получалъ

по 6 шилинговъ въ день. Вообще въ Англіи путешествующій иностранецъ не находитъ такой предупредительной услужливости, какъ на континентѣ. Выбранное же нами пристанище въ самомъ центрѣ Лондона оказалось не только не комфортабельнымъ, но и неудобнымъ для насъ во многихъ отношеніяхъ. Отсюда намъ приходилось почти ежедневно тратить много времени на переѣзды въ омнибусахъ по безконечнымъ улицамъ. Разстоянія въ Лондонѣ такъ велики, что переѣздъ съ одного края города до другого требуетъ до двухъ-трехъ часовъ.

Дорожа короткимъ временемъ предположеннаго пребыванія въ Лондонѣ, мы должны были цѣлые дни бродить по городу, не теряя ни минуты для отдыха. Вышедши утромъ изъ гостинницы мы уже не возвращались домой до самой ночи; обѣдали тамъ, гдѣ приходилось попутно, въ какой нибудь тавернѣ; однакожъ позволили себѣ раза два посѣтить Верри (Verrey) —знаменитый ресторанъ на Regent-street. Только благодаря нашей неутомимой подвижности и любознательности, успѣли мы ознакомиться съ внѣшнимъ видомъ обширнаго города, осмотрѣть главныя его достопримѣчательности и побывать въ лучшихъ мѣстахъ его окрестностей. Чтобы видѣть что нибудь въ Англіи нужно имѣть, кромѣ шилинговъ въ карманѣ, еще рекомендательныя письма или входные билеты. Въ этомъ отношеніи помогли намъ генеральный консулъ нашъ Бенкгаузенъ и секретарь посольства Бергъ, съ которыми мы познакомились въ первый же день по пріѣздѣ въ Лондонъ. Они снабдили насъ письмами къ директорамъ разныхъ учрежденій болѣе или менѣе для насъ интересныхъ.

При обзорѣ общей физіономіи Лондона прежде всего бросаются въ глаза рѣзкія противоположности между разными частями города: серьезный, даже сумрачный видъ дѣловой и торговой центральной части—City, и рядомъ—великолѣпіе, роскошь, многолюдство, оживленіе фешенебельной части—Вестъ-Энда; съ другой же стороны—ужасающая нищета Ирландскаго квартала, мертвая тишина пустынныхъ широкихъ улицъ отдаленныхъ сѣверныхъ кварталовъ, и кипучая дѣятельность фабрикъ и заводовъ на восточныхъ окраинахъ, въ докахъ по берегамъ Темзы; почти постоянный туманъ и мгла, пропитанный каменноугольнымъ дымомъ воздухъ, темный цвѣтъ закопченныхъ домовъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ яркая зелень въ прекрасныхъ паркахъ и скверахъ.

Какъ страстный любитель архитектуры я смотрѣлъ съ удовольствіемъ на множество величественныхъ зданій новой постройки, пре-

имущественно въ Вестъ-Эндѣ; вообще онѣ отличаются солидностію и грандіозностію. Но болѣе восхищался я нѣкоторыми остатками старинныхъ готическихъ построекъ. Въ особенности произвела на меня впечатлѣніе внутренность Вестминстерскаго Аббатства. Зданіе же дворца Вестминстерскаго въ то время еще только перестраивалось послѣ бывшаго пожара. Соборъ Св. Павла не производитъ особеннаго эффекта послѣ Римской базилики Св. Петра: роскошная внутренняя отдѣлка послѣдней составляетъ рѣзкую противоположность съ бѣлыми, голыми стѣнами Св. Павла.

Лондонъ богатъ замѣчательными хранилищами произведеній искусствъ и промышленности. Мы успѣли осмотрѣть главнѣйшія изъ нихъ: National-Gallery, Adelaide-Gallery, British-Museum, Politechnical-Institution. Изъ всѣхъ этихъ учрежденій наиболѣе заинтересовало меня послѣднее: въ немъ ежедневно масса посѣтителей знакомится наглядно со всѣми отраслями современной техники и слушаетъ съ живою любознательностію читаемыя въ особыхъ залахъ популярныя лекціи о разныхъ предметахъ положительныхъ знаній. Признаюсь, я смотрѣлъ съ завистью на такое полезное учрежденіе и мечталъ о томъ, какъ было бы благотворно нѣчто подобное у насъ, при низкомъ уровнѣ техническаго образованія въ промышленномъ и торговомъ классахъ.

Въ числѣ видѣнныхъ мною въ Лондонѣ любопытнѣйшихъ предметовъ назову Лондонскую «башню» (Tower) — мрачный и суровый памятникъ средневѣковой исторіи Великобританіи, и тунель подъ Темзою—современный образчикъ смѣлой предпріимчивости Европейскаго человѣка. Въ то время не была еще окончена работа спусковъ въ тунель на обоихъ берегахъ рѣки, а потому можно было спускаться только пѣшкомъ. Упомяну еще въ числѣ замѣчательностей Лондона объ Англійскомъ Банкѣ и Ньюгетской тюрьмѣ, въ которыхъ можно полюбоваться образцовымъ благоустройствомъ и порядкомъ. Примѣромъ же колоссальныхъ размѣровъ промышленныхъ заведеній въ Англіи послужилъ намъ осмотрѣнный подробно пивоваренный заводъ Барклая и Перкенса.

Чрезвычайно любопытствовалъ я увидѣть Англійскій Парламентъ. Тогда обѣ Палаты имѣли временныя помѣщенія въ уцѣлѣвшей отъ пожара части Вестминстерскаго зданія. Меня удивила крайняя простота и даже бѣдность этихъ помѣщеній. Въ особенности зала Нижней Палаты была похожа на временный баракъ. Послѣ грандіозной обстановки Французскихъ Палатъ и оживленныхъ засѣданій

ихъ, Англійскія показались мнѣ чрезвычайно скромными и вялыми. Правда, что и самые предметы тѣхъ преній, при которыхъ случилось мнѣ присутствовать, не представляли ничего замѣчательнаго. Притомъ въ Англійскихъ Палатахъ не бываетъ многочисленной публики, которая, по ограниченности мѣста на хорахъ, допускается только въ извѣстномъ числѣ по билетамъ. Небрежная одежда членовъ Парламента, сидѣвшихъ большею частію въ шляпахъ на головѣ и въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, придавала засѣданію видъ какъ бы домашняго совѣщанія и составляла странную противоположность напудреннымъ парикамъ и средневѣковому покрою мантій, въ которыя облечены были предсѣдатель и секретари. Члены безпрестанно входили и выходили; много мѣстъ оставалось не занятыми. Иные члены пріѣзжаютъ въ Парламентъ верхомъ въ соотвѣтствующемъ одѣяніи. Въ томъ числѣ случилось мнѣ видѣть у подъѣзда Парламента знаменитаго Герцога Велингтона, который показался мнѣ еще весьма бодрымъ для своихъ лѣтъ (ему было около 73 лѣтъ).

Послѣ засѣданій Палатъ осматривалъ я громадную залу Westminster-hall и заходилъ въ сосѣднія съ нею помѣщенія, гдѣ происходили засѣданія суда. Судьи важно сидѣли въ напудренныхъ парикахъ и мантіяхъ; разбирательство дѣлъ происходило спокойно, чинно; но внѣшняя обстановка и здѣсь была весьма простая и незатѣйливая.

О Лондонскомъ обществѣ конечно я не могъ сдѣлать никакихъ наблюденій. Въ качествѣ туриста, мнѣ случилось видѣть тамошній high-life въ Hyde-Park, гдѣ ежедневно между 4 и 7 часами дня собиралась масса избранной публики. Глаза разбѣгались отъ множества роскошныхъ экипажей, кровныхъ верховыхъ лошадей, щегольскихъ нарядовъ дамъ. Видѣлъ также высшую публику и въ Королевскомъ театрѣ, гдѣ въ то время давались представленія той же Итальянской оперной труппы, которую предъ тѣмъ слышалъ я въ Парижѣ. Навыворотъ общепринятаго на континентѣ обычая въ Лондонскомъ театрѣ мѣста въ партерѣ по своей высокой цѣнѣ (по 3 гинеи за кресло) доступны только для людей весьма состоятельныхъ; для посѣтителей партера обязателенъ нарядъ, принятый на вечерахъ и балахъ: мужчины являются во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, женщины въ открытыхъ платьяхъ, осыпанныя брильянтами. Мы скромные туристы достали себѣ мѣста въ ложѣ и съ удовольствіемъ прослушали оперу Доницетти «Straniera». Это былъ единственный вечеръ, посвященный нами театру.

Кромѣ того имѣли мы два случая видѣть высшую аристократію и Королевскій Дворъ въ торжественной обстановкѣ: въ первый день осмотра города 1/13 мая попали мы въ соборъ Св. Павла на торжественную службу съ превосходною музыкою въ пользу бѣдныхъ вдовъ и сиротъ; при этомъ присутствовали въ парадныхъ мундирахъ высшіе сановники и въ числѣ ихъ Принцъ Альбертъ супругъ Королевы, которая не пріѣхала по нездоровью. Въ другой разъ 9/21 мая въ послѣдній день пребыванія нашего въ Лондонѣ происходило празднованіе имянинъ Королевы Викторіи: мы заняли мѣста въ толпѣ народа, тѣснившагося съ утра на улицахъ, по которымъ слѣдовалъ парадный поѣздъ Королевы изъ Букингэмскаго дворца въ С. Джемскій, гдѣ она принимала поздравленія. Здѣсь снова поражали насъ роскошь и щегольство экипажей и лошадей. Въ головѣ и хвостѣ кортежа слѣдовало по взводу великолѣпной конной гвардіи Королевской (Horse-guards). Сколько могъ я замѣтить толпа держала себя холодно и равнодушно. Вечеромъ была иллюминація; лучшія части города были залиты огнями.

Въ воскресные дни какъ извѣстно Лондонъ какъ будто замираетъ; улицы пусты; лавки, магазины, общественныя учрежденія заперты; всякая дѣятельность прерывается. Поэтому мы избрали одинъ изъ воскресныхъ дней 4/16 мая для загородной поѣздки въ Ричмондъ. Доѣхавъ туда въ омнибусѣ, далѣе поднялись по Темзѣ на лодкѣ до Hempton-court, гдѣ среди прекраснаго парка находится дворецъ въ готическомъ стилѣ. Загородная эта прогулка послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ осмотрѣ разныхъ музеевъ и галлерей, въ бѣганіи по городскимъ улицамъ между закопченныхъ стѣнъ, была для насъ пріятнымъ отдыхомъ среди зелени на чистомъ воздухѣ. Въ этомъ отношеніи окрестности Лондона прелестны. Понятно, что въ воскресные дни туда спасается большая часть горожанъ отъ городской пустоты и скуки. Ежеминутно отходятъ по разнымъ направленіямъ омнибусы и поѣзда желѣзныхъ дорогъ, набитые биткомъ пассажирами. Тѣ благочестивые Лондонцы, которые въ этотъ день не смѣютъ показаться на городскихъ улицахъ проводятъ время очень весело въ загородныхъ кофейныхъ домахъ и тавернахъ.

Другую не менѣе пріятную поѣздку предприняли мы 5/17 мая въ Виндзоръ по желѣзной дорогѣ, ведущей въ Бристоль (Grelat Westrailway). Съ любопытствомъ осматривали мы замѣчательный Виндзорскій замокъ и готическія строенія извѣстной коллегіи въ

Итонѣ (Eton); гуляли по живописному парку, и къ обѣду вернулись въ Лондонъ по той же желѣзной дорогѣ.

Въ противоположную восточную сторону отъ Лондона также ѣздили мы два раза: 3/15 мая въ Гринвичъ по желѣзной дорогѣ, устроенной на аркахъ поверхъ городскихъ кварталовъ Сутварка (Southwark). Въ Гринвичѣ осматривали мы астрономическую обсерваторію и громадный домъ Инвалидовъ. 7/19 же числа ѣздили въ Вуличъ на пароходѣ по Темзѣ, и тутъ имѣли случай видѣть кипучую торговую дѣятельность Лондонскаго порта. Темза можетъ быть сравниваема съ самою многолюдною и оживленною городскою улицею. Получивъ разрѣшеніе отъ Военнаго Министра, мы осматривали въ Вуличѣ знаменитыя техническія учрежденія военнаго и морского вѣдомствъ; показывали намъ далеко не все, что было желательно видѣть; но и то, что показывали, поражало громадностію размѣровъ. Изъ Вулича обратно проѣхали на пароходѣ до станціи желѣзной дороги Blackwall-railway, по которой и продолжали путь до Лондона. На этой дорогѣ поѣзда двигаются безъ паровоза, а посредствомъ цѣпи, приводимой въ движеніе неподвижными паровыми машинами, установленными на обѣихъ конечныхъ станціяхъ. Рельсы этой дороги (также какъ и на упомянутой уже Гринвичской) проложены на аркахъ поверхъ цѣлыхъ кварталовъ города.

9/21 мая послѣ послѣдняго утомительнаго дня странствованій по Лондону выѣхали мы вечеромъ опять въ почтовой каретѣ (Mail coach) обратно въ Дувръ. Теслевъ и я взяли по прежнему два переднія мѣста на имперьялѣ; а баронъ и баронесса Тизенгаузенъ сѣли внутрь кареты. Всю ночь ѣхали мы, едва удерживаясь отъ одолѣвавшаго насъ сна. Въ 7 часовъ утра 10/22 мая прибыли въ Дувръ и часа чрезъ два отплыли на пароходѣ въ Калэ. При выѣздѣ нашемъ изъ Англіи никто не полюбопытствовалъ спросить у насъ паспорты, ни осматривать наши пожитки.

Признаться я покинулъ берега Альбіона не только безъ сожалѣнія, но даже почти съ удовольствіемъ: десятидневное пребываніе въ этой своеобразной странѣ было уже слишкомъ тяжело, утомительно и къ тому же накладно для тощаго кармана. Тѣмъ не менѣе я былъ радъ, что заглянулъ, хотя и на короткое время, въ этотъ совершенно особый уголокъ міра. Англія во всемъ отличается отъ другихъ странъ континентальной Европы. Прежде всего она поражаетъ путешественника колоссальностію во всемъ: и въ постройкахъ, большею частію массивныхъ и тяжелыхъ, и въ техническихъ соору-

женіяхъ, и въ промышленныхъ или торговыхъ предпріятіяхъ, и въ накопленныхъ капиталахъ, и въ роскоши состоятельныхъ классовъ. Куда ни обернешься, вездѣ кипитъ жизнь, напряженная дѣятельность; работаютъ безчисленные фабрики и заводы. Для предпріимчивости Джонъ-буля не существуетъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи Англія произвела на меня такое впечатлѣніе, что въ одномъ письмѣ своемъ къ И. Ѳ. Веймарну 30 мая (11 іюня) я выразился, что при тогдашнемъ положеніи Европы угрозою для политическаго ея равновѣсія можетъ быть одна Англія.

Другая отличительная черта этой страны есть высокая степень общественнаго благоустройства и благосостоянія. Это въ полномъ смыслѣ слова передовая страна Европейской культуры. Государственный механизмъ регулированъ съ замѣчательною исправностію; порядокъ и спокойствіе охраняются превосходною полиціею; частная жизнь обставлена всѣми удобствами. Самое выраженіе comfort есть произведеніе чисто Англійское.

Многому, очень многому приходится намъ Русскимъ позавидовать въ Англіи; но едва ли въ чемъ либо могли бы мы подражать Англичанамъ, или что либо заимствовать отъ нихъ. Характеръ Англійскаго народа, практичнаго, энергичнаго, разсчетливаго составляетъ слишкомъ рѣзкую противоположность нашей Русской и вообще Славянской натурѣ. Существующее въ Великобританіи поразительное сопоставленіе колоссальныхъ богатствъ рядомъ съ крайнею нищетою, надменной, эгоистичной аристократіи, родовой и финансовой съ бѣдствующимъ, униженнымъ пролетаріатомъ—претитъ Русскому чувству. Вотъ почему Лондонъ не привлекаетъ насъ какъ Парижъ, Римъ, Неаполь; вотъ почему мы относимся сочувственнѣе къ Французу, Итальянцу, чѣмъ къ Британцу или Тевтону.

БЕЛЬГІЯ и ГОЛЛАНДІЯ.

Довольные возвращеніемъ на континентъ, мы перенесли терпѣливо Французскія стѣснительныя формальности полицейскія и таможенныя, и немедленно выѣхали изъ Калэ по прежнему вчетверомъ въ наемной каретѣ, взятой до Остенде. Мы торопились переѣхать Французскую границу засвѣтло, потому что выѣздъ изъ Франціи былъ сопряженъ съ такими же стѣсненіями и формальностями, какъ и пріѣздъ. Напротивъ того на Бельгійской таможнѣ насъ пропустили безъ всякой проволочки и мы доѣхали въ тотъ день до мѣстечка Фернэ (Veurne), гдѣ остановились на ночлегъ. На другой день 11/23 мая, вставъ рано утромъ и проѣхавъ чрезъ Бельгійскую крѣпость Ньюпортъ, мы были уже къ 10 часамъ утра въ Остенде. День былъ воскресный; богомольные Фламандцы выходили изъ церквей въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ. Населеніе здѣсь болѣе подходитъ къ Голландскому, чѣмъ къ Французскому. Въ ожиданіи часа отхода поѣзда желѣзной дороги въ Брюссель мы осмотрѣли городокъ, морскія его купанія, и выѣхавъ въ 3 часа по полудни, прибыли къ $7^1/_2$ часамъ вечера въ столицу юнаго Королевства Бельгійскаго.

Для осмотра Брюсселя достаточно было одного дня: городъ не обширенъ и мало заключалъ въ себѣ замѣчательнаго. Въ старомъ городѣ мы осмотрѣли соборную церковь Св. Михаила и Св. Гудулы и ратушу—прекрасные образцы готической архитектуры. Новый же городъ въ верхней части еще только что отстраивался. Здѣсь на каждомъ шагу замѣтно было подражаніе Парижу. Но если нѣкоторыя Брюсселькія улицы и могли напоминать Парижскія, то развѣ только въ миніатюрѣ. Весь Брюссель могъ быть приравненъ лишь къ второстепеннымъ городамъ Франціи. Музей Брюссельскій «Palais des arts et de l'industrie» не заключалъ въ себѣ ничего выдающагося. Полюбопытствовали мы зайти въ такъ называемый «Palais de la nation», то есть въ зданіе Палатъ, и нашли, что помѣщеніе Нижней Палаты было

совершенно сколкомъ съ Парижской Палаты депутатовъ; верхняя же Палата по своему расположенію болѣе напоминала Англійскую Палату Лордовъ. Закончивъ въ тотъ же день (12/24 мая) осмотръ города, мы отправились въ слѣдующій день въ наемной коляскѣ на поле Ватерлооскаго сраженія; внимательно осмотрѣли его на всемъ протяженіи, и для лучшаго обзора всей мѣстности влѣзали на высокій холмъ, на вершинѣ котораго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раненъ былъ Принцъ Оранскій, воздвигнутъ Голландскій памятникъ въ видѣ бронзоваго льва.

14/26 мая отправились мы изъ Брюсселя по желѣзной дорогѣ въ Антверпенъ, который еще не былъ тогда главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Бельгіи. Мы ограничились осмотромъ музея и нѣкоторыхъ старинныхъ готическихъ зданій: собора и ратуши, и къ вечеру прибыли по желѣзной же дорогѣ въ Люттихъ, знаменитый своими оружейными заводами. Остановились мы случайно въ той же гостинницѣ, гдѣ проживалъ Русскій артиллерійскій полковникъ Игнатьевъ, [1]) командированный нашимъ правительствомъ по случаю заказа въ Люттихѣ штуцеровъ по Французскому образцу для вооруженія вновь сформированныхъ у насъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Конечно мы познакомились съ нашимъ соотечественникомъ, и благодаря ему осмотрѣли какъ новый казенный оружейный заводъ, такъ и нѣкоторыя изъ частныхъ мастерскихъ, разбросанныхъ въ большомъ числѣ не только въ городѣ, но и по окрестнымъ деревнямъ. Употребивъ на это все утро 15/27 числа, мы въ тотъ же вечеръ отправились далѣе въ наемной каретѣ, переѣхали Прусскую границу и только въ первомъ часу ночи добрались до Аахена, гдѣ едва добились помѣщенія въ гостинницѣ «Rheinische Hof».

По первоначальному плану моего путешествія, Аахенъ былъ конечною цѣлью его; здѣсь по совѣту Петербургскихъ и Берлинскихъ эскулаповъ я долженъ былъ обрѣсти исцѣленіе моихъ недуговъ. На этомъ основаніи условлено было мною съ моими корреспондентами, чтобы письма ко мнѣ послѣ извѣстнаго срока адресовались въ Аахенъ. Конечно первымъ моимъ дѣломъ по пріѣздѣ туда было зайти на почту, гдѣ и нашелъ я письмо отъ отца; оно тѣмъ болѣе меня обрадовало, что уже давно не имѣлъ я извѣстій съ родины. Затѣмъ осмотрѣлъ я во всей подробности заведеніе минеральныхъ водъ. Осмотръ этотъ укрѣпилъ во мнѣ возникшія уже

[1]) Впослѣдствіи былъ полнымъ генераломъ, инспекторомъ нашихъ оружейныхъ заводовъ и наконецъ членомъ Артиллерійскаго Комитета.

ранѣе сомнѣнія относительно дѣйствительной пользы предписаннаго мнѣ лѣченія горячими сѣрными ваннами. Въ этомъ отношеніи повліяли на меня настойчивыя убѣжденія моего товарища Теслева, который давно уже предостерегалъ меня отъ вредныхъ послѣдствій подобнаго лѣченія и наоборотъ восхвалялъ испытанное имъ на себѣ благотворное дѣйствіе гидропатіи, то есть лѣченія чистою, холодною водою. По увѣренію его, лѣченіе это представляетъ ту важную выгоду, что предохраняетъ тѣло и на будущее время отъ чувствительности къ простудѣ. Въ самомъ Аахенѣ я окончательно поддался этимъ внушеніямъ и вопреки совѣтамъ врачей рѣшился испробовать водяное лѣченіе въ Боппардѣ на Рейнѣ, гдѣ Теслевъ лѣчился уже два года сряду.

Итакъ мы сговорились съ нимъ провести вмѣстѣ недѣль шесть на Рейнѣ въ водолѣчебномъ заведеніи Маріенбергъ (близъ Боппарда); а до начатія курса предпринять еще поѣздку по Голландіи. По окончаніи же лѣченія планъ нашъ состоялъ въ томъ, чтобы подняться по Рейну въ Швейцарію, оттуда спуститься въ Сѣверную Италію и чрезъ Венецію и Вѣну возвратиться въ отечество. Для осуществленія такого плана необходимо было продлить нашъ отпускъ, и потому испрошена была мною трехмѣсячная отсрочка (по 28-е октября).

Въ Аахенѣ пробыли мы всего одинъ день и успѣли видѣть главнѣйшія достопримѣчательности этого историческаго города. Соборъ Аахенскій чрезвычайно оригинальная постройка; часть его, какъ увѣряютъ, сохранившаяся со временъ Карла Великаго, заключаетъ въ себѣ гробницу этого Императора и много другихъ остатковъ той отдаленной эпохи. Также замѣчательна Ратуша готической архитектуры съ огромною залою. Подъ вечеръ выѣхали мы изъ Аахена въ наемной каретѣ, проѣхали чрезъ Прусскую крѣпость Юлихъ и къ 4 часамъ ночи прибыли въ Кельнъ. Не смотря на живописную мѣстность и прекрасный вечеръ, переѣздъ этотъ показался мнѣ несноснымъ, благодаря мучившей меня зубной боли. 17/29 мая.

Въ Кельнѣ разстались мы съ барономъ и баронессой Тизенгаузенъ, которые отправились на пароходѣ вверхъ по Рейну въ Майнцъ; мы же съ Теслевымъ въ 7 часовъ утра отплыли въ противоположную сторону внизъ по теченію Рейна. Рѣка эта въ низовьяхъ течетъ въ низменныхъ, почти плоскихъ берегахъ; на пути нашемъ замѣчательно было только видѣть множество встрѣчавшихся судовъ, по которымъ можно было судить о размѣрѣ торговаго движенія въ

этой части Рейна. Миновавъ Дюссельдорфъ и Везель, пароходъ нашъ остановился у пристани на границѣ Пруссіи съ Голландіею. Таможенныя и паспортныя формальности задержали насъ на цѣлый часъ, и затѣмъ вошли мы въ лѣвый рукавъ Рейна—Ваалъ, а въ 7 часовъ вечера остановились для ночлега у Нимвегена. Мы успѣли еще засвѣтло пройтись по городу, потомъ наслаждались прекраснымъ вечеромъ въ городскомъ саду и возвратились къ ночи на пароходъ. Нимвегенъ былъ первый Голландскій городъ, гдѣ мы имѣли случай подмѣтить нѣкоторыя особенныя черты: необыкновенную опрятность домовъ и улицъ, добродушныя, цвѣтущія лица обитателей, оригинальные костюмы, въ особенности женщинъ, и т. д.

На другой день 18/30 мая продолжали мы путь по Ваалу, который становился все шире и даже разливался на большое пространство, образуя множество острововъ. Здѣсь уже чувствительно дѣйствіе морского прилива и отлива, такъ что пароходъ нашъ попалъ было на мель, и простоявъ около часа, потомъ былъ снесенъ съ нея приливомъ. Около полудня пароходъ остановился у Дордрехта, а потомъ вошелъ въ боковой рукавъ рѣки, соединяющій Ваалъ съ правымъ, главнымъ рукавомъ Рейна—Лекомъ. Во 2-мъ часу дня вышли мы на берегъ въ Ротердамѣ.

Это первый городъ Голландіи послѣ Амстердама по своей обширности, населенности и торговлѣ. Здѣсь уже можно составить себѣ полное понятіе о типичномъ характерѣ Голландскаго города съ лабиринтомъ каналовъ взамѣнъ улицъ, съ аллеями густыхъ деревьевъ по берегамъ, съ опрятными домами изъ разноцвѣтнаго кирпича, съ высокими черепичными крышами. Во многомъ голландскіе города и деревни напоминаютъ Англійскіе; но здѣсь все мельче въ размѣрахъ и какъ-то уютнѣе.

Переночевавъ въ Ротердамѣ, мы на слѣдующій день (19/31 мая) рано утромъ отправились въ дилижансѣ до Дельфта, а далѣе на баркѣ (treschuyten) по каналу до Гааги. Путь по каналу былъ весьма пріятенъ и занимателенъ; мы любовались благоустройствомъ, довольствомъ и своеобразною прелестью страны, гдѣ все создано исключительно трудолюбіемъ, предпріимчивостію и смышленностію человѣка. Голландія такъ не похожа на всякую другую страну, представляетъ столько своеобразнаго, что я едва успѣвалъ уловить всѣ тѣ черты, которыя бросались въ глаза въ теченіи каждаго дня. Это какъ бы совершенно новый міръ.

Въ Гаагу (по Голландски S'gravenhage) прибыли мы около полудня, помѣстились въ лучшей гостинницѣ «Hôtel du vieux Doelen» и немедленно же пустились осматривать городъ, а подъ вечеръ пошли пѣшкомъ въ Scheveningen—мѣсто купанія на морскомъ берегу. По случаю праздничнаго дня на пути нашемъ встрѣчались толпы гулявшихъ въ нарядныхъ одеждахъ пѣшкомъ и въ экипажахъ. Самый городъ мало оживленъ и вовсе не похожъ на Европейскую столицу. Онъ также опрятенъ, какъ и другіе города Голландскіе. Главная замѣчательность Гааги—музей, въ которомъ заключаются превосходныя произведенія первостепенныхъ художниковъ Голландіи и Италіи, и богатая коллекція самыхъ разнообразныхъ рѣдкостей. На другой день утромъ обошли мы прекрасный и обширный паркъ, среди котораго находится загородный Королевскій дворецъ Huys in Boosch, заключавшій въ себѣ цѣнныя произведенія искусства.

Въ полдень того же дня 20 мая (1 іюня) выѣхали мы изъ Гааги въ дилижансѣ чрезъ Лейденъ въ Гаарлемъ. Путь нашъ пролегалъ по мѣстности столь же низменной, пересѣченной во всѣхъ направленіяхъ каналами и плотинами, и столь же обработанной, какъ та, которую уже видѣли мы въ прежніе наши переѣзды; вездѣ опрятность, благоустройство, довольство. Лейденъ нашли мы въ праздничномъ убранствѣ и необычайномъ оживленіи по случаю пріѣзда Короля. Дорога наша шла на значительномъ протяженіи по плотинѣ, пересѣкающей Гаарлемское озеро. Здѣсь мы видѣли начало работъ, предпринятыхъ для осушенія этого обширнаго воднаго пространства. Въ самомъ Гаарлемѣ, знаменитомъ своимъ цвѣтоводствомъ, заходили мы въ нѣкоторые сады, производящіе огромную торговлю гіацинтами, тюльпанами и другими цвѣтами. Другая замѣчательность Гаарлема—превосходный органъ въ церкви S. Bavo. Въ 8 часовъ вечера сѣли мы въ поѣздъ желѣзной дороги и въ полчаса доѣхали до Амстердама. Дорога эта вся проложена на сваяхъ или на плотинахъ, между озеромъ Гаарлемскимъ и морскимъ заливомъ Э (Het Y).

Въ Амстердамѣ мы остановились на два дня въ гостинницѣ «Hôtel des Pays-bas». Не смотря на поздній часъ, мы немедленно же по пріѣздѣ прошлись по главнымъ улицамъ: «Nieuwe Dyx» и «Kalver—Straat», которыя напомнили намъ лучшія и оживленнѣйшія улицы другихъ столицъ Европейскихъ. По всему протяженію ихъ непрерывный рядъ роскошныхъ магазиновъ, ярко освѣщенныхъ газомъ; толпы народа двигались взадъ и впередъ. Но когда на другой день съ утра пустились мы осматривать городъ при дневномъ свѣтѣ, то

вынесли изъ нашего обзора совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ при первой вечерней прогулкѣ. Начавъ наши наблюденія съ Королевскаго дворца—стараго, массивнаго зданія, мы взошли на самую вершину его башни, откуда городъ представился намъ какъ на планѣ, весь пересѣченный каналами (Gracht) и обрамленный въ видѣ полукружія бульварами, разведенными на бывшихъ крѣпостныхъ валахъ. Невольно припоминался нашъ Царь Петръ, который несомнѣнно взялъ этотъ городъ за образецъ при разбивкѣ плана своей новой столицы на берегахъ Невы. Послѣ дворца, ратуши и нѣкоторыхъ церквей, осмотрѣли мы музей и картинную галлерею, богатую въ особенности образцовыми произведеніями Голландской школы. Затѣмъ прошли къ докамъ, которые объѣхали въ лодкѣ. Масса стоявшихъ тутъ кораблей всѣхъ націй напоминала Лондонскіе доки конечно въ уменьшенномъ размѣрѣ, и давала мѣрку все еще громаднаго торговаго значенія Амстердама. Прогулка наша закончилась зоологическимъ садомъ.

Обойдя такимъ образомъ почти весь городъ, мы уже могли составить себѣ заключеніе объ общей его физіономіи. Хотя по своему расположенію и образу построекъ Амстердамъ и представлялъ общія всѣмъ Голландскимъ городамъ типичныя черты, однакожъ онъ расходится съ ними въ томъ именно, что въ нихъ всего симпатичнѣе: вмѣсто замѣчательной опрятности, свѣжести, благодушія, которыми мы восхищались до сихъ поръ въ Голландіи, въ Амстердамѣ напротивъ того поразили насъ нечистота и смрадъ отъ скученности населенія и стоячихъ водъ въ каналахъ. Амстердамъ естественно получилъ свойства всѣхъ портовыхъ и торговыхъ городовъ. Занимаемое имъ пространство, замкнутое линіею прежнихъ укрѣпленій, сдѣлалось несоразмѣрнымъ съ числомъ его жителей. Замѣтна вдобавокъ въ его населеніи значительная примѣсь Еврейскаго элемента.

Послѣ осмотра города предприняли мы на другой день 22 мая (3 іюня) поѣздку въ сѣверную Голландію (Nord—Holland). Эта поѣздка была въ высшей степени занимательна и поучительна; она дала намъ понятіе о необыкновенно высокой и своеобразной культурѣ этой страны, отвоеванной у моря трудомъ человѣческимъ. Весь полуостровъ, отдѣляющій большой заливъ Зюйдеръ-Зее отъ открытаго моря, состоитъ изъ такъ называемыхъ «польдеровъ», то есть небольшихъ, огражденныхъ плотинами участковъ, дно которыхъ ниже морского уровня, такъ что вода въ нихъ накопляющаяся выкачи-

вается посредствомъ вѣтряныхъ мельницъ. Низменная поверхность этихъ участковъ покрыта густыми кормовыми травами, дающими обильный кормъ для скота—главнаго богатства и промысла здѣшняго населенія. Повсюду видны небольшія деревеньки и мѣстечки, поражающія своею изумительною чистотою, даже въ сравненіи съ другими мѣстностями той же Голландіи. Не видѣвши этой страны собственными глазами, трудно представить себѣ до чего доведена эта Голландская чистоплотность. Небольшіе деревянные домики, съ высокими черепичными крышами, съ прозрачными (иногда цвѣтными) стеклами въ окнахъ, построены съ такою же тщательностію, съ какою строятся корабли, и снаружи окрашены масляными красками. И внутри дома комнаты похожи на каюты корабля. Каждую недѣлю стѣны обмываются не только внутри, но и снаружи; полы покрыты циновками. Парадный фасадъ дома всегда выходитъ на чистую улицу, вымощенную мелкими камешками въ видѣ узорчатой мозаики, и посыпанную бѣлымъ пескомъ. Улицы эти большею частію открыты только для пѣшеходовъ; ни повозки, ни лошади, ни скотина не допускаются на чистую улицу; обычное движеніе производится по заднимъ дорогамъ, на которыя выходятъ ворота внутреннихъ дворовъ, обстроенныхъ конюшнями, сараями, помѣщеніями для скота и для всякихъ другихъ хозяйственныхъ надобностей. И всѣ эти помѣщенія содержатся до такой степени опрятно, что въ лѣтнее время, когда скотъ и лошади на подножномъ корму, сами хозяева переселяются въ опустѣлыя стойла. При каждомъ домикѣ непремѣнно цвѣтникъ, выходящій на чистую улицу, а на задней сторонѣ усадьбы огородъ.

Чтобы осмотрѣть хотя малую частицу этой диковинной страны мы употребили весь день 22 мая (3 іюня). Переѣхавъ въ лодкѣ чрезъ проливъ Э, проплыли еще нѣкоторое разстояніе по замѣчательному каналу, по которому морскія суда идутъ отъ Гельдера (сѣверной оконечности полуострова) прямо къ Амстердаму во избѣжаніе бурнаго плаванія по Зюйдеръ-Зее. Выйдя на берегъ у одного изъ шлюзовъ (устройство которыхъ при этомъ случаѣ удалось мнѣ подробно осмотрѣть), мы тутъ наняли экипажъ для объѣзда замѣчательнѣйшихъ пунктовъ сѣверной Голландіи, именно чрезъ деревни Buiksloot, Broek, Monnikendam, Edam, Purmerend и Zaandam (Саардамъ) [1]). Изъ всѣхъ этихъ пунктовъ болѣе продолжительное время посвятили мы селенію

[1]) Такъ принято у насъ называть это достопамятное мѣстечко но правильное его названіе *Зандамъ*.

Брекъ и Саардаму. Первое можетъ быть названо идеальнымъ образчикомъ сѣверо-Голландскаго селенія. Мы входили въ дома нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ нашему проводнику поселянъ, осматривали хозяйственныя ихъ помѣщенія и были поражены педантически опрятнымъ содержаніемъ домовъ. Парадная комната въ каждомъ домѣ, также какъ и парадный входъ съ улицы открываются только въ торжественные моменты жизни семьи. Намъ разсказывали, что при посѣщеніи Голландіи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ сопровожденіи В. А. Жуковскаго только въ видѣ особенной почести хозяинъ дома отворилъ для него парадный входъ. Осмотръ нѣсколькихъ домовъ показалъ намъ, что вообще поселяне въ этомъ краѣ пользуются высокою степенью довольства, хотя и живутъ весьма скромно.

Не менѣе было для насъ занимательно посѣщеніе Саардама, гдѣ сохранились живые слѣды пребыванія великаго преобразователя Россіи. Отличительною чертою наружнаго вида Саардама служитъ безчисленное множество вѣтряныхъ мельницъ, которыхъ впрочемъ много во всей Голландіи; это главный (по крайней мѣрѣ въ описываемое время) двигатель всей промышленной дѣятельности страны. Саардамъ уже тогда пересталъ быть мѣстомъ судостроенія; достопамятныя верфи, на которыхъ нашъ Царь учился кораблестроенію, давно уже не существовали; но домикъ, служившій ему обиталищемъ, сохраняется бережливо. Съ благоговѣніемъ осматривали мы всѣ подробности этой исторической святыни и вписали свои имена въ книгу посѣтителей (чуть ли не двадцатый томъ in folio).

Возвратившись въ Амстердамъ около 9 часовъ вечера, мы на другой день 23 мая (4 іюня) утромъ выѣхали оттуда въ дилижансѣ чрезъ Утрехтъ въ Аргеймъ. Въ Утрехтѣ застали мы еще свѣжіе слѣды вчерашняго торжественнаго пріема Короля, а въ Аргеймѣ попали въ самый день его пріѣзда. Толпы народа тѣснились въ иллюминованныхъ улицахъ маленькаго городка; въ особенности же на площади предъ дворцомъ, гдѣ происходилъ балъ. Около 11 часовъ на главной улицѣ появился самъ Король; въ парадномъ мундирѣ проѣхалъ онъ верхомъ съ многочисленною свитою, съ музыкою и съ эскортомъ кавалеріи. Обыкновенно флегматичное населеніе одушевилось, встрѣчало Короля восторженными криками и пѣснями. Военные мундиры въ Голландіи были въ ту эпоху весьма сходные съ Русскими. Выѣхавъ такимъ образомъ за городскія ворота, Король сѣлъ въ дорожный экипажъ и отправился въ даль-

нѣйшій путь при тѣхъ же восторженныхъ крикахъ толпы. Невольно приходило мнѣ на мысль сравненіе видѣннаго мною въ этотъ день настроенія народа предъ новымъ Королемъ Вильгельмомъ II (только что вступившимъ на престолъ) съ тѣмъ, что случилось мнѣ видѣть нѣсколько прежде въ Парижѣ и Лондонѣ въ дни имянинъ Короля Луи Филиппа и Королевы Викторіи.

Съ выѣздомъ изъ Арнгейма утромъ 24 мая (5 іюня) закончилась наша семидневная поѣздка по Голландіи. Короткое это время конечно едва достаточно было для того, чтобы ознакомиться лишь съ общею физіономіею страны; но своеобразныя ея черты бросаются въ глаза съ перваго же взгляда. Даже послѣ Англіи я былъ пораженъ въ Голландіи высокою степенью ея благоустройства и благосостоянія, необыкновеннымъ трудолюбіемъ, настойчивостію и практическимъ смысломъ народа, умѣвшаго при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ природы достигнуть замѣчательнаго довольства, развить въ обширныхъ размѣрахъ промышленность и торговлю. Голландцы со своимъ добродушіемъ и веселостію, со своими здоровыми, румяными лицами, разумностію въ своемъ домашнемъ быту показались мнѣ народомъ весьма симпатичнымъ.

Отъ самаго Арнгейма ѣхали мы вдоль праваго берега Рейна въ Прусскомъ дилижансѣ. Переѣхавъ чрезъ границу Пруссіи, остановились у городка Эмерикъ для прописки паспортовъ и таможеннаго осмотра, а къ вечеру прибыли въ Дюссельдорфъ. Утро слѣдующаго дня употребили на осмотръ этого города; посѣтили «Академію Художествъ», гдѣ большею частію собраны произведенія новѣйшихъ нѣмецкихъ художниковъ такъ называемой Дюссельдорфской школы, основанной Шадовомъ. Какъ нижній старый городъ, такъ и верхній новый показались намъ пустынными и неоживленными, чему способствовала быть можетъ и дождливая погода. Вечеромъ того же дня мы доѣхали опять въ дилижансѣ до Кельна, гдѣ провели весь слѣдующій день 26 мая (7 іюня). Послѣ педантической опрятности, къ которой нашъ глазъ привыкъ въ Голландіи, Нѣмецкіе города показались намъ грязными и мрачными. Особенно произвелъ на насъ такое впечатлѣніе Кельнъ. Темная масса громаднаго готическаго собора, стоявшаго тогда въ недоконченномъ видѣ, какъ бы давила весь городъ своею тяжестью; за то съ вершины его башни (другая оставалась недостроенною) открылся намъ очень обширный видъ во всѣ стороны. Въ Кельнѣ уцѣлѣли еще нѣкоторыя древности даже Римскихъ временъ; картинная его галлерея показалась намъ мало за-

мѣчательною послѣ всѣхъ видѣнныхъ уже нами громадныхъ сокровищъ искусства. Болѣе же интересовали меня новыя фортификаціонныя сооруженія, которыя въ то время не были еще докончены. Сохранившіяся кругомъ всего города старинныя каменныя стѣны были обращены въ непрерывную ограду, прикрытую спереди земляными насыпями, фланкируемую каменными капонирами и равелинами. На правой сторонѣ Рейна также укрѣплено мѣстечко Дейцъ, соединенное съ Кельномъ длиннымъ пловучимъ мостомъ. Укрѣпленія Кельна принадлежали къ числу первыхъ примѣненій новой системы фортификаціи, основанной на каменныхъ сводчатыхъ постройкахъ; но я осматривалъ эти укрѣпленія не очень внимательно, разсчитывая имѣть вскорѣ случай увидѣть въ Кобленцѣ болѣе значительныя работы современныхъ Германскихъ инженеровъ.

Отъ Кельна до Кобленца проѣхали мы на пароходѣ утромъ 27 мая (8 іюня). На этомъ пути, начиная отъ Бонна, оба берега Рейна постепенно возвышаются и принимаютъ характеръ гористый. На каждомъ изгибѣ рѣки, за каждою выдающеюся скалою открывается новый живописный видъ со множествомъ живописныхъ развалинъ старинныхъ рыцарскихъ замковъ. Въ Кобленцѣ мы вовсе не останавливались въ томъ соображеніи, что успѣемъ побывать тамъ на досугѣ въ продолженіи предстоявшаго намъ долгаго пребыванія въ водолѣчебномъ заведеніи близъ Боппарда въ какихъ нибудь трехъ миляхъ отъ Кобленца. Утомленные непрерывнымъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца странствованіемъ, мы торопились добраться скорѣе до главной цѣли нашего путешествія и доѣхали туда еще засвѣтло въ дилижансѣ.

НА РЕЙНѢ.

Съ самаго выѣзда изъ Парижа въ теченіи ровно мѣсяца мы съ Теслевымъ находились въ непрерывномъ движеніи безъ единаго дня отдыха. Предъ нашими глазами промелькнуло столько новыхъ предметовъ, мѣстностей, личностей, что вниманіе наше отъ продолжительнаго напряженія начало уже притупляться. Мы оба чувствовали крайнее утомленіе не только физическое, но и нравственное. Утомленіе это уже отзывалось на моемъ здоровьѣ: кромѣ мучившей меня по временамъ зубной боли, возобновились въ послѣднее время и прежнія мои желудочныя разстройства. Пора было отдохнуть и приступить къ предположенному лѣченію, ради котораго предпринято было все мое продолжительное странствованіе.

Водолѣчебное заведеніе «Маріенбергъ» занимало обширное строеніе старинаго монастыря на уступѣ горы, у подошвы которой, на лѣвомъ берегу Рейна, находится городокъ Боппардъ. Зданіе составляло двухъ-этажный квадратъ; вдоль всѣхъ четырехъ фасовъ его тянулся широкій корридоръ, изъ котораго открывались безчисленные входы въ отдѣльныя комнаты, служившія помѣщеніемъ пацієнтовъ. Въ нижнемъ этажѣ находились: большая столовая, ванны и хозяйственныя помѣщенія. При заведеніи былъ довольно обширный садъ, простиравшійся по скату горы.

Директоръ заведенія докторъ Schmitz принялъ меня любезно и, разспросивъ о моихъ недугахъ, объявилъ, что для полнаго излѣченія моего необходимо пробыть на его попеченіи недѣль шесть; затѣмъ отвелъ мнѣ комнату во второмъ этажѣ, рядомъ съ помѣщеніемъ Теслева, который былъ уже на ногѣ стараго знакомца дома. Докторъ вручилъ мнѣ печатное наставленіе съ подробнымъ указаніемъ установленнаго въ заведеніи порядка и принятыхъ правилъ лѣченія. Со слѣдующаго же дня 28 мая (9 іюня) я былъ подвергнутъ всѣмъ тяжкимъ истязаніямъ гидропатіи. Съ разсвѣтомъ будитъ меня неумолимый прислужникъ, безмолвно сбрасываетъ съ меня одѣяло, завер-

тываетъ всего съ руками и ногами въ мокрую простыню, закутываетъ въ нѣсколько фланелевыхъ одѣялъ и, уподобивъ такимъ образомъ Египетской муміи, заставляетъ лежать болѣе часа неподвижно, не позволяя заснуть и только давая по временамъ глотокъ холодной воды. Въ такомъ безпомощномъ положеніи остается паціентъ до тѣхъ поръ, пока не выступитъ изъ всѣхъ поръ обильный потъ. Тогда прислужникъ поднимаетъ мумію, становитъ на ноги, раскрывъ только снизу оболочки ступней на столько, сколько необходимо для передвиженія едва замѣтною перестановкою ногъ; надѣвъ на нихъ туфли, сводитъ въ такомъ видѣ по лѣстницѣ въ помѣщеніе ванны. Тутъ на самомъ краю небольшого бассейна мгновенно сбрасываются всѣ оболочки и паціентъ погружается на нѣсколько секундъ въ холодную родниковую воду, температурою не выше 8° Р. Этою операціею начинался каждый день, и затѣмъ до самаго вечера слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ способовъ истязанія: то душами, то ваннами разнаго рода съ непрестаннымъ вливаніемъ воды во внутрь себя. Въ промежуткахъ между разновидными гидравлическими упражненіями паціенты обязаны согрѣваться движеніемъ, безостановочно гулять по саду, а въ ненастную погоду по корридорамъ громаднаго зданія. Два раза въ день все общество собирается въ столовой къ обѣду и ужину, водяныя упражненія и безпрерывныя прогулки придаютъ большой аппетитъ; но средства для утоленія его весьма скудныя.

Общество наше было довольно многочисленно—до сотни лицъ обоего пола; въ томъ числѣ конечно преобладала Нѣмецкая національность; но было нѣсколько Голландцевъ и Французовъ; изъ Русскихъ же нашли мы одного соотечественника—барона Шепинга. Вообще общество было мало занимательно и на всѣхъ лицахъ выражалась смертная скука. Лично для меня жизнь въ Маріенбергѣ казалась невыносимою послѣ того обилія разнообразнѣйшихъ впечатлѣній, къ которому я привыкъ во время непрерывныхъ моихъ странствованій. Къ тому же въ первое время я не замѣчалъ улучшенія въ своемъ здоровьѣ; напротивъ того, желудочныя боли усилились, а зубная боль не давала покоя по ночамъ. Я рѣшился съѣздить въ Кобленцъ къ зубному врачу, который разомъ вырвалъ у меня два зуба и пломбировалъ третій. Послѣдствіемъ этой рѣшительной мѣры были на цѣлую недѣлю и болѣе страшныя невральгіи. Погода въ теченіи большей части іюня была дождливая и сырая. При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что прежняя моя немощь—хандра снова

овладѣла мною въ сильнѣйшей степени. Я часто уходилъ далеко въ горы, и по цѣлымъ часамъ бродилъ въ одиночествѣ.

Самый Боппардъ ничтожный, скучный городокъ; но его окрестности очень живописны; на вершинахъ горъ вездѣ видны развалины старинныхъ замковъ. Къ началу іюля погода разгулялась, а съ нею поправилось и мое здоровье. Въ средѣ нашего общества началось нѣкоторое сближеніе; по воскреснымъ днямъ, когда паціентамъ давался нѣкоторый отдыхъ отъ ежедневныхъ пытокъ водою, предпринимались поѣздки группами, parties de plaisir. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ поѣздокъ и я принималъ участіе. Разъ ѣздили мы въ Эмсъ, гдѣ нашли многолюдный съѣздъ самой фешенебельной публики, оживленіе, роскошь, музыку, рулетку, всякаго рода развлеченія—однимъ словомъ рѣзкую противоположность привычной намъ безжизненной тишинѣ Маріенберга. На возвратномъ пути осматривали мы величественный замокъ Штольценфельсъ, который въ то время только что возстановлялся изъ развалинъ для жительства Прусской Королевской четы. Въ другой разъ присоединился я къ группѣ изъ четырехъ дамъ и четырехъ мужчинъ, предпринявшей поѣздку въ St. Goar—мѣстечко, расположенное на лѣвомъ берегу Рейна верстахъ въ 12 выше Боппарда. Оттуда вздумали мы переправиться на маленькой лодкѣ на противоположный берегъ къ деревенькѣ Goars haus. Въ то время, какъ мы были на срединѣ рѣки, вдругъ налетѣлъ страшный шквалъ, который—какъ потомъ оказалось—причинилъ много бѣдствій какъ на водѣ, такъ и по берегамъ: вырваны съ корнями большія деревья, снесены крыши домовъ, потонуло нѣсколько судовъ. Мы также подвергались большой опасности, тѣмъ болѣе, что на перерѣзъ нашей лодкѣ несся по теченію пароходъ. Однакожъ намъ удалось причалить благополучно къ берегу. Не смотря на сильный вѣтеръ, который чуть не сбивалъ съ ногъ, я отправился съ нѣкоторыми изъ спутниковъ и одною изъ спутницъ въ такъ называемую «Швейцарскую долину», составлявшую собственно цѣль нашей поѣздки; прочіе оставались въ деревнѣ Goarshaus, и когда буря стихла, всѣ мы переправились обратно въ St. Goar и оттуда возвратились сухопутно въ Маріенбергъ.

Въ Кобленцъ ѣздилъ я два раза: сперва съ Теслевымъ, а вторично съ барономъ Шепингомъ. Главною цѣлью этихъ поѣздокъ было конечно ознакомиться съ новыми фортификаціонными постройками, обратившими этотъ пунктъ въ первоклассную крѣпость. Я имѣлъ рекомендательное письмо къ служащему въ крѣпостномъ управленіи

инженерному капитану, который принялъ насъ учтиво и даже вызвался провожать насъ для обзора крѣпости; однакожъ онъ показалъ намъ только то, что каждый пріѣзжій могъ самъ видѣть, никого не спрашивая. Впрочемъ онъ повелъ насъ въ одну изъ жилыхъ оборонительныхъ казармъ, чтобы похвастаться порядкомъ и чистотою. Обойдя часть главнаго крѣпостного вала, состоящаго изъ многихъ капонирныхъ фронтовъ, мы всходили на высоты, занятыя сильными передовыми фортами. Изъ нихъ одинъ, на правой сторонѣ р. Мозель, названъ фортомъ «Императоръ Александръ I»; другой—на лѣвой сторонѣ той же рѣки - фортомъ «Императоръ Францъ». Оба форта состояли изъ каменныхъ, сводчатыхъ построекъ и могли служить образчикомъ тогдашней «новой» системы фортификаціи. Еще любопытнѣе было для меня видѣть крѣпость Эренбрейтштейнъ, защищающую Кобленцъ съ праваго берега Рейна, и считавшуюся вполнѣ неприступною. По крайней мѣрѣ два фронта ея, вызвышающіеся надъ крутыми, почти отвѣсными скалами, напоминали въ отношеніи своей неприступности крѣпость Кенигштейнъ (въ Саксоніи); третій фронтъ, замыкающій съ сѣвера треугольное очертаніе крѣпости и доступный только по узкому гребню высоты, былъ усиленъ всѣми средствами новѣйшей фортификаціи. Эренбрейтштейнъ по своему господствующему положенію обстрѣливалъ долины Рейна и Мозеля и самый городъ Кобленцъ. Въ то время крѣпость Кобленцская считалась послѣднимъ словомъ инженернаго искусства.

Во время моего пребыванія въ Боппардѣ получилъ я нѣсколько писемъ отъ ген. Веймарна, съ которымъ былъ въ перепискѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы разстались въ Римѣ. Оттуда онъ проѣхалъ чрезъ Флоренцію и Болонью въ Венецію, гдѣ жена и дочь его прожили нѣкоторое время у своего родственника, Русскаго генеральнаго консула Фрейганга, тогда какъ самъ ген. Веймарнъ объѣзжалъ сѣверную Италію; затѣмъ они отправились въ Вѣну, откуда по совѣту тамошнихъ врачей переѣхали въ Ишль на полный курсъ лѣченія. Изъ Ишля ген. Веймарнъ сообщилъ мнѣ свой планъ дальнѣйшаго путешествія и приглашалъ меня снова съѣхаться съ нимъ для совмѣстнаго странствованія по Швейцаріи. Къ сожалѣнію планъ этотъ оказался неисполнимымъ: срокъ моего водяного лѣченія оканчивался только 8/20 іюля, когда Веймарны уже разсчитывали по окончаніи своего объѣзда Швейцаріи спуститься по Рейну въ Голландію, соблазненные моимъ восторженнымъ описаніемъ этой страны. Елизавета Максимовна Веймарнъ предполагала воспользоваться этою

поѣздкою, чтобы дополнить свое лѣченіе морскими купаніями въ Схевенингенѣ или Остенде. По маршруту, сообщенному мнѣ ген. Веймарномъ, я разсчиталъ, что могу съѣхаться съ нимъ въ Майнцѣ. Я не хотѣлъ оставаться ни одного лишняго дня въ Боппардѣ и выѣхалъ оттуда 9/21 числа одинъ безъ Теслева, который долженъ былъ отложить свой выѣздъ въ ожиданіи пріѣзда туда какихъ то родственницъ.

До Биберіха ѣхалъ я на пароходѣ съ двумя соотечественниками, пріѣзжавшими въ Боппардъ навѣстить своего товарища и земляка Теслева: капитанъ генеральнаго штаба Фіантъ и Розенъ. Вмѣстѣ съ ними любовался я живописными берегами Рейна съ ихъ развалинами замковъ на вершинахъ скалъ. Особенно восхищался замкомъ Rheinfels и мѣстоположеніемъ Оберъ-Везеля и Бингена. Въ Биберихѣ (гдѣ дворецъ Герцога Нассаускаго) распростился я со своими спутниками, вышелъ на берегъ и оттуда проѣхалъ въ дилижансѣ до Висбадена—краснваго, чистенькаго городка, похожаго на всѣ другіе Нѣмецкіе Cur Ort, куда съѣзжается во множествѣ избранная публика всѣхъ національностей не столько для лѣченія, сколько для развлеченія. Вечеромъ того же дня я переѣхалъ по желѣзной дорогѣ во Франкфуртъ.

Весь слѣдующій день 10/22 іюля употребилъ я на осмотръ этого древняго Имперскаго города, мѣстопребыванія Германскаго Федеральнаго Сейма и вмѣстѣ съ тѣмъ центра обще-европейской финансовой силы еврейства. Во Франкфуртѣ замѣчательны нѣкоторыя старинныя постройки, какъ напримѣръ ратуша, съ окружающими ее домами; въ городской библіотекѣ показываютъ рѣдкія первопечатныя книги и рукописи нѣкоторыхъ знаменитыхъ писателей; въ картинной галлереѣ хранится нѣсколько замѣчательныхъ произведеній старой нѣмецкой школы. Въ наружномъ своемъ видѣ Франкфуртъ въ тѣ времена не производилъ впечатлѣнія богатаго, торговаго города; онъ отличался какимъ то мрачнымъ, неоживленнымъ характеромъ и въ этомъ отношеніи не выдерживалъ никакого сравненія съ другимъ нѣмецкимъ центромъ финансоваго и торговаго міра, тоже вольнымъ Имперскимъ городомъ—Гамбургомъ.

Вечеромъ того же дня 10/22 іюля выѣхалъ я изъ Франкфурта въ дилижансѣ и, не останавливаясь въ Дармштадтѣ, прибылъ въ 5 часовъ утра 11/23 числа въ Гейдельбергъ. Послѣ короткаго отдыха обошелъ я весь городъ; всходилъ разумѣется на развалины древняго замка, видѣлъ и знаменитую бочку громадныхъ размѣровъ и, отобѣ-

давъ въ гостинницѣ, переѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Мангеймъ—небольшой чистенькій городокъ съ прямыми, широкими улицами, большею частію пустыми и безжизненными. На пристани, откуда отходилъ пароходъ, совершенно неожиданно встрѣтилъ я Веймарновъ. Само собою разумѣется, что встрѣча эта была обоюдною радостію; вмѣстѣ доѣхали мы на пароходѣ до Майнца, не замѣтивъ какъ пробѣжало время переѣзда.

Въ Майнцѣ едва нашли мы помѣщеніе въ гостинницѣ «Les trois couronnes». Для осмотра города и его укрѣпленій достаточно было нѣсколько часовъ; но я провелъ тамъ полныхъ три дня собственно для того, чтобы воспользоваться пріятнымъ обществомъ Веймарновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дождаться Теслева. Въ это же время съѣхались въ Майнцѣ: родственникъ Веймарновъ кн. Барклай-де-Толи, бывшій спутникъ мой на Рейнѣ капитанъ Фіантъ и Берлинскіе мои знакомые артиллеристы Крыжановскій и Лавровъ. Такимъ образомъ мы провели три дня въ довольно большомъ обществѣ; на досугѣ ѣздили два раза въ Висбаденъ. Утромъ 15/27 числа къ сожалѣнію я долженъ былъ проститься съ любезною четою Веймарновъ и вдвоемъ съ Теслевымъ отправиться опять въ Мангеймъ на этотъ разъ берегомъ въ дилижансѣ. Отъ Мангейма же продолжали мы путь на пароходѣ уже въ ночное время, о чемъ мы не жалѣли, такъ какъ здѣсь берега Рейна не представляютъ ничего замѣчательнаго. По мелководью рѣки пароходъ нашъ сѣлъ на мель и всѣ пассажиры должны были пересѣсть на другой меньшаго размѣра пароходъ, шедшій намъ на встрѣчу. На пересадку ушло не мало времени, и не безъ труда размѣстились на немъ многочисленные пассажиры. Часть ихъ вышла вскорѣ на берегъ въ Iffizheim—ближайшей отъ Бадена пристани. Въ томъ числѣ вышли и мы съ Теслевымъ; съ трудомъ достали простую крестьянскую телѣжку и кое-какъ добрались до Бадена къ 4 часамъ дня.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною модныхъ лѣчебныхъ мѣстъ (Cur-Ort) Баденъ оставилъ въ моей памяти самое пріятное впечатлѣніе, въ особенности своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Утромъ 17/29 числа выѣхали мы оттуда въ наемномъ экипажѣ до Келя, гдѣ оставили свой багажъ и проѣхали на легкѣ чрезъ Французскую границу, чтобы только взглянуть на Страсбургъ и полюбоваться его великолѣпнымъ соборомъ. Насъ пропустили, не спросивъ даже паспортовъ. Во избѣжаніе обратнаго переѣзда чрезъ границу въ позднее время, мы остались переночевать въ Страсбургѣ и, пользуясь вечер-

нимъ досугомъ, зашли въ театръ, гдѣ имѣли случай видѣть M-elle George въ драмѣ Виктора Гюго: «Лукреція Борджіа». Грустно было смотрѣть на эту руину былой знаменитости. Осмотрѣвъ городъ и все замѣчательное въ немъ, мы возвратились пѣшкомъ въ Кель и оттуда въ почтовой каретѣ доѣхали до Фрейбурга—одного изъ самыхъ живописныхъ пунктовъ Шварцвальда при выходѣ изъ такъ называемой Адской долины (Höllenthal). Утромъ 19/31 іюля осмотрѣли городъ, великолѣпный его готическій соборъ, всходили на окрестныя высоты, и въ полдень отправились въ наемномъ экипажѣ чрезъ означенную горную долину въ Шафгаузенъ. На пути переночевали въ одной деревенькѣ, а на другой день 20 іюля (1 августа) къ 9 часамъ утра спустились къ знаменитому Шафгаузенскому водопаду. Осмотрѣвъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія и отобѣдавъ въ городѣ, въ тотъ же день проѣхали далѣе по лѣвому (Швейцарскому) берегу Рейна до Констанца.

Утро 21 іюля (2 августа) употребили мы на осмотръ города и его замѣчательностей: Констанцъ вполнѣ сохранилъ физіономію средневѣковаго Германскаго города. Намъ показывали старинную залу, гдѣ происходилъ Констанцскій соборъ и гдѣ хранятся нѣкоторые любопытные предметы той эпохи. Весьма оригиналенъ длинный крытый мостъ, соединяющій двѣ части города, раздѣленныя естественнымъ каналомъ, которымъ воды Рейна переливаются изъ большого или верхняго Боденскаго озера въ нижнее (Unter-See). Отъ Констанца начались наши странствованія по Швейцаріи.

ШВЕЙЦАРІЯ и СѢВЕРНАЯ ИТАЛІЯ.

21 іюля (2 августа) послѣ обѣда отплыли мы изъ Констанца на пароходѣ въ Роршахъ на противоположной оконечности Боденскаго озера, и оттуда въ дилижансѣ доѣхали еще засвѣтло въ С. Галленъ. Переночевавъ здѣсь, на другой день 22 іюля (3 августа) продолжали путь весьма гористою мѣстностію до мѣстечка Schmerikon на р. Линтѣ, соединяющей озеро Валленштадтское съ Цюрихскимъ. Послѣ весьма медленной ѣзды въ тяжеломъ дилижансѣ намъ пріятно было перейти на стоявшій у пристани въ Шмериконѣ легкій пароходъ, который перевезъ насъ по Цюрихскому озеру въ Цюрихъ.

Какъ всѣ Швейцарскіе города Цюрихъ самъ по себѣ не представлялъ ничего замѣчательнаго, кромѣ развѣ показываемой въ городской библіотекѣ модели нѣкоторой части Альповъ. Постройки въ Швейцарскихъ городахъ большею частію старыя, неуклюжія, улицы узкія, искривленныя. Но Цюрихъ и его окрестности интересовали меня по историческимъ воспоминаніямъ о неудачномъ для Русскихъ войскъ сраженіи 1799 года, и потому утромъ 23 іюля (4 августа) я обошелъ съ любопытствомъ окрестныя высоты. Притомъ мы должны были здѣсь снарядиться къ предстоящему странствованію по Швейцарскимъ горамъ.

Странствованіе это, давнишній предметъ моихъ мечтаній, разсчитано было на 15 дней, въ теченіи которыхъ мы предположили обозрѣть большую часть Альпійской страны. Въ первый день 24 іюля (5 августа) проѣхали въ дилижансѣ отъ Цюриха до Цугскаго озера и вдоль восточнаго его берега чрезъ Цугъ и Артъ до деревеньки Гольдау, лежащей у подошвы горы Риги. Деревенька эта замѣчательна тѣмъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія была завалена обломками обрушившейся горы Rossberg. Въ Гольдау ежедневно собираются десятки и сотни туристовъ и туристокъ для восхожденія на гору Риги, съ вершины которой любуются обширною панорамою при захожденіи и восхожденіи солнца. По примѣру другихъ и я облекся здѣсь въ общепринятое одѣяніе Альпійскихъ пѣшеходовъ:

холщевое платье, соломенную шляпу, толстые съ подковами башмаки и взялъ въ руку длинную Альпійскую палку. Вмѣстѣ съ другими спутниками и мы съ Теслевымъ поплелись на гору по довольно отлогой дорогѣ; но на половинѣ пути, наскучивъ медленнымъ шествіемъ въ этой вереницѣ туристовъ, я ушелъ одинъ впередъ и развлеченный чудесными видами, все болѣе открывавшимися по мѣрѣ подъема на гору, сбился съ дороги, забрелъ въ какія-то пустынныя кручи, гдѣ не было ни тропы, ни живой души. Время приближалось къ закату солнца. Пробираясь наобумъ по направленію звука колокольчиковъ пасшейся скотины, я уже помышлялъ о печальной перспективѣ ночлега въ одиночествѣ въ этой пустынѣ на кручѣ горы, какъ вдругъ, поднявъ голову, увидѣлъ надъ обрывомъ группу людей съ биноклями и зонтиками. Это была та именно платформа на вершинѣ горы (Kulm), которая служитъ мѣстомъ сбора туристовъ и обсерваторіею. Ободренный близостію своей цѣли, я вскарабкался прямо на эту площадку со стороны противоположной обычному доступу къ великому удивленію находившейся уже тамъ публики. Спутники же мои дошли туда получасомъ позже меня.

Видъ съ горы былъ дѣйствительно грандіозенъ, и на счастье наше облака, застилавшія уже нѣсколько дней горизонтъ, вдругъ разсѣялись; мы видѣли ясно обширное пространство, окаймленное Юрой, Шварцвальдомъ и снѣговыми горами главнаго Альпійскаго хребта [1]). Можно было разсмотрѣть въ бинокль поверхность озеръ Невшательскаго и Боденскаго. Всѣ глаза были прикованы къ западу по направленію спускавшагося величественно за видимый горизонтъ дневного свѣтила.

Съ закатомъ солнца насъ обдало вдругъ холодомъ; со дна долинъ поднимались клубы тумана. Всѣ туристы спѣшили укрыться въ тѣсный домикъ, стоявшій близъ вершины горы, единственный пріютъ для путешественниковъ. Кое какъ переночевавъ здѣсь въ тѣснотѣ, всѣ мы еще до свѣта были уже на ногахъ, чтобы видѣть восхожденіе солнца. Въ этотъ моментъ видоизмѣненія въ освѣщеніи горъ едва ли еще не эффектнѣе, чѣмъ при закатѣ. И тутъ намъ посчастливилось видѣть эту картину во всей красотѣ. Вполнѣ удовлетворенные, мы спустились съ горы по крутой дорожкѣ къ сторонѣ Люцернскаго озера (или «четырехъ кантоновъ», «Vierwaldstetter»). У деревеньки Wegis сѣли на пароходъ и переѣхали по озеру въ Люцернъ.

[1]) Замѣчу однако, что съ Риги видны только ближайшія высокія горы, заслоняющія почти весь главный снѣговой хребетъ, за исключеніемъ лишь вершины Шрекгорна.

Здѣсь пробыли всего два часа; успѣли осмотрѣть находящійся по близости города на самомъ берегу озера знаменитый памятникъ (спящаго льва) работы Торвальдсена, и въ 2 часа по полудни опять уже были на пароходѣ, на которомъ отправились къ самой южной оконечности озера—къ деревенькѣ Fluelen. Во время нашего пути по озеру случилось намъ видѣть великолѣпную картину сильной грозы съ проливнымъ дождемъ на водѣ среди горъ; но туча пронеслась быстро; солнце снова освѣтило зеленоватую поверхность озера и замыкающія его со всѣхъ сторонъ причудливые выступы гигантскихъ горъ.

Переночевавъ въ деревенькѣ Fluelen, мы на другой день 26 іюля (7 августа) рано утромъ отправились въ таратайкѣ вверхъ по долинѣ Рейсы до Андермата. Переѣздъ этотъ былъ для меня чрезвычайно занимателенъ; на каждомъ шагу я вспоминалъ ущелье Терека отъ Владикавказа до Крестовой горы и дѣлалъ любопытныя сравненія топографическаго и геологическаго строенія первоклассныхъ горныхъ хребтовъ Альпійскаго и Кавказскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ любопытно было прослѣдить на мѣстахъ эпизоды знаменитаго Суворовскаго перехода чрезъ С. Готардъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напримѣръ у Чертова моста и Урзернской дыры (Urseren Loch), я выходилъ изъ экипажа, высматривалъ мѣстность съ разныхъ сторонъ и наскоро набрасывалъ кроки. Конечно я не предвидѣлъ тогда, что чрезъ десятокъ лѣтъ придется мнѣ работать надъ исторіею войны 1799 года. Видъ Рейсы въ верхнихъ частяхъ ея теченія, гдѣ она образуетъ цѣлый рядъ огромныхъ водопадовъ, гдѣ дорога (недавно только проложенная) извивается по ребрамъ почти отвѣсныхъ горъ, перебрасываясь безпрестанно съ одного берега рѣки на другой каменными мостами—глубоко врѣзался въ моей памяти и много облегчилъ мнѣ впослѣдствіи уразумѣніе дивныхъ подвиговъ Русскаго войска.

Въ Андерматѣ покинули мы свой экипажъ и пошли пѣшкомъ. Оставивъ влѣво большую колесную дорогу на С. Готардъ, мы взяли вправо, вверхъ по каменистой и голой долинѣ Urseren Thal. Не смотря на значительную высоту мѣстности, въ долинѣ было тепло; но замыкавшія ее горы съ обѣихъ сторонъ были на половину покрыты снѣгомъ. Пройдя верстъ десять, остановились переночевать въ маленькой деревушкѣ Realp съ монастыремъ капуциновъ, у которыхъ нашли удобный пріютъ. На другой день 27 іюля (8 августа) рано утромъ продолжали пѣшеходное странствованіе по возвышенной

горной странѣ: перешли чрезъ перевалъ Фурку, отдѣляющій истоки Рейсы отъ истоковъ Роны. На самомъ перевалѣ пріостановились, чтобъ отдохнуть и полюбоваться обширнымъ видомъ на открывшіяся вершины Бернскихъ и Вальтелинскихъ Альповъ. Тутъ же встрѣтились мы съ группою ученыхъ путешественниковъ, собравшихся съ инструментами для наблюденій на окрестныхъ вершинахъ. Съ сѣдловины Фурки спустились мы въ верховья Ронской долины (Вальтелинъ) и обошли подножье обширнаго ледника (глетчера), изъ котораго эта рѣка беретъ начало. Тутъ въ первый разъ удалось мнѣ видѣть настоящій ледникъ. На Кавказѣ не случалось мнѣ быть въ тѣхъ частяхъ горъ, гдѣ имѣются глетчеры; да въ то время такія мѣстности и не были еще доступны, такъ что наши ученые даже сомнѣвались въ существованіи ледниковъ на Кавказѣ. По крайней мѣрѣ я лично слышалъ это мнѣніе отъ нашего извѣстнаго академика Бера. Съ любопытствомъ прошелъ я по твердой снѣговой поверхности въ то время, когда полуденное солнце пекло такъ сильно, что я сбросилъ съ себя верхнее платье. Спустившись къ самому мѣсту выхода Роны изъ подъ снѣговой массы, мы отдохнули часа два въ маленькой гостинницѣ, построенной въ видѣ Швейцарскаго chalet, подкрѣпили свои силы завтракомъ и затѣмъ снова двинулись въ путь. По крутой и каменистой тропѣ взобрались мы на Гримзель—перевалъ, отдѣляющій истоки Роны отъ истоковъ Аара. Съ этого перевала увидѣли подъ ногами узкое и мрачное ущелье Ober-Hassli, а прямо предъ собою покрытую снѣгомъ громадную массу Шрекгорна и новый глетчеръ, изъ котораго беретъ начало р. Ааръ. Спускаясь на дно ущелья Hassli, мы могли наглядно убѣдиться въ томъ, что оно также было нѣкогда вмѣстилищемъ громаднаго ледника, который вѣковымъ своимъ движеніемъ совершенно отполировалъ гранитные бока ущелья. На днѣ его въ самыхъ верховьяхъ у озерца нашли пріютъ въ такомъ же маленькомъ chalet, какое видѣли въ верховьяхъ Роны. Послѣ утомительнаго перехода чрезъ два тяжелые горные перевала пріятно было найти всѣ желательныя для путника удобства: и обѣдъ, и постель, и даже ванну. Къ вечеру набралось сюда еще нѣсколько туристовъ, такъ что маленькая гостинница была переполнена.

Утромъ слѣдующаго дня 28 іюля (9 августа) пошли мы по долинѣ р. Аара. Рѣка эта въ верхнихъ частяхъ своего теченія несется почти безпрерывными водопадами. Главный изъ нихъ Напдескъ—есть одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ во всей Швейцаріи. Нѣсколько далѣе вышли изъ дикаго и каменистаго ущелья въ болѣе открытую и на-

селенную долину, по которой дошли уже безъ затрудненія до Мейрингена, сдѣлавъ въ этотъ день болѣе 25 верстъ по каменистымъ горамъ. Переночевавъ въ одной изъ гостинницъ Мейрингена, отправились мы на другой день 29 іюля (10 августа) смотрѣть Рейхенбахскій водопадъ; затѣмъ доѣхали въ крытой линейкѣ до Бріенца, откуда на пароходѣ переѣхали по Бріенцскому озеру къ знаменитому Гисбахскому водопаду и осмотрѣли его въ обществѣ нѣсколькихъ Французскихъ дамъ, съ которыми уже прежде встрѣчались на пути. Дождливая съ утра погода прояснилась; солнце освѣтило живописные берега Бріенцскаго озера и къ вечеру мы прибыли на пароходѣ въ Интерлакенъ.

Почти все пространство между двумя озерами Бріенцскимъ и Тунскимъ представляло рядъ гостинницъ, пансіоновъ, ресторановъ, виллъ; все наполнено было туристами всѣхъ національностей, но какъ вездѣ преимущественно Англичанами. Самый Интерлакенъ болѣе походилъ на какой нибудь космополитичный сборный пунктъ въ родѣ модныхъ курортовъ, чѣмъ на Швейцарскій городокъ. Переночевавъ въ одной изъ безчисленныхъ гостинницъ Интерлакена, предприняли мы 30 іюля (11 августа) странствованіе къ подножію горъ, возвышающихся съ южной стороны озеръ колосальною массою снѣговыхъ вершинъ (Yungfrau, Mönch, Eiger, Finsteraarhorn, Schreckhorn, Wetterhorn). До Lauterbrunen доѣхали мы въ экипажѣ; оттуда взобрались пѣшкомъ на гору Wengern Olp—одинъ изъ уступовъ Юнгфрау и Эйгера. На пути нашемъ находился огромный ледникъ Гриндельвальдскій и замѣчательный водопадъ Staubach. Прогулка эта была очень утомительна, за то весьма занимательна и поучительна. Спустившись съ горъ, мы поспѣли къ 4 часамъ на пароходъ, который перевезъ насъ по Тунскому озеру къ живописному городку Thun.

Здѣсь переночевали въ Hôtel Bellevue, а на другой день 31 іюля (12 августа) доѣхали въ дилижансѣ до Берна, гдѣ нашли наши чемоданы, отправленные туда прямо изъ Цюриха. Въ Бернѣ провели мы весь день, хотя довольно было и нѣсколькихъ часовъ для осмотра города и всѣхъ его достопримѣчательностей со включеніемъ конечно и медвѣдей, которыхъ городъ содержалъ по старой традиціи (извѣстно, что изображеніе медвѣдя есть гербъ Берна). 1/13 августа проѣхали въ наемномъ экипажѣ во Фрейбургъ, гдѣ дивились смѣлой постройкѣ висячаго моста, переброшеннаго чрезъ широкій и глубокій оврагъ; слушали знаменитый органъ въ соборѣ, и затѣмъ продолжали путь до Лозаны. На слѣдующій день 2/14 августа

утромъ спустились къ берегу Женевскаго озера (Лемана), къ Уши, и сѣли на пароходъ, дѣлающій рейсы кругомъ всего озера. Въ теченіи дня обозрѣли все протяженіе живописныхъ его береговъ и въ 6 часовъ вечера прибыли въ Женеву. Городъ этотъ показался мнѣ весьма симпатичнымъ, оживленнымъ и совершенно Французскимъ. Прибрежная часть его и въ тѣ времена уже приняла видъ новаго благоустроеннаго города, съ прямыми, чистыми улицами, со всею обстановкою большихъ Европейскихъ городовъ.

3/15 августа въ воскресный день утромъ, по случаю проливного дождя, оставались мы въ городѣ, заходили въ мастерскія нѣкоторыхъ часовщиковъ, а послѣ обѣда, когда погода разгулялась, ѣздили смотрѣть знаменитый пріютъ Вольтера Fernay. На другой день 4/16 числа предприняли поѣздку въ долину Chamouny и къ подошвѣ Mont-Blanc. Долина эта, входящая уже въ предѣлы Савои, т. е. Королевства Сардинскаго, принадлежитъ къ числу тѣхъ Альпійскихъ дорогъ, которыя можно сказать истоптаны туристами. Поэтому, прибывъ около 8 часовъ вечера въ деревеньку Шамуни, на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ океана, въ дикомъ горномъ ущельѣ, мы нашли тутъ нѣсколько маленькихъ, но комфортабельныхъ гостинницъ, переполненныхъ путешественниками. Какъ всѣ прочіе, мы переночевали въ одномъ изъ этихъ благодѣтельныхъ пріютовъ съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня 5/17 августа предпринять восхожденіе на знаменитый ледникъ Mer de glace. Къ нашему счастію, послѣ двухъ дождливыхъ дней, въ это утро небо совершенно очистилось отъ тучъ и мы ясно увидѣли снѣговыя массы Монблана, постепенно освѣщаемыя восходящимъ солнцемъ. Вооружившись длинною Альпійскою палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, я испыталъ всѣ трудности и опасности восхожденія на горные ледники. Mer de glace есть обширнѣйшій изъ всѣхъ Альпійскихъ глетчеровъ; рядомъ съ нимъ спускаются по другимъ впадинамъ того же сѣвернаго склона Монблана Glacier d'Argentière, Glacier des Bossons и другіе меньшіе. Пробираясь по ледяной поверхности, часто перескакивая чрезъ громадныя трещины, поднялся я сначала на скалы Montenvert и далѣе добрался до другой выдающейся изъ ледяной массы скалы, называемой «le jardin», отсюда началъ спускаться обратно къ нижнему краю ледника, гдѣ въ ледяной толщѣ образуется родъ пещеры, изъ которой вытекаетъ рѣчка Арва (впадающая въ Рону у самой Женевы).

Не смотря на усталость, я рѣшился, послѣ небольшого отдыха и обѣда въ гостинницѣ, еще взглянуть на другой глетчеръ: Glacier des Bossons менѣе обширный, чѣмъ Mer de glace, но представляющій весьма замѣчательную поверхность, въ видѣ безчисленныхъ ледяныхъ пирамидальныхъ иглъ, въ самыхъ причудливыхъ и часто мѣняющихся формахъ. Осмотрѣвъ эту игру природы съ одной изъ скалъ на краю ледника, я возвратился въ гостинницу уже съ наступленіемъ темноты; но на возвратномъ пути имѣлъ еще случай любоваться видомъ вершинъ Монблана, освѣщенныхъ закатившимся уже солнцемъ (Alpen-Glühn).

Вторично переночевали мы въ Шамуни и утромъ 6/18 числа пошли пѣшкомъ вверхъ по долинѣ мимо ледника d'Argentière на перевалъ Tête noire; оставивъ вправо Col de Balm, направились чрезъ гору Forclas и спустились къ мѣстечку Мартиньи, лежащему въ долинѣ верхней Роны. Переходъ этотъ на протяженіи верстъ 30 или 35 по крутымъ горамъ былъ очень утомителенъ; но это былъ и послѣдній въ нашемъ пѣшеходномъ странствованіи по Альпамъ. Съ высоты горы Forclas намъ открылся грандіозный видъ на долину верхней Роны, обставленную съ обоихъ ея боковъ снѣговыми гигантами: съ юга—Вальтелинскими Альпами (Mont-Rosa), съ сѣвера—Оберландскими (Gemmi, les Diablerets). Въ Мартиньи мы переночевали въ плохой гостинницѣ въ ожиданіи прохода дилижанса, который утромъ слѣдующаго дня 7/19 числа проходилъ чрезъ это мѣстечко. Въ немъ проѣхали мы вверхъ по долинѣ Роны мимо живописныхъ мѣстечекъ Сіонъ и Leux до Брига, гдѣ дилижансъ остановился на ночь.

Выѣхавъ оттуда еще до разсвѣта 8/20 числа, мы поднялись на Симплонскій перевалъ по отлично проложенному шоссе; но далѣе, въ предѣлахъ Пьемонта, дорога была такъ повреждена съ 1839 года горнымъ обваломъ, что приходилось пересаживаться изъ тяжелаго Швейцарскаго дилижанса въ болѣе легкую Итальянскую карету. По недостатку въ ней мѣстъ, мы съ Теслевымъ ѣхали въ простой, открытой телѣжкѣ, что дало намъ возможность лучше видѣть мѣстность на пути. По мѣрѣ того, какъ спускались съ Симплонскаго перевала въ долину рѣчки Vedro (притокъ рѣки Госе), все болѣе вѣяло южною природою; послѣ холода на горахъ, постепенно переходили мы въ теплую атмосферу; небо становилось синѣе, а затѣмъ на днѣ долины появилась и другая растительность, виноградники; въ деревенькахъ каменные дома замѣнили фахверковыя хаты; вмѣсто кретиновъ

съ уродливыми зобами, встрѣчавшихся въ горахъ Савои и Вальтелина, увидѣли физіономіи красиваго южнаго типа. Къ 4 часамъ дня пріѣхали въ Domo d'Ossola, гдѣ узнали съ удивленіемъ, что далѣе дилижансъ отходитъ только въ 3 часа ночи, такъ что намъ пришлось потерять напрасно 11 часовъ времени въ маленькомъ городкѣ, въ которомъ не было ничего замѣчательнаго. Таковы были порядки Пьемонтскаго почтоваго управленія.

За то каково было наше восхищеніе, когда утромъ слѣдующаго дня 9/21 числа, спустившись по долинѣ рѣки Точе (Tосе) къ берегу озера Lago Maggiore, увидѣли мы предъ собою синеватую его поверхность (рѣзко отличавшуюся отъ зеленоватыхъ озеръ Швейцаріи), окруженную граціозными контурами береговыхъ горъ, усѣянныхъ деревеньками, отдѣльными домами, монастырями, развалинами, а далѣе вблизи отъ берега прелестные острова Боромейскіе (Isola bella и Isola madre). Въ мѣстечкѣ Arona опять остановка и пересадка въ другой экипажъ; отсюда шелъ Австрійскій дилижансъ до Sesto Calende на южной оконечности озера. Здѣсь снова часовая остановка для таможеннаго досмотра и паспортныхъ формальностей. Благодаря всѣмъ этимъ задержкамъ и медленности ѣзды, мы дотащились до Милана только къ 8 часамъ вечера, когда уже совсѣмъ стемнѣло.

Въ Миланѣ остановились мы въ гостинницѣ Reichmann и посвятили два дня 10/22 и 11/23 числа осмотру этого главнаго пункта Австрійской администраціи въ Ломбардіи. Это былъ самый благоустроенный и опрятный городъ въ Италіи, и хотя Австрійское владычество лежало тяжелымъ гнетомъ на населеніи, Миланъ отличался своимъ оживленіемъ и пріятною жизнью. Къ тому же первый день нашего тамъ пребыванія былъ воскресный; на улицахъ, въ общественномъ саду, въ кофейныхъ домахъ, вездѣ было много народа, вездѣ раздавались звуки музыки. Въ этотъ день мы ограничились только обзоромъ внѣшняго вида города. Изъ построекъ его наибольшее впечатлѣніе производитъ великолѣпный соборъ, въ которомъ мы застали церковную службу; затѣмъ любопытна арена — постройка новыхъ временъ, возведенная по образцу древнихъ Римскихъ ристалищъ; заслуживаютъ также вниманія нѣкоторыя старинныя церкви, въ томъ числѣ особенно S. Ambrosio. Вечеромъ были мы въ оперѣ въ громадномъ театрѣ della scala, съ которымъ могъ соперничать по обширности только Неаполитанскій S. Carlo. Во второй день, кромѣ ученія Австрійскихъ войскъ на плацу, видѣли вторично и во всей

подробности внутренность собора, влѣзали на самый верхъ его; затѣмъ осматривали двѣ замѣчательныя коллекціи: картинную галлерею и библіотеку въ Palazzo Brera и Амброзіанскую библіотеку. Въ послѣобѣденное время ѣздили по желѣзной дорогѣ въ Монцу, смотрѣли тамошній дворецъ и соборъ, въ которомъ хранится знаменитая Ломбардская желѣзная корона; но рѣдкость эта показывается только съ особаго разрѣшенія высшаго начальства и притомъ съ извѣстнымъ церковнымъ обрядомъ.

12/24 августа ѣздили мы изъ Милана въ Чертозу (Certosa, Chartreuse, т. е. Картезіанскій монастырь) близъ Павіи. Это замѣчательная и хорошо сохранившаяся старинная постройка, необыкновенно красивая, съ роскошною внутреннею отдѣлкою. На другой день 13/25 числа совсѣмъ оставили Миланъ и направились въ Венецію. На всемъ нашемъ пути, пролегавшемъ вдоль подошвъ горныхъ отроговъ Альпійскихъ, снова любовались мы плодородною и обработанною равнйною Ломбардіи. Въ теченіи 36 часовъ проѣхали чрезъ пять большихъ, весьма красивыхъ и замѣчательныхъ историческихъ городовъ: Бергамо, Брешіа, Верона, Виченца, Падуа, не считая крѣпости Пескіера, лежащей при истокѣ р. Минчіо изъ Гардскаго озера. Вообще въ Сѣверной Италіи бросается въ глаза большое число красивыхъ городовъ и мѣстечекъ въ самомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Даже и деревни въ этомъ краѣ имѣютъ видъ маленькихъ городовъ съ мощеными улицами, каменными домами и оживленнымъ населеніемъ. Путь этотъ интересовалъ меня и въ отношеніи военно-историческомъ; почти каждое мѣстечко, чрезъ которое намъ приходилось проѣзжать, напоминаетъ какой либо фактъ изъ классическихъ кампаній Наполеона.

Утромъ 14/26 августа въ мѣстечкѣ Mestre оставили мы дилижансъ, продолжавшій путь въ Тріестъ, и пересѣли въ гондолу, въ которой доплыли по каналу до Венеціи. Здѣсь остановились близъ почты на Большомъ каналѣ (Canal grande) въ гостинницѣ «Бѣлаго льва». Первое впечатлѣніе при въѣздѣ въ Венецію было далеко не восторженное: погода сѣрая, моросилъ дождь; плыли мы по грязнымъ и зловоннымъ каналамъ, окаймленнымъ старыми, сѣрыми, запущенными домами съ развѣшаннымъ тряпьемъ; вездѣ пусто, мертво. Пресловутая Venezia la bella казалась городомъ, покинутымъ жителями вслѣдствіе наводненія. Но послѣ короткаго отдыха и обѣда въ гостинницѣ, когда небо очистилось отъ черныхъ тучъ, вышелъ я побродить по узкимъ закоулкамъ города и очутился на площадкѣ

предъ соборомъ Св. Марка, тогда я пришелъ въ совершенное восхищеніе. Весь вечеръ провелъ я на этой площадкѣ и не могъ наглядѣться на все окружавшее меня: соборъ, дворецъ Дожей, колокольня, колонна съ крылатымъ львомъ, аркады кругомъ площадки, видъ на лагуны и на острова—все это вмѣстѣ составляло такую гармоничную картину, что не хотѣлось оторвать отъ нея глаза. Постепенно площадка наполнялась народомъ; когда стемнѣло и зажглись огоньки, освѣтились магазины и кофейные дома подъ аркадами, раздались звуки музыки и пѣніе, тогда я увидѣлъ, что, не смотря на Австрійскій гнетъ и на присутствіе Австрійскихъ мундировъ, Венеція не совсѣмъ еще мертва.

Пробыли мы въ Венеціи пять дней; осматривали подробно все, что сохранилось отъ временъ ея былого величія. Соборъ Св. Марка и старый дворецъ Дожей посѣтили мы не одинъ разъ; заходили во многія церкви и старые Palazzo: вездѣ находили въ изобиліи произведенія знаменитыхъ мастеровъ Венеціанской школы. Въ особенности богатое собраніе ихъ въ такъ называемой Academia della bella arti. Старый Венеціанскій арсеналъ, можетъ быть обширнѣйшій въ свѣтѣ, отлично обстроенный, нашли мы пустымъ и въ бездѣйствіи; въ немъ стоило только видѣть хранилище стараго оружія и моделей старыхъ судовъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней нашего пребыванія въ Венеціи предприняли мы дальнюю поѣздку по лагунамъ къ Porto Malamocco, чтобы видѣть нѣкоторыя изъ укрѣпленій, прикрывающихъ подступы къ Венеціи съ моря, а также сохранившіеся еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остатки колоссальныхъ каменныхъ сооруженій (Murazzi), которыми въ старину ограждались отъ морскихъ волнъ берега продолговатыхъ острововъ или косъ (lidi), отдѣляющихъ лагуны отъ моря. Вообще Венеція оставила во мнѣ такое впечатлѣніе, какое производитъ обветшалое и запущенное роскошное жилище умершаго богача.

19/31 августа вечеромъ отправились мы на пароходѣ въ Тріестъ. Прибывъ туда утромъ слѣдующаго дня, мы должны были тамъ остаться нѣсколько долѣе, чѣмъ предполагали, чтобы получить мѣста въ дилижансѣ для дальнѣйшаго переѣзда въ Вѣну. Хотя Тріестъ сдѣлался важнѣйшимъ портомъ Австріи, куда перетянулась вся торговля изъ Венеціи, однакожъ городъ самъ по себѣ не представлялъ ничего замѣчательнаго. Въ одно утро мы успѣли обойти и весь новый приморскій городъ съ прямыми улицами, чистыми зданіями, множествомъ нарядныхъ магазиновъ, торговыхъ заведеній, и старый городъ

на скатѣ высотъ, съ кривыми, узкими улицами; поднимались даже на высоты, занятыя оборонительными постройками. Вечеръ провели среди многочисленной публики, наслаждавшейся предъ кофейными домами на набережной виломъ моря, освѣщеннаго луною.

20 августа (1 сентября) послѣ полудня выѣхали мы въ почтовой каретѣ (Brief-Post-Wagen) на Лайбахъ, Марбургъ, Грецъ, Брюкъ, и чрезъ гору Simering на третій день 23 августа (4 сентября) рано утромъ прибыли въ Вѣну.

ПРИДУНАЙСКІЯ СТРАНЫ.

Вотъ я снова въ Вѣнѣ, чрезъ $9^1/_2$ мѣсяцевъ послѣ перваго моего тамъ пребыванія. Вторичное это посѣщеніе имѣло главною цѣлью забрать оставленную тамъ часть моего багажа, именно военную форму, необходимую мнѣ только для возвращенія восвояси. Поэтому я долженъ былъ остановиться и въ прежней гостинницѣ: «Zum weissen Wolf», гдѣ означенный багажъ хранился. Притомъ первоначальный мой планъ путешествія былъ соображенъ съ предположеніемъ о возвращеніи въ Россію, въ случаѣ возможности, чрезъ Константинополь. По ближайшему разсчету остававшагося времени до срока отпуска и денежныхъ средствъ, оказалось невозможнымъ осуществить мою мечту; я рѣшился изъ Вѣны спуститься по Дунаю и возвратиться чрезъ Бухарестъ, Яссы и Одессу. По пріѣздѣ въ Вѣну узналъ я, что пароходъ, дѣлавшій рейсы по Дунаю чрезъ каждыя двѣ недѣли, отходилъ изъ Вѣны какъ разъ на другой день, т. е. 24 августа (5 сентября). Извѣстіе это чрезвычайно разстраивало мои планы, такъ какъ мнѣ было необходимо пробыть въ Вѣнѣ по крайней мѣрѣ дня два или три для заказа портному недоставшей мнѣ части военной одежды. Оставалось одно средство: выѣхать изъ Вѣны на почтовыхъ двумя днями позже отхода парохода, въ надеждѣ застать его въ Пештѣ, гдѣ онъ останавливался на цѣлый день. Такъ и рѣшенъ былъ мой маршрутъ. Что же касается до моего спутника Теслева, то онъ намѣревался возвратиться въ Петербургъ чрезъ Гамбургъ, Копенгагенъ и Стокгольмъ, а потому въ Вѣнѣ приходилось намъ разлучиться.

Двухдневною остановкою своею въ столицѣ Австріи я воспользовался, чтобы пополнить знакомство съ этимъ городомъ. Такъ не успѣлъ я въ первое свое посѣщеніе Вѣны осмотрѣть арсеналъ, т. е. хранилище замѣчательнаго стариннаго оружія, трофеевъ и другихъ военныхъ предметовъ; также счелъ не лишнимъ съѣздить въ Лаксенбургъ—Императорскій загородный дворецъ съ любопытнымъ рыцарскимъ замкомъ, въ которомъ собрана богатая коллекція всякихъ

предметовъ средневѣковой старины; одинъ вечеръ провелъ я вмѣстѣ съ Теслевымъ въ Шенбрунѣ, а въ другой—слушали мы вмѣстѣ оркестръ Страуса въ загородномъ заведеніи, извѣстномъ подъ названіемъ «Sperl». Такимъ образомъ время пролетѣло незамѣтно; заказъ мой портному былъ въ точности исполненъ къ назначенному сроку, и 25 августа (6 сентября) въ 2 часа по полудни я выѣхалъ изъ Вѣны.

До станціи Парендорфъ, на границѣ Венгріи, ѣхалъ я въ наемномъ Вѣнскомъ экипажѣ; далѣе предполагалъ ѣхать на почтовыхъ, по нашему на «перекладныхъ». На границѣ Венгерской произведенъ былъ таможенный осмотръ моего багажа и прописка паспорта. Граница эта составляла черту, отдѣлявшую западную, культурную Европу отъ восточной, полуазіатской; я былъ пораженъ этимъ рѣзкимъ переходомъ. Въ Парендорфѣ обступила меня толпа Мадьярскихъ поселянъ, промышлявшихъ извозомъ и предлагавшихъ мнѣ довезти до Пешта кратчайшею дорогою въ 16 часовъ времени за меньшую плату, чѣмъ установленные казенные прогоны. Этотъ способъ ѣзды назывался у Нѣмцевъ Baur-Post, точь въ точь наша ѣзда «на вольныхъ» или «передаточныхъ», съ тою только разницею, что здѣсь въ маленькую телѣжку запрягаютъ по 4 лошади съ уносомъ, и возница гонитъ немилосердно своихъ бѣдныхъ клячъ длиннымъ бичемъ все время вскачь. Я принялъ предложеніе и всю ночь летѣлъ на перекладной по степной мѣстности, совершенно напоминавшей мнѣ южныя наши степи. Мѣстами приходилось скакать даже безъ дороги, по буеракамъ и чрезъ канавы. На станціяхъ, гдѣ перемѣняли лошадей, находилъ я совершенно такую же обстановку, какъ въ нашихъ Малороссійскихъ деревняхъ. Незнаніе мѣстнаго языка нѣсколько затрудняло меня въ сношеніяхъ съ извозчиками; однакожъ я долженъ отдать справедливость Венгерскимъ поселянамъ въ томъ, что они при своей суровой, полудикой наружности, оказались людьми добродушными и смышленными. Всѣ неудобства этого переѣзда вознаграждались занимательностію пути. Я радъ былъ видѣть этотъ новый край, не похожій на все остальное, видѣнное въ западной Европѣ; народъ, сохранявшій еще свою оригинальность, ясно высказывавшую его азіатское происхожденіе. Какой контрастъ съ тѣмъ, что за нѣсколько лишь часовъ оставилъ я въ Вѣнѣ.

Ровно чрезъ сутки по выѣздѣ оттуда, въ 2 часа дня 26 августа (7 сентября) прискакалъ я въ Буда-Пештъ прямо къ пароходу, стоявшему у лѣваго берега Дуная близъ моста, которымъ соединяются обѣ половины города. Сдавъ багажъ свой на пароходъ, я вмѣсто отдыха

побѣжалъ осматривать городъ, пока еще было свѣтло. По краткости времени я долженъ былъ конечно ограничиться обзоромъ лишь главныхъ, болѣе нарядныхъ частей, и въ памяти моей остался лишь общій, красивый видъ съ моста на обѣ стороны Дуная; въ особенности же внушительно господствующее положеніе Буды на правомъ высокомъ берегу рѣки.

Въ ночь на 27 августа (8 сентября) пароходъ отчалилъ отъ берега. Все плаваніе мое по Дунаю отъ Пешта до Журжи продолжалось 6 дней: путь долгій, но въ высшей степени для меня занимательный и поучительный. Въ первый день пароходъ дошелъ до Мохача; во второй—до Землина, въ оба эти дня останавливался съ 9 часовъ вечера до 4 часовъ ночи. Въ числѣ спутниковъ моихъ были лица самыхъ разнообразныхъ званій и различныхъ національностей; слышался говоръ на языкахъ нѣмецкомъ, мадьярскомъ, славянскомъ, греческомъ, итальянскомъ. Такимъ образомъ, не сходя съ парохода, я имѣлъ случай многое узнать относительно положенія страны и разноплеменнаго ея населенія. Въ особенности интересовали меня при-Дунайскіе славяне и «Граничары», т. е. пограничная съ Турціею окраина Австріи, еще имѣвшая тогда военную организацію. Кордонные посты, которые удалось мнѣ видѣть по Дунаю и въ самомъ Землинѣ, гдѣ я выходилъ на берегъ, привели меня къ тому заключенію, что Австрійскую «Военную границу» совершенно неправильно приравнивали къ нашему Кавказскому линейному казачьему войску. Сравнительно съ послѣднимъ, Граничары показались мнѣ плохою милиціею. Въ разговорахъ съ разными встрѣчавшимися славянами постоянно слышалъ я выраженія сочувствія къ Россіи; люди развитые высказывали мнѣніе о необходимости единенія въ литературномъ языкѣ. Богемскій графъ Деймъ, съ которымъ случилось мнѣ разговориться объ Австрійскомъ населеніи, ставилъ славянскія племена въ культурномъ отношеніи выше мадьяръ.

На третій день плаванія 29 августа (10 сентября) прошли мы мимо Бѣлграда и его Турецкой крѣпости, затѣмъ мимо другой Турецкой же крѣпости Семендріи и, дойдя около 2 часовъ по полудни до Дренковы, должны были тутъ остановиться до слѣдующаго дня, потому что предстояло намъ отсюда небезопасное плаваніе въ маленькихъ лодкахъ чрезъ Дунайскіе пороги, извѣстные подъ названіемъ «Желѣзныхъ воротъ». Теченіе Дуная стѣсняется съ обѣихъ сторонъ горами, начиная отъ Базіаша; но на первыхъ 80 или 90 верстахъ плаваніе не представляло никакихъ затрудненій; далѣе же по-

степенно русло стѣсняется въ видѣ узкаго ущелья, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ фарватеръ прерывается скалистымъ дномъ, гдѣ вода несется съ пѣною и ревомъ. Эту часть пути, на протяженіи около 80 верстъ, считалось невозможнымъ проходить на пароходѣ. Продолжительная остановка у Дренковы дала мнѣ случай снова выдти на берегу и осмотрѣть ближайшее селеніе Bersaska одного изъ полковъ военной границы Валахской національности. И здѣсь нашелъ я много сходства съ нашими деревнями южной Россіи и по внѣшнему виду, и по народному хозяйству. Поселяне только на службѣ надѣвали военную форму; въ домашнемъ же быту ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ сосѣднихъ странъ. Оружіе давалось имъ только на дѣйствительной службѣ; даже кордонную службу отправляли они съ дубинками или палками.

Въ 4 часа ночи на 30 августа (11 сентября) пассажировъ парохода разсадили на нѣсколько лодокъ довольно тѣсно, съ 8 гребцами на каждой. На пути нашемъ показывали на Австрійскомъ берегу въ обрывѣ горъ пещеру, называемую «Ветераньевою», въ которой во время оно Австрійскій отрядъ долго держался противъ многочисленныхъ Турецкихъ войскъ. Противъ этого мѣста, какъ говорили, была нѣкогда протянута желѣзная цѣпь поперекъ рѣки для прегражденія плаванія враждебнымъ шайкамъ.

Въ Оршовѣ лодки наши причалили къ берегу; здѣсь граница Австріи съ Валахіею, таможня и карантинъ. Послѣ довольно продолжительныхъ формальностей и осмотра нашего имущества снова разсадили насъ по лодкамъ; мы продолжали путь уже съ Валахскими гребцами. Построенная на островкѣ Дуная Турецкая крѣпостца Ада-Кале казалась совершенно запущенною, также какъ и другія видѣнныя нами Турецкія крѣпости по Дунаю. Тутъ въ первый разъ увидѣли мы Турецкихъ солдатъ: они вовсе не имѣли воинственнаго вида; нѣкоторые были даже босые. Около 7 часовъ вечера наконецъ достигли мы Кладовы, гдѣ принялъ насъ пароходъ «Панонія».

На пароходѣ этомъ уже преобладалъ элементъ Валахскій; я почувствовалъ себя почти какъ дома: такъ сильно еще было тогда въ Княжествахъ Дунайскихъ русское вліяніе. Весьма многіе изъ Валаховъ говорили по русски. Въ числѣ пассажировъ нашли мы на пароходѣ одного изъ Валахскихъ аристократовъ князя Суцо съ женою. Въ разговорахъ съ Валахами мнѣ случалось нерѣдко слышать воспоминанія о моемъ дядѣ гр. Павлѣ Дмитріевичѣ Киселевѣ; о немъ

всегда отзывались весьма сочувственно, хотя иногда не обходилось безъ намековъ на его слабость къ прекрасному полу.

31-го августа густой утренній туманъ заставилъ капитана парохода замедлить ходъ, а по временамъ и совсѣмъ останавливаться. Намъ удалось однакоже хорошо разглядѣть Турецкую крѣпость Виддинъ и другіе пункты возвышеннаго праваго берега Дуная; противоположный Валахскій берегъ большею частію плоскій. Дунай разливается широко, образуя во многихъ мѣстахъ острова. Съ наступленіемъ темноты пароходъ остановился среди рѣки, а на другой день 1-го сентября мы прошли мимо Рахова, Никополя, Систова, Рущука и остановились на ночь у Валахскаго городка Журжи. Здѣсь распростился я съ моими спутниками, и рано утромъ 2-го сентября съѣхалъ съ парохода на берегъ.

Въ дрянномъ городкѣ Журжѣ долго я прохлопоталъ съ паспортами и багажемъ, такъ что выѣхалъ отгуда только въ 10-мъ часу въ большой фурѣ, по тамошнему «каруцѣ», тройкою. Послѣ бывшихъ здѣсь дождей дорога чрезвычайно грязная; мѣстами везли меня даже полями, въ объѣздъ дороги, какъ бываетъ и у насъ на Руси. Вообще страна произвела на меня первое впечатлѣніе грустное: бѣдныя, грязныя деревушки изъ землянокъ или низенькихъ хатъ, оборванное, забитое населеніе, обширныя пространства необработанной земли, почтовыя станціи безъ всякаго строенія, безъ всякаго пріюта для проѣзжающаго. Почтовыя лошади паслись въ табунѣ и сгонялись только по прибытіи путешественника на станцію; повозки и упряжь еще хуже нашихъ. Только къ 10 часамъ вечера добрался я до Бухареста и остановился въ гостинницѣ «Золотого льва».

День 3-го сентября провелъ я въ Бухарестѣ; познакомился съ Русскимъ генеральнымъ консуломъ Дашковымъ и его семействомъ; утромъ ходилъ по городу, довольно обширному, но ничѣмъ не замѣчательному; обѣдалъ у консула, а вечеромъ былъ на «Киселевскомъ» бульварѣ, гдѣ собирается весь Бухарестскій «beau monde». Въ Бухарестѣ нашелъ я много еще слѣдовъ недавней Русской оккупаціи; въ гостинницахъ прислуга понимала по русски; извозчики почти всѣ русскіе (большею частію изъ раскольниковъ); войско обмундировано по образцу Русской арміи. Изъ разговоровъ съ мѣстными жителями узналъ я, что въ народѣ большое неудовольствіе на Господаря и бояръ, отчасти же и на Русское правительство, которому ставилось въ упрекъ, что оно будто-бы не обращало вниманія на неоднократныя жалобы на беззаконія Господаря, брало

всегда его сторону и поддерживало его. Политика эта, какъ говорили, подрывала въ краѣ обаяніе и нравственное вліяніе Россіи.

4-го сентября утромъ выѣхалъ я изъ Бухареста на почтовыхъ лошадяхъ, въ купленной тамъ за безцѣнокъ старенькой бричкѣ. Какъ ни легка была моя повозка, приходилось впрягать въ нее до 6 жалкихъ клячъ, по причинѣ невылазной грязи на Валахскихъ и Молдавскихъ дорогахъ. Благодаря веревочной сбруѣ случалось, что лошади, съ сидѣвшимъ на нихъ возницею, выскакивали изъ упряжки и неслись стремглавъ; а я оставался въ бричкѣ безъ лошадей. Конечно такая ѣзда не могла быть быстрая; на станціяхъ не находилъ я никакого убѣжища отъ непогоды. Промоченный дождемъ до костей, подъ вечеръ въѣхалъ я въ Бузео; хотѣлось согрѣться чашкою чая и обсушиться. Извозчикъ предлагалъ везти меня прямо къ уѣздному начальнику (по мѣстному названію—капитану-исправнику), но вслѣдствіе моего отказа подвезъ къ какой-то грязной харчевнѣ, гдѣ вмѣсто чая подали мнѣ стаканъ какой-то отвратительной настойки, которую не было возможности проглотить; я вынужденъ былъ ограничиться скромною сухою закускою, и переждавъ сильный дождь въ своемъ не приглядномъ убѣжищѣ, предъ разсвѣтомъ снова пустился въ путь.

Въ этотъ день 5 числа предстояло мнѣ, въ проѣздъ чрезъ городокъ Рымникъ, исполнить довольно странное порученіе, данное мнѣ еще на пароходѣ ѣхавшею со мною Французскою дамою, гувернанткою въ домѣ князя Суцо. Въ тѣ времена Русскіе офицеры были на счету выгодныхъ жениховъ для Валахскихъ и Молдавскихъ барышенъ; а въ домѣ князя Суцо имѣлась барышня уже зрѣлая, для которой желательно было найти «партію». Вотъ бывшая наставница княжны и придумываетъ поручить мнѣ лично завезти ей письмо отъ ея родителей, будто-бы очень спѣшное. Не рѣшившись отказать дамѣ, я долженъ былъ остановиться въ Рымникѣ, привести себя нѣсколько въ опрятный видъ, нанять экипажъ и ѣхать въ имѣніе князя Суцо Гребену, верстъ за 6 отъ города. Появленіе незнакомаго Русскаго офицера должно было вѣроятно удивить барышню: она приняла отъ меня письмо, поблагодарила, и послѣ нѣсколькихъ минутъ банальнаго разговора я поспѣшилъ возвратиться къ своей дорожной бричкѣ, не оставивъ моего сердца на берегахъ Рымника. Эпизодъ этотъ задержалъ меня на нѣсколько часовъ, такъ что было уже почти 7 часовъ вечера, когда я пріѣхалъ въ Фокшаны на границу Молдавіи.

Тутъ приходилась новая задержка, частію изъ за формальностей съ паспортомъ и таможнею, частію потому, что на почтовой станціи отказывались везти меня ночью чрезъ Серетъ, разлившійся отъ бывшихъ предъ тѣмъ сильныхъ дождей. Однакожъ почтовый начальникъ (опять «капитанъ») не только уступилъ моимъ настояніямъ, но еще угостилъ меня ужиномъ, и въ 12-мъ часу ночи я отправился въ путь. Но мнѣ пришлось раскаяться въ своемъ упрямствѣ: Серетъ дѣйствительно выступилъ изъ своихъ низменныхъ береговъ и наводнилъ широкую полосу мѣстности; извозчикъ сбился съ дороги и съ трудомъ вывезъ меня. Протащился я всю ночь и весь слѣдующій день (6 число), и всетаки не удалось мнѣ доѣхать до Яссъ, гдѣ я надѣялся найти удобный ночлегъ (отъ Фокшанъ до Яссъ 170 верстъ). Я долженъ былъ провести ночь въ своей бричкѣ на послѣдней станціи, и только 7-го числа въ воскресенье въ 9 часовъ утра добрался наконецъ до столицы Молдавскаго княжества.

Въ Яссахъ мнѣ казалось, что я уже въ Русскомъ городѣ: церкви въ Византійскомъ стилѣ, вывѣски русскія, кучера русскіе, въ гостинницѣ («Петербургской»—весьма плохой) разговоры по русски. Немедленно по пріѣздѣ я посѣтилъ нашего консула Коцебу, у котораго засталъ Молдавскаго министра внутреннихъ дѣлъ («ворника») Стурдзу. Разумѣется разговоръ сейчасъ же зашелъ о гр. Киселевѣ, о которомъ Стурдза отзывался съ большими похвалами. Русское вліяніе удержалось въ Молдавіи еще гораздо болѣе, чѣмъ въ Валахіи; здѣсь преобладаю консервативное направленіе въ лицѣ старыхъ бояръ, не такъ легко поддававшихся либеральнымъ увлеченіямъ, взявшимъ верхъ въ Бухарестѣ. Въ разговорѣ съ консуломъ и Стурдзою узналъ я съ прискорбіемъ, что мнѣ придется можетъ быть при въѣздѣ въ Россію выдержать двухнедѣльный карантинъ въ Скулянахъ; однакожъ они успокаивали меня надеждою на скорое сокращеніе этого срока до четырехъ дней и убѣждали меня остаться въ Яссахъ до полученія ожидаемаго по этому предмету распоряженія. Я принялъ этотъ совѣтъ, предпочитая нѣсколько дней пребыванія въ Яссахъ заточенію въ карантинѣ.

Въ первое же утро сдѣлалъ я визиты министру Стурдзѣ и начальнику Молдавскихъ войскъ («милиціи») Русскому полковнику Мищенко, у котораго провелъ вечеръ. На другой день былъ я приглашенъ на обѣдъ къ консулу и познакомился у него съ нѣсколькими русскими; тутъ же видѣлъ нѣкоторыхъ изъ старыхъ бояръ, носившихъ еще прежнюю національную одежду и бороду. Вечеромъ

консулъ повезъ меня въ общественный садъ, куда съѣзжается вся Ясская знать. Въ слѣдующій день полковникъ Мищенко показалъ мнѣ казармы частей войскъ Ясскаго гарнизона, ученіе ихъ и хоръ военной музыки; все было устроено по русскому образцу. Въ послѣднее утро ѣздилъ я съ нѣкоторыми изъ новыхъ своихъ знакомыхъ въ загородную виллу Господаря. Такимъ образомъ я провелъ въ Яссахъ четыре дня, не только не скучая, но даже съ удовольствіемъ, и на мое счастіе 9-го числа пришло желанное разрѣшеніе о сокращеніи срока карантинной обсерваціи. Четыре дня заключенія уже не казались мнѣ очень страшными.

10-го числа, послѣ завтрака у консула, выѣхалъ я изъ гостепріимныхъ Яссъ, и переправившись на паромѣ чрезъ Прутъ, ступилъ на русскій берегъ. Тутъ я подвергся всѣмъ карантиннымъ формальностямъ, соблюдавшимся съ педантическою точностію, доведенною почти до комизма: даже паспортъ отобрали отъ меня чрезъ рѣшетку длинными щипцами и подвергли окуриванію; затѣмъ раздѣли меня до наготы, окуривали мои платья и всѣ вещи; наконецъ помѣстили въ отдѣльный номеръ, давъ мнѣ для прислуги особаго сторожа; вдобавокъ приводили меня два раза къ присягѣ. Смотритель карантина Рафаловичъ, вслѣдствіе полученной отъ консула Коцебу рекомендаціи, обходился со мной очень любезно, присылалъ мнѣ обѣдъ отъ своего стола и всячески старался облегчить мнѣ скучное одиночество.

По окончаніи четырехъ-дневнаго срока въ воскресеніе 14-го сентября выпустили меня изъ карантина, и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ я изъ Скулянъ. Ѣхалъ я безостановочно на Бѣльцы, Кишиневъ, Бендеры и прибылъ въ Одессу поздно вечеромъ 15-го числа. Долженъ признаться, что возвращеніе на родину, послѣ цѣлаго года отсутствія, произвело на меня какое-то грустное впечатлѣніе. Въѣзжая въ отечество изъ страны, только что вырванной изъ подъ Турецкаго гнета, не успѣвшей еще сбросить съ себя азіатской дикости, не замѣчалъ я у насъ значительнаго превосходства ни въ административномъ благоустройствѣ, ни въ культурѣ и благосостояніи населенія, такого же смѣшаннаго, какъ и тамъ, такого же бѣднаго и приниженнаго. Первые встрѣченные русскіе солдаты имѣли такой жалкій видъ въ своей сѣрой дерюгѣ, что мнѣ больно было вспоминать видѣнныя мною въ западной Европѣ щеголеватыя войска. Каждая тамошняя деревня болѣе походила на городъ, чѣмъ наши города, не исключая даже и нѣкоторыхъ губернскихъ, какъ напримѣръ Ки-

шинева. Сама пресловутая Одесса въ то время казалась только что основаннымъ, новорожденнымъ городомъ; въ ней не было тогда порядочной гостинницы; улицы не мощеныя, пыльныя; въ лучшихъ частяхъ города множество незастроенныхъ пустырей, или низкіе, безобразные хлѣбные магазины; населеніе полуиностранное: греческое, итальянское, еврейское. Въ театрѣ давала представленія Итальянская труппа. Вообще городъ былъ мало оживленъ; только бульваръ со статуей Герцога Ришелье и великолѣпнымъ спускомъ къ морю скрашивалъ общій видъ Одессы.

Я долженъ былъ прожить въ Одессѣ 4 дня, пока добился выпуска изъ цензуры бывшихъ при мнѣ книгъ, отобранныхъ у меня въ Скулянахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ надобно было дожлаться починки расшатавшейся брички, чтобы доѣхать въ ней хотя бы до Кіева; наконецъ слѣдовало получить подорожную. 19-го сентября выѣхалъ я изъ Одессы, прибылъ 22-го числа въ Кіевъ, гдѣ провелъ полтора сутокъ, а затѣмъ уже въ дилижансѣ спокойно доѣхалъ 30-го сентября до Москвы.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВО СВОЯСИ.

Въ продолженіи моихъ заграничныхъ странствованій извѣстія отъ семьи доходили до меня не часто и чрезвычайно медленно. Первыя письма по выѣздѣ изъ Петербурга получилъ я во Флоренціи въ декабрѣ, отъ отца изъ Москвы и отъ брата Николая изъ Петербурга. Письмо брата (отъ 25 октября 1840 г.) было очень грустное: съ дружескою откровенностію онъ повѣдалъ мнѣ тайну своей сердечной страсти къ одной изъ родственницъ Авдулина-Александрѣ Аѳанасьевнѣ Шишмаревой, которая повидимому отвѣчала взаимностію; но отецъ дѣвушки рѣшительно воспротивился отдать свою дочь за 22-лѣтняго неимущаго юношу. Все родство также возстало и начало преслѣдовать влюбленнаго всякими оскорбленіями и даже клеветами. Въ то же время нашелся для богатой невѣсты болѣе подходящій женихъ—флигель-адъютантъ, полковникъ Преображенскаго полка Чернышевъ, съ которымъ и состоялась помолвка. Убитый горемъ бѣдный братъ мой удалился отъ общества, впалъ въ полное разочарованіе и, повѣряя мнѣ свою скорбь, выразился, что «въ одну недѣлю постарѣлъ на десятокъ лѣтъ». Чрезъ полтора мѣсяца вновь получилъ я въ Римѣ (отъ 15 декабря) письмо, въ которомъ онъ повторялъ жалобы на свою судьбу. Чтобы нѣсколько успокоить и развлечь его, отецъ пріѣхалъ 21-го декабря въ Петербургъ съ братомъ Владиміромъ и прожилъ тамъ до 4-го января. Придумана была для брата Николая служебная командировка въ Новгородъ, Тверь и Москву, подъ предлогомъ собранія свѣдѣній о бывшемъ въ тотъ годъ неурожаѣ и средствахъ къ обезпеченію продовольствія народнаго въ тѣхъ губерніяхъ. Извѣщая меня о предстоявшемъ выѣздѣ изъ Петербурга письмомъ отъ 14-го января 1841 года, онъ писалъ, что „всѣ попытки его разсѣяться оставались безуспѣшными; что такъ называемый «свѣтъ» опротивѣлъ ему; что онъ сдѣлался отчаяннымъ курильщикомъ»... и проч. «Между окружавшимъ меня человѣчествомъ—писалъ онъ—я нашелъ столько злонамѣренности, клеветы, неблагодарности, что искалъ или совершеннаго отчужденія отъ всѣхъ, или, признаться

ли тебѣ, забвенія въ обществѣ пустомъ и веселомъ, которое заставляло меня топить горе въ ромѣ... «Не пугайся—прибавлялъ онъ—пьяницей я не сдѣлаюсь, чему лучшее доказательство, что я нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы оторваться отъ этой жизни и искать въ перемѣнѣ мѣста, лицъ и занятій пробужденія дѣятельности»... «Въ теченіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ я доходилъ до безумія. Если я нашелъ довольно моральной силы, чтобы противостоять безчисленнымъ планамъ своимъ, то приписываю это воспоминанію о всѣхъ васъ и о той, которой мы уже лишились, но которая, кажется мнѣ, слѣдитъ за всѣми моими движеніями»...

Выѣхавъ изъ Петербурга въ половинѣ января, братъ останавливался въ Новгородѣ и Твери и прибылъ въ Москву въ то время, когда вся семья была въ полномъ траурѣ, по случаю недавней кончины бабушки нашей Прасковьи Петровны Киселевой. 74-лѣтняя старушка давно уже хворала и не задолго выдержала тяжкую болѣзнь, отъ которой однакожъ начала было оправляться; но потомъ вдругъ почувствовала страшное разслабленіе и 7-го января внезапно скончалась совершенно спокойно, какъ будто уснула. 11-го января происходило погребеніе въ Донскомъ монастырѣ рядомъ съ могилою покойнаго Дмитрія Ивановича Киселева [1]). Графъ Павелъ Дмитріевичъ, всегда относившійся къ своей матери съ сердечною сыновнею преданностію и почтеніемъ, былъ глубоко огорченъ ея смертью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, отвѣчая своему брату Сергѣю Дмитріевичу на поздравленіе съ полученнымъ 16-го апрѣля орденомъ Св. Андрея, писалъ: «Судьбѣ не угодно было удвоить мое удовольствіе сохраненіемъ той, которая была бы истинно счастлива симъ торжественнымъ доказательствомъ всемилостивѣйшаго вниманія къ усердному служенію моему»...

Въ Москвѣ братъ прожилъ ровно два мѣсяца (съ 24-го января по 25-е марта), велъ жизнь тихую, однообразную; по вечерамъ ѣздилъ съ отцомъ въ Англійскій клубъ, гдѣ читалъ газеты, составлявшія почти единственное его развлеченіе. На каждомъ шагу воспоминанія дѣтства и юношества мало по малу вытѣсняли изъ его головы впечатлѣнія недавняго печальнаго прошлаго. Онъ скорбѣлъ о томъ, что не нашелъ уже въ Москвѣ прежняго, такъ любимаго имъ семейнаго кружка, «который мы бросили, чтобы кинуться въ Петербургскій омутъ, и нашего невозвратимаго Ангела, котораго отсут-

[1]) Тутъ же впослѣдствіи погребены и сыновья ихъ: Павелъ и Николай Дмитріевичи Киселевы. Надъ всѣми четырьмя могилами поставленъ общій памятникъ.

ствіе я чувствую болѣе чѣмъ когда либо»—такъ выразился онъ въ письмѣ ко мнѣ изъ Москвы отъ 7 февраля.

Приведу еще изъ этого же письма нелишенную остроумія и юмора характеристику Московской жизни во время масляницы: «Москва все та же, какъ и прежде; также любитъ, болтаетъ, ѣстъ и дурачится. Всѣ кряхтятъ, что денегъ нѣтъ, а между тѣмъ балаганы кипятъ народомъ; еще болѣе театры, или лучше сказать пародіи на театръ; а еще болѣе балы и маскарады. Теперь идетъ нестерпимая для желудка масляница; блинами объѣдается старъ и младъ. По улицамъ разъѣзжаютъ франты съ бубенчиками; пьяный народъ подбирается пьяными же будочниками. Чиновники Комиссіи [1]) пропадаютъ безъ вѣсти на нѣсколько дней и являются домой безъ плащей и платья. Въ Англійскомъ клубѣ дуются на тысячи рублей въ лото; дамы дуются въ преферансъ, а всѣ вмѣстѣ въ палки [2]). Рысаки бѣгаютъ по Москвѣ-рѣкѣ, а голодныя собаки—по улицамъ. Театры открыты съ утра до ночи, а клубы съ ночи до утра. А между тѣмъ морозы и доктора морятъ бездну народа; трауры повсюду. Иверскую возятъ съ одного конца города въ другой; помѣщики сидятъ безъ денегъ, мужики—безъ хлѣба, а лабазники, Кузнецкій мостъ и чиновники набиваютъ карманы. Вотъ наша Москва, вотъ наша масляница».

Во время пребыванія брата въ Москвѣ, отецъ всячески старался развлекать его, и въ письмѣ отъ 25 марта писалъ мнѣ, что повидимому онъ сдѣлался нѣсколько веселѣе и здоровье его поправилось. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, братъ представилъ начальству отчетъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія. Отчетъ этотъ очень понравился министру, графу Александру Григорьевичу Строгонову, который призвалъ къ себѣ молодого чиновника, обласкалъ его и возложилъ на него новое порученіе—дополнить сдѣланную имъ работу собраніемъ такихъ же свѣдѣній по части народнаго продовольствія въ Ярославской губерніи [3]). Такимъ образомъ 1-го мая братъ снова появился въ Москвѣ совершенно неожиданно; пробывъ тамъ одинъ день, уѣхалъ въ Ярославль; на возвратномъ пути опять навѣстилъ отца въ Москвѣ, а къ 14-му мая уже возвратился въ Петербургъ. Снова былъ онъ принятъ весьма любезно министромъ,

[1]) Подразумѣвается Комиссія по постройкѣ Храма Христа Спасителя, въ которой отецъ нашъ былъ членомъ и управляющимъ дѣлами.

[2]) Тогдашняя модная игра карточная.

[3]) Письмо брата отъ 26 апрѣля, полученное мною въ Аахенѣ 16/28 мая,

который остался доволенъ его работою и сулилъ ему въ награду камеръ-юнкерское званіе; но братъ рѣшительно отклонилъ такую честь и съ новою горячностію принялся за работу по возложенному на него составленію проекта Положенія о мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія. Дѣло было серьезное; оно окончательно отвлекло его мысли отъ несчастной его сердечной зазнобы и кажется онъ даже совсѣмъ разочаровался въ предметѣ своей недавней страсти.

Въ іюнѣ Москву посѣтила Царская фамилія, по случаю торжественнаго въѣзда въ первопрестольную столицу новобрачныхъ: Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и Цесаревны Маріи Александровны [1]). Какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ вся Москва оживилась и заволновалась. Въ числѣ многихъ излитыхъ милостей и наградъ и мой отецъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Вслѣдъ за отъѣздомъ Царской фамиліи изъ Москвы, отецъ переселился на дачу въ Петровскій паркъ. Тамъ же проводили лѣто Неѣловы; Сергѣй же Дмитріевичъ Киселевъ жилъ второе лѣто въ новоприобрѣтенной имъ подмосковной Елизаветинѣ. Гр. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ былъ лѣтомъ въ разъѣздахъ по южнымъ губерніямъ для ревизіи мѣстныхъ управленій Государственныхъ Имуществъ. За нѣсколько дней до моего проѣзда чрезъ Кишиневъ, онъ выѣхалъ оттуда въ Каменку—имѣніе фельдмаршала кн. Витгенштейна, и возвратился въ Петербургъ только 8-го октября.

Отецъ мой, живя въ Петровскомъ паркѣ, жаловался на разстройство здоровья. Продолжавшаяся безконечная его тяжба съ Евдокимовымъ приняла было благопріятный оборотъ въ Тульской Палатѣ, что однакоже нисколько не обезпечивало благополучнаго исхода при дальнѣйшихъ переходахъ изъ одной инстанціи въ другую. Въ это же время отецъ былъ опечаленъ смертью (26 іюля) сестры его и моей тетки Екатерины Михайловны Милютиной, жившей безвыѣздно въ Скопинской деревнѣ и уже 30 лѣтъ страдавшей психическою болѣзнью. Смерть ея конечно была давно ожидаемымъ исходомъ болѣзни; тѣмъ не менѣе отцу было грустно, что ему не удалось въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ навѣстить несчастную страдалицу.

Остается мнѣ сказать нѣсколько словъ о молодой четѣ Авдулиныхъ. Они вели въ Петербургѣ жизнь свѣтскую; сестра моя, хотя и не совсѣмъ еще отдѣлалась отъ своей прежней институтской застѣнчивости, однакожъ не избѣгала уже выѣздовъ и развлеченій

[1]) Обрученіе происходило въ Петербургѣ 5 и 6 декабря 1840 года, а бракосочетаніе 16 апрѣля 1841 года.

Петербургскаго высшаго круга, въ который мужъ ея постарался вовлечь ее. Съ наступленіемъ лѣта зять мой затѣялъ было путешествіе за границу на продолжительное время; но для этого онъ считалъ необходимымъ запастись очень крупными денежными средствами, которыя предполагалъ заимствовать изъ управленія Яковлевскими заводами, во владѣніи которыми онъ имѣлъ свою долю. Сдѣлка эта не состоялась своевременно и пришлось отказаться отъ предполагавшагося путешествія, къ удовольствію сестры моей, которая постоянно отклоняла мужа отъ его затѣи. Такимъ образомъ Авдулины провели все лѣто по прежнему на своей дачѣ въ Новой деревнѣ.

Въ началѣ августа братъ, окончивъ порученную ему министромъ работу, отправился съ нею къ гр. Строгонову, и тутъ къ крайнему своему прискорбію узналъ, что онъ внезапно уѣхалъ въ Москву вслѣдствіи несчастнаго случая съ братомъ его гр. Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ, переломившимъ себѣ ногу. Чрезъ двѣ недѣли, по возвращеніи министра въ Петербургъ, братъ мой снова явился къ нему со своимъ трудомъ. Графъ Строгоновъ принялъ его съ прежнею любезностію, какъ близкаго довѣреннаго человѣка; но въ то самое время, когда дѣло пошло такъ удачно для моего брата, разнесся слухъ, что графъ Александръ Григорьевичъ по какимъ то служебнымъ непріятностямъ оставляетъ свой постъ. Само собою разумѣется, что слухъ этотъ очень огорчилъ брата. Въ письмѣ отъ 4 августа онъ писалъ мнѣ: «Такъ я долженъ буду войти въ прежнее положеніе и тянуть снова лямку, какъ рядовой. Пожалѣй о своемъ братѣ, которому суждено терпѣть безпрерывныя насмѣшки случая. Всегда большая удача въ началѣ и совершенный упадокъ въ концѣ. Счастье улыбнется такъ, какъ не смѣлъ и думать, а результата никакого»...

Въ томъ же письмѣ братъ выражалъ нетерпѣливое ожиданіе моего возвращенія въ Петербургъ: «Намъ столько будетъ переговорить между собою. Оба мы много состарѣлись въ этотъ годъ: ты отъ путешествія, ибо ничто такъ не открываетъ намъ жизнь и свѣтъ, какъ путешествія; во мнѣ также ты вѣрно найдешь перемѣну и физическую, и моральную»... Письмо это получено мною уже въ Москвѣ, почти одновременно съ позднѣйшимъ письмомъ отъ 10 октября, въ которомъ братъ сообщалъ мнѣ, что опасенія его сбылись: гр. А. Г. Строгоновъ уѣхалъ за границу въ продолжительный отпускъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ братъ извѣщалъ меня о перемѣнѣ квартиры: изъ дома Берхмана (на Владимірской, гдѣ онъ поселился только въ началѣ года)

онъ перемѣстился въ Стремянную, въ домъ Скосырева, гдѣ мы могли жить вдвоемъ, уже безъ прежняго сожителя Н. И. Свѣчина, который по какимъ-то домашнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ устроиться иначе. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ отъ 12-го октября братъ повторялъ, что ожидаетъ моего возвращенія съ нетерпѣніемъ.

Въ Москвѣ я пробылъ три недѣли, остававшіяся до истеченія срока моего отпуска. Радостно было свиданіе съ отцомъ и младшими братьями послѣ продолжительной разлуки; но скажу также, какъ братъ Николай, что домъ отцовскій уже не представлялъ того маленькаго семейнаго міра, въ которомъ бывало, при жизни дорогой нашей матери, находили мы такую душевную отраду. Отецъ былъ постоянно занятъ служебными и своими дѣлами; онъ замѣтно опустился физически и морально. Братъ Владиміръ, которому еще не минуло 15 лѣтъ, замѣтно развился, оказывалъ отличные успѣхи въ гимназіи, такъ что перешелъ уже въ 6-й классъ и ставился начальствомъ въ примѣръ товарищамъ. Меньшой братъ Борисъ, хотя не показывалъ такихъ же блестящихъ дарованій, однакоже учился успѣшно и готовился къ поступленію въ гимназію подъ надзоромъ гувернера нѣмца. Жилъ въ домѣ еще молодой французъ для упражненія обоихъ мальчиковъ въ разговорномъ французскомъ языкѣ.

Что касается до нашего родства, нѣкогда столь многочисленнаго, то оно съ каждымъ годомъ замѣтно сокращалось. Домъ Киселевыхъ, служившій какъ бы центромъ всего родственнаго кружка, можно сказать, закрылся со смертью доброй и всѣми любимой старушки Прасковьи Петровны.

22-го октября выѣхалъ я изъ Москвы въ дилижансѣ и 25-го числа былъ въ Петербургѣ за два дня до срока отпуска.

Послѣ 13 мѣсяцевъ непрерывныхъ странствованій по Европѣ, отдавая себѣ самому отчетъ въ результатахъ этого путешествія, начну съ финансовой его стороны.

Какъ ни скромны были мои путевыя издержки, онѣ всетаки вышли значительно изъ нормальной рамки моихъ обыкновенныхъ финансовыхъ средствъ. Въ общемъ итогѣ издержано въ означенные 13 мѣсяцевъ 8839 рублей ассигнаціями, что составляетъ на серебро около 2500 рублей. На покрытіе этой издержки употреблено, сверхъ содержанія и пособія отъ казны (2390 + 2777 р. асс.), 1900 р. асс. изъ сбереженій отъ заработковъ за прежнее время, 1000 р. асс. по-

лученные отъ отца, и затѣмъ только недостававшіе 772 р. асс. (220 р. сер.) пришлось дополнить займомъ, который былъ уплаченъ изъ позднѣйшихъ заработковъ. Вотъ весь финансовый балансъ.

Теперь поставлю себѣ вопросъ: чѣмъ же выкупались затраченныя денежныя средства и время? Первоначальная и прямая цѣль предпринятаго путешествія—поправленіе здоровья—была въ извѣстной мѣрѣ достигнута: я чувствовалъ облегченіе прежнихъ моихъ разстройствъ—вслѣдствіе ли вынесеннаго гидропатическаго лѣченія, или просто благодаря самому путешествію; но гораздо болѣе важнымъ результатомъ считаю ту пользу, которую путешествіе принесло мнѣ въ отношеніи нравственномъ, или такъ сказать воспитательномъ: оно раскрыло предо мною совершенно новый горизонтъ, указало многіе недостатки въ моемъ образованіи; возбудило желаніе распространить свои знанія. Еще зимою въ Италіи набросаны были мною замѣтки на память о томъ, чѣмъ предполагалъ я заняться по возвращеніи изъ-за границы. Въ число этихъ занятій входили и Политическая экономія, и Международное право, и многіе вопросы политики, военной администраціи, стратегіи и т. д. Также намѣревался я изучать нѣкоторыя части строительнаго искусства. Видѣнныя мною многочисленныя собранія произведеній живописи и ваянія познакомили меня съ чудесами міра художественнаго, остававшагося до того времени совершенно мнѣ невѣдомымъ. Прежняя же моя любовь архитектуры нашла себѣ обильную пищу: вездѣ, гдѣ удавалось мнѣ побывать, прежде всего вниманіе мое останавливалось на произведеніяхъ зодчества; я старался уяснить себѣ типичныя принадлежности стилей и эпохъ; путевой мой дневникъ заключалъ въ себѣ подробный разборъ видѣнныхъ мною замѣчательныхъ зданій, и въ особой запискѣ изложены общія мысли объ основныхъ принципахъ архитектуры, служившихъ мнѣ руководящею нитью при оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ каждой упоминаемой постройки.

Съ другой стороны путешествіе открыло мнѣ глаза на дѣйствительное состояніе Россіи сравнительно съ западною Европою въ культурномъ отношеніи. Любя искренно свою родину, я глубоко скорбѣлъ, видя на каждомъ шагу насколько мы отстали на пути, указанномъ Великимъ Петромъ. Въ сужденіяхъ иностранцевъ о насъ, подъ формами снисходительной вѣжливости, звучало высокомѣрное признаніе превосходства цивилизованнаго Европейца надъ полуобразованнымъ варваромъ. Когда случалось видѣть на сценѣ, или читать въ книгѣ каррикатурныя изображенія русской жизни, меня не столько

оскорбляли ложь и преувеличенія въ этихъ каррикатурахъ, сколько огорчало сознаніе, что къ такимъ обиднымъ для насъ воззрѣніямъ иностранцевъ подаетъ поводъ наша дѣйствительность. Въ одномъ мѣстѣ моего дневника, гдѣ высказывалось сѣтованіе по этому предмету, невольно вырвалось у меня такое признаніе: «Съ истиннымъ прискорбіемъ пишу эти строки; отъ души желалъ бы дожить до того времени, когда все сказанное мною было бы анахронизмомъ... Желалъ бы, чтобы поѣздка моя за границу имѣла результатомъ не одно лишь разъясненіе мнѣ истиннаго состоянія Россіи сравнительно съ Европою, но дала бы мнѣ со временемъ возможность сдѣлаться полезнымъ моему отечеству. Счастливъ былъ бы, еслибъ когда нибудь осуществились эти мечты мои... Это самая утѣшительная цѣль моей службы и самой жизни».

НА РАСПУТЬѢ.

1841—1843.

Вотъ я опять въ Петербургѣ, обреченный на однообразное, без- 1841.
жизненное существованіе, замкнутое въ тѣсныя рамки служебнаго формализма. Поселился я съ братомъ Николаемъ въ новой его квартирѣ въ Стремянной улицѣ, и немедленно явился на службу. Брата нашелъ я въ лучшемъ расположеніи духа, чѣмъ ожидалъ: онъ былъ очень занятъ служебными дѣлами; однакожъ находилъ время развлекаться въ маленькомъ кружкѣ молодыхъ, веселыхъ пріятелей. Отъ прежняго его сердечнаго увлеченія повидимому не оставалось слѣдовъ. Новый министръ Внутреннихъ Дѣлъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій относился къ нему благосклонно, хотя не успѣлъ еще сблизиться съ нимъ. Только въ слѣдующемъ 1842-мъ году брату поручено было вновь учрежденное въ хозяйственномъ Департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ «Городское Отдѣленіе». Съ этимъ назначеніемъ служебная дѣятельность моего брата сосредоточилась на разработкѣ новыхъ положеній о городскомъ управленіи и хозяйствѣ.

Въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ произошли въ мое отсутствіе значительныя перемѣны. Еще лѣтомъ, когда я видѣлся на Рейнѣ съ ген. Веймарномъ, я уже зналъ о новомъ его назначеніи Начальникомъ Штаба Гренадерскаго Корпуса. По возвращеніи изъ за границы въ исходѣ августа, онъ переселился въ Новгородъ. Гвардейскій генеральный штабъ съ прискорбіемъ разстался съ такимъ начальникомъ, котораго всѣ уважали и любили. Мѣсто его занялъ полковникъ баронъ Ливенъ, только что возвратившійся изъ командировки въ Турцію вмѣстѣ съ кап. Старкомъ. Новый нашъ оберъ-квартирмейстеръ былъ человѣкъ весьма пріятный, обходительный, всѣми любимый; но по чрезмѣрной мягкости характера онъ вполнѣ поддался вліянію полк. Фролова, который не пользовался ни любовью, ни уваженіемъ офицеровъ, держалъ себя въ отношеніи къ нимъ пристрастно, а къ нѣкоторымъ явно враждебно, какъ напримѣръ къ Голынскому, Горемыкину, Волкову, Кузминскому. Голынскій (Феликсъ Ѳадѣевичъ), хотя и дождался производства въ полковники

гвардейскаго генеральнаго штаба, однакожъ былъ поставленъ въ необходимость покинуть службу, частію по разстроенному здоровью, а частію по безпрерывнымъ непріятностямъ съ Фроловымъ. Онъ взялъ отпускъ на 6 мѣсяцевъ и я уже не засталъ его въ Петербургѣ. Горемыкинъ (Ѳедоръ Ивановичъ), оставивъ должность старшаго адъютанта, искалъ себѣ какого либо новаго служебнаго положенія. Такимъ образомъ обоими отдѣленіями Штаба управляли уже новые, молодые офицеры, пользовавшіеся покровительствомъ Фролова: первымъ—выпущенный изъ Академіи въ 1840 году и прикомандированный къ штабу инженеръ штабсъ-капитанъ Минквицъ (Александръ Ѳедоровичъ), а вторымъ—штабсъ-капитанъ Лермонтовъ. Бывшій мой товарищъ путешествія Теслевъ еще не возвратился въ Петербургъ: послѣ того, какъ мы съ нимъ разстались въ Вѣнѣ, онъ проѣхалъ чрезъ Дрезденъ въ Гамбургъ, оттуда на пароходѣ въ Стокгольмъ и въ концѣ октября прибылъ на свою родину въ Финляндію, гдѣ прожилъ до конца января въ деревнѣ въ окрестностяхъ Выборга. Онъ продолжалъ жаловаться на разстройство здоровья и уже сомнѣвался въ возможности продолжать службу въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ. Также и шт. кап. Кузминскій (Александръ Петровичъ) собирался уѣхать въ продолжительный отпускъ, по разстроенному здоровью: пролечившись все лѣто у Петербургскаго гидропата Гардера, онъ рѣшился отправиться къ самому отцу гидропатіи Присницу въ Грейфенбергъ. Такимъ образомъ изъ тѣхъ товарищей, съ которыми я преимущественно былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, оставался на лицо одинъ Горемыкинъ. Взамѣнъ же выбывшихъ и отсутствовавшихъ товарищей [1]), нашелъ я нѣсколькихъ вновь прикомандированныхъ молодыхъ офицеровъ: троихъ изъ академическаго выпуска 1840 года: упомянутаго уже шт. кап. Минквица (инженеръ), Донского казака есаула Попова и путей сообщенія пор. Козлянинова (Николая Ѳедоровича); еще одного изъ послѣдняго выпуска 1841 года шт.-кап. Л. Гв. Семеновскаго полка Карцова (Александра Петровича). Кромѣ того прикомандированъ былъ къ штабу, помимо Академіи (по примѣру Жерве и Кушелева), прямо по выпускѣ изъ Пажескаго корпуса, прапорщикъ Преображенскаго полка гр. Гейденъ (Ѳедоръ Логгиновичъ). Изъ этихъ пяти новыхъ товарищей

[1]) Въ числѣ выбывшихъ былъ прикомандированный къ штабу юный прапорщикъ Преображенскаго полка Кушелевъ, неизвѣстно за что и почему назначенный флигель-адъютантомъ и откомандированный на Кавказъ.

наиболѣе симпатичными показались мнѣ Козляниновъ, Карцовъ и гр. Гейденъ.

Въ «дежурствѣ» нашего Корпусного штаба также произошла перемѣна: бывшій дежурный штабъ-офицеръ полк. Никифоровъ, который пользовался общимъ уваженіемъ и любовью, произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ, то есть директоромъ Комиссаріатскаго Департамента, на мѣсто ген. Храпачева; а дежурнымъ штабъ-офицеромъ назначенъ старшій адъютантъ дежурства кап. Синельниковъ, съ переименованіемъ въ подполковники.

Въ зимнее время, какъ уже было сказано, офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба почти не несли никакихъ обязательныхъ занятій. Только по временамъ начальство придумывало какую нибудь работу, чтобы занять досуги офицеровъ; такъ напримѣръ нѣкоторые изъ нихъ принимали участіе въ составленіи новыхъ наставленій войскамъ по разнымъ частямъ строевой службы и т. п. Поэтому въ зиму 1841—1842 г. я имѣлъ много свободнаго времени. Пользуясь имъ, приступилъ я къ исполненію намѣченной мною еще за границею программы занятій; началъ изучать Международное право, Политическую Экономію; много читалъ; иногда излагалъ письменно свои размышленія и задумывалъ разныя работы. Въ числѣ такихъ замѣтокъ были между прочимъ мысли о составленіи «Исторіи народовъ и государствъ восточной Европы»; нѣсколько программъ для систематическаго изложенія общаго курса военныхъ наукъ, предположеніе о составленіи курса полевой фортификаціи въ связи съ тактикой (подъ заглавіемъ: «Примѣненіе полевыхъ инженерныхъ работъ къ современной тактикѣ»), и т. д. Но изъ всѣхъ этихъ предположеній и размышленій не могъ я остановиться ни на одномъ, чтобы приступить къ серьезной разработкѣ. Дѣло въ томъ, что мнѣ необходимо было по прежнему искать работы, такъ сказать, производительной, которая доставляла бы хотя нѣкоторыя матеріальныя средства въ подспорье къ получаемому по службѣ содержанію, совершенно недостаточному для самой скромной жизни офицера въ Петербургѣ. Подобныя работы, попадавшіяся кое-когда случайно, урывками, для какихъ нибудь періодическихъ изданій, не составляли вѣрнаго источника. Въ этихъ соображеніяхъ я задумалъ было взяться за изданіе при гвардейскомъ Штабѣ Военнаго Журнала и представилъ начальству въ декабрѣ 1841 года проектъ такого изданія съ подробнымъ разсчетомъ издержекъ. Предполагалось, что всѣ расходы могли по-

крыться при 850 подписчикахъ и что потому можно обойтись безъ всякой субсидіи отъ казны. Проектъ мой былъ одобренъ ближайшимъ начальствомъ и представленъ въ высшія инстанціи; но увы, въ январѣ 1842 года полученъ отъ Военнаго Министерства отвѣтъ, что на предположенное изданіе Высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

Неудача эта не только разстроила мой планъ и заставила меня искать другихъ средствъ къ обезпеченію моего положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердила еще разъ, что служба при гвардейскомъ корпусѣ никогда не дастъ мнѣ дѣятельности, соотвѣтствующей моимъ наклонностямъ и стремленіямъ. Самая жизнь въ Петербургѣ была не по мнѣ. И что же могло меня къ ней привязывать? Къ «свѣтской» жизни никогда не имѣлъ я расположенія, а къ такъ называемому «большому свѣту» (le grand monde) даже питалъ отвращеніе до того, что избѣгалъ частыхъ посѣщеній моей сестры, чтобы не встрѣчаться въ ея домѣ съ личностями несимпатичными. Къ сожалѣнію, и съ братомъ Николаемъ, не смотря на дружескія наши отношенія и совмѣстное жительство, мы въ сущности вели жизнь врознь и видѣлись мало: по утрамъ онъ былъ на службѣ, а вечера большею частію проводилъ въ своемъ кружкѣ молодыхъ пріятелей, съ которыми у меня не было ничего общаго. Наконецъ и товарищескій мой кружокъ, какъ уже сказано, почти распался.

Вообще мой кругъ знакомства былъ весьма тѣсный, если не считать тѣ личности или семьи, съ которыми отношенія ограничивались рѣдкими, обязательными визитами. Было только три—четыре дома, въ которыхъ случалось мнѣ иногда проводить запросто вечера; и странно, что это были все новые знакомые, съ которыми случайно сблизился я во время путешествія. Такъ Иванъ Ѳедоровичъ и Елизавета Максимовна Веймарны, пріѣзжая по временамъ изъ Новгорода въ Петербургъ, по прежнему принимали меня весьма дружелюбно и радушно и любили вспоминать о нашихъ странствованіяхъ; также посѣщалъ я кн. Ник. Серг. Голицына [1]), видался съ барономъ и баронессою Тизенгаузенъ и возобновилъ знакомство съ генеральшею Понсэ, которая, по возвращеніи изъ за границы, поселилась въ Га-

[1]) Кн. Ник. Серг. Голицынъ, по возвращеніи изъ за границы (въ апрѣлѣ 1841 г.) въ Петербургѣ, усердно принялся снова за прерванную во время отпуска работу по курсу Военной Исторіи для Военной Академіи. Чтобы скорѣе довести ее до конца, онъ даже былъ освобожденъ совсѣмъ отъ лекцій въ Академіи; читалъ ихъ кап. Мод. Ив. Богдановичъ, получившій званіе второго профессора Стратегіи и Военной Исторіи.

лерной улицѣ, въ домѣ моего зятя Авдулина [1]). Она жила съ двумя дочерьми, изъ которыхъ старшею была знакомая мнѣ Наталія Михайловна, а другая—Фредерика (звали ее въ семьѣ Дора)—была еще на положеніи несовершеннолѣтней. Сынъ генеральши Понсэ, Евгеній Михайловичъ, служилъ подпоручикомъ въ Конно-піонерномъ дивизіонѣ, стоявшемъ въ Задонскѣ, и только изрѣдка пріѣзжалъ въ Петербургъ въ отпускъ. Какъ и прежде, невѣдомый магнитъ тянулъ меня въ домъ генеральши Понсэ, не смотря на то, что я находилъ у ней такой кругъ знакомыхъ, съ которымъ не имѣлъ ничего общаго. Въ этомъ кружкѣ преобладалъ Петербургскій нѣмецкій элементъ: семьи генераловъ Шуберта и Зедделера, Фрейганги, Фишеры, Корфы, Геншели, Гюгели (Hügel); были также и нѣкоторыя французскія имена: графъ и графиня Сансэ, Seguin Lobry; наконецъ встрѣчался я тамъ и съ общими знакомыми: Веймарнами, Тизенгаузенами. У генеральши Понсэ знакомые собирались обыкновенно по середамъ вечеромъ. Я былъ въ числѣ ея обычныхъ гостей, такъ что частыя мои посѣщенія, которыя не могли быть тайною въ домѣ Авдулиныхъ, начали уже служить предметомъ шутокъ, что конечно было для меня очень непріятно. Я сталъ рѣже посѣщать домъ, въ которомъ слишкомъ частыя мои появленія могли подать поводъ къ напраснымъ толкамъ и пересудамъ, тогда какъ въ дѣйствительности, при тогдашнемъ моемъ необезпеченномъ, безпочвенномъ положеніи, нельзя было и мечтать о какихъ-либо матримоніальныхъ видахъ. Такимъ образомъ мнѣ приходилось постоянно выдерживать тяжкую борьбу со своими собственными впечатлѣніями и скрывать свои чувства даже отъ самыхъ близкихъ людей. Чрезъ это существованіе мое въ Петербургѣ сдѣлалось еще тяжелѣе; послѣ цѣлаго года путешествій, жизнь Петербургская казалась мнѣ безсодержательною, пустою, скучною. Былой недугъ нравственный—хандра—возвратился съ новою силою.

Только пріѣздъ отца въ Петербургъ составилъ пріятный эпизодъ въ моемъ безотрадномъ существованіи. Онъ прожилъ съ нами съ половины декабря до конца января и долженъ былъ спѣшить возвращеніемъ въ Москву, по случаю пріѣзда туда, въ началѣ февраля, сестры его Елизаветы Михайловны Якимовой [2]).

---

1) Домъ этотъ, какъ и всѣ другіе дома Англійской набережной, выходилъ также и на Галерную улицу.

2) Въ это же время, въ февралѣ 1842 года, вышла замужъ за нѣкоего Медвѣдева младшая изъ двухъ сестеръ Бакаревыхъ (Марія Алексѣевна), воспитанныхъ въ домѣ Киселевыхъ. Старшая, Анна Алексѣевна, была за Мельниковымъ, чиновникомъ Комиссіи постройки Храма Спасителя.

Въ теченіи этой же зимы пріѣхалъ въ Петербургъ ген. Граббе съ полк. Норденстамомъ. Онъ привезъ свой планъ военныхъ дѣйствій на 1842 годъ и хлопоталъ, чтобы ему исключительно предоставлены были всѣ распоряженія не только подчиненными ему войсками Кавказской линіи и Черноморіи, но также и отрядами въ сѣверномъ Дагестанѣ и на Черноморской береговой линіи, съ устраненіемъ всякаго вмѣшательства въ военныя дѣйствія Корпусного командира ген. Головина. Положеніе дѣлъ на Кавказѣ приняло съ 1840 года весьма невыгодный для насъ оборотъ: власть Шамиля значительно распространилась; на его сторону передались не только вся Чечня, но и тѣ части Дагестана, которыя давно считались покорными. Не смотря на крупныя подкрѣпленія, данныя нашимъ силамъ на Кавказѣ, военныя дѣйствія, предпринятыя въ 1841 году, не поправили дѣлъ; напротивъ того, еще болѣе разстроили наше положеніе. Личное присутствіе ген. Головина въ отрядахъ, собранныхъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Шамиля со стороны лѣваго фланга линіи и сѣвернаго Дагестана, обострило давнишній антагонизмъ между нимъ и ген. Граббе. Послѣдній тяготился зависимостію отъ Корпусного Командира и домогался самостоятельной роли. Эта рознь и неудовольствія между двумя главными начальствующими лицами разумѣется много вредили успѣху нашихъ дѣйствій и облегчали предпріятія Шамиля, который, не довольствуясь отторженіемъ изъ подъ Русской власти горскихъ племенъ одного за другимъ, наносилъ намъ удары давно уже небывалыми дерзкими набѣгами въ большихъ силахъ на наши линіи до Моздока, Кизляра и Военно-Грузинской дороги. Ген. Головинъ обвинялъ въ этихъ неудачахъ ген. Граббе, который въ 1841 году въ самое горячее время военныхъ дѣйствій, вдругъ распустилъ Чеченскій отрядъ, даже не предваривъ о томъ Корпусного Командира, и оставался цѣлый мѣсяцъ въ полномъ бездѣйствіи. Въ декабрѣ 1841 года ген. Головинъ представилъ Военному Министру свой проектъ дѣйствій на 1842 годъ. Планъ его въ сущности заключался, какъ и въ предшествовавшіе годы, въ совмѣстномъ дѣйствіи двухъ сильныхъ отрядовъ: одного Дагестанскаго, подъ личнымъ начальствомъ его, Корпусного Командира, и другого, Чеченскаго, подъ начальствомъ ген. Граббе; предполагалось, что оба эти отряда будутъ содѣйствовать другъ другу наступательнымъ движеніемъ къ Андійскому Койсу съ противоположныхъ сторонъ, для упроченія нашего положенія въ долинѣ этой рѣки. Но ген. Граббе, пріѣхавъ лично въ Петербургъ, добился того, что утвержденъ былъ

его планъ; Корпусный Командиръ устраненъ отъ личнаго командованія; на него возложены лишь распоряженія хозяйственныя, для доставленія генералу Граббе всѣхъ матеріальныхъ средствъ, какія онъ признаетъ нужными для успѣшнаго веденія военныхъ дѣйствій на всемъ протяженіи отъ Каспійскаго моря до Чернаго. Генералъ Граббе 1842.
уѣхалъ изъ Петербурга въ полномъ торжествѣ; но явно обнаружившіяся несогласія между двумя главными начальствующими на Кавказѣ лицами, также какъ и рядъ испытанныхъ нами въ послѣдніе годы неудачъ, озабочивали Государя. Рѣшено было, что въ теченіи предстоявшаго лѣта самъ Военный Министръ кн. Чернышевъ отправится на Кавказъ, чтобы изслѣдовать на мѣстѣ истинное положеніе дѣлъ и представить на Высочайшее рѣшеніе соображенія о необходимыхъ мѣропріятіяхъ.

Во время пребыванія въ Петербургѣ ген. Граббе и полк. Норденстама я конечно видѣлся съ ними не разъ. Оба они выказывали мнѣ по прежнему любезное вниманіе и снова заманивали меня къ себѣ на Кавказъ. Какъ ни печально было тогдашнее положеніе дѣлъ на Кавказѣ, мнѣ всетаки улыбалась мысль объ избавленіи отъ невыносимой для меня Петербургской жизни. Но было бы безразсудно и опрометчиво мѣнять службу, не имѣя въ виду никакого опредѣленнаго, прочнаго положенія на новомъ пути. Да и самъ ген. Граббе, также какъ и полк. Норденстамъ, не иначе разумѣли мой переходъ на Кавказъ, какъ на штатное мѣсто оберъ-квартирмейстера войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, то есть на мѣсто самого полк. Норденстама, для котораго ожидалась вакансія начальника штаба тѣхъ же войскъ. Такимъ образомъ переговоры со мною и не могли вести къ какому либо непосредственному практическому результату; дѣло шло только о предвидимомъ случаѣ; но объясненія эти снова пробудили во мнѣ прежнія, почти уже заглохшія мечты.

Съ наступленіемъ лѣта прервалось на нѣкоторое время монотонное теченіе моей жизни въ Петербургѣ. Начались обычные разъѣзды офицеровъ генеральнаго штаба на рекогносцировки предъ лагернымъ сборомъ; затѣмъ съ первыхъ чиселъ іюня весь штабъ нашъ переселился въ Красное село. Въ продолженіи лагернаго сбора я жилъ въ Красномъ селѣ съ Ѳ. И. Горемыкинымъ и исполнялъ обязанности дивизіоннаго квартирмейстера 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Лагерныя занятія шли обычнымъ порядкомъ. Во время большихъ маневровъ, простиравшихся до Ямбурга, я состоялъ за старшаго офицера генеральнаго штаба въ отрядѣ ген.-лейт. Арбузова и мнѣ уда-

лось заслужить похвалы начальства. Извѣстно какое значеніе имѣли большіе маневры въ тѣ времена, когда самъ Императоръ Николай лично принималъ въ нихъ живое участіе.

Въ продолженіи этого лѣта сестра съ мужемъ ѣздила въ Москву и прожила около 6 недѣль (съ 22 іюня по 1-е августа) съ отцомъ на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ. Присутствіе Авдулиныхъ разумѣется доставило старику большое удовольствіе. Хотя онъ и жаловался на разстроенное здоровье, однакожъ ѣздилъ верхомъ съ дочерью, стараясь всячески доставлять ей развлеченія.

По окончаніи лагернаго сбора и возвращеніи на зимнія квартиры, снова предстала предо мною печальная перспектива Петербургской жизни въ теченіи долгой осени и зимы. Не имѣя въ виду ничего положительнаго для матеріальнаго обезпеченія своего существованія, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ рѣшенія вопроса о перемѣнѣ служебнаго моего положенія. Но ожиданія эти могли сдѣлаться совсѣмъ напрасными, вслѣдствіе случившихся на Кавказѣ неожиданныхъ перемѣнъ.

Въ теченіи лѣта 1842 года дѣла въ томъ краѣ нисколько не улучшились; напротивъ того, дѣйствія генерала Граббе были цѣлымъ рядомъ новыхъ неудачъ. Въ началѣ онъ медлилъ открытіемъ военныхъ дѣйствій и далъ возможность Шамилю опрокинуться всѣми силами на южный Дагестанъ; затѣмъ въ первыхъ числахъ іюня Чеченскій отрядъ двинулся было къ Дарго по долинѣ Аксая, но встрѣтилъ такой отпоръ со стороны Чеченцевъ, что, не достигнувъ цѣли, вынужденъ былъ отступить съ большою потерею и вернулся къ Герзель-аулу въ то самое время, когда пріѣхалъ туда Военный Министръ. Такимъ образомъ кн. Чернышевъ имѣлъ случай увидѣть собственными глазами въ какомъ разстройствѣ и упадкѣ духа отрядъ возвратился изъ 5-дневнаго похода. Послѣ этой неудачи ген. Граббе перенесъ свои дѣйствія въ Дагестанъ и съ отрядомъ, собраннымъ въ Аваріи, спустился къ Ихали на Андійскомъ Койсу; но и здѣсь постигла его неудача. Предоставленныя въ его распоряженіе грозныя силы обращены были на все остальное время къ постройкѣ укрѣпленій. Между тѣмъ и на правомъ флангѣ дѣла приняли также неблагопріятный оборотъ: мирныя племена, обитавшія между Кубанью и Лабою, возбужденныя эмиссарами Шамиля, покинули свои жилища и присоединились къ враждебному намъ Закубанскому населенію. Такое печальное положеніе дѣлъ не могло не произвести весьма невыгоднаго впечатлѣнія на кн: Чернышева, который разумѣется пред-

ставилъ Императору Николаю отчетъ о своемъ посѣщеніи Кавказа въ черныхъ краскахъ. Результатомъ его поѣздки было удаленіе отъ должностей какъ ген. Граббе, такъ и ген. Головина. На ихъ мѣста назначены: Корпуснымъ Командиромъ—ген. ад. Нейдгартъ, командиръ 6-го корпуса, а Командующимъ войсками Кавказской линіи и Черноморіи—ген. лейт. Гурко, начальникъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Первый принадлежалъ въ свое время къ числу самыхъ дѣльныхъ и способныхъ офицеровъ генеральнаго штаба; долгое время былъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, а затѣмъ командиромъ названнаго армейскаго корпуса; считался генераломъ ученымъ и опытнымъ. Ген. Гурко (Владиміръ Осиповичъ) также пользовался репутаціею умнаго и дѣльнаго генерала. На нихъ обоихъ возлагались большія надежды.

Неожиданная эта перемѣна начальства на Кавказѣ могла разрушить всѣ мои планы. Но ген. Гурко, предъ отъѣздомъ на Кавказъ, въ сентябрѣ, узналъ отъ Ивана Ѳедоровича Веймарна о составленной мною въ 1840 году, по возвращеніи съ Кавказа, запискѣ относительно образа дѣйствій въ томъ краѣ и пожелалъ прочесть ее. Потомъ, возвращая И. Ѳ. Веймарну мою записку, ген. Гурко писалъ ему: «Я прочелъ съ особеннымъ удовольствіемъ обозрѣніе нынѣшняго положенія дѣлъ на Кавказѣ [1]); оно познакомило меня съ оными и удвоило во мнѣ желаніе служить съ г. Милютинымъ. Онъ конечно былъ бы на Кавказѣ несравненно полезнѣе, чѣмъ на вашихъ парадахъ, и жаль, что способности его и молодые его лѣта потеряны для настоящей службы; но я надѣюсь, что ген. Траскинъ (начальникъ штаба войскъ Кавказской линіи) скоро оставитъ тотъ край и, что при назначеніи полк. Норденстама начальникомъ штаба, откроется мѣсто для г. Милютина».

При личномъ со мною свиданіи, ген. Гурко также наговорилъ много лестныхъ любезностей и заручился моимъ согласіемъ на занятіе мѣста оберъ-квартирмейстера, въ случаѣ открытія вакансіи на эту должность. Получивъ такимъ образомъ отъ новаго Кавказскаго начальства положительное подтвержденіе прежнихъ обѣщаній, я могъ спокойно оставаться въ выжидательномъ положеніи и кое-какъ дотянуть свое жалкое существованіе въ Петербургѣ до желанной перемѣны службы.

[1]) Это выраженіе не совсѣмъ вѣрно: положеніе дѣлъ на Кавказѣ значительно измѣнилось послѣ написанной мною въ 1840 г. записки; но въ ней почти предсказывалось то, что случилось въ 1841 и 1842 годахъ.

Между тѣмъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, мы съ братомъ Николаемъ должны были опять перемѣнить квартиру и поселились въ громадномъ домѣ бар. Фредрихса на Владимірской. Новое наше помѣщеніе было гораздо удобнѣе и опрятнѣе всѣхъ прежнихъ; но разумѣется потребовалось и нѣкоторое повышеніе платы. Какъ ни трудно было намъ изворачиваться съ нашими скудными финансами, однакоже удавалось избѣгнуть долговъ.

Въ томъ же сентябрѣ, ко времени открытія курса въ учебныхъ заведеніяхъ, отецъ мой переѣхалъ съ дачи въ Москву, чтобы опредѣлить въ гимназію самаго младшаго изъ моихъ братьевъ Бориса. Онъ принятъ былъ прямо въ 3-й классъ. Въ то же время братъ Владиміръ перешелъ въ 7-й (послѣдній) классъ и сталъ первымъ ученикомъ, получивъ на экзаменѣ полные баллы изъ всѣхъ предметовъ. Въ это время пріѣхалъ въ Москву министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ; усердно посѣщая учебныя заведенія, онъ присутствовалъ на экзаменахъ въ гимназіи и обласкалъ брата Владиміра. Также прибылъ въ Москву и гр. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, послѣ объѣзда сѣверо-восточныхъ губерній; въ родственномъ кружкѣ нашли его на этотъ разъ любезнымъ и благодушнымъ.

Наступившая зима была для меня также несносна, какъ и предшествовавшая. Я проводилъ ее въ томъ же кругу знакомыхъ и въ томъ же угрюмомъ настроеніи. Возобновились разумѣется и посѣщенія мои генеральши Понсэ, которая по прежнему принимала меня любезно и радушно. Вопреки собственнымъ своимъ разсудительнымъ намѣреніямъ, я все больше поддавался непреодолимому влеченію. Каждая среда, въ которую принуждалъ я себя пропустить вечеръ въ Галерной, стоила мнѣ чувствительнаго пожертвованія, и во всю слѣдовавшую затѣмъ недѣлю я ждалъ съ нетерпѣніемъ новой среды.

Въ служебной моей обстановкѣ произошла довольно важная перемѣна. Начальникъ Штаба Гвардейскаго Корпуса ген.-ад. Веймарнъ (Петръ Ѳедоровичъ) получилъ новое назначеніе Дежурнымъ генераломъ на мѣсто ген. Клейнмихеля, назначеннаго Главноуправляющимъ Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій; мѣсто же Начальника Штаба Гвардейскаго Корпуса занялъ Иванъ Ѳедоровичъ Веймарнъ. Перемѣна эта должна была отозваться и на нашемъ Гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, хотя непосредственнымъ начальникомъ нашимъ оставался тотъ же добродушный баронъ Ливенъ. И дѣйствительно, въ эту зиму дѣятельность нашего гвардейскаго генеральнаго штаба нѣсколько оживилась: многіе изъ офицеровъ были

привлечены къ серьезной работѣ—составленію Воинскаго Устава Полевой службы. На мою долю досталась довольно значительная часть этой работы. Составленный проектъ Устава былъ представленъ начальству въ началѣ 1843 года; но разсмотрѣніе его въ разныхъ инстанціяхъ и комиссіяхъ затянулось на долгое время. Другая работа, лично на меня возложенная, по иниціативѣ ген. Веймарна, заключалась въ составленіи «Руководства для дѣйствія пѣхоты при оборонѣ и атакѣ лѣсовъ, строеній, деревень, овраговъ и другихъ мѣстныхъ предметовъ». При составленіи этого руководства положено было ограничить теоретическую часть самымъ сжатымъ изложеніемъ, въ видѣ Уставныхъ статей; но за то разъяснить правила наглядными примѣрами на планахъ. Исполненная мною работа эта удостоилась Высочайшаго одобренія 20 марта 1843 года, и въ томъ же году отпечатана на казенный счетъ, въ форматѣ продолговатаго in 4°, съ 7 планами.

И въ эту зиму отецъ провелъ въ Петербургѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ: отъ начала декабря до половины февраля (1843 г.). Дѣло 1843.
его съ Евдокимовымъ все еще тянулось въ Сенатѣ; за невозможностію прямого рѣшенія въ пользу Евдокимова, сенатскіе дѣльцы пріискивали предлогъ для возвращенія дѣла въ низшія инстанціи, подъ видомъ пополненія справокъ. Такъ было и на этотъ разъ: въ февралѣ 1843 года рѣшено Сенатомъ возвратить дѣло въ Тульскую Гражданскую Палату, что было новою проволочкою на нѣсколько лѣтъ. Отецъ мой долженъ былъ снова обратиться въ Комиссію прошеній.

Въ исходѣ марта наконецъ осуществились долгія мои ожиданія: я получилъ письмо отъ полк. Норденстама (отъ 9 марта), который извѣщалъ меня, что, въ виду предстоявшаго назначенія ген. Траскина Ставропольскимъ Губернаторомъ (на мѣсто ген. Сотникова, перемѣщаемаго въ Тифлисъ), ген. Гурко намѣревается войти съ представленіемъ о назначеніи его, Норденстама, на мѣсто начальника Штаба, а меня—оберъ-квартирмейстеромъ войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, на что и спрашиваетъ моего согласія. При этомъ ген. Гурко, собственною иниціативою, предполагалъ ходатайствовать объ оставленіи меня въ спискахъ гвардейскаго генеральнаго штаба, дабы не лишить меня права на производство въ полковники наравнѣ съ моими товарищами. Разумѣется я отвѣчалъ немедленно же (письмомъ отъ 25 марта): подтвердивъ данное уже предварительно согласіе, выразилъ я благодарность за оказываемое мнѣ довѣріе. Ген. Гурко очень торопился привести въ исполненіе предположенныя назначенія, же-

лая, чтобы я скорѣе прибылъ къ новой должности, до выѣзда его изъ Ставрополя въ дѣйствующій отрядъ, въ которомъ предполагалъ онъ поручить мнѣ завѣдываніе отряднымъ Штабомъ. Полагаю даже, что представленіе его обо мнѣ пошло ранѣе полученія моего отвѣта, такъ какъ испрашиваемыя назначенія Норденстама и меня были уже внесены въ Высочайшій приказъ на Пасху, 11-го апрѣля. При представленіи моемъ генералъ-квартирмейстеру ген. Шуберту и потомъ Военному Министру кн. Чернышеву, и тотъ, и другой заявили мнѣ, что я долженъ отправиться къ мѣсту новаго назначенія неотлагательно. Что касается до сохраненія за мною права на производство въ полковники по гвардейскому генеральному штабу, то Высочайшее соизволеніе на это ходатайство послѣдовало только 17 мая.

Такимъ образомъ крутой поворотъ въ моемъ служебномъ положеніи осуществился чрезвычайно быстро. Мнѣ пришлось поспѣшно снаряжаться въ дальній путь и устраивать свои хозяйственныя дѣла въ теченіи нѣсколькихъ дней. Извѣстіе о рѣшеніи моей судьбы конечно было не совсѣмъ пріятно моему отцу; но онъ уже примирился съ мыслью объ ожидаемой мною перемѣнѣ службы; онъ долженъ былъ наконецъ признать, что рано или поздно необходимо было мнѣ стать въ болѣе самостоятельное служебное положеніе. Хотя мѣсту оберъ-квартирмейстера было присвоено весьма скромное содержаніе (всего 1200 руб. сер. при чинѣ подполковника), однакожъ оно всетаки давало насущныя средства жизни и избавляло отъ тяжелой заботы искать заработковъ на сторонѣ, внѣ службы. При всемъ томъ, отцу моему тяжело было на старости лѣтъ разлучаться со мною быть можетъ на нѣсколько лѣтъ. Въ то время Кавказъ представлялся далекою, малоизвѣстною, дикою страною, гдѣ на каждомъ шагу угрожаютъ опасность и смерть. И для меня самого переселеніе въ дальній край, хотя и было давно моимъ желаніемъ, всетаки сопряжено было съ нѣкоторыми пожертвованіями. Мнѣ жаль было удаляться отъ старика—отца, разлучаться съ братомъ—другомъ; но долженъ признаться, было еще нѣчто другое, что гораздо болѣе омрачало мое настроеніе: мнѣ предстояло подавить въ себѣ окончательно то сердечное влеченіе съ которымъ я боролся, которое старательно скрывалъ отъ всѣхъ и которое тѣмъ не менѣе все больше и больше укоренялось. Правда, мелькала иногда мысль о томъ, что съ перемѣною служебнаго положенія, я въ нѣкоторой мѣрѣ перестаю быть бобылемъ, не обезпеченнымъ въ насущномъ хлѣбѣ; но вслѣдъ за этою мыслью являлась другая: можно ли счи-

тать тѣ скромныя средства, которыя сулило мнѣ новое служебное положеніе, достаточными для существованія семьи? Да къ тому же, не будетъ ли съ моей стороны самонадѣянностію предполагать, что молодая, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушка рѣшилась бы охотно обречь себя на неприглядную жизнь въ отдаленной глуши, вдали отъ всего ей близкаго и привычнаго? Предположеніе такого съ ея стороны пожертвованія—не есть ли неосуществимая иллюзія эгоиста?

Нужно ли говорить, съ какими чувствами и размышленіями ѣхалъ я 19-го апрѣля въ Галерную, чтобы проститься съ милою семьею, принимавшею меня всегда такъ любезно и радушно? Это былъ день рожденія Наталіи Михайловны, и на вечеръ собралось многочисленное общество. Собраніе было оживленное, но для меня крайне тяжелое; я не могъ преодолѣть гнетущее меня чувство грусти и былъ совсѣмъ не въ духѣ, вѣроятно даже очень нелюбезнымъ гостемъ. Мнѣ казалось, что и молодая хозяйка, которой праздновался день рожденія, была также не совсѣмъ въ веселомъ настроеніи духа: на лицѣ ея выражалась озабоченность; какъ-то разсѣянно разливала она чай за круглымъ столомъ въ столовой, и отрывисто отвѣчала сидѣвшимъ около нея нарядным дамамъ. Послѣ чая, когда всѣ гости оставили столовую и снова перебрались въ гостинную, сама судьба такъ распорядилась, что я остался съ любимою дѣвицею вдвоемъ въ столовой, безъ свидѣтелей, и тутъ, совсѣмъ неожиданно, произошло между нами сердечное объясненіе... Какое чудное мгновеніе—первое взаимное признаніе въ любви. Какое неизъяснимое чувство испыталъ я, когда она съ одушевленіемъ и твердостію объявила, что готова за мною послѣдовать куда бы ни бросила меня судьба и при какой бы ни было обстановкѣ!... Нѣсколько минутъ объясненія совершенно перевернули все мое существо; мысли мои помутились; не сонъ ли это?.. Нѣтъ, это счастье на яву, счастье, какого я не смѣлъ надѣяться... Нужно ли говорить въ какомъ волненіи вышли мы изъ столовой въ гостинную, и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали, чтобы гости разъѣхались. Разумѣется я остался послѣднимъ, и счастливый этотъ вечеръ завершился изъявленіемъ вполнѣ сочувственнымъ согласія со стороны матери моей суженой.

Итакъ въ судьбѣ моей вдругъ совершился неожиданный переломъ. Я уже смотрѣлъ на жизнь совсѣмъ иными глазами, чѣмъ прежде; будущее приняло для меня совершенно новый смыслъ. Это было самое радикальное исцѣленіе отъ моей хандры. Первымъ дѣ-

ломъ моимъ въ тотъ же вечеръ было извѣстить отца и просить его благословенія. Братъ Николай, возвратившись домой поздно вечеромъ, былъ конечно изумленъ сообщеннымъ ему неожиданнымъ извѣстіемъ и принялъ самое сердечное участіе въ моей радости. На другой же день онъ поѣхалъ познакомиться съ моею невѣстою и ея матерью. Тоже сдѣлали сестра и ея мужъ. Отъ отца получилъ я трогательный отвѣтъ (отъ 24 апрѣля), въ которомъ вылилась вся его отцовская любовь: «Благословляю тебя отъ всей полноты чувствъ и желаю тебѣ такой же семейной жизни и такого же счастья, какія я имѣлъ отъ покойнаго моего друга. Нынѣ день ея имянинъ и я сейчасъ ѣду на могилу ея просить тебѣ и ея благословенія»... Вслѣдъ за тѣмъ, письмомъ отъ 26 апрѣля онъ извѣстилъ меня о своемъ намѣреніи пріѣхать въ Петербургъ къ свадьбѣ и приложилъ любезныя письма къ моей невѣстѣ и къ ея матери. Также получилъ я сочувственныя поздравительныя письма отъ нѣкоторыхъ родственниковъ. Только гр. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ видимо не сочувствовалъ моей женитьбѣ и даже высказалъ брату моему, что я поступаю необдуманно, рѣшаясь жениться безъ обезпеченнаго состоянія. Такая точка зрѣнія съ его стороны нисколько меня не удивила; но обстоятельство это произвело охлажденіе во взаимныхъ отношеніяхъ между мною и дядею.

По случаю неожиданной моей женитьбы разумѣется возникала необходимость отложить мой отъѣздъ на Кавказъ. Такъ какъ начальство очень торопило меня, то я долженъ былъ обратиться къ генералъ-квартирмейстеру съ просьбою о разрѣшеніи мнѣ отсрочки, и въ то же время извѣстилъ объ этомъ ген. Гурко и полк. Норденстама (письмами отъ 21 апрѣля). Ген. Шубертъ, не смотря на свои дружескія отношенія къ будущей моей тещѣ и почти родственное обращеніе съ моею невѣстою съ самаго дѣтства, принялъ мою просьбу съ обычною своею суровостію и согласился дать отсрочку только на 28 дней. Какъ ни желательно было для всѣхъ ускорить свадьбу, однакожъ данный мнѣ срокъ казался слишкомъ короткимъ для всѣхъ обычныхъ приготовленій тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ приходилось снарядить невѣсту въ дальній путь и на житье въ отдаленномъ захолустьѣ. Также и на мою долю предстояло не мало хлопотъ: сдѣланныя прежде распоряженія для переселенія моего, какъ холостяка, становились теперь совершенно недостаточными для женатаго. По невозможности достать что либо на мѣстѣ, необходимо было запастись всѣми предметами домашняго обзаведенія въ Петер-

бургѣ или Москвѣ. На это конечно требовалось и время, и значительныя денежныя средства. Въ томъ и другомъ отношеніи отецъ оказалъ мнѣ большую помощь, предложивъ заготовить часть необходимыхъ мнѣ предметовъ въ Москвѣ, удѣливъ изъ накопившагося у него въ домѣ имущества. Эта помощь его, съ добавленіемъ полученнаго отъ казны пособія [1]), дала мнѣ возможность покрыть чрезвычайные расходы переселенія.

8-го мая отецъ пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно же поѣхалъ знакомиться съ моею невѣстою и будущею моею тещею. Онъ отнесся къ нимъ съ сердечною добротою и въ короткое время полюбилъ мою невѣсту, какъ родную дочь. Какъ ни торопились мы приготовленіями къ свадьбѣ, оказалось возможнымъ совершить ее не прежде 23 мая; поэтому я долженъ былъ вторично просить ген. Шуберта о продленіи данной мнѣ отсрочки еще на недѣлю. Чѣмъ ближе подходилъ назначенный день, тѣмъ болѣе усиливалось мое нетерпѣніе. Вѣнчаніе было назначено вечеромъ 23-го числа въ церкви баталіона кантонистовъ (на Мойкѣ, у Поцѣлуева моста [2]). Посаженными отцомъ и матерью были: у меня—отецъ мой и сестра, у невѣсты—ген. Шубертъ и ея мать. Приглашенныхъ на свадьбу было немного, особенно съ моей стороны [3]); даже дядю гр. Павла Дмитріевича Киселева счелъ я излишнимъ пригласить. Обрядъ совершился не безъ приключенія: среди самаго вѣнчанія случился со мною обморокъ (вѣроятно отъ бывшей въ тотъ день необыкновенной жары). Подобные обмороки случались со мною нерѣдко, особенно въ дѣтствѣ и юности; они проходили обыкновенно очень скоро и безъ всякихъ послѣдствій; но подобный случай во время торжественной обстановки, когда глаза всѣхъ присутствующихъ направлены на жениха и невѣсту, минутный перерывъ богослуженія произвелъ нѣкоторый переполохъ; особенно испугалъ сестру мою, наклонную къ суевѣрію и предразсудкамъ. Однакожъ я пришелъ въ себя очень скоро и церемонія закончилась вполнѣ благополучно. Послѣ православнаго вѣнчанія въ церкви, новобрачные и всѣ присутствовавшіе собрались въ квартирѣ моей тещи, и здѣсь совершена церемонія по реформатскому обряду. Пасторъ произнесъ по нѣмецки длинную, прочувствованную

[1]) Выдано было 2 тысячи руб. сер. заимообразно, съ разсрочкою уплаты на десять лѣтъ.

[2]) Зданіе внутри двора, гдѣ помѣщалась церковь, передано впослѣдствіи Приготовительному Пансіону Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, переименованному позже въ Николаевскій Кадетскій Корпусъ.

[3]) Кромѣ отца, брата и сестры съ мужемъ присутствовали только Н. А. Бибиковъ, Гедьфрейхъ, Горемыкинъ и Теслевъ.

рѣчь, изъ которой понялъ я немного. Послѣ подобающаго угощенія гости разъѣхались, а насъ, новобрачныхъ, посадили вдвоемъ въ карету и отвезли въ Новую Деревню на дачу Авдулиныхъ, предоставленную на два дня въ наше пользованіе.

Эти два первые дня моей счастливой жизни прошли въ утреннихъ визитахъ, родственныхъ обѣдахъ и въ окончательныхъ сборахъ въ дорогу. Въ числѣ визитовъ, представилъ я свою жену и дядѣ гр. Павлу Дмитріевичу Киселеву. Отецъ на другой же день свадьбы нашей уѣхалъ въ Москву, чтобы тамъ принять насъ, а 26-го числа выѣхали и мы съ женою. На пути заѣхали къ Полторацкимъ въ ихъ имѣніе (Вельможье) близъ Торжка, и провели у нихъ цѣлыя сутки. Въ Москвѣ оставались нѣсколько дней въ отцовскомъ домѣ; по утрамъ я возилъ свою жену знакомить съ многочисленнымъ родствомъ; вездѣ находили мы самый радушный пріемъ [1]). Изъ Москвы выбрали мы путь чрезъ Воронежъ, съ тѣмъ, чтобы остановиться въ Задонскѣ для свиданія съ братомъ жены, Евгеніемъ Михайловичемъ Понсэ. Въ угоду ему мы должны были заѣхать въ имѣніе генерала Муравьева (Николая Николаевича, впослѣдствіи извѣстнаго подъ названіемъ Карскаго), который былъ тогда въ опалѣ и жилъ безвыѣздно въ деревнѣ [2]) со своею семьею. Шуринъ мой желалъ познакомить насъ съ ними, полагая тѣмъ выразить свою признательность за то радушіе, съ которымъ онъ былъ принятъ въ этой семьѣ. Мы пробыли у нихъ цѣлыя сутки. Самъ хозяинъ былъ боленъ, и потому мы пользовались мало его обществомъ; однакожъ со мною онъ бесѣдовалъ довольно долго и показывалъ съ нѣкоторою гордостію свой прекрасный, оригинальный кабинетъ, представлявшій родъ музея, наполненнаго дорогимъ оружіемъ и всякими рѣдкостями. Хозяйка (рожденная Чернышева-Кругликова) и дочери ея были такъ любезны, что проведенный съ ними день былъ для насъ пріятнымъ отдыхомъ.

Путешествіе наше отъ Москвы до Ставрополя было очень медленно. Часто встрѣчались остановки то за недостаткомъ лошадей на станціяхъ, то за дурными дорогами и поломками экипажа. Тѣмъ не менѣе путешествіе это было для насъ полнымъ блаженствомъ.

Еще въ Москвѣ получилъ я письмо полк. Норденстама отъ 24-го мая: хотя поздравленія его съ женитьбою сопровождались обычными фразами пожеланій счастья, однакожъ между строками

[1]) Дяля Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ и его семья проводили лѣто въ подмосковномъ имѣніи Елизаветинѣ, гдѣ мы и посѣтили ихъ проѣздомъ изъ Москвы въ предстоявшій намъ дальній путь.

[2]) Сел. Скорняково, въ 30 верстахъ отъ Задонска.

проглядывалъ намекъ на то, что моя женитьба нѣсколько разстроила предположенія генерала Гурко, который, отправившись 22-го мая въ отрядъ на правый флангъ, долженъ былъ сформировать себѣ походный штабъ уже безъ моего участія. Полк. Норденстамъ остался въ Ставрополѣ для веденія текущихъ дѣлъ по управленію Кавказскою линіею въ отсутствіе Командующаго войсками. Въ томъ же письмѣ онъ предварялъ меня о затруднительности пріисканія для меня хорошей квартиры; но обѣщалъ найти кое-какое помѣщеніе на первое время. Подъѣзжая уже къ Ставрополю, на одной изъ послѣднихъ станцій, нашелъ я извѣщеніе его о приготовленномъ для меня временномъ пристанищѣ.

20-го іюня прибыли мы въ Ставрополь.

КАРТА

АДМИНИСТРАТИВНАГО ДѢЛЕНІЯ

КАВКАЗСКАГО КРАЯ

ВЪ 1839 г.

Масштабъ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- ЧАСТИ КРАЯ, ГДѢ ВВЕД. ГРАЖД. УПРАВЛ.
- ЧАСТИ КРАЯ, СОСТОЯЩІЯ ВЪ ГРАЖД. ВѢДОМ. НО УПРАВЛЯЕМЫЯ НА ОСОБЫХЪ ПОЛОЖЕН..
- ЧАСТИ НАСЕЛЕНІЯ, ПРИЗНАВАЕМЫЯ ПОКОРН. СОСТОЯЩІЯ ВЪ ВОЕННОМЪ ВѢДОМСТВѢ.
- ЗЕМЛИ КАЗАЧ. ВОЙСКЪ ЧЕРНОМОР. И ЛИНЕЙН.
- ГОРСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ НЕПОКОРН. и БРАНД.
- КРѢПОСТИ и УКРѢПЛЕНІЯ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

ЧЕРНОМОРСКАЯ БЕРЕГОВАЯ ЛИНІЯ

ЧЕРКЕСЫ или АДЫГЕ

ЧЕРНОМОРС. КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

ЕКАТЕРИНОДАРЪ

ТРАПЕЗОНТЪ

ПРАВЫЙ ФЛАНГЪ ЛИНІИ

ЗАКАВКАЗСКІЙ КРАЙ

ЛЕВЫЙ ФЛАНГЪ ЛИНІИ

ГРУЗІЯ

ИМЕРЕТІЯ

ГУРІЯ

САМЦХЕ

САМЦХЕ-ЗАГАРСКІЙ ПАШАЛЫКЪ

АХАЛЦЫХСКОЙ ПАШАЛЫКЪ

ПАШАЛЫКЪ

КАРСКОЙ

БАЯЗИТСКОЙ

МУШСКОЙ

ВАНСКОЙ

ЭРЗЕРУМСКОЙ ПАШАЛЫКЪ

ЭРЗЕРУМЪ

КАРСЪ

БАЯЗИТЪ

ВАНЪ

ГЕРБЕКИРЪ

АРМЕНІЯ

ЗАКАВКАЗСКІЙ КРАЙ

ЛЕВЫЙ ФЛАНГЪ ЛИНІИ

ЕКАТЕРИНОГРАДЪ

ВЛАДИКАВКАЗСКІЙ ОКР.

ВЛАДИКАВКАЗЪ

ЧЕЧНЯ

ГРОЗНАЯ

ЧЕЧЕНЦЫ

ДАГЕСТАНЪ

ДЕРБЕНТЪ

ГЕОРГІЕВСКЪ

ПЯТИГОРЪ

ЕЛИСАВЕТПОЛЬСКОЙ ГУБ.

ЕЛИСАВЕТПОЛЬ

ШАМШАДИЛЬ

ШУШИНСКІЙ ПУНКТЪ

ШУША

ЗРИВАНЬ

ЗРИВАНЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

ЛЕНКОРАНЬ

ЛЕНКОРАНЬСКІЙ УѢЗДЪ

ШИРВАНСКАЯ ПРОВ.

КАРАБАХСКАЯ ПРОВ.

ХАН. ТАЛЫШИНСКОЕ

ТАВРИСЪ

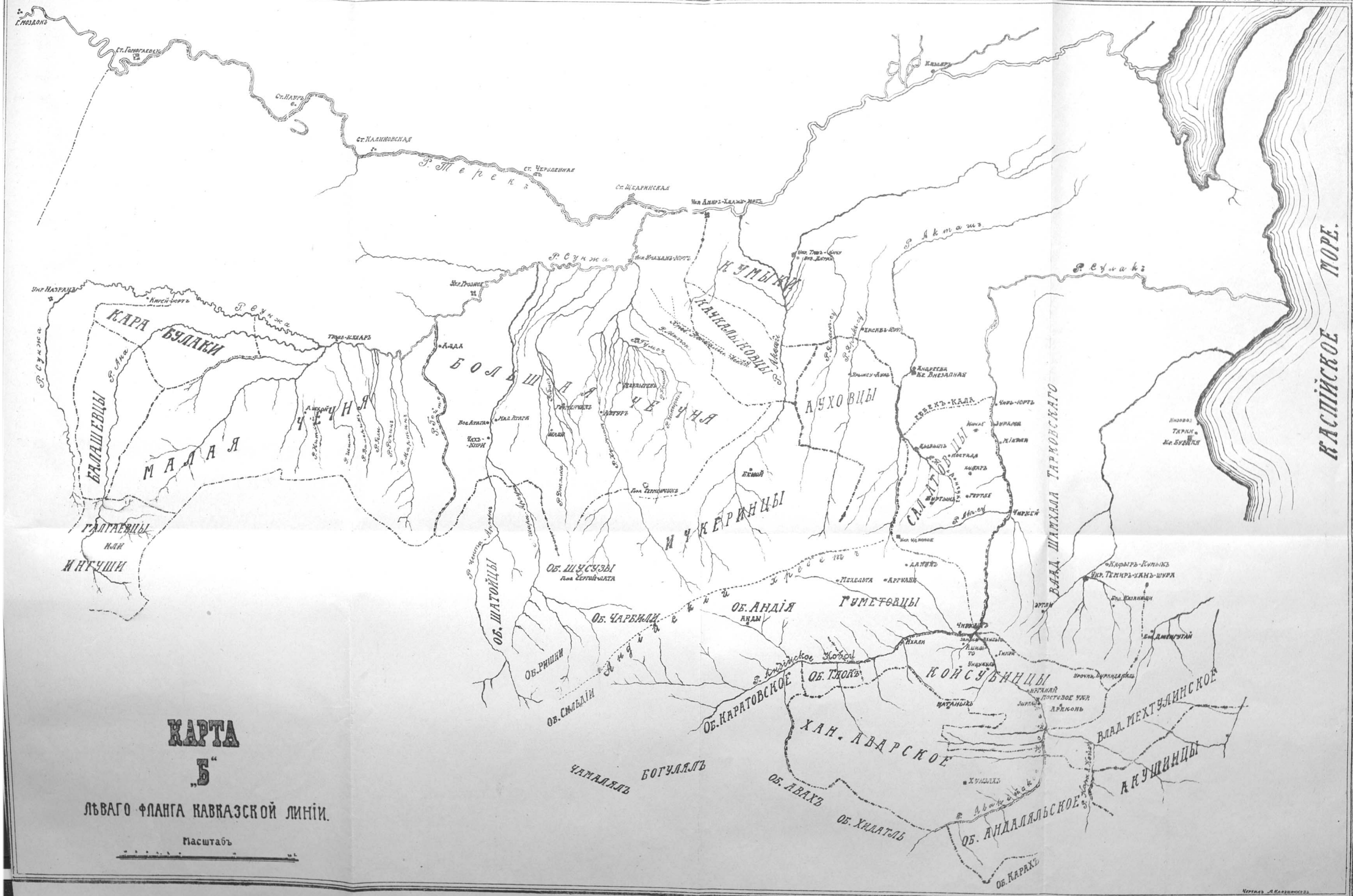
ХОЙ

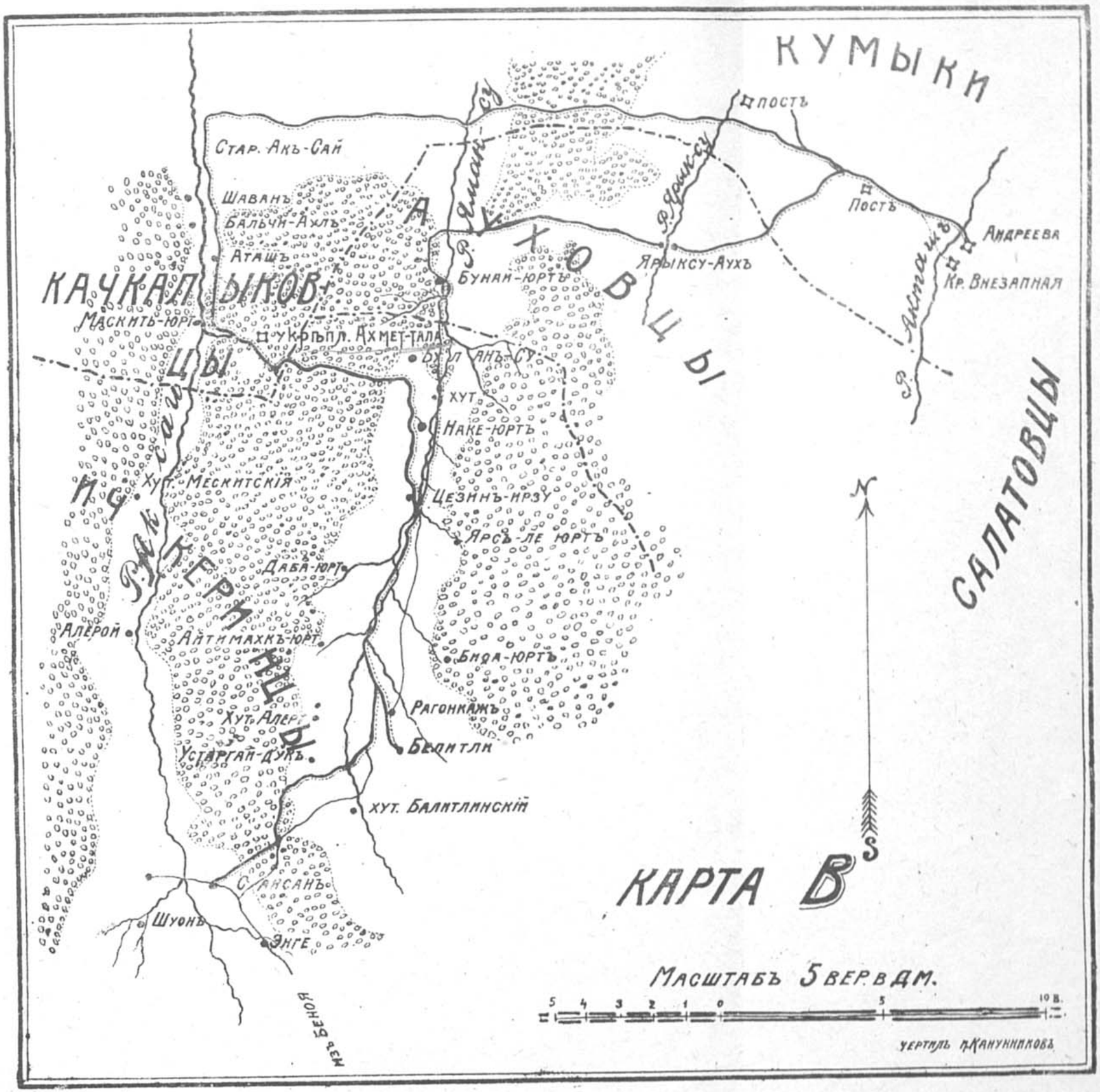
ПЕРСІЯ

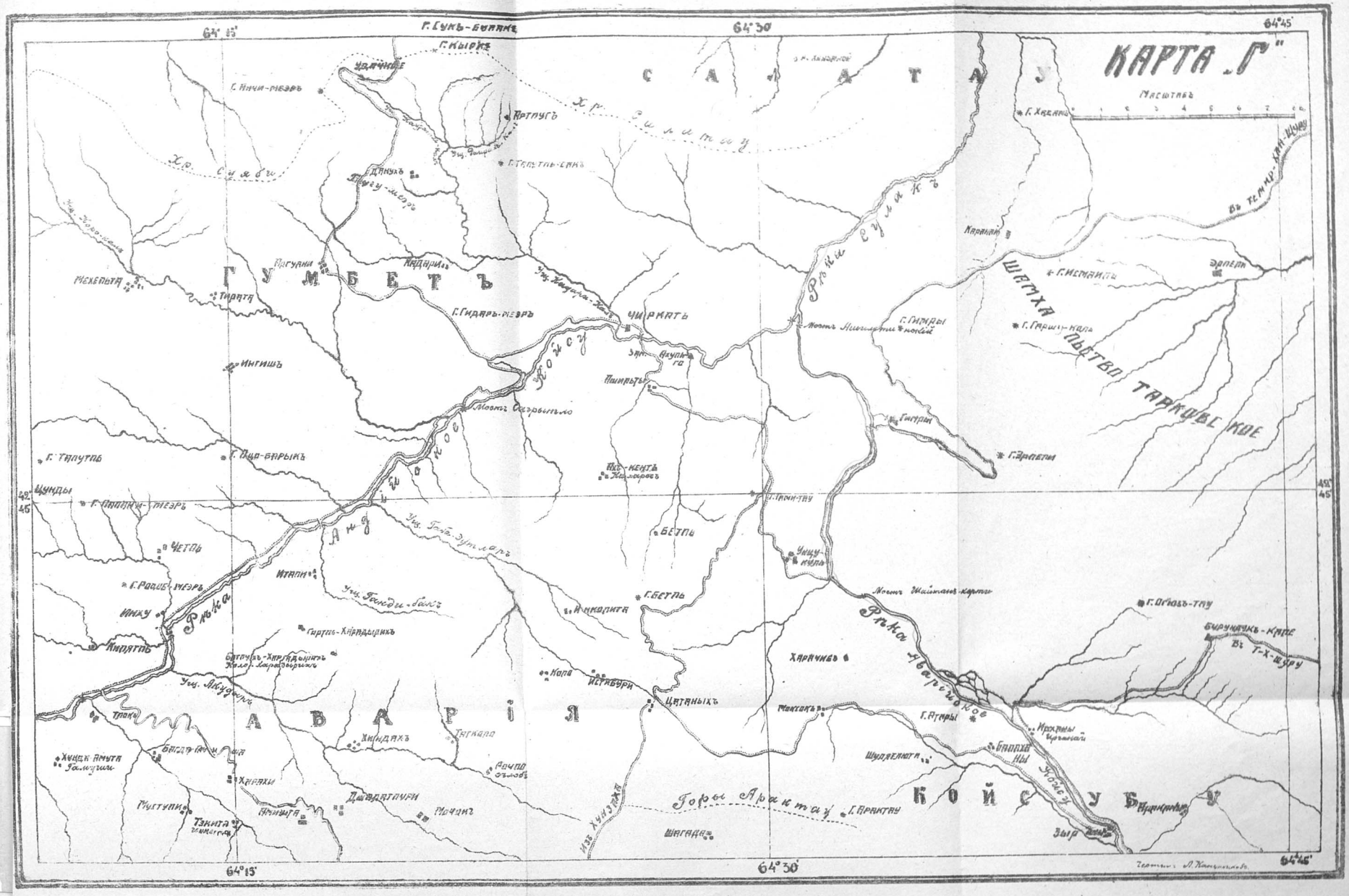
АРДЕБИЛЬ

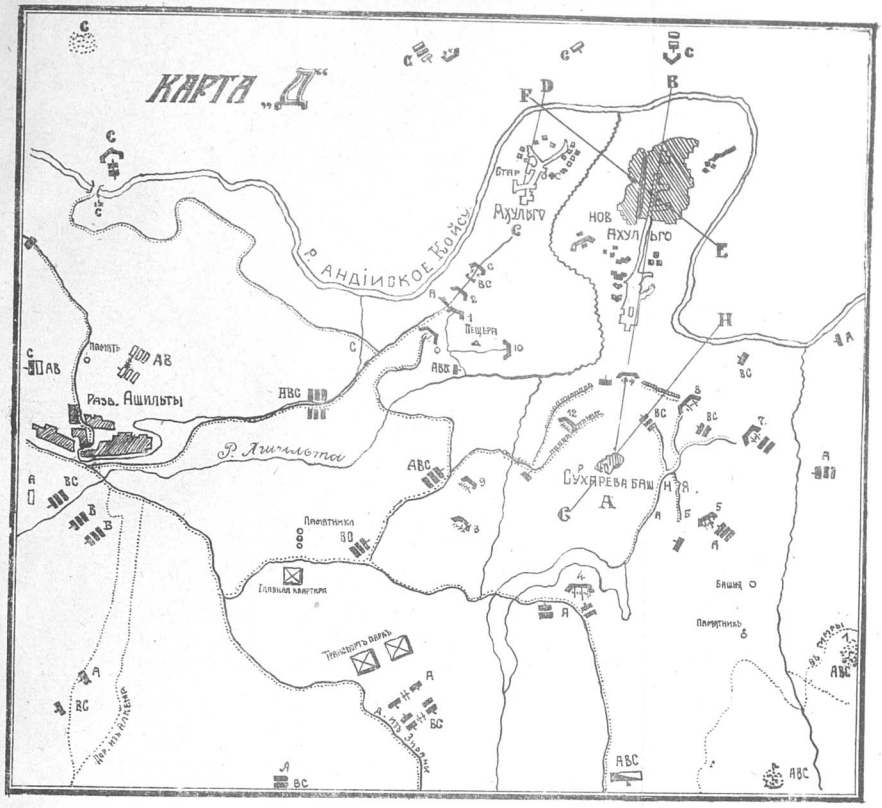
АСТРАХАНСКАЯ ГУБ.

КАСПІЙСКОЕ МОРЕ

Р. Терекъ
Р. Сунжа
Р. Акташъ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ.
ВЛАД. ШАМХАЛА ТАРКОВСКАГО
ВЛАД. МЕХТУЛИНСКОЕ
ХАН. АВАРСКОЕ
ОБ. АНДАЛАЛЬСКОЕ
ОБ. КАРАТОВСКОЕ
ОБ. ЧАРБИЛИ
ОБ. АНДІЯ
ОБ. ТЛОЛЪ
ОБ. ШАТОЙЦЫ
ОБ. ШУСУЗЫ
ОБ. РИШИН
ОБ. СМЛДІИ
ОБ. АВАХЪ
ОБ. ХИЛАТЛЬ
ОБ. КАРАХЪ
ЧАМАЛАЛЪ
БОГУЛАЛЪ
МАЛАЯ ЧЕЧНЯ
БОЛЬШАЯ ЧЕЧНЯ
КАРА БУЛАКИ
БАЛАШЕВЦЫ
ГАЛГАЕВЦЫ ИЛИ ИНГУШИ
ГУМЕТОВЦЫ
ИЧКЕРИНЦЫ
САЛТОВЦЫ
АУХОВЦЫ
КАУКАЛЫ-ЮРТОВЦЫ
КУМЫКИ
КОЙСУБИНЦЫ
АКУШИНЦЫ
Ст. Гоногаевская
Ст. Калиновская
Ст. Червленая
Ст. Щедринская
Кизляръ
Кизляръ Тарки Ин. Бурная
Кирей-юртъ
Андреева Ин. Внезапная
Ерсакъ-Юртъ
Ахкентъ
Аксай
Чирюртъ
Кафыръ-Кумыкъ
Ук. Темиръ-Хан-Шура
Ук. Назрань
Ук. Тюш-Аюки
Ук. Ахты
Ук. Ахкан-Юртъ
Ук. Ахкан-Юртъ
Ук. Тарки
Ук. Ахкан-Юртъ
Ук. Ахкан-Юртъ
Ук. Ахкан-Юртъ

КУМЫКИ
Пост
Стар. Акъ-Сай
Шаванъ
Бальчи-Ахлъ
Атащъ
КАЧКАЛЫКОВЦЫ
Маскить-Юрт
Пл. Ахмет-Тала
Бунан-Юртъ
Ярыксу-Аухъ
Пост
Андреева
Кр. Внезапная
Р. Ярык-су
Р. Ямансу
Р. Акташ-ка
ХОВЦЫ
Хут.
Наке-Юртъ
Цезинъ-Ирзу
Ярсъ-ле Юртъ
Даба-Юрт
Хут. Мескитскій
Р. Аксай
Алерой
Антимахкъ-Юрт
Бида-Юртъ
Хут. Алер
Устарган-Дукъ
Рагонкажъ
Балтлы
хут. Балтлинскій
Сансанъ
Шуонъ
Энге
Р. Беная
САЛАТОВЦЫ
КАРТА В
Масштабъ 5 вер. в дм.
5 4 3 2 1 0 5 10 В.
чертилъ А. Канунниковъ

КАРТА „Г"
Масштабъ
Г. Сукъ-Баяны
64°45'
64°30'
64°15'
С А Х А Т А У
Г У М Б Е Т Ъ
А В А Р І Я
К О Й С У Б У
Горы Арактау
Р. Сумбе
Р. Хобда
Р. Ащи-Сай
Р. Ащи-Сай-Кара
Р. Ащи-Сай-Кара-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу
Р. Ащи-Сай-Ащу

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

Осадныя работы

Полкъ Его Свѣтл. Князя Аварскаго Нуцальскаго — Батареи NN 1-13

Ея — Князя Кавказскаго — Пути сообщенія

Князья — Пути сообщенія прикрытыя траверсами

Милиція — a Спускъ на блокшахъ

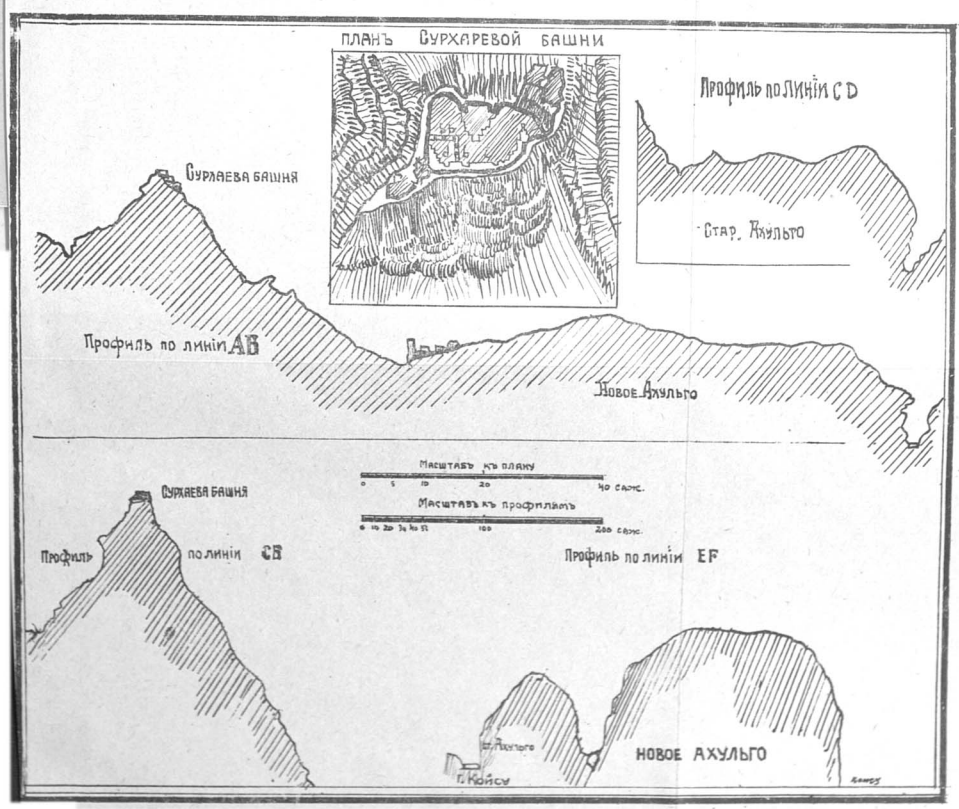
Расположеніе Всего — b Спускъ по лѣстницамъ

c Водопроводъ устр. для отвода ручья отъ Ахульго

A съ 12-го Іюня по 4-е Іюля, т.е. со взятія Сухаревой башни

B, съ 4 Іюля по 4 Августа, т.е. до занятія Аварцами р. Койсу.

C. съ 4 Авг. по 22 Авг. т.е. до Занятія Ахульго

Изъясненіе плана

a	Земляныя п-стройки съ бойницами въ видѣ ковальеровъ	CCC	Каменныя стѣны, замыкающія пространство B.g.k
b	Завалы изъ срубленнаго кольемъ на нихъ обтесанныхъ съ бойницами въ трехъ ярусахъ	i	Остатокъ Завала, крутой обрывъ
c	Спускъ въ пещеры, служащія	W	Входъ въ каменную скрытую пещеру
d	Спускъ въ пещеры этого, превосходящія	Z	Входъ
		m	Мѣсто гдѣ войска ворвались въ башню.

Профиль по линіи СН

Масштабъ 50 саж. въ дм.

0 50 100 150 саж.

